

— *Руководство считает, что только ты можешь отыскать Фарука Низара и его уничтожить. Тем самым, выполнить приказ Президента. На тебя будет работать вся агентура. Посольства обеспечат тебя деньгами, паспортами, каналами связи. Но лучше бы ты всем этим не пользовался. По непроверенным данным, Фарука видели недавно в Брюсселе. Ты летишь в Бельгию.*

— *Я не могу. Я немолод. Не хочу возвращаться к прежнему.*

Торобов слышал гул громадной воронки, в которой вращались изувеченные страны и обугленные города, регулярные армии и повстанческие отряды. Турецкая артиллерия била по сирийским горам, громя позиции курдов. Курды взрывали в Стамбуле рестораны и рынки. Растерзанная Ливия походила на тушу с окровавленными костями. Ирак дымился руинами Мосула, озарялся факелами взорванных нефтепроводов. Ливан посылал отряды Хезболлы под Алеппо, получал назад завёрнутые в саваны трупы. Русская авиация взлетала из Латакии, взрывала ИГИЛ, и отряды Джабхатан-Нусра жгли христианские храмы. Агенты спецслужб сновали по воюющим странам, проводя караваны с оружием, устраняя неудобных правителей.

— *Это приказ, полковник.*

Читайте в ближайших номерах журнала остросюжетный роман Александра Проханова “Востоковед”, действие которого захватывает с самых первых страниц и не отпускает до рокового финала, в котором происходит развязка событий, проносящих главного героя через вихри взорванного арабского мира, через истекающие кровью и дымящиеся страны Ближнего Востока — Ирак, Сирию, Иорданию, Египет, Ливан и снова Сирию...

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№6 2016

75 лет назад началась Великая Отечественная

На страшное известие народ ответил мобилизацией не только военных, но и духовных ресурсов. Уже 26 июня 1941 года в Москве зазвучала ставшая знаменитой песня “Священная война”. В её трагических строчках заключалось сакральное зерно Победы:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*

130 лет тому назад ушёл из жизни великий русский драматург Александр Николаевич Островский.

Классик отечественной и мировой драматургии — он создал уникальный театр, где самоценное слово играет, создаёт направление, движет интригу, где персонажи, казалось бы, не влияющие на действие — приковывают к себе внимание зрителя намертво. Народная основа его комедий и драм — та неизменяемая константа, которая удерживает его пьесы, насыщенные бытом XIX столетия, в репертуарах театров по сей день. Увы — не слишком часто мы видели достойные автора сценические воплощения таких пьес, как “Гроза”, “Свои люди — сочтёмся!”, “Доходное место”, “Последняя жертва”, “Волки и овцы”, “Лес”, “Бесприданница”. Не говоря уже о “Снегурочке” — творении, которому позавидовал бы Шекспир.

Вспомнить его, перечитать его пьесы — вот нынешняя задача режиссёров и артистов.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УВОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Роман СЕНЧИН
Дома. Рассказ 3
- Евгений ШИШКИН
Мужская жизнь. Повесть 16
- Сергей МИХЕНКОВ
Рокоссовский. Клинок и жезл
Роман-биография 96

Поэзия

- Анатолий ГОРБУНОВ
Я не зря на свете прожил 12
- Николай СМОЛЕНЦЕВ
Романс о далёкой Руси 93
- Олег МОШНИКОВ
Небесное колесо 141
- Ярослав ВАСИЛЬЕВ
Тают тёмные лики... 144

Очерки и публицистика

- Александр СЕВАСТЬЯНОВ
"Дивиденды" Сирии:
десять сомнений 148
- Алексей ВАСИЛЬЕВ
Терроризм 158
- Сергей КЛЮЧНИКОВ
Меч русской победы 169
- Александр СМОЛКО
Мир и война 187
- Владимир РУГА,
Андрей КОКОРЕВ
Деловая Москва: наследники 193

Мир Свиридова

- Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений 208

Р е д а к ц и я

**Приемная —
(495) 621-48-71**

**А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81**

**Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47**

**С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81**

**Отдел публицистики —
(495) 625-30-47**

**Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71**

**Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59**

**М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95**

Критика

**Юрий ПАВЛОВ
Александр Байгушев:
пожалейте голого короля 227**

**Инна РОСТОВЦЕВА
Область наивысшей красоты 236**

**Борис КУРКИН
“Месяц светит, мертвец едет”
Мистика “Бориса Годунова” 244**

**Александр РАЗУМИХИН
“Прощён и милостью
окован...” 273**

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 01.06.16. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 250-2016. Тираж 5400 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

РОМАН СЕНЧИН

ДОМА

РАССКАЗ

В отличие от староверов, таёжников, пахари селились в местах не укромных, не богатых лесом и зверем, а на просторе, чтоб было где хлеб растить, скотину нагуливать.

В таком-то месте, не слишком живописном, но удобном, — в широкой долине меж двух горных хребтов — возникло село Туранское, нынешний город Туран.

У пролетающих мимо по трассе городок этот не вызывает интереса. Так, скопление домишек, жидкие деревца. Летом — палящее солнце, зимой — чад от печей, пепельный снег... Да, интереса не возникало, а вот сожаление появлялось: как же тоскливо здесь людям живётся...

Конечно, если ничего не делать, живётся тоскливо. Самой природой место создано для труда, а не для праздности.

В последние годы Анна Семёновна Верясова всё чаще пыталась представить, что почувствовали, увидев долину, те первые пять семей, с которых в 1885 году начался их Туран — русское поселение за тогдашней границей России.

Конечно, пришли сюда не наобум: бывали в долине казаки и купцы, что-то рассказывали, наверно, тувинцы-кочевники, китайские пограничные офицеры, пойманные бутровщики — разорители древних могил, — староверы-разведчики, искавшие укромные места для переселения...

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1972 году в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации в Москве — в журнале “Наш современник”. Автор романов “Минус”, “Нубук”, “Ёлмышевы”, “Информация”, сборников рассказов “Иджим”, “День без числа”, “Абсолютное соло” и др. Живёт в Москве.

Да, пришли первые семьи, представляя, что здесь за земля, и всё же... В архивах двух ближайших городов — Кызыле и Минусинске — Анна Семёновна читала документы об основании Турана; находила кое-что в книгах по истории Тувы и юга Красноярского края, но цифры, значительные события, записанные сухим, протокольным слогом, не помогали нарисовать картину, догадаться о чувствах.

Они, те люди, не вели дневников, не писали писем. Они трудились с восхода до ночи, рожали детей, расширяли пашни, увеличивали стада коров, гурты овец. Обживали этот дикий, безлюдный клочок земли меж двух хребтов, делали его родиной для будущих поколений.

Возвращаясь из-за Саян, Анна Семёновна всегда начинала волноваться, когда машина спускалась с перевала Нолёвка. Дорога извивалась, петляла, по её обочинам торчали тонкие, кривые листовенницы. Сначала их было много, они покрывали все склоны и ущелья, но вот на секунду-другую — и разглядеть ничего не успеваешь! — сквозь стволы и ветки начинала пробиваться бесконечная, неохватная взглядом даль. Машина ныряла в очередной лог, и погружалась летом в зелёное море, зимой — в бело-серое: снег, голые деревья... Новый подъём, сердитое урчанье мотора, надсадное переключение скоростей, и машина выбирается на последнюю гору перевала, и эта необъятная даль впереди и внизу ударяет в глаза, приковывает к себе.

Водители часто останавливаются в карманах дороги, дают пассажирам полюбоваться этим не совсем земным пейзажем. Степь, но не ровная, плоская, а морщинистая, с каменистыми, похожими на курганы, холмами; может быть, это и есть курганы — дальше в степи есть Долина царей, где археологи нашли ценнейшие сокровища...

Крошечные колки во впадинах; прямая нить дороги, разрезающая долину; спички телеграфных столбов. И вдалеке — прямоугольник из дворов и домов — городок Туран.

Но главное, что заставляет смотреть и смотреть, — воздух. Он всегда там, внизу, будто дрожит, шевелится. И в мороз, и в зной. И держится таинственное, скрывающее пространство беловатое марево...

Анна Семёновна всё старается представить, какими глазами смотрели на эту долину первые переселенцы, что думали, стоя здесь, на перевале. Были ли уверены, что обретут долгожданную свободу — свободу быть вольными хозяевами, или содрогались от страха вероятной гибели на чужой, нероссийской земле?

Долгие недели со скудными пожитками, инструментом, сохами двигались они сюда из переполненной Минусинской котловины, миновали занятые, поделенные до них равнины вокруг Каратузской станицы, удобницы вдоль реки Ус, преодолевали бешеные горные реки, карабкались по вьючным тропам на крутяки и осторожно спускались в тёмные ущелья. И вот добрались. И осели здесь. Приволокли из тайги брёвна и срубили избы, огородили дворы крепкими, надёжными, как частокол, заплотами. Так возникла деревенька, которую по названию протекавшей рядом речки Турану называли Туранской.

Следом покатались новые волны переселенцев. Строились новые дома. Появилась церковь, и деревенька превратилась в село. Открылась школа, приехал врач.

Когда свободной земли вокруг Турана не стало, в десяти километрах от него возникло второе русское поселение в этих краях — Уюк.

Население Турана и Уюка умножалось чуть ли не ежегодно — безземельные крестьяне, гонимые староверы, разные бесприютные люди выплывались тогда из России щедро. Перебравшись через Саяны, подкупив местных тувинских князьков-нойонов, они занимали пустующие десятины. Ещё до принятия под протекторат Россией Урянхая — будущей Тувы — появились Макеевка, Знаменка, Грязнуха, Бояровка, Медведевка, Фёдоровка, Даниловка, Атамановка, Верхне-Никольское, Нижне-Никольское, Березовка, Сосновка... Сразу после введения протектората в 1914 году на месте слияния Большого и Малого Енисеев был основан Белоцарск — административная столица Урянхая, — переименованный позже в Кызыл...

Теперь почти у всех этих поселений тувинские названия, да и русских там почти не осталось. В начале девяностых внуки и правнуки переселенцев покатались в обратную сторону — через Саяны на север, в нынешний Красноярский край, в Хакасию, а оттуда дальше, на запад, в основном в крупные города: Новосибирск, Томск, Екатеринбург, Петербург, Москву... Разъехались, расплылись по огромной стране, да и по миру, забывают слова, которые существуют лишь здесь, на стыке тюркского, русского и монгольского миров, обычаи, теряют связи, перерождаются. Ещё десяток-другой лет — и, вполне возможно, исчезнет понятие “русские Тувы”, как уже почти что исчезли “русские Чечни”, “русские Дагестана”, “русские Кабарды и Балкарии”. Русский мир снова скукоживается, как невыделанная шкура на печке...

* * *

Анна Семёновна Верясова родилась и почти всю жизнь, с перерывом в несколько лет, прожила в Туране.

После школы поступила на химический факультет Иркутского университета — очень хотелось заниматься сложной, настоящей наукой. На каникулы приезжала домой, томилась недели в родном скучном, одноэтажном городишке. Десять минут в любую сторону от дома — и вот она степь, колючий ковыль, горы сторожат, чтоб не сбежала.

Окончив университет, в науку не попала, почти четыре года проработала в Красноярске на каучуковом заводе, а потом уволилась и вернулась в Туран.

Здесь пригодился не диплом химика, а опыт участия в студенческой театральной студии. Анну выбрали художественным руководителем существовавшего лишь на бумаге Народного театра.

Она принялась за дело с усешкой, слабо веря, что может получиться что-то стоящее. Скорее от какой-то безысходности и обиды на судьбу согласилась.

И вдруг — да нет, не вдруг, просто, наверное, юность с её тягой к большому, далёкому, кончилась — Анне открылось, что в их забытом Богом Туране полно интересных, талантливых людей. Не только одарённых от природы актёров, но и умных зрителей. Какие обсуждения происходили! Хотя в журнале “Театр” печатай...

Во время обсуждений Анна познакомилась с Павлом Верясовым, недавно приехавшим в городок учителем географии. Павел стал её мужем, родилось трое детей...

Со спектаклями театр объездил всю республику, участвовал во многих фестивалях. Даже специалисты не верили, что играют обычные трактористы, доярки, дорожники, военком, нянечка из детского сада, а режиссёр — химик по образованию...

Анна с детства жила в несколько другом мире, чем большинство туранцев. Слегка в стороне. Она была правнучкой Григория Петровича Сапронова, минусинского купца, который в восемьдесят пятом году девятнадцатого века получил разрешение организовать на месте нынешнего Турана факторию, вокруг которой и поселились те первые крестьянские семьи.

После того как Григорий Сапронов состарился и перестал выезжать из Минусинска, управлять факторией — тогда уже двухэтажным “торговым домом” — стал дед Анны Семёновны Игнатий. Было это перед революцией.

Он, как и его брат, Дмитрий, будучи купцом, увлекался марксизмом, симпатизировал социал-демократам, а потом и большевикам. В партию, правда, Игнатий Григорьевич не вступил, в отличие от брата, и это, может быть, уберегло его от репрессий тридцатых годов. Дмитрий же, комиссар партизанского отряда, а затем партийный работник, был расстрелян и лежал теперь в братской могиле на территории Донского монастыря в Москве...

Власть во время гражданской войны менялась в Минусинске и Урянхасе многократно. Игнатий Григорьевич несколько раз был на грани смерти — переболел тифом в тюрьме, его зверски избивали и колчаковцы, и земляки-

казаки, да и красные как-то раз чуть не поставили к стенке, приняв из-за пенсне за буржуя... Он не остервенился, призывал и тех, и других не проливать кровь напрасну. Спас немало людей, например, притавшегося в Уюке колчаковского полковника Янчевецкого — будущего писателя Василия Яна, художника Григория Гуркина, алтайца, которого вихрь войны забросил в Туву.

В Туране родилась Мария, младшая дочь Игнатия Григорьевича, мама Анны. Когда её отца в тридцать пятом году выслали из Тувинской Народной Республики, независимости которой он сам сильно поспособствовал, но позже сделался неудобен, Мария осталась здесь — только-только вышла замуж за члена сельхозартели “Красный пахарь” Семёна Васильева.

Игнатий Григорьевич поселился под Москвой, мечтал вернуться в Сибирь, но не получилось — до самой смерти в начале пятидесятых находился под необъявленным, но строгим домашним арестом.

Отца Анна не помнила. Когда появилась на свет, третьим и последним ребёнком в сорок четвёртом году, Семён Васильев уже был убит где-то на западе Белоруссии... Долго его берегли местные начальники — был отличным работником, знал трактор до винтика, — но, в конце концов, он всё же добился отправки на фронт. И очень быстро пришла на него похоронка.

В родовом доме Сапроновых ещё в двадцать третьем году был организован Дом крестьянина; дед, говорили, не сопротивлялся, то ли с искренней радостью, то ли с показной переселился с семьёй в избу, где раньше жили работники... После отъезда деда с бабушкой и почти всего семейства и эту избу Сапроновы потеряли.

Но кое-какая фамильная мебель, посуда, дорогие сердцу мелочи у Марии сохранились. Одно — в качестве приданого, другое передали родители. И тесную, с низким потолком избёнку Васильевых эти вещи — абажур, фотокарточки в рамках, резной буфет, кофемолка, венский стул — делали почти городским жильём. Наверное, они, да и купеческие корни ещё в раннем возрасте повлияли на самоощущение Анны: она, вырастая, по сути, в деревне, получилась не деревенской, а городской; занимаясь крестьянским трудом, душой жила чем-то иным. И в итоге стала одной из очень немногих в их избяном, огородном Туране интеллигентной женщиной.

* * *

Чем сильнее опутывала её немощью и болезнями старость, тем чаще Анна Семёновна вспоминала детство. Чаще всего в воспоминаниях появлялись бабушка и дедушка — родители отца, Агриппина Даниловна и Максим Макарович. Может, потому что она была младшей из внучат, никогда не знала родного отца, они были с ней особенно ласковы... Мама много работала, часто и подолгу ездила по району, и лет до десяти Анна видела её урывками, успевала от неё отвыкнуть. А бабушка с дедом всегда были рядом...

Вот она, лет четырёх, не больше, лежит в кровати. Дрожит. Холод щиплет её, кусает. На дворе, наверное, страшный мороз — окна все заросли бугристым льдом. Бабушка приложила к боку большой — на полкухни! — печи одеяло. “Счас, ласточка, — приговаривает она, — счас хорошо о те будет”. Торопливо переставляя толстые, опухшие ноги, подходит с одеялом к кровати и заворачивает, как пеленает, Аню. И становится ей настолько приятно, уютно, спокойно, что она засыпает мгновенно. Как в тёплое масло ныряет...

И снова бабушка. Заваривает пахучий чай на смородиновых листьях в высокой фарфоровой чашке... Ане не нравится вкус этого чая — ей вообще пока не нравится чай, он для неё горький и вяжущий, но этот запах... Она дышит им и не может надыхаться... И ещё — дымок углей в самоваре. Настоящем самоваре, вскипятив воду в котором была целая история...

А это деда — длинный, костистый, с окладистой бородой и мохнатыми ушами. Сидит на низенькой табуретке, зашивает кривой иглой лопнувшую кожу на сапоге. Зашивает, приговаривает, будто заклиная обувь: “Ишо по-

служат... чего ж... добрые ишо... послу-ужат". Да, тогда и обувь, и одежда, и всё остальное служило долго. А теперь говорят: легче новое купить, чем с ремонтом возиться. Это относится и к сандаликам каким-нибудь, и к автомобилям...

А вот уже школа. Класс второй или третий. Что-то нашло на ребят, и они на уроке вели себя очень плохо, будто сбесились. Учительница пообещала вечером обойти родителей и всё рассказать. И как дружно ребятишки безобразничали, так дружно и струсили. И решили уйти. Далекое — в пустующий балок на полях. Поселиться там — печка есть, на ней трактористы себе кашу варили; будут зайцев ловить, ими питаться... Никто не отказался, все пошли. И поздняя осень не испугала.

По дороге собрали по карманам копейки, купили две булки хлеба.

Прошагали километров пять, устали — у каждого сумка с учебниками, — замерзли, проголодались. Съели хлеб — жажда напала; увидели, что начинает темнеть, и повернули обратно.

Ещё задолго до первых домов заметили мечущиеся по степи огни, услышали топот копыт по мёрзлой земле... К ним подскакали: "Вот вы, субчики! Все целы? А?" — "Все", — хмуро, видно, поняв, что наказания не миновать не только за баловство в школе, но и за неудавшийся побег, отозвался завуча класса Кешка Килин. "Слава Богу, — выдохнул один из верховых. — По домам бы-стро!"

В начале своей улицы Аня столкнулась с мамой. В бледном свете окон неспящих изб увидела, как за мгновение несколько раз успело измениться выражение маминого лица: тревога, радостный испуг, растерянность, обида, гнев...

"Мамочка, — Аня ткнулась ей в живот, — я никогда больше... Я всегда с тобой буду".

Всегда—не всегда, но маму она не бросила. И сейчас они рядом: раз в неделю, не реже, Анна Семёновна приходит на кладбище, прибирает могилки родных, сидит на лавочке возле маминой. Читает три простых, но таких дорогих слова — "Васильева Мария Игнатьевна", — отнимает и отнимает от правой даты левую. Всё время получается всего сорок семь лет.

Уже почти на четверть века Анна Семёновна старше своей мамы, но сейчас, здесь, чувствует себя беспомощной, несмышлёной, ещё и не начавшей всерьёз жить, но и уже какой-то обессиленной девочкой.

* * *

Нет — было, было. Много было всего. И есть. Главное, дети есть, трое, пятеро внуков. И все рядом, не разбежались. И любимое дело даёт силы — Анна Семёновна директор музея.

Пришла туда — в то время филиал республиканского — простой сотрудницей. После руководства Народным театром это было очевидное добровольное понижение, но театр хирел, и ничем положение исправить не удавалось. Равнодушнее стали люди как-то моментом, попрятались за своими воротами. Ни на собрания не вытащить, ни на праздник, ни на поминки. Да и понятно — у большинства телевизор появился — великая сила. Омут. В телевизор таращась, можно всю жизнь прожить. Не прожить, а продремать, наблюдая за чужими жизнями...

Сколько раз накануне спектакля Анна Семёновна бегала по дворам, звала, уговаривала. В ответ: "Постарайся, постарайся". А зал их большого, современного Дома культуры "Колос" в итоге пустой... Анна Семёновна написала статью "Для кого играем?" в республиканскую газету — крик отчаяния, а не статью. И никакого результата. Ну, и уволилась.

В музей, конечно, тоже не ломились. Но посетители — это лишь одна сторона, а другая, может, и главная, — научная работа.

Тогда, в начале восьмидесятых, хотя и еле заметно, почти неощутимо, что-то дрогнуло в идеологическом монолите. И шло это от простых людей, в первую очередь, от стариков.

Вдруг оказалось, что не все в гражданскую войну были красными, не всех перевоспитали почти семьдесят лет советской власти. Дети и внуки зажиточных туранцев стали вспоминать с обидой, какие стада были до революции у их семей, мельницы на реке, пашни, усадьбы... Старик Глушаков вылезал на лавку у калитки в дырявой от ветхости казацкой фуражке и с георгиевским крестом на пиджаке.

Председатель сельсовета, когда увидел, глаза чуть не потерял, от гнева затопал ногами: “Дед! Ты чего это нацепил?!” И уже ринулся было срывать орден, а Глушаков выхватил из-под зада журнал и ткнул чёрным ногтем в фотографию: “Гля-ка, ваш маршал Будённый с крестами. А мне чё — нельзя?”

На фотографии Будённый в маршальском мундире держал в руках френч с наградами царских времён, а на них уважительно смотрели советские солдатики. Фотографию сопровождала статья с названием “Героическая эстафета поколений”.

Председатель отступил, произнёс бесполезную уже угрозу: “Значит, наш Будённый? Не твой, значит... Добро, запомним”.

Но ничего Глушакову не сделали — какой спрос с почти девятидесятилетнего старика?.. А вот пример его оказался заразительным: тут же и вполне ещё молодые мужики открыли, что они из казаков, принялись отращивать усы, учиться, как следует держаться в седле, джигитовать... В избах появились красные углы, пошёл шелест пожеланий неизвестно кому, что надо бы церковь поставить. “Была святого Иннокентия церква. Сожгли коммунисты”. И в слове “коммунисты” слышалась неприкрытая враждебность, будто в родне шелестящих не было коммунистов, советских активистов, а сами они в большинстве своём не состояли в молодости в комсомоле.

Приезжавшие из-за Саян сообщали, что на берегу Уса, напротив скалы Сахарная Голова, появились букеты цветов и даже венки. Все знали, что на этой скале во время гражданской войны был уничтожен отряд казаков и добровольцев, пытавшихся остановить армию красных партизан, шедших с севера в Урянхай. Красные окружили отряд; те, кто решил не сдаваться в плен, поскольку понимали, что их ждёт, прыгали в Ус и, конечно, разбивались в мелкой, каменистой реке...

Изменилось тогда, в начале восьмидесятых, отношение и к Анне Семёновне. Одни смотрели на неё волком как на внучку большевиков, другие — с почтением — как на внучку купцов, до поры до времени бывших хозяевами этих мест.

Несколько раз подходил старый тувинец Чеспей-оол, который когда-то подростком был чабаном у Игнатия Григорьевича, гонял по степи овец... Прихватывая Анну Семёновну за локоть, Чеспей сипел остатками связок: “Мы тогда-то с Игнатий Григорычи всё золот прятали. В этом пещере, там, — махал свободной рукой на горы. — Многа золот прятали. Многа было. Забрать нада. Пора стала”.

Анна отшатывалась от него, как от сумасшедшего. Лишь много позже, когда Чеспей умер, раскаялась, что не выслушала нормально. Если правда про золото, то сколько экспонатов в музее могло прибавиться! Пусть не в своём — для этого охрану нужно усилить! — но в республиканском... Хотя вряд ли дедушка что-то прятал, не такой он был человек. А с другой стороны... Ни в чём Анна Семёновна не была теперь уверена, наблюдая за знакомыми с детства земляками.

Все эти перемены в людях удивляли и пугали её, тогдашнюю молодую, но уже пожившую женщину. Ничего подобного в пятидесятые, шестидесятые, семидесятые годы не было. Или же надёжно скрывалось. Может, все эти долгие десятилетия собирались тот же Глушаков и его сверстники где-нибудь за баней и ждали, когда старая власть вернётся; может быть, и готовились...

Работа в музее, изучение минусинских, кызылских архивов многое ей не то чтобы объяснило, а открыло. Узнала она, как страшно было жить в то время — после революции, как тяжело было выбрать правильную сторону, чтобы попросту уцелеть. А ведь немало появилось идейных. И с той,

и с другой стороны. И у той, и у другой стороны была своя правда. И билась насмерть.

Анна Семёновна решила: если не защищать, то говорить об этих двух правдах, будущим поколениям показать людей, отстаивавших каждый свою правду, необходимо.

И она стала писать очерки о красном командире Сергее Кочетове и о есауле Бологове, о комиссаре Временного правительства в Урянхайском крае Турчанинове и о первом председателе совета министров Тувинской Народной Республики Буяне-Бадыргы, о годах, проведённых в революционной Туве писателем Василием Яном, художником Гуркиным, востоковедом Алексеем Бурдуковым, о командире сибирского “Железного потока” Кравченко и генерале Бакиче, который со своим огромным, но голодным, почти безоружным отрядом пытался в декабре 1921 года занять столицу Тувы, чтобы перезимовать, а если получится — осесть там, в котловине Саян, основать своё маленькое государство.

Десятки и десятки фамилий, иногда даже без инициалов, встречавшихся Анне Семёновне в документах и исторических книгах, после упорных розысков превращались в портреты людей с особенными судьбами. Большой частью трагическими судьбами. Становилось страшно: если их Туве и её окрестностях, где и людей-то жило с гулькин нос, они превращались в такой кровавый клубок, то что было по остальной стране...

Многих земляков возмущала эта её, как они говорили, всеядность. Люди не понимали, как можно одновременно добиваться строительства церкви и собирать материалы к биографиям первых комсомольцев?.. “Твоего родного деда эти комсомольчики отсюда выслали, двадцать лет потом он по ссылке мотался. Сродного деда свои же расстреляли. А ты им песни поёшь. И-и!” — стыдили одни. “Этот Ян — из колчаковцев. И что, что потом книжки стал сочинять. Ты знаешь, чего тут колчаковцы вытворяли? Казаки... Зверями были”, — доказывали другие.

Анна Семёновна мучительно искала ответ и, наконец, нашла те слова, что примирили враждующие половины внутри неё самой: “Для истории важно всё и все. Моё дело — сохранять всё и всех”.

Конечно, звучало это чересчур патетично, но на людей, кажется, действовало. Негодующих становилось меньше и меньше.

Впрочем, быть может, не её слова действовали, а время снова стало меняться — после лихорадочных, бурных, а под конец и горячих восьмидесятых наступили девяностые. Народ бросился зарабатывать деньги, появились фермеры, новые купцы, промышленники... Потрепыхавшись года три и оказавшись у разбитого корыта, в колодцах долгов, многие перестали чем-либо интересоваться, рвать жилы и глотку.

Одни тихо пили, другие вместо десятков гектаров возделывали свой огорошко, вместо стада коров ходили за одной. Третьи вовсе уехали, убежали.

* * *

В восемьдесят седьмом Анна Семёновна была назначена директором музея. Вернее — Туранского филиала. Вскоре её усилиями музей стал самостоятельным. Это отделение было нужно не для простого повышения статуса — появилась возможность без согласований пополнять фонды, ездить на конференции, составлять планы и программы.

Анна Семёновна взялась за дело с жаром и энергией. Многие успела до всеобщего обнищания и одичания. В первые годы с размахом проводились Яновские чтения в селе Уюк. Анна Семёновна была их организатором. Приезжали писатели и литературоведы из Москвы, Ленинграда, Киева, Ашхабада, Ташкента, Минусинска — тех городов, где жил Василий Ян. Сотни читателей собирались. Возникла идея создать в маленьком Уюке Культурный центр дружбы народов. Построить светлое здание, проводить там конференции, открыть библиотеку книг по истории Азии... И уже почти решился этот вопрос.

Но бахнул девяностый год — страшный год для Тувы. Произошло несколько стычек на национальной почве, раздавались призывы, причём и от известных в республике людей, отделиться от СССР, снова стать независимым государством.

В тот август на чтения почти никто не приехал — отговаривались занятостью, нездоровьем, отсутствием денег, но ясно было, что ехать им попросту страшно... На несколько лет чтения стали мероприятием для нескольких человек. Хотя бывали неожиданные гости, например, в девяносто втором году приехал туркменский поэт Кокабай Курбанмурадов. Как он добирался из Ашхабада — целая *одиссея*! Но добрался, даже две дыни привёз... Но и позже, когда напряжённость спала и появились деньги, на прежний уровень чтения вывести всё равно не получилось: другая эпоха настала.

О культурном центре новое руководство республики не хотело и слышать: “Зачем такое в Уюке? Сколько там жителей? Меньше тысячи? И отток происходит... Такому поселению и клуба достаточно”. И как ни доказывала Анна Семёновна, что открытие культурного центра, конференции, выставки, чтения наверняка приведут к возрождению всего села, что издревле люди приходили и селились вокруг церквей, хурээ, культурных памятников, не помогло. Начальству удобнее всё стягивать в столицу республики, чем облагораживать маленькие городки, посёлки. Впрочем, такое, как она замечала, происходило по всей стране; хотя бывали и исключения: в какой-нибудь почти погибшей деревушке появлялось подворье монастыря или открывался музейчик, и деревня возрождалась...

Да, не всё удалось сделать, но многое получилось, многое сохранено, спасено её, Анны Семёновны, усилиями. Подбирала со свалок старые вещи, одежду, а теперь кое-что из этого в числе экспонатов, и те, кто лет двадцать назад, молодыми, после смерти стариков выбрасывали рухлядь, теперь, постарев, умиляются: “Бабушкина прялка... Дедов башлык... Сундук наш, полкомнаты занимал, мешался, а оказывается, красота-то какая...” Анне Семёновне приятны и ценны эти слова — она словно видит их, эти нити живой памяти.

* * *

Встаёт по-деревенски рано. Живёт одна — муж давно умер, у детей свои дома. Греет воду, замешивает свинье, сыплет курам дроблёнку. Потом пьёт чай, читает. Просматривает почту в компьютере... Интернет — великая вещь. Конечно, по-настоящему ценных материалов там найти почти невозможно, но некоторые ориентиры поисков определить можно. И — общение. Раньше пишешь письмо, бросаешь конверт в ящик и ждёшь с месяц, когда придёт ответ. А теперь — минута. А по “скайпу” вообще разговаривай, спорь, будто за одним столом находишься. Ты здесь, в Туране, а собеседник за пять тысяч километров... А с другой стороны, меньше стали собираться...

Было когда-то хорошее слово — “сидим”. Когда никуда не торопишься, на столе что-нибудь вкусное — пироги, шанежки, пельмени, пахучий горлодёр; и бутылочка не лишнее. В печке дрова пощёлкивают, ароматная от еды, одеколona, здорового пота духота. И даже когда наговоришь какой-нибудь задумчивой глупости, потом не стыдно. Наоборот, ощущение радости и облегчения наутро. Хорошо было. “Хорошо посидели”.

Перед выходом хоть в магазин, хоть к детям и внукам, хоть на работу или ещё куда Анна Семёновна тщательно собирается. Лахудрой ни разу за ворота не выбегала. Знает: каждую встречу с ней большинство туранцев потом обсуждают как значительное событие.

Идёт по дощатым тротуарам без торопливости, держа спину. Летом носит обычно широкополую соломенную шляпу, зимой — лисью шапку с длинными ушами-шарфом.

Улицы в Туране прямые, широкие, а дома разные. Есть белёные засыпушки, уродливо облепленные глиной хибары, несколько юрт, но уже не войлочных, а деревянных, с оконцами, советские коттеджи на две семьи

и новые коттеджи, кирпичные, богатые; появился недавно местный небо-скрёб — четырехэтажная благоустройство с балконами.

Но попадаются и настоящие, из толстых, чёрных от старости брёвен избы. Окна со ставнями, на некоторых ставнях ещё сохранились стальные пластины и штыри: было время, когда каждый дом на ночь превращался в крепость. Ставни закрывали не просто на крючок, как сейчас, а стягивали пластиной, штыри же просовывали сквозь брёвна сруба и закручивали изнутри болтами. Дверь закладывали толстой доской... Много было лихих людей.

Теперь тоже случаются и воровство, и грабежи, и убийства, но всё же не так. Бережливее, что ли, люди стали друг к другу, уважительнее к чужо-му хозяйству...

Встречные или обгоняющие приветствуют Анну Семёновну: “Здравствуйте!.. Доброго здоровья!.. Эки, дарга Семённа!..” Она глубоко кивает в ответ, как бы кланяется: “Здравствуйте, здравствуйте”. Если попадают знакомые, и лица их добрые, приглашает в музей. “Приходите. Улица Дружбы, дом сорок четыре. Там вся история Турана нашего”.

Главное дерево на улицах — лиственница. Аккуратные ряды. Зимой от лиственниц мало веселья глазу — серые стволы, голые ветки. Лишь кое-где висят кругляши расщепленных шишек. Но в середине апреля после одной тёплой ночи ветки будто кто обрызгивает салатовой краской, и сразу ударяет в грудь тихая радость: весна.

Зеленоватые точки быстро превращаются в усики, и вот всё дерево оживает... Анна Семёновна помнит ярко, точно было это совсем недавно, как в детстве они с ребятами обрывали с нижних веток кислотоватую молодую хвою, совали в рот. Взрослые не ругали, сами жевали иногда. Если что, оправдывались: “Чего — витамины сплошные”.

В палисадниках растёт в основном черёмуха. Её едят и так, с куста, и заготавливают впрок. Кому не жалко мясорубок — крутят, измельчая косточки, перетирают с сахаром, а потом начиняют пироги, другие — сушат, заваривают зимой, пьют, как чай, или толкут в муку. Очень вкусные торты с такой мукой — незнающие люди, попробовав, с удивлением спрашивают: “Это какао такое необычное? — Но, — кивают шутливо местные, — наше какао — черемухова мука”.

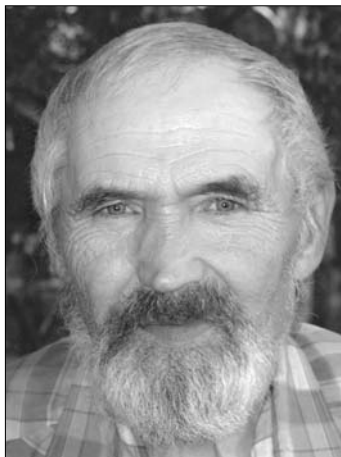
Асфальта в Туране мало, улицы грунтовые, укатанные плотно, несколько горбом. Дождевая и талая вода стекает в канавки под тротуаром. Названия улиц незамысловатые: Октябрьская, Комсомольская, Советская, Красных Партизан, Ленина, Молодёжная, Спортивная...

Анна Семёновна останавливается на очередном перекрёстке передохнуть. Оглядывается. Края города видны во все четыре стороны. На севере и юге — горы, вершины их сливаются с облаками. За горами на севере — Минусинск, на юге — Кызыл. Два больших по здешним меркам города, две в своём роде столицы. Кызыл — тувинская, Минусинск — русская... На востоке — речка Туран, лесочки, холмы, а дальше — тайга, Бий-Хем — Большой Енисей, снова тайга и горы до самого Байкала. На западе — поля, переходящие в солончаковую степь. Там, в степи, солёные озера, курганы. Некоторые курганы изучили недавно археологи, нашли древние захоронения условных скифов. “Условных” потому, что неизвестно, что за народ жил здесь шесть тысяч лет назад, на каком языке говорил, куда делся, оставив лишь шесть могилы. Но — жил. И так хоронил своих мёртвых, что и через шесть тысяч лет они сохранились. С оружием, бусами, чашами для вина.

Сгинул тот народ, его место занял другой. Потом ещё, ещё. Воевали, гонялись друг за другом по этому распадку меж горных хребтов, строили жилища, рыли каналы, пахали землю, пасли скот...

Сто тридцать лет назад пришли с севера русские. Отсюда двинулись дальше — на юг, на запад, восток. Построили десятки сёл, деревень. Большинство их уже оставлены, но Туран ещё держится. Много Анне Семёновне встречается светловолосых голов, славянских лиц. И она, медленно двигаясь по маленькому родному Турану, мысленно повторяет: “Я дома... дома”.

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

Я НЕ ЗРЯ НА СВЕТЕ ПРОЖИЛ

* * *

Русскому певцу А. Шахматову

Вьются, вьются, вьются, вьются
Золотые птичьи стаи,
Звоны льются, звоны льются,
Ударяются о ставни.
Бабье лето колоколит
И не тихо, и не громко.
Перешёл я через поле
От начала и до кромки.

Вихри сивые завьюжат
След моей судьбы нескладной.
Над страной планеты кружат,
Соблюдая строй парадный.
Ночь на травы росы нижет.
По лицу струятся слёзы:
Я себя мальчонкой вижу
У родительской берёзы.

ГОРБУНОВ Анатолий Константинович родился в деревне Мутино Киренского района Прибайкалья в 1942 году. Стихи стал писать ещё школьником. Рано приобщился к труду: пастишил, пилил лес, плавал на пароходе кочегаром, несколько лет проработал в авиации. Первые стихи А. Горбунова были опубликованы в альманахе "Сибирь", в газете "Литературная Россия", в сибирских журналах. В 1977 году он был принят в Союз писателей СССР. Сегодня А. Горбунов — автор почти двух десятков книг стихов и прозы для взрослых и детей.

Стало ближе и дороже
Всё живое перед стужей:
Я не зря на свете прожил,
Если был кому-то нужен.
Опадая, осенницы
Вьются, вьются, вьются, вьются...
Жизнь моя не повторится,
И обратно не вернуться.

Бабье лето колоколит
И не тихо, и не громко.
Перешёл я через поле
От начала и до кромки.
Льются звоны золотые,
Золотые льются звоны,
Словно иволги ручные,
Опускаясь на ладони.

КУКУШКИНЫ САПОЖКИ

В берёзовой пыли
Клубками вьются мошки.
На славу расцвели
Кукушкины сапожки!

Цветам недолго жить —
Зной опалит их снова,
Кукушкам не носить
Волшебную обнову.

И так из года в год,
Из века в век ведётся:
Кто гнёзд своих не вьёт,
Тот босым остаётся.

Из радуг свит наш дом!
Отчизна в ясных росах!
Цветы, цветы кругом
И звень кукушек босых.

Ку-ку, ку-ку, ку-ку... —
Повсюду раздаётся,
И лето к роднику
Припало, не напьётся.

Счастливая, идёшь
По солнечной дорожке
И бережно несёшь
Кукушкины сапожки.

ЗАРЯ

В потоке дней летящих, где
Всплеснулась утренняя рыбка,
Скользнула грустно по воде
Природы мудрая улыбка.
Прядёт Виллой туманы лет,
По гальке катятся клубочки...

Заворожённо смотрит вслед
Девчонка в огненном платочке:
Как будто это не река,
А сам Господь ей улыбнулся,
Росистой веткой тальника
К судьбе грядущей прикоснулся!

К БОГУ

Ю. Горбунову

Друг седой, всё дальше мы уходим
От себя, от близких, от родных
За леса, окутанные в одымя,
За луга в ромашках молодых.

За спиной всё глуше раздаётся
Скрип ступенек отчего крыльца...
Может, у последнего колодца
Пыль земную сполоснём с лица.

В час росы вселенского затишья
В поднебесье высветится храм,
Милостиво спустится Всевышний,
Ласково погладит по вихрам.

СИНИЕ ДНИ

Солнечный волок — дальние дали.
Струйчатый свет!
Здесь мы ходили, стёжки топтали,
Вили свой след.
Синие звоны, синие блики
Застили взор,
И раздавались вещи вскрики
С дрёмных озёр.
Нам ворожила счастье гагара,
Вышел обман,
Выпала доля, выпала кара —
Афганистан.
Дальние дали — ягодный морок.
Синие дни!
Солнечный волок, солнечный волок,
Радость верни!
Милому с милой век бы любиться...
Канул мой друг,
Лишь поминальный плач голубицы
Слышен вокруг.

ВРЕМЯ ЖАТВЫ

Переспели дикие овсы.
Гуси завернули на кормёжку —
Дымчатые, в капельках росы,
Осень отпевали под гармошку.

Гармонист на лавочке сидел,
Прошлое своё перебирая,
За реку задумчиво глядел,
Где купалась ивушка нагая.

Сброшенное платье на пески
Отливало радугой печали.
Вороша пустые колоски,
Гуси под гармошку причитали.

Время жатвы — светел и велик
Вечный мир вселенской тихой скорби,
Словно изработанный старик,
Тонкий месяц, тая, спину сгорбил.

Землепашцы северной глуши
Обрели давно иную пристань...
В отсыревших избах ни души,
Кроме пожилого гармониста.

ПОЖАРИЩЕ

В. Филиппову

Леса, леса...
Обугленные кедры,
Их голоса
Ещё доносят ветры.
Безводье. Сушь.
Над гарью кружит ворон.
Всё дальше в глушь
Крадётся вор за вором.
Кровь. Беспредел.
Больные человечки...
И зверь сгорел,
И выкипели речки.

Мертво кругом...
Лишь в небе окрик птичий,
Да рукавом
Смахнёт слезу лесничий.

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

МУЖСКАЯ ЖИЗНЬ

ПОВЕСТЬ*

1

На свидание с Полиной я опаздывал уже на полчаса, но свою мощную “пятёрку” БМВ не гнал, ехал в потоке за стареньким автобусом. А мобильный телефон настроил “вне зоны доступа”. Я не собирался досадить Полине, которая сейчас ждала меня к обеду, — готовила она, кстати, мастерски, — но хотел дать понять, что наш роман заканчивается, что встречаемся с ней в последний, ну, может, не в последний, но последние разы; необязательность, опоздания, отсутствие цветов и подарков в руках — это знаки той самой близкой разлуки, которую я наметил на нынешнюю весну.

Хотелось бы порвать разом — сегодня же! — в тёплый апрельский день, как раз перед отпуском, который я не собирался проводить с Полиной, но по опыту я знал: не со всеми — ох! не со всеми! — женщинами можно порвать враз, в один день, иногда лучше, менее болезненно затянуть бодягу на несколько недель-месяцев, чтобы постепенно рассосалось...

Я и женщинам, с которыми встречался, объяснял, даже учил их: нельзя, не резон бросать мужчину резко, в одночасье уходить от мужа, или со-

ШИШКИН Евгений Васильевич родился в 1956 г. в городе Кирове (Вятка). Работал на заводе, служил в армии, окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Высшие литературные курсы в Москве. Автор книг “До самого горизонта”, “Только о любви”, “Монстры и пигмеи”, “Южный крест”, “Концерт”, “Бесова душа”, “Закон сохранения любви”, “Правда и блаженство”. Автор пьес и сценариев к документальным фильмам. Лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

* Журнальный вариант.

жителя, или любовника. Конечно, не всякий мужчина, но большинство очень привязываются к женщине и страдают смертельно, потеряв спутницу, а если ещё она ушла в открытую к другому, впадают в безумство ревности, в пьянство, деградируют. “Если ты, голуба, надумала со своим мужиком порвать, — наставлял я своих подруг, потрясывая перед ними указательным пальцем, как перед ученицами, — сделай это плавно, пластично: раз-другой не явись на свидание, опоздай, отъезди куда-нибудь на месяцок, найди сотню причин, чтобы не спать с ним, прикинься больной... И так постепенно создай в мозгах мужчины фундамент, на который он и сам сможет положить стену отчуждения... (Я строитель, поэтому термины “фундамент”, “стена” для меня привычные.) А рубить одним телефонным звонком: “Всё, больше никогда не приходи!” — это не дело, это конфликт, слёзы, ругань, оскорбления...”

От Полины я тоже не хотел слёз, ругани, оскорблений. По большому счёту, мы не так уж плохо провели вместе больше года. Ну, а дальше и глубже, пожалуй, не стоит. “Не она первая, не она последняя”, — шепнул я себе тихо, по секрету. Но тут же осёкся, поглядел в зеркало заднего вида. Седина на висках и уже по всей голове. А седина не красит. Может быть, облагораживает, но не красит. Мне уже сорок пять. Эта дата казалась рубежной, коварной. За ней начинается старость. Сперва прямоком к полтиннику, а там — к пенсии. И... финиш. Дембель.

Не так давно я пришёл в кассу покупать билет на самолёт, кассирша предупредила: паспорт срочно меняйте, скоро недействителен будет. А в паспортном столе обыкновенно-недовольная тётка в окошке с обыденным цинизмом сказала:

— Надо сфотографироваться. Выдадим последний паспорт.

— Почему последний?

— После сорока пяти... последний.

Этот “последний” паспорт слегка перевернул мир. Жизнь будто покати-лась вниз. “Последний”... Значит, всё последнее. А у меня к старости нет семьи, нет любимой женщины. “А Полина? — словно бы дразня себя, спросил я. — Полина уже не считается”.

Город наш Гурьянск — провинциальный, большой районный центр, жителей до сотни тысяч, но все друг друга знают и всё про всех знают. Полина овдовела года три назад. Мне она рассказывала, что её муж в последнее время часто болел, но продолжал употреблять горькую. Умер в постели “после запоя”. Другие “добрые” люди донесли мне подробности смерти Полининого мужа: со слов её “лучшей” подруги, которая была у неё в тот день в гостях, муж якобы просил Полину сходить в магазин и купить ему “чекушку”. Она не пошла. По телевизору шёл новый сериал, который она не хотела пропускать. Так и умер её суженый, не дождавшись похмельного стакана. Возможно, жил бы, если бы не телесериал... Сколько правды было в этой истории, я определить не возьмусь, но то, что Полина ради дурацких сериалов готова плюнуть на всё, — это на неё очень похоже. А если я так же, как её горемыка муж, буду лежать в постели и просить рюмку коньяку, а по телевизору пойдёт сериал, её любимый, а у неё каждый второй — любимый, что будет тогда? Из-за каких-то дурёх в телящике оставить без участия родного человека — что-то тут в женщине есть леденящее, бесчувственное. Мне теперь хотелось именно это подмечать в Полине...

Слева на большой скорости меня и весь поток автомобилей обогнал по встрече жёлтый раздрыганный “жигулёнок” с затемнёнными стёклами. Пробки, цепи машин, движущихся черепашим шагом, и для нашего Гурьянска стали обыденными. То ли я, то ли мой стальной конь не выдержали и помчались вслед за “жигулёнком”, чтобы обойти затор. Я ехал близко к “жигулёнку”, прикидывал, куда можно будет пристроиться, если на встрече появится лобовая машина. Кто сидит в “жигулёнке” за рулём, не было видно за тёмными стеклами, но, видать, кто-то отчаянный. Сейчас на таких развалюхах ездят бомбилы, шабашат таксистами какие-нибудь молдаване, узбеки... Вскоре я обошёл и попутный поток, и обогнал “жигулёнок” — косо глянул на остающуюся по борту машину. И вдруг увидел за рулём сына.

— Э! Э-э! Толик! Стой! — замахал я рукой, слегка прижимая “жигулёнок” к обочине. — Стой! Стой, тебе говорят!

Я выскочил из машины, подбежал к “жигулёнку”, рванул дверь:

— Откуда у тебя эта рухлядь? У тебя же нет прав?! Куда ты гонишь?!

Толик смотрел на меня непонимающими взглядом, словно не узнавал меня. Сейчас он мне показался каким-то неадекватным, “сам в себе”.

— Чья это машина? — попытывался я.

— Так... — наконец увертливо заговорил сын. — Взял покататься... Так, это приятеля... Макса. Ничего, пап. Гаишников нет. А мне вождению учиться надо...

— Где твой Макс? Куда доставить машину?

— Да я сам доеду. Чего ты? Тут рядом... Не бойся ты за меня... — Он почему-то рассмеялся.

— Вылазь! Доставлю эту рухлядь твоему Максиму. А ты больше не смей!

Толик уступил мне водительское место, перебрался на пассажирское, пререкался со мной не стал, почувствовал мою взбешённость. Всю дорогу, на которую ушло четверть часа, я ругал сына, песочил:

— Ты получи права! Отучись, как положено, в автошколе... Я тебя туда уже дважды отводил, а ты... Недело посидишь и всё!

— Права и так делают, — вяло отвечал Толик. — Покупают...

— На какие шиши? Я тебя отмазал от армии. Я тебя запихнул в институт. Так хоть теперь-то ты...

Мы приехали на стоянку, которую указал Толик.

— Звони своему Максиму! При мне!

Толик нехотя достал мобильный телефон, и как только сказал: “Алё! Макс!” — я вырвал у него трубку:

— Макс! С тобой говорит отец Толика, Валентин Андреевич Бурков! Забери свою машину! Она будет на стоянке у института. Больше никогда не давай Толику! У него нет прав!

В ответ прозвучало что-то вроде удивлённой хмыкающей усмешки, потом брезгливое, ощетилившееся:

— Это не моя машина, дядя!

Затем послышался чей-то смех. Видать, поблизости от Макса был ещё кто-то, и этот кто-то говорил с южным акцентом.

— Ладно, ладно, — говорил этот кто-то, — пускай пешком ходит...

— Ну, если это не твоя машина, ключи будут у меня! Кто вспомнит, чья это машина, пусть звонит мне! — сказал я и оборвал разговор с Максом.

— Да чего ты, пап? — вмешался Толик. — Всё нормально.

— Я куплю тебе тачку, хорошую! Только отучись в автошколе, получи права! — выкрикнул я сыну в лицо. — Честно получи!

Толик стоял предо мной понурый и, казалось, обиженный, но в глазах у него было что-то чужое, он как будто на время выключался из жизни, а когда включался обратно, напарывался на какой-то дискомфорт и опасность.

— До дома дойдёшь пешком. Тут недалече, — сказал я примирительно.

— А как ты до своей машины доберёшься?

— Доберусь как-нибудь...

— Пап, верни ключи. Мне надо. Позарез. Я тебя подвезу и отдам машину. Правда... Никто тут меня не остановит, — стал было канючить Толик.

— Нет! — отрезал я.

2

Это было несколько лет назад. Ещё была жива мать, и я ехал к ней в родной посёлок. Летом трасса почти пустая — две полосы, разделённых прерывистой линией. Нормальная, не скользкая, не шибко битая. Впереди поворот. Прерывистая перешла в сплошную. Я только подумал, вернее, успел подумать, что надо бы сбросить скорость, но нога по-прежнему давила на газ. Впишусь, трасса сухая, и затормозить всегда успею перед попутной машиной. Но попутной не было, а на встречу вылетел бортовой “КамАЗ”. Он не вписывался в поворот, а возможно, и не хотел вписываться, не видя

моей машины за зарослями деревьев. Он увидел меня уже поздно, и уйти вправо для него не было шансов. Когда завизжали тормоза “КамАЗа”, когда завизжали тормоза моей машины, летевшей лоб в лоб тяжеловесу, который превратит мою машину в лепёшку, вся жизнь промелькнула разом. Нет, не как на киноплёнке, а разом, одним кадром, будто она на одной большой картине, на каком-то полотне, и на нем всё видать: и детство, и школьные годы, и студенческую жизнь, и работу, и быт, и семью, а последней мгновенной мыслью было сожаление: мать-то меня не дожждётся, а она ведь ждёт.

Удара не было. Моя машина, словно бы понимая, что её больше не будет, заупиралась, встала на дыбы, замерла, вцепившись колодками в диски, а шинами в асфальт. Этот случай запомнился мне навсегда. Даже не угрозой, перед которой я находился, а теми возможностями мозга, когда враз открывается вся твоя жизнь, и кажется она, эта твоя жизнь, изображённая на одном полотне, какой-то нелепой, пустой, сероватой. Ради чего живёшь?!

— Прости, братан! — выкрикнул мне водила “КамАЗа”, косматый худой, остроносый мужик, не желторотый пацан, а по всему видать, опытный водила. — Бес попутал, спешу очень.

Я ему ничего не сказал. Я не мог говорить. Даже обматерить не смог. В горле — сушь.

Ещё раз жизнь моя пролетела одним кадром перед глазами, когда я Толика отмазывал от армии. Пару лет назад в Гурьянск назначили нового военкома, и он стал шерстить призывников. Сказал сыну строго:

— Бурков, пойдёшь служить! Отерочка кончилась... В институт потом поступишь.

Тогда-то и попутал меня бес, не без помощи моей бывшей жены Анны и самого сына. Ведь Толик неглупый парень. Надо дать ему шанс поступить в институт, с первого раза не получилось: не хватило “ЕГЭшных” баллов. Но военкомат этот шанс ему не давал. Анна капала на мозги: “Чего там творится, в этой армии? Ты служил ещё в советской армии... А теперь?” Это *теперь* не разъяснялось, оно вроде бы и так всем было понятно...

— Лев Дмитрич, чего делать? — я позвонил приятелю, психиатру.

— Бери бутылку коньяку и приезжай с сыном с утречка ко мне... Врачи из военкомовской медкомиссии рисковать не хотят. Военком-то новый, не обтёрся ещё у нас... Что-нибудь придумаем. Больничку организуем.

История Льва Дмитрича была оригинальна и в то же время незамысловата. Он лечил в своей психушке алкашей, хронов, тех, кто попадал в лапы “белочки” — так на жаргоне называлась “белая горячка”, — и попутно психопатов, шизофреников, невралгических страдалец и страдальцев, лечил честно, насколько хватало ума и таланта, но сам при этом шибко злоупотреблял... Пил всё: спирт, вино, водку, коньяк, если не было изысканных напитков, не брезговал настойкой боярышника и пиона, а закусить любил витаминками, жёлтенькими дисловатыми горошками — горстью кидал их в рот.

Крепкий организм доктора долго терпел над собой такие процедуры, но с возрастом стал пробуксовывать, стал Лев Дмитрич впадать в запой, и “белочка”, неумолимая “белочка”, которую он гнал от своих пациентов, стала сама заглядывать к нему в гости. Далеко ходить не надо было: излечивался от белой горячки психиатр здесь же, этажом ниже своего кабинета, лежал в палате с алкашами и выводил сам себя на чистую воду. В последние годы он пил реже, организм не позволял, но отчаянный нрав отменить в докторе было нельзя.

В тот незабываемый день мы пришли к нему с Толиком в кабинет “с утречка”, как договорились. С крупной красноватой лысиной, приплюснутым носом и маленькими глазами, с увесистым подбородком, некачественно обритым, в белом халате с засученными рукавами, Лев Дмитрич больше напоминал банщика, чем доктора. Был он толст и непоседлив; при удовольствии имел привычку шумно потирать руки, а при неудовольствии тихо почёсывал то одну, то другую тыльную часть кисти. На стуле он сидел с непостоянством, часто ёрзал, словно быстро отсиживал ягодички или что-то там, на седилице, покалывало.

— Ну чего, захватили? — воскликнул Лев Дмитрич.

Я с опаской достал из пакета бутылку с коньяком.

— Вот и отличненько! — возликовал психиатр и потёр руки. — Сейчас немножко вмажем и всё обустроим. — Лев Дмитрич закрыл кабинет на ключ.

Он выпил полстакана коньяку, бросил в рот горстку жёлтеньких витаминчиков, вновь радостно потёр руки, оглядел Толика, который сидел на кушетке, бледный, настоженный, и сказал, не мешкая:

— Не бойсь, парень! Сейчас я сделаю тебе укольчик. Сотрясение мозга подстроим — ни одна комиссия не придерётся. Полежишь в больничке, книжки почитаешь. — Лев Дмитрич поёрзал на стуле; взгляд маленьких вёселых глаз метался с меня на Толика. — Идите сюда! — Он вскочил, подошёл к окну, мы с сыном за ним. — Запоминайте! Сейчас я всажу укольчик, и вы отсюда быстренько свалите. Действие лекарства начнётся минут через десять. За это время вы дойдёте до автобусной остановки. Вон, видите?

— Видим, — ответил я.

Это была пустынная автобусная остановка под сквозным павильоном. С одной стороны к ней подбирался пустырь, с другой — старенькие двухэтажки. Остановка была безлюдна, маршрутка здесь курсировала изредка, казалось, на неё мало кто надеялся.

— Когда туда доберётесь, ты, — Лев Дмитрич нацелил свой толстый указательный палец на Толика, — упадёшь... Валя, не пропусти момент, чтобы он в самом деле не ударился головой... Тебя начнёт тошнить, возможно, что сознание слегка потеряешь, общая слабость... А ты, Валя, тут же вызываешь “скорую”. Говоришь: сын упал головой о бордюр, поскользнулся, его тошнит, сознание потерял. Срочно! Остановка: “4-й квартал”! Чтоб они не плутали. Приедут быстро, дорога сюда свободна...

Мы с Толиком переглянулись. Мы с ним даже мысленно, казалось, переговорили. Может, не затевать это медицинское жульничество, а честно отслужить? Но и под армейскую ляжку, а так понял, Толику не хотелось.

— Лучше на моей машине его до больницы донести.

— Нет, лучше пусть они вас с улицы возьмут. Так будет лучше! Машину пока свою оставь. — Лев Дмитрич потёр свои руки. — Ну чего, ещё пятьдесят грамм — и вперёд...

— Не надо, Лев Дмитрич... Дело нешуточное.

— Ладно, потом вмажем... — Доктор взглянул на Толика. — Сколько ты вешишь?

Толик робко произнёс. Лев Дмитрич что-то прикинул, сказал обыденно:

— Штаны спусти... — И вытащил из стеклянного шкафа шприц и ампулу.

Почему? Почему я не остановил ни Толика, ни доктора-прохиндея?! Тысячи раз я задавал себе этот вопрос: ведь драма вершилась на моих глазах, и не с кем-нибудь — с моим сыном! В какой-то момент мне показалось, что Толик сейчас рванёт из кабинета, но этого не произошло. Укол был сделан. А дальше случилось непредвиденное: до остановки с Толиком мы не дотянули. Где-то на полпути Толик вцепился в мой локоть.

— Пап, — прошептал он. — Мне плохо. Всё, не могу больше...

Он полностью обескрасился в лице, закачался, у него подкосились колени, он сильнее вцепился в мою руку, но потом отпустил руку и повалился на землю, на обочину, в весеннюю грязь.

Ещё через минуту его стало тошнить, он стал сучить ногами, извиваться на земле, вернее, в грязи, как в агонии, хватать бессознательно меня за ноги.

Я вытащил телефон, позвонил Льву Дмитричу:

— Лев Дмитрич, он упал, его рвёт, он умрёт сейчас. Чего делать?!

— Делай, как я сказал! Вызывай “скорую”!

Собрав волю, я позвонил в “скорую” и, стараясь не орать, вызвал “неотложку”. Я не помню, не знаю, сколько минут продолжалось это преступление против своего собственного сына, но в эти минуты пролетела вся моя жизнь: от корки до корки. Она прочиталась как бы мной не на первом плане, а на втором. На первом — предо мной лежал Толик, в блевотине, в корчах, в грязи, бледный, казалось, за минуту до предсмертного вздоха. А жизнь

моя опять представилась пустой, глупой и преступной. Даже гадока-мысль посетила меня: “Если сейчас Толик умрёт на твоих глазах, тебя ещё и посадят, за участие в смертном членовредительстве!”

Я снова позвонил в “скорую”. Теперь я уже кричал. И тут, наконец, прибежал Лев Дмитрич. В халате, растрёпанный, дышит, как паровоз.

— Ух ты! — воскликнул он. — Неужели доза велика? Но он же сказал, что семьдесят килограммов весит... Валя, придерживай его на боку, чтобы блевотиной не захлебнулся.

Когда появилась “скорая” с включенными маячками, картина прошедшей жизни стухла. Парня моего спасли. Даже дальнейшее вышло всё, как по нотам. Туфта Льва Дмитрича прошла. Диагноз в травматологической больнице Толику поставили “сотрясение мозга”, и три недели он валялся на больничной койке, может, даже праздную победу. Набор в армию прошёл; а впоследствии Толик поступил, не без моего участия, в институт. Но с той поры, когда сын валялся в грязи на обочине, я стал сесть. Сперва виски, потом чёлка, хотя в близкой родне седых не было, стало быть, не наследственное.

3

Меня ждала Полина, я знал, что она ждёт, злится и ждёт, да и на телефоне уже трижды отпечатался её номер. Я опаздывал, но какая-то неодолимая сила повернула мою машину в сторону психбольницы. Скоро я подбехал к неприметному, трёхэтажному зданию за кущами старых тополей, незабвенному “Психоневрологическому диспансеру № 2”. Мне нужно было сюда, именно сию минуту — сюда.

На входе остановил охранник.

— Мне повидать Льва Дмитрича, — сказал я, зная охранника в лицо.

— Пусть он закажет для вас пропуск.

— Раньше меня без пропуска пускали. Вы же меня знаете! Я здесь не впервые.

— Знаю. Но теперь без пропуска не пуцую. Указание есть. После присоединения Крыма террористов бояться, провокаций. Правила ужесточили.

Чуть позже, идя по коридору к кабинету Льва Дмитрича, я повторил слово “террористы, террористы”... Откуда они берутся? Шкуры своей не жалко? Взрывали бы тогда только президентов... Чего над простыми людьми изуверствоваться. Террористы хреновы! Прежние революционеры, народо-вольцы за царём только охотились, за премьер-министром...

Лев Дмитрич встретил меня оживлённо. Непоседливый, круглый, он пустился по кабинету расхаживать — словно подпрыгивал мяч — и сразу пустился в разговоры об присоединении Крыма, о Донбассе, то потирая от ликования руки, то от какого-то неудовольствия их почёсывая. При этом он будто бы забыл про лохматого пациента-шизофреника в синей пижаме с чёрным воротом, который сидел у него в кабинете на кушетке. Пациент слушал его усердно и глядел во все глаза.

— Потом зайдёшь. Тебе торопиться некуда! Давай, давай уходи, — наконец, сказал Лев Дмитрич больному.

Пациент подозрительно и в то же время как-то усмешливо посмотрел на доктора, сказал, указывая пальцем:

— У тебя волос на губе. Убери, он тебе врать мешает, — и он захохотал.

Лев Дмитрич машинально потянулся к губам, потом тихо выругался, вскричал:

— Пошёл вон!

Пациент с радостным визгом скрылся за дверью, но через несколько секунд заглянул в кабинет:

— А у тебя соринка в глазу, — обратился он ко мне.

— Сгинь! — взывл Лев Дмитрич. Потом почесал руки, извинительно произнёс: — Он всем так говорит. Контингент, Валя, сам понимаешь... Выпить хочешь? — живо предложил доктор и потёр ладони.

— Хочу, но не могу. За рулём. Я, Лёва, иногда нарочно за руль сажусь, чтобы соблазна не было... А если честно, выпить хочется часто, почти каждый день. Сдерживаю себя. И не похмеляюсь. Даже с сильным бодуна.

— Это правильно, — поддержал Лев Дмитрич. — Прав был брат Похлёбкин: алкоголиком никогда не станет тот, кто пьёт после трёх пополудни и не позже девяти вечера. Выходит, любая опохмелка исключается... Ты сильный, Валя, человек, а я вот слаб... Поэтому пришлось завязать совсем.

Тут я сказал ему о цели своего появления в психушке:

— Лёва, скажи как врач, как спец, можно ли вылечиться от наркоты?

Дев Дмитрич даже вздрогнул, поёрзал на стуле, спросил:

— Неужели Толик?

— Есть у меня подозрение... Какой-то он не такой. Рассеянный, взгляд блуждает... Я сегодня его застал в чужой машине. Грязная компания у них... Я не думаю, что героин, но... Что такое синтетические наркотики?

— Это суррогат. Для алкашей будто бы брага, которая не устоялась... В армию, Валёк, его надо было отправить, — вдруг сказал Лев Дмитрич и почесал свои руки. — При советской власти система была жёсткая, но верная. Молодой человек не шарахался из стороны в сторону. Ему на выбор: студенчество или армия. И там, и там контроль. Из армии приходит поумневшим, женится, семья, ребёнок и... самый опасный период прошёл. А сейчас у них ветер в головах долго гуляет.

— У меня так и было, — вздохнул я. — Сперва армия, потом институт, женился на третьем курсе... Ну, а дальше ты и сам знаешь. Каюсь я, Лёва, что тогда его от армии отмазал.

— Да, Валя, я ведь и сам-то перепугался до смерти. Думаю, если вкроется, влпят по ушам...

— А мне какво было? Собственного сына... Я же после этого поседел. Лев Дмитрич прошёл по кабинету, потёр ладони:

— Приводи Толика ко мне. Как бы нечаянно. Я пойму, насколько он к этому делу пристрастился... Есть такая книжка, называется “Как остановить падающего в рай”. Я тебе дам почитать. Лишь бы Толик на иглу не сел. Сейчас главное — вырвать его из той среды, силой обрубить все связи... Валёк, давай споём нашу любимую! — вдруг призвал Лев Дмитрич.

— Не поётся, Лёва. Извини...

— Но песня же, сам знаешь, всю гадость с души снимает... Ладно, я тебе один спою. Мне тут один алкаш песню напел. Старинную, казачью.

Доктор встал у стола, выпрямился, прибодрился, расправил плечи, повел песню:

*За высокий, за курган по степи стелил туман,
А на небе алая заря, заря наступила!
Как по этой, по степи, слышно, движутся полки,
Попереди, ой да, казаков едут командиры.*

Страсть у Льва Дмитрича к пению была с детства, он даже в консерваторию поступал — по молодости. А потом ходил в местный Дом культуры в вокальный кружок, чтоб быть поближе к сцене, пусть хотя бы не профессиональной, но самостоятельной. Там мы с ним и познакомились: наша строительная бригада ремонтировала Дом культуры. Однажды мы с ним даже спели вместе “Любо, братцы, любо...”

Но теперь он солировал и пел с душой, выкладываясь:

*Зря жанили рано вы мене, парня молодого!
Зря жанили потому, что покинул я жену,
И поехал с вами на войну, с вами, с казаками...*

Когда я уходил по коридору от доктора, в голове вертелась мелодия казачьей песни, но вместо текста были иные слова: “Вырвать из той среды” — вырвать сына. Однажды мне уже приходилось вырывать из среды дочку Риту. Пришлось переводить её в другую школу. У неё истерики начинались

в общении с одной девочкой из класса. В общении они совсем “крышу” теряли. Они могли без конца дурачиться, дикариться, доводили до белого каления учительку... А потом они возненавидели друг друга и стали драться, царапаться, как две кошки, даже тыкали друг друга карандашами... Тогда я перевёл Риту в другую школу, благо возле дома была ещё одна. Вырвал Риту “из среды”. И больше она ни с кем не дралась и не делалась полоумной в общении... Среда важна!

Я вышел из проходной, направился к машине и услышал песню: Лев Дмитрич пел в своём кабинете, голос тонко лился в открытую форточку. Пел он самоупоённо, видать, не стесняясь, что поёт на рабочем месте. А где ещё искренно проявить себя, как не в жёлтом доме!

4

Настроение изменилось. Мне казалось, что такое опоздание на обед к Полине лишь укрепит меня в предстоящем разрыве с ней. Но теперь мне стало Полину жалко, к тому же хотелось есть, отведать её вкусный обед, да и почему-то захотелось её ласки, её тела, её страсти. Мужская натура не менее инстинктивна и привередлива, чем женская. Возможно, мне захотелось и не Полину, а просто женщину, ведь женщин мне хотелось всегда. Всегда, всегда, всегда... Ежедневно, ежечасно, ежеминутно... С юности, со школьной, со студенческой скамьи я гонялся за ними. Нет, не за всеми: дурнушки, грязнули, хамки — прочь, но было много обаяшек, лапочек, лялек... И я щедро оглаживал их взглядом, с вожделением прикидывал, как бы вёл себя с той или другой, доведись оказаться в одной постели. Даже когда была любовь к жене Анне, когда была семья, скреплённая двумя детьми, Толиком и Ритой, женщины, чужие женщины, оставались желанны и необходимы.

Почему была такая охочесть до женщин? Я не анализировал; наверное, у всех мужчин — то же самое, а может, было плотское и вместе с тем романтическое заблуждение, что новая возлюбленная будет какой-то особенной, неповторимой, что будет слаще, горячее, жгучее остальных. Да и количество покорённых женщин поднимает авторитет в собственных глазах. Но ничего сверх не происходило: менялись партнёрши, приходило удовлетворение, короткое самолюбование достигнутым; а жизнь, в основном, меняла фасады, а сама суть, смысл, наполняемость жизни оставались неизменными. Навечно единственной женщины не появлялось, покоя и глубокого смысла в жизни — тоже, но и примирения и равнодушия ко всему, что было вокруг, тоже пока не происходило. К счастью. А в последнее время меня мучила мысль: первая любовь была такой сильной, несокрушимой, она всё ещё в моём сердце, и теперь, в предстоящем отпуске, у меня будет возможность проверить это вживую...

По дороге к Полине я договорился сам с собой: бросать Полину сейчас не стоит. Позже. Ведь под рукой всё равно нет других вариантов. Вариант может скоро и появиться. Ну вот, когда появится зримо, тогда и отвалим в сторону. А пока... А пока на свидание я опаздывал почти на два часа от условленного времени.

Полина открыла мне дверь, и я догадался, что она что-то поняла или узнала большее, чем мне бы хотелось.

— Секса сегодня не будет. Обед тоже отменяется. Кто не успел, тот опоздал, — холодно, без приветствия, сказала она.

В эту минуту я почему-то напомнил себе: как хорошо, что отказался взять ключ от её квартиры. Полина всячески показывала, что доверяет мне и несколько раз предлагала взять её ключ. Но я стоял на своём: “Что мне делать у тебя без тебя?” Вероятно, это было даже больше, чем простое доверие, — это было женское желание создать семью, приручить меня сперва как любовника, а потом как потенциального мужа, чтобы впоследствии делить со мной не только постель, но и что-то общее, семейное и неразрывное.

В то же время я чувствовал, что Полина иногда опасается меня и проверяет. Если признаться себе самому без увильваний: я не любил ее; с ней было относительно удобно, комфортно; она была в меру красива, умна,

заботлива, но до гробовой доски шагать с ней меня не манило; не такой уж я безнадежный старик в сорок пять. Полина чувствовала мои слабости и, наверное, догадывалась, что я попутчик *не навсегда*, но других-то поискать ещё надо...

— Объяснений не будет никаких! — выкрикнула Полина, эта фраза прозвучала как “Пошёл прочь!”

— Почему? — как можно проще и наивнее произнёс я.

— Какие могут быть объяснения? Не ты ли меня учил: прежде чем задать вопрос человеку, этот самый вопрос задай себе сама! И ответь на него. Потом и другому человеку задавать вопрос не придётся.

— Да... В любом вопросе есть скрытая агрессия, — я пробовал затянуть Полину в разговор. — Человек, которого спрашивают, должен как бы отчитываться, а человеку это всегда неприятно. То, что человек хочет сказать сам, пусть сам и скажет...

Полина нервничала, хваталась то за одно, то за другое, наконец, села на диван и выпалила:

— Ты едешь в отпуск. Едешь без меня. Какие могут быть объяснения! И не важно, откуда я это узнала.

— Это не совсем отпуск, я еду в Одессу по делам. Там у меня армейский друг... У меня есть к нему коммерческое предложение.

Прошлым летом мы с Полиной провели отпуск в Испании — корень обиды был найден. От кого она узнала о моём теперешнем отпуске, я сразу догадался: Полина сдружилась с моей бухгалтершей Аллочкой, та и проболталась, а может быть, и доложила *по-дружески*.

— В ванне — твой халат и шлепанцы, в гардеробе — рубашки, бельё. Забери!

— Ты уверена, что так сейчас надо поступить? — спросил я.

— Нечего мне пудрить мозги, — тихо произнесла Полина. На глаза у неё выступили слёзы.

Я не терпел женских слёз. Они меня обескураживали и раздражали, вызвали какую-то болезненную жалость, но сейчас, мне показалось, что слёзы Полины особенные, осознанные и не для того, чтобы разжалобить меня. И всё же в какой-то момент во мне шевельнулась жалость к Полине — как-никак, больше года делили ложе, и между нами уже была история... и взаимовыручка, мне даже захотелось просить прощения у Полины, уладить, умастить её, сгладить конфликт, а потом добиться её нежности. Даже подумалось, что в близости она всегда была очень мила. Но все похотливые мотивы оборвала Полина резким оскорблением:

— Сволочь! Я больше года на тебя потратила! — Глаза её заблестели, высохли. Я впервые увидел её такой: злой, свирепой, коварной самкой. Тут она схватила глянцевого журнала, который лежал у неё на диване, и швырнула в меня.

Мне не пришлось уворачиваться. Журнал истерически пролетел мимо меня, расправив крыльями страницы, ударился в стену.

— Я тоже хочу любимого мужчину, а не так... Подёргались да разбежались, — прошипела Полина. И в этом Полинином “я тоже” была глубокая правда. — А ты, ты — сволочь... — искала она, куда ткнуть больнее. — Ты добегаешься! Сдохнешь в одиночестве!

— Я прощаю тебе эти слова. — Надо было уходить, не затягивать сцену и не собирать себе на голову оскорбления. — Вещи заберу потом. Кинь куда-нибудь в кладовку...

“Вперёд!” — это я сказал уже сам себе. Приучил давать себе команды: “Вперёд!”, “Назад!”, “Стоп!”, “Забыли!” В них, казалось мне, есть некая энергетика для того, чтобы ненужное утопить в прошлом навсегда, чтоб не всплыло. Возможно, это был психологический самообман.

Обычно, уходя от Полины, я оборачивался на её окна на третьем этаже. Она непременно стояла у окна, махала мне рукой; это было как-то даже по-семейному, словно она провожала меня в путь-дорогу, а сама оставалась ждать. Она прижималась иногда носом к стеклу, чтобы было смешнее, и что-то рисовала на стекле пальцем. В этом было что-то и романтическое,

и интимное. Светловолосая, раскованная, с нацелованными губами, однажды она показала мне обнажённую грудь, распахнув на себе халат...

Теперь, выйдя из подъезда, я раздумывал: обернуться на окна или нет? “Нет!” Меня оскорбили, выгнали, я и сам отказался от Полины, — чего вертеть носом. Это, конечно, ещё отзовется болью в сердце, ничто не проходит в жизни бесследно: год с лишним близких отношений — это не пустяк. В то же время мне казалось, что Полина презрительно смотрит на меня сверху и готова швырнуть чем-нибудь, и я шёл словно под прицелом снайперской винтовки... Я поскорее забрался в машину. Всё! Всё, что осталось за спиной, осталось за спиной...

Отъехал, набрал номер телефона бухгалтерши Аллочки, я хотел ей крикнуть: “Ты дура! Я тебя уволю!”, но в последний момент сказал ей:

— Спасибо за услугу, подруга... В Одессу я всё же еду по делам. А санаторий я выберу поближе к Мацесте, в Сочи. Я думал, ты помнишь о моём радикулите. Сама массаж делала...

5

Мне до жути не хотелось ехать к бывшей жене Анне. Не столько я опасался того, что она не сдержится, зарядит традиционно свои упрёки, тупые укоры. Но надо спасать Толика. Его поведение, его взгляд напугали меня. Надо добраться до истины!

Я позвонил Анне. Не звонил ей около двух лет. Да и она за последние годы звонила только пару раз, по необходимым делам, связанными с нотариусом и армейскими проблемами Толика.

Голос в трубке был и удивлённый, и напуганный.

— Мне нужно приехать к тебе и поговорить, — сказал я.

— О чем? О Рите? — спросила Анна.

— О ней тоже. Но главное — о Толике.

— У меня не прибрано... Может, лучше встретимся где-нибудь в другом месте.

— Нет. Мне нужно посмотреть кое-какие личные вещи Толика. Я буду через полчаса.

Не прибрано, хмыкнул я. Как всегда, не прибрано. А что, разве за полчаса нельзя прибраться в квартире, навести элементарный порядок?! Конечно, если месяцами не наводить этого порядка, то и дня будет мало... Меня всегда бесила небрежность, забывчивость Анны: раскидывать вещи куда попало, забывать выключать свет, начинать что-то шить, вязать, потом бросать начатое на половине, портить деньги на материалы, нитки, покупать массу ненужных вещей, которые годами валялись ненадёванными в шкафах, а потом стонать: этого нет, того нет...

В перестройку нагрянула мода на сословия, многие ударились искать свои родовые корни. Особенно женщины. Видимо, раздирало желание прибиться к какой-то элите. Анна выкопала в нафталиновых сундуках матери — тещи — какие-то документы, разрисовала свою родословную и безмерно гордилась тем, что дальние предки у неё из дворян, из знати. После того, как она обрела дворянство, она даже ходить стала как-то иначе, с гордо поднятой головой, и стала ещё ленивее, что касалось домашних дел. Горы грязной посуды в раковине, бельё не стираю, а сядет средь бардака с чашкой кофе из старинного фаянса рассуждать о дворянских обычаях семьи... Стоп! Стоп! Не надо заводить — всё это уже позади. Уже нахлебался досыта.

Впрочем, я в ту пору и сам заинтересовался своими корнями. О семье матери я многое знал, там ничего не выплыло неожиданного: крестьяне из поколения в поколение. А вот на отцовом древе обнаружили неожиданные родовые ветви. Оказалось, прадед был из-под Екатеринослава, нынешнего Днепропетровска, войсковой старшина, это целый казачий подполковник, судьба которого оборвалась при невыясненных обстоятельствах где-то в 20-е лихие годы. А дед был морской офицер (я-то думал, он служил матросом, а оказалось, капитан-лейтенантом), который погиб в Великую Отечественную, защищая Одессу; могила его не найдена, вернее, могилой ему стало

Чёрное море... А бабушка пела в каком-то знаменитом хоре. Не случайно мне нравились казачьи песни. В генах что-то, видимо, сбереглось. Поэтому и Льва Дмитрича я любил послушать с его казачьими балладами, да и сам ему подпевал, бывало, под рюмку.

Анна открыла дверь сразу, как будто стояла в прихожей и ждала моего звонка. Я нетвёрдо перешагнул порог. Вот и встретились. Ещё поднимаясь в лифте, я почувствовал, как громко стучит сердце, стук даже отдаётся в висках, и всё это не только потому, что впереди нелёгкий разговор про Толика, но и встреча с Анной, которая явится из семейного прошлого.

Посреди большой комнаты на ковре покоился пылесос — прибраться Анна, конечно, не успела, — зато губы и ресницы подкрашены... И вообще она недурно выглядит. Во мне даже что-то шевельнулось — наподобие полуугасшей любви, ведь эту по-своему очень симпатичную женщину я знал немало лет... Она совсем ничего не потеряла во внешности. Почему не выйдет замуж? Не за кого? Достойных, мол, нет, а плохого не надо.

Оказавшись там, где прожил двенадцать лет, я поразился: здесь почти ничего не изменилось, словно я отчалил отсюда вчера. Тот же диван-кровать с обшарпанной спинкой, шкаф со старинными книгами, до которых ни у кого не доходили руки, антикварное высокое кресло с изодранными подлокотниками и круглый столик с инкрустациями на резной толстой ноге; в углу, как и прежде, чёрное австрийское пианино.

Это пианино Анна подарила пятилетней Рите в день рождения, хотя я в ту пору на всём экономил и копил деньги ни машину. Работал где только выпадал случай, на любой халтуре: маляром, плотником, грузчиком. “Машина подождёт. Зато Риточка станет учиться музыке!” — радовалась Анна; она даже не заметила, что я в тот момент побагровел от злости. Я тогда сдержался, стерпел ради дочки, не упрекнул Анну, но этот дорогой “гроб с музыкой” возненавидел. К тому же у Риты не было ни желания учиться, ни особого слуха, и я всячески помогал ей избегать занятий музыкой.

“Надо быть очень ограниченным человеком, чтобы не понимать, как важна для ребёнка музыка!” — негодовала иногда Анна, но я был неумолим: “К чёрту эту музыку! Пусть Рита побольше гуляет, а не чахнет над клавишами. Как пианистка она всё равно никуда не пробьётся!” “У тебя на уме только деньги... Ты не понимаешь, что музыка — это полёт души...” Так завязывалась очередная ссора, которая доходила до криков и оскорблений, после чего мы неделю могли не разговаривать друг с другом, и никто первым не хотел пробить стену отчуждения... А Рита толком играть на пианино так и не выучилась, кое-как дотянула музыкальную школу. Но потом стала актрисой. Правда, это уже иная история.

— Она сообщила тебе, что выходит замуж? — спросила Анна.

— Кто?

— Рита, разумеется! Вот почитай. По скайпу я с ней связаться не могла, — Анна протянула мне конверт. Сама села в кресло.

Я взялся читать.

— Да садись ты, Валя, куда-нибудь. Ты ж не чужой... — сказала Анна.

Я устроился на край дивана. Письмо от Риты было следующим:

“Мамочка, милая моя!

Решено. Я выхожу замуж! Свадьба — потом. Так что не переживай. А пока я выхожу замуж и уезжаю в Польшу. Он режиссёр, он ставит там пьесу в Познани... Он гениальный режиссёр! Ты, конечно, не слышала, но это гений! Стас Резонтов. Я сразу слышу твой вопрос: старше ли он меня? Ну, конечно, старше. Ему сорок семь. Но это не имеет никакого значения. Он очень искренний, очень талантливый, очень-очень... А свадьба, родственники, гости, фата и прочий реквизит — это потом. Это не главное!”

В этом месте письма я слотнул слону, перекинул взгляд в угол, где горкой валялась одежда. Подсчитал. Рите недавно исполнилось 23, в прошлом году она закончила ГИТИС, а этому гению — 47, итого разница в 24 годика... Стал читать дальше. Письмо было коротким. До конца я добрался быстро. Ни просьб о соизволении матери на брак, ни упоминаний обо мне в письме не нашлось.

— Скоро я буду в Москве. Вот и поглядим на этого женишка.

— Разве это что-то изменит? — чуть скривила губы Анна.

— Ничего не изменит. Рита, похоже, больна любовью... Но с режиссёром надо поговорить. Думаю, когда мужчине за сорок, у него уже есть кое-что в голове.

— Все мужчины думают только одним местом. И место это — ниже пушка, — с язвительной ухмылкой сказала Анна.

— Для дворянки это неприлично, — заметил я.

— Зато честно, — быстро ответила Анна. — Ты подсчитывал, сколько раз ты мне изменял, пока...

После стольких лет изматывающей ревностью и глупостью супружеской жизни слушать теперешние претензии Анны было невмочь. Она так и не успокоилась, она всё как будто считает себя моей женой и предъявляет претензии.

— Достаточно! — резко оборвал её я. — Есть более важное, чем эти глупые упрёки! Я ими уже накушался... Где личные вещи Толика? Надо всё пересмотреть.

Мы пришли в маленькую комнату — обитель сына. Здесь тоже мало что изменилось. Разве что появились плакатные портреты каких-то глянцевого девиц и навороченных машин. Я полез в ящик его письменного стола.

— Мне кажется, ты не там ищешь, — подсказала Анна, хотя что я искал, она не знала. Да я и сам ещё не знал; мне очень не хотелось это что-то найти. — У него под шкафом есть секретная коробка. Я нечаянно туда заглянула. Катушка ниток закатилась... Полезла в эту коробку, а там...

Прежде чем встать на колени пред шкафом, я спросил:

— И что там интересного?

— А ты, Валя, не знаешь? — брыкнулась Анна. — Ну, порно там. Журнальчики.

— Он взрослый мужчина. В этом нет ничего удивительного... Да, это подходящее место, — тихо сказал я, обшаривая рукой пространство под шкафом.

В схроне Толика лежали несколько журналов с фотографиями секс-моделей, какие-то чистые бланки с печатями, ксерокопии документов на машину, визитные карточки, рекламки и, наконец, — вот они! Я взял в руки небольшой пластиковый пакет, в котором набралась бы горсть таблеток белого цвета.

— Что это? — вспыхнула Анна.

— Вот и я хочу узнать, что это?

— Может, в полицию сообщить?

Анна всегда была паникёршей, и в неожиданных ситуациях тут же предлагала разные, порой нелепые выходы.

— Попробуем пока без полиции, — ответил я, хотя уже наметил, к кому из полицейских приятелей смогу обратиться.

— Неужели это наркотики? — шёпотом спросила Анна, глаза её тут же наполнились слезами, и мне даже показалось, что она потянулась ко мне, — так часто бывало, когда на семью обрушивалась какая-то беда, пусть даже и невеликая.

— Плакать не надо. Пока ничего страшного не произошло, — успокоил я Анну и погладил её по плечу.

— Валя, что же будет-то? За такие таблетки Толику светит тюрьма! — она стояла ошеломлённая.

— Расскажи мне подробно. Всё, что с ним было в последние месяцы? Кто ему звонил, кто приходил? Когда он приходил? Что у него был за взгляд? Просил ли есть ночью?

— Откуда я помню? Приходил он поздно. Я уже спала...

Мне вспомнился один разговор, я был не участником, а свидетелем этого диалога: директор училища, где моя контора делала ремонт, объяснял что-то матери одного из подопечных, вероятно, балбеса-хулигана, которых в ПТУ всегда хватало. Мать сетовала:

“Ну, хоть вы мне подскажите, товарищ директор, что с сыном делать-то? Мужа у меня нету, прикрикнуть на него, приструнить по-мужски некому. Придёт сын в ночь-полночь, что я сделаю? Правду не скажет... А до тюрьмы-то — шаг шагнуть”.

“Ждать надо... — вздохнул директор. — Мать должна ждать своё чадо! Пусть идёт он домой хоть в два ночи, а окно в доме должно светиться. Там сидит его мать, она ждёт его! И всякий раз он будет знать, что мать не спит, встретит его... Когда-то и устыдится... Лишний раз не свяжется с кем-то... Горящее материно окно спасло много оболтусов! Девчонок — в особенности. Пусть окно ваше горит... Пересилить надо этот период”.

Я вспомнил о горящем материном окне, хотел было об этом Анне, но прикусил язык. Она, скорее всего, озлится, начнёт упрекать: вот бы и воспитывал сына сам, если такой умный, а не шатался по бабам и не ломал семью... Но, видит Бог, я не хотел разбивать семью: были какие-то бабы, но ради семьи, ради двух детей я не ушёл бы от Анны к самой что ни на есть красавице-раскрасавице. Да и ушёл-то я от неё “в одиночество”, а не к женщине... Всё старался заработать больше, бегал по шабашкам, чтоб жена, дети были одеты в дублёнки, чтоб летом к морю могли съездить, а скандалы ревности не прекращались, денег всё время не хватало, и, в конце концов, хлопок дверью, съёмная комната, и всё сначала, с нуля. Так распорядилась судьба. И неизвестно, как распорядится дальше.

— Ты пока приглядишься к нему, — сказал я, забирая таблетки с собой. — Что это за гадость — я узнаю. Если Толик будет спрашивать, где они, не ври. Скажи, что я приходил и забрал.

— Не было печали... — слёзно вздохнула Анна.

Мне захотелось поскорее уйти. Ни сострадания, ни осуждения Анны мне испытывать не хотелось. Нечего бередить душу, никакой прежней морочки! Пора!

— Ты никому ни слова... Никому! — кивнул я на прощание Анне.

Я вышел из дома, когда-то родного дома, с решительным настроением: за сына буду бороться! Риту тоже так запросто в лапы какого-то режиссёра не отдам!

Во дворе у подъезда на лавках сидели четыре старухи. Вот неожиданная встреча! Все они меня знали, наверняка помнили, кому я бывший муж, заздоровались наперебой. Я их считал старухами ещё и потому, что все они были вдовами, но они, по-видимому, старухами себя не считали, ещё вовсю молодились, и теперь, по весне, даже расцвели. Подкрашенные, подзавитые, никаких сединок в волосах не видать, духами попахивают; они, видно, ещё на что-то надеялись, а может, просто гнали от себя годы.

— Здравьете, здравьете, барышни! — с доброжелательной насмешкой сказал я, оглядев бывших соседок. — Что, милушки, выбрались на завалинку перемыть кому-нибудь кости?

— И это надо...

— Мы и есть общественное мнение! — весело, безобидливо откликнулась старая соседка.

— Что, не даёт вам покоя министр Сердюков со своей толстозадой воровкой? А вот скажите-ка, бабоньки, — хитроглаголо повёл я, — где ваши-то мужики, мужья то бишь?

— Дак ведь померли они, Валентин. Али забыл?

— Царствие Небесное!

— Ты ж их всех знал, мужей наших!

И то верно: всех мужей этих старух я знал. Один был бывший военный, майор танковых войск; другой — автослесарь, “золотые руки”, не раз заглядывал под капот моих первых “жигулей”; третий — пьющий интеллигент, корреспондент из местной газеты, а четвёртый — тренер по боксу, сам бывший боксёр.

— Кто ж им помог помереть-то до срока? А, бабоньки? Кто им кровь портил скандалами, похмелье не давал, уход вёл плохой, об их отдыхе и здоровье не заботился? А? — иронично и в то же время на полном серьёзе

вопрошал я. Старушки взволнованно насторожились. — Изъездили вы, красавицы, своих мужиков раньше срока. А теперь сидите, как курицы на насесте, квохчете... Белый костюм негра Обамы обсуждаете...

Ропот возмущения прокатился меж старух, но я этот ропот слушать не стал, выкрикнул со злой весёлостью:

— Эх, бабки! Беречь надо своих мужиков ещё при жизни! Детям своим, дочерям-внучкам накажите, чтоб мужиков своих берегли!

Я быстро пошёл к своей машине. Ох, и пополощут меня старые бабы за такие слова! Всё мне припомнят: и мою расколотую семейную жизнь, и свою любовь к мужикам своим, которые, конечно, не в меру выпивали, о здоровье своём не заботились, по молодости были гулёнами, и сами виноваты в том, что рано отволокли их на кладбище...

6

Это произошло так неожиданно, непредсказуемо и, казалось, совсем без повода. У меня и не было никаких болезненных симптомов до этого часа. Когда начался приступ, я сидел у себя в кабинете; работал тогда в одном строительном тресте мелким начальничком. Боль, вступившая ко мне в правый бок, стала постепенно парализовывать, сковывать движения, и в некоторые моменты словно игольчатым камнем шевелилась. Тогда я покрывался потом, и хотелось стонать. Я ошарашенно думал: “Что же это такое?” Но ничего не выдумал, кроме аппендицита. Вызвал секретаршу Елену, она была на то время и моей близкой подругой. Проговорил полупшепотом:

— Ленка, мне очень хреново. Вызови “скорую”. Резкая боль в правом боку. Наверно, аппендицит.

Елена всплеснула руками:

— Валентин Андреевич, какой вы бледный стали...

— “Скорую” вызови! — перемогая боль, прикрикнул я на секретаршу.

Неотложка долго не ехала. Что это было за время?! Девяностые!.. А я уже валялся на диванчике у себя в кабинете, согнувшись, прижав колени к груди, и еле сдерживался, чтобы не заорать от наплывов боли.

Очкастая, сухая, нервная врачиха — от неё ещё гадко пахло табаком, — прибывшая со “скорой”, взглянула на меня, как на преступника, резко попросила показать язык, затем надавила на живот, и я взвыл от умопомрачительной боли. Потом она отвернулась от меня, что-то стала писать в какой-то бумаге, спросила мимоходом:

— До машины сами дойдёте? Или носилки?

— Что со мной?

— В больнице диагноз поставят. Думаю, почки...

— Но у меня ж никогда не было...

— Всё когда-то начинается, — философски сказала докторша, хмыкнула и прибавила: — И заканчивается...

В своих циничных проявлениях она мне даже чем-то импонировала. Не сюсюкает. Сразу в больницу. Без всяких глупых расспросов. Что ели? Как спали? В стационар — и всего делов!

С помощью приятеля из конторы и секретарши я доковылял до “скорой” — раздолбанного “уазика-буханки”; подумал попутно: хорошо, что у “скорой помощи” бензин есть, чтобы довезти меня до стационара. Елена напрашивалась со мной. Но я сказал: “Нет”. В машине я не кричал, но когда добрался до кушетки приёмного отделения, начал стонать. В этом узком кабинете приёмного отделения я был один, стесняться было некого, но если б здесь было хоть сто человек, хоть сто женщин, я всё равно бы стонал. А позже я и вовсе не выдержал — стал кричать от боли...

Я сам себе не верил: разве такое возможно, что я буду орать в истерике и извиваться на кушетке. Но никто не приходил: ни дежурный врач, ни медсестра, и тут опять сквозь боль пролетела мысль: что ж мы натворили, если так опустили медицину? Я орал. Но всем, похоже, на всё было наплевать. Ох, уж эти девяностые! А правильнее сказать — ельцинские годы!

(цифра “90”, да и век двадцатый ни при чем, ведь во все времена правят люди, иногда тупицы и негодяи).

Наконец, пришёл врач. Немолодой, лысый, красный весь, на лысине — капли пота, мне даже показалось, что он “под мухой”; правда, от него не пахло...

— Ты чё так орешь-то? — безобидно прикрикнул он на меня.

— Больно... — прошептал я.

— Не мог раньше, — оправдался врач, подсел ко мне на кушетку: — Ну-ка, ну-ка, ну-ка, покажись, — заговорил он и стал ощупывать мой живот.

— Что со мной? — нашёл я в себе силы спросить спокойно.

— Обыкновенная почечная колика. Сейчас сделаем укол... Полежи ещё.

— Только недолго...

— Да, да, да... — врач быстро исчез, так же, как появился.

Я снова остался на кушетке со своей болью. Я молча терпел её не больше минуты, а дальше — опять стон и сплошной ор.

Пришедшая медсестра, хваткая пожилая бабёнка в крупных очках, с наполненным шприцем в руке, тоже церемонилась со мной недолго:

— Чего кричать-то? Надо потерпеть... Пьёте, пьёте... Почки не железные. С доктором вам повезло. Добрый. Последнюю ампулу вам отдал. Лучшее лекарство...

— Что за лекарство? — сквозь зубы пробормотал я.

— Анальгетик. Наркотик, по правде-то сказать. Боль как рукой снимет... А почечная колика — такая зараза. Никто никогда не знает, где это начнется. Может, камушек с места стронулся и пошёл гулять... Лежи. Отойдёт. — Медсестра, так же деловито, как доктор, ушла от меня.

Снова я остался один. Но уже в другом состоянии. Незаметно для себя я перестал стонать, подстанывать, тяжело вздыхать. Затем незаметно отступила боль. Она отступила не разом, а постепенно. Сперва я перестал думать о боли, хотя и живот, и спина превратились у меня за время приступа в единый неповоротливый тяжёлый камень. Но теперь этот камень не давил, не приносил страданий. Я лежал с закрытыми глазами, и перед моим внутренним взором творилось что-то невообразимое. Будто в тёмном ночном небе необыкновенного сиреневого цвета вспыхивали, неярко и нерезко, разные звёзды; они мягко играли радужными цветами, перемигивались, мерцали; они окончательно приносили обезболивающее избавление, они уносили меня от мира здешнего в мир бесчувственный, разноцветный и сказочный. С каждой минутой мне делалось всё лучше. Ничего подобного прежде я не испытывал. И дело было не в красоте звёзд, потом эти звёзды и вовсе исчезли, а перед глазами было что-то светлое — словно ранняя зорька на дальнем горизонте. Но видимые образы были сопутствующими, главное — внутри нарастало насыщение радостью, как будто всю мою плоть, все клетки моего организма наполнили здоровой силой, способной поднять меня не только с кушетки, но и с земли — в небо. Хотелось смеяться! А ведь прошло всего несколько минут после того, как я безбожно орал от боли.

И тут, как бывало со мной, в эти минуты и мгновения опять пролетела в моём сознании, цельной, многокрасочной картиной моя жизнь. Но сейчас ярких счастливых красок в ней было много больше, чем когда-то прежде. Я слышал и ласковый голос матери, я чувствовал морозный запах ели, которую мы спиливали с отцом на новогодний праздник, я безудержно был влюблён в одноклассницу Ладугу, и эта любовь простиралась на внезапном полотне жизни неким восходом солнца, а по коже бежали мурашки от счастья...

Из тихих ласковых галлюцинаций меня вывел голос врача, а потом голос жены Анны.

— Утих, уснул, значит всё нормально. Приступ прошёл.

— И что теперь делать? — спросила Анна.

— Обследоваться, лечиться... Да, да, да... Тут никуда не денешься.

Я слышал разговор вполуха и сквозь ресницы смотрел на врача и жену; мне не хотелось открывать глаза шире. Но внутренний толчок встрепнул меня:

— Куда меня сейчас, в палату? — спросил я доктора.

— Нет, нет, нет, — живо откликнулся доктор. — Можно обойтись и без стационара. Амбулаторно.

Я с улыбкой смотрел на Анну, взял её протянутую руку.

— Выходит, ничего страшного? — спросил я.

— Бывает и хуже.

В этот момент в приёмный покой вошёл высокий решительный человек, тоже в белом халате; по всему виду, врач рангом повыше, чем мой лысый лекарь-избавитель. Это был главврач.

— Ах, вот вы какой, голубчик! Мне весь телефон оборвали... — с некоторой издевкой заговорил главврач и подозрительно посмотрел на Анну: — А вы кто?

— Жена, — ответила она и вдруг почему расплакалась, слёзно спросила: — Скажите честно, что с ним, доктор?

Но главный врач на её вопрос не ответил, зато уточнил:

— Значит, вы жена?

— Да.

— А кто вам сообщил о приступе вашего мужа и где он находится?

— Его секретарша.

Главный кивнул, сказал уверенно Анне:

— Не беспокойтесь! С вашим мужем всё будет хорошо. А пока выйдите, пожалуйста. Мы ещё раз осмотрим вашего мужа... — он почему-то выделит эти слова “вашего мужа”. Как только Анна оказалась за дверью, главврач покачал головой:

— Да-а, голубчик, — он присел на край кушетки. — Мне звонят и звонят. Но я не могу говорить о диагнозе больных чужим людям, а только близким родственникам... У вас ещё две жены, голубчик. Не считая той, которая стояла только что здесь.

Я не понял, куда он клонит:

— Откуда они возьмутся, ещё две?

Главный понизил голос, сказал по секрету:

— Мне сперва позвонила ваша секретарша, представилась, расспросила, где вы и что у вас... Тут всё понятно. Но потом ещё позвонили две женщины, и каждая из них представилась вашей женой. Итого вышло трое, Валентин Андреевич!

— Не может быть! — ошеломлённо сказал я.

— В жизни, голубчик, всё может быть... Причём одна из них звонила откуда-то с улицы, из автомата, был слышен шум машин.

Лысый врач захохотал, а потом сказал иронично и дружески:

— Отправляйтесь домой, многожёнec. Лечитесь амбулаторно. Это всего лишь почечная колика.

— Всего лишь. Я орал так, что весь город, наверное, слышал.

— Бывает.

Главный врач вышел из помещения, было слышно, как он сказал Анне:

— Вы можете забрать своего мужа. Следите за ним. Я имею в виду здоровье...

Если и была в этих словах насмешка, то очень скрытая. Мне даже показалось, что, напротив, доктор говорил очень серьёзно, с назидательностью.

Загадка о трёх жёнах долго терзала меня. Часть этой загадки удалось разгадать. Сотрудница юридической службы Екатерина, когда отмечали 23 февраля, подвыпив, призналась мне:

“Когда вас на “скорой” повезли, я так перепугалась. Грешным делом, подумала: вдруг у человека инфаркт... Позвонила главврачу, сказала: “Я жена! Говорите правду!”

Екатерина всегда мне нравилась. Нет, я не подбивал к ней клинья, но она мне нравилась: ухоженная, улыбчивая, чёткая, всё понимающая. С такими всегда хочется провести время. Но не думал, что я ей до такой степени интересен, что она назовёт себя моей женой... Впоследствии мы с ней провели несколько вечеров вместе (после того, как она назвалась моей женой, я не мог отказаться...) Я так её и называл: “вторая жена”.

А кто была третьей телефонной женой — осталось тайной. Я приглядывался к каждой потенциальной жене в своей строительной конторе, но никого не мог выбрать. Смущала только одна кандидатура. В экономическом отделе работала девушка Оксана. Она была тихой, скромной, неприметной. И, по-моему, очень стеснялась меня. А ещё была ниточка — однажды я услышал вопрос её сослуживицы: “Ты чего, Оксан, из телефона-автомата звонишь? Разве у вас в отделе телефонов не хватает?” Я в тот же миг наострил уши: что ответит Оксана. Но Оксана пожала плечами, а сослуживица извинилась: “Прости за глупый вопрос. Говорить со своим молодым человеком лучше без посторонних ушей...” — И она рассмеялась, а Оксана слегка покраснела. Но была ли “третьей женой” скромница Оксана — большой вопрос. Так я и не выведал, кто она, моя очаровательная преданная третья жена? В этой тайне было какое-то упоение, иллюзия любви и счастья. И даже, наверное, хорошо, что не нашлось отгадки.

Но главное во всей истории с приступом было другое: лекарство-наркотик. Оно настолько поразило меня, что потом, даже много позже приступа, я всё ещё надеялся, что такой же приступ повторится и мне достанется тот же самый искуссительный обезболивающий препарат. Я перенёс лютую боль, истерику, но я готов был перенести её ещё раз, ради избавительного укола, ради фиолетового неба со звёздами и бесконечной радости, которая постепенно насыщает тело, а потом и душу...

Почему мне лезла в голову эта история, было понятно: я вёз в машине таблетки. Глупо, но мне хотелось их попробовать, испытать, как тогда испытал “возвышающее” действие лекарства.

Нужно было вытаскивать Толика. Помочь в этом сейчас мог Виталий Шаров.

7

Деятельный человек с годами всегда обрастает связями, знакомствами, благом. Коллеги, однокашники, армейские друзья, однокурсники — они не сидят сложа руки, они становятся начальниками, влиятельными чиновниками, получают звания и звёзды на погоны. Виталий Шаров был ментом. Ментом азартным, которые не любят проигрывать. Этот Шаров, будучи когда-то капитаном, попортил мне немало крови.

В стране в девяностые — бум предпринимательства, вернее, лёгкой жизни и откровенного воровства; конторы появлялись и исчезали. ТОО — товарищества с ограниченной ответственностью. Как мило, с ограниченной ответственностью! Почему не с полной? Я, разумеется, открыл свое ТОО, потом ещё одно, а потом ЗАО и т. п. Но забывал конторы закрывать, так и получилось, что одно брошенное ТОО вместе со всеми документами повисло на бухгалтерше Ксюше-пулемётчице. Она не говорила, а частила словами, словно пулемёт, вот и подошло ей прозвище “пулемётчица”. С Ксюшей у меня был коротенький роман, даже не роман, а так — “перепихушки”. Почти все директора-“тоошники” со своими бухгалтерами спали, так было проще обговаривать аферы.

Но с Ксюшей произошёл у нас разрыв, безболезненный, мирный, что-то не срослось, а вот документы и печати ТОО с романтическим названием “Северный монолит” так и остались у неё. Они должны были кануть в Лету, такое было делом обычным, но они не канули, а всплыли у мента Виталия Шарова.

Меня потащили на допрос, тут я увидел его и удивился капитану Шарову. Он сидел в убогом ментовском кабинете, но каким щёголем! В костюмчике с иголки, курил дорогие сигареты, на руке — золотой браслет, на пальце — перстень из белого золота. Шаров острым взглядом мента и психолога, наверное, определил, что я ни в чём не виновен, хотя сначала напустил такого туману, что меня на расстрел могли увести без суда и следствия...

— Вот документы, гражданин Бурков. Пять вагонов с цементом вы получили от Гурьянского цементного завода и не заплатили ни копейки, хотя гарантировали...

— Ничего я не получал! Ничего не гарантировал! — вскричал я. — Не было у меня никакого контракта. Клянусь, не было!

Тут Шаров панибратски сказал:

— Да верю, верю я тебе, Валентин. Но весь хрен в том, что и печати, и устав твоего ТОО “Северный монолит” неподдельные. Шерше ля фам... Бухгалтерша твоя где?

— Не знаю. Она теперь у меня не работает.

— А документы и печати у неё остались?

— У неё. У неё! Найду её, суку, Ксюшку-пулемётчицу! — не стерпел я.

— Пулемётчицу? Это любопытно. Надо найти, гражданин Бурков. Пять вагонов с цементом — это, конечно, не батон колбасы, украденный в магазине. За батон колбасы ты бы пару лет схлопотал. За двести тонн украденного цемента тебя явно не посадят, откупишься, выкрутишься. Но пятно грязное будет...

Тут я рассмеялся и всё перевёл в шутку:

— Прости, начальник, но не виноватая я... А Ксюшку-пулемётчицу тебе доставлю. С ней обо всём и перетрёте.

— Я думаю, что она тоже не виновна. Какой-нибудь её хахаль подеутился. На чистых бланках расписывался, Валентин? На ордерах приходных-расходных, в книжке чековой? — тут он сменил тему допроса. — Ну ладно, время позднее, конец дня, пятница. Пошли в ресторан. Перекусим. Там всё и обсудим...

Я сразу понял, что платить за ресторан придётся мне. Но этому и обрадовался: иметь в приятелях такого капитана, явного проныру, немножко хама и циника, который цепок, но не корчит из себя гениального сыскаря, — факт очень выгодный. Да и если он идёт со мной в ресторан, значит, мне доверяет, он не глуп, с шантрапой, урками пить не будет, и обо мне, видать, кое-что уже вызнал.

В ресторане мы с Шаровым крепко нагрузились. Шаров напрямую сказал мне:

— Пять тысяч долларов — я всё улажу... Найду этого гадёныша, кто твою Ксюшку-пулемётчицу отпугемтил.

— Слово?

— Слово офицера! — пьяно ухмыльнулся Шаров.

Потом, ещё подвыпив, я приобнял Шарова и спросил напрямую, глядя в глаза:

— Скажи мне, Виталий, — в этом месте я споткнулся: я хотел спросить его с некоторой осторожной язвительностью: “Сколько?..” — но в последний миг изменил свой вопрос и снял язвительность: — Что тебе нужно для счастья?

Шаров задумался, как-то собрался, даже будто бы протрезвел и ответил серьёзно и уж точно честно:

— Самое главное для меня — чтобы мать не болела. Всё остальное чепуха... Мать у меня прихватило сильно. Не знаю, выкарабкается ли? Лекарство импортное нужно.

Эта искренность Шарова запала мне в сердце.

Мать у Виталия Шарова не выкарабкалась. Шаров вскоре после смерти матери женился и, странное дело, перестал щеголять в красивых костюмах, снял золотые украшения, ходил в основном в милицеейской форме, хотя по-прежнему был аккуратен, любил стоящие вина, дорогие сигареты и кофе “американо”.

Теперь Виталий был уже целым подполковником, сидел в просторном мебельрованном кабинете под портретом президента, в новой полицейской форме, да и должность в иерархии полиции занимал весомую для провинциального Гурьянска — один из замов районного начальника.

Я застал Шарова взбудораженным: он ходил по кабинету туда-сюда и отчитывал сотрудника за какую-то утечку информации. Ещё заглянув в кабинет, я спросил: “Может, мне подождать?” Но Шаров выкрикнул:

— Заходи, заходи! Это и тебя касается!

Перед Шаровым сидел молодой человек, в гражданском костюме, вертел в руках сотовый телефон, — видно, из оперативных сотрудников; речь шла о какой-то операции, которая чуть было не сорвалась или результаты которой ещё были до конца не ясны. “А при чем тут я?” — подумалось мне.

Шаров вскоре ответил на мой не оглашённый вопрос:

— Вот вы, строители, несли взятки чемоданами Галковскому, ныли, ждали, чтоб мы его поскорее на нары кинули. А когда мы попросили вас помочь нам — все задницу в горстку, и никто против Галковского. А почему?

— А потому что Галковский кормит губернию и Москву! — возразил я. — Ты его за задницу, а завтра его задницу московские воротили в кресло вице-губернатора посадят.

— Думаю, что нет. Отрекутся, — тихо произнёс молодой опер. — Сейчас время сливать губернаторских обжор...

— Да, над нашей губернией тоже собираются тучи, — сказал Шаров. — Хотя у каждого чиновника грехов — выше крыши. Но у Галковского их более чем. Он, мерзавец, своих женщин в конторе заставлял ходить на работу исключительно на каблуках, исключительно в юбках, некий дресс-код. Значит, и домогался к кому-то. Значит, кто-то на него точит зуб и готов свидетельствовать.

— Думаю, не без того, — подтвердил опер.

— Найди парочку жертв. На всякий случай и эту подпорку используем. Чем больше свидетелей, тем лучше. Можешь идти.

— Есть, — отозвался опер. Вышел из кабинета.

— Ты давал взятки Галковскому? — спросил меня Шаров. Он смотрел мне прямо в глаза.

— Разумеется, — ответил я. — Как все. Без его подписи к коммуникациям в городе не подпустят.

— Можешь подтвердить это сейчас? Хотя бы устно? При Галковском?

Я растерялся. Дело пахло жареным. Шаров — мент, его работа — играть с огнём. А мне в кошки-мышки играть не резон. Но выходило сейчас так, что я зависим от Шарова, я же пришёл к нему в роли просителя, на карте — судьба сына. Я почувствовал, как озноб пробежал по спине, и внутри меня что-то загудело — будто бы страх, который испытывал в детстве, когда приближалась драка.

Всё-таки связываться с ментами — дело скользкое. Лучше бы не связываться никогда. Настоящий мент, а тот же Шаров был ментом настоящим, должен быть умён и коварен. Если ты у него чего-нибудь просишь, знай, завтра он попросит у тебя. И ещё неизвестно, что дороже... Лучше жить по закону. Но я по закону не жил. Вертелся, взятки давал, обманывал налоговую, финтил кое-что с банком, успокаивал себя: все так делают, без этого в бизнесе не выжить... Врал, конечно, сам себе. Но чистеньким перед Шаровым казаться не хотел и не мог.

— Виталий, я тебе верю. Я готов сказать в присутствии Галковского, что давал ему взятки. К тому же, на вашем языке говоря, у меня есть кой-какая вещественная база.

Шаров протянул мне руку, ожесточённо тряхнул её, сказал:

— Спасибо! Пойдём! Галковский у нас в подвале сидит.

— Не может быть! Сам Галковский в подвале?

— Сегодня на даче взятки прихватили. При обыске ещё нашли двадцать миллионов наличными.

...Это был зажравшийся воротила. Чиновник, который давал разрешения на любую стройку в городе и районе. Взятки и откаты у него вошли в систему, он делился с теми, кто стоял над ним, и, видно, совсем потерял чувство опасности. Вот и попался. Или кто-то захотел его убрать, потому что слишком много знает. Дело тёмное и грязное. Там, где большие деньги, — вечные сумерки...

Мы вошли с Шаровым в одиночную камеру. Там было чисто, светло. На кровати сидел человек в спортивном костюме, руки у него были сцеплены в замок. Это и был Галковский. Я его даже не узнал. Он был без очков,

без галстука, без белой сорочки, он слинял, потерялся. Словно бы орёл стал воробьём. Шаров строго и чётко заявил:

— Господин Галковский, это не для протокола, а для информации... Валентин Андреевич, — обратился потом ко мне Шаров, — вам известен этот человек?

— Да, я его знаю, — твёрдо ответил я.

— Вы давали господину Галковскому взятки?

— Да. Я отправлял деньги на счета, указанные им.

Галковский сперва как будто не понял, о чём речь, потом побледнел, прошептал:

— Я требую адвоката!

— В данный момент обойдёмся без адвоката.

Галковский вскочил с кровати, выкрикнул:

— Зачем вам это нужно, Шаров?!

— Хотя бы время от времени таких, как ты, надо сажать в тюрьму.

А лучше бы расстреливать, — не церемонясь, ответил Шаров.

Галковский перевёл взгляд на меня, голос его был по-щенячьи обиженным и укорительным:

— Валентин Андреевич, — впервые он меня назвал по имени-отчеству, — как же вы так? Я же вам никогда не отказывал, а вы... Мент выслужиться хочет, но вам-то...

В первый момент после этих разоблачительных слов я растерялся, но совсем ненадолго. Будто в ответ на его укорительные слова разом промелькнули передо мною десятки унижительных для меня картинок, когда я просителем отирался в приёмной Галковского, когда ловил его в коридорах и о чём-то упрасивал, когда подносил подарки ко Дню защитника Отечества.

— Мне тебя не жалко! — брезгливо сказал я.

Встреча с бывшим чиновником кончилась. Я был уверен, что Шаров упрямчет его за решётку. Мне ничего не грозит. Новый назначенец вряд ли будет мстить за проворовавшегося бывшего... Впрочем, никто не знает, как ляжет карта. Ведь и этот жулик вряд ли думал, что попадёт на нары. Выйдя из камеры Галковского, я символически сплюнул, сказал:

— Все знали, что он вор, а столько лет сидел в кресле, позорил власть, портил дело, гадил обществу.

Шаров внимательно и хитровато посмотрел на меня, спросил:

— Но ведь это многих устраивало? Кто его хотел вывести на чистую воду? Он доил деньги из ЖКХ, из строителей, отдавал своим людям подряды. Кормил чинуш из области, имел московские связи...

— Хватит о нём. Я к тебе по другому делу!

Мы вернулись с Шаровым в его кабинет. Я молча выложил на стол пакет с таблетками. Шаров посмотрел на них без особого интереса, как будто видел такие таблетки каждый день.

— Мой сын влип в дурную компанию. Боюсь, что его пасут какие-то гниды.

— Наркотики — статья тяжёлая. Твоего парня надо спасать.

Я рассказал Шарову о загадочном поведении сына, о его знакомых, о “жигулёнке”, на котором ехал Толик.

Шаров курил сигарету. Курил он красиво. Я смотрел на него и даже немного любовался. Теперь это был не капитанишко в ободранном кабинете, который после работы шёл в кабак на халяву. Теперь передо мной сидел прагматичный, расчётливый полицейский старшего офицерского чина. Правда, левыми деньгами и подарками Шаров не брезговал, но цели разбогатеть он не ставил, сомнительные подношения сразу отвергал; от моих подарков он не отказывался, надеялся, что не предам его. Но вообще-то он как-то холодно относился к деньгам. Если они ему были нужны, он их доставал, а деньги ради денег — это было для него чем-то вроде паскудства. Он и сотрудинок тут же увольнял, если замечал за ними шкурничество. Сейчас Шаров молчал. Я кончил свой рассказ и ждал.

— Много лет назад, я тогда лейтёхой был, дураком, первые дела только вёл... Словом, паренька я одного посадил. Васей звали. Никак простить

себе не могу. Его друзья подставили... Отнеси, мол, посылочку — заработаешь. Потом ещё, потом ещё... А когда пацан расчухал, что стал наркокурьером, возмутился. А те ему, если вякнешь — сядешь. Сдали в конце концов. Я мог ему помочь, но... То ли ума не хватило, то ли тщеславие сопливое — раскрыл, мол, целую цепь. Словом, парнишке дали три года. На зоне какие-то скоты его снова подставили, его изнасиловали... Он повесился.

— В чём мораль? — спросил я.

— Жить тяжело. Грехов много. Надо бы хоть в церковь ходить... Да всё как-то не получается... Твоего Толика я криминалу не отдам! — вдруг резко сказал Шаров. (С сыном он был шапошно знаком, даже как-то раз играл в шахматы.) — Ты сказал, что он ехал на раздолбанных “жигулях”. Номер помнишь?

Я назвал номер.

— Заходи завтра, Валентин. Я пробью, чья машина. И вообще что-нибудь придумаем. Таблетки подержи у себя. Экспертизу надо сделать...

8

День сломался, планы — насмарку. Ох, уж эти неожиданные вводные! Задумаешь одно, а делаешь другое. Так и по всей жизни получалось. Мечты в одну сторону, реальность — в другую. А ведь день начинался так бодро, с весеннего эликсира, с настроения: впереди поездка в Одессу, отпуск, даже что-то лирически-любовное, ведь в Одессе жила Лада... А тут один внезапный удар, второй — удар, третий... Третий будет сейчас.

Моим соседом по таунхаусу был приятель Галковского, чиновник из администрации Соловьёв, через него мне тоже приходилось проворачивать некоторые делшки, связанные со строительными подрядами. Соловьёву придётся признаться во встрече с Галковским в полиции и в том, что я ничего о нём скрывать не буду: пусть тонет... Но ведь Соловьёв был с Галковским в одной лодке. Тьфу ты, чёрт! Одно тянет за собой другое. Это как сантехнику ремонтировать. Вроде бы только прокладку сменить в смесителе. Раскрутил — оказалось, надо менять и весь смеситель, и даже все трубы надо менять...

Вроде бы Достоевский написал о том, что человек рассчитает один-два варианта в жизни, а жизнь даёт миллион вариантов. Ничего не угадать. Может, тогда стоит плыть по течению, если за нас всё решено наперёд?

Но в Бога я почему-то не верил. Вернее, Бог был для меня величиной абсолютно абстрактной, виртуальной: нечто нематериальное, сотканное из мыслей и чувств человека... Традиционно верующих я уважал. Даже завидовал им, а сам от веры был далёк настолько, что ни разу и лба своего не крестил, хотя мать говорила, что в младенчестве к нам домой приходил священник и покрестил меня и мою старшую сестру разом, минуя церковь. Мать учительницей работала, стеснялась — комсомолка была, активистка, да и отец был партийный. Но покрестить детей не считала лишним.

Я подъехал к своей калитке, оставил машину, обогнул часть нашего двухэтажного дома, где занимал одну половину, другую занимал Соловьёв с женой. Увидел его машину в небольшом дворике, но сразу к нему не пошёл. Несколько таунхаусов строила моя фирма, в том числе и этот дом, который был под моим особым контролем. Я знал, что буду жить здесь, знал, кто будет моим соседом, и то ли бес попутал, то ли какой-то инстинкт любопытства, а может, самосохранения взвырал, в кладовке первого этажа я не заложил вентиляционный люк и при желании, отодвинув секретную заслонку, мог подслушать, о чём говорили соседи в столовой... Туда я и направился, зная почти твёрдо, что речь идёт об аресте Галковского, и мне нужно понять настроение и мысли его соратника и сообщника.

Гадко это, противно — кого-то подслушивать, за кем-то шпионить, но “какать захочешь — так присядешь”, говорят в народе... Мне это было нужно: знать, о чём говорят в доме Соловьёва.

По голосам я сразу понял: Соловьёв пьян, а его молодая жена Ирина раскалена, даже мат проскакивает в речи.

— Да без его денег они куски дерьма! Галковский их кормил, а теперь кто будет? — услышал я голос Соловьёва.

— Найдутся такие же хапуги, — зло кинула Ирина. — Деньги, деньги, деньги, всё у вас деньги! Сколько раз тебе говорила: угомонись, отойди в сторону, а ты совсем голову потерял... Теперь всё отберут, тебя за решётку бросят, а мне что — в комнату в общежитии идти?

— Только о своей шкуре думаешь, — устало пробормотал Соловьёв.

— А что мне не думать?! Я молодая ещё! Жить хочу!

Этой заслонкой я пользовался всего второй раз, хотя жили мы в этом доме уже третий год. Однажды мне нужно было подслушать, о чём говорил Соловьёв с гостем, каким-то барыгой из московского министерства, который доил наш город, курируя большой федеральный строительный проект. Но слушал я их разговор недолго. Они говорили о политике, перемывали кости премьеру и министрам, обесуждали их всем известные решения и ничего закулисного, ничего оригинального. Такое плетут в любой компании, за любым пьяным мужским столом. А у меня есть принцип, ну, принцип — не принцип, но есть некая установка: о политике болтать не хочу! Даже есть такая команда: “Стоп! Меня это не касается!” Я не в силах что-либо помянуть “наверху”, чего ж об этом и говорить? Там совсем другой мир, другие связи и силы, и никогда не откроется та личность, которая принимает решения, а чесать лясы попусту о том, почему у премьера мешки под глазами, — чужь собачья! Моя политика делалась вокруг меня, та политика, на которую я мог повлиять, где я принимаю решения. Так я и перестал слушать треп московского гостя с Соловьёвым, хотя московский гость, наверное, кое-что знал из сокрытой от толпы жизни верхов, но, думается, тоже вряд ли мог влиять на Политику, — так, карманы себе набивал на хлебном месте...

— ..Чего ты раскудахталась? За границу уеду — вот и весь хрен!

— Кому ты там нужен? — съязвила Ирина.

— Я не нужен. Мои деньги нужны! — ответил Соловьёв строго. (Я даже представил его кривую ухмылку.) — Тебе ведь мои деньги тоже нужны оказались?

Ирина молчала: вопрос коварный. А Соловьёв ей подсказывал, пьяно и вульгарно:

— Вспомни, откуда я тебя вытащил? Если б не я, работала бы швейей на фабрике, жила бы в бараке с алкашом-слесарем, пила бы... не мартини в итальянских ресторанах...

— Дурой была. Повелась на твои побрякушки, — негромко отозвалась Ирина. Тут она, как мне показалось, глубоко вздохнула и — почти в крик: — Да, за деньги! Да! Если б не деньги, чего бы ты, урод, стоил?! Ты посмотри на себя! Башка облезлая, живот большой, ножки — как спички... Я на тебя, урода, лучшие годы жизни положила. Ни ласки, ни настоящей любви не знала... Но и ты ни копейки в гроб с собой не унесёшь. Да и деньги-то ваши грязные. Обирали пенсионеров, стариков на квартплате надували. Ничего святого у вас, уродов, нету... Локти кусаю, что согласилась для тебя куклой служить...

Ирина была моложе Соловьёва лет на пятнадцать. Красивая, неглупая, хозяйственная — всё в дом, — но мина замедленного действия в их семейные отношения была заложена с самого начала: я знал, что и этот дом, и накопления Соловьёв переписал на свою дочь от первого брака, у которой к тому же трое детей — внуки соловьёвские.

— Ишь ты! Куклой она служила... — громко хмыкнул Соловьёв. — Я тоже жалею, что на тебе, курве, женился. Если б знал, какая ты... Ещё и на передок слабая... Думаешь, я не знаю, как ты к слесарю своему бегашь?

Тупую семейную ругань слушать не хотелось, хотя и из неё можно выудить что-то ценное. Но уж больно противно. Я прекратил подслушивать. Осторожно перекрыл вентиляционную задвижку, замкнул тайный канал в чужую жизнь. Везде какие-то вывихи и изгибы. А ведь помотришь на Соловьёва и Ирину со стороны: вроде радушная пара. Достаток, путешествия за границу, а оказывается...

К Соловьёву я не пошёл. Правда, скоро он сам, пьяный, с бутылкой виски приплёлся ко мне. Мне было неприятно и неловко смотреть на него. И жалко в то же время. А ему нужно было выговориться. Я это сразу понял. Он держал в себе тайну, но кто-то сказал: легче на языке держать раскалённые угли, чем тайну... Впрочем, тайна была относительной. Коррупционный скандал, конечно, скоро бы всплыл.

— Меня прижали, пришлось указать на Галковского... Вообще сейчас в городе всю колоду переменяют. Галковский — это только начало.

Я смотрел на него, зная о его разговоре с женой, и мне он казался очень уродливым. Действительно, голова с редкими волосёнками, тонкие губы, дряблая шея... А ведь Ирина его молодая, свежая, недурна собой... За деньги явно выскочила. Кто из них подлее? Он, который обворовывал пенсионеров через квитанции из ЖЭКов, или она, которая легла под него, как дворовая девка, и набивала себе цену... Впрочем, у таких, как Соловьёв, разве могут быть честные жёны?!

— Все воры, — заговорил упрямо и агрессивно Соловьёв. — Все, все воры! Каждый тащит на своём месте! Пусть понемногу, но тащит... Все воры! Все, кто имеет доступ к бюджету!

— Меня ты тоже вором считаешь?

— А твои строительные сметы честные? — запальчиво спросил Соловьёв. — Или отчёты в налоговую?

Я хотел было возразить, пуститься в рассуждения о сметах, о том, что советские сметы устарели, а новые, буржуазные, не выстроены правильно. Однако что-то остановило меня. Если даже я вор, то вор поневоле. Уж тем более бабешек через ЖЭКовские квитанции никогда не обирал... Но всё же Соловьёв прав. Все воровали — каждый на своём месте: в автосервисах, на стройке, в торговле... Везде, как зараза, как микробы, распространялось желание нечестного заработка. Я не знал, что с этим делать. Мне было противно всё это видеть, этот воровской капитализм, но его привили нам сверху, наверху должны были и прервать воровство. Но власть пока была слаба. Я об этом не рассуждал. Я это видел в реальности. И опять же не мог воздействовать на это. Потому и не любил, не хотел трепаться насчёт власти.

— А бабы все суки...

— Не все! — тут же возразил я.

Соловьёв вскинулся на меня, пьяно икнул, согласился:

— Наверное, не все. Те, кто возле денег, — все... Показали тут этого богача. Олигарха. Долговязый, с маленькой башкой. Придурок этот, ещё машину какую-то из пластика хотел сделать. Он стаями молодых девок на курорт возил. Кто эти девки? Шлюхи! Разве нужен был им этот змей? Они на его рожу смотрят, а видят толстую морду на долларе...

Он выпил ещё. Я не пил. Я сразу сказал, что пить не буду, мол, у меня есть дела, придётся садиться за руль. Он и не настаивал, только попросил стакан воды или сока для запивки.

Затем мы услышали, а после увидели, как со стороны его дома уезжает машина. Это его жена Ирина помчалась куда-то на серебристом “Лексусе”.

— Отчалила, курва... — пробормотал Соловьёв. — Ну, и пускай! Так лучше... — Он встал из-за стола. Чуть покачиваясь, пошёл к выходу. — Прощай, Валентин, — сказал он тихо и как-то раскаянно. Вяло махнул рукой.

Мне стало жаль Соловьёва, даже в сердце что-то кольнуло. Его патрона Галковского, которому светила “десяточка” за взяточничество и злоупотребления служебным положением, мне не было жалко — ни тогда, когда он был свободен и нагл, ни сейчас, когда он был в неволе и жалок, — а его пьяного сообщника на свободе стало жалко. Наверное, я знал о нём что-то большее, чем о Галковском. И вообще, когда знаешь о человеке достаточно, его всегда почему-то немного жаль. А может, я просто не встречал цельных, неуязвимых, счастливых людей?! В каждой судьбе была какая-то прореха, боль, которые нельзя было заклеить и залечить деньгами.

Что-то неприятное накалило в душу. Я пожалел, что не вышел с Соловьёвым, может быть, я как-то поддержал бы его. Он ведь, уходя от меня, совсем стух. И почему он вспомнил про этого придурка олигарха, который

начал лепить какой-то нелепый автомобиль? Мне вспомнился американский актёр-шутка, богач из Голливуда, который ездил с молодыми шлюхами по миру. Они все улыбаются, ластятся к нему... Потом прошла информация: он покончил жизнь самоубийством в одном из дорогих отелей. Наверное, был пьян и разочарован, надоели ему все, в том числе смазливые бабы из окружения, да и сам он себе надоел, видать, порядком. Поставил точку. Может быть, уходя из жизни, что-то понял, что нельзя так жить, как животное, и что этому должен поскорее прийти конец. Вряд ли кто искренно сожалел, что он покончил с собой, — жалко было денег, которые он мог бы потратить на окружение... Где деньги — там безусловный цинизм. И любви там быть не может. Тут Соловьёв был прав. А его Ирине уж очень нравилась реклама, в которой баба говорила голосом стервы: “Если любишь — докажи!” — и дальше шла картинка: вывеска ювелирного магазина.

...Хлопок был не силён, но отчётливо слышен. Я сразу понял, что это выстрел из пистолета. Я находился в столовой, и, хотя с Соловьёвым нас разделяла капитальная стена, различить одиночный резкий хлопок вполне удалось. Я прибежал в прихожую, переобулся из тапочек в туфли, выскочил на улицу. Но тут же остановился. Какое моё дело? Зачем я буду совать нос в чужую судьбу? А если Соловьёв истекает кровью? Ещё жив пока? Нет, такой грех тоже тащить было бы тяжело. Набрал его номер. Телефон молчал. Я позвонил в полицию. Отделение было рядом. Попросил приехать. “С соседом явно что-то не то... И как будто выстрел...” Полицейские примчались через несколько минут. Так оно и случилось. Соловьёв застрелил себя выстрелом в висок. Смотри-ка, какой отчаянный — в висок! Случись бы мне стреляться, подумал я, стрелял бы себе в сердце. В голову неприятно, пуля мозги наружу вышибет...

Ночью не спалось. Пришлось пить виски, который оставил у меня Соловьёв. Чуть меньше полбутылки. Помянул, почтил его память... Хотя зачем жил этот человек? Он не приносил другим пользы, обирал бедных, жил за чужой счёт. Спросят ли его там, зачем он жил? Я сомневаюсь... Кое-как уснул, уже далеко за полночь. В бутылке виски ничего не осталось, зато спал почти до обеда как убитый. Телефон выключил.

9

Анна позвонила ближе к вечеру. Я возвращался из конторы: закрывал перед отпуском кое-какие бесконечные прорехи в делах. Ох, как хотелось думать о добром, о светлом, об отпуске, о встрече с Ладой, наконец... Не тут-то было! Анна кричала в трубку истерично, плакала, казалось, она во всём винила меня:

— Толика увезли полицейские! Забрали прямо из дома! Говорят, для выяснения... Какая-то машина! Как будто он угнал... Что делать? Они его посадят?

— Успокойся. Я всё узнаю и позвоню.

“Я всё узнаю и позвоню”, — я повторил эту фразу трижды.

Тут явно чувствовалась рука Шарова. Я набрал его номер. Но он в телефон прошептал мне:

— Я на совещании... Не волнуйся, позвоню.

Хм, ждать... Человек в экстремальной ситуации должен действовать, а мне предложили ждать. Я предложил ждать Анне. Где-то в полиции ждёт Толик. Чего? Я поехал домой, чтобы действительно успокоиться, подготовиться к разговору с Шаровым; подготовиться к самому худшему. А разве возможно подготовиться к самому худшему?!

Солнце садилось. Стало прохладней. В приоткрытое окно уже врывался холодный поток. Но в этом потоке весеннего воздуха было что-то живое, новое... Сын у ментов, замечен в угоне машины и — упаси Бог! — в распространении наркоты; с любовницей разлад и скандал, дочка в Москве собирается выскочить замуж за какого-то старика... моих лет, да ещё сосед-коррупционер застрелился, чтоб не сидеть в тюрьме... — весёленькое время!

У дома, у соседской калитки, я увидел грузовую машину с мебельным фургоном. Грузчики выносили из дома вещи, упаковывали в фургон. Что за чертовщина? Неужели грабёж? Но вскоре я заметил вдову Соловьёва.

— Вещи забираю! Сваливаю! — с некоторым вызовом сказала Ирина.

— Что так?

— Этот скотина дом записал на дочь от первого брака. У неё трое отпрысков. Уже приезжала, осматривала... — Тут у Ирины что-то поперхнулось в горле, видать, слеза перебила голос: — А это всё моё, нажитое! Своё забираю. Своё! — Она даже постучала себе кулачком в грудь.

Я пожал плечами, пошёл к себе домой: ничего против не имею, и в ваши имущественные дела с покойным не лезу. Причудлива жизнь! А Соловьёв-то оказался не промах: чуял цену *любви* молодой супруги, поэтому всё имущество на дочку от первого брака и записал.

Я ходил из угла в угол, ждал известий от Шарова. В голову лезла разная чепуха. Почему-то вспомнился эпизод.

Это был жуткий эпизод. В начале девяностых. Разное пойло продавали везде, где возможно: все киоски были забиты бутылками. На многих висели объявления “Куплю ваучер”. У меня тогда был провал: ни шиша в кармане. От отчаяния и злости я взял свой ваучер и пошёл к ближайшему киоску. Зачем мне этот ваучер?! Те, кто дорвался до власти, не вызывали никакого доверия, про уважение — и закататься не стоило. Всё равно обманут...

— Сколько за ваучер? — спросил я бабу в окошке за зарешёченной витриной.

Она ответила.

— Чего так мало? — возмутился я. — На пару бутылок дешёвой водки только...

— Скоро эти фантики вообще отменят, — фыркнула продавщица. — Не хочешь — отходи! Очередь ждёт.

— Ладно, давай, — я в общем-то без сожаления, а скорее с брезгливостью сунул ваучер в окошко.

Баба продавщица зорко разглядела ваучер, потом дала мне пачечку мятых, грязеньких купюр. “Мелочью, сволочь, дала!” — подумал я.

Я не отошёл далеко от зарешёченного киоска, стал считать деньги. Зачем считал, сам не знаю. Оспорить бабу в окошке, если она даже меня обчитала, было бы невозможно. Сзади я услышал разговор двух парней, наглых, весёлых, подвыпивших. Оба в кожанках, в спортивных штанах, в кроссовках, говорят с блатным привкусом, но явно не блатные — фразочки. Покупали они виски и “Амаретто”. Говорили о каких-то “тёлках”, к которым сейчас “ломанутся”... Я невольно стал наблюдать за ними. И тут сбоку к ним подчалил мужик. Бомж не бомж, вернее всего, доходяга алкоголик в грязной тельняшке. Стал канючить:

— Ребята, выручите, немного не хватает...

— Зачем тебе? Ботинки новые купить? — язвили парни.

— Не-ет. На бутылку красного.

Один из парней вдруг сказал:

— У меня сегодня день рождения. Я куплю тебе бутылку красного, только при условии: ты её сразу, без остановки, выпьешь из горла. Сможешь?

— Запросто! Я моряк! Всё пропьём, а флот не опозорим! — раздухалился мужик.

— Если не сможешь, отдаёшь мне свою тельняшку, — позубоскалил парень. — Всё, по рукам?

— Да чего тут! Не первый раз.

Пил доходяга прямо у киоска. Бутылку вина. Я навсегда запомнил название той гадости “Золотые купола”. Начал он лихо, опрокинул бутылку, задрал голову. Перед этим улыбнулся, ослабил:

— Ну, с днём рожденья! Давай, поехали!

И он осилил, выпил. Отстоял честь флота. Дотерпел.

— Ну, молоток, мужик! Спас тельняшку. Всю бутылку одолел, — посмеивались парни.

Мужик тоже улыбался. Но уже не так, как перед питьём. Он улыбался как-то дико, словно не понимал, где он, что с ним и, наверное, не слышал, что ему говорили молодые зубоскалы. Парни ещё подшучивали, нахваливали героя-моряка, а мужик бледнел. В какой-то момент он разом, будто подрубленный, упал. Ни один из парней не дал ему руку, не помог, они резко свалили. Я подошёл к мужику, наклонился и тут же понял, что он уже мёртв. Что это было? Глупость? Жадность? Подлость парней? Кто виноват? И за что погиб этот мужик? Ведь ещё не старый. Годов под пятьдесят...

Поняв, что он мёртв, — скорее всего, враз отключилась печень, получив такой удар пошла неизвестного происхождения, — я тоже поспешил уйти от киоска, чтобы не числиться свидетелем.

...Нет, видно, не зря я вспомнил этот эпизод. Жизнь чудна и жестока. Что-то в неизбежный момент в ней сшибается, сносит с катушек, и всё катится под откос. Я снова напомнил себе с горькой усмешкой: мой сын в КПЗ, с любовницей — раздрай, дочь выходит чёрт знает за кого замуж, сосед застрелился, его вдова вывозит мебель... В этом есть какая-то очевидная хрупкость и неустойчивость жизни. Раз — и что-то оборвалось навсегда.

Я не выдержал — снова позвонил Шарову. Не может его совещание продолжаться два часа. Да и рабочий день кончился.

— А я тебе собирался звонить! — радостно откликнулся Шаров.

“Вот мент! Ведь знал, что жду его звонка, а он не звонил почему-то, чего-то выжидал, испытывал... зачем-то оттягивал”.

— На каком основании... — начал было я, но Шаров перебил меня:

— Спокойно выслушай, а потом будешь задавать вопросы. — Шаров прервался, скорее всего, закурил сигарету. — Твоему сыну нужна сильная встряска. Болевой психологический шок! Что-то вроде удара током, ожога утюгом или строгий отцовский ремень... Его задержали, я подчёркиваю — задержали! — по подозрению в угоне автомобиля... Ну, той развалюхи-“жигулёнка”... Все его дружки не знают, за что его задержали, поэтому прижмут хвосты, постараются отгородиться от него. Ведь за таблеточки светит ого-го! Так что ты, Валентин, не суетись. Твой парень должен побыть в изоляции. Пусть немного посидит в подвале. Это очень полезно... Главное в этой истории — оградить его от дружков. Понимаешь, раз — и навсегда. Раз — и навсегда! Это же не герыч. Это герыч — для индивидуалов, а таблеточки — это компания. Нет компании — нет интереса к этому дерьму... Мать Толика предупреди: мол, сынок сильно обкакался, надо хорошенько помыть ему задницу. Про наркоту больше ни слова... И вообще тебе сына надо нагрузить чем-то другим. Возьми его к себе в бизнес. Поменяй институт ему. Или... Или жени! Это выход, кстати.

— Ему только двадцать лет.

— Это и хорошо. Ранний брак для мужчины — это спасение. Появляется ответственность, включаются мозги. А то за юбку мамки держатся до сорока лет, а потом...

— По-моему, невесты у него нет, — с сомнением усмехнулся я.

— Подбери! — цинично и расчётливо сказал Шаров. — У нас в городе, по статистике, на одного мужика приходится по две бабы. А ночку Толик пусть проведёт на нарах. Это отрезвляет. Попроще надо и пожёстче. Пусть он почувствует прелесть — пожить хотя бы ночь в шкуре преступника...

Я не нашёлся, как и чем оспорить суждения Шарова. Он был опытнее и умнее меня в этих вопросах. Только что-то шелохнулось в сердце, и я напомнил себе об уколе, которым спасал (точнее — калечил) своего сына, чтоб укрыть от армии. Грех несмыслимый, дурной. Но ведь никто не мог дать гарантию, что в армии с ним не случится чего-то *такого*... Тогда и укол Льва Дмитрича покажется благом.

В прихожей брякнул колокольчик: кто-то пришёл. Я подозревал, кто это может быть. Интуиция — вовсе не мелочь! Какая-то совершенно зыбкая, неописуемая и неосознаваемая, и в то же время существующая в мозгу догадка, предчувствие, махонький сигнальчик, который даёт основание на особые взаимоотношения с человеком, от которого пришло лёгкое дуновение эмоций,

или, напротив, ты сам стал источником этого сквознячка... Я не ошибся. Пришла Ирина, соседская вдова. И конечно, тоже с бутылкой, и тоже с дорогим виски, как ещё совсем недавно приходил сам Соловьёв.

Ирина была уже немного пьяна. Бутылка была неполной.

— Зашла вот, Валентин... Не прогонишь?

Она села на тот же стул в кухне, что и её покойный супруг. Она и курила, и пила так же, как Соловьёв. Всё же три года, которые они прожили вместе, наложили отпечаток. Она говорила, но я слушал вполуха, это был какой-то оправдательный трёп: как она настрадалась, зная, что в любую ночь, в любой час могут нагрянуть менты и забрать мужа “из тёплой постельки, с шёлковых простынок...” — она так и выразилась! — “на железную койку”. Я смотрел на неё исключительно сейчас как на женщину. Как самец на самку, которая свободна, полупьяна и в общем-то вряд ли откажет, если захотеть с ней оказаться на одной постельке... Смазливая, с мелкими чертами лица, небольшими, но пухлыми губками, всегда ярко накрашенными, глаза выразительные, серые, большие; голос соблазнительный, тихий и вкрадчивый, по фигуре не толста — не тонка, *самое то* для любовных утех. Сидела она нога на ногу, не в брюках — в юбке, в чулках, и на её колени я часто косил взгляд.

— ..Не знаю, Валя, какого ты рода-племени, а я не скрываю, что вышла из грязи. Барак, отец — работяга, пил, конечно, мать и меня из дому гонял... Мне такой судьбы не хотелось — вот я и оказалась замужем за стариком Соловьёвым. Он меня особо не доставал, так что жила и жила на свой лад. Но я всегда знала, что как по канату иду... Подует посильнее и — на хрен вниз! — Она передохнула, выпила. Я тоже пригубил из рюмки вместе с ней. — Ну вот, всю мою судьбу ты и знаешь. Да и знать-то нечего. А все денежки и недвижимость этот жлоб на дочку записал. Он только дочку и любил. Я ему была нужна так, для картинки, для солидности. Молодая, симпатичная... — Тут Ирина посмотрела на меня и кокетливо и с некоторым вызовом. — А тебе я нравлюсь, Валя?

— Нравишься, — усмехнулся. Душой в общем-то я не покривил. Она была привлекательна, молода, чувствовалось, что в ней есть огонь, неутолённый темперамент.

— Может, Валечка, повалеемся немного? — спросила-предложила она, положив свою пухленькую аккуратную ручку с красиво — в красную точечку — накрашенными ногтями мне на колено.

Я ненадолго замер, напомнил себе, что она всё ещё пока соседка, хотя она уже вдова, но всего лишь второй день.

— В другой раз, Ирочка, — отказал я мягко и снял со своего колена её руку.

Она встала, не скрывая обиды, колочке сказала:

— Второго раза не будет... Прощай, сосед!

— Будь здорова.

— Это я заберу, — она взяла бутылку виски — там оставалось ещё граммов сто — и пошла...

Попутного ветра, подумал я, хотя как мужчина я уже ругал себя, казнил даже: что ж ты, придурок, отказать такой фифе, такой сдобной булочке! А мораль? Да какая тут мораль? Её тут нет, она тут не нужна, её тут и быть не должно! Ладно, всё! Стоп! Хватит об этом!

10

Последний телефонный разговор с сыном у меня был о злосчастных таблетках.

— Пап, пап! Мама сказала, что ты забрал пакет! — кричал Толик в трубку. В голосе сквозило не столько возмущение, сколько страх.

— О таблетках забудь. И вообще никому никогда — ни слова!

— Но ведь с меня они спросят... — голос сына дрогнул.

— Тем, кто с тебя спросит, я отвечу сам. Скажи, что отраву забрал я. И дай им номер моего телефона.

Теперь пакетик с таблетками лежал предо мной. И всё же, что это за дрянь? Я достал одну таблетку, внимательно рассмотрел на свету: ничего особенного, таблетка и таблетка, беленькая, обычных размеров. А как её принимать? Рассасывать, что ли? Нет, это вряд ли. Наверное, сразу глотать. Я забросил таблетку в рот, проглотил и тут же запил водой. Надо же попробовать, что это за чёртов препарат!

Прошло четверть часа. Прошло полчаса. Я ничего не чувствовал. Ни прилива сил, ни весёлости, ни какого-то опьянения. Может, доза маловата, может, на меня этот опиум не действует уже — только молодых пробирает, у которых кровь живее... И всё же какое-то подспудное течение в моём организме и моих мозгах появилось. Я теперь не просто сожалел о том, что пренебрёг, упустил, недооценил соседку Ирину, нажав на тормоза стеснительности и морали, а клеймил себя некрасивыми словами за то, что упустил шанс “любви”, наслаждения — всего того, ради чего и живёт на земле мужчина! Ах, глупый дурень, простофиля, чудака с другой буквы! Может, к соседке сходить? Я её отшил... Можно извиниться — она понятливая... А если закобенится, ну и пусть — лишает себя удовольствия! Я рассмеялся и, осмелев окончательно, распалив себя, с одной стороны, желанием, с другой стороны — самокоризной, что не воспользовался её предложением при первом шансе, собрался пойти к соседке Ирине. Что я ей скажу, припёршись ближе к полуночи в гости? Чего-нибудь скажу. Не дура — и так всё поймет. Я собрался и пошёл к соседке. Захватил с собой бутылку дорогого виски.

В окнах у Соловьёвых не горел свет. Спит, может? Надо позвонить на сотовый... Но телефон я с собой не захватил. Я подёргал ручку чугунной витеватой калитки, догадался, что в доме никого нет. Уж слишком мёртво смотрелись окна. Да и вдова — чего она одна будет скорбеть в пустом доме. Не дура, хоть и только что вдова... Я опять рассмеялся.

Вернувшись к себе, я полез в старые записные книжки. Там у меня был где-то записан телефон одной дамы лёгкого, очень лёгкого, даже наилегчайшего поведения — мне опять стало смешно, — и ещё в сто раз сильнее захотелось женщины. Я искал телефон Маши. Пусть не получилось с соседкой-вдовой, но в Гурьянке полно женщин, которые готовы к любви, которые даже алчут, которые безотказны... Но их враз, под боком и не найдёшь. Для того, чтобы найти враз, и существуют эти Маши, которые одарят любовью за деньги.

Нет, как ни верги, нельзя запретить себе думать о жратве, о физической боли и боли душевной, а главное — нельзя запретить себе думать о женщине! Я искал телефон Маши, искал, и всё во мне зудело при воспоминании о ней. Ах! какая Маша!

Она была моей первой *покупной* женщиной. Я тогда позвонил в “контору дамских услуг”, заказал “подругу”. В то время я жил в другом доме, опасался соседей по подъезду, по лестничной клетке, поэтому то и дело бежал к двери, смотрел в глазок: было уже поздно, ночь, но вдруг в неурочный час пойдёт какой-нибудь сосед или соседка выносить мусор...

Итак, я ждал свою первую проститутку. Волновался. Не мог усидеть на месте. Не знал, надо ли накрыть для приличия стол? Может, хотя бы шампанское и шоколад? Чушь какая-то! Продажную девку встречать шампанским!

Вот и долгожданный звонок в дверь. Я почему-то на цыпочках подошёл к двери, посмотрел в глазок: там стоял парень. Так и должно быть, это был развозчик — чернявый, уса́тый, какой-то нерусский. Открыл дверь. Парень, злоехидный, не здороваясь, тупо и грязно спросил: “Какую выбираешь?” К парню с обеих сторон подошли две девицы. Одна белая, остроносая, худая, размалёванная, как мальвина... Я сразу и наверняка знал, что не эту, хотя вторую толком ещё и не успел разглядеть, так, глянул мельком, но был уверен — вторая лучше подойдёт, она краше. Она, вторая, была в тёмной шляпке, так что тень заслоняла её лицо, а по фигуре она была полнущкой, в отличие от своей напарницы.

— Её, — сказал я осипшим голосом, указал на шляпку.

— Деньги сразу! — строго сказал парень.

— Сейчас, — я пошёл в комнату за деньгами, троица при этом осталась на лестничной клетке, и мне чудилось, что все соседи из всех глазков из квартирных дверей разглядывают эту пёструю компашку.

Я был тогда очень неопытен, мог бы подольше повыбирать, парню дать только предоплату... Но тогда я покорно отдал сразу все деньги. Пересчитав деньги, чернявый сказал:

— Буду ровно через два часа! — И он даже слегка подтолкнул ко мне ту, в шляпке, а белая, которую я отверг, казалось, издевательски посмотрела на меня на прощание и беззвучно хмыкнула; возможно, мне это только показалось.

Только тогда, когда доставщик с белой девушкой, которая, похоже, нарочито цокала каблуками, спускаясь по лестнице, ушли и всё стихло, я, стыдясь и краснея, посмотрел на свою избранницу, тихо сказал:

— Проходите!

Язык не повернулся сразу назвать её на “ты”.

Она была пьяная, раскрашенная не меньше, чем белая. Я в первую минуту уже десять раз пожалел, что стал искать приключений на свою задницу со шлюхами. К тому же она сразу наполнила дом чужим развратным запахом — запахом дешёвых духов, косметики, смешанным с алкоголем, с чем-то непотребным, вульгарным и знойным. Я даже захотел её сразу выгнать. Денег мне не было бы жаль... Но любопытство. Именно любопытство, а не страсть, сдерживали меня.

— Чё ж ты пьяная на работе? — разглядев блестящие от алкоголя глазки проститутки, я заговорил по-простецки.

— На моей службе без допингу нельзя! — Она рассмеялась. Этим она давала некий повод повеселиться с ней и не воспринимать всё всерьёз. Юмор — палочка-выручалочка во всех случаях жизни.

— Как звать? — спросил я.

— Маша! — сказала она громко. — Но не с Уралмаша... — Она опять засмеялась.

— Проходи в комнату, — кивнул я и подумал: это хорошо, что она не бука.

Она сняла с себя бережно шляпку, пальто. Пальто я помог ей снять, при этом придирчиво оценил её фигуру. Ничего особенного: толстоватая, невысокая, но грудь большая, аппетитная и щеки кругленькие, очень подходящие для проститутки.

Маша прошла в комнату, села в кресло, закурила, не спрашивая разрешения. Я решил её ни в чём не усекать — я же в первый раз, может быть, у них, людей этой профессии, так положено.

Вдруг Маша опять засмеялась, казалось, ни с того ни с сего, приступом, весело, будто её прорвало.

— Сейчас в сауне шутку рассказали... — сквозь смех заговорила она. — Выпив бокал вина в рыбном ресторане, Танечка поняла, что хочет не только рыбку съесть... — Она опять засмеялась. — Правда, классная шуточка? А? — Она шумно выдохнула дым сигареты, спросила: — А вина у тебя нет? Наверняка есть, доставай. Выпьем для сугрева.

— По-моему, тебе и без вина весело. В сауне тебя, видать, поднакачали...

— А ты что думал? — простосердечно призналась Маша. — Ты за день первый, что ли? Э-э, нет, бывает за ночь трое-четверо, а бывает, конечно, за неделю — голяк. Или один какой-нибудь скряга... Ты не верь, если кто-то тебе будет лапшу вешать, целкой прикидываться. Работа у нас сдельная... — Она рассмеялась. — А вот ещё, там в сауне один козёл рассказал... Мужик бабу снял в кабаке, привёз домой. Угостил вином. Ну, дело к сексу... Она разделась. Он берёт ружьё и говорит: “Иди в огород”. А там холод, снег. Она — ему: “Ты чего, с ума сошёл?” Он ей: “Иди, а то застрелю!” Она голая вышла в огород. Он ей: “Лепи снеговика! Лепи, а то застрелю!” Она слепила снеговика. А мужик ей и говорит: “Ты пойми. Я в сексе-то не очень... Зато снеговика ты на всю жизнь запомнишь!” — Она опять смеялась.

— Ты анекдоты сюда приехала травить? — в моём голосе уже не скрыть было раздражения. Что за наглая шлюха? Призналась в том, что её только что имели, должно быть, несколько мужиков где-то в сауне, и теперь выгибается...

— Да нет, что вы?! — враз остепенилась она, заговорила даже на “вы”. — Я приехала к вам... Я свою работу знаю... Я профессионалка!.. Выйдите, пожалуйста, на минутку из комнаты. Мне нужно переодеться.

Первая мысль, которая просквозила мозг: “Я выйду, а она у меня что-нибудь стьбзит”. Но я послушно вышел из комнаты. Курил в кухне, чувствуя неловкость своего положения.

Минут через пять Маша позвала меня:

— Входите, мой господин!

Я вошёл в комнату, увидел её и слегка растерялся. Она была одета, или, правильнее, раздета, или, точнее, разодета — истинно как проститутка. В чёрных чулках в сеточку, со швом, с чёрным поясом, приспущенный с груди лифчик, тоже чёрный и ажурный, глаза язвительно и завлекательно горячи, а губы покрашены ярко-красно. Чёрные блестящие волосы отблескивали на свету; причём свет она успела подобрать: выключила люстру, зажгла бра над кроватью.

— Ну, мой господин, — тихо, вкрадчиво, развратно произнесла Маша и положила руку мне на брючный пояс.

...Оплаченные два часа истекли быстро. Но и насытился я ею быстро. Маша — не с Уралмаша — уехала. Я где-то на клочке бумаги записал её “личный” телефон, а не конторы... И всё мечтал повторить нашу встречу, но дела закрутили, и Маша — не с Уралмаша — растворилась где-то на просторах Отчизны, одаривая шальной похотью и своими анекдотами других клиентов. Я даже временами скучал по ней, по другим её “коллегам” — нет, а по ней скучал, может, потому что с ней впервые испробовал жуткий животный вкус иступления. Машу не забыть никогда. Маша — как наркотик. Я помнил о ней чувственно, осязательно даже. И теперь мне хотелось, жадно хотелось этого наркотика, я рыскал по записным книжкам, ведь клочок, на котором был записан её телефон, сунул куда-то в книжку. Хотя чушь, разве сохранился номер, разве может быть эта Маша несколько лет на одном месте? И всё же я упорно искал, хотел найти, хотел найти Машу — не с Уралмаша. Сейчас она подошла бы мне в самый раз! Под весёлое настроение! Я не чувствовал действия таблетки, я уж и забыл о ней. Но мне маниакально хотелось женщины. И в этом был какой-то решительный настрой, весёлый и куражливый.

Наконец, я сказал: “Стоп! Машу не достать... Поехали к Полине! Не выгонит... Повинюсь, привезу букет цветов, шампанского... А там видно будет”. Что-то дико заньло, засвербело внутри... Мучительно захотелось плотской любви; представил, как с букетом роз примчусь к Полине, разбужу её, растрясу, заберусь в тёплую постель... Нельзя запретить себе думать о женщине! Это невозможно! Точно так же, как голодному невозможно запретить думать о жратве... Я даже, грешным делом, подумал о своей *бывшей* Анне, хотя ещё много лет назад дал зарок на эту тему: даже в мыслях к ней не притрагиваться... А что?! Сын сейчас в клетке, можно заехать и утешить Анну... Как-никак, немало прожили вместе.

Ночь. Тёмная, весенняя ночь. Ни луны, ни звёзд. Невидимое тёмное покрывало над головой. Тепло, ночью не прихватывает, и дух весны превосходно чувствуется. Я ехал и блаженно улыбался. А ехал я вроде бы к Полине... Но на развилке повернул на проспект Ильича. Немного в сторону от направления. Пока ещё не хотел признаваться сам себе, но ехал я на “весёлый угол”. Я ещё не решил твёрдо, не понимал своих намерений, но объяснение для них приготовил. Я мужчина, в силе, холостой, мне нужно *это!* Полмира мужчин *этим* пользуется!

На этой улице, в конце проспекта, в городе всегда отирались проститутки, поэтому у горожан и название здешнему месту было красноречивое. Су-тенёр или сутенёрша подходили к обочине дороги сразу, как только маячили

включённые фары машины. Мне не хотелось общаться с сутенёром или с сутенёршей, мне хотелось подцепить девочку-одиночку, вышедшую без прикрытия, без посредников. Правда, таких, поговаривали, лупили конкурентки, да и под защитой работать было безопасней, хотя защита, конечно, была призрачной, ведь уличной девке никогда не известно, в чьи лапы попадёт. Маньяк, убийца... “Свят, свят, свят...” — я рассмеялся.

Брать уличную шлюху — это, конечно, неприлично. И всё же в этом-то есть особый кайф... Мог бы найти в интернете какую-нибудь “элитную”, но разве они чем-то отличаются от уличной? Снова — смех.

Вот она! Одинокая девушка! Я мысленно возрадовался, что обойдусь без шального примирения с Полиной. Правда, одинокая девица стояла не там, где должна стоять. Возможно, она и есть индивидуалка, ловящая клиентов ещё до “весёлого” развратного угла. Она торчала на остановке автобуса, которого, скорее всего, и не предвиделось.

Когда я приблизился, она подняла руку. Что это? Проститутки руку не поднимают... Всё же я остановил машину, приспустил окно, оценил девушку.

— Подвезите меня на Лобачевского, двадцать. Я заплачу. Без этого только... Я не проститутка!

Почему-то я сказал ей:

— Ладно, валяй, садись.

Девушка села на заднее сиденье — значит, точно: не проститутка.

Почему человек совершает поступки, которые не намеревался совершать? Сложна, капризна психология! Малейшие веяния, какие-то флюиды... — и раз, всё катится не по-намеченному. Ну, ладно, сорвалось так сорвалось. Жалеть не надо! Всё! Вперёд!

— На Лобачевского, двадцать — общежитие колледжа. Ты студентка? — спросил я девушку, оборотаясь к ней.

— Да. Заканчиваю в этом году... Уборщицей в ресторане подрабатываю. Смена кончается поздно, а на велосипед ещё не заработала.

— С юмором... Молодец! Не боишься поздно возвращаться?

— Боюсь... Меня обычно официантка на машине подвозила, а вчера она уволилась, и у меня — облом. Я тоже скоро уйду.

— Из-за официантки?

— Нет, надоело по ночам работать... А сегодня банкет ещё был, юбилей у какой-то тётки из мэрии. Подчинённые её блестящим конфетти осыпали — нескоро всё промоешь. К полу прилипло, ногтями отдирать.

— А родители где?

— Село Ильинское. Не слышали?

— Да ты почти землячка! Я сам родом из Васильевского посёлка. На другом берегу реки. В Ильинское я к Тимофею Ивановичу приезжал...

— Я помню вас. Меня Даша Баранова зовут. Я в коммуне у Тимофея Ивановича каждое лето. Я вообще хочу там жить... Там люди другие, там всё по-другому... — Даша говорила с интересом, а я потихоньку мотал себе на ус... — В коммуне сейчас уже двести домов. Там люди друг другу не завидуют. Понимаете?

— Понимаю!

Мы доехали до общежития. Даша полезла за деньгами. Я следил за этим...

— Сколько я должна?

— Сколько не жалко...

— Всё жалко! — рассмеялась Даша. — Я-то думала, вы меня по-землячески так подбросите.

— Я проверить тебя решил, как среагируешь. Молодец, честно призналась, что жалко...

— Деньги нелегко достаются.

— Хочешь подработать? — спросил я.

— Конечно, хочу!

— Позвони мне завтра. У меня в доме надо генеральную уборку сделать. На двух этажах.

Даша на меня пристально посмотрела. В салоне воцарилась какая-то минуточка загадочной тишины.

— Ты плохое-то, Даша, не думай. Ты мне в дочки годишься. Я к тебе приставать или что-то такое не буду...

— А вдруг я буду? — рассмеялась она. — У меня есть подружка, студентка тоже. Конечно, она скрывает, но вроде как содержанка, живёт с одним богатеньким... Призналась мне, что привыкла очень. Путных парней всё равно на всех девчонок не хватает... Она даже говорит, что любит своего папика. А он уж старичок.

— Я для тебя тоже старичок? — спросил я.

— Конечно!

— А у тебя парень есть?

— В кандидаты напрашиваетесь?

— А вдруг?

— Нет пока парня. Тюфяки все какие-то. Выбрать не из кого.

— Ну, пока, позвони...

Мы расстались.

Искать на ночь себе подругу почему-то расхотелось. Поехали домой! Никаких приключений! Как говорил классик: может и курильщик посидеть без табачку. Вперед!

Ехал и вспоминал студентку Дашу. Пусть она внешне не красавица, обыкновенные черты лица, но она очень красива своей молодостью, непосредственностью, выросла в селе, работы не боится, язык подвешен, самостоятельная... Эх, Толика отдать бы ей в руки, на воспитание. Даша, похоже, себя таблетками развлекать не будет... Но главное — она мне напомнила про коммуны Тимофея Ивановича. Это был мой школьный учитель; он нам всё рассказывал про “Город Солнца”, про “Остров Утопия”, сам мечтал создать общество без зависти и богатства, где люди будут жить не на показ, а по совести и справедливости. Вот и строил он свою коммуны. Надо бы туда Толика на профилактику, да Дашу в напарницы...

Я вернулся домой, и только тут дома, в одиночестве, ощутил, как мне становится грустно, одиноко, скучно. Неужели таблетки так незаметно действовали, что я смеялся и весел был от их воздействия? А теперь запас энергии таблеток выходит. Вот ведь зараза! В какой-то миг было желание заглотить ещё таблетку... Но я рассмеялся своему желанию — назло! Всё, кранты! Эксперимент кончен!

...Сон был дурной и безжалостный.

Мне снился тот моряк-алкаш из девяностых, который “захлебнулся” в бутылке “красули”. Вот этот моряк падает, я подбегаю к нему, а на его месте лежит мой бездыханный Толик...

Я вздрогнул, промычал сквозь сон от боли и отчаяния и проснулся. Я сел на постели. Голова гудела, включил телефон (на ночь я его отключаю, вернее — только звук): несколько пропущенных вызовов, все от Анны. Понятно, он её сын. Он и мой сын. И он ещё ребенок! Да, ребёнок... Я стал поскорее собираться, чтобы поехать в полицию к Шарову. Анне позвонил с дороги, пообещал, что без Толика из полиции не выйду.

II

До Шарова я добрался только к обеду. Сперва он был на совещании, потом на каком-то срочном следственном эксперименте, потом опять на совещании, а потом проводил оперативку в своём ведомстве. Наконец, настал обеденный перерыв. Я сманил Шарова в ресторан, который был напротив их конторы. Там Шаров будет более разговорчив, после стакана вина отмякнет, всё растолкует и подскажет, как быть дальше с Толиком.

— Следователь его допросил, — докладывал мне Шаров. — К счастью, ничего серьёзного за ним нет. Даже машина, эта жёлтая развалюха, можно сказать, не в угоне. Её владелец бросил её во дворе. Полгода не ездил. Машина на ходу... Он бросил её за ненадобностью. Вот как народ живёт! Если, мол, угонят, туда ей и дорога. А мы на жизнь жалуемся. Хорошо, Валя,

в стране советской жить. И не хрен тут тужить! — Шаров развеселился, но мне было ясно, что он чего-то не договаривает. — Когда машинёшку угнали, хозяин не пошевелился. Сказал: "А вдруг вернут. Покатаются и на место поставят". Словом, с машиной дело замнётся быстро. А вот с таблеточками... — Он задумался. Как всегда — ненадолго. Потом поднял бокал с вином: — Давай за жизнь! Какова она есть, за неё, милую!

Мы выпили. Шаров сидел слегка задумчив, но задумчив *негрустно*. Я не стал торопить его с рекомендациями по сыну, решил кончить немного в сторону, хотя сам не понимал, зачем мне это, наверное, чистое любопытство:

— Скажи мне, Шаров, у тебя мечта есть?

Он враз оживился:

— Поехать в отпуск. К морю. Выспаться. Бросить курить... Да полно всяких мечт!

— Это не те мечты. Это условия комфорта, о которых мечтают каждый день. Я про другое. Альпинист хочет покорить Пик Коммунизма, лыжник — получить золото на Олимпиаде, певец — исполнить партию князя Игоря в Большом театре...

— Всё, брэк! — остановил Шаров. — Валя, я тебя понял. Было бы ещё время у меня для этих мечт. Нет у меня никаких высоких мечт, или как там правильно — мечтаний. Я циник. Такие, как я, ни во что не верят, не хотят верить, а когда ещё узнаешь, на что способны люди, совсем туши свет...

— Но ведь в юности-то что-то было? — не отставал я.

— В юности — было. Я мечтал стать бандитом. Воровская романтика. Шмары, деньги, автомобили. Хотел ограбить банк. Даже схемы рисовал нашей ближайшей сберкассы... А попал служить в ментовку. В армию — во внутренние войска. Зону охранял. Оттуда и подался в школу ментов. А ведь мог бы быть, наверно, неплохим вором. Это мне и помогает выйти на след разных негодяев. Я себя на место вора или бандита ставлю, и картина ясна...

— А в Бога ты веруешь? — зачем-то спросил я.

— Нет... — вздохнул Шаров.

— Вот и я не верую, — сказал я. — Но Бог есть... Был такой академик, не помню фамилию, какая-то нерусская. Он с пеной у рта доказывал, что нет никакого Бога, что всё это вымыслы. А вот 11 сентября, когда башни в Нью-Йорке разнесли, он усомнился в правильности своей теории. И больше никогда не говорил, что Бога нет.

— Почему?

— У него там дочь была в этих башнях.

— Выжила?

— Нет... В том-то и весь корень... Если даже ты не веришь, а кто-то другой верит, и от этого зависит твоя жизнь, значит, Он есть! Если бы не было Бога в широком смысле этого слова, не было бы и фанатиков-террористов. А если они есть, значит, есть и Бог...

— Ну, мне философствовать на такие темы некогда. У меня дела земные, уголовные. Поножовщина, бандиты. — Шаров набрал номер на мобильном телефоне. — Самсонов, из подвала Анатолия Буркова отпусти. Скажи ему между делом, чтоб больше не попадался и маму с папой слушался. И скажи: пусть ждёт у крыльца, сейчас отец за ним придет.

— Валя, — обратился ко мне Шаров. — Психологический эксперимент, я думаю, удался. Но ты извини... Накладка вышла. В драку там ввязался твой Толик, ну, и огрѐб слегка... Хотя это тоже хорошо. Молодец, не забоялся. А что по моське получил — опять же урок.

— Зачем? Зачем так-то?! — выкрикнул я.

— Видит Бог, я не виноват. Я ж ничего не подстраивал! Он же глупый ещё! Заступиться там, в камере, за кого-то решил... — Шаров зло усмехнулся. — Там, где преступники, там обязательно подставят, сдадут. Там нет чести и быть не может! Это проверено веками!.. Ты, Валя, объясни ему это. По-отцовски. Я тоже ему это объясню. Но я мент. А у нас к ментам относятся, как к ментам!

...Толик сидел на скамейке, недалеко от полицейского отдела. Нижняя губа у него была разбита, припухлость видна была и под глазом — намечался фингал. Толик косо смотрел на Шарова и стыдился меня. Он что-то шепнул и отвернул от нас лицо, мне показалось, он заплакал.

Сердце у меня оборвалось. Я обнял сына, почувствовал мелкую дрожь в его теле.

— Пойдём, Толик, всё кончено! — я обернулся к Шарову: — Я твой должник.

— Я не против, — сказал Шаров.

Деньги за свои услуги он брать не стеснялся. Но исключительно от людей проверенных. “Проверенных”? Почему-то вспомнился чинуша Галковский, который теперь давал показания. Все вокруг “проверенные”, пока за задницу не взяли.

Из машины я позвонил Анне, успокоил: сын со мной и побудет у меня. Словом, всё хорошо, что хорошо кончается.

По дороге Толик молчал. Он стеснялся своего избитого вида, припрятывал лицо за воротником куртки. Я тоже никак не мог начать разговор. А надо было начинать этот разговор! Надо было говорить хотя бы словами циника Шарова, мне казалось, что это он подстроил драку в камере, чтобы сыну была проучка. Но я мог и ошибаться. Толику я пока вдальбил шаровские выкладки мысленно: там, где шпана, бандиты, нет нормальных понятий, есть жестокие животные понятия и вечное правило: сегодня сдохнешь ты, я — завтра! Но Толик, словно бы услышав мои распалённые мысли, сказал с досадой:

— Надо было мне в армию идти. Я теперь очень жалею об этом.

Я ничего не ответил, только мысленно удивился: ведь это мы с Анной, *сберегли* сына от армии, а теперь — вот, получите...

— Отвези меня домой, — попросил Толик.

— Ко мне заедем. Поешь, успокоишься. Расскажешь про таблетки.

— Зачем ты их взял? Мне за них башку открутят.

— Не открутят... Эти мальчики с таблетками сейчас под колпаком.

— Я не хочу никого подставлять! К тому же Макс мой друг.

— Я с ним сам поговорю! Я и мать не хотим ездить к тебе на зону с передачами...

Толик промолчал.

Мы приехали ко мне домой. Я усадил сына за стол. Надо было с Толиком как-то понежнее, чтобы он всё рассказал сам. Я чувствовал, что сын ступил в дерьмо, но он не безнадежен: он простой парень, в меру избалованный матерью и мной, недосмотренный в чём-то, но он не дурак, не негодяй, не преступник. И не трус, если полез в драку...

Я налил Толику вина, пододвинул поближе тарелку с едой: колбаса, сыр, разогретая пицца. Толик наверняка голоден после “тюрьмы”... Я тяжело вздохнул: надо же, до чего докатилось.

— Толик, — сказал я охрипшим от подкатившей к горлу горечи голосом, — мне нужно знать правду. Как ты вляпался в эту таблеточную историю? “Жигулёнок” этот, вожделение без прав... Запомни: в тюрьме места всем хватит!.. Выпей сперва, чтобы снять стресс. Драка ещё какая-то дурацкая.

— Нормальная драка. Я в долгу не остался, — буркнул Толик. Взял стакан с вином и выпил залпом. — Если меня теперь в армию призовут, я прятаться не буду...

— Сейчас ты на дневном отделении института. Студентов не берут! — сказал я.

— Налей мне ещё вина... А у тебя есть конфеты или что-нибудь сладкое?

Я налил. Он опять выпил. И опять залпом целый стакан. Нет, это не похоже на наслаждение хорошими напитками, он что-то хочет притушить в себе, подумал я, наблюдая за сыном.

— Меня выгнали из института, — сказал он тихо, с винной горечью в голосе.

— Давно?

— Уже больше месяца... Мать не знает.

— За что?

— Неуспеваемость, пропуски. Контрольные не сданы... Хвосты ещё с зимней сессии... — он поднял на меня глаза. — Я не хочу изучать свойства металлов... И быть технологом металлургических производств.

— Но у нас не было выбора. Я мог устроить тебя только на эту специальность.

— Когда-то я хотел стать лётчиком гражданской авиации. Даже в аэроклуб записался. Помнишь?.. Надо было всё-таки пробовать в лётное училище. Хотя что-то было бы в жизни. Цель какая-то.

— У каждого человека есть мечты о профессии. Я в своё время хотел стать архитектором. В художественную студию ходил. Античные головы рисовал, изучал перспективы, оттенки... Рисовал везде, где придётся, даже в армии на учениях... А потом... А потом в институте выучился на строителя! Есть шанс — воспользуйся. Нет шанса — живи с тем, что есть. Нос не вешай!

Толик заметно опьянел, взгляд его туманился. Разбитое лицо казалось страшным и печальным.

— Ты поси, Толик. На диване... Пледом укройся.

Когда он лёг на диван, укрылся пледом, горло у меня опять перехватило от слёз. Кроме отеческой жалости к сыну, было и раскаяние: ведь это мы с Анной пропустили его надежду, его мечту. Даже напротив, задушили эту мечту на корню.

Толик почти мгновенно уснул.

Я смотрел на спящего сына, с избитым лицом, съёжившегося под пледом. Мне было его жалко, очень жалко, и все его глупости, всё его юношеское раздолбайство — езда без прав, таблеточки, пропуски занятий — казались какой-то глупой мелочью по сравнению с самой жизнью, единожды дающейся, всем только один раз, и не важно, кто ты: рохля, труженик, праведник или грешник... Ты на этой земле всего один раз!!!

Вот Рита, дочка, она всегда казалась более цельной, волевой, даже хваткой, а Толик — человеком ведомым; отпускать его из гнезда — не то, что Риту, — было страшно, да и Анне не хотелось совсем оставаться одной. Кто виноват? Стоп! Виноватых искать не будем!

Мозг работал чётко и целенаправленно.

В институте я договарюсь. Толику сделают “академку”, как-никак проректором работает мой давний приятель Игорь. К тому же мы с ним должны свидеться сегодня вечером в бане (мужские банные процедуры у нас раз в неделю обязательны). А чтобы мозги проветрить Толику, отправлю-ка я его в коммуны к Тимофею Ивановичу, вроде как в стройотряд; там и люди добрые, и работы полно. Ещё к Толику в шефы Дашу надо бы подключить.

Даша оказалась легка на помине: вскоре позвонила, спросила, когда приехать на генеральную уборку?

— Сейчас и приезжай!

Даша привезла сумку, в которой были халат, перчатки, какие-то тряпки, порошки.

— Всё, что можно вымыть, вымой. Огня, двери... Всё, что можно вычистить, вычисти. Если что-то постираешь, не буду против. Стиральная машина включается просто. Там вон ещё гора неглаженного белья, — рассказывал и указывал я Даше.

— Э-э, мне это на несколько дней тогда.

— У меня есть гостевая комната, — усмехнулся я. — А это мой сын, познакомься. Он, правда, с тяжёлой процедуры...

Толик смутился. Ещё бы, подглазье припухло, губа — тоже.

— Даша у нас профессиональная горничная. Студентка, труженица, — представил я.

Она тоже смутилась, шепнула:

— Привет-привет... Я окна сперва вымою. В комнатах наверху.

Мы остались на кухне вдвоём. Я хотел предложить Толику поехать домой “к маме”, но почувствовал, что он уже не хочет “к маме”; похоже,

Даша его чем-то заинтересовала, и он хотел бы познакомиться с ней поближе. Что ж, дадим время.

— Я сейчас отъезду на часок. Прораб просил на объект заскочить... А ты помоги девушке, может, что-то передвинуть надо. Ведро воды принести... — сказал я.

— А она что, правда, у тебя в гостевой комнате ночевать будет?

Я только усмехнулся на это. Сын меня к Даше, похоже, ревнует. Значит, она тронула его сердце с первого взгляда. Это хорошо, это очень хорошо. Женщина способна, хотя бы на время, отнять мозги у мужчины. Учёные утверждают, что мужчина думает о женщинах каждые пятнадцать минут. Толику такое общение — только в плюс. К тому же о коммуне мне подсказала сама Даша. Она и его просветит. Правда, Толик кислотовато выглядит. Впрочем, с синяком на морде перед женщиной не будешь смотреться, как Бельмондо.

Уходя, я крикнул из прихожей Даше:

— Толик тебя чаем напоит!

12

На другой день ко мне снова приехала Даша: приборки ещё хватало, а я тем часом отправился на встречу с Максом. Поехал не на своей машине, а на разбитых жёлтых “жигулях”. Полиция даже забирать их не стала. Шаров сказал: на кой они, если даже заявления нет от владельца, пусть сам ищет и забирает свою рухлядь... А мне этот “жигулёнок” нужен был, чтобы передать его вместе с таблетками Максy и отделаться от всего разом.

Едучи на “жигулёнке”, я удивлялся: ведь когда-то такая машина была мечтой! Она комфортна (сам на такую нарадоваться не мог, когда купил), хотя отличалась от моего нынешнего БМВ, как паровоз от космического корабля... “В чём же провал русских? — думал я. — Нет технологичности, нет расторопности, вечное отставание в темпах развития от цивилизованного мира. Но есть же Менделеев, Лобачевский, братья Черепановы, Попов, даже телевидение изобрёл русского ума человек — Зворыкин. Или всё кроется не в техническом смысле, а в русской философии?”

Во всём, в каждой клетке русского мира, в каждой клетке русской земли, русского воздуха есть некая философия бытия, смысла жизни. И эта философия противостоит прогрессу, вернее прогресс для неё не есть погоня за комфортом бытия. Да и что есть прогресс? Сто новых функций в новом смартфоне, который нужно менять каждый год? Нет, речь, конечно, не идёт об элементарной сытости и уютности жизни, речь идёт именно о ста новых функциях в новом смартфоне. Речь идёт об излишествах, о мишуре... Одинаково можно утолить жажду из хрустального бокала и из гранёного стакана. Погоня за прогрессом лишь изнашивает нацию, отнимает у неё что-то очень важное, может быть, самое важное... Ведь высшая мудрость в созерцании, покое и гармонии...”

Я вздохнул, поймал себя на мысли: “Точно — старею, раньше такие мысли ко мне не закрадывались. А нынче стал размышлять о созерцании, а не о действии...” Глубоко вздохнул. “Нет-нет! Мы ещё повоюем! Ещё всё впереди: и встречи, и любовь, и, возможно, дети. Надо перед отпуском шмоток себе подкупить, приодеться. Если мужчина не думает о новых сорочках и галстуках, значит, не думает о женщинах, значит, теряет либидо... А ведь весна, однако, за окном. Весна!”

Я припарковал машину у самого склона, на обочине с небольшим покатым. Это была окраина города, где находился строительный рынок. Я уже придумал план, как избавиться от наркотиков, которые лежали сейчас в бардачке. Сделать это надо при свидетелях, то есть при Максе.

Макс приехал на стареньком “мерседесе”, за рулём был не он, его подвезли. Машина остановилась чуть поодаль, и Макс — я вспомнил, что видел этого парня как-то раз в компании с Толиком — пошагал к “жигулёнку”, где сидел я. Он подошёл к машине, подозрительно заглянул в салон, увидел, что Толика там нет.

— Садись, поговорим, — сказал я Макс в открытое окно. — Толик не смог приехать. Я за него.

Макс огляделся по сторонам и, похоже, кому-то кивнул в машине, в “мерседесе”.

— А вы кто такой? — ершисто спросил Макс.

Я смерил его взглядом: самоуверенный наглец, серьга в ухе, значит, ещё и рассчитывает на некую экстравагантность, наверняка, считает себя умнее других. Ничего... Это поправимо.

— Я отец Толика.

— Он бы еще мамку послал, — съязвил Макс.

— Я думаю, ты тоже скоро о мамке вспомнишь. Толик посидел в КПЗ. Теперь твоя очередь.

— Вы меня не пугайте! Не о чем нам говорить...

Я выскочил из машины, схватил Макса за руку, выпалил ему прямо в лицо, грубо и властно:

— Ты, щенок, сейчас мне всё расскажешь! Или сядешь лет на пять за наркоту! Я позабочусь!

— Отвали! — резко вырвался Макс.

Я не держал его, даже оттолкнул от себя, когда он вырывался.

— Ах, так? Ну, и ты вали! Уже к вечеру тебя обявят в розыск... И начнёшь ты славное путешествие по России — в бегах... За наркоту сроки большие. Вали, голубчик!

Он не уходил.

— Чего вам нужно от Толика? — резко выкрикнул я.

— Он денег нам должен, — сказал Макс, понимая, что разговор неизбежен.

— Сколько и за что?

— Он дурь брал на реализацию. Деньги не вернул...

— Это ты его втянул в грязное дело, а теперь подставил? Друг называется...

— Я тут ни при чём. Он не маленький мальчик... Он деньги не мне должен.

— Тем, кто сидит в машине? — кивнул я на “мерседес”.

— В общем, да. Но не совсем... Не этот главный, другие есть... — Макс говорил с неким вызовом и обидой, но мне хотелось его разговорить, получше понять, друг он Толику или просто так, попутчик. Он был явно ещё не совсем испорчен, а стало быть, управляем и вменяем... Но он чего-то боялся.

— Пойдём к твоему главному, — сказал я и пошагал к “мерседесу”. Макс сперва растерялся, а потом как-то опасливо пошагал за мной.

Перед тем, как уйти от “жигулёнка”, я пяткой незаметно выбил камень из-под переднего колеса.

В “мерседесе” сидел нерусский, кто он по национальности — я не понял, откуда-то с Азии.

— Послушай меня! — сказал я резко. — Ты продаёшь туфту! Покупатель обижен. Вот тебе результат экспертизы. А ещё вот визитка подполковника Шарова. Если будут вопросы, позвони ему! — Я сунул ему лист с экспертным заключением о “таблетках”, где указывалось, что они наполовину состоят из глюкозы. — А ещё заberi свою развалюху. Вот ключи! В бардачке лежат твои туфтовые таблетки! — Я бросил ему на сиденье ключи от “жигулёнка”.

Нерусский хотел что-то возразить, возможно, он хотел всё как-то сгладить или, наоборот, накатить на меня, но ему помешали...

— Э-э! Чего это? — вдруг закричал Макс. — Машина! Э-э! Смотрите!

— Ух ты! — выкрикнул я. — С ручника, наверно, ушла!

Мы кинулись с Максом к машине, но было уже поздно — она катилась под уклон в овраг, и спасти её уже не мог никто. Нерусский выбрался из “мерседеса”, огляделся и, видать, почувяв какую-то опасность или подвох, снова вскочил в машину, мотор взревел, и “мерседес” с пылью из-под колёс сорвался с места.

Наша беготня с Максом и возгласы были тщетны. “Жигулёнок” уже безнадежно выкатился на склон и, переваливаясь на кочках и на камнях, набирал скорость, летел вниз. Спасать машинёшку, рискуя собой, было поздно и нелепо.

Макс, по-детски разинув рот, смотрел, как машина катится по склону, всё больше и больше набирая убийственную скорость. Вот она подпрыгнула на кочке накренилась, перевернулась сперва на бок, потом ещё боковой удар о камень — и пошла кувырком. Наконец, врезалась в большой валун и затихла. Язык пламени, вырвался из разбитого окна, а потом — из-под капота.

— Откуда я знал, что у неё ручник не держит. Ездите на всяком дерьме! — бормотал я.

— На скорость надо было поставить... — бормотал в ответ Макс.

— Надо было! — вскричал я для остратки.

Макс ринулся вперед, вниз, но я ухватил его за рукав:

— Ты чего, парень? Сбрендил? А если взрыв... Без башки хочешь остаться?

Пламя постепенно охватило машину, чёрный дым потёк из окон, из щелей, из распахнутых дверей. “Вот и отлично! — мысленно подытожил я. — Что и требовалось показать...”

Я достал мобильный телефон, набрал номер:

— Алё! Пожарная! Тут на втором километре от развилки машина под откос ушла. Стояла пустая... Ручник, видно, отказал. Хозяина нигде не видно. Может, он на базу ушёл строительную. Или в забегаловку... Машина ушла с откоса и загорелась. Людей там не было.

— Сюда менты приедут, — испуганно сказал Макс.

— Тем лучше. Всё горит к их приезду... Нет машины, нет проблемы. Нет таблеток, нет головной боли...

— А деньги?

Я ответил на его вопрос с запозданием, уже тогда, когда мы зашли в небольшое кафе на другой стороне дороги. Чтобы всё загладить, решил выпить с Максом пива, охладить пыл, успокоить парня.

— Деньги они не спросят... Они торговали подделкой. Как бы с них ещё деньги не потребовали... Вот и тебе копия экспертизы на эту дрянь. Так что твоя клиентура, мол, требует с них неустойку. Лучшая защита — нападение. Но дело в другом: вы все на крючке... Так что...

Тут Макс изменился в лице, потемнел, озверел:

— Так я и знал, — сквозь зубы процедил он. — Сыночка своего отмазали, выгородили, а я подыхай! Вон у вас — деньги, связи и прочее, а у меня отец алкаш. Мать работу третий месяц найти не может... С меня-то они не слезут.

— Слезут! Если сам этого захочешь... А этого ты захочешь! Ты же себя дураком не считаешь? Не собираешься же ты всю жизнь поганые таблетки своим друзьям продавать?

Макс молчал. Мне было жаль его. Но читать ему нотации я не собирался. Если умный, всё поймёт и сам. Если не умный, мои поучения ему не помогут. Но это я должен был ему сказать:

— Твои нерусские товарищи висят на нитке. И ты висишь на нитке. С ними больше никаких связей! Иначе никто тебе не поможет. К тому же они по крови чужие... Хоть и говорят, что люди делятся по человеческим качествам, но мне кажется, все делятся по главному признаку — по национальности! Назови мне свою национальность — и я пойму, кто ты мне: друг, враг или временный попутчик...

Мы оба смотрели в окно, где из оврага поднимался чёрный дым от горящих покрышек — догорал советский автопром.

Пожарные приехали. Но никто не собирался тушить укатившуюся по крутому склону в овраг машину. Следом приехала и полицейская машина с весело мигающими огоньками на крыше.

— Это теперь их проблемы. Впрочем, нет никаких проблем.

Дыму от сгоревшей машины становилось всё меньше.

Макс выпил пиво, обгёр рукавом губы. Сказал без страха, но с обреченностью:

— Они мстить будут.

— Мстить они не будут. И вообще. Это заблуждение... В 99 процентов случаев никто не мстит. Что-то в психологии человека есть такое, лень, наверное, что он прощает всё даже самому злостному врагу... — Я сказал Макссу это для успокоения. Но потом попробовал растолковать ему на личном примере. — Меня в школе один наглец ударил по лицу. Он был старше меня и сильнее. Из местных хулиганов. Он ударил меня по лицу — я поклялся отомстить ему. Поклялся перед своими друзьями. И не отомстил... Не знаю, жив он или нет. Может, уже сдох где-нибудь, а может, процветает, но я не отомстил. А клялся, что отомщу, и не отомстил. Помыслы человека шлифует жизнь. А она изменчива. Я, конечно, помню морду его наглую, всё помню. Даже как он обзывался. Даже фамилию помню.

— А как фамилия?

— Козявкин.

Макс усмехнулся. Он немного потеплел, а может, чуть опьянел от пива. Пиво было свежее, в красивых высоких бокалах, плотное и вкусное. С чипсами.

— Будешь ещё? — спросил я у Макса.

— Давайте.

Это было хорошо. Мы с ним немножко сдружились. Я признавался ему и дальше по поводу мести:

— А Козявкина я помнил всегда. Но почему-то не хотел выполнять свою клятву. Можно было бы найти его, начистить ему рыло. Но что-то сдерживало. И не страх, а какая-то внутренняя лень, уход из того времени, из тех обид... Правда, меня и сейчас немного берёт чувство досады, что не отомстил. Но реально отомстить уже не смогу.

— Почему?

— Потому что психология... Что-то в человеке есть такое, от чего смиряются и с обманом, и с подлостью других... Так что не бойсь, Макс. Мстителей на земле единицы. Мельтешить только перед ними не стоит. Не думай о грустном!

Домой я возвращался на автобусе. С Максом мы расстались.

Я сидел у окна и смотрел на весну... Светило солнце. Некоторые деревья уже чуть-чуть опушились мелкой светлой листвой. И в воздухе было что-то разлито из детства — и этот жёлтый свет, и этот запах.

Мне было сейчас очень-очень хорошо.

Да, хорошо!

Как редко бывает такое здоровое чувство, когда тебе хорошо!

Я даже часто боялся этого состояния, когда “хорошо”, словно суверено предполагал и поджидал, что жизнь готовит мне за это “хорошо” что-то очень плохое. Наверное, природа человека, природа его мышления и инстинктов именно такова: за что-то хорошее должна быть немалая оплата. Но впоследствии я просто редко погружался в это блаженное состояние “хорошо”. И это состояние нельзя сравнить с послебанной нирваной, или с кайфом, или с состоянием оргазма. “Хорошо” связано с чем-то иным, с духовным чем-то. В детстве это состояние приходило ко мне часто, особенно часто — с пробуждением, с лучами солнца, что-то играло в груди радостное, светлое и было “хорошо”; в юности это чувство и состояние приходило обычно в предпраздничные дни, перед Новым годом, или — особенно — по весне, когда бежали ручьи, искрились тающие сосульки, когда что-то бурлило в крови; позднее, в годы студенчества оно приходило всё реже и реже, в период какой-то легкомысленной влюблённости, а потом ещё всё реже и реже. Это состояние “хорошо” приходило нечаянно, приходило ненадолго, и главное — я его побаивался; радовался, разумеется, но и побаивался, словно впереди похмелье или какая-то расплата за это недолговечное, зыбкое счастье.

Автобус приехал на нужную остановку слишком быстро. А так хотелось насладиться этим “хорошо” и ехать, ехать, ехать... Впрочем, автобус тут ни

при чём. Я поймал себя на мысли, что это “хорошо”, это замечательное лёгкое настроение, это скоротечное счастье свободы и отдохновения разрушается не внешними обстоятельствами, а внутренним состоянием. Может, слишком несовершенно человек, если способен волей мысли вогнать себя в уныние?

...Был у меня дед по матери, Иван Кузьмич, ветеран войны, человек трудолюбивый, истый праведник, а отчего-то всегда грустный. Бывал он часто молчалив. За целый день слова из него не вытянуть, бывал он очень раздражителен, зол, а иногда начинал говорить “за жизнь” и открывался со стороны неожиданной; во всём он видел смысл и значение: если мы пришли в этот мир, то обязаны жить... и каждый выполнять свои функции: пахарь — пахать, вор — воровать, политик — врать, учитель — учить... И быть не может никаких сомнений, что кругом несправедливость, — всё справедливо! — примерно так рассуждал он в эти редкие минуты неожиданных откровений, когда он был удовлетворён жизнью, удовлетворён полностью, приняв её такой, какая она была, а все искажения жизни относил на собственное несовершенство.

Однажды дед признался мне — рассказал о “своей” войне и о своей судьбе. Как ветеран, он носил орденские планки на пиджаке. Но награды были в основном юбилейные. Я не лез с расспросами. Он сам высказался, странно и резко.

— Вот всё время, Валька, казалось, что жизнь меня как-то обошла. Богатства не нажил. Должностей не получил... А сейчас думаю: на что мне богатство? Да и что есть богатство?... “Победа” у меня старенькая была, а у соседа Николая — велосипед. Он на велосипеде едет, рот до ушей, а у меня морда кислая, хоть я и в “Победе”... Бригадиром был, а тоже всё недоволен. Мечтал в председатели выбиться... А было у нас двое председателей. Один в тюрьму угодил за растрату, там и околел, другой от инфаркта помер в сорок восемь лет... А война, Валька. Ох, уж как мне эта война далась! — Дед Иван Кузьмич вздыхал, вертел в руках трубку: курить к той поре он не курил, но трубку курительную иной раз грыз... — Хотелось мне повоевать, Валька. Брат старший был на войне. Отец погиб на войне. За отца отомстить надо было. А по годам я не подходил. Молод. Но вот в сорок четвёртом меня всё-таки взяли. Ну, думаю, вот и сбылась мечта, теперь-то повоюем. За батьку им отомщу, гадам. А уж если голову придётся сложить, так тому и быть... Прибыл я в полк. Там в штабе попался на глаза замполка по тылу. Спрашивает меня: как учился? Отвечаю: отличником был. Вот и хорошо, хлопец. Пойдёшь ко мне на склад, кладовщиком. Мне грамотный паренёк нужен... Три месяца я на складе работал. А войне уж и конец пришёл. Вот такой я ветеран войны оказался. Невезучий... — Грыз мой Иван Кузьмич трубку, желваки играли на скулах. — А ведь полк-то наш в такую передругу попал. От него и одного целого батальона не осталось. Выходит, я везучим солдатом оказался. На складе-то... Только порадоваться везучести этой не получается. Вот и всякий человек... Не может понять, где и в чём ему повезло. Сколь людей, таких, как я, ходит на жизнь в обиде! Ты, Валька, так не живи! Есть хлеб, есть вода, есть крыша над головой, есть солнце в мирном небе — вот в чём главное счастье!

Лукавил ли дед? Ведь всё равно хотелось ему быть героем войны. Но может, и не лукавил. Попал бы он в тот полковой бой, убили бы. Дали бы деду посмертно орден. И всё! И меня не было бы, не родился бы я вовсе.

...Хоть и ушло, откатилось куда-то, растворилось в весеннем воздухе это магическое состояние “хорошо”, но думы о высоком, о чём-то самом важном в мире не проходили.

“Отчего страдает русский человек? От приближения смерти? Нет. Ведь и молодым людям живётся беспокойно, их тоже что-то угнетает: тревога, одиночество... Может, традиции у нас мрачные, власть дурная, религия, настроенная на страдание, оттого так грустно и задумчиво испокон веков на Руси, и мало веселья, а ежели и веселье, так связано оно с выпивкой, а после выпивки, как водится, голова болит и порой от стыда хочется повеситься...”

А всё, наверное, оттого, что рано умирает мечта, остаются только надежды... Надежда заработать, чего-то купить, куда-то устроить детей... А мечта, высокая, вселенская, уходит от человека навсегда (ведь я же архитектором хотел стать, настоящим архитектором! — и где она, эта мечта?!), может, тогда душу начинает съедать тоска, смурь, а если ещё и в личной жизни чего-то не состоялось, то и вовсе хочется выть от тоски.

Дома я застал Дашу за разглядыванием рисунков. Это были мои графические работы. Юношеские, увлечённые, живые. Тогда я рисовал запоем, бегал на все художественные выставки.

— На антресоли пыль протирала. А там папка. Заглянула... Да вы ещё и художник!

— Я мечтал архитектором стать. Рисовал, экспериментировал, искал свою манеру. Но потом оказался на факультете “промышленное и гражданское строительство”, и художественные мечты погасли.

— Жалко, — шепнула Даша. — Вдруг стали бы великим художником.

— Нет, не стал бы. Для великого художника одержимость нужна. Умение переступить через всё... Я трусоват. Воспитан по-другому. Для меня важнее семья, уют, сытость. Успех какой-никакой... А пополнить ряды художников-неудачников...

— А что же вы сейчас один живёте? Где ваша вторая половинка?

— Не нашлась пока, — ответил я уклончиво. Но тут меня слегка понесло: — Эх, девушки, девушки! Учить вас надо семейной жизни с детства. Если ты замуж за мужика вышла, ты с ним живи! Это главное в супружеской жизни! Женщин в старину и силой замуж выдавали, и они жили. А нынче и по любви выходят, а жизни нет. А почему?

— А почему? — весело подхватила Даша.

— Потому что предназначение своё молодые девушки нынче не знают. — Я говорил полшутя, но хотелось бы, чтобы эта студентка Даша восприняла сказанное вполне серьёзно. — Замужняя женщина должна с мужем неукоснительно спать, готовить ему еду, следить за домом...

— И только? — хмыкнула Даша.

— Нет, не только. Но это “не только” не должно быть главным!.. Вот купила ты, к примеру, авторучку. А она не пишет. Или напишет, напишет, да потом писать перестанет, потом опять напишет и опять каюк. Ты разозлишься и бросишь. Любая вещь должна служить тому, к чему она призвана. Так и люди. Так и жена!

Я говорил напористо, с разгоревшимся энтузиазмом, Даша, похоже, уже и не собиралась возражать моему напору.

— И ещё запомни, Дашенька! Любовь там или нелюбовь, но ни в коем случае не надо выходить замуж за того, с кем у тебя споры, ссоры, выяснение отношений, ревность дурацкая... Не будет миру в семейной жизни. Выходи за того, с кем лад есть с самого начала. И во всём мужу подчиняйся! Детей рожай, не ленись... Тогда и семейное счастье придёт.

— Вот за вас я бы замуж вышла сразу. Не раздумывая. Хоть завтра. Хоть сегодня. Хоть сейчас... — вдруг сказала Даша. Она смотрела на меня прямо, серьёзно. Она в открытую предлагала мне руку и сердце. И своё молодое тело...

Словно от вина, голову мою слегка вскружило. Чередой, быстрой цепью, словно в кино, побежали кадры нашей с Дашей любви, моё жениховство, её невестино белое платье, младенец в люльке наш, общий, ещё что-то обрывочно-загадочно-приятное. Словно в омут. Но главное — был горячий соблазн: обнять её, молодую, податливую... Что-то взорвалось в сознании, жизнь накренилась на один бок, и вся моя будущая жизнь с Дашей пронеслась одним махом, одним кадром, одной картинкой... Но я вовремя выправил крен, не прикоснулся к Даше. Стоп! Глупости! Это соблазн, западня!

— Чем же я заслужил такое расположение, ведь мы и видимся всего третий раз?

— За вами я была бы, как за каменной стеной. Не хочу путь матери проходить. Она билась за свой угол, за еду, за одежду, нас всех на ноги под-

нимала. А потом отец ещё и к другой ушёл... Мучилась, мучилась всю жизнь. — Она опять прямо, открыто и, казалось, очень рационально и честно, посмотрела мне в глаза. — А вы обеспеченный. О детях заботитесь. Всё ещё сопли Толику вытираете... Я бы тоже вам детей нарожала... И ревновать бы не стала. Глупости это — ревновать кого-то... Я ведь вам подойду?

— А как же любовь?

— Любовь пришла бы. Она ведь, как ветер: то налетит, то улетит. Я думаю, что вас бы я полюбила. Да и вы бы обо мне заботились. Вот это и есть любовь. А повздыхать при луне — это ещё не любовь. Мир сейчас расчётливый. Все головой живут. Только дураки да нищие какие-нибудь сердцем живут. Потому что у них денег нет... Так что, если невеста вам потребуется, знайте — я готова. Всё по-честному! — подчеркнула в довершение Даша.

— Ты это брось, девочка! — мягко, но чётко пристопорил я её. — Не забивай голову. Это только кажется, что мужик в летах да с деньгами — находка для личной жизни. Нет... Мы к пятидесяти уже все ущербные... Нет уже той силы, чтобы что-то делить сокровенное. Так, разве что жить в достатке. Как мой сосед, который на днях застрелился... — Я прервался, вспомнил не соседа, а его благоверную, которая в открытую хотела переспать со мной, когда ещё и трёх дней не прошло, как она овдовела. — Есть у мужиков такое обманное мнение: мол, есть женщины для жизни, их в жёны надо брать, а есть, мол, женщины для любви, для взрыва... Так же и женщины заблуждаются... Ты, Даша, только за деньгами не гонись. Сегодня он богат, а завтра — нищ. Или наоборот бывает... Тебе надо свою жизнь прожить. Острую, красивую. Трудную, быть может. Но с любовью, со счастьем настоящим, с болью душевной... Ты на деревяшку-то не похожа.

— Я ни в кого больше не влюблюсь. И если бы вышла за вас замуж, ни на кого бы не посмотрела! — отчеканила Даша.

— Ну, насчёт этого не зарекайся!.. А видать, где-то ты шибко обожглась.

Лицо её вдруг стало суровым, холодным и даже несимпатичным, как у тех, кто задумал мстить...

— У меня был парень. Его в армию забрали. А он оттуда не вернулся.

Я испуганно взглянул на Дашу.

— Нет-нет. Не убили. Он там себе подружку нашёл. Из каких-то вольнонаёмных. Там и остался, в армии, контрактником... А я его ждала. Письма писала. Дома лежу на сеновале, на звёзды смотрю и ему в любви объясняюсь. А он там на другую звезду смотрел.

— Может, это и хорошо. Закалилась. Судьба привередлива. Но обижаться на неё не стоит.

Даша вздохнула, принялась складывать мои рисунки в папку, потом стала протирать полки, замкнулась.

— Даша, ты поедешь в коммуны, там будет Толик. Ты ему привези гостинцев, сладкого чего-нибудь. Он пирожные любит, мороженое. Сам он, может, будет стесняться покупать, а с тобой за компанию... Я тебе денег оставлю.

— Нет проблем, — без эмоций ответила Даша.

...Она сказала, что не хочет идти путём своей матери. И ради другой жизни способна пожертвовать и любовью, и ещё чем-то очень важным — душу продать, наверное. Я понимал Дашу. Понимал её отлично. Я сам прожил большую часть жизни под прессом: всегда не хватало денег. Всегда в голове роился страх: вдруг останешься без работы, не у дел; вдруг заболеешь — на что покупать лекарства? Как прокормить семью? Как дать образование детям? Всё — от зарплаты до зарплаты, в обрез, каждая копейка... Ах, чёрт возьми! Чтобы освободиться от этого, пойдёшь на любой компромисс, начнёшь врать, мелко мошенничать, продавать себя... Ведь Даша себя впрямую продавала мне. И сказала: "Всё по-честному!" — хотя наверняка не разбила того парня, которого ждала из армии.

Что-то ледяное и очень тревожное хлынуло в грудь. Ведь дочка, моя Рита, собирается замуж за какого-то великовозрастного режиссёра. Скоро я

увидю дочь, всё пойму. Нет, не всё. У каждого своя правда, свой резон. Тут же позвонил Рите в Москву. Сказал, что скоро приеду. “Ура!” — вскрикнула она от радости.

13

Рита в нужный час в Москве на вокзале меня не встретила. Накануне я опять созвонился с дочерью. Она уверяла, что встретит у поезда, уточняла время прибытия, вагон. Я погулял по пустынному перрону (все приехавшие разошлись), потом позвонил по мобильному Рите и услышал металлический ответ: “Телефон абонента выключен...” Вдруг она в метро, едет, спешит, опаздывает. По перрону я гулял ещё четверть часа. Рита не появилась.

Я не особо расстроился, но, конечно, расстроился и пошагал к камере хранения, чтобы оставить чемодан и уже без груза ринуться в Москву — разыскивать бесшабашную дочь. Почему она не приехала? Почему не отвечает на звонки? В предыдущем разговоре она что-то упомянула о репетиции, хотела отпроситься. Вдруг не удалось...

Полуденное солнце ярко светило, было тепло, но не жарко, даже как-то уютно, зелено и прибрано. Чистенько кругом в районе трёх вокзалов. Никаких бомжей и разных тёмных типов, которые продавали ещё несколько лет назад тут всё и вели скупуку всего. Да и машин не так уж много. Предпраздничные дни перед маем — многие отправились на дачи. Мне захотелось пройтись по Москве. Я давно здесь не был отпусником.

Не спеша пошагал к Садовому кольцу через проспект академика Сахарова. Направился туда не случайно. Я услышал какие-то митинговые голоса, увидел издали толпу, милицейский кордон. Это обилие людей и привлекло. В нашем заштатном Гуриянке митингов и людских сборищ на площадях не бывает, а здесь — пруд пруди. Простое любопытство вело меня к людскому скоплению с плакатами, флагами, растяжками, транспарантами.

Среди флагов российских мельтешили жёлто-голубые флаги Украины. Всё понятно: нынче у всех на устах события в Незалежной, а главное — присоединение Крыма. Ещё в поезде мне все уши соседи по купе прожужжали про Крым, но я не откликался на эти разговоры; радовался, что захватил наушники, слушал музыку, а политика меня не интересовала и, даст Бог, не заинтересует впредь.

Доброжелательно и даже несколько благодушно, не забывая голову речами и тезисами, которые вещали со сцены, я решил пройти сквозь не очень плотную, рыхловатую толпу демонстрантов. Даже сам не знаю — зачем. То же, наверное, из любопытства. Сперва меня пропустили через рамку металлоискателя, а после я приблизился к сцене и простым, безучастным зевакой смотрел на ораторов, которые неровной шеренгой стояли в углублении сцены. Впереди у микрофона выступал один из них. Но говорил он плохо, коряво. Его, наверное, хорошо понимали посвящённые, а я почти ничего и не понимал, к кому и с какими фактами он апеллирует.

— Вся мировая общественность возмущена! Европа содрогнулась. Весь мировой порядок был подорван агрессией России и этими... как их там... зелёными человечками...

Почему я не интересовался политикой и даже не хотел знать о ней? Я раз и навсегда принял для себя некий постулат: я не вправе, не в силах изменить что-либо в политике и лезть туда, спорить, рядить о ней — это только трата времени; такое хобби мне было неинтересно.

В истории страны, общества, в политике, в конце концов, всё решают политики высшего звена, правители. Так устроен весь мир, так устроен был СССР, а теперь — Россия. Решает тот, кто принимает решения! На своём уровне я принимал решения о подрядах, о конструктивных проектах, о закупках материалов, о кадровых назначениях; я принимал эти решения каждый день, и немало людей зависело от принятия этих ничем не знаменательных решений. Но история страны складывалась из других решений и зависела от воли других деятелей; действия уличной толпы — это ещё не воля

властителей. Именно воля верховных жрецов прокладывает путь истории. Мое мнение тут никакой роли не играет. Так я думал раньше, не перестал я так думать теперь. И никогда не лез в политические дискуссии, споры, даже экономические выверты воспринимал как погодные фатальные явления. Мне было так проще жить. И всё! Точка!

Сейчас я стоял со снисходительной полуулыбкой невдалеке от сцены, с которой выражали ораторы то ли солидарность с жителями оскопленной Украины, то ли негодовали по поводу российских властей, то ли одобряли эти действия. Нет, всё же не одобряли. Я вслушался в речь говорившего в микрофон, разобрал:

— Аннексия Крыма — шаг жуткий. Это шаг безголовый, авантюрный. Россия, приобретающая полуостров Крым, теряет свой материк!

— Как верно сказано! — услышал я восхищенный женский голос и обернулся: полноватая, рыхловатая женщина, в очках, в забальзаковском возрасте улыбнулась мне, я кивнул ей, как бы здороваясь и соглашаясь с её восхищением.

Восторг по поводу фразы выразили и с других сторон. Но восторг был негромок, краток, оратор был, видно, известен, красноречив, и сыпал умножениями дальше:

— Да, нас здесь собралось не так много, как хотелось бы. Но разве Андрей Дмитриевич Сахаров, на проспекте которого проходит наш митинг, над которым всячески глумилась власть, не был борцом-одиночкой? Кто стал победителем в споре власти и Сахарова?

Вопрос имел только один ответ, и он прозвучал из толпы одобрительным гулом с именем великого физика. Я не то чтобы не соглашался с этими людьми, мне просто было это неинтересно, и я пошёл было дальше. Осторожно, никому не мешая, пробирался к окраине толпы. Но вдруг меня осенила странная мысль: что это за люди? Я шёл, взглядываясь в их лица, в их обличья, в их одежды, в их существа... Все эти люди были какими-то не такими, как у нас в Гурьянке. Я даже сравнил себя, так ли я одет, как они. Вроде и так, а вроде и как-то иначе... Да, они москвичи, а в них что-то иное, отличное от провинциальных людей, и всё же это были особенные москвичи. И пусть я среди них похож по одежде, по возрасту, — тут были, в основном, люди среднего возраста, — но всё же я какой-то заметно провинциальный, словно белая ворона. Или тут что-то не так? Всякий провинциал, который оказывается в толпе *настоящих* москвичей, испытывает неудобства, но тут было ещё что-то. Я остановился и стал внимательней рассматривать толпу. Одежда отличается немного; среди этих людей, а, как я интуитивно понял, это все сплошь люди с московской пропиской, заметна некая небрежность в одежде, здесь одежде уделяется меньше внимания, чем в провинции, здесь не принято “нарядиться”... Но толпа на митинге на площади демократа Сахарова скрывала ещё что-то. И тут я поймал себя на мысли: у этих людей будто бы не было национальности. И хотя здесь были армянин, еврей, татарин, казах, русский, национальность здесь как-то нивелировалась. Это были те, про которых говорили “россияне”... “Точно! — чему-то порадовался я. — Это истинные россияне! Московские причём! Отшлифованные демократией последних десятилетий с их митингами, болтовнёй и вечным недовольством интеллигентов. Именно интеллигентов. Здесь была сплошь интеллигенция. Да и на сцене стояли журналисты, телекомментаторы, певцы, депутаты — сплошь *медийные* личности. А вон историк, который протёр до дыр телевизор, с бородкой и кривоватым ртом”.

Тем временем на сцене к микрофону пригласили “поэта, публициста, телеведущего...” Тучный, щекастый человек, курчавый, с выпученными глазами, пошёл что-то трубить в микрофон, явно желая понравиться толпе. Я не стал его слушать. Напоследок оглядел толпу, поразился своему открытию “московской интеллигенции”, у которой нет ни возраста, ни национальности, ни определённой профессии, даже пола они какого-то неопределённого... Я усмехнулся: ведь в любой толпе я выискивал произвольно красивеньких женщин, а здесь таковых не было, женщины не имели женственности

и красоты; стайку девчушек студенток я в расчёт не брал. В основном какие-то бесформенные, расплывшиеся, с чертами неясными, неяркими. Но таковы были и мужчины... И все они были по-своему оригинальны.

Просочившись сквозь митинг, не особо многочисленный, не очень плотный и какой-то вяловатый — то ли были митинги в начале девяностых, там всё кипело у тогдашней интеллигенции! — я уходил прочь. Потом остановился, обернулся на митингующих. А ведь нет сейчас в России по сути никакой интеллигенции. Её придумали как класс, как прослойку. Но теперь и класса нет! Где знаменитый класс рабочих? Где трудовое крестьянство? Где славная интеллигенция, куда входили советские офицеры?

Последнее, что я услышал и чему аплодировала толпа, были слова щекастого поэта:

— С этим Крымом теперь в приличном обществе не появишься...

О каком приличном обществе он говорил — я не понял. Где это общество? Но толпе было всё, видно, понятно. Как же я отстал от них!

И тут наконец-то позвонила Рита.

— Папка! Я в театре! На репетиции! Извини, не могла встретить! Приходи прямо в театр! — летел в трубку темпераментный голос дочери.

Ну, вот всё и выяснилось. Риту я мгновенно простил... Своего ребёнка всегда простишь. И всегда его оправдаешь. Ведь это часть тебя самого. На душе стало легко. Но вспомнилось, как я её через силу, через боль отпускал в Москву в ГИТИС. Анна была, конечно, против, я сам был против, а Рита стояла на своём: “Не поступлю — вернись! Дайте ребёнку осуществить мечту!” — и она смеялась, а потом поджимала губы, и мне было понятно, что от своего она не отступится. Она поступила. Разумная, твёрдая, решительная. Жаль, что в Толике такая же закуска оказалась поживе. Подниматься одной в Москве — для этого надо иметь характер. И теперь она показывала свой характер. Она окончила вуз, работала в театре. Театр был не велик и не очень известен, средней руки, но это был московский театр! Молодчина, дочка!

До театра я добрался пешком, глазел на Москву. Нет, не понимал я этот город. Он не был мне чужим, но и стремления к нему у меня тоже не было. Хотя Москва — город крылатый...

Администратор в театре встретила меня доброжелательно, сразу проводила в зал:

— Рита меня предупредила. Сейчас репетиция. Но скоро кончится. Вот сюда. Пожалуйста, в ложе посидите. Здесь ступенька, осторожно.

В темноте небольшого зала я устроился в уголке ложи, в тени, и принялся тайно смотреть репетицию — репетицию будущего зятя, режиссёра Стаса Резонтова. Он был на сцене и с ним два актёра: моя Рита — у меня даже что-то толкнулось в груди, когда увидел её, одетую театрально, странно: она была в каком-то рубище с венком на голове, партнёром у неё был молодой человек, раздетый по пояс, тощенький, с огромным тёмным крестом, который висел на шнурке на шее, и тоже с венком, имитирующем колючую проволоку.

Меж ними стоял Стас, взъерошенный, с длинными растрёпанными волосами, с бородой, и объяснял актёрам горячо, страстно:

— Ты бог, ты царь, ты величина! — Он тыкал пальцем актёру в грудь. — А не жалкий человечек из толпы! Ты властелин мира... Ещё нет, но ты им будешь. Ты уже сейчас должен показать им, что ты их властелин, чтоб они преклонили пред тобой колени. А ты торопишься, срываешь на писк. Как говно!

Последнее слово потенциального зятя меня покорило, хотя, говорят, что это любимое слово у московской интеллигенции ещё со старых времён — с оттепели... Может, так надо? С другой стороны, театр вроде храма. Когда бригадир на стройке орёт на разнорабочего, который не несёт раствор камешку — это одно, а тут столичный театр. А может, иначе не высечь искру из актёра, не создать шедевр?.. А тут уж точно будет шедевр! Стас Резонтов выглядел как гений.

Он переметнулся к Рите:

— Ты пойми: ты тоже не простая баба! Не какая-то шлюха, которая вешается на шею богачу. Ты тоже избранница бога! Также царица! Гордая, величественная, а не подзаборная!..

Режиссёр был в ударе, в кураже, он нагонял на актёров свою волну, которая должна была поднять их до вершин его гениальности... Я так и подумал литературно: “до вершин его гениальности”. Мне стало и смешно, и горько. Надо же, человек придумает какую-нибудь дурь, заумь, какое-то бесовское действие, выдаёт это за искусство, а потом ещё умудряется найти поклонников и убедить их, что это божественно и гениально. А если ты его искусства не понимаешь, то ещё и обзовёт тебя быдлом... Я ушёл из ложи, из темноты зала, мне стало совсем неинтересно смотреть на будущего родственника, а дочку стало жаль.

В фойе театра я ждал Риту и попутно позвонил Олегу. Это был наш гурьяновский, мой сокурсник, друг студенческий, я ему ещё накануне отзвонился.

— Ты где? Я тебя жду, уже стол накрыт! — гудел он в трубку могучим голосом.

Репетиция кончилась. Рита выскочила из зала, кинулась ко мне на шею. В рубище, в гриме, с чёрно подрисованными бровями и жирно удлинёнными ресницами, такая незнакомая в своей роли полубогини и такая родная, неизменная.

Вскоре мы сидели с ней в театральном буфете, ждали Стаса.

— Он очень милый. Вот увидишь. А что матерится... Так они все матерятся. Не обращай, пап, на это никакого внимания... Без перца в театре не обходится...

— А Станиславский тоже матерился?

Рита рассмеялась.

— А скажи мне, дочка... Там у вас на сцене унитаза стоит. Это что? Декорация?

— Пап, это современное искусство. Не думай о нём... — она перевела разговор на другое. — Пап, мы скоро уезжаем в Польшу. Стасу предложили поставить там спектакль. Это так здорово! А уж после — свадьба...

Тут появился и жених. И опять впечатление, что он какой-то весь взъерошенный. Высокий, длинноволосый, с бородкой рыхловатой, с проседью, глаза блестящие, большие, чёрные, живые. Взгляд, казалось, ни на чём и не сосредоточивается. И смотрит так будто сквозь человека, куда-то по-верх, вдаль.

Он разулыбался мне, познакомились. Он цепко и твёрдо схватил мою руку, потряхнул с силой.

— Ну, как вы тут? — мимоходом спросил Риту.

— Да вот, об искусстве с папой рассуждаем, — усмехнулась она.

— Ещё кто бы мог определить, что такое искусство, — сказал я.

— Искусство — это всё! — живо вошёл в разговор Стас. — В искусстве возможно всё! В жизни — невозможно. Нельзя на Луне пожить или влюбиться в марсианина. А в искусстве — можно... — Стас говорил быстро, немного даже взахлёб, при этом он смотрел мимо собеседника. Стас был как будто всё ещё на репетиции, и я перед ним — актёр, которого Стас собирается обратить в свою веру. — Дураки от искусства придумали запреты, ограничения. Я думаю, Шекспир был бы только рад, что его делают современным. Что Ромео — это рокер, а Джульетта может без ума влюбиться и в свою служанку.

Рита улыбнулась. Я ухмыльнулся.

По ходу блистательного монолога будущего зятя, с которым мы были почти ровесниками, я подумал: “В искусстве возможно всё? Эх, спустить бы с вас, деятелей современного искусства, пошляков и шарлатанов, штаны да выпороть хорошенько на большой площади — вот бы было действие, вот бы было искусство! Шекспиру бы это больше понравилось, чем Ромео в мотоциклетном шлеме и Джульетта-лесбиянка”.

Когда Стас говорил, он как будто ещё не всё и договаривал, кроме слов произносимых, в нём бурлила ещё особым фонтаном фантазия.

— Никакие традиции, никакое ханжество не остановит новый театр, — тут Стас замер. — Это очень правильно! — воскликнул вдруг он, вскочил и куда-то быстро пошёл, крикнул нам на ходу: — Надо предупредить завпоста...

— Ты не удивляйся пап, это люди искусства. Он что-нибудь вспомнил или придумал... На него часто после репетиций вдохновение находит.

Мы с Ритой выпили ещё по чашке кофе, но Стас так больше и не появился.

— У нас сегодня спектакля нет, — сказала Рита. — Но после перерыва будет вечерняя репетиция. Я освобожусь...

— Не беспокойся. Я приду к тебе домой. Вечером. Там поговорим. Посидим, чаю попьём. А завтра я улетаю.

— Чем ты сейчас займёшься?

— К Олегу зайду, земляку. Помнишь такого? Он к нам в гости приезжал. Мы с ним вместе учились.

Я вышел из театра. Но театр ещё некоторое время меня не отпускал... Я не знал доподлинно историю театра не только мирового, но и русского. И если к живописи я имел касательство и знал даже фразу из письма Пикассо своему другу, которому он признавался, что, мол, я-то понимаю, что то, что я рисую, не является искусством, но богачи покупают... А вот про театр я подобного не знал. Сам по себе театр казался мне каким-то вымученным занятием, несозидательным. А уж если из театра убрать просветительную миссию, то он и вовсе станет сборищем тщеславных людей, которые не очень-то любят работать, ведь лицедейство и кривляние никогда у русского народа не поощрялось. Конечно, я так думал, потому что переживал за Риту. Мне хотелось верить, что она попала не в какой-нибудь бедлам с сумасшедшим режиссёром, а в храм искусства, святилище, где не допустят издевательств над шекспировскими героями.

14

Олег ждал меня с нетерпением. Ему, наверное, не терпелось выпить, вот и ждал.

— Шёл сейчас по Москве, — рассказывал я ему, — много замечательных зданий, решений оригинальных. Но иногда такая чушь! Застройка точечная — ни к селу, ни к городу. На Цветном бульваре, у Трубной — нелепые стеклянные уродины, кубы какие-то, на дома не похожие... Дочка говорит, что в Москве сейчас правит креативный класс.

— Она заблуждается. Правит, старик, в Москве чиновник... — Олег смолоду называл друзей и приятелей “стариками”, в этом было что-то интеллигентское от шестидесятников, и для Олега в этом был шарм. — На том же Цветном бульваре за последние десять лет три раза, — он поднял палец вверх, настораживая, — три раза меняли покрытие, скамейки, деревья... Представляешь, какие миллионы зарыты в землю, вернее — в карманы чиновников... — Олег говорил и попутно накрывал на стол. Семья у него была на даче. А он дачу не любил: “На даче надо что-то всё время строить, работать, а я и так всё время на стройках”. Был он высок, толст, головаст и красиво улыбался. В студенчестве он как-то легко, без напряжения мог сойтись с любой девушкой. Другой мучается, втихомолку любит, не знает, как подойти к избраннице, что сказать, а Олег широко улыбнётся — и всё, лучший друг, а уж интим — по желанию с его стороны...

— Правит чиновник. Расцветает офисный планктон, без роду, без племени... А креативщики — это выскочки и прохвосты! Индивидуализм и рисовка... Мы, старик, за них с тобой пить не будем. А мы выпьем за нас с тобой, и за тех, кто нам дорог.

Вскоре к нам подключился Павел Сидорок. Это сосед, приятель Олега, я с ним был шапочно знаком: однажды так же, втроём, сидели, выпивали за встречей в мой приезд в Москву. Причём, когда выпивали тогда, лет пять назад, мне запомнилось, что Павел с Олегом постоянно о чём-то спорили; москвичам — их хлебом не корми — дай поговорить о президентах, об оли-

гархах, о Рублёвке; видимо, близость местожительства к Кремлю вольно или невольно понуждала к сплетням, к какому-то анализу текущего момента. И если тогда Олег с Павлом распинались о московском мэре, то сейчас на повестку дня сам собой выплыл Крым, к тому ж Павел был родом с Украины. Здесь, в Москве, кажется, воздух был наэлектризован этой темой. И двое товарищей, хохол да москаль, сошлись на животрепещущем. Ждать спора не пришлось. Выпив совместно по чарке, Павел уточнил мой маршрут:

— Ты куда на юг? В какой санаторий едешь?

— Санаторий я ещё не выбрал, куда-нибудь к Мацесте, в Сочи. Но по началу я в Одессу лечу, в гости.

— О! — воскликнул Павел. — К нам! Я ж с-под Николаева родом.

— Чего ты окаешь? — усмехнулся язвительно Олег. — Скоро и Одесса будет наша! И твой Николаев!

И тут же перед его носом возникла большая красная дуля Павла:

— Во вам! — Потом он утер губы ладонью и пробухтел: — Вы нам и Крым вернете... Они сами, суки, приползут, когда мы в Европу войдём. — Павел был такой же крупный мужик, как и Олег. Большеголовый, толстошей здоровяк, говорил он с южным “гэканьем”.

— В Европу войдёте? — Олег издевательски рассмеялся. — Слышь, старик, в Европу они войдут... А не хотели бы вы войти в...

Дальше их разговор превратился в некую смесь разрозненных аргументов, посылов, доказательств, исторических и полуисторических фактов, язвительных и оскорбительных реплик. В пылу полемики, правда, мы успели поднять ещё пару чарок с дежурными тостами, но в целом всё слилось в кашу:

— Вы, хохлы, привыкли к халяве! В 1922 году в состав СССР Украина вошла без Харькова, без Херсона, без Одессы, без Донецка, без Луганска, даже Львова у вас не было. О Крыме и речь молчит... Всё это вам досталось потом, благодаря заклтым советским кацапам. На халяву... И Крым вы хотели продать шиндосам. Базы НАТО там разместить. Предатели Севастополя и русской славы!

— Народа такого нет — русские! Москали — это же помесь татар, мордвы и каких-то там угро-финнов... У нас своя история! История Украины! Мы вам, москалям, ватникам, больше не уступим. Всё, с майдана — новый отсчёт!

— Да на вашем майдане черти собирались. Уголовники, шпана, безработные... Месяцами в палатках квасили... И орали во всю глотку: “Слава Украине!” И где у них слава? В чём?

— Пуцай, что шпана... Они революцию сделали! А ваши большевики, не шпана, что ли, были?

— А Бандера ваш кто? Где он родился? Где жил? Где сдох? Нашли себе вождя... А в общем, вам, хохлам, по Сеньке и шапка.

— Историю мы напишем сами. Без москалей. А то, что будем жить, как в Европе, так вы ещё на дерьмо от зависти изойдёте.

— Чего ж вы все к нам на заработки прётесь?! А историю вы, хохлы, хоть запишитесь, но в музыканты ни хрена вы не годитесь... Жить, как в Европе, вам не дано!

— Это почему?

— А потому... Вот слушай анекдот. Старик, — Олег напряг и моё внимание, которое рассеивалось в пустой, злобной говорильне двух застольных приятелей. — Приходит чукча к врачу и говорит: “Доктор, что-то очень много мыслей в моей голове. Думаю часто, вспоминаю. Ты сделай-ка мне мозгов поменьше, чтобы я разными мыслями не мучился”. Доктор мужик понятливый: “Сделаем, как скажешь!” Кладёт на операционный стол, делает наркоз, потом операцию. Всё чин-чинарём. Проходит время наркоза, доктор будит пациента. Тот просыпается — и говорит: “О! Цэ совсем другое дило!..”

Павел сперва нахмурился, он как будто сперва не врубился в анекдот, а потом весь побагровел, набычился и вдруг вскочил, схватил Олега за грудки. И тут пошла драка не драка, свалка не свалка, но мощные обнималки, пыхтелки и борцовский рёв двух выпивших мужиков.

— Стойте! Хватит! Придурки! — Я разнимал их, как мог, а главное — не хотел, чтобы они стали дубасить друга всерьёз, по морде — “морда” долго не прощается, может и всю жизнь не проститься; я старался их подстроговать, чтоб не прбили свои большие башки об углы, а таковых на кухне всегда предостаточно.

Наконец, они в какой-то момент оба ослабли, и мне удалось разорвать их связку. Павел грохнулся на угловую скамью, а пыхтящий, как паровоз, Олег шмякнулся на стул.

— Всё, мужики, расходимся. Всё, атас! Других вариантов нет! Вот вам по стопке водки, и всё, — заявил я. Больше мой глас был обращён к Павлу: — Паша, иди с Богом. Не надо обострять...

Павел оттолкнул мою руку с протянутой рюмкой водки, резко встал, вышел из кухни в коридор. Уходя крикнул нам с угрозой:

— Хрен вам, москалям!

— Чего-о?! — завопил было Олег.

Но я его осадил:

— Всё! Спектакль окончен.

Я и сам тут же собрался и ушёл. Олег пытался было меня удерживать, стал что-то объяснять про ситуацию на Украине.

— Политика мне не интересна, — мягко отнекивался я от дальнейшего гостеприимства.

У меня было ещё время до встречи с дочкой, и я решил пройтись по центру столицы, поглазеть.

Город даже в эту тёплую весеннюю погоду, в чистоте и убранстве к праздникам казался мне каким-то расхристанным, не цельным, разорванным на куски. Даже не внешне казался таким, а внутренне — по жизни будто бы. Внешне Москва, пусть и не везде гармонично, но блестела витринами, бамперами и боками дорогих авто, глянцем дорогих гостиниц и фундаментальными постройками старинных мастеров, а внутренне в Москве не чувствовалось гармонии. И то, что на митинге я увидел людей вне класса, вне национальности, и то, что несли мои товарищи, москаль Олег и хохол Павел, меня не удивляло, — это и было фрагментами той душевной тревоги, которую вселяла Москва. Чувство это попутно вызывало какую-то обиду: ведь это моя страна, моя родина, моя столица, здесь у меня дочка, и она вынуждена жить здесь, где нет единства и гармонии, и справедливости нет, о которой мы мечтаем.

Раньше Москва мне не навевала такие мысли. Ладно! Стоп! Довольно меланхолии!

Уже темнело, Москва нарядилась разноцветными огнями, пышущей рекламой, когда я добрался к дочке. Она жила на окраине в однокомнатной, небольшой, уютной квартирке. Я был счастлив, а ещё более была счастлива Рита, когда купил ей эту квартиру после окончания театрального института. Взял кредит и купил. Пусть у неё будет свой угол в Москве, прописка. Это очень важно, если ты собрался в столицу. Без собственного жилья ты всегда в Москве будешь, как на вокзале.

Рита, уставшая, задумчивая, сидела на кровати, я — на диване, где она мне постелила. Она расспрашивала меня про мать, про Толика. Словом, говорили о семейных делах, вспоминали родственников, но пока не трогали самое очевидное — будущее замужество Риты. Ясно, что я не одобрял этого замужества, но и отговаривать дочь не имел права. Выключили свет. Так и легли спать, не обсудив главного. Но мы не спали. Я ворочался, вздыхал, да и в темноте, оказалось, проще было поговорить о чём-то остром, болезненно ноющем... Я говорил про себя дочке: он же сумасшедший, твой Стас. Его сразу видать. Ваш брак долго не продержится. А если ты родишь от него, и он тебя бросит, — а этот вертиголова тебя непременно бросит! — тогда как ты здесь? Одна? Ведь возвращаться домой тоже не захочешь... Ах, Рита, Рита!

За окном дул ветер, качались деревья. Слышно было, как они, ещё почти безлистые, шумят, тревожат чью-то душу. И, наконец, я хотел спросить Риту о будущем. Но она заговорила сама:

— Я всё, пап, понимаю, — она словно слышала мои опасения. — Стас, конечно, слишком оригинальный... Но с волками жить — по-волчьи выть. Он сейчас на плаву, востребован. Он сейчас тот самый креативный класс, а они правят в искусстве. В Москве так просто не пробиться. Без связей никуда... Только случай. А я на случай не надеюсь. Деньги... Но деньги нужны большие. Таких нет и не будет... Или муж-режиссёр... А муж-режиссёр — это для актрисы всё. Все эти кланы — Михалковы, Бондарчуки... Что у них, избыток талантов? А смотри, как свою родню проталкивают, снимают... Я выбрала себе профессию и хочу тоже пробиться. Признания хочу, успеха. Конечно, мне неприятно играть дур, ругаться на сцене, стриптиз показывать, но сейчас это тренд...

— Ну, ты его хоть немного любишь? — тихо спросил я.

— Немножко люблю. Он же, как ребёнок, хотя и вдвое старше меня.

— А если родишь...

Она не дала мне договорить:

— Рожать я погожу. Оглядимся пока. На ноги встанем. Вот что мне сейчас нужно!

— А креативный класс — это, мне кажется, новая придумка буржуазии. Фишка, на вашем языке. Сборище разных выскочек и прохиндеев, которые боятся честной конкуренции. Выпендрёж, прощ говоря.

— Папочка, да я всё понимаю, всё-всё. Но других у нас нет. Во всём мире так же. Стас — дитя своего времени... А лицедейство — это и есть лицедейство. Я не хуже других актрис, чтобы стоять за кулисами. Я на сцене хочу быть! В главной роли.

Я промолчал. Рита чуть позже добавила:

— Ты знай, пап, я твои наказания помню.

Хотя я не помнил, что ей наказывал. Но на душе стало легче. И пусть ветер полощет голые пока ветки деревьев. Скоро они позеленеют, будут шуметь по-другому, не так пронзительно и тревожно.

Я сел на диване.

— Ты спи, Рита. Я немного у окна посижу. Посмотрю на Москву. Я же здесь редко бываю.

Дочка уснула, а я, хоть и устал от путешествий и впечатлений, ещё долго не мог уснуть. То в окно глядел, то на дочь. Всё хотелось, как в Ритином детстве, подойти к ней, поправить одеяло. Иногда в её детстве это чувство пробуждало меня среди ночи, и я шёл в Ритину комнату, чтобы поправить на ней одеяло — вдруг оно сползло, и дочка мёрзнет, лежит клубочком, поджав колени.

Ах, Ритка, Ритка, а всё же лучше было бы, если окончила ты экономический факультет и пришла ко мне в контору экономистом!

15

В армии у меня было два закадычных друга: Гриша Михальчук из Одессы и Петя Калинин из Ростова-на-Дону. Мы с ними “два года в окопах вшей кормили”... По правде-то, ни в каких окопах мы не были, а были на огневых позициях батареи, а вшей я вообще в армии не видел... И Гриша, и Петя были особенными армейскими друзьями, верными. После службы несколько лет мы переписывались, позднее обязательно посылали друг другу открытки к Дню Советской армии, на Новый год, и в День артиллерии. Лишь с двухтысячных стали звонить друг другу, с большими перерывами. Отмотало уже четверть века после нашей разлуки в дембельской армейской форме. Ни с Григорием, ни с Петром мы покуда не встретились, я всё надеялся на командировку или попутный маршрут. Но... Но теперь я ехал в Одессу, где прежде не был, а побывать там мечтал давно: город защищал мой дед, и там живёт кореш мой Гриша Михальчук. Но — уж если совсем начистоту — это были только поверхностные, открытые поводы для поездки в Одессу. Под покровом тайны гнало меня в этот город нестерпимое желание повидать одноклассницу Ладугу. Это редкое имя меня завораживало, и чем

я становился старше, тем больнее, жгучее становилось желание распутать клубок первой юношеской любви.

Лада жила уже давно в Одессе: муж у неё был военный моряк, но недавно, на очередной встрече с одноклассниками я узнал от нашей старосты Веры, которая всё про всех знала, что муж Лады трагически погиб, что Лада живёт с сыном, всё хочет навестить родные места, но никак не соберётся. У меня в душе что-то забурлило, словно шлагбаум, который претил моему пути, вдруг открылся. “Адресок мне найди Лады, — сказал я Вере, — я собираюсь в Одессу по делам, вдруг и к Ладе заскочу...” Хитрая Вера расплылась в улыбке: “Что, не даёт покоя первая любовь?” Я отшутился: “Не первая, а вечная. Бывает у мужиков такая...” — “Ну, ты даёшь, Валентин! Мне бы такую! — восхитилась Вера. — Пиши адрес. А телефона я не знаю...”

В школьной юности с Ладой у меня до близости не дошло, неопытен был. Но целовались мы с ней жарко, в охотку, а кроме этого было между нами что-то такое, что не подпадает под понятие обыкновенной любви. Мы оба понимали, что расстанемся, что никогда не станем мужем и женой, никогда не рисовали совместных планов, и в то же время не могли обходиться друг без друга. В общем-то любая юношеская любовь — счастье, даже если она несчастливо заканчивается.

Ладе всегда хотелось куда-то уехать из родных мест, подальше от обыденности, дров, печек и вьюшек, резиновых сапог, ей мечталось о морях, горах, прериях... Она и вышла замуж за моряка и долго жила на Дальнем Востоке, а потом перебралась в тёплую Одессу, оттуда родом был её муж, потомственный морской офицер.

Я Ладу помнил до сих пор. Не только внешность её — внешность-то помнил безусловно, — но и вместе с тем осязательно её помнил, будто недавно обнимал: сбитая, упругая, быстрая, даже порывистая, любила в свитерах и водолазках ходить. Я даже помнил запах одного из её толстых полосатых свитеров, он был у неё любимый, и она часто в нём ходила.

Однажды мы сидели с Ладой на берегу реки, на стареньком причале. Сумерки. Может, днём она и не решилась бы, а в сумерках решилась: она прочитала мне свои стихи. О белой птице, одну строфу я даже сейчас приблизительно помнил:

*И я люблю её полёт,
Высокий, песенный и белокрылый.
Она растопит даже лёд
Безумным криком “Милый!”*

Голос её дрожал, читала она с трепетом. Я честно не понимал, о какой она читает птице, и, наверное, разочаровал Ладу своей реакцией. Она ждала, может быть, похвалы, восторга, а я сказал, что ничего в стихах не понимаю, и вообще думал, что стихи пишут какие-нибудь бородатые мужики с трубками в зубах, которые шарфом шею обматывают, или старые чернявые тётки, укутанные в белые шали, и все они живут в Москве и Ленинграде.

— Эх, — вздохнула, Лада. — Хороший ты парень, Валька, но с тобой на край света не убежишь...

— А мне там и делать нечего, — ответил тогда я. — Знаю, почему ты бежишь отсюда. Все девочки из сёл уезжают. Кому хочется коров доить да на пьянку мужиков смотреть. У нас тут сама знаешь...

— Знаю! — резко ответила Лада.

Я уж было спохватился: у Лады отец пил запойно и старший брат к рюмке тянулся.

— Да, я уеду отсюда. Не коров и не пьянки я боюсь. Я просто не хочу жизнь прожить серой мышью.

Она так и сказала, я так и запомнил. Она мне читала стихи о белой птице, о высококом полёте. Я, наверное, тогда их не понял. Я ведь тоже хотел из села уехать. Но не улететь...

*...Ах, Одесса, жемчужина у моря!
Ах, Одесса, ты знала много горя!
Ах, Одесса, любимый милый край!
Живи, моя Одесса! Живи и процветай!*

Вспомнилась мне песенка, которую раньше часто лабали музыканты для разгорячённой пляшущей толпы в ресторанах по всей стране. В нынешней Одессе, куда я прилетел из Москвы, было что-то настоженное, смурное, словно она, эта жемчужина, была выставлена на торги, и пока никто не знал, в чьи руки она попадёт, кому будет служить. Возможно, жемчужина могла попасть в руки скупердяя, который мог её заточить куда-нибудь в сундук, или, напротив, могла попасть в руки щедрого барыги, который пода-рил бы эту жемчужину любимой женщине, чтобы жемчужина сияла у неё в колье на высокой груди; а возможно, могла угодить в лапы просто него-дя, которому было бы всё равно, какова истинная ценность этой жемчужи-ны, и который спустил бы её где-нибудь за бесценок в картёжном рауте, про-игравшись вдрызг каким-нибудь ушлым шулерам... Я думал сейчас обо всём как-то витиевато, образно, мне хотелось создать для себя благостное настро-ение и думать о чём-то лёгком, если даже и свет, и обстановка вокруг была смурноватой.

В аэропорту на таможенном посту меня остановил офицер и с ним — вооружённые люди. Он повертел в руках мой паспорт, спросил:

— Цель приезда?

— Приехал к родне. — И я тут же назвал адрес Григория Михальчука.

— Какую валюту везете в нашу страну?

— Да никакую. Рубли вот поменяю на гривны...

— Рубли — это тоже валюта... Сумма какая?

— Двадцать тысяч... — Наличными у меня было именно столько. Ос-новное — на карточке.

Недовольный офицер больше ничего не спрашивал, недовольно отдал мне паспорт, посмотрел с укоризной: мол, отпускаю за неимением улик. Ко-нечно, было понятно, почему так: Крым оторвался от Украины, а на Донбас-се разгорался нешуточный кровавый конфликт. Одесса в стороне не останет-ся, хотя именно Одесса, мне казалось, самый нейтральный и благополучный город Украины, который никому не надо делить. Но я, по-видимому, заблужд-ался: даже в воздухе чувствовались напряжённость, взрывоопасность и ка-кое-то затишье, словно перед грозой. Все ждали каких-то перемен.

Водитель такси фыркнул, узнав мимоходом, что я прилетел из Москвы, и замкнулся в себе, хотя поначалу был, казалось, словоохотлив. На улицах было много людей, в основном — молодые, группами; изобилие жёлто-голу-рых украинских флагов, трезубцев. Время от времени в открытое окно ма-шины неслись со стороны этих молодых стаяк речёвки, выкрики. Особен-но — во всё горло:

— Слава Украине!

В ответ на это — тоже во всё горло:

— Героям слава!

Мне показалось, что они кричат совсем беспричинно.

— Чего они кричат? Зачем? — спросил я у таксиста.

Тот пожал плечами, он, похоже, не хотел разговаривать со мной.

— Наверно, и в Гондурасе кричат “Слава Гондурасу!” Но Гондурас от этого не становится лучше, — усмехнулся я.

Водитель, мужик уже в годах, утомлённый то ли жизнью, то ли рабочей сменой, всё же тихо сказал:

— Болельщики это, фанаты футбольные, вот и орут... — Потом он скривился в лице, причём нехорошо скривился, даже чуть издевательски: — Москалям лучше с ними не встречаться.

— Это ты меня предупредил, что ли? — резко спросил я, чтоб пресечь насмешливый тон водилы.

— Мне всё равно... — буркнул водитель и прибавил газу.

Я назвал ему адрес Михальчука, но вдруг понял, что совсем не хочу к Михальчуку, и главная моя цель в этом городе — Лада.

— Стоп! Я передумал, — сказал я таксисту. — Поедем по этому адресу, — я прочитал адрес Лады на листочке, а потом зачем-то показал листочек таксисту.

— Это в другую сторону. Там дорога перекрыта из-за этих...

— Объедем. Не бесплатно ведь.

— У меня смена заканчивается...

— Сколько хочешь?

— При СССР жилось лучше, — вдруг ответил таксист. — Всё было как-то по-человечьи. Сейчас все деньгами в нос тычут.

— Я не тычу, я плачу.

Таксист привёз меня по адресу. Я рассчитался с чаевыми, он слегка повеселел, но напоследок сказал с недоумением:

— Херня какая-то кругом творится.

Я не совсем понял, о чём он говорит, но его озабоченность к чему-то призывала, как будто он меня предупреждал о чём-то. Впрочем, я не придавал этому значения, меня тянула к себе Лада. Это имя я повторял, как заклинание. Вот дом, войти в который я мечтал десятилетиями... Но как мне показаться? С неба, мол, свалился. Мальчишество какое-то... А чего финтить?! Вот так просто подняться на нужный этаж этого дома, позвонить в квартиру. Ведь все начальные слова и объяснения давным-давно приготовлены. А если откроет *новый* муж? Ну и что? Лада и я уже не дети. Я приехал издалека. Привёз привет от одноклассников и приглашение на вечер-встречу, а сам еду дальше к армейскому другу. Я поднимался по лестнице и ещё придумывал какие-то разные оправдания своему появлению, алиби для воображаемого *нового* мужа Лады.

Но до нужной квартиры я не добрался. Мне оставалось несколько ступенек, — и вдруг дверь, которая пленила меня, к которой стремился столько лет, резко, широко отворилась. На площадку быстро, загромождённо выскочила Лада. Выскочила, дверь за собой закрыла, стала запирает замок и тут наконец-то увидела меня.

— Бурков?! Валька?! Ты откуда? — спросила она быстро, но таким тоном, как будто видела меня неделю назад; казалось, неделю назад я куда-то далече отъехал, а нынче нежданно-негаданно нарисовался.

Я недоуменно пожал плечами.

— Да вот. Приехал к вам в город, решил к тебе зайти... Там наша староста Вера просила, чтоб я тебя на вечер встречи... — я в общем-то лепетал чушь. Но Лада, видно, пропустила это мимо сознания.

— Не до того сейчас, Валя. Убегаю я... — сказала она, потом внимательно посмотрела на меня.

— Может, ты мне поможешь? А? — спросила с заискиванием. — Сына мне нужно найти. Он сейчас там, на “Куликовом поле”. Он позвонил. А потом разговор оборвался. И всё, молчит...

— Ну, конечно, помогу, — ответил я.

— Тогда оставь вещи и пойдём со мной.

Сейчас я не понимал, радоваться такому обороту или нет. Всё выходило вроде бы как никуда лучше: Лада приняла меня как родного, близкого; вот она, совсем рядом, даже обнять её можно, но вместе с тем я для неё кто-то другой, не тот влюблённый одноклассник из школьной жизни; ведь ей даже не интересно, как я тут оказался, зачем? Я враз стал ей нужен для чего-то совсем другого, не для личных отношений.

Мы с Ладой торопливо шли по улице, она говорила мне о сыне, который входит в общество русских патриотов, между делом она кого-то клеймила, называла их “сволочи, хуже фашистов, ублюдки...” Я помалкивал. Догадался, что мы идём на какой-то то ли митинг, то ли сбор, где среди активистов — её сын Илья.

Ветер принёс горький запах дыма. Похоже, где-то подожгли автомобильную крышку. Чёрный, зловещий столп дыма поднялся над крышами,

над красиво распустившимися каштанами. Но вместе с покрывшей что-то горело ещё, дым поднимался и из других мест.

— Там палатки. Там палатки протестующих, — говорила Лада.

— Палатки горят, как порох. Это слабое укрытие... Они вооружены? — спросил я.

— Нет. Откуда? Они же мирное движение. Не эти бандеровцы...

Впереди стояли молодые люди с флагами украинской повстанческой армии и флагами Украины. Группы людей стали попадаться всё чаще. А вскоре больше появилось и клубов чёрного дыма. Жгли уже не одну автопокрышку. Этот чёрный дым все видели по телевидению в центре Киева, где бунтовщики или повстанцы лихо наловчились менять власть.

Чувство обычного самосохранения, а скорее — даже чуждость и равнодушие ко всякому политраскладу в украинской заварухе сдерживали меня; мне хотелось схватить Ладу за плечо, остановить, сказать: “Не лезь! От тебя тут ничего не зависит!” — а ещё хотелось притянуть Ладу к себе, посмотреть ей в глаза и сказать напрямую: “Лада, я приехал на тебя посмотреть, я давно-давно мечтал об этом. А на все майданы-замайданы мне наплевать!” Но я не мог поступить так: где-то в центре этой чертовщины, этой заварухи находился её сын Илья, и теперь уже его судьба выстраивала мои шаги, мои слова и поведение.

В некоторые минуты мне казалось, что между мной и Ладой ничего не изменилось. Конечно, Лада сама внешне изменилась, стала острее, жёстче, старше, в ней появилась нетерпеливость и нетерпимость, что ли, и даже жёсткость, но она была будто бы своей, словно перешагнула из прошлого в настоящее, и мы спешим с ней после школы в наш сельский клуб на итальянское кино, чтобы занять лучшие места в зале...

Площадь, куда мы стремились, оказалась за кордонами милиции, плотным кольцом зевак и бунтующих молодых людей с повязками на рукавах, некоторые из них были с жёлто-голубыми флагами Украины. В их лицах таился какой-то лютый восторг, словно бы шла заслуженная расправа, упоительный кураж наказания за содеянное... Кто-то из них, казалось, абсолютно ни с того ни с сего выкрикивал во всю глотку “Слава Украине!” Окружающая толпа в единодушном полуистерическом порыве одуревше орала “Героям слава!”

Мне всегда мечталось побывать в Одессе, в городе славы, в городе юмора, оригинальных евреев, в южном портовом городе, где много белого цвета, где погиб мой дед-морьяк. Теперь я здесь был, в самом начале мая, когда уже было тепло, когда цвели каштаны, когда ветер нёс с моря мягкий солоновато-йодистый вкус... Но теперь Одесса, утопающая в белом цвете каштанов, казалась городом нервнобольным, взбудораженным; она утратила привлекательность и обаяние... Злобные, расхристанные молодчики, стяги с бандеровскими символами, балаклавы и медицинские маски на лицах... И чем ближе к площади “Куликово поле”, тем эта толпа становилась плотнее, агрессивнее, взвинченнее, над ней висели матерная брань и постоянный ор “Слава Украине! — Героям слава!”

По дороге Лада не раз пыталась дозвониться до сына, но тот не отвечал. Это взвинчивало её, она что-то шептала на ходу, кого-то ругала. В душе у неё, видать, что-то трепетало, возмущалось, болело. Что-то несусветное происходило и вокруг.

Я видел, как молодые парни и девушки разбирают плитку тротуара. Так и вспомнилось: “бульжник — оружие пролетариата”, но здесь были не пролетарии, и это казалось бы полной дикостью, но такое уже случалось на улицах Киева. Всё сопровождалось криками, возгласами, проклятиями и руганью, всё обливалось какой-то животной злобой. Молодые люди, с символикой футбольного клуба на футболках, что-то орала, среди них ходили особенные, в балаклавах, они что-то подказывали, организовывали.

Я слышал, как один из них кричал:

— Не трогайте милицию! Никаких камней! Не трогать! Не кидать! Нас пропустят...

Впереди где-то вспыхнул файер, потом другой, что-то грохнуло наподобие взрывпакета, а потом на небо с синим хвостом взвилась петарда. Группа молодых людей шла организованной колонной. Они шли целенаправленно и неколебимо. В руках — палки и щиты. По выкрикам было понятно, что они устремляются туда же, куда мы с Ладой. “На Куликово!”

Их колонну сопровождали выкрики:

— Смерть врагам!

— Слава Украине!

— Москалягу на гиляку!

И злобный хохот.

Улицы возле площади, на которой стоял дом с колоннами, казалось, шипели, гудели и изрыгали ненависть... А главное и неожиданное: всё это снимали на телефоны, мини-камеры и на профессиональные камеры зеваки, люди заинтересованные, журналисты разных каналов. Тут начиналось какое-то бесовское действо. Но, видимо, Украина, по примеру стольного Киева, уже привыкла к этому, и в этом был революционный наркотический выплеск — выплеск гормонов воинственных внутренних сил. Милиция придавала, казалось, шествиям молодых людей некую упорядоченность, но на самом деле своим бездействием только подстрекала, распаляла злобу толпы.

На крыльце дома с колоннами стояли оцетинившиеся люди, они окружили себя рыхлой хиленькой баррикадой, а на самой площади догорали палатки, какой-то хлам, мусор, лозунги, российский флаг; под ногами была и испачканная тряпичная растяжка “Одесса — город-герой”. Дым, всплески огня, крики, взрывы петард и ликующая, а вернее — оскалившаяся толпа оцепила дом с колоннами.

И эта толпа, взведённая и уже подпитанная разгромом и пожаром на площади, с цепями и битами в руках через остовы палаток, мусор, коробки, ящики, деревянные поддоны стремилась к тем, кто огрызался с крыльца дома с колоннами. Но их, затёртых со всех сторон с площади на крыльцо к центральному входу дома, было немного, вернее, большинство уже пряталось в доме с колоннами, а после того, как на крыльцо полетели не только камни, но бутылки и стали раздаваться взрывы “молотовских коктейлей”, с крыльца и вовсе исчезли разрозненные группки оборонявшихся, и двустворчатые двери дома с колоннами затворились.

— Он там! Илья там! — выкрикнула Лада.

— Ты его видела?

— Нет! Но я знаю, что он там! Он с ними! — Она не хотела и не могла слышать голос разума, она рвалась к своему сыну, ничего не пытаясь анализировать и предпринимать, кроме единственного — пробиваться в дом, где сын. — Пойдём! Пойдём быстрее! Я знаю, где пройти! — Лада схватила меня за руку, поволокла, умело обходя группки зевак, молодых националистов, фанатов, она даже ловко просочилась и провела меня в разрыв милицейского кордона, правда, тот был каким-то совсем анемичным.

Когда мы подбежали, вернее, протолкались к торцевому входу дома с колоннами, я заметил, что толпа на площади стала активнее: всё больше и больше камней, бутылок летело в окна дома. Оттуда кто-то и что-то пытался кинуть в ответ в толпу, но — больше для остратки. Раздались и выстрелы. Со стороны парадного крыльца уже валил дым.

Возле подъезда, где мы оказались, толпились гражданские люди, милиция, несколько медиков, неподалёку стояла “скорая” с включённым маячком. На земле лежал парень, голова у него была в крови, его перевязывала врач, остальные озирались, что-то сумбурно выкрикивали. Лада, видимо, знала и этот дом, и этот подъезд, она что-то сказала милицейскому майору, который тут стоял с несколькими подчинёнными в спецжилетах и с оружием, а потом, взяв меня за локоть, потянула за собой; мы быстро прошмыгнули к двери, а потом и за дверь, человек, который тут стоял, наверное, охранник, ничего не возразил, потому что Лада выкрикнула ему в ухо:

— Я здесь работаю! Там у меня важные документы!

Лада и в юности была находчива, в карман за словом не лезла, и тут сыграл её талант, больше на нас никто не успел среагировать; мы оказались в коридоре первого этажа дома.

Здесь уже чувствовался запах дыма, гари и ещё чего-то ядовитого. Так обычно горит некачественный пластик, панели или декор, и дым от них бывает всегда чёрным, едучим. В этом момент мне почему-то вспомнился пермский пожар в “Хромой лошади”, где сгорели и задохнулись больше полутора сотен молодых безвинных людей. На какой-то момент я замер, то ли вышняя сила задержала меня, то ли обыкновенное чувство самосохранения. “Зачем, куда ты лезешь? Тебе не надо туда!” — просквозило в сознании. Но рядом со мной была Лада, ради которой я и появился здесь. Оставить, бросить её здесь — это невысказано!

— Чего ты собираешься делать?

— Найти сына! — дерзко выкрикнула мне Лада.

— Дом могут поджечь. Его уже подожгли. Мы все окажемся в ловушке!

— Я должна найти Илья!

В коридоре Лада пыталась открывать двери, все подряд, яростно дергала за ручки, но они все почти были заперты.

— Стой, Лада! погоди! А вдруг твоего сына нет в здании? Мы не сможем обойти все комнаты!

Я понимал, что идти туда, где разгорается пожар, не надо. Надо убежать от пожара. Но Лада маниакально стремилась в самое пекло. И у неё был железный посыл: там мой сын!

И всё же одна дверь оказалась открыта, там было двое парней. Но разглядеть или что-то спросить их мы не успели: внезапно раздался хрусткий грохот разбитого стекла, чем-то вроде кирпича саданули по нему с улицы, а следом в пробоину влетела бутылка с зажжённым фитилём у горлышка. Бутылка врезалась в стену, лопнула, взорвалась, огненный шар обдал комнату, всех опалило пламенем и жаром, и мы все с криком бросились прочь от огня в коридор. И уже в коридоре волосы на голове Лады вспыхнули. Она закричала громко, дико, стала будто бы отбиваться от огня, но на ней загорелась и кофточка, видно, зажигательная смесь попала повсюду. Лада просто начала гореть, вспыхивая в разных местах, куда долетели брызги горячего.

На счастье, на мне была ветровка из плотной ткани, я скинул ветровку, обхватил ею голову Лады, сам прижался к ней, заглушая огонь, который едва не превратил её в свечу.

Когда я сбил огонь с её одежды, скинул с её головы ветровку, Лада, ошалевшая, онемевшая, враз изменившаяся, с чёрными пятнами на лице и на обожжённой голове, стояла передо мной, словно контуженная, насадно дышала открытым ртом; у неё, скорее всего, были обожжены дыхательные пути, а от головы пахло палёным, бровей тоже не было видно, лишь две чёрные обожжённые полоски смутно проступали в полусумраке коридора, освещённого языками пламени из горящего кабинета.

— Илья! — прошептала Лада. Говорить, похоже, она не могла — только шёпотом.

— Возвращайся! — приказал я. — Возвращайся тем же путём! По коридору! Назад! Бегом! К врачам! Я найду твоего Илья! Беги! — Я толкнул её в спину, чтобы она поняла наконец-то, что надо спасаться ей самой, никому другому она не поможет.

Я пронаблюдал, как она, совсем потерянная, пошатываясь, пошла по коридору, потом даже побежала, потом остановилась, потом от моего крика: “Беги, Лада! Беги! Беги!” — она опять побежала. Я увидел и прогнал в двери: её выпустили из дома с колоннами. Всё! Значит, она спасена!

Теперь — спокойно. Здесь должны быть огнетушители, пожарные гидранты, пожарные лестницы, чёрный ход. Но почему нет пожарных?! Где они? Это центр города! Где пожарные машины, чёрт возьми!

Запах гари уже распространялся повсюду, дым ел глаза. Я услышал выстрелы, что-то где-то во внутренностях дома взорвалось: опять, видно, кто-то кидал в окна бутылки с зажигательной смесью. И ещё — крик. Когда я

поднялся на второй этаж, а потом и на третий, когда выбрался на крышу, крик раздавался всё время с разных концов здания, а ещё повсюду стоял шум, ровный, не стихающий, с треском и иногда с шуршанием, — это был шум пожара. Люди кричали в ужасе, предсмертно, крик иногда был летящий, значит, кто-то кричал, падая или прыгая из окна или с крыши. А с площади неслось какое-то гавканье и улюлюканье толпы. Взрывались петарды, разносились истошные вопли восторга и самозабвенного ликования.

Везде, где я был, спрашивал каждого встречного: “Илья Коробов! Не видели?” В ответ: “Нет, не видели. Не знаем”. Время от времени я выкрикивал среди коридора или на лестнице: “Илья Коробов, ты где? Откликнись! Илья Коробов!” На крыше его тоже не было. О нём никто не знал. Только один парень пожал плечами: “Вроде видел его, но вроде ещё на площади...”

Пожар тем временем набирал силу: всё больше комнат, кабинетов охватывал огонь, горел и центр здания, всё, что было вокруг парадного подъезда и лестницы.

Если горят нижние этажи, то люди, естественно, бегут наверх. Дом каменный, можно, конечно, спастись, если приедут вовремя пожарные... Но их нет! Даже воя сирены не слышно. В коридорах стали попадаться обожжённые люди: куда-то плелась пожилая пара; девушка, схватившись за живот, передвигалась вдоль стены, парень, очумевший, бормотал: “Туда нельзя, там всё горит!” — и полз на четвереньках. Дым всё больше наполнялся какой-то кислотной — горел, видать, совсем дрянной пластик или из дрянных материалов мебель.

Я не видел самолично и не мог видеть, но догадывался, что некоторые выпрыгивают из окон, отсечённые пожаром в коридоре от лестниц, заблокированные на этажах в помещениях. Подступала минута, когда нужно было самому думать о спасении. Рвать когти...

Заглядывая в разные помещения, я всё чаще стал наткаться на мёртвых, от угарного газа, от дыма, от открытого огня, возможно, от выстрелов, — я всё больше оказывался в перевёрнутом мире: здесь был не только огонь, дым, хаос, здесь шла война; те, кто на улице, умерщвляли тех, кто был в здании, и делали это под восторженную матерную брань, вопли и издевательские лозунги: “Слава Украине!”

Где пожарные? Где менты? Они что, совсем здесь, в Одессе, осатанели?! Отчаянные крики раздавались и от осаждённых в доме с колоннами:

— Пойдёмте наверх — внизу всё в огне.

— Сверху прыгивать — слишком высоко...

— Где эти суки, пожарные?!

— Стреляют! Опять стреляют по окнам...

— Надо всё-таки пробиваться через низ.

— Всё подожгли, бандеровцы. Сволота!

— Там внизу нас перестреляют.

— Но я им так не сдамся...

— Отсюда надо сперва выбраться, а потом уже сводить счёты с врагами...

Внутри здания дышать и в самом деле становилось невозможно, но и у открытых окон, на карнизах было также опасно: люди там становились мишенями.

— Эй, сюда! Помогите! — вопили из окон, а в ответ с площади им кричали оскорбления и кидали в них камнями.

Осаждённых загоняли в какой-то бесовский тупик.

— Почему нет пожарных?

— Потому что нас здесь хотят сжечь... Это же фашисты!

“Сгореть от каких-то бандеровцев — невесёлая перспектива для человека, который приехал на отдых и мечтал повидать свою первую любовь, и даже строил какие-то планы”, — думал я. Но больше думал о том, как пробиться обратно к торцовому выходу или чёрному ходу, или к пожарной лестнице — ведь она должна быть! От окружающих я помощи не ждал, в их лице я читал в основном растерянность и даже обречённость. Они не знали, как действовать, что делать, кто-то из них пытался звонить, кто-то кричал, кого-то умолял, но всё это только приближало жестокий финал.

Э-э, нет! Не сдадимся! Выход точно есть! Где-то есть! Нестерпимая сила действовать, сопротивляться обстоятельствам пробудилась во мне, когда я с ужасом увидел, как молодой парень, который сидел, сгорбясь, в углу на стуле в коридоре, вдруг повалился на пол, ударился головой об пол и вскоре умер, он просто умер, он, наверное, уже отравился дымом, и возможно, у него было слабое сердце; он умер.

Я высунулся в окно, наскоро осмотрелся, увидел, что к дому подъезжает пожарная машина с раскладной лестницей на крыше. Всё-таки пожарные появились. Надо пробиваться туда. Набрал побольше воздуха в лёгкие — и бегом по коридору, в сторону, где была машина. Но до спасительной лестницы я сразу не добрался. По дороге в сумраке я столкнулся с парнем, он был отравлен дымом, он, похоже, умирал, и я не мог его бросить, я схватил его за шиворот и потащил с собой.

Под окнами, куда мы кое-как приволоклись, стояла пожарная машина с поднятой лестницей, и снизу уже пожарный бил из шланга струёй воды по горящим окнам. Я крикнул, что было сил:

— Сюда! Лестницу дайте! Сюда!

Вскоре спасительная струя воды пожарного гидранта ударила в окно, рассыпались брызги, сквозь дым и пар появился шанс на спасение.

— Сюда! Сюда! Парня вытащите!

Парня удалось спасти. Правда, я совсем его не запомнил. У него были чёрные печальные глаза, взгляд совсем отсутствующий. Парень ничего не мог сказать. Но он выжил, явно выжил. Его спустили пожарные. Потом — ещё девушку. Потом к нашему окну подбежали женщина и пожилой мужчина.

Самому же мне пришлось ещё попутешествовать по дому с колоннами. Мне надо было выбраться через торцевой ход, найти Ладу — вдруг она ещё там. Да и возле пожарных стоял кордон милиции, а мне не хотелось оказаться в их лапах. Дом стали тушить, и я надеялся, что уйду тихо, незаметно, не попав в руки одесских хреновых правоохранителей...

Наконец-то я отыскал чёрный ход. Но именно с чёрного хода в здание шли и пожарные, и спасатели, и милиционеры, и мародеры, и сами поджигатели. Мне навстречу на лестнице попались двое мужчин в камуфляже.

— Где выйти? — хрипло спросил я, держась за горло, — дыма и гари я всё-таки наглотался.

— Иди вниз и направо! По коридору до конца!

Я спустился на первый этаж, прошёл по коридору, куда указали, и вдруг замер перед открытой комнатой: в комнате, обожжённой до черноты изнутри, и уже потушенной, сырой, с лужами посередине, в копоти находились три обгорелых трупа, похоже, двое парней и девушка. Они замерли в нелепых позах: девушка на стуле, запрокинув обгорелую голову без волос, один парень лежал на полу, раскинув руки, а другой сжавшись в углу, калачиком, — все чёрные, неестественно чёрные, как головешки, словно их опалили из огнёмёта.

Вскоре возле меня в коридоре появилась троица горластых парней, они были в повязках на лицах, в руках у них были фонарики и палки. Я сразу почувствовал от них ток агрессии. Они говорили:

— Во! Гляди! И здесь негры лежат!

— Башка, как уголь.

— Так им и надо!

И тут они разом, совсем не к месту рывкнули:

— Слава Украине!

Это было как пароль, как символ, как знак слитности или признак духовного единокровия, который их сплачивал даже в самых преступных проявлениях. Говорили они по-русски, чисто, даже не смягчая по-украински “г”.

— Ты кто? — рыкнул один из них, глядя на меня в упор.

Я не стал объяснять, показал на горло, тихо промычал.

— Говорить, что ли, не можешь?

Я кивнул головой.

И тут один из них заорал, с матюками:

— Вали отсюда, пока ноги не вырвали!

Я выбрался на улицу, вздохнул полной грудью, хотел куда-нибудь улизнуть от милиции. Но ближний ко мне милиционер в бронежилете цепко схватил меня за руку, даже взял её на излом:

— Оружие есть? — выкрикнул он.

— Да какое оружие? — ответил я, брыкаясь и пытаясь высвободиться. — Я здесь случайно.

— Разберёмся. Обыщи его, — приказал он другому милиционеру. — Веди в машину.

Милиционер быстро, грубо обшарил меня, толкнул вперёд к машине, которая находилась несколько в отдалении. Тут-то я и оказался в коридоре из людской толпы. Это были те самые головорезы, которые и спалили дом с колоннами. Они кричали на меня злобно или веселяще злобно:

— Вот ещё одного гада поймали!

— На колени! — взвыл кто-то сбоку.

— Оставьте его! Пропустите! — осадил сопровождающий милиционер. Но с ним никто не посчитался, толпа отделила его от меня, да и он сам как будто хотел меня отдать толпе на растерзание.

— На колени! — заорали со всех сторон.

Я никогда ни перед кем не вставал на колени, и в этот момент мне почему-то вспомнился стишок, который заучил ещё в армии: “Мы русские! И пусть навек запомнит враг, Что лишь тогда встаём мы на колени, Когда целуем русский флаг...” На колени вставать перед этими выродками я не собирался. Но несколько пар рук вцепились в меня, стали валить на землю, а один — я хорошо запомнил его: белобрысый, волосы ежиком, в полосатой футболке из синих и жёлтых полосок — подскочил ко мне с диким оскалом и врезал коротким ударом палки по ноге, по колену.

“Я найду тебя и убью!” — промелькнуло у меня в мозгу, когда я упал на землю и скорчился от боли в колене.

— Теперь ползи!

— Коридор позора!

— Ползи, сволочь!

Они пинали меня, оскорбляли, кто-то плевал на меня, но я, как заклинание, повторял про себя: “Я найду тебя и убью!”

Скоро, однако, меня и пойманных, и спасённых горемык-счастливых из сожжённого дома с колоннами привезли в отделение милиции. У меня забрали документы. Принимавший меня капитан ехидно радостно воскликнул:

— Во, гляньте-ка, у нас кацап! Шпиён? Ты шо здесь делаешь, хад?

— У меня дед в войну Одессу защищал, — ответил я.

— Замолкни! Лучше бы не защищал... В камеру!

16

Утром, проснувшись на нарах в одесском СИЗО, я попытался оценить всю нелепость ситуации: обожжённая Лада, мои травмы, ушибы, ожоги, горящий дом с колоннами, негодяй в синей-жёлтой полосатой футболке, ударивший меня по ноге, пинки, плевки — за что всё это? Ведь я им ничего не сделал. А за что эти сволочи сожгли невинных людей? Что это было? Запах дыма, гари всё ещё был со мной, в одежде, он пропитал всё, и почему-то не истлела за ночь мысль: найти и отомстить тому подонку, который подло свалил меня с ног. За что мне такое?! Ведь это родина и моих предков!

А утро было солнечным, ласковым. В камеру из форточка врывался свежий воздух, виднелось синее небо. “Жив! И радуйся!” — утешал окружающий мир.

В камере я старался ни с кем не общаться. Слышал разговоры, опасливые, полушёпотом, словно здесь, среди десятка человек затесался доносчик.

— Говорят, больше сотни сгорело.

— Виноватых не найдут. Вот увидишь. Не найдут. И никого не посадят.

— Это “правосеки” и бандеровцы. Они уже все смотались из Одессы... Их для того и привозили сюда.

— Вон и на майдане никто не знает, кто стрелял, как убили. “Святая сотня” — и всё тут, концы в воду.

— А из “Беркута” сколько положили?!

Я с ужасом думал: что же творится на бедной Украине? Чего им не живётся? Климат отличный, море, территория огромная, но при этом промышленность, центры советской науки — всё в прах. Ради чего?

На допрос из камеры меня вызвали первым. Возможно, потому что у меня было российское гражданство, возможно, потому что кто-то хотел покуражиться над москалём или поймать лазутчика, поскорее огласить имя провокатора и шпиона. Я решил, что буду говорить правду. Правда всегда человека спасает!

Однако услышав несколько слов от упитанного гёкающего майора и злобно хмыкающего следователя в штатском, я понял, что никакой правды им не нужно, они её недостойны.

— С какой целью прибыли в Одессу? Почему оказались среди сепаратистов? Зачем подождли здание? Кто вас направил на подрывную работу? — в таком ключе они повели разговор, и я не стал им рассказывать о Ладе и цели моего появления в доме с колоннами.

Я стал отвечать коротко, чётко и абсолютно спокойно:

— Я приехал сюда повидать армейского друга. В гости. В здании оказался случайно. Толпа стала кидать камнями — нужно было где-то спрятаться. Я побежал вслед за пожилым человеком... Меня никто не направлял на подрывную работу. Я строитель...

Следователь, закидывая чёлку набок, что-то писал и с иронией кивал головой, хмыкал.

— Слышь, москаль, — вдруг язвительно спросил майор, — на кой хрен ты сюда припёрся? Мы без вас тут разберёмся, с кем нам быть и как нам жить. Крыма вам мало? Сюда припёрлись воду мутить?

Тут я тоже впрямую, глядя в глаза майору, ответил:

— Мутить я тут ничего не собираюсь. Одессу защищал мой дед, погиб... Я должен был здесь побывать.

Тут слегка оживился следователь:

— Ты ж говорил, что к другу приехал. Как его звать? Адрес?

— Это Григорий Михальчук. Он живёт по адресу...

— Кто? — взвеселился майор; они многозначительно переглянулись со следователем.

— К Михальчуку, значит?

Майор взялся за свой телефон, потыкал кнопки.

— Гриша? Ха! Здорово! Знаешь ли ты, Гриша, что являешься пособником сепаратистов? Ха! Гриша, какие шутки! Серьёзно! У нас всё серьёзно! — Майор открыл мой паспорт и по нему прочитал: — Знаком ли тебе Валентин Андреевич Бурков? Ха! Ждётся его? Он сидит у меня! Обвиняется в шпионаже и пособничестве сепаратистам. Статья тяжёлая, на много потянет...

У Михальчука был автосалон в Одессе, и многие из ментов его, вероятно, знали. Менты к машинам всегда испытывали страсть, и Михальчук оказался для них фигурой известной. Это было для меня спасением, хотя я сразу догадался: менты захотят пожить, набить цену, вдоволь поиздеваются.

Мы встретились с Михальчуком в комнатухе, где никого не было. Григорий встал со стула подошёл ко мне, я собирался обнять его, но он был возбуждён, очень чем-то озабочен и только протянул мне руку для приветствия.

— Здорово, Валя! Деньги-то у тебя есть? — первое, что он спросил у меня, спросил так, будто мы с ним расстались неделю назад. — Ты, Валя, влип. По уши...

— Что значит влип? Гриш, ты-то чего несёшь?

— А то и несущ... Десять тысяч долларов — тогда отпустят. А если нет, СБУ переправит тебя в Киев, там тебе мало не покажется. — Он произнёс это с угрозой.

— А что я такого сделал?

Михальчук нервно и быстро махнул рукой и снова спросил:

— Бабки есть, я тебя спрашиваю?

— Пусть отдадут мне все документы, телефон, бумажник...

— Значит, деньги найдёшь? Они дают срок до конца дня. Я поручительство за тебя напишу, если гарантируешь... Ты ведь в строительном бизнесе — не бедняк.

— Я найду эти деньги до конца дня. Пусть меня выпускают!

Михальчук слегка помягчел. Подозревать меня во лжи он не мог. А гарантии... Вряд ли он будет писать гарантию на доставку в милицию денег.

Скоро меня и в самом деле освободили. Майор криво улыбался и говорил:
— Благодарю своего друга. Если б не Гриша... Но помни, тебе даём только сорок восемь часов. Через двое суток чтоб духу твоего здесь не было! Ясно?

— Ясно, ясно, — буркнул я.

Михальчук предложил поехать к нему. Я отказался, сказал, что в гостинице мне будет удобнее.

— Деньги я принесу после обеда. Мне отмыться бы надо. И повидать одного человека...

Тут Михальчук замялся, он мне не верил: вдруг я смотаюсь, исчезну. Я это понял, почувствовал:

— Пошли в банк. Я сниму с карты всё, что есть. Там как раз около десяти...

Михальчук опять помягчел.

— Надо отметить твой приезд, Валя. Пойдём в ресторан.

— Не сейчас.

...Добравшись до гостиничного номера, оставшись один, я стал называть Ладе. Долго никто не отзывался, наконец ответил молодой мужской голос.

— Это ее сын Илья, — представился молодой человек.

— Что с мамой?

— Она в ожоговом отделении. У нее голова обожжена. Руки тоже. Я сейчас у неё, в больнице. Она на перевязке.

— Как ты сам? Ты был в горящем доме?

— Нет. Нас ещё раньше оттеснили... Потом — драка...

— Не надо рассказывать. Ты жив-здоров?

— Да... Синяки не в счёт. Телефон разбили... Поэтому и не отвечал.

— Я навещу твою маму сегодня вечером. И вечером заберу свои вещи. Будь, пожалуйста, дома, Илья.

Теперь можно было облегчённо вздохнуть и подвести первые итоги; ведь что-то подсказывало мне — интуиция! — что нет Ильи в доме с колоннами, так и оказалось. На счастье...

Я позвонил в свою контору бухгалтерше Аллочке. Заговорил самым медовым голосом:

— Положи мне на карту все деньги, которые есть в сейфе. Срочно!

— У тебя проблемы? Что случилось, Валентин Андреевич?

— Аллочка, ничего не случилось! Я хочу купить кое-какие товары для бизнеса. Очень выгодный контракт... Поняла меня? Срочно! Я уже подписал документы.

Денежные вопросы я таким образом закрывал. Рассчитаюсь с ментами и поскорей отсюда, к тому же они отмерили мне сорок восемь часов. Главное — к Ладе. Лада — вот главное, что меня принесло сюда, Лада — вот боль, а теперь и какая-то сумятица в душе.

Вот и побывал я в развесёлой Одессе, *жемчужине у моря*.

Светило солнце, но мне казалось, что город стоял в каком-то сумраке, в оторопи, в страхе и недоумении. Живьём спалили десятки людей, беснующая толпа глумилась над городом, издевалась над его героическим прошлым, грозила расправами. Всё это выглядело чем-то перевернутым, вздорным, шальным. Стаи молодых националистов, обработанных наркотой “новой истории”, страдающие манией гитлеровского прихвостня Бандеры, стали хозяевами города-героя. Чего же вдруг захотели шайки этих отморожков? Какого порядка? Какой государственности? Чего они орут “Слава Украине!” Ленин слепил им эту Украину. Сталин нарисовал границы. Хрущёв дал попользоваться Крымом, который тут же отвернулся от них... Может, я чего-то не понимаю?

Наконец-то я принял душ, надел новую рубашку, купленную в магазине поблизости, выпил кофе в буфете, вызвал такси и поехал на встречу с Михальчуком.

У гостиницы я стал свидетелем сцены почти театральной, но дикой. Стайка молодых людей (эти юные националисты ходили стайками, поодиночке, видно, боялись) разыгрывала спектакль. Несколько девушек из стайки окружили двух парней, по всему виду, русских, вышедших из гостиницы (я видел их у стойки администратора), и принялись донимать:

— Кто не скачет, тот москаль!

Четвёрка этих молодых стрервочек не давала парням проходу, галдела, прыгая на месте:

— Кто не скачет, тот москаль! Кто не скачет, тот москаль!

Парни, смущённые, растерянно оглядывались по сторонам. А юнцы-националисты хохотали и ехидно ждали реакции взятых в кольцо гостей Одессы. Парни, видимо, хотели поскорее отделаться от этих безумствующих девок, но не знали, как, — попрыгать, что ли, принять всю эту игру или послать их к чертям собачьим, но тогда, возможно, придётся разбираться уже с шайкой парней-наблюдателей.

Такси, вызванное мной, стояло поблизости.

— Сейчас поедем, — кивнул я шофёру и быстро, строго, как учитель, подошёл к парням, которые попали в окружение прыгающих галдящих девок, которые несли околесицу:

— Кто не скачет, тот москаль!

— Ребята, кого ждём? Такси прибыло! Садитесь в машину! — Парни переглянулись и всё поняли, решительно сдвинув девок в сторону, пошли к машине. А я громко прикрикнул на девок:

— Чего распрыгались, дуры! Вон посмотрите, сколько мандавошек натрясли! Прекратить прыгать! — Ошеломлённые, они враз остановились, стали смотреть себе под ноги, словно и впрямь натрясли насекомых... Их присмотрщики возмутились было, ринулись ко мне, но я выкрикнул зло, властно:

— Стоять на месте! Сейчас проверим у всех документы!

После этого я быстро сел в такси, куда уже забрались двое парней:

— Поехали, командир!

В приоткрытое окно, уже на ходу, я крикнул молодым украм:

— Слава Гондурасу, недоноски!

Таксист горько усмехнулся:

— Во, времена пришли! Ждётся, когда лучше будет, а тут...

Я обернулся к парням.

— Мы из Питера. На литературную конференцию приехали. Здесь каждый год её проводят. Город-то литературный...

— Не до конференций нынче, — сказал таксист.

Гриша Михальчук ходил в милицию с моей мздой, вышел не просто удовлетворённый, а даже довольный.

— Всё, Валя, дело закрыли. Теперь — в кабак, отметим. Но уехать тебе через пару дней всё же придётся. Пригрозили...

Мне не хотелось в ресторан, не хотелось отмечать встречу с Гришей: что-то переменялось, что-то произошло в наших отношениях. Я пока не оценивал, не осмысливал эти перемены, но понял, что радости и отдохновения душевного с Михальчуком у меня не получится. К тому же всё время думал о Ладе — она обожжённая, лежит в больнице.

В ресторане было достаточно многолюдно: обеденный час. Но все посетители, будто пришибленные, говорили шёпотом, поближе склоняясь к собеседнику. В городе объявили траур, но никто из официальных лиц не говорил, кто повинен в этом трауре: кто жжёт?

Это был ресторан с украинской национальной кухней. Вся обслуга в национальных вышиванках. Парень-официант заговорил с нами по-украински. Я тут же его пресёк:

— Говори по-русски, я по-другому не понимаю.

Гриша снисходительно ухмыльнулся.

Вскоре вышли по рюмке-другой. Поговорили про армию. С ностальгией, с добрым словом. Петю Калинин вспомнили. Но я чувствовал, что Михальчук хочет высказать мне как жителю России, как русскому какие-то претензии. Хотя я знал, что в политику он тоже не лезет, он спец по машинам, бизнесмен, но сейчас он словно бы захотел просветить меня.

— Вот вы, москали, хапнули у нас Крым. Понавезли туда вояк, понангали народ на участки — голосуйте! Сейчас вот Одессу баламутите. Но здесь вам ничего не светит. Здесь Одесса.

Я кивнул головой. Спорить с Михальчуком я не собирался, а выслушать его стоило.

— Здесь, Валя, люди не хотят жить, как у вас в Москалятине... — голос Михальчука постепенно насыщался металлом. Я решил смягчить его натиск:

— Гриша, никто и не заставляет. Тем более я.

— А я тебе объясню, почему не хотят, — не слыша моего возражения, давил Михальчук. — У вас азиатчина. А мы Европа... Пускай сперва нам худо будет, но мы всё равно уйдём на запад, в Европу. А укры там или как-то ещё... Да хрен с ним, что выдумка... Пускай будут хоть черти лысые! Зато на этих идеях возродится настоящее украинское государство. Без всяких москалей, без всякой азиатчины... — Михальчук говорил, конечно, не своими словами: всё это он от кого-то услышал, кто-то ему всё это объяснил, а теперь он просвещал меня. — Вон погляди, как забрался ваш царёк на трон, так и сидит, и никто его не тронет, никакие выборы. У нас такого нет и быть не может. Вот придурка и вора Януковича скинули и любого другого скинем, если не станет европейскую линию гнуть. Вон поляки вырулили! И мы вырулим! У нас положение лучше, чем у поляков. Нам только от вас зависимость потерять... Живите вы, москали, в своей Азии и радуйтесь, что у вас там много газа и нефти... И пускай вас, москалей, как держала власть за рабов, так и держит...

Я демонстративно огляделся по сторонам.

— Это ты для меня, что ли, рассказывал? Может, мы ещё тост за это поднимем? — Михальчук слегка смутился, он и сам понимал, что пропагандист из него никудышный. — А это здорово, что вы себе какую-то новую историю про укров сочинили. Забавно... Но ничего путного из этого не получится, Гриша.

— Почему?

— Скажи, Гриша, сколько моих денег ты отдал ментам? Семь, пять тысяч? Пятёрку, поди, себе занькал? С армейского товарища? — Я сыграл вабанк, рискованно, но не проиграл. Я чувствовал, что Михальчук торговался с ментами, и от моих денег что-то откусил.

Михальчук даже слегка побледнел: его поймали за руку. Но бледнел он недолго. Он залпом выпил стопку водки, а потом придвинулся ко мне и заговорил, глядя мне в глаза, опять же с напором:

— Валя, время сейчас вон какое... Мне нужны твои проблемы? Задаром они мне нужны? — Он не сводил глаз. — Менты запишут меня в пособника сепаратистов, отберут бизнес. Мне это надо? Зачем ты полез в этот дом?

Вот и встреча с человеком, с которым вместе служил и считал своим армейским другом, вышла в Одессе вкривь да вкось. Мы простились с Михальчуком холодно. И, конечно, навсегда. Я не сказал ему это на прощание, но с иронией подумал: “Да, братья, долгое употребление горилки и сала сказалось на вашей мозговой деятельности... Зациклились вы на этой Европе. Но англичанин хохлу не товарищ”.

17

У Лады были забинтованы руки, голова. Говорила она с трудом, хрипло, задыхаясь. В больничной палате она встретила меня с радостью, со слезами. И хотя ей не рекомендовалось вставать, она кинулась мне навстречу — обняла меня.

— Валя, какое счастье, что всё так обошлось, что Илья туда не попал... Господи! Но за что люди пострадали!.. А как ты? Как ты выбрался оттуда?

— Через следственный изолятор, подкуп должностных лиц и при содействии влиятельного друга, — последнее слово я мысленно взял в кавычки.

После обеда в ресторане напряжение во мне спало. Но я твёрдо решил, что сегодня же улечу отсюда. Нечего мне делать в Одессе. Я так стремился сюда, так мечтал повидать свою первую любовь Ладу... Но. Не рвись в прошлое. *Прошлого нет!* Я так и подумал сейчас, когда сидел рядом с обожжённой, забинтованной Ладой.

— Здесь немного денег. Они тебе пригодятся. Возьми. — Я передал Ладке конверт. Она сначала возражала, но я сказал твёрдо: — Жаль, но только этим я тебе могу помочь. Возьми, без возражений... Наверное, я уеду сегодня. Мне предписано покинуть вашу страну. Смешно звучит, но это так.

— Идиоты! Безмозглые необразованные идиоты... Куда они нас заведут? — Лада тихо заплакала. — Неужели придётся уезжать отсюда? Мы здесь прожили столько лет. И ничего не было. Никаких разногласий... Идиоты! Стравили людей... Обними меня, Валя, на прощание, — вдруг потянулась ко мне Лада. — И прости меня. Я тебя втянула...

— Что ты! Не плачь... Прощай, Лада! — Я ткнулся губами в щёку Лады, почувствовал горький запах каких-то лекарств, мази.

Мы расстались. Я, ждавший этой встречи пять, десять, пятнадцать, двадцать лет, не то чтобы разочаровался, а просто после этой встречи как-то разом погас пыл к Ладке, она превратилась из обожжаемой когда-то девушки в знакомую женщину, подругу. Я рисовал один "проект" нашей встречи, наших возможных отношений, а жизнь дала свой вариант, совсем не романтический.

Внизу, в фойе больницы, меня словно кулаком в грудь толкнули: я увидел того белобрысого подонка с площади в жёлто-голубой полосатой футболке, который ударил меня по ногам палкой, подло свалил на землю, про которого я в запале подумал: "Я найду тебя и убью!" У меня даже колено опять заныло от боли. И ещё больше ненависти проснулось в душе.

Я знал, что не уйду без расплаты: на этот раз я себе этого не прощу. Второго Козьявкина не будет! Если мстить, надо мстить сразу. Время притупляет злость, боль, силу мести. Хотя месть — штука гадкая. Как там по библейским наказам: "Мне отмщение, и Аз воздам..." Я сам сейчас воздам! Воздам этому гадёнышу, издевавшемуся над беззащитными людьми, которых они окружили своей волчьей стаей. Эти негодяи всегда храбры только в шобле. И такие, как правило, жадны до денег... Возможно, и все беспорядки в Одессе устроены за деньги.

Сейчас на парне поверх футболки была ветровка, на голове — бейсболка. Он сидел с девушкой в халате, у неё была в гипсе рука, и что-то рассказывал, жестикулировал, время от времени они смеялись. Выглядел он и нагло и в то же время как будто чего-то опасался — часто озирался по сторонам.

Я вышел из больницы, остановился в тени деревьев. Пусть парень расстанется со своей больной подругой — уж не вчера ли она сломала руку? Может, и ей отвалил кто-то, может, и сама камни кидала в дом с колоннами? Я опасался, как бы он меня не опознал. Но это вряд ли. Тогда было уже сумеречно, и я был грязный, по-другому одет, и был к нему боком, среди людей; он ведь не одного меня валил с ног. Я надел тёмные очки и, как зверь, стал выслеживать жертву, прикидывая разные варианты атаки.

Вот он и вышел. Один. Это мне и нужно. Я приложил к уху сотовый телефон и заговорил громко, чтоб слышал мой враг.

— Я не могу сам приехать! Я кого-нибудь сейчас найду и отправлю тебе эти бумаги. Жди! В течение часа доставят... Заплачу двести долларов — и привезут... — Тут я прервал свой фиктивный, липовый диалог и пошагал прямо на парня. — Слышь, приятель! — Я подошёл к нему, широко улыбнулся. — Хошь заработать?

— Шо? — Он огляделся по сторонам.

— Я говорю, заработать хошь? Двести баксов! За пару часов?

— Чего надо делать?

— Отвезти конверт по адресу...

— Не наркота? — по-русски говорил он чисто.

— Исключено! Бланки чистые. Пойдём! У меня в машине... Аванс получишь сейчас. Остальное — когда позвонит мне заказчик о доставке... Сам я не могу. У меня машина засвечена...

Я даже не стал дожидаться его согласия, надеясь, что двести долларов его сломят. Я зашагал в сторону прилегавшего к больнице парка, куда уже выверил дорогу, дожидаясь своего врага у больницы. Тут не было прохожих. Впрочем, прохожие могли появиться в любой момент.

— Вон там моя машина. Только хочу предупредить тебя. Заказчику ничего объяснять не надо. Адрес написан на конверте. Там же мой телефон... Вот тебе аванс. — Я остановился, выбрав наиболее укромный уголок возле скамейки, под кронами деревьев. Достал кошелек, вытащил столларовую бумажку. Усмехнулся. — Можешь пощупать, поглядеть на свет. Не подделка. Всё по-честному. Проверь! А то с одним связался, он сам купюру подменил, и стал мне же доказывать, что подделка...

Парень клоннул, он поднял купюру, чтобы разглядеть на фоне неба. Тут я и всадил ему, мощно, отточенно, снизу вверх в солнечное сплетение. Он враз задохнулся и повалился набок. Я подсобил ему, чтобы свалился он за скамейку. Я забрал у него купюру. Взял парня за пальцы правой руки и со звериной безжалостной силой загнул их — раздался хруст сломанных суставов. В этот момент я был зверем... Потом я встал ногой на кисть его руки, на сломанные пальцы. Парень взвыл, оскалил рот, вытаращил в ужасе глаза.

— Если ты, сучонок, тронешь ещё кого-нибудь, я найду тебя и сломаю тебе вторую руку. Понял?

Он молчал. Он, наверное, не мог говорить. Но я надавил ногой на сломанные пальцы, и он выдал из себя словно в беспмятстве:

— Понял...

— Слава Гондурасу! — склонившись к нему, прошептал я. — Повтори!

— Слава Гондурасу! — выдохнул он.

Потом я взял его за ногу, за стопу.

— Как вы там орёте? Кто не скачет, тот москаль? Это правильно! А кто скачет, тот козёл! — Тут я опять стал зверем и с дикой силой вывернул стопу. Не знаю, сломал я ему кости или нет, но хромоту на пару месяцев он получил точно. — Он вскрикнул и, похоже, впал в болевой шок. — Теперь, сучонок, меньше козлиться будешь!

Я сплюнул и быстро пошёл из парка. За спиной раздался стон — этот стон был мне приятен.

— В аэропорт! — сказал я таксисту. В машине открыл бутылку коньяку. Одесского. Выпил немного.

— Куда летим? — спросил таксист.

— Домой. В Россию. А вернее, в Сочи. В санаторий.

— Везёт... — усмехнулся таксист. — А я вот в Сочи не был ни разу. Хотя тоже в России родился.

— Везёт, дружище... — Мне захотелось похвастаться таксисту. Наверное, у каждого нормального человека есть ген бахвальства. Но у меня было сейчас хвастовство особенное. — Я всего, чего хотел добиться, добивался. Вот и в Одессе. Я хотел повидать друга. Повидал. Хотел повидать свою первую любовь. Не только повидал, но даже в чём-то помог ей... Меня унизил один подонок. Но я отомстил ему. По-настоящему отомстил, запомнит.

— Вот я и говорю: везучий ты.

— Да, везучий. Только мечта-то осталась несбывшейся. — Я глотнул ещё коньяку из бутылки. — Остановись у воинского кладбища. Я зайду на минуту. Могилы погибшего деда тут нет, но хоть братской могиле поклонюсь.

— Дело святое, — кивнул таксист, потом глянул мне в глаза и опять кивнул: — А Украину вы сами просрали, ребята.

Вдоль дороги простирались поля, кое-где кустился рядами виноградник, но взгляд всё больше забирали и увлекали горы, в синей дымке, загадочные, манящие. А за горами было море. Я ехал на автобусе из Краснодара в Сочи. Прямого рейса из Одессы не нашлось, да и в Краснодар летели через ещё один промежуточный аэропорт.

Итак, я ехал к морю, в санаторий, в Сочи.

В Одессе я и моря-то по-настоящему не видел, даже по набережной не прогулялся. В этом тоже было что-то символичное, ущербное. Вот придурки-националисты! В несколько месяцев так размаландать страну! Всё вверх тормашками... Мне не хотелось вспоминать Одессу, я увёртывался от воспоминаний, но они снова и снова выползали на первый план сознания. “Стоп! Проехали!” — повторял я, но в мозгу держались недавно пережитые события. И не отпускала встреча с Ладой.

Я с горькой усмешкой вспоминал свои наивные мечты о возврате школьной любви. Что это было? “Старческие” иллюзии, которые питали меня романтической любовью к давней подруге? Теперь я не испытывал к Ладе прежних чувств. Будто отшибло. Я пытался найти в себе эти чувства, которые тешили меня долгие годы, но безрезультатно. Лада предстала передо мной несчастной вдовой, занятой только своим сыном, потускневшей и постаревшей, безжалостно и незаконно пострадавшей от “идиотов”...

Наконец-то в глаза, будто волной, плеснула синева моря. Мне стало хорошо и спокойно. Копоть и настороженность сожжённой Одессы смылась, затих южнорусский хохляцкий говор в ушах, который звенел после пожара в доме с колоннами. Я вдыхал напоённый йодом воздух родных субтропиков...

Человек должен жить для себя и своих родных! И выполнять то, что обязан по службе. В этом и будет порядок. И главное — смысл жизни. Иначе всё бардак, глупость, пустота. Я втихомолку блаженствовал. Вот и начался отпуск.

Санаторий пришлось выбрать не самый первостатейный: деньги-то ушли. Ах, какие это ненадёжные бумажки! Но я не был чопорным и избалованным. Словом, санаторий был старенький, советский... Но в этом было немало преимуществ. Здесь сохранились советские врачебные методики лечения, оздоровления, и мне хотелось им полностью подчиниться. Побывать на мацестинских ваннах, не упустить всевозможные процедуры. К моему удивлению, даже море оказалось не таким уж холодным, и нашлось немало отважных купальщиков. А майское солнце светило вовсю. Все ходили в лёгких одеждах. Жары ещё не было, и слава Богу: жару я не любил, не терпел даже.

День-другой — и я стал осматриваться, как всякий неженатый или, тем более, женатый мужчина на курорте. Иллюзии о лёгком романчике скоро растаяли: не с кем тут было знакомиться, амурных перспектив никаких. Я с придирчивостью оценил весь контингент — и разочаровался. В основном, здесь были пары: он и она и, в основном, в преклонных годах. Или одинокие пожилые дамы, а я не забывал напоминать себе, что *я ещё ого-го* и что в сорок пять для меня жизнь должна только начаться. Ещё упал у меня взгляд на женщину с дочкой, но дочка была такой прилипчивой, что не отпускала от себя мать ни на шаг. По годам дамочка мне вроде бы подходила, но по другим параметрам — габаритам, “кубатуре” — не очень... Тут я вслух рассмеялся: и термины строительные, и просто глупость какая-то, но всё это означало и другое: я начинал по-настоящему отдыхать. Солнце, воздух, процедуры, горы, бассейн с морской водой — что ещё может быть лучше! А любовные интрижки — так, на десерт, если получится. Правда, иногда словно туча находила на меня — дымная туча воспоминаний о Ладе, почему-то я чувствовал себя перед ней должником.

По привычке утром я просыпался рано. Физзарядкой я никогда не занимался, а здесь надевал спортивный костюм и до завтрака выходил на пустующие аллеи санатория, делал пробежку. Меня тянуло жить, а любить пока

было некого. После разминки наступала приятная усталость, безмыслие: худые и нехудые мысли, а главное — всякое раздражение отступали. Я принимал душ, потом недолго отдыхал и шёл в столовую. После завтрака отправлялся на процедуры, ехал на сероводородные ванны в Мацесту. Комплекс Мацесты поражал: архитектура победившего социализма, советский сталинский стиль, монументализм, здесь было на что посмотреть. А какой воздух! Горы в синей дымке. Не исключался и бокал сухого вина в фирменном кафе “Фанатория”, и так полдня утекало совсем незаметно. А после обеда — послеобеденный сон. Потом — массаж, бассейн, душ Шарко, прогулка вдоль берега моря. А вечером — Большой Сочи. Парк “Ривьера”, платановая аллея, набережная... Появился и попутчик, тоже из отдыхающих, Коля, простой мужик с Севера, из нефтяников-вахтовиков, недостающий, неболтливый, с которым можно было поговорить “ни о чём” и съесть шашлык в кафе под бокал пива или в кофейне выпить по чашке кофе, приготовленного в турке на горячем песке.

Я озвучил ему тезис: зачем я буду думать о том-то и том-то и тратить на это свои нервные клетки, расходовать свою мысленную энергию, если то-то и то-то от меня никоим образом не зависит? Уж лучше говорить о чём-то отвлечённом и приятном, чем о злом и насущном. Коля меня услышал и совсем не лез с разговорами о политике. Съездили с Колей и на спортивные объекты недавно отшумевшей, победной для нас олимпиады. Как строитель я кое-что оценивал, прикидывал сметную стоимость, удивлялся.

Отдых складывался удачно. Но натуру не проведёшь! Что-то тихонько ныло внутри, как будто в супе не хватало соли, на столе не было солонки, и я начинал оглядываться по сторонам, будто искал солонку на соседних столах, но солонка мне совсем была не нужна. Женщины! Конечно, среди гуляющей толпы было немало красоток, обаяшек, но они все были как-то пристёгнуты. Впрочем, я не торопил события, случай должен подвернуться или, по-другому, свинья грязь найдёт...

Однажды утром я увидел у стойки регистратора женщину, черноволосую, яркую, одетую в броское платье, с красными крупными бусами на шее; волосы у неё отблёскивали, завитые в мелкие-мелкие кудри. “Наверно, цыганка. Какая экзотика! “Мне б такую”, как в песне поётся”, — мимоходом подумал я. Рядом с ней, однако, стоял юноша, по всему видать, сын, и он был породы светлой, походил на чистокровного русака. “Цыганка” что-то говорила, то громко, то со вздохом администраторше, то хотела что-то доказать, то о чём-то как будто умоляла. И всё время она озиралась по сторонам, озабоченно и прицельно оглядывала каждого. Взгляд её задержался на мне. Я даже почему-то непроизвольно кивнул ей в знак приветствия. Она тоже кивнула и тут же направилась ко мне.

— Извините, мужчина... Меня Лилей зовут.

Я тоже представился.

— Не удивляйтесь, Валентин, у меня странная просьба. Не могли бы вы побыть недолго моим мужем. Мне вас нужно показать администрации санатория.

Я рассмеялся:

— По-моему, кино такое было: “Будьте моим мужем”. Там, кажется, Андрей Миронов играл. Только я не помню, о чём оно и чем закончилось.

Но Лилия не шутила, просила всерьёз, без розыгрышей.

— Вы лучше других подходите. На моего мужа похожи... Вот, на фотографии в паспорте. Взгляните! — Она достала из сумочки чей-то документ и предъявила мне.

С маленького паспортного фото на меня пучился мужик, по моим понятиям, явно не схожий со мной. Мне стало весело:

— А в чём дело-то? Поподробней, пожалуйста.

— Валентин, нет никакого обмана, — она мягко и в то же время по-свойски заговорила со мной, в приятельском духе. Она была взволнована и просила помощи, особой помощи. — Мой муж — чернобылец. Каждый год ему дают путёвку, чтобы самому лечиться и сына подлечить. Но сам он не ездит. Переоформляет путёвку на меня. А тут путёвка горящая. Он не

успел... Дал мне свой паспорт, говорит, устройся, договорись. Но администраторша боится... Говорит, должен муж быть оформлен. Я ей сказала, что муж подъедет... Вот я вас и нашла... — Лиля смотрела прямо, искренно и абсолютно серьёзно мне в глаза, и, как мне казалось, без капли юмора.

— Мне только устроиться. Потом я со всеми договорюсь. Главное — для сына Кирюши...

Сынок тем временем не выражал никакого беспокойства: он сидел в кресле и играл на планшете, наверное, в бесконечные игры, которые обожает его поколение, двенадцати-четырнадцатилетних оболтусов...

— Вы уверены, что это правильный ход?

— Да-а... Они вас оформят. Вы поселитесь. Главное — поселиться. А потом я со всеми договорюсь. Главное, чтоб дали номер и поставили на питание. Я готова им приплатить... Все люди. Все всё понимают. К тому же я не задаром.

— А спать нам вместе придётся? Если по паспорту я ваш муж... — коварно пошутил я, чтоб узнать реакцию новой знакомой.

Тут она рассмеялась, задорно, весело. Смеялась она красиво, и лицо у неё становилось очень красивым, глаза сужались, губы и подбородок чуть вздрагивали, на щеках играл румянец; она как будто молодела, становилась девушкой кокетливой и ветреной...

— Всё же давайте сделаем по-другому. Сходим к директору. Он, говорят, человек доброжелательный. К тому же администратор меня уже оформляла и вряд ли забыла... — предложил я.

Лиля предупредила сына об отлучке. Кирюша только головой мотнул и даже не оторвался от игры на планшете.

Директор санатория, молодой элегантный армянин, был прост и вменяем. Лиля ему, очевидно, приглянулась, он ей улыбался, говорил простенькие комплименты; возможно, он в ней чувал свою, возможно, она была из их племени, южных кавказских кровей. Лиля и он больше улыбались друг другу, а говорил, в основном, я, уже с некоторой ревностью:

— Понимаете, Ашот Арменович, я друг её мужа. Он неожиданно заболел и очень просил меня оказать содействие семье. Жене и сыну. Как-никак, чернобылец...

— Уважаемый, нам всё равно, кого соцслужбы отправляют на лечение: Васю или Дашу. Пусть они дадут нам бумагу, письмо, — он говорил с приятным южным акцентом.

— Если они пришлют письмо факсом, это вас устроит? — по-деловому спросил я.

— Разумеется, устроит, — сказал директор.

Однако из кабинета директора Лиля вышла растерянная.

— Где мы достанем такое письмо?

— Неужели в вашем городе нет ни одного знакомого, кто отправил бы нам факс?

— Но письмо мы где возьмём? У этих соцслужб пока допросишься.

— Письмо мы сами сделаем. И отправим по электронной почте. А на санаторий из вашего города отправят факс.

— А печать? На письме должна быть печать!

Я улыбнулся. Мягко взял из руки Лили её путёвку, на которой отлично читалась печать организации, выдавшей этот документ.

Через пару часов из её родного города прилетел факс в санаторий с нужным текстом и печатью внизу. Подделать такое письмо мне труда не составило. В ближайшем компьютерном центре я сканировал печать, разработал фирменный бланк письма, ну, а дальше... Как в моём любимом кино “Бриллиантовая рука”: “Ну, а дальше — дело техники...”

На столе администраторши лежал факс, в котором говорилось, что администрация передаёт путёвку жене, члену семьи чернобыльца. Всё чинно, комар носу не подточит. А когда Лиля с Кирюшей заселились и наконец-то облегчённо вздохнули, я поблагодарил судьбу, что она подкинула мне в санаторий премилую женщину, пусть и замужнюю, пусть и с отроком.

Лиля смотрела на меня благодарными глазами.

— Как всё вы здорово придумали! Так всё быстро решилось... Надо купить бутылку коньяку, отблагодарить директора...

— А меня отблагодарить?

— Ну, это не обсуждается, — рассмеялась Лиля и даже легонько прижалась ко мне в знак благодарности. — Отметим вечером.

Тут моё воображение стало рисовать прекрасные картины сегодняшнего вечера. Внутренний голос лукаво подсказывал: в ресторан с Лилей лучше не ходить, а отметить событие у меня в номере. Было, конечно, опасение: Лилия замужем, муж-чернобылец морально давит на неё и мешает. А вот Кириуша уже не малыш и вполне удовлетворится своим планшетом.

Весь остаток дня до назначенного свидания меня не покидало чувство лёгкости и веселья. Я словно бы помолодел; всё прожитое, пережитое сдвинулось куда-то далеко, будто мне оно и не принадлежало, и вообще казалось, что не было никакого прошлого: всё только начинается с чистого листа. Я оглядывался по сторонам, непроизвольно что-нибудь рассматривал, куда-то шёл, не думая, куда; мне легко дышалось. Вот бы остаться здесь навсегда! Дышать этим воздухом, купаться в море, жить среди этой красоты, покоя, испытывать душевное равновесие, глядеть на пальмы и рододендроны... Чувства мои были настолько светлыми и всеохватывающими, что становилось радостно даже не от предчувствия будущего свидания, а от общей полноты жизни, словом, как в детстве, когда, проснувшись, испытываешь каждой клеткой тела и души свет и радость светлого и радостного мира.

Лилия пришла ко мне в номер принаряжённая, подкрашенная, в синем длинном платье из тонкой материи. С первых же минут свидания мне хотелось Лиллю потрогать, обнять. Я даже начинал её ревновать к тем мужчинам, которые у неё были... Пожалуй, это было впервые: странное, новое чувство ревности, ведь у меня с ней ещё ничего не произошло. Но мы с ней уже перешли на "ты".

Осторожненько, без нажима и спешки я решил попытаться Лиллю насчёт мужа. Как и что? Проблема верности... Лилия была открыта, искренна, по крайней мере, мне так казалось. Не сразу, не целым ведром информации, но постепенно она рассказала, как стала женой чернобыльца и кто этот самый чернобылец.

— Когда взрыв грянул, Сергей ещё был молодой, пожарным работал. Дурость в голове. Не понимал, что такое радиация и прочее... Набирали добровольцев, он мог отказаться. Но не отказался. Сам напросился в Чернобыль. Героем хотелось быть... Вернулся, всё вроде нормально. Но потом сказалось. Стал часто болеть...

— Сейчас, наверно, жалеет о том, что поехал? — спросил я.

— Нет, говорит: у каждого своя судьба. Он такую выбрал... У меня сразу были сомнения: чернобылец — как дальше со здоровьем? Ведь радиация не шутки... Но я всё равно за него замуж пошла.

— Любила сильно? — без усмешки подсказал я.

Лилия без усмешки отвечала:

— Нет. Любви не было. Так только, взаимность. А любви не вышло... Просто так... Он, Сергей, из хорошей семьи. И мать, и отец — преподаватели, поэтому я надеялась, что он и мужем будет порядочным. Семью не разобьёт... Мы с ним сейчас уже порознь живём. Просто развод не оформляем, чтобы легче было и с лечением, и с льготами разными.

— А он любил тебя? — я ещё никогда и никому не задавал таких вопросов "в лоб" через несколько часов знакомства, в первый день, но сейчас я даже не испытывал стеснения и скованности, казалось, я мог спросить её о чём угодно, даже о самом сокровенном.

— Он меня, наверно, любил, — простодушно отвечала Лилия. — Ну, во всяком случае, я его очень сильно притягивала. Он мне подарки разные дарил, с поцелуйчиками всё время лез, вещицы разные интимного гардероба покупал. В общем, как женщина к нему нравилась... А любовь — это что-то другое. Я думаю, что любовь чувство бешеное, недолгое. На один месяц...

Я слушал Лиллю и старался понять, что она за человек: всё впрямую говорит, не скрывает, что вышла по расчёту замуж, что с мужем не живёт...

— Потом у Сергея проблемы на работе начались, он перестал на меня внимание обращать. Хотя мужчиной-то он быть не перестал... Я друга себе завела. Сперва одного, потом другого. К нему совсем охладела. Только так, по обязанности... Он за городом живёт. Иногда к нам приезжает. Кириюшу очень любит, — Лиля рассказывала увлечённо и главное — доверительно. — Сергей всё время нашу жизнь ругает. Говорит, что сыну досталось время подлое. Всё свели к деньгам и ничего больше. Кругом деньги, деньги... А ведь тушить Чернобыль ехали не из-за денег. Сейчас туда бы никого не загнали по доброй воле... Ну, а к женщинам он сейчас совсем охладел.

— А ты, Лиля, к мужчинам?

— А я нет, — она рассмеялась и прижалась ко мне.

Тут я впервые поцеловал её в щёку. Всё складывалось превосходно!

В этот вечер, в этот изумительный вечер у меня с ней ничего так и не случилось. Когда после лёгкого вина, после милых застольных разговоров о горах, о море, о мацестинских ваннах и о разном прочем курортном, я пригласил её потанцевать (о музыке я позаботился заблаговременно) и мягко прижал к себе Лилю, почувствовал к ней удивительное влечение. Сперва я объяснил для себя это тем, что у меня уже давненько не было женщин и естество брало своё. Но, похоже, это было не так: у неё была упругая душистая смугловатая кожа, цыганочные волосы и безумные чёрные глаза.

— Ты цыганка? — спросил я напрямую.

— Не-ет... Многие так думают. Может, где-нибудь в нашем селе и затесался в роду какой-нибудь цыган, но родом я русская. Просто род такой весь чернявый вышел... А прадедушка священником был с огромной чёрной бородой. Я на фотографии видела.

— Очаровываешь ты, как цыганка...

Лиля рассмеялась, а я поймал момент, обнял её сильнее, стал целовать в губы. Потом стал обнимать её так страстно, что намерения мои были очевидны. Лиля мягко отстранилась от меня, её глаза блестели, казалось, тоже от возбуждения и расплётности, но она тихо сказала:

— Валя, сегодня не надо. Перенесём на завтра. У нас еще уйма времени...

Я подавленно опустил голову, танец подошёл к концу. Самый грустный вариант пришёл в голову: ну вот, воспользовалась мной — и в сторону. Лиля, вероятно, почувствовала эту обиженность, притянула меня к себе, запрокинула голову и впиалась сладко, опытно и покорно своими губами в мои губы.

— До завтра, — шепнула она потом, слегка отдышавшись.

В эту ночь я долго не мог уснуть, хотя прежде засыпал легко. Приятные обнадеживающие мысли вились вокруг Лили. Я думал только о ней. Ни о чём другом думать не удавалось. Даже если я насильно заставлял себя вспоминать о бывших "жёнах", о поездке в Одессу, о Ладе, о дочке, о Толике, Лиля как будто стояла рядом или слушала все мои мысли... В моей груди появлялось какое-то знобяще-тревожное, приятное чувство. Так приходит любовь.

19

На следующий день, вернее, ночь Лиля ночевала у меня. Я беспокоился о её сыне, но Лиля мне сказала:

— Он уже взрослый мужчина — один не боится. Сергей в нём воспитывает мужество... К тому же телефон под рукой, да и расстояние между корпусами (они жили в другом корпусе) — докричаться можно.

Лиля отдалась мне просто, естественно и полноценно, как будто много-много раз делала это уже со мной. Любила она не только умело, но даже как-то весело. Темпераментная, шаловливая, она быстро зажигала меня, да и сама увлекалась самозабвенно и неутомимо. Однажды, разгорячённая, обезумевшая, пылая страстью, диковатая, как пантера, жадно глотая воздух, в потёмках ночи, Лиля шептала мне:

— Валя, делай со мной всё, что хочешь... Ещё... Ты мой мальчик...

Ну, а дальше, а потом и вовсе началось некое любвеобильное сумасшествие. Две недели мы с Лилей проскочили по курортной жизни будто за один день и одну ночь. И всё это счастливо-полоумное время мы ни от кого не прятались. Правда, Лиля не каждую ночь оставалась у меня, зато каждый день оказывалась в моей постели. Теперь я даже не представлял, как мог жить без неё. Наверное, такое бывает с каждым мужчиной, у которого плавают мозги...

Опять в груди появилось щемящее неизъяснимое волнение, сладкое, будто стоишь над пропастью и гордишься тем, что стоишь на огромной высоте. Это чувство бесстрашия высоты становилось необузданным. Я понимал, что поплыл... Но разве я не об этом мечтал, разве не об этом мечтает каждый свободный мужчина?! Да, отправляясь на юг, в Одессу, я мечтал возродить, обновить свои чувства к Ладе. Но Одесса мне этого не дала. А здесь сам воздух был пропитан не страданиями и тревогой, а весельем, свободой и любовью.

Однажды я ждал её вечером у себя в номере. Уже весь истомился. А она запаздывала. Надоедать звонками — не в моих правилах. Опаздывать ей и не возбранялось: всё-таки нельзя было безоглядно бросать Кириюшу вечерами и нестись к любовнику. Но в этот вечер я почему-то трепетал. Измучился от ожидания. Я уже намеревался пойти ей навстречу, вышел в узкую прихожую номера, посмотрел на себя в зеркало перед выходом. Но вдруг услышал тихий, знакомый, любимый стук в дверь.

— Лиля! — Даже задрожал от счастья. — Я так ждал тебя!

В эту минуту я не утерпел, впрочем, и не хотел сдерживать себя, понимая, что это моя последняя любовь. Всего меня охватило волнение, которое было знакомо и прежде, в молодости и в юности, и я знал причину этого волнения; у меня даже ком в горле появился от горьких и сладко-счастливых слез. Я прошептал Лиле на ухо.

— Я люблю тебя.

Она, похоже, не очень-то удивилась моему признанию, но покорно прижалась ко мне, поцеловала меня, шепнула в ответ:

— Мне так с тобой хорошо, Валя!

Потом она потихоньку стала расстегивать пуговицы на моей рубашке, игриво и тихо шепнула:

— Можешь смотреть в зеркало. Там будет интересно...

Позже, когда пришла успокоенность и чувство благодарности к Лиле за её неистощимую ласковость, я сказал:

— Наверно, твой муж Сергей здорово ревновал тебя? Ты необыкновенная.

— Он мне сказал: ревновать тебя, Лиля, себе дороже. С ума сойдёшь... — ответила она. — У него был друг, этому другу я нравилась. Он этого и не скрывал. Так однажды Сергей позволил мне с его другом вместе поехать в командировку.

— Он так подстроил?

— Нет! Он просто не запретил ни ему, ни мне...

— И что было?

— Ничего не было. Он был его настоящим другом. Он просто меня поцеловал в щёку и сказал, как жаль, что Сергей его настоящий друг. Они вместе ликвидаторами были... А вообще-то, если бы его друг был понастойчивее, я бы... — Тут она рассмеялась. Как всегда, заразительно и достаточно громко, смех её, словно звон колокольчика, разлетелся по номеру. Потом Лиля, словно спохватившись, сказала:

— Всё! Я должна сейчас уйти.

— Куда? — недоумевал я.

— Сегодня день рождения у администраторши. Меня пригласили. Ну, так просто, посидеть. Девичник... Я обещала, так что надо прийти посидеть. Она добрая женщина.

Когда Лиля ушла, я долго лежал на кровати без движений, больной от своего признания в любви, от ласковости Лили. Я не очень понимал: когда, как она успела сблизиться с администраторшей? Всё же очень легко Лиля умела сходитья с людьми. Всех подкупала её искренность... Но я чувство-

вал и некоторую загадку в Лиле. Если в своих прежних *любимых* женщинах я, в основном, видел, кто они, что они, то в Лиле ещё не разобрался. Иногда она была и вовсе без тормозов.

Ночью того же дня, после девичника (но был ли это исключительно девичник? — ломал я голову) Лиля позвонила мне по сотовому телефону и спросила:

— Валя, ты правда, меня любишь? — голос её был отчаянно-горячий, заигрывающе-весёлый, с явной пьянцой.

— Такими вещами в моём возрасте не шутят. А если и шутят, то не так, перед зеркалом...

Она рассмеялась.

— А если ты меня любишь, повтори это?

— Я тебя люблю!

— Громче!

— Я тебя люблю!

— Ещё громче!

— Я тебя люблю!

— А теперь выйди на балкон и крикни так, чтоб я тебя услышала...

Я тоже на балконе стою...

Я не стал оправдываться перед Лилей: мол, извини, люди уже спят, я, не раздумывая, вышел на балкон и, заглушая в себе всякий разум и осмотрительность, выкрикнул в глухую ночь:

— Я тебя люблю!

Она, безусловно, это услышала на балконе соседнего корпуса. Другие тоже слышали...

Как-то раз, когда курортный роман у нас был в разгаре, а дней до моего отъезда оставалось мало, мы сидели в одном из популярных сочинских ресторанов: хотелось иметь и такую страничку в своём отдыхе. В этот вечер много и мило говорили, шутили, танцевали. Даже приняли участие в каком-то розыгрыше призов в развлекательной программе. Лиля была в тот вечер очень красивой, она и не могла быть иной, она уже крепко загорела, загар ей очень шёл, особенно в белом тонком сарафане на просвет, вся притягательно шоколадная, сексуальная.

Мы пили из бокалов французское вино, ели жареную сёмгу с богатым гарниром. Говорили о ерунде, но о такой ерунде, которая впоследствии чего-то стоит:

— Лилечка, кем ты мечтала стать в юности?

— Все мечтали стать какими-то знаменитыми, а я... А я мечтала стать официанткой... Я ещё школьницей подрабатывала официанткой в летнем кафе. Мне нравилось.

— За тобой, наверное, многие ухаживали — вот и понравилось.

— Ну, и такое случалось. Но в этой работе есть что-то привлекательное. Мне ведь хотелось быть официанткой на большом круизном судне...

— А кто ты сейчас?

— Работаю в салоне красоты. В общем, парикмахерская. Мы её с другой держим. Я упустила время, не получила хорошего образования, а теперь за книжки садиться не хочется. Поздно...

— Но всё равно о чём-то мечтаешь?

— Свой ресторан иметь... Такой же, как этот, — она рассмеялась довольно громко. Кое-кто из зала на нас даже оглянулся.

Хм, она говорит, что не получила образования, подумывал я, наблюдая, как Лиля умело орудует ножом и вилкой. Профессии тоже дельной не получила... Но в ней есть что-то холёное, породистое, и избалованность есть. Похоже, она никогда не перебивалась с хлеба на воду. Хотя кто знает... Всё же есть в ней таинственность. Ну, и здорово!

Я смотрел на неё откровенно-влюблённо: она яркая, обаятельная, она, действительно, как кошка, — ласковая, щедрая, обворожительная. Истинная женщина! И вдруг я почувствовал счастье... Я же мечтал всю жизнь об этом. Сидеть на берегу моря в ресторане с красавицей, пить хорошее вино,

слушать музыку. Да, я счастлив! Я люблю эту красавицу, я свободен, я никому не изменяю, никого не предаю, мне некого опасаться. Это полнокровное счастье!

— Валя, давай поменяемся с тобой местами, — вдруг попросила Лиля; мы сидели друг против друга.

— Почему? — удивился я.

— Ты только не оборачивайся... Напротив сидит какой-то усатый кавказец. Он слишком пялится на меня...

— Может, набить ему морду?

— Нет, нет! Что ты! — Лиля рассмеялась.

— Может, просто ты сама строишь ему глазки, а он цепляется? — шуточно сказал я, но внутри меня обожгло ревностью. Я давным-давно не испытывал этого лютого чувства.

Я обернулся. За моей спиной, через пустующий столик сидели двое кавказцев. Они и не скрывали, что косились в нашу сторону; мне они даже как-то по-приятельски улыбнулись. Я им не ответил улыбкой.

— Ты в фаворе у здешней публики... Но мне не хочется отдавать тебя на растерзание даже взглядам этих усачей, — сказал я.

Лиля опять безоглядно громко смеялась.

То, чего я боялся, — конец моему отдыху и расставание с Лилей, — произошло как-то внезапно. Однажды я проснулся утром, вспомнил, что вчера у нас с Лилей был последний вечер... На душе стало муторно, хоть плачь. Я сегодня улетаю, а она ещё остаётся здесь на несколько дней. Может, продлить путёвку? Нет, санаторий мне уже поднадоел. На завтрак я решил не ходить, перекушу в аэропорту, всё равно придётся тупо убивать время в ожидании посадки. Сейчас зайду к Лиле, повидаюсь и... Нет, наперёд загадывать не буду! Пусть всё идёт как идёт.

Я осторожно постучал в номер к Лиле. За дверью раздался голос Кирюши:

— Войдите.

— Где мама?

— Она ушла к администратору. Сейчас придёт.

— Я уезжаю. Давай руку. — Я пожал руку Кирюши. — Рука у тебя твёрдая. Спортом занимаешься?

— Немного. Стрельбой... Папа у меня мастер спорта по стрельбе.

Я вышел из номера: не хотел прощаться с Лилей при сыне. Дождался её в коридоре.

— Я уезжаю, — сказал я.

— Мне проводить тебя? — Она смотрела на меня растерянно, она тоже, наверное, не знала, как вести себя со мной сейчас, что мне нужно.

— Давай здесь простимся. Где познакомились, — сказал я, обнял Лилю в сумраке коридора, поцеловал, потом прошептал: — Спасибо тебе. Я позволю. — Я хотел сказать ей, что люблю её, но почему-то не посмел, — значит, точно люблю...

Я пошёл по коридору, оглянулся — Лиля стояла на месте. Я не видел из-за сумрака её лица, её глаз, но я видел её внутренним зрением, остро помнил её "цыганские" чёрные волосы, завитые в мелкие кольца, её карие глаза, сверкающие в темноте, когда она любила меня, ощущал запах её кожи, её ласку, слышал, будто вьяви, её смех.

Я уходил от неё, будто в забытии, в некоей полудрёме, ещё не понимая, что происходит. Где, когда состоится наша новая встреча? Мы даже не договорились. Созвониться — да. Но что такое звонок!

И в такси я ехал в недоумении. Как так, почему так быстро, *неожиданно* всё оборвалось? Дорога была скоростная, прекрасная, отделанная к олимпиаде, да и всё вокруг казалось свежим, прибранным, чистым и прозрачным. Погода баловала, и на побережье было полно загорающих и купающихся.

В аэропорту было немногочисленно и опять же светло, просторно и чисто. Ну, почему, почему я так холодно и быстро простился с Лилей, отказался от того, чтобы она меня проводила? Меня обжигала обида на самого себя.

И почему не поговорил с Кирюшей, не узнал, кто их ждёт дома? Я задавал эти вопросы, и не получал и не мог получить ответов на них. Ругал себя за раздолбайство. А ведь у нас с Лилей всё было так серьёзно. Как в первый раз... А расстались так:

“Позвоню! — Позвони!”

Больше медлить было нельзя, пора было идти на регистрацию. Тут во мне все зануло, загудело в висках. Мучила жестокая мысль: стоит только улететь — и Лилю я больше никогда не увижу. Я позвонил ей, вернее — только набрал номер, но до разговора не дошло. Что я скажу ей по телефону, разве у меня не было времени объясниться с ней раньше? Да и Лиля, как я заметил, не любительница болтать по телефону. А впрочем, куда я тороплюсь? Почему улетаю? Ведь мне, в сущности, некуда торопиться. Дома никто не ждёт. Работа не убежит.

Я пошёл к стойке — не к той, где шла регистрация на рейс, а к той, где сдают билеты.

— Вы сдаёте перед самым вылетом — процент возврата будет очень маленький, — предупредила кассирша.

— Всё равно. Я не могу улететь сейчас.

Ах, не мальчишество ли это? Блажь? Придурь? Но поверх всего во мне бурлило счастье, оно всколыхнулось и заполняло меня точно так же, когда я впервые, с нетерпением дожидавшись Лили, признался ей в любви. Никакой здравый смысл уже не мог остановить меня.

Я опять мчался в такси. Я безумно любил её, ревновал её, я хотел её видеть, быть с ней, жить с ней, никогда не расставаться.

Время было уже послеобеденное, все процедуры, как правило, закончены, и Лиля должна была быть с сыном у себя в номере. Я осторожно поступался.

— Кто там? — спросил Кирюша.

— Это я...

— Вы? — Он с удивлением открыл дверь.

— Да, — пролепетал я. — Рейс перенесли по техническим причинам.

А где мама?

— Она ушла.

— Куда?

Кирюша пожал плечами.

— Неужели она тебе не сказала?

Он снова пожал плечами, потом посмотрел на меня с сожалением:

— Зря вы вернулись... Вы её не удержите. Папа говорит, её никому не удержать... Она с директором санатория в кофейню ушла.

— Не говори ей, что я возвращался.

Я вышел из номера. Сердце бешено колотилось, отдавалось в висках, горело от ревности, в ушах шумело от отчаяния. Но я собрал волю в кулак. Хотя бы ненадолго. Нет! Стоп! В кофейню не пойду! Всё! Хватит! Какой дурак! Поверить цыганке! Я рассмеялся ядовитым смехом. И пошёл прочь из этого санатория. Скорее прочь, чтоб никто меня здесь больше не увидел.

С другой стороны, с логической, мне стало даже как-то легче, всё стало понятней и проще. Ну вот, открылись глаза, и никаких обязательств и морёк. Свободен по-прежнему! И счастлив, что имел красивую женщину! Теперь пусть с ней спит... Но я оборвал свои мысли. Стоп! Не надо ныть! Проехали! Правда, “проехать” в этот раз не получалось. Но и оплошать ничего не хотелось. Она просто такая. Открытая, доступная, и Бог ей судья.

На этот раз я поехал на вокзал. В кассе купил билет на ближайший поезд до Ростова-на-Дону, поезд был как раз под парами... Сперва до Ростова, как раз и к сослуживцу Петру Калинингу заеду, залью свою и радость, и печаль с армейским другом. В дорогу я всё же захватил бутылку коньяку. Со мной в купе ехала семья. Отец, мать и дочка. Предложил им выпить за удачно проведенный отдых. Они согласились. Мы выпили, я расслабился, успокоился слегка. Я был счастлив и несчастен одновременно. Я был пьян и трезв одновременно. Я был ещё молод и уже стар одновременно. Потом я забрался на верхнюю полку и спал как убитый до самого Ростова.

Петра Калининна найти оказалось проще простого. Адрес у него остался прежним, так что плутать по городу не пришлось. К тому же он жил недалеко от вокзала, и таксист даже на меня покосился с подозрительной иронией: чего, мол, пешком пару кварталов пройти не можешь... За три минуты мы от вокзала доехали до дома Петра. А в дом заходить не пришлось. Пётр был во дворе, в окружении дюжины казаков в форме, штаны с лампасами, некоторые — в защитного цвета комбинезонах. Дородный, головастый, с окладистой чёрной бородой, Пётр выделялся из этой казаковой массы и ростом, и осанистостью. Он что-то говорил окружающим, и все были возбуждены, словно он травил их анекдоты. Увидав меня, Пётр онемел, вытаращил глаза. Потом он всплеснул руками и бросился ко мне навстречу. Мы крепко обнялись. Глаза Петра аж заслезились от радости.

— Валька, чертяка! Да ты ли это? Не сон ли привиделся?.. Я ж про тебя только что вспоминал! Даже казакам рассказывал, как мы с тобой служили...

— С чего вдруг такое внимание? — рассмеялся я. Что-то в этом скрывалось загадочное: ничего ж так просто не происходит в жизни, и даже воспоминания не бывают случайными, а тут Пётр про меня сотоварищам рассказывал.

Я оглядел окруживших нас мужиков в казачьих мундирах и камуфляжах. Усастые, бородатые, подтянутые, с какими-то наградами на груди, и всё равно немножко как будто ряженые, они у меня покуда полного доверия не вызывали. Не вызывали до одной минуты.

— Мы на Украину едем. Не все. Покуда вятером. Вот ещё двое чеченов сейчас подойдут, и в путь, — сказал мне после знакомства с сотоварищами Пётр и кивнул головой в сторону машины. Поодаль, на обочине улицы, стоял военный тентованный “Урал”. — А вспоминал-то я тебя вот чего... — Тут Пётр перебил себя: — Слышь, Валь, а ты куда собрался-то? В отпуск, что ли?

— В отпуске, Петя, я уж отбывал.

— А дома-то тебя сильно ждут? — заискивающе спросил Пётр.

— Нет, не сильно...

— Так поехали с нами! Помочь, Валя, надо братьям. Их там эти уроды бандеровцы со свету сжить хотят. У западнцев совсем мозги съехали... Ну, разве на Донбассе русские будут говорить по-хохляцки или за ихнего Бандеру тосты поднимать? Они ещё одуматься могут, если им по башке немного настучать, — говорил многословно Пётр, он будто торопился вылить на меня ушат своей информации. — Америкашки воду мутят. А хохлы перед ними выслужиться хотят: мол, мы кацапам покажем... А народ-то, простой народ боится. Вон, в Одессе сожгли заживо полсотни человек, и все заткнулись. Сдалась Одесса.

— Я знаю. Я был там, — сказал я мимоходом. А Пётр тем временем шпарил своё:

— Ежели бандеровцы залезут туда, в Донецк, на Луганщину или Харьков подомнут, нам тут тяжко придётся. Нельзя время упустить. Выручай, Валька! На месяцок съездим. Повоюем. Сам понимаешь, там позарез артиллеристы нужны. Наводчики, корректировщики... А ты ж профессиональный артиллерист. Отличник боевой подготовки, — он рассмеялся, а глазами сверлил мне глаза — и просил, и настаивал, и внушал... — Поехали, Валя! Денег не обещаем, но тут честь задета... Кормёжка, обмундирование — это как полагается. Да и ребята какие добрые. Казаки!.. У тебя размер какой? У меня новые берцы для тебя есть...

Я смотрел в глаза Петру. Возможно, он дуркует, прикидывается, и во все не верит, что я могу поехать, ведь так обычно не бывает, с бухты-барахты, но он не прикидывался, он, похоже, искренно верил, что меня ничто не может удержать, кроме разве что какие-то бытовые или семейные обязательства.

Я тихо рассмеялся, хлопнул Петра по плечу.

— Ты чего? — удивился он.

— Всё мне, Петь, казалось, что где-то ждёт меня моя судьба. Как бы сказать... Не просто судьба, а на самом деле какой-то важный выбор. Всё казалось, что это женщина будет. Появится — и вся моя жизнь как-то иначе пойдёт... Я ведь ещё несколько дней назад так и думал. А теперь понимаю, что нет. Не женщина это... А это ты, Петя! Ты меня тут и подловил, дождался. — Мне сделалось даже весело — и от своих мыслей, и от той ситуации, в которой я оказался. — Виляла, Петя, виляла моя дорожка среди женщин, а выскочила на мужика с бородой... — Я рассмеялся. Пётр стоял в недоумённом ожидании, видать, пока не понимал, куда я гну.

Почему-то сейчас, именно сейчас, в это мгновение мне вспомнилась история про мужа Лили, которого я не знал лично, но знал, что он ликвидатор-чернобылец, который сам напросился на опасную работу. Не настолько же он был тогда молод, слеп и глуп, чтобы не понимать, куда едет? Ради чего же он рисковал своей жизнью и, возможно, жизнью потомства, ведь наверняка думал о будущей жене, о счастливых семейных днях, о детях, а шёл ворошить радиоактивный пепел на проклятой АЭС.

— У меня ведь, Петя, дед из казачьего племени. И родом он с Украины... — сказал я.

— Ну, вот и здорово! — подхватил Пётр; у него был такой вид, словно он поймал в пруду на крючок большую рыбину, но из пруда её пока не вытащил. — Если дома не очень-то ждут, так поехали!

Почему Пётр надавил “на дом”? Выходит, это было для казаков основным препятствием для поездки на Украину? И тут я поймал себя на мысли, что меня в родном Гурьянске никто не ждёт. Фактически никто не ждёт. Если я потеряю свой бизнес, его с радостью подхватят партнёры и конкуренты. Жены нет. Сын Толик — не глухой и сам вышутается. А дочка Рита давно самостоятельна и, можно сказать, пристроена к жениху-режиссёру. Я мельком, с наскака припомнил своих последних гурьяновских женщин, но ни на ком не смог остановиться (пока ещё самой близкой, избранной и *не пережитой* оставалась Лиля). Все шашни с женщинами, их капризы, сцены ревности, собственные измены и та же ревность показали какой-то непростительной глупостью — ради этого никогда и переживать-то не стоит. Всё это вздор!

Вздором казалась и вечная погоня, рвачка за чем-то, за кем-то. Вскользь припомнилось, как переживал из-за денег, из-за неразделённой любви, из-за не сданных вовремя экзаменов в институте, из-за не введённых по договорам стройобъектов, из-за неувязок с богачами-заказчиками, для которых строил особняки; эти жирные коты ещё смели повышать на меня голос, твякать, а мне порой приходилось извиняться за то, что какому-нибудь чиновному жулику, прониры-депутату вовремя не выложили итальянской плиткой туалет... Даже стало дурно от этих воспоминаний. И стыдно за пережитое.

Тут я вспомнил мать и отца. Они будто бы молча смотрели на меня с надгробных фотографий. Без слов говорили: ты уже совсем-совсем взрослый, сам выбирай себе судьбу... Потом ещё жена Анна вспыхнула в сознании. Но она была уже не жена и не могла меня ни остановить, ни благословить.

Пётр Калинин, сдержанно улыбаясь, терпеливо ждал. И вдруг он испуганно pokrивился, настропилился весь. В моём кармане, в пиджаке, под курткой глухо запиликал телефон. Должно быть, Пётр услышал в нём угрозу: звонок словно бы мог всё сорвать. Я суматошливо полез в карман, надеясь, что это звонок от Лили. Я любил её, несмотря ни на что... Позови она меня сейчас к себе, я бросился бы к ней! Я всем своим существом хотел, жаждал увидеть на экране телефона имя Лили. Но на экране высветилось совсем другое. Там было имя “Полина”. Откуда она? Что ей от меня нужно?

— Валентин, ты куда пропал? — говорила она нежно, ласково; наверняка с расчётом помириться.

— Я в отпуске...

— А когда приедешь?

— Пока не знаю.

- Я в прошлый раз погорячилась. Извини.
- Ничего, бывает.
- Ты, как приедешь, заходи...
- Зайду.
- Ну, пока. Я буду ждать.
- Пока.

Я спрятал телефон в карман, посмотрел на Петра. Лицо его мне показалось очень родным.

— Ну, что, Валя, поехали? — он произнёс это особым тоном. Я догадался, что он спрашивает в последний раз. Да и окружающие его уже ждали.

— Поехали, — негромко ответил я и подал ему свою руку. — Конечно, поехали!

В этот миг будто бы что-то взорвалось, грохнуло. Я даже глаза прищурил, словно вокруг всё окрасилось ярким алым цветом от неимоверного взрыва, в ушах стоял стон канонады, на зубах закричала песчаная пыль, которая ополаскивала лицо на учениях в армии. И опять одним кадром, одним махом пронеслась пред глазами вся моя жизнь.

“Поехали!”

По дороге, сидя в кузове “Урала”, я всё поглядывал в маленькое застеклённое оконце в тенте. Нет, не потому что впервые видел Ростов. Я хотел увидеть магазин “Канцтовары” или что-то в этом роде.

— Стой! — выкрикнул я, когда прочитал название “Товары для школьников”.

— Ты чего? — испуганно вскинул брови Пётр, сидевший рядом.

— В магазин схожу. Надо купить альбом для рисования.

Казаки, что сидели рядом, недоумённо заулыбались, а Пётр понятиливо кивнул. Он знал, что я и в армии занимался “порисовками” — так я называл свои рисунки, сделанные на бумаге или картоне чёрной гелевой ручкой.

Когда я возвращался из магазина к машине, почему-то думал о Полине. Интересно, смогу ли я по памяти её нарисовать. Пожалуй, это и будет моим первым рисунком в альбоме. Ведь она позвонила мне перед самым отъездом.

Я забрался в кузов, Пётр добродушно сказал:

— Мы тут тебе позывной придумали. Без позывного нельзя. Конспирация такая... Не кличка, заметь, а позывной, по фамилиям и именам не надо.

— Какой?

— Пикассо! И художник, и звучно, и непонятно как-то. Вроде итальянец.

— Пикассо французом был.

— Не всё ли равно! — усмехнулся Пётр. — Ну, согласен?

— Как скажешь, начальник.

Альбом был такой хороший, такой манящий! Бумага плотная, чуть-чуть шероховатая, на такую чёрный гель кладётся красиво, чётко. Я радовался приобретению, как в детстве.

Редакция журнала поздравляет своего постоянного автора и сотрудника Евгения Васильевича Шишкина с 60-летием!

Уроженец Вятки, он окончил факультет автоматики и вычислительной техники Кировского политехнического института, но судьба увела его от точных наук в литературу. Сначала — филологический факультет Горьковского университета, затем — Высшие литературные курсы при Литинституте, работа редактором в издательстве “Бегемот”, главным редактором журнала “Нижний Новгород”, начались первые публикации... В итоге, к 60 годам у Шишкина солидный литературный багаж — романы, повести, рассказы, пьесы, киносценарии и даже учебник “Пишите без ошибок”. Несколько литературных премий, таких как городская нижегородская, имени В. М. Шукшина, имени А. П. Платонова, имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всероссийская премия, посвященная 200-летию юбилею И. А. Гончарова.

Желаем Е. В. Шишкину новых творческих успехов!

НИКОЛАЙ СМОЛЕНЦЕВ

РОМАНС
О ДАЛЁКОЙ РУСИ

БАБУШКА. СТАЛИН. ПОРТРЕТ ИЗ ДЕТСТВА

Моей бабушке Кудриной Анастасии Дмитриевне (1904 года рождения), прошедшей голод Поволжья, коллективизацию, ГуЛаг, войну и послевоенную разруху

Я маленький... Я лезу на чердак
По лестнице, от времени скрипучей...
Там столько хлама, сваленного кучей!
Там золотом расшит Советский флаг!
Там граммофон и самовар блестящий!
Там кожаные папки! Целый ящик
Бухгалтерских немецких стройных книг!
Там в рамке над столом висит старик
В парадном позолоченном мундире!
Фуражка... серебристые усы...
И орденов, и звёзд ряда четыре,
И оспы на лице рябая сыпь...

СМОЛЕНЦЕВ Николай Георгиевич родился в 1963 году в г. Йошкар-Ола. Окончил Московский государственный университет культуры и искусств (МГУКИ). Директор словацкой фирмы "Словконтракт", г. Братислава. В "Нашем современнике" публикуется впервые. Живёт в г. Братислава (Словакия).

Я вижу, засыпая по ночам,
Сквозь времени пронзительную сырость,
Как бабушка на тот портрет крестилась,
Молитвы да акафисты шепча...
А я, гадёныш, матери стучал...
И мать на нас двоих нещадно злилась...
Рой подзатыльников отвесив мне,
Твердила бабка: “Он нас спас в Войне!”
(Несладка роль семейного врача,
Мужского не имея крепость тыла...
Расстрельной безотцовщины печать
Бредёт за мной упрямо до могилы)...

Она, сменив полтысячи квартир,
В холстине сухари всегда держала...
Пусть поднималась и цвела Держава,
И новые вожди в борьбе за Мир
Вещали громогласно на трибунах
Над толпами трудящихся угрюмых...
Но бабушка держала керосин
И соль, и спички, и запасы мыла...
Над лестницей портрет висел один —
При всех властях она Его хранила...
Я ж рос... и института колготня
Тянула в неизвестное меня...

Наш педагог, пронырливый еврей,
Всё повторял, что “быдло” жаждет палки...
Но во дворах, среди простых людей,
Где мячики, резинки и скакалки,
О Сталине вздыхали тяжело,
Когда в кабины фото клали под стекло...
Да, тот портрет “седого палача”,
Что деда с бабкой закалил в ГУЛаге
И похоронки... и арест... и лагерь...
И пайка под морковный стылый чай...
Какие б ветры ни сушили губы мне,
Я помнил с детства: “Он нас спас в Войне!”

Она под “Перестройку” отошла...
Спокойно и достойно умирала...
Семья лишилась главного весла,
Я плакал в голос... Бабушки не стало...
Никто Портрет не выбросил в сортир...
Мы жили! Но не знали, бедолаги,
Что скоро не какие-то варяги —
Свои же подожгут наш дом и мир...
И ныне, пол-Земли исколесив,
Пройдя туманы мёрзота и фальши,
Я всё ещё такой же дерзкий мальчик,
Что лезет в сумрак, губы закусив,
К грузину, что помог родиться мне,
Страну поднять и выстоять в Войне!

РУССКИЕ В ЭМИГРАЦИИ...

Горькой памяти катится мой дилижанс...
Ты проси — не проси,
Но звучит в остывающем сердце романс
О далёкой Руси...

Я не еду туда... Я в чужих городах
Эти звуки ловлю...
Эй, прохожий, снеси после смерти мой прах
На Отчизну мою...

Ты соври, обмани меня, мой дорогой!
Лишь надежду оставь...
Завещаю “Георгия” полный набор
И булатную сталь...
В этом городе праздников, в городе муз
Я не пан... я пропал...
Неужели туда я теперь не вернусь,
Где зажгли мой запал?!

По парижским бульварам бреду... но романс —
Неотвязно за мной...
Здесь в чести Дебюсси и маэстро Сен-Санс...
Здесь и воздух иной...
Здесь Рахманинов... Бунин навечно гостит...
Здесь Шаляпин поёт...
Но Россия, как женщина, тем не простит,
Кто оставил её.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

РОКОССОВСКИЙ. КЛИНОК И ЖЕЗЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава восьмая

ТИШИНА ЛИСТВЕННИЧНЫХ АЛЛЕЙ

Из Козельска, из тылового армейского госпиталя, Рокоссовского на самолёте отправили в Москву.

Земский доктор, испанские санитары и врачи козельского госпиталя сделали всё необходимое и для спасения жизни раненого и для последующего выздоровления. Рану почистили, перевязали. Ранение оказалась тяжёлым, проникающим. Были пробиты лёгкие, задет позвоночник.

В Москве Рокоссовского поместили в госпиталь, расположенный в одном из зданий Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Как известно, в госпитале он лежал до 22 мая, а 26-го под Сухиничами уже планировал со своим штабом атаку на Жиздру — районный город к юго-западу от Сухиничей.

А пока — белая палата для старшего офицерского состава. За окнами — тишина лиственничных аллей. Во время войны многие студентки и аспирантки знаменитой сельхозакадемии стали санитарками и медсёстрами и ухаживали за ранеными тут же, в своих аудиториях и учебных кабинетах. Некоторые из них впоследствии вспоминали, как по очереди украдкой ходили в офицерский корпус, чтобы хотя бы одним глазком заглянуть в палату, где лежал, медленно приходя в себя, молодой красивый генерал. Он был похож на Андрея Болконского, раненного при Аустерлице, к которому, согласно сюжету, должна была явиться Наташа Ростова...

И она явилась.

Однажды, когда генерал уже чувствовал себя лучше, но ещё не вставал, к нему в палату пришла Валентина Васильевна Серова. В госпиталь знаменитая артистка приехала с концертной группой. И её попросили выступить перед раненым генералом, порадовать его, томящегося в одиночестве, своим ярким искусством. Выступление закончилось знакомством и выражением

* Окончание. Начало см. в №5 за 2016 год.

взаимных симпатий. Учитывая темперамент Серовой, всё это, как вскоре стало очевидным, угрожало перерасти в нечто большее.

Биографы Валентины Серовой говорят о том, что первая же встреча с генералом, выразительные голубые глаза и высокая культура, сквозившая и в жестях, и в манере вести беседу, сразили пылкое сердце актрисы.

В тот же вечер она объявила своему гражданскому мужу поэту и военному журналисту Константину Симонову, что полюбила. В народе это называется “бабу понесло”...

Впоследствии свою необузданную фантазию она трансформировала в миф тайной любви актрисы и генерала. Миф подхватила публика, мгновенно растиражировала его в различных вариациях и версиях. Так была создана легенда, которая постепенно стала апокрифом. И теперь в той истории уже трудно понять, что правда, а что вымысел.

Валентина Серова до войны снялась в нескольких фильмах и сразу стала любимицей публики. “Девушка с характером”, “Сердца четырёх”. Её героиня — пылкая, жизнерадостная красавица, излучающая любовь и доброту. Третья блондинка, как называли её в артистических кругах. (После Любови Орловой и Марины Ладьиной.) Первый её муж “сталинский сокол” Анатолий Серов погиб в 1939 году во время испытаний нового самолёта. После гибели мужа, которого Серова, кажется, будет любить всю жизнь, она станет частой гостьей так называемых “кремлёвских посиделок”. Иногда во время правительственных приёмов вождь сажал её и вдову Валерия Чкалова Ольгу Эразмовну рядом собой. Однажды во время очередной встречи в Кремле, удлив момент, Серова обратилась к Сталину с просьбой “предоставить ей новую квартиру вместо той, в которую она с Анатолием въехала незадолго до его гибели”. Просьба Серовой была тут же удовлетворена — ей предоставили пятикомнатную квартиру в Лубянском проезде, где совсем недавно жила семья маршала А. И. Егорова, расстрелянного в 1939 году во время “большого террора”. Вскоре она познакомилась с молодым поэтом и драматургом Константином Симоновым. Завязался роман. Впрочем, девушка с характером лишь снисходительно принимала любовь Симонова.

И вот весной 42-го её сердце встрепенулось, казалось, забытым чувством.

Серова зачастила в “timiриязевку”. Рокоссовский же, догадавшись о причине частых гастролей третьей блондинки Советского Союза в своей палате, после безуспешных переговоров, видя, что влюблённая женщина переливается через край, выставил караул — буквально приказал дежурным больше не пускать к себе актрису.

По другим версиям, их встречи продолжались. И якобы даже генерал подарил Серовой часики с гравировкой: “ВВС от РКК”. Что по выписке из госпиталя жил у неё в московской квартире несколько дней.

Конечно, сплетни и легенды на пустом месте не появляются. Восходящая звезда киноэкрана и красавец генерал, спаситель Москвы. Какой сюжет! Какая интрига! Жизнь, конечно же, талантливее и мощнее всех драматургов и режиссёров, сценаристов и актёров.

Но генерал оказался из другого теста. Да и блондинка у него уже была. Ждала в Сухиничах. Переживала за его здоровье. Посылала письма с офицерами, которые нет-нет да и навещали своего командующего в тихом тылу в лиственничных аллеях.

Дочь Валентины Серовой и Константина Симонова Мария Кирилловна* писала, что у её матери и Рокоссовского “не было романа”.

Роман-то был, но, скорее всего, это был роман-фэнтези, придуманный романтической и простодушной актрисой. Часть сюжета подарила война.

Шофёр Рокоссовского Сергей Иванович Мозжухин все дни, пока командующего возвращали с того света, а потом ставили на ноги, неотлучно находился рядом. Именно ему легенды приписывали роль ямщика, привозившего Серову в “timiриязевку” на свидания. Константин Вильевич Рокоссовский, которому уже много лет приходится снимать, как говорится “с вороту брань”, в одном из интервью сказал следующее: “Сергей Иванович Мозжу-

* Настоящее имя Симонова — Кирилл.

хин... никогда не привозил Серову к Рокоссовскому. Он рассказал мне другую историю: в день знакомства Серова пригласила Рокоссовского в Большой театр, разумеется, когда он пойдёт на поправку. Деду это было приятно, что греха таить, всё-таки известная актриса! И спустя какое-то время они туда действительно поехали. В театр они зашли вдвоём с водителем, со служебного входа, нашли указанную в пропуске ложу. Серова села рядом с Рокоссовским. На неожиданную пару, разумеется, смотрел весь зал, и генералу стало неудобно под пристальными взглядами театральной элиты. Кончился спектакль. Из театра Рокоссовский вышел вместе с Сергеем Ивановичем. Сел в машину и вернулся в госпиталь. И пошли по Москве слухи...

Журналисты к дате или подходящему случаю порой публикуют то там, то сям, выносят на экраны телевидения историю о том, что, мол, и Серова, и Рокоссовский в то время были свободны, а стало быть, что ж... Серова действительно вдовствовала. Имела сына. А генерал якобы ещё при первой встрече поведал ей о том, что его семья пропала без вести на оккупированной территории и что он тоскует в одиночестве.

Как мы уже знаем, Рокоссовский разыскал свою семью ещё в начале осени 41-го. Лжецом же и мелким донжуаном, тем более по части актрис, он никогда не был.

Из рассказа Константина Вильевича Рокоссовского: "...в семье разговор на эту тему заходил очень редко. Однако, когда я заинтересовался этим вопросом, мать отрезала: "Серова выдумала всё это сама!" Мне бы не хотелось обидеть потомков актрисы. Возможно, у неё были на то причины, однако в нашей семье эту историю вспоминали с горечью. Злые языки, как говорится, страшнее пистолета, и бабушке пришлось тогда нелегко. Мама рассказывала мне, что маршал, по его же собственным словам, не питал большой симпатии к Валентине Серовой. Их встреча не произвела на него впечатления. И он сначала не понял, что ту галантность, которой Рокоссовский был известен, актриса истолковала по-своему. Думаю, что прозрел он только тогда, когда кто-то из знакомых пересказал слух о его романе с Серовой. Он сразу сел за перо. Написал жене, чтобы держалась, не переживала: "Я знаю, что тебе будет трудно, так как всяких слухов и сплетен не оберёшься. Причиной этому является то обстоятельство, что многим стало просто лестно связать моё имя с собой. Отметим все эти слухи и болтовню, как сор". Это было спустя две недели после возвращения на фронт. Бабушка знала, что все это неправда, что после госпиталя он был дома, а не у Серовой, что во время лечения она, а не актриса сидела у изголовья больного, но всё равно приятного мало".

Грань между романтической легендой и злой сплетней бывает порой чрезвычайно размытой и скользкой. Семью Рокоссовских это, конечно же, беспокоит. Ведь суть генерала и маршала Рокоссовского в его военных делах, даже не семейных, а уж, тем более, не в подробностях фантазий экзальтированной женщины, увидевшей в нём нечто большее, чем героя обороны Москвы. Вот почему так настойчив в своей убеждённости внук маршала: "По рассказам деда, Серова действительно писала ему письма, один раз приезжала с артистами в его войска. Тогда она настаивала на отдельном выступлении со своей бригадой в штабе фронта. Шёл 43-й год, обстановка была напряжённая, и он отказал. Да и на фронт артистов пустили только потому, что генерал понимал: людям нужно хоть на мгновение отвлечься от войны, и лишить солдат небольшого концерта, да ещё и с участием той, которая "умела ждать, как никто другой", он не мог. В качестве командующего Рокоссовский был предельно гостеприимен, и только. Кстати, когда я спросил у одного из сослуживцев деда, приезжала ли на фронт Валентина Серова, тот ответил: "А как же? Приезжала. И не только Серова. Многие артисты приезжали". На мой вопрос, приезжала ли она к Рокоссовскому, ветеран обиделся: "Почему к Рокоссовскому? К нам ко всем приезжала. Поднимать боевой дух". Потом он понял, почему я спрашиваю: "Ах, ты об этом? Вздорная болтовня! Такие слухи распускают те, кто тогда не был на фронте".

Люди из окружения Рокоссовского, и прежде всего военные, с удивлением слушали рассказы о мнимом романе и искренне смеялись. Всё-таки командующий всё время на виду, и его личная жизнь, уж поверьте, была

известна его сослуживцам. Она, кстати, не была такой безоблачной, святым мой дед не был, тем более война... Он встретил одну женщину — военврача Галину Таланову. Она была с ним всю войну, родила дочь. И его семье, и соратникам всё это было известно. Знали они также, что Рокоссовский разрывается между двумя любимыми женщинами, одна из которых рядом с ним переносит фронтовые невзгоды, а другая ждет его дома. Она ждала его всегда — и когда он сидел в “Крестах” по ложному обвинению, и когда ушёл на фронт. Валентине Серовой места в этом любовном треугольнике не было. И можно себе представить, как не ко времени и не к месту была эта известная актриса со своей известной любовью.

Дед очень уважительно относился к Симонову, любил его стихи. Книги поэта с дарственными надписями занимали почётное место в книжном шкафу в его кабинете. Они много раз встречались на фронте. После возвращения деда из Польши Симонов часто приглашал его на встречи с фронтовиками. О поэте дед всегда отзывался с уважением и питал к нему искреннюю симпатию. Это уже и я помню. И, насколько мне известно, Симонов тоже хорошо относился к деду. Не думаю, что, если бы роман с Серовой был реальностью, Рокоссовский нашёл бы в себе силы общаться с её мужем. Он был очень стеснительным человеком, ему всё было “нехорошо”, “неудобно”. И в такой неловкой ситуации я не могу его представить”.

Известно, что однажды старший сын генерала Казакова капитан Виктор Казаков, в 1943 году служивший при штабе артиллерии Центрального фронта, по поручению командующего (Рокоссовского) отвозил Серовой записку и пачку нераспечатанных писем актрисы. В записке Рокоссовский просил адресата больше не писать ему. Серова сама открыла дверь. Прочитала записку. Сказала: “Я сейчас напишу ответ”. Капитан Казаков сказал: “Никаких ответов не нужно — у меня приказ”. Вежливо приложил к козырьку ладонь, повернулся и ушёл.

Известно также, что, когда Рокоссовский пошёл на поправку, он написал жене Юлии Петровне в Новосибирск, чтобы приезжала. И та вскоре приехала. За месяц до выписки из госпиталя Мосгорисполком, учитывая заслуги Рокоссовского при обороне Москвы, выделил ему квартиру на улице Горького. К приезду семьи квартира была готова. Именно её, а не маршальскую квартиру Серовой, обживал Константин Константинович перед убытием на фронт под Сухиничи.

Ходил в ту пору по Москве и по штабам такой анекдот. Будто бы Лаврентий Берия доложил Сталину: мол, артистка Серова, выезжая с концертами на фронт, подолгу живёт при штабе у Рокоссовского, мол, что уж её там так задерживает, догадываться не приходится... Сталин выслушал Берию и сказал: “Серова — красивая женщина. Даже очень красивая. — В раздумье попытал трубой. — С другой стороны, может пострадать авторитет командующего”. — “Именно поэтому я и доложил. Что будем делать?” — “Что будем делать? — Сталин начал задумчиво прохаживаться по кабинету. — Что будем делать, что будем делать... Завидовать будем, товарищ Берия! — И, остановившись напротив всеильного наркома, спросил: — А где жена товарища Рокоссовского?” — “Я уточню, но, должно быть, она в эвакуации”. — “Немедленно отыщите её и самолётом отправьте в штаб к Рокоссовскому. Они с Серовой сами разберутся, кому уехать, а кому остаться”.

Анекдот анекдотом, но Юлия Петровна Рокоссовская и Валентина Васильевна Серова действительно имели встречу и беседу на тему, волновавшую их всего более. Правда, обстоятельства этой встречи были иными.

Юлия Петровна не отходила от постели мужа.

Однажды в госпитале вновь появилась Серова. В палату её не пустили. Актриса настаивала. Кто-то из медперсонала попытался объяснить ей, что, мол, в палате у Рокоссовского жена... Тогда Серова попросила дать ей возможность поговорить с женой генерала. Юлия Петровна вышла к ней. Серова без предисловий выложила, что любит Константина Константиновича, что жить без него не может и прочее. Юлия Петровна выслушала соперницу и посоветовала ей выбросить всё это из головы. Герой, романтика... Сказала, что как женщина она её отчасти понимает, но у героя есть семья, жена и дочь...

Очевидцы рассказывали, что Серова была сильно расстроена и что после разговора с Юлией Петровной медсестры в ординаторской отпаивали её чаем.

Пока Рокоссовский лежал в госпитале, и женщины, окружавшие его, выясняли отношения, писатель и журналист Александр Бек, вернувшись в редакцию “Комсомольской правды”, разобрал и приводил в порядок беглые записи, сделанные во время поездки на фронт. В дни битвы за Москву он несколько суток провёл в расположении 16-й армии и наблюдал за работой штаба и действиями командиров дивизий и полков. Вёл записи. Опубликует он их уже после войны под заголовком “Штрихи”. Записи сделаны с натуры, тут же или минуту спустя, когда можно было взять в руки блокнот, и потому точны и ценны.

* * *

“Мне привелось видеть Рокоссовского в войсковых частях и в штабе армии в разные моменты битвы под Москвой.

Чаще всего он молчит.

Помню уцелевший дом в сожжённом немцами подмосковном городке — Рокоссовский приехал туда на следующее утро после того, как наступающая армия взяла этот населённый пункт.

Рокоссовский сидел на голой дощатой кровати, удобно привалившись к углу, в меховой ушанке, в меховых сапогах, в неизменном кожаном пальто без знаков различия.

В домике обосновался штаб артиллерийского полка. С командирами разговаривал генерал Казаков, начальник артиллерии армии, очень добрый и очень требовательный человек.

А Рокоссовский молча курил и слушал.

Пришли партизаны — восемнадцати- и девятнадцатилетние юноши с сияющими глазами, раскрасневшиеся, в распахнутых пальто и полушубках: в тот день для них был незаметен тридцатипятиградусный мороз.

Улыбаясь и шутя, их расспрашивал член Военного совета армии, грузный и весёлый Лобачёв.

А Рокоссовский по-прежнему молчал, время от времени доставая очередную папиросу из походной папиросницы, висящей на ремне рядом с полевой сумкой и планшетом.

Входили и выходили командиры; многие узнавали командующего армией, спрашивали: “Разрешите обратиться?”, “Разрешите идти?”. Рокоссовский молча кивал.

За два часа он не произнёс ни слова. Я изумлялся, искоса поглядывая на него. Вероятно, он устал или расстроен? Нет, голубые глаза были ясными, живыми и с интересом присматривались к каждому новому лицу. И может быть, видел, слышал, замечал больше, чем кто-либо из присутствующих. Но молчал.

Его удобная поза, неторопливые движения, спокойный взгляд как бы свидетельствовали: тут всё идёт так, как этому следует идти. Потом он поднялся и сказал:

— Пошли, пожалуй. До свиданья, товарищи. Не будем вам мешать”.

* * *

“Другой раз мне пришлось наблюдать, как Рокоссовский работает у себя на командном пункте.

Штаб армии только что прибыл в небольшое селение.

Оперативный отдел разместился в промерзшей насквозь школе, штабные командиры работали за партами. Дымила и ещё не согревала комнату давно не топленная большая печь.

Предстояла разработка новой операции и составление боевого приказа войскам.

Вошёл начальник штаба генерал Малинин, властный и умный человек.

Большого стола не оказалось; на сдвинутые парты положили классную доску; на ней расстелили карту, склеенную из многих листов. Там уже было зафиксировано расположение сил — наших и противника, — как оно сложилось к этому моменту.

Несколько минут спустя появился Рокоссовский вместе с Казаковым.

Все пошли к карте. Немного пошутили относительно соседа, который по приказу передал армии Рокоссовского часть своего участка.

— Лишили их возможности отличиться, взять этот городишко*, — сказал Рокоссовский. — А они обрадовались. Пусть все шишки на другого валятся.

— Да, тут у нас очень всё разбросано, — произнёс Малинин, — противник может уйти, если нажмёт.

— Конечно, надо собрать силёнки и разделяться по частям с этой группировкой.

— Я думаю, сначала надо ликвидировать этот узел, — предложил Малинин.

— Добро, — согласился Рокоссовский.

Таков приблизительно был разговор между командующим и начальником штаба.

Затем заработал штабной механизм. Им управлял Малинин. Ему докладывали о наличной численности и вооружении каждой части; он записывал, подсчитывал, выяснял подробности, вызывал нужных людей, расспрашивал или давал поручения, уточнял сведения о силах и намерениях противника, затем вместе с начальником артиллерии приступил к разработке оперативного плана; ставил задачу каждому соединению, указывал маршрут движения, место сосредоточения, время выхода на исходный рубеж, направление удара. Всё это делалось основательно, без суеты, без спешки. Истёк час, другой, третий — Малинин с работниками штаба всё ещё готовил боевой приказ.

А Рокоссовский — высокий, лёгкий, не наживший, несмотря на свои 45 лет, ни брюшка, ни сутуловатости, — ходил и ходил по комнате, иногда присаживаясь на крышку парты. Он слушал и молчал. И лишь изредка короткой фразой чуть-чуть подправлял ход работающего механизма.

— Задачу разведке поточнее. Чтобы никто не сунулся напропалую.

Или:

— Продвигаться и дороги за собой тянуть.

И опять замолкал.

В комнате стало темно; появились электрики с походной электроустановкой; Малинин, взяв карту, передвинулся к окну.

Рокоссовский прилёг на освободившуюся классную доску. Он лежал на спине, глядя в потолок и заложив руки за голову. Ноги его свешивались, не доставая до пола, и слегка покачивались.

И опять — его вольная удобная поза, его спокойствие как бы свидетельствовали: тут всё идёт так, как этому следует идти. Малинин отлично ведёт дело и ни во что не надо вмешиваться”.

* * *

“Но несколько раз я видел Рокоссовского разгневанным.

Бывая на передовой линии, в батальонах, Константин Константинович не любил, чтобы за ним ходила свита, предпочитал, чтобы командир дивизии, командир полка его не сопровождали.

Так было и в тот день. С передовой Рокоссовский пришёл в штаб полка.

Командир полка отрапортовал и стал докладывать обстановку, указывая на карте географические пункты. Рокоссовский молча слушал, но лицо его мрачнело.

— Где тут у вас окопы? — перебил он.

* Возможно, речь шла о Сухиничах.

Командир показал.

И вдруг, не сдержавшись, Рокоссовский крикнул:

— Врёте! Командующий армией был на месте, а командир полка там не был! Стыдно!

И, круто повернувшись, вышел.

Здесь всё характерно для Рокоссовского.

Он постоянно — в отдельные периоды ежедневно — выезжал с командного пункта в части, ходил, наблюдал; мало говорил, но много слушал и присматривался, присматривался к людям.

Механизм управления армией функционирует в это время без него.

Отсюда, с боевых участков, Рокоссовскому многое виднее, в том числе и качество работы собственного штаба.

К подчинённым, от мала до велика, и к самому себе он, прежде всего, предъявляет одно требование: говорить правду, как ни трудно иной раз её сказать. Вранья не терпит, не прощает.

В другом случае он не вышел из себя, не повысил голоса, но говорил очень резко. Речь шла о потерях, которых можно было бы избежать при взятии одной деревни, если бы операция была подготовлена более тщательно.

— Безобразно, бескультурно, безалаберно! — сурово определил Рокоссовский. — Почему полезли без разведки?

Затем, не перебивая, выслушал ответ. Виновный, не подыскивая оправданий, напрямик признал ошибку.

— Другой раз предам суду за такие вещи! — сказал Рокоссовский, и оба твёрдо знали, что так оно и будет, если ошибка повторится.

— Берегите каждого человека! — продолжал командарм. — Пока не узнал, где противник, каковы у него силы, не имеешь права продвигаться! Чёрт знает что! Когда, наконец, научимся культурно воевать!

Меня поразило это словосочетание: “Культурно воевать!” Впоследствии я много раз вспоминал это выражение, раздумывая о Рокоссовском.

И вот ещё один случай.

К линии фронта, продвинувшейся за день на несколько километров к западу, медленно шли две легковые машины, кое-где увязая в косяках наметённого снега: впереди — машина Рокоссовского, следом — Лобачёва, где сидел и я.

Дорогу расчищали сапёры. Передняя машина неожиданно затормозила. Я увидел нескольких сапёров, сидевших на снегу, покуривавших. Рокоссовский вышел, быстро к ним зашагал, и мы в задней машине, тоже остановившейся, вдруг услышали его гневный голос. Я приоткрыл дверку и уловил слова:

— Фронту нужны снаряды, а вы тут штаны просиживаете, герои!

И отвернувшись, Рокоссовский пошёл обратно. Даже по походке чувствовалось, как он возмущён.

Машины двинулись, но вскоре снова остановились, когда к передней подбежал командир. Рокоссовский поговорил с ним несколько минут, уже не повышая голоса.

Дороги, ровные, широкие дороги — этого постоянно и настойчиво требует Рокоссовский от своего инженерного отдела.

Могу удостоверить: я бывал, конечно, далеко не во всех армиях, но кое-где пришлось поездить — нигде я не видел таких хороших дорог, как на участке армии Рокоссовского”.

* * *

“Вот ещё несколько штрихов, которые на первый взгляд не имеют как будто прямого отношения к деятельности командующего армией, но в них тем не менее для меня раскрывался облик Рокоссовского.

Впервые я увидел Рокоссовского среди командиров, которым только что вручили ордена.

Лобачёв, сидевший рядом с Рокоссовским, поднялся и, покрывая шум голосов, объявил:

— Сейчас несколько слов скажет Константин Константинович.

Рокоссовский смущённо поправил волосы и покраснел. В этот миг мне стало ясно — Константин Константинович очень застенчив.

Как-то впоследствии я сказал Рокоссовскому об этом.

— Вы угадали, — ответил он.

Не удивительно ли, что Рокоссовский, командующий многотысячной армией, имя которого прославлено в великом двухмесячном сражении под Москвой, тем не менее порой краснеет, страдая от застенчивости. Я не знаю детства и юности Рокоссовского, не знаю, как сформировалась эта своеобразная и сильная натура, но некоторые впечатления позволили кое-что понять.

Рокоссовский приехал в деревню, только что отбитую у немцев. Еще дымилась сожжённые постройки. Стоял крепкий мороз. В мглистом, казалось бы, заиндевшем воздухе пахло сгоревшим зерном; этот резкий, специфический запах — горький запах войны — долго не выветривается. Из-под пепелищ жители выкапывали зарытое добро. Одни куда-то везли поклажу на салазках, другие семьями расположились у костров и что-то варили в котелках и ведрах. Валялись убитые лошади, кое-где уже тронутые топором. В розвальнях везли патроны на передовую; шли красноармейцы, тепло одетые, размянувшиеся на морозе; одна группа расположилась на привал, слышалась гармонь; кто-то, присвистывая, пошёл вприсядку; туда отовсюду кинулись ребятишки.

Кое-где лежали неубранные трупы немцев. Спеша похоронить своих, немцы свалили мёртвые тела в колодец, набросали доверху, но не успели засыпать. Из колодца торчала мёртвая, окостеневшая рука со скрюченными пальцами, коричневыми от стужи, этот труп был, вероятно, поднят с земли затвердевшим и, брошенный сверху, так и остался в неестественной и страшной позе.

Рокоссовский подошёл к колодцу. Потом повернулся, посмотрел вокруг и, обратившись ко мне, сказал:

— Чувствуете запах гари? Когда помотришь на всё это, вспоминаются исторические книги. Как отбивали татарское нашествие, как воевали запорожцы. Помните Тараса Бульбу?

Другой раз Рокоссовский вспомнил о книгах, сидя за ужином рядом с Масленовым, начальником политуправления армии. Разговор шёл о боях под станцией Крюково, которые в армии Рокоссовского любят называть “вторым Бородино”.

— Я говорю, это было так! — сказал Масленов и с силой воткнул в дерево стола большой перочинный нож, которым только что открыл консервы.

Рокоссовский достал из кармана свой нож, раскрыл его и вонзил рядом.

— А я говорю: не так! — И добавил, взглянув на Масленова с улыбкой: — Мы индейцы племени Сиук-Су... Помнишь Майн-Рида?

И мне вдруг представился застенчивый мальчик, который дичится на людях.

Он держится в стороне, молчит, смотрит, слушает. И много читает. Больше всего — о войне, о необыкновенных подвигах необыкновенных людей. Потом сам становится военным. И туда, в военное дело он вкладывает всё, чем обладает. Военное дело становится его призванием, его творчеством, его...

Рокоссовский сам произнёс слово, которое я подыскивал, стремясь схватить стержень его личности.

— Страсть, военная страсть, — сказал он, когда однажды мы разговорились о характерах некоторых известных полководцев. Такая страсть — “военная страсть” — безраздельно владеет Рокоссовским. Но даже смолоду она выражалась у него не только в удали и лихости, хотя всё это было, и даже с избытком, на его командирском веку, начавшемся в драгунском полку на театре Первой мировой войны. Он принадлежит к числу военных, которых называют мыслящими. Много думает о проблемах войны. В армии про него иногда говорят: “Задумчивый”.

Мне кажется, что я уловил правило, которым Рокоссовский неизменно руководствуется. Это правило, быть может, годится не для всех. В нём ска-

зались не только опыт и размышления Рокоссовского, но и особенный склад его характера. Правило, о котором идёт речь, Рокоссовский высказал за тем же ужином, когда он поспорил с Масленовым. Кроме них в комнате находились многие из комсостава армии: Лобачёв, Калинин, Казаков, начальник службы тыла генерал Анисимов и другие. Пели “Стеньку Разина”. Пошла строфа:

*Чтобы не было раздора
Между вольными людьми...*

- Святые слова! — сказал Рокоссовский.
- Почему святые? — спросил я.
- Потому что на войне всё совершает коллектив.
- А командующий?
- Командующий всегда должен это помнить. И подбирать коллектив, подбирать людей. И давать им развернуться.
- А сам?
- Сам может оставаться незаметным. Но видеть всё. И быть большим психологом”.

* * *

“Армия Рокоссовского отходила, ведя ожесточённые бои, уничтожая танки и живую силу противника, пока, наконец, усиленная многочисленными пополнениями, не сдержала немцев на расстоянии 25—30 километров от Москвы. За это время, в октябре и в ноябре, командный пункт Рокоссовского много раз менял местопребывание, переезжая иногда под огнём противника, в непосредственной близости от прорывающихся танков. Был случай, когда Рокоссовский, Лобачёв, Калинин, Казаков ночью уходили огородами из села, в которое уже ворвались немцы.

И всё же всякий раз, прибывая на новый командный пункт, Рокоссовский находил уже действующую связь со всеми подчинёнными ему частями, с соседями, со штабом фронта и с Москвой — “со всем миром”, как любит говорить начальник отдела связи полковник Максименко”.

Штрихи к портрету генерала у Александра Бека оказались очень точными. Возможно, писатель возвращался к своим фронтовым наброскам после войны и правил рукопись уже с учётом полной и окончательной славы маршала. Тем не менее, портрет генерала, в котором уже тогда, под Москвой и Сухиничами, отчётливо и ярко проявлялись характерные только для него черты полководца, получился достаточно полным.

В госпитале Рокоссовский с жадностью читал свежие газеты, слушал сводки Совинформбюро. Фронты, совершив зимний маневр на запад, остановились. Линия обороны стабилизировалась. Бои затихли и в районе Ленинграда, и в центре. Лишь на Юго-Западном направлении в районе Барвенковского выступа всё продолжалось с прежним упорством и кровопролитием. Рокоссовский тогда ещё и подумать не мог, что всего через несколько дней под Харьковом произойдёт очередная катастрофа, равная вземской, немцы форсируют Северский Донец, прорвутся на Балаклею и замкнут кольцо окружения барвенковской группировки наших войск, что совсем скоро ему и его штабу, переброшенному в район Сталинграда, придётся выправлять последствия прорыва 6-й немецкой армии к Волге.

Перелистал он и старые, зимние газеты, где много писали о его 16-й армии и о нём самом. Всё же любопытно было взглянуть на то, как он и его войска выглядят со стороны. Конечно, корреспонденты порой приукрашивали события и результаты боёв, следуя общей задаче — воодушевить и укрепить дух наступающих. Но общий взгляд был более или менее верным.

Вспомнил приезд группы английских журналистов. Тогда пришлось во многом преодолеть себя и говорить много. О визите иностранцев заблаговре-

менно предупредили из штаба фронта. Иностранцы. Политика. Черчилль послал их, чтобы пронюхать, что происходит в России на самом жарком участке советско-германского фронта, выяснить из достоверных источников, устоит ли и на этот раз Москва.

Англичане задавали вопросы через переводчика, а он, так же через переводчика, отвечал.

— С германцами я уже воевал. Воевал с их отцами, теперь воюю с сыновьями. — И он кивнул в сторону фронта, откуда доносилась канонада.

— Ну, и как? — спросил один из корреспондентов.

— Может быть, я не объективен, люди всегда склонны переоценивать своих сверстников, а заодно и себя, и брюзжать по поводу молодёжи. Но, глядя на нынешний вермахт, не могу не сознаться в том, что отцы были лучшими солдатами. Вильгельмовская армия была лучше гитлеровской! Я думаю, что Гитлер испортил свою армию.

Англичанин, который вёл с ним диалог, завозился на стуле и сказал:

— Очень интересно. Но всё-таки не понимаю. Прошу господина генерала прокомментировать.

— Это непросто объяснить человеку невоенному, непрофессионалу. Но попытаюсь.

Англичанин вежливо улыбнулся и кивнул.

— Армия Гитлера может одержать много побед. Но она не выиграет эту войну.

Англичанин напрягся. Он готов был услышать то, ради чего рисковал, пересекая на самолёте несколько морей и линию фронта.

— Войну выиграет только настоящая армия. Армия же Гитлера... Она очень похожа на настоящую армию. Неопытный глаз может спутать. Эта армия прекрасно марширует. В ней козыряют лихо. Многие её солдаты превосходно владеют стрелковым оружием, прекрасно стреляют из орудий и миномётов. Они храбры. Их командиры безукоризненно владеют навыками тактики, знают топографию, и многие из них так же по-солдатски храбры.

Англичанин сделал вопросительный жест.

— Тем не менее, это — не армия. Это суррогат армии. В ней отсутствует идея войны. Войны во имя победы во что бы то ни стало. У нас, русских, говорят так: или грудь в крестах, или голова в кустах... У вас, англичан: быть или не быть...

Англичанин улыбнулся уже другой улыбкой и закивал. Похоже, он был доволен разговором. Интервью получалось интересным.

— Но германские войска продолжают наступать, — стараясь быть тактичным, заметил он.

— Да, временные успехи пока сопутствуют нашему врагу. Но они ведут против нас коммерческую войну. И армия у немцев коммерческая, а не военная. Немецкое командование стремится во что бы то ни стало победить. Это понятно. Никакое другое командование не желает иного. И ряд побед оно одержало. Но немецкое командование никогда не сможет достичь окончательной, полной победы, потому что оно строит свои планы, проводит операции, используя слабые стороны противника. Слабые стороны противника — вот залог их успеха. Секрет их успеха. Но это губительно для любой армии. И, быть может, в первую очередь — для той, которая стоит перед нашим фронтом. Приведу такой пример. Немецкий полк наступает на нашу роту. Превосходство сил несомненное. Победа полку обеспечена. И тем не менее, немцы засылают в эту роту провокаторов, сеющих панику и т. д. Они хотят победить любыми способами. Им кажется, что они правы, рота действительно побеждена. Но побеждён и немецкий полк! Потому что с нашим полком, на равных, он драться уже не сможет. Он будет разбит. Этот немецкий полк после боя с нашей ротой надо посылать на переформирование, добавить в него свежих солдат, тех, кто не участвовал в наступлении на роту. Те, кто участвовал, уже плохие солдаты, их скоро разобьют. Они обречены на поражение. Я поставил своим людям задачу и сказал им: «Немцы предложили нам такую систему войны. Они врзаются танковыми массами, слабо подкреплёнными пехотой, в наше расположение, они окружают нас. Примем

их метод и скажем себе: если мы в тылу у них, то не мы окружены, а они окружены!” Всё. Я бил немцев и буду бить. Они проиграют войну. Они проиграли войну Англии. Это бесспорно. Они проиграют войну и нам. Вопрос во времени. И только”.

Он ещё не знал, что тот диалог почти слово в слово опубликует одна из влиятельнейших британских газет в самый разгар битвы за Москву.

Наступили дни, когда Рокоссовский мог уже более или менее свободно передвигаться. Рана заживала. И он попросил своего водителя Мозжухина показать ему Москву. “И мы поехали, — вспоминал Сергей Иванович. — Помнится, возле Бутырской тюрьмы генерал спросил: “Это что, Бутырка? Вот здесь я делал мебель!” Я промолчал. Я слышал, что перед войной мой командарм несколько лет провёл в тюрьмах. Сегодня, естественно, знаю больше: он мужественно выдержал все допросы, никого не оговорил, с товарищами по заключению делился последним куском хлеба. Такой он был человек. Может быть, поэтому люди считали за честь воевать под командованием Рокоссовского.

Я долго возил Рокоссовского по улицам Москвы. И вдруг он говорит:

— Серёжа, я хочу посмотреть, как ты живёшь.

— Живу на четвёртом этаже, без лифта. После ранения вам, товарищ командующий, будет трудно подниматься.

— Поднимусь, — твёрдо заявил он.

Надо ли говорить, что посмотреть на командарма 16-й армии сбежался весь дом. Беседа продолжалась около получаса и запомнилась всем. “Мы обязательно победим в этой войне”, — уверенно заявил на прощание Рокоссовский. Потом я отвёз его обратно в госпиталь”.

В архиве удалось отыскать справку о ранении, выданную Рокоссовскому во время выписки из госпиталя.

“Эвакуационный военный госпиталь № 2366

Часть лечебная

20 мая 1942 года

4-22-05

СПРАВКА

Дана генерал-лейтенанту 16-й армии тов. Рокоссовскому Константину Константиновичу в том, что означенный Рокоссовский К. К. находился на излечении в эвакуационном госпитале № 2366 с 9 марта 1942 года по 22 мая 1942 года по поводу слепого осколочного (артснарядом) ранения правой половины грудной клетки — трансдиафрагмальной с повреждением печени и лёгкого. Гемоторакс.

Ранение с пребыванием на фронте.

По выздоровлении выписан для дальнейшего несения военной службы.

Нач. лечебного учреждения — Каплан”.

В конце мая он уже был под Сухиничами.

За два с половиной месяца армия отодвинула фронт немного на запад, отжала противника за реку Жиздру. Впереди лежал одноимённый старинный русский городок, который предстояло взять согласованным ударом смежных флангов 16-й и 61-й армий.

Для увязки совместных действий в один из дней Рокоссовский и Казаков выехали в расположение соседей. Штаб 61-й армии с трудом отыскивали в глухой деревушке, куда несколько километров пришлось добираться пешком.

Маркиан Михайлович встретил соседей так, как встречают у порога напарника, с которым предстоит сходить в ад и попытаться вернуться.

Высокий, под стать Рокоссовскому, стройный и по-гвардейски подтянутый, генерал Попов излучал уверенность и надёжность опытного воина. Они, Рокоссовский и Попов, были похожи не только внешне, но и манерами, врождённым воспитанием, высокой культурой, умением владеть собой в самых трудных обстоятельствах. Его уважали в войсках — и за высокие

профессиональные качества командира, и за человечность, за умение в подчинённом видеть личность, какую бы должность тот ни занимал. Попов обладал феноменальной памятью, знал расположение своих войск, не только дивизий и полков, но и батальонов, рот. Знал и своих командиров, до ротных включительно. Свободно оперировал цифрами, огневыми возможностями своих подразделений и частей.

“По рассказам товарищей, — писал о генерале Попове главный маршал авиации А. Е. Голованов, — Маркиан Михайлович был огромного таланта и эрудиции человек, самородок, имевший блестящие способности в военном деле. Будучи совсем молодым человеком, он ещё до войны командовал военным округом. Однако его слабость к “живительной влаге” и прекрасному полу всю жизнь, как говорится, вставала ему поперёк дороги...”

Впрочем, Сталин до определённой степени терпел эти недостатки генерала, уступая его высоким полководческим качествам.

Война их вскоре разведёт. Но наступит час, и они, Рокоссовский и Попов, снова будут стоять рядом в самой масштабной и кровопролитной битве Великой Отечественной войны. На Орловско-Курской дуге боевые порядки правого крыла Центрального фронта Рокоссовского будут прикрывать армии Брянского фронта генерала Попова.

А в тот майский день они быстро обсудили общие задачи. Потом Маркиан Михайлович, по праву гостеприимного хозяина, пригласил соседей к другому столу, где было уже накрыто. За обедом не без улыбки и шутки вспомнили, как в конце зимы их сурово инспектировал генерал Кузнецов и чем та инспекция закончилась. Отдали должное и терпению, и жёсткости Жукова. Ещё раз посетовали на то, что наступать армиям нечем, пробивать мощную немецкую оборону нечем, если не оголить фланги и не перебросить часть сил оттуда.

— Что ж, — посетовал Попов, — прикажут шить тришкин кафтан, будем шить тришкин кафтан...

Операция началась в конце мая. Успеха она, как и ожидалось, не имела.

Рокоссовского больше всего раздражало то, что ни Ставка, ни командование Западного фронта не ставили их, командармов, в известность, каковы цели проводимой их войсками операции, каковы общие задачи. В мемуарах по этому поводу он справедливо заметит: “Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому “каждый солдат должен знать свой маневр”. И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесённой мне комфронтом формулировкой задачи: “изматывать противника”, осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя”.

Его “Солдатский долг”, пронизанный полемикой с Жуковым, по сути дела, сплошной диалог с главным его оппонентом. Вот так на протяжении всей войны и жизни они будут полемизировать, спорить и дружить, разя общего врага. Два драгуна. Потом два краскома. Два генерала. Два маршала.

Масштаб его мысли уже тогда выходил далеко за пределы участка фронта, занимаемого армией, то есть несколькими дивизиями и корпусами. И это чувствовал и понимал не только он один.

Из-под Сухиничей Рокоссовский писал семье:

Милые, дорогие мои Lulu и Адуся!

Приехал на место благополучно. Чувствую себя хорошо. Тоскую безумно. Как-то становится больно, что обстоятельства не позволили провести с вами более продолжительное время. Единственное, что успокаивает меня, это мысль о том, что я нахожусь не так далеко от вас и сумею заботиться о вас, а может быть, иногда и навестить вас накоротке. Живу сейчас в лесу в маленьком деревянном домике. Уже полностью включился в работу. Дорога оказалась очень тяжёлой. Проливные дожди сильно попортили дорогу, поэтому ехали около трёх дней. Если дороги подсохнут, можно будет рискнуть приехать вам ко мне, пока воздержитесь. На днях вышлю что-либо из овощей — картофеля и т. п.

Аттестат высылаю с подателем сего, прикрепиться надо при горвоенкомате, он помещается где-то от вас близко.

Милая Lulu, не скучай, помни, что я мысленно нахожусь с тобой. Тебя люблю и только о тебе думаю. Горю желанием скорее увидеть тебя и быть твоим не только духовно, но и физически. Надеюсь, что при следующей встрече печень беспокоить меня не будет.

Целую тебя, милая, крепко-крепко. Адусю тоже.

Любящий вас ваш всегда Костя.

Сообщи, как устроились и в чём нуждаетесь.

26.5.42”.

Письма Рокоссовского к жене стали более страстными и нежными. Сквозь строки нет-нет, да и проступают ощущение некой вины перед любимой и попытка загладить эту вину.

Странное дело, похоже, к несуществующей любви мужа к Валентине Серовой Юлия Петровна ревновала его сильнее, чем к реальной, фронтовой — Галине Талановой.

Глава девятая

ОПЕРАЦИЯ “КОЛЬЦО”

Новый 1943 год встречали в штабе Донского фронта. Лётчики доставили из Москвы ёлку, работники штаба по-фронтовому её украсили. На “оголёк” в деревню Зварыгино, заваленную снегами, прибыли Василевский, Голованов, Воронов, Новиков, драматург Александр Корнейчук, писательница Ванда Василевская, военные корреспонденты центральных газет и кинооператоры.

Рокоссовский предложил первый тост за Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Все встали и выпили до дна.

В разгар торжества кто-то заговорил о том, что в истории войн часто бывало, когда обречённому на гибель противнику, дабы избежать кровопролития, предлагали капитуляцию в обмен на жизнь. Идею эту подхватили, начали обсуждать. “На следующий день, — вспоминал Рокоссовский, — у меня возникла мысль посоветоваться с Генштабом: не попробовать ли нам применить древний рыцарский обычай?” По словам Рокоссовского, разговаривал он с генералом Антоновым, заместителем начальника Генштаба. Антонов обещал переговорить об этом в ставке и посоветовал подготовить текст ультиматума.

Ультиматум сочиняли коллективно. Помогали писатели и военные журналисты.

“Командующему окружённой под Сталинградом 6-й германской армии, генерал-полковнику* Паулюсу или его заместителю.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путём наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным стремительным продвижением Красной армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окружённых издалека. К тому же германская транспортная авиация несёт огромные потери в самолётах и экипажах от русской авиации. Её помощь окружённым войскам становится нереальной.

* Лишь 30 января Гитлер повысил своего сталинградского генерала до генерала-фельдмаршала.

Положение ваших окружённых войск тяжёлое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели ещё впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжёлых антисанитарных условиях.

Вы как командующий и все офицеры окружённых войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окружённым войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу — и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание.

Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 г. в письменном виде через лично назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — ст. Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе “Б” 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окружённых германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии генерал-полковник артиллерии Воронов
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант Рокоссовский”.

Из числа добровольцев были выбраны трое: офицер разведотдела штаба Донского фронта майор А. Д. Смыслов, переводчик капитан Н. Д. Дятленко и горнист, имя которого история не сохранила.

И вот 8 января на северном фланге выступила группа парламентёров с высоко поднятым белым полотнищем вышла из окопов и через нейтральную полосу, перепаханную снарядами и минами, направилась к проволочным заграждениям, за которыми виднелись немецкие окопы. Горнист непрерывно трубил в морозный воздух. Накануне по радио немцам сообщили о парламентёрах и их миссии. Транслировали также переведённый на немецкий язык текст ультиматума. Когда парламентёры прошли шагов сто, раздалось несколько одиночных винтовочных выстрелов. Пули вепарывали снег рядом, но горнист и офицеры продолжали свой путь. Затем послышались автоматные очереди. За ними захлопали миномёты. Возле проволочных заграждений парламентёров должны были ждать встречающие. Их не оказалось. Как потом отметил в своих мемуарах маршал Воронов, на предложение о сдаче без кровопролития “вражеская сторона отнеслась по-вражески”.

На следующий день попытку доставить ультиматум командованию окружённой группировки повторили на южном фланге. Здесь всё прошло более благополучно, без стрельбы. Парламентёров возле “рогатов” встретили немецкие офицеры и, выслушав майора Смылова, предложили передать пакет им. Смылов сказал, что у него приказ: передать текст ультиматума лично командующему 6-й армией. Тогда парламентёрам повязали на глаза заранее приготовленные повязки и повели на ближайший КП. Там повязки сняли. По телефону связались со штабом 6-й армии, доложили о желании парламентёров встретиться с командованием для вручения ультиматума. Из штаба Паулюса ответили, что содержание ультиматума им известно из радиосообщений и что командование армии его не принимает. Парламентёры благополучно вернулись в своё расположение.

Гитлер слал в штаб Паулюса приказ за приказом: “Капитуляция исключается. Каждый лишний день, который армия держится, помогает всему фронту и оттягивает от него русские дивизии”. “Капитуляция исключена. Армии выполнять свою историческую задачу, чтобы своим стойким сопротивлением до последней возможности облегчить создание нового фронта в Ростове и севернее и отвод кавказской группы армий”.

Как вскоре определилось, в том числе и волей нашего героя, “исторической задачей” 6-й германской армии стало умереть в степи между Волгой и Доном, в развалинах Сталинграда.

Гитлер всё ещё не мог избавиться от иллюзий, от болезненной уверенности, что германской армии не может противостоять ни одна армия в мире, а германскому солдату — никакой другой солдат. Манштейн играл свою партию в истории Второй мировой войны: ему, как командующему группой армий “Дон” (с февраля 1943 года — “Юг”) чрезвычайно опасно было выводить из сталинградского мешка 6-ю армию, так как вместе с нею высвободились бы значительные силы Красной армии, а именно — довольно сильные армии Донского фронта, которые противник наверняка бы бросил в помощь своим войскам, действовавшим в это время на южном и юго-западном направлениях, и тогда Манштейну, пожалуй, невозможно было бы удержать советское наступление. Крах южного крыла Восточного фронта при таком раскладе сил и событий стал бы неизбежным.

Впоследствии прославленный фельдмаршал и талантливый мемуарист, Манштейн всю вину за Сталинград возложил на основного козла отпущения — фюрера. Отметим и нерешительность Паулюса, который для спасения 200 тысяч человек не пошёл на прорыв из “котла”, вопреки приказу командующего группой армий.

Один из переживших ужасы окружения, а потом и советский плен вспоминал: “Да, конечно, долг и главная добродетель хорошего солдата — повиноваться всегда и всюду, даже если он и не понимает смысла полученного приказа. Но здесь, у нас, своим властным языком говорят сами факты. Только за последние шесть недель погибло круглым числом 100 тысяч человек. Тот, кто в таких условиях намерен ценой гибели остальных 200 тысяч человек сохранить своё слепое и тупое повиновение, — не солдат и не человек, он хорошо действующая машина, не больше!”

Адьютант Паулюса Адам писал: “Я считаю, что в случае своевременной капитуляции могло спастись и после войны вернуться к своим семьям намного больше 100 тысяч солдат и офицеров”.

Рокоссовский, сожалея о том, что операция с ультиматумом провалилась, обычно очень сдержанный в своих мемуарах, с горечью воскликнул: “Сколько людям это сохранило бы жизнь!”

И снова первой в дело вступала 65-я армия. На командный пункт генерала Батова Рокоссовский прибыл, как всегда перед атакой, затемно. На той стороне уже колыхалось зарево, отблески полоску горизонта, — по целям, расположенным в глубине “котла”, работала дальняя бомбардировочная авиация генерала Голованова. Вскоре огненные столбы начали подниматься ближе — позиции немецкой артиллерии обрабатывала штурмовая авиация генерала Руденко. Ровно в 8:00 натянули шнуры артиллеристы Донского фронта; через пять минут огненный смерч начал крушить немецкую оборону

по всему периметру “котла”. Наибольшая плотность огня была достигнута на направлениях главных ударов. На северном участке, где наступала армия Батова, впервые в таком масштабе был применён новый метод огненного вала: артподготовка ещё шла, а атакующие пехотные подразделения, сопровождающие танки и противотанковая артиллерия уже шли вперёд, продвигаясь вслед за стеной артиллерийского огня.

Немцы дрались с отчаяньем обречённых. Многие из них, и солдаты, и офицеры, понимали, что это их последний бой. Рокоссовский, всматриваясь в лица бойцов, которым предстояло идти в атаку, с болью понимал, что многие из них через несколько часов погибнут от огня изготовившегося к обороне противника, не пожелавшего сложить оружие и знамёна.

Спротивление немцев оказалось действительно жестоким, а потери наступавших пехотных и танковых частей Донского фронта довольно ощутимыми.

Маршал потом вспоминал: “Непрерывные многодневные бои в суровых условиях утомили и наши войска. К тому же мы несли потери не только от вражеского огня, но и от холода.

Бойцы всё время находились под открытым небом, без возможности хотя бы время от времени отогреться. Потери личного состава увеличивались, а все источники, откуда мы раньше черпали пополнение, иссякли. Между тем сопротивление противника не уменьшалось, так как по мере сокращения занимаемой им территории уплотнялись его боевые порядки.

Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию. Пехоту мы в основном стали использовать лишь для закрепления захваченного рубежа.

Бывая часто на позициях, я видел, что собой представлял тогда боевой порядок наступавших войск. Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними пошелонно двигались орудия прямой наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехотинцев. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнём весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам. Время от времени обрушивались на противника залпы “катуш”. Штурмовая авиация даже в самых сложных условиях также старалась поддерживать действия нашей малочисленной пехоты, нанося удары по очагам сопротивления группами самолётов, а в туман — и одиночными самолётами”.

Двадцать шестого января “котёл” был расsecён встречными ударами северной и южной группировок Донского фронта. И снова, когда положение окружённых стало абсолютно губельным, появилась надежда на прекращение сопротивления. Но противник не сложил оружия и теперь.

Как писал впоследствии Рокоссовский, оставалось одно — “применить силу”.

Тридцать первого января южная группировка сталинградского “котла” прекратила своё существование. Её командующий генерал Фридрих Роске принял капитуляцию.

Накануне в штабе 6-й армии разыгрался финальный акт драмы сталинградского “котла”. Паулюс передал командование южной группировкой генерал-майору, командиру 71-й пехотной дивизии Фридриху Роске, и северной — генерал-полковнику Карлу Штрекеру. Именно тогда из Берлина в Сталинград поступила телефонограмма, её принёс Паулюсу начальник штаба генерал Артур Шмидт: “Господин генерал, поздравляю вас с производством в фельдмаршалы”. Вместе с выпиской из приказа о производстве в папке лежало поздравление от фюрера, оно было кратким: “Ещё ни один немецкий фельдмаршал не попадал в плен”. Фельдмаршал некоторое время держал лист в дрожащей руке и, наконец, сказал:

— Должно быть, это приглашение к самоубийству. Но я не доставлю им этого удовольствия.

Напротив входа в подвал полуразрушенного здания, где располагался штаб 6-й армии, уже стояла советская “тридцатьчетвёрка”, ствол её был опущен на уровень подвального помещения. Начались переговоры о сдаче.

Полковник Адам, который вместе с генералом Роске вёл переговоры о сдаче, впоследствии вспоминал: “Большой въезд в подвал был закрыт и охранялся часовым Красной Армии. Дежурный офицер разрешил мне с водителем пройти во двор, где стояли автомашины.

Поражённый, я остановился.

Советские и немецкие солдаты, ещё несколько часов назад стрелявшие друг в друга, во дворе мирно стояли рядом, держа оружие в руках или на ремне. Но как потрясающе разнился их внешний облик!

Немецкие солдаты — ободранные, в тонких шинелях поверх обветшалой форменной одежды, худые, как скелеты, истощённые до полусмерти фигуры с запавшими, небритыми лицами. Солдаты Красной Армии — сытые, полные сил, в прекрасном зимнем обмундировании. Я вспомнил о цепях счастья и несчастья, которые не давали мне покоя прошлой ночью.

Внешний облик солдат Красной Армии казался мне символичным — это был облик победителя. Глубоко взволнован был я и другим обстоятельством. наших солдат не били и тем более не расстреливали. Советские солдаты среди развалин своего разрушенного немцами города вытаскивали из карманов и предлагали немецким солдатам, этим полутрупам, свой кусок хлеба, папиросы и махорку. Ровно в 9 часов прибыл начальник штаба советской 64-й армии, чтобы забрать командующего разбитой немецкой 6-й армии и его штаб”.

Вначале пленного фельдмаршала допросил командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов:

— Вас пленили части Шестьдесят четвёртой армии, которые дрались с вами начиная от Дона и кончая Сталинградом. Жизнь, безопасность, мундир и ордена вам сохраняются. Части Шестьдесят четвёртой армии это гарантируют. Господин фельдмаршал, прошу мне сообщить о причине неприятия ультиматума командующего Донским фронтом генерал-полковника товарища Рокоссовского, когда было предложено вам сложить оружие.

Паулюс ответил:

— Русский генерал поступил бы так же, как и я. Я имел приказ драться и не должен был нарушать этого приказа.

Из штаба генерала Шумилова Паулюса и его ближайших офицеров повезли в штаб Донского фронта.

Любопытные воспоминания оставил Лев Безыменский, в те дни военный переводчик разведотдела штаба Донского фронта: “Как это часто бывает, большое и серьёзное событие началось с комического эпизода. Когда телеграфный аппарат на узле связи штаба Донского фронта 25 января 1943 года принял сообщение о пленении первого немецкого генерала из состава окружённой у Волги 6-й немецкой армии, этому сообщению никто не поверил. Не потому, что кто-либо сомневался в факте пленения немецкого генерала. Наступление по плану “Кольцо” проводилось войсками Донского фронта уже пятнадцатый день, и было ясно, что рано или поздно генералы германского вермахта попадут в плен. Дело было не в том. Удивление вызвала фамилия командира 297-й немецкой пехотной дивизии: Драббер. Такого генерала, по всем данным, в окружённой группировке не было. Из штаба фронта в штаб армии пошла телеграмма с просьбой немедленно уточнить фамилию пленного. Через некоторое время пришёл ответ: не Драббер, а Дроббер. Дальше пришёл ещё вариант: не Дроббер, а Дробке. Наконец, когда офицеры штаба армии получили возможность лично допросить пленного генерала, то оказалось, что имя его — Мориц фон Дреббер. Выяснилось и другое обстоятельство: Дреббер получил генеральское звание за несколько дней до пленения и, разумеется, не числился в списке генералов 6-й армии.

Итак, в плен был взят первый немецкий генерал. В суматохе штабной работы, в непрерывном шуме аппаратов Бодо, которые принимали донесения от наступающих армий, как-то не было времени задуматься над значением этого факта. После долгих месяцев поражений, после горьких потерь, неимоверного напряжения сил мы как-то ещё не успели ощутить, что здесь, в волжских степях, война вступила в новую качественную стадию. И это обстоятельство “весомо, грубо, зримо” находило свое выражение в облике германских генералов, которые, начиная с 25 января, потянулись цепочкой

в деревню Заварыгино — туда, где находился штаб Донского фронта, которым командовал генерал-полковник Константин Константинович Рокоссовский.

Мориц фон Дреббер был первым пленным генералом, но не последним. Начиная с 25 января штабы армий Донского фронта каждый день докладывали о пленении огромных масс немецких солдат и офицеров. Немало было и генералов. Это создало для штаба фронта необычную задачу: как разместить пленных генералов? Деревушка Заварыгино, в которой находился штаб фронта, и без того была забита до отказа. Но по распоряжению начальника штаба фронта генерала М. С. Малинина комендант штаба полковник Якимович приступил к созданию необычного генеральского городка. Я был в числе офицеров разведотделов, выделенных в распоряжение Якимовича.

Несколько домиков было отведено специально для размещения пленных генералов 6-й армии. К ним то и дело подъезжали машины, из которых, сгорбившись и ежась от мороза, выходили люди с генеральскими погонами немецкой армии. Одежда их, правда, сильно отличалась от парадной. На головах генералов красовались меховые шапки самых невероятных фасонов, шеи были замотаны шарфами и совсем не по форме, руки были запрятаны в самодельные рукавицы.

31 января из штаба 64-й армии Донского фронта пришло сообщение, заставившее всех взволноваться: в плен взяты командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс, начальник его штаба генерал-лейтенант Артур Шмидт, первый адъютант полковник Адам и группа штабных офицеров. После недолгого допроса в штабе генерала Шумилова Паулюс был перевезён в штаб фронта в деревню Заварыгино, где ему был отведён отдельный домик.

Я мог наблюдать, как к этому домику подкатил огромный немецкий штабной автомобиль со штандартом командующего армией, и из него, слегка ссутулившись, вышел высокий человек в меховой шапке. Сразу бросилось в глаза, что лицо фельдмаршала беспрерывно подёргивалось. Нервный тик искажал лицо Паулюса, и он с ним с трудом боролся.

1 февраля 1943 года было очень холодным, как, впрочем, и все предыдущие дни. Поздно вечером 31 января комендант штаба Донского фронта полковник Якимович получил распоряжение доставить фельдмаршала Паулюса на первый допрос. На этот раз мы сели с полковником не в машину Паулюса, а в штабную “эмку” и поехали к домику Паулюса. Когда фельдмаршалу сообщили, что он сейчас предстанет перед лицом советского командования, черты его лица ещё более обострились. Не сказав ни единого слова, Паулюс стал медленно одеваться.

Расстояние было небольшим, и через несколько минут мы оказались у дома, где жил представитель Ставки Верховного командования генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов. Надо прямо сказать, что это помещение не было специально приспособлено для приёма фельдмаршалов. Обыкновенная изба, состоявшая из нескольких комнат, с очень тесной передней. Впрочем, Воронов решил корреспондентов не пускать на допрос. Исключение было сделано только для Романа Лазаревича Кармена — прославленного кинооператора. Ему и принадлежит единственный сохранившийся снимок допроса Паулюса.

Медленно переступая по ступенькам, фельдмаршал поднялся на крыльцо, вошёл в переднюю, разделся и, обратившись ко мне, спросил:

— Скажите, как мне различить Воронова и Рокоссовского?

Заглянув в комнату, я сориентировался и сказал, что Воронов будет сидеть в центре, а Рокоссовский — слева от него. Паулюс молча кивнул и вошёл в комнату. Перед ним сидели Воронов, Рокоссовский и переводчик, капитан Дятленко. Комната была пуста и, стоя у занавески входной двери, я по приказанию Н. Н. Воронова дал возможность Роману Кармену сделать свой снимок через моё плечо.

Допрос продолжался недолго. Воронов, который вёл беседу, предложил Паулюсу отдать продолжавшей драться группе немецких войск приказ прекратить военные действия, чтобы избежать напрасного кровопролития. Паулюс выслушал, тяжело вздохнул и отказался, сославшись на то, что он, мол,

военнопленный и его приказы недействительны. Воронов повторил своё предложение, подробно его обосновав. Нервное возбуждение Паулоса усилилось, левая часть его лица стала ещё чаще подёргиваться. Но когда Паулос заговорил, Рокоссовский и Воронов услышали всё тот же ответ.

После этого Воронов спросил Паулоса, какой режим питания ему установить, чтобы не нанести вреда его здоровью? Лицо пленного выразило крайнее удивление. Он ответил, что ему ничего особенного не надо, но он просит хорошо относиться к раненым и больным немецким солдатам и офицерам.

Воронов сказал:

— Советская армия гуманно относится к пленным. Но советские медицинские работники встретились с большими трудностями, ибо немецкий медицинский персонал бросил на произвол судьбы немецкие госпитали.

Паулос долго медлил с ответом и с трудом произнёс:

— Господин генерал, бывает на войне такое положение, когда приказы командования не исполняются...

После этого допрос был закончен. Паулос встал, вытянулся, отсалютовал советским генералам и, повернувшись к двери, вышел. Надев свою тяжёлую шинель, он собирался уже было выйти к машине, но внезапно обратился к полковнику Якимовичу:

— Господин полковник, не мог бы я пройти пешком до моего дома?

Якимович отвечал, что на улице очень холодно и что лучше бы поехать на машине. Когда я переводил эти слова, на лице Паулоса было написано явное желание настаивать на своей просьбе.

— Ну, что ж, — сказал Якимович, — если вам угодно...

Он доложил начальству. Согласие было получено. Мы вышли на улицу и молча двинулись по дороге втроём. Где-то зади шли конвоиры. Была морозная, звёздная ночь, совершенно тихая и спокойная. Снег скрипел под сапогами. И вдруг Паулос, повернувшись в мою сторону, сказал:

— Вы знаете, я много месяцев не видел звёздного неба”.

Финал этого отрывка, конечно же, трогателен, но отказ главного действующего лица сцены под звёздным небом в Зварыгине от возможности спасения своих солдат от смерти делает сцену чудовищной...

В воспоминаниях военного переводчика командующий Донского фронта странно пассивен. Он не задаёт пленному фельдмаршалу ни одного вопроса. Либо вопросы Рокоссовского показались Безыменскому столь малозначительными, что тот не счёл нужным включить их в текст.

У нас есть возможность сравнить воспоминания о той встрече с впечатлениями самого Рокоссовского: “В помещении, куда должны были привести Паулоса, находились мы с Вороновым и переводчик. Комната освещалась электрическим светом, мы сидели за небольшим столом и, нужно сказать, с интересом ожидали этой встречи. Наконец, открылась дверь, вошедший дежурный офицер доложил нам о прибытии военнопленного фельдмаршала и тут же, посторонившись, пропустил его в комнату.

Мы увидели высокого, худощавого и довольно стройного генерала, остановившегося навтыяжку перед нами. Мы пригласили его присесть к столу. На столе у нас были сигары и папиросы. Я предложил их фельдмаршалу, закурил и сам (Николай Николаевич не курил). Предложили Паулосу выпить стакан горячего чая. Он охотно согласился.

Наша беседа не носила характера допроса. Это был разговор на текущие темы, главным образом, о положении военнопленных солдат и офицеров. В самом начале фельдмаршал высказал надежду, что мы не заставим его отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению им присяги. Мы обещали таких вопросов не касаться. К концу беседы предложили Паулосу дать распоряжение подчинённым ему войскам, находившимся в северной группе, о прекращении бесцельного сопротивления. Он уклонился от этого, сославшись на то, что он как военнопленный не имеет права давать такое распоряжение. На этом закончилась наша первая встреча. Фельдмаршала увели в отведённое для него помещение, где были созданы приличные условия.

Северная группа не сложила оружия. Готовим по ней новый удар. Сразу после разговора с Паулосом я отправился на командный пункт командарма

Батова, взяв с собой Казакова и Орла. К рассвету мы были вместе с Батовым на его наблюдательном пункте, который располагался на железнодорожной насыпи. Отсюда прекрасно просматривалась впередилежащая местность.

Из докладов командующих армиями Чуйкова и Жадова явствовало, что их войска к действиям готовы и что противник не намерен сложить оружие. Что ж, придётся заставить его силой. А пока над полем боя воцарилась полная тишина. Не слышно было даже одиночных выстрелов”.

А дальше Рокоссовский, обычно сдержанный, рассказывая о 1 февраля, последнем ударе по северной группировке генерала Штрекера, дал волю чувствам: “Наступал рассвет, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайšie, расположенные позади нас артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные ряды реактивных минометов — “катюш”. Мне, старому коннику, они напомнили построенные для атаки развернутым фронтом кавалерийские эскадроны. Об этом я сказал Батову и другим товарищам. Они согласились: действительно, похоже”.

Как и в годы командирской юности, перед атакой он снова чувствовал себя в конном строю, в седле, как будто вот-вот, словно с небес, должна прозвучать команда: “Шашки вон! Пики — к бою! В атаку — марш-марш!”

Удар по северной группировке был ещё мощнее и сокрушительней. Сюда подтянули часть артиллерии, высвободившейся после ликвидации южной части “котла”. Самолёты 16-й воздушной армии тоже сконцентрировали свои удары по целям северной группировки. “Всё делалось так, — вспоминал маршал, — чтобы в предстоящем бою наши войска понесли как можно меньшие потери”.

Сразу после массированного авианалёта и артподготовки в дыму и копоти чёрного снега изготовившиеся к атаке войска увидели копошащиеся фигурки с белыми флагами.

Однако на отдельных участках сопротивление продолжалось ещё около суток. И только на следующий день сдача в плен остатков группы Штрекера приняла массовый характер.

Со сталинградской группировкой 6-й армии было покончено.

Победители начали делить трофеи.

История свидетельствует о том, что для многих из вчерашних героев, прошедших огонь и воду, а также сталинградские морозы и железные мете-ли, непреодолимыми оказались медные трубы...

Из сообщения 2-го отдела 3-го УНКВД СССР

в УОО НКВД СССР об отрицательных явлениях в частях Донского фронта

5 марта 1943 г.

В штабы армий и штаб фронта приходят донесения, одно из которых всегда исключает другое.

Зам. нач. отдела кадров Донфронта подполковник Николаенко говорит: “Мне приходится разбирать наградные материалы. Командиры дивизий вносят невероятную путаницу в эти дела. В частности, взятие хутора Вертячий приписывают себе несколько дивизий, в том числе 252-я, которая проходила стороной. Чудовищно разрослись споры генералов, мешающие созданию ясной картины военных действий и, в конечном итоге, мешающие ведению войны”.

В ряде случаев на Донфронте имело место зазнайство. Источник провёл несколько дней в штабе 62 армии, исключительно стойко дравшейся в Сталинграде. Однако у руководителей армии были настроения зазнайства. Генерал-лейтенант Гуров, член ВС, во всех разговорах подчёркивал, что только армии, бывшие в Сталинграде (62 и 64), могут считать себя защитниками Сталинграда. Эти настроения проявились на митинге в Сталинграде 4 февраля, где о Рокоссовском просто не упомянули.

Члены Военного совета 62 армии занимались восхвалением друг друга и нашли даже своего певца-писателя Николая Вирта, выступившего в “Правде” со статьями, которые в Москве писатели в шутку называют “Ум и мудрость Чуйкова”.

Начальник ПУ Донфронта генерал Галаджев говорил источнику:
“Я имею ряд сигналов, что ВС 62 армии презрительно относится к нам, штабу Донфронта. У генерала Гурова, видимо, закружилась голова от успехов, и это к добру не приведёт. Дело не в штабе фронта, не в отношении к отдельным лицам, а в отношении Гурова к самому себе”.

В этом свете некрасиво выглядит поведение ВС 62 по отношению к Герою Советского Союза генералу Родимцеву, командиру 13 гвардейской дивизии.

В своё время (осень 1942 г.) цензура разрешала писать о Родимцеве, так как он широко известен за границей. Материалы о Сталинграде шли, главным образом, из дивизии Родимцева, сыгравшей большую роль в спасении Сталинграда. Генерал-лейтенанты Чуйков и Гуров обиделись на это, Гуров прямо говорил источнику: *“Всю славу Сталинграда отдали Родимцеву”*. Вокруг Родимцева создали нездоровую атмосферу, пошли даже разговоры явно недостойные: *“Родимцев — генерал для газет, он ничего не сделал”* и т. д.

ВС 62 представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб ДФ телеграмму с отменой представления. Родимцев — почти единственный командир соединения, не награждённый за Сталинград.

Сам Родимцев говорил источнику:

“Вокруг моей дивизии идёт возня, которая ничего не стоит и не имеет оснований”.

Помощник т. Хрущёва, подполковник Гапочка, не бывший в последнее время в Сталинграде, видимо, со слов тех же командиров говорил источнику, что Родимцев зазнался.

Писатель К. Симонов, бывший недавно у командующего 64 армией генерал-лейтенанта Шумилова, рассказывает:

“Шумилов просто не может слышать имени Родимцева. Дело объясняется просто: генерал-лейтенант Чуйков, друг Шумилова, всеми силами старается зажать Родимцева, ревнуя его к его славе”.

Кинооператор Р. Кармен говорит:

“С Родимцевым делают странные вещи. Его хотят всячески принизить, хотя он как герой выходит за рамки обычного командира дивизии”.

В. Ильин”.

В дележе сталинградских трофеев наш герой не участвовал.

Но именно ему, как свидетельствует молва, достался главный трофей Сталинградской битвы: Паулюс передал Рокоссовскому своё личное оружие — пистолет. Как побеждённый — победителю.

Сталин тоже воздал должное одному из лучших своих полководцев. 15 января вышел указ о присвоении очередного воинского звания генерал-полковник. А 5 февраля Рокоссовский был награждён орденом Суворова 1-й степени.

В торжествах по случаю освобождения Сталинграда от немецких войск и победы на Волге Рокоссовский не участвовал. Такой высокой чести, так сказать, не был удостоен.

Слава победителя Паулюса не давала покоя многим генералам Сталинграда из числа “истинных сталинградцев”. Некоторые из них считали, что Рокоссовский пришёл фактически добывать зверя, когда тот был уже загнан в угол и положен на лопатки. Кстати, именно в том же будут упрекать потом Жукова, который придёт “на готовое” на 1-й Белорусский фронт “добывать зверя” в его “логове”.

Четвёртого февраля 1943 года в Сталинграде прошёл праздничный митинг. На нём выступили генералы Чуйков, Шумилов, Родимцев, Хрущёв, руководители города. Дольше всех выступал Хрущёв. В 1963 году на праздничном митинге по случаю 20-летия освобождения города на реке Царице Хрущёв снова выступит по-хозяйски пространно, “как главный участник этого события”. Город будет носить имя Волгограда, и табу на слово “Сталинград” с хрущёвской поры будет действовать долго. Не снято оно и доньяне.

Рокоссовский тем временем срочно убыл в Москву.

RODZINNY POLSKA!*

Историк группы армий “Центр” Вернер Хаупт о тех днях писал: “...под Минском бои ещё продолжались. В густых лесах и топких болотах восточнее города продолжали истекать кровью 28 дивизий и 350 000 их солдат. Силы группы армий “Центр” иссякли.

Хотя фельдмаршалу Моделю западнее Минска снова удалось создать линию обороны, на которой расположились 4-я, 5-я и 12-я танковые, 28-я егерская, 50-я и 170-я пехотные дивизии, вокруг которых собирались остатки разгромленных частей, но 8 июля пали Барановичи, 9 июля — Лида, 13 июля — Вильнюс, 16 июля — Гродно, а 28 июля — Брест.

Группа армий “Центр” снова стояла там, откуда 22 июня 1941 года отправилась в поход против Советского Союза.

Позади остались тысячи кладбищ с похороненными на них военнослужащими всех званий. Позади остались эшелоны с тысячами пленных, ехавших в неизвестность всё дальше на восток...

История группы армий “Центр”, наиболее мощного объединения немецких сухопутных войск, три года назад перешедшего советско-германскую границу, на этом завершилась”.

Ещё в начале июля, когда авангарды 48-й и 65-й армий дрались в районе Барановичей, формируя очередной “котёл”, Ставка утвердила план штаба 1-го Белорусского фронта на проведение Люблин-Брестской наступательной операции. По замыслу Рокоссовского, войска фронта должны были уничтожить люблинскую и брестскую группировки противника охватывающими ударами в обход Брестского укрепрайона с севера и с юга, а затем, продолжая наступать на варшавском направлении, выйти на рубеж реки Вислы.

Наступление началось 18 июля. Пять общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии обрушились на вновь созданную оборону противника. В те дни остатками группы армий “Центр” и резервами, срочно переброшенными на варшавское направление с других участков Восточного фронта, командовал “гений обороны” фельдмаршал Модель. Он заменил фельдмаршала Буша ещё 28 июня и прибыл в штаб группы армий в Лиду, чтобы остановить бегущие войска, собрать их на новой линии и остановить разразившуюся катастрофу. Модель прибыл в Белоруссию не один. В ближайшие же дни с южного и северного участков восточного фронта сюда начали стягиваться резервы. До 16 июля на латание дыр и ликвидацию в своей обороне образовавшихся брешей немцы перебросили в распоряжение Моделя 46 дивизий и четыре бригады. Среди них были также венгерские и французские части. Но ни Минск, ни Лиду, ни Барановичи новый командующий удержать не смог. Потому что гению обороны пришлось противостоять гению наступления.

Двадцатого июля в рамках Люблин-Брестской операции войска 1-го Белорусского фронта продолжали развивать наступление в направлениях Бельск — Брест — Холм. 61-я армия генерала Белова в этот день овладела Кобрином. 47-я армия генерала Гусева главными силами вышла на восточный берег реки Западный Буг и дивизиями левого крыла с ходу форсировала реку. 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова, снова переданная фронту Рокоссовского, захватила переправы в районе Опалина, успешно переправила на западный берег тяжёлое вооружение и технику и энергично расширяла плацдарм. 69-я армия генерала Колпакчи главными силами вышла к Западному Бугу и начала переправу.

Рокоссовский с офицерами штаба приехал на берег Западного Буга на одну из переправ в тот момент, когда реку гнедым, вороным и разномастным потоком переходила конница. Командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал Крюков подлетел к машине на пыльном коне, спешился и браво доложил.

* Родная Польша!

Маршал некоторое время смотрел на поток конницы, на то, как всадники умело и ловко управляли своими лошадьми и быстро выскакивали на песчаный западный берег. Некоторые — в простых армейских гимнастёрках, другие — в чёрных бешметах с газырями и все, несмотря на летнюю жару, — в кубанках, лихо, по-казацки сдвинутых на затылок. Кавалерия!

Всё это: конница, нескончаемым потоком текущая через Западный Буг, и пейзаж на той стороне реки, всколыхнули в маршале далёкое прошлое. Там, за рекой была уже *rodziny Polska*.

Ровно тридцать лет назад судьба унесла его, восемнадцатилетнего драгуна Каргопольского полка, из родной Польши вначале на фронт Первой мировой, потом — гражданской, затем — в далёкую Даурию, в Монголию и Китай. А теперь он возвращался сюда с огромным, миллионным войском в чине маршала уже другой страны.

Ни в мемуарах, ни в письмах семье, ни в воспоминаниях тех, кто в те дни был с ним рядом, Рокоссовский не оставил и следа того настроения, того душевного состояния, которое наверняка владело им. Что думал он, ступая на песчаный берег родной Польши?

Во втором эшелоне ударной группировки фронта шли части Первой Польской армии, в том числе и пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко. Ещё 6 мая 1943 года Государственный комитет обороны СССР издал постановление № 3294 “О формировании 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко”. Дивизия вскоре была сформирована в Селецких лагерях под Рязанью. Комплектовалась и обеспечивалась по гвардейским штатам РККА. Численность дивизии им. Тадеуша Костюшко — 14 800 человек. Формировалась по инициативе “Союза польских патриотов” исключительно из польских граждан СССР. Три полка и различные службы. Кроме того, в дивизию входил 1-й женский пехотный батальон им. Эмили Плятер. В стадии формирования находился танковый полк. Дивизию обмундировали в польскую униформу образца 1939 года. Однако знаки различия у неё появились свои. Кокардой стал “пястовский орёл”, близкий душе каждого этнического поляка. В 1955 году дивизию преобразуют в 1-ю Варшавскую механизированную дивизию Войска Польского. Первая польская армия 21 июля объединилась с партизанской Армией Людовой в единое Народное Войско Польское. Ради исторической правды надо заметить, что все воины Войска Польского, имевшие советское гражданство, пользовались всеми налоговыми и иными льготами наравне с солдатами и офицерами РККА: семьи военнослужащих получали пенсии и пособия, в том числе имели “право на получение дополнительной материальной помощи и на земельные участки под индивидуальные и коллективные огороды”. В Войске Польском не хватало офицеров, и Рокоссовский направил в их дивизии и полки советских офицеров.

Генералы же у поляков были свои — Зигмунд Берлинг, Александр Завадский, Кароль Сверчевский, Владислав Корчиц. Как вскоре убедился Рокоссовский, это были хорошие, опытные командиры, храбрые офицеры.

Первые бои частей Войска Польского показали их высокий боевой дух, но и выявили многие недостатки подготовки солдат. Опыт и навыки пришлось приобретать уже непосредственно в ходе наступления.

Двадцать третьего июля был взят Люблин. Первый крупный польский город, освобождённый Красной армией совместно с Войском Польским. Двумя днями раньше на освобождённой польской земле патриотически настроенные поляками создали “Польский комитет национального освобождения”, взявший на себя роль центрального исполнительного органа народной власти. Комитет тут же издал манифест:

“Поляки на родине и в эмиграции!
Поляки под немецким игом!
Соотечественники!

Пробил час освобождения. Польская армия вместе с Красной Армией перешла через Буг. Польский солдат сражается на своей родимой земле. Над истерзанной Польшей вновь реют бело-красные флаги...”

В день освобождения Люблина на Замковой площади собрались тысячи горожан. Начался митинг. Полякам объявили о создании “Польского комитета национального освобождения”. Состоялся парад Войска Польского. Поляки ликовали: “Мы ждали освобождения с востока и не ошиблись!” Когда слово дали командующему советскими войсками, высокому стройному маршалу, тот неожиданно заговорил по-польски. Толпа ликовала.

В те же дни командующий Армии Крайовой генерал Тадеуш Бур-Коморовский писал *свой* манифест: “В Польшу вступают Советы, одной из целей которых является ликвидация независимости Польши* или, по меньшей мере, политического подчинения её Советам после того, как у Польши отрежут восточные области. Без чёткого представления такого положения нельзя добиться мобилизации всех польских сил в политической кампании, которую мы должны вести против России и выиграть её. В этой кампании рассчитывать на помощь англосаксов мы можем только в том случае, если продемонстрируем решительную волю её выиграть и умело бросим на чашу весов все средства. Способы действия Советов будут разнообразными и очень гибкими, они могут выражаться как в грубой форме оккупации и террора, так и во внешне доброжелательном воздержании от вмешательства во внутренние польские дела при одновременном возбуждении части общества и распространении анархии сверху, чтобы потом вмешаться от имени части польского народа или для наведения порядка.

Нашим решением должно быть:

1. Не прекращать ни на минуту борьбы с немцами.
2. Духовно мобилизовать на борьбу против России всё общество в стране, не исключая те элементы, которые могли бы попасть под советское влияние и способствовать разложению единого польского фронта.
3. Преодолеть провокационную деятельность профашистской организации ОНР**, которая своими безответственными выступлениями может нарушить единство польского фронта, что можно представить как диверсию, такую желанную для Советов.
4. Оттянуть от Советов как можно больше польских элементов, которые уже находятся в их распоряжении и используются как польская карта в международной игре.
5. В случае попытки захвата Польши начать открытую борьбу против Советов”.

Это была другая Польша. И она встретила своих освободителей враждебно. Бур-Коморовский и его партия, как мы видим, при приближении Красной армии и Войска Польского к Варшаве призвали поляков ни много ни мало “на борьбу против России”.

Польская тема... Как запутана и трудна она!

В конце июля наши войска вели тяжёлые бои в Прибалтике и Восточной Пруссии. Южнее позиций наступающих армий Рокоссовского части 1-го Украинского фронта проводили Львовско-Сандомирскую наступательную операцию.

* О какой независимости Польши под немцами (с 1939 года) могла идти речь, когда в период оккупации исчезло даже само название – Польша. Оккупационные власти учредили “Генерал-губернаторство Польша”. По итогам Второй мировой войны Польша территориально значительно увеличилась за счёт раздела Восточной Пруссии – ей отошла большая часть этой земли. Польша не входила в число государств-победительниц, но, если иметь в виду территориальные приобретения, то фактически являлась именно таковым. При этом надо помнить, что огромное количество поляков воевало в рядах вермахта и СС. Исследователи называют цифру в 315 000 человек. Это значительно больше всего Войска Польского образца 1944 года, когда оно в составе 1-го Белорусского фронта вступило в дело под Варшавой. В советском плену к 1943 году оказалось 60 280 поляков, воевавших в германской армии. Часть их пошла на формирование польских дивизий Войска Польского.

** Праворадикальная партия “Народно-радикальный лагерь”. В начале 40-х годов ориентировалась на образец фашистской Италии. ОНР-Фаланга боролась за так называемый “католический тоталитаризм”. Во время оккупации Польши составляла группировку “Конфедерация народов”, входившую в Армию Крайову.

Армии 1-го Белорусского фронта, расправившись с окружённой брестской группировкой, продолжали атаковать на варшавском направлении, охватом польской столицы с юго-востока и юга. Однако сопротивление противника в какой-то момент стало непреодолимым.

Приведу хронику боёв в секторе войск Рокоссовского в канун Варшавского восстания и во время боёв повстанцев с немецким гарнизоном.

29 июля 1944 года

2-я танковая армия, обходя опорные пункты противника, наступала в направлении на Варшаву. Авангарды 69-й армии на подручных средствах форсировали Вислу и начали с боем расширять захваченные плацдармы. 28-я армия во взаимодействии с частями 70-й армии закончила ликвидацию последних очагов сопротивления окружённой группировки противника в районе западнее Бреста.

30 июля 1944 года

Войска продолжали наступление в направлениях Цехановец — Соколув-Подляски — Варшава. Имели продвижение на некоторых участках до 15 километров. 48-я армия овладела городом Бельск. Конно-механизированная группа продолжала упорные бои за город Седльце. 2-я танковая армия, наступая на варшавском направлении, овладела городом Отвоцк. 69-я армия вела бои на западном берегу Вислы, продолжая форсирование реки и расширение плацдармов.

В этот день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Рокоссовскому звания Героя Советского Союза.

31 июля 1944 года

Войска фронта продолжали наступление в направлениях Соколув-Подляски — Варшава. Конники 2-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели городом Седльце. 2-я танковая армия прорвалась к предместью Варшавы — Праге, — однако была отбита встречным контрударом сильной группировки противника (5 танковых и 2 пехотных дивизии). 3-й танковый корпус сдерживал противника, неоднократно контратаковавшего из района Праги. Сильные налёты авиации противника. 8-й гвардейский танковый корпус овладел городами Миньск-Мазовецкий — Окунев. 1-я Польская армия предприняла попытку форсирования Вислы, но под мощным огнём противника вынуждена была отойти на исходные. 69-я армия в течение дня вела напряжённые бои за расширение плацдармов на западном берегу Вислы.

1 августа 1944 года

Ударная группировка левого крыла 1-го Белорусского фронта вышла к Варшаве с юго-востока. 2-я танковая армия при подходе к предместью Варшавы — Праге — встретила ожесточённое сопротивление противника, занимавшего заранее подготовленные к обороне рубежи. 8-я гвардейская армия после непродолжительного артналёта в 6:00 приступила к форсированию Вислы и в течение дня смогла с боем овладеть плацдармом шириной 15 километров и глубиной 10. Части 69-й армии была контратакована превосходящими силами противника, оставили захваченные накануне плацдармы юго-восточнее Седльце и отошли на восточный берег Вислы.

2 августа 1944 года

Войска 1-го Белорусского фронта восточнее и южнее Соколув-Подляски продолжали наступление и продвинулись до 10 километров. 2-я танковая армия в районе северо-восточнее Варшавы отбивала контратаки противника. В результате напряжённого боя противнику удалось выбить части 2-й танковой армии из населённого пункта Зеленка, что в шести километрах северо-восточнее Праги. 8-я гвардейская армия Чуйкова вела тяжёлые бои по расширению плацдарма на западном берегу Вислы в районе восточнее Варки. 1-я Польская армия после неудачи при форсировании Вислы приводила себя в порядок и готовилась к новому броску на западный берег. Все плацдармы, занятые войсками Рокоссовского, подвергались мощным контратакам

противника. В этот день завершилась Люблин-Брестская операция. Её итог: войска 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж западнее Суража, Цехановеца, севернее Калишина, восточнее Праги (предместья Варшавы) и далее на юг по линии Вислы.

3 августа 1944 года

Противник, опираясь на мощный рубеж обороны, продолжил контратаки при поддержке танков и авиации. Варшавская группировка, усиленная частями танковых дивизий СС “Викинг” и “Мёртвая голова”, а также 19-й танковой дивизией и танковой дивизией “Герман Геринг”, предприняла контрнаступление против 2-й танковой армии и потеснила наши войска в юго-восточном направлении. Оставлены Воломин, Надажин, Оссув. На левом крыле — контратаки с целью потеснить наши войска, переправившиеся на западный берег Вислы, и ликвидировать плацдармы.

В это время в Варшаве уже вовсю польхало восстание.

1 августа 1944 года называют одной из самых загадочных страниц истории Второй мировой войны. До сих пор точно не установлено, что это было: стихия, спонтанный бунт, переросший в восстание, которое самоорганизовывалось по ходу своего развития, или же продуманная и тщательно спланированная операция, которая зашла в тупик по причине недалёковидности и ошибочных действий своих организаторов и вождей-командиров.

Первого августа ближе всех к Варшаве подошла 2-я танковая армия генерала А. И. Радзиевского. Танкисты дрались на подступах к варшавским предместьям, ещё не зная, что там, в городе, вспыхнуло восстание. Никакой увязки с наступающими советскими войсками руководство восстания не предусматривало, кроме сражения с “отступающими германскими войсками” перед угрозой наступающих советских войск. То есть очень по-польски сыграть свою партию, когда два пана дерутся...

В книге “Солдатский долг” Рокоссовский уделил теме Варшавы целую главу, которая так и называется — “Варшава”: “Как только наши войска вступили в Польшу, перед нами возникло много сложных вопросов. На освобождённой территории, а она простиралась уже до Вислы, находилось много польских вооружённых отрядов, сражавшихся с оккупантами. Здесь были Гвардия Людова, Армия Людова, Армия Крайова, Батальоны хлопские. Были и смешанные партизанские отряды, руководимые советскими офицерами, оказавшимися по разным причинам на вражеской территории. Эти группы состояли из людей различных политических направлений, но объединённых единой целью борьбы с общим врагом.

Теперь, с приходом наших войск, они получили возможность слиться в могучую силу.

Польское население относилось к Красной Армии тепло и приветливо. Видно было, что народ искренне радуется нашему приходу и старается сделать всё, чтобы ускорить изгнание фашистских оккупантов. По мере продвижения вперед 1-я польская армия быстро пополнялась добровольцами из местного населения. В неё вливались части из Гвардии Людовой, Армии Людовой и других сил Сопротивления. И только АК — Армия Крайова — упорно держалась в стороне. От первой же встречи с представителями этой организации у нас остался неприятный осадок. Получив данные, что в лесах севернее Люблина находится польское соединение, именующее себя 7-й дивизией АК, мы решили послать туда для связи нескольких штабных командиров. Встреча состоялась. Офицеры-аковцы, носившие польскую форму, держались надменно, отвергли предложение о взаимодействии в боях против немецко-фашистских войск, заявили, что АК подчиняется только распоряжениям польского лондонского правительства и его уполномоченным... Они так определили отношение к нам: “Против Красной Армии оружие применять не будем, но и никаких контактов иметь не хотим”. Весьма пикантная позиция!

В Люблине тем временем стал действовать центральный орган народной власти — Польский Комитет национального освобождения. Он взял на себя решение всех подобных щекотливых вопросов.

По приглашению польского правительства я побывал в Люблине. Познакомился с большинством членов нового правительства. Это были патриоты своей родины и революционеры-интернационалисты. Тяжёлое бремя пришлось им взвалить тогда на свои плечи, но товарищи не унывали и настроены были оптимистически. Мы присутствовали на параде частей 1-й польской армии и демонстрации трудящихся Люблина. С этого времени у нас с польским правительством установилась тесная связь.

2 августа наши разведывательные органы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание против немецко-фашистских оккупантов. Это известие сильно нас встревожило. Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Всё произошло настолько неожиданно, что мы терялись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью? Ведь, откровенно говоря, самым неудачным временем для начала восстания было именно то, в какое оно началось. Как будто руководители восстания нарочно выбрали время, чтобы потерпеть поражение... Вот такие мысли невольно лезли в голову. В это время 48-я и 65-я армии вели бои в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы (наше правое крыло было ослаблено уходом в резерв Ставки двух армий, а предстояло ещё, разгромив сильного противника, выйти к Нареву и овладеть плацдармами на его западном берегу). 70-я армия только что овладела Брестом и очищала район от остатков окружённых там немецких войск. 47-я армия вела бои в районе Седлеца фронтом на север. 2-я танковая армия, ввязавшись в бой на подступах к Праге (предместье Варшавы на восточном берегу Вислы), отражала контратаки танковых соединений противника. 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я форсировали Вислу южнее Варшавы у Магнушева и Пулавы, захватили и стали расширять плацдармы на её западном берегу — в этом состояла основная задача войск левого крыла, они могли и обязаны были её выполнить.

Вот таким было положение войск нашего фронта в момент, когда в столице Польши вспыхнуло восстание.

В своё время в западной печати нашлись злопыхатели, пытавшиеся обвинить войска 1-го Белорусского фронта, конечно, и меня как командующего в том, что мы якобы сознательно не поддержали варшавских повстанцев, обрекли их этим на гибель.

По своей глубине Белорусская операция не имеет себе равных. На правом крыле 1-го Белорусского фронта советские войска продвинулись более чем на 600 километров. Это стоило много сил и крови. Чтобы захватить Варшаву с её мощными укреплениями и многочисленным вражеским гарнизоном, требовалось время на пополнение и подготовку войск, подтягивание тылов. Но в те дни мы пошли бы на всё, чтобы поддержать восставших, объединить с ними наши усилия.

Но те, кто толкнул варшавян на восстание, не думали о соединении с приближавшимися войсками Советского Союза и польской армии. Они боялись этого. Они думали о другом: захватить в столице власть до прихода в Варшаву советских войск. Так приказывали господа из Лондона.

В своём могучем движении на запад, сметая все преграды на пути, войска нашего фронта перевыполнили свою задачу, захватив плацдармы для подготовки новой операции. Но чтобы начать её, требовалось время.

Да, Варшава была рядом — мы вели тяжёлые бои на подступах к Праге. Но каждый шаг давался с огромным трудом.

Я с группой офицеров побывал в сражавшейся здесь 2-й танковой армии. С наблюдательного пункта, расположенного на высокой заводской трубе, мы видели Варшаву. Город был в облаках дыма. Тут и там горели дома, вспыхивали разрывы бомб и снарядов. По всему чувствовалось, что в городе идёт бой.

Однако никакой связи с повстанцами мы пока не имели. Наши органы разведки старались связаться с ними любыми способами, но ничего не получалось”.

История с варшавским восстанием лишний раз напоминает старую истину о том, насколько грязное дело — политика. Вот и Рокоссовскому, этому

благородному рыцарю войны, пришлось почти оправдываться и перед историей, и перед поляками, и перед самим собой в том, что он тогда, в августе 1944 года, дрался честно, как солдат.

12 августа 1944 года

Войска 1-го Белорусского фронта снова пошли вперёд. Наступление развивалось в направлении Острув-Мазовецки — Бышкув. С тяжёлыми боями продвинулись до 8–15 километров. Противник по-прежнему атаковал порядки 8-й гвардейской армии Чуйкова, пытаясь сбить её с плацдарма. В ходе ожесточённых боёв части армии вынуждены были оставить населённые пункты Бронтин, Маленчин, Грабина, Ходков. Внезапной контратакой вновь возвращён Грабина.

13 августа 1944 года

В этот день сильнейшим контратакам подверглись войска соседнего 1-го Украинского фронта, проводившие Львовско-Сандомирскую наступательную операцию. Противник атаковал порядки 3-й гвардейской танковой и 13-й общевойсковой армий. Немцы впервые бросили в бой подразделение сверхмощных тяжёлых танков “Тигр-II”.

Войска 1-го Белорусского фронта действовали на прежних направлениях. Продвижение было незначительным. Потери велики.

16 августа 1944 года

Сильные контратаки противника юго-восточнее Тлуц. Бои ударной группировки 8-й гвардейской армии с целью расширения плацдарма южнее Пулавы. 70-я армия в результате контратак противника оставила населённые пункты Бальцеры, Куры, Дзенцелы и отошла на 1–2 километра.

В этот день Сталин писал Черчиллю: “...ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт. При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию...”

18 августа 1944 года

Войска правого крыла фронта, обнаружив отход противника, в 4:00 начали преследование в направлении Острув-Мазовецки, продвинувшись до 11 километров. На плацдарме с утра с новой силой вспыхнули бои; наши войска наступали юго-восточнее Варка и имели продвижение до 3 км.

19 августа 1944 года

В этот день войска соседнего 1-го Украинского фронта маршала Конева с трудом удерживали сформированный накануне “котёл” Сандомирской группировки противника. Немцы нанесли деблокирующий удар из района Ожарув силами танковых дивизий и пробили коридор к сандомирской группировке. Последствия удара удалось ликвидировать, попытка дальнейшего развития наступления была пресечена.

Тем временем и в последующие дни войска 1-го Белорусского фронта вели наступательные бои, имея продвижение 2–3 километра в сутки при больших потерях.

29 августа 1944 года

Рокоссовский отдал приказ войскам прекратить атаки и перейти к обороне.

Наступательный ресурс ударных армейских группировок был израсходован. Войска устали. Взять такой крупный город, как Варшава, превращённый немцами в мощнейшую крепость с разветвлённой системой обороны, охватывающей ближние и дальние окрестности, — такая задача оказалась для

войск 1-го Белорусского фронта просто непосильной. Опыт взятия и зачистки крупных городов Рокоссовский и его штаб имели немалый, вспомнить хотя бы Сталинград. Но там была принципиально иная ситуация: полное окружение частично деморализованных войск, угнетаемых холодом, голодным пайком и неизвестностью. Восстание в Варшаве наступавшим ни сил, ни средств не прибавляло. Восставшие на контакт ни со штабом фронта, ни со штабами армий не шли.

В один из дней августа Рокоссовский приехал на передовой наблюдательный пункт 2-й танковой армии. НП генерала Радзиевского был устроен на высокой заводской трубе. С неё и без стереотрубы и бинокля Варшава была видна как на ладони. Город горел. Пожары вспыхивали то там, то там. На улицах шёл бой.

26 августа 1944 года в Люблине Рокоссовский в беседе с английским журналистом Александром Вергом по поводу происходящего в Варшаве сказал: “Бур-Коморовский вместе со своими приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке, как тот клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завёрнутым в ковёр... Если бы здесь речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идёт о политической аванюре, и авантюра эта будет стоить Польше сотни тысяч жизней. Это ужасающая трагедия, и сейчас всю вину за неё пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в нашей борьбе за освобождение Польши. Неужели же вы считаете, что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма”.

Это сказано в самый разгар боёв, в известном смысле в пылу, и потому, как мне кажется, заслуживает особого внимания и доверия.

Заграничный поход Красной армии начинался более чем сложно. Мало того, что растягивались коммуникации и надо было постоянно подтягивать тылы, но и базы приходилось устраивать в незнакомой местности, где действовали оставленные абвером агенты, диверсанты, разведчики, а также группы и целые формирования, которые к Красной армии относились враждебно. Украинские и белорусские националистические формирования, остатки бригады Каминского, всякого рода “бандеровцы”, “мельниковцы”, “бульбовцы”. Немцы, уходя, оставили им достаточные арсеналы оружия и боеприпасов, снаряжение, продовольствие. В лесах и горах были оборудованы базы, схроны. Как только Красная армия заняла западные области Украины и Белоруссии, националистические батальоны (курени) начали активно действовать по тылам советских войск — на дорогах, в населённых пунктах, на станциях и даже в городах.

7 сентября 1944 года

Части соседнего 1-го Украинского фронта завершили начатую 22 августа масштабную операцию по зачистке тылов от националистических формирований. Операцию осуществляли войска НКВД, пополненные бывшими партизанами-ковпаковцами и пограничниками. Поддерживали их три кавалерийских и мотоциклетных полка. Во время операции было ликвидировано 36 вооружённых отрядов УПА и других формирований, насчитывавших 4 315 человек.

8 сентября 1944 года

После зачистки тылов войска маршала Конева начали Восточно-Карпатскую наступательную операцию. Цель: разгромить немецкую группировку в Восточных Карпатах и оказать помощь Словацкому национальному восстанию. В какой-то мере войска маршала Конева оказались в схожем положении, с той лишь разницей, что за карпатскими перевалами Красную армию ждали восставшие словаки. Хотя, как вскоре выяснится, противостояния с немецкими войсками не выдержат и они.

В этот день авангарды 3-й Украинского фронта вступили в Болгарию.

Начался заграничный поход Красной армии. На начальном этапе этого похода самое ожесточённое сопротивление наши войска встретили в Восточной Пруссии и в Польше.

11 сентября 1944 года

47-я и 70-я армии, часть сил 1-й Польской армии при поддержке авиации 16-й воздушной армии вели бой на подступах к Варшаве с целью овладения предместьем Прага.

13 сентября 1944 года

В ночь на 13 сентября части 47-й армии, действуя восточнее Варшавы, ворвались в Прагу. Мосты через Вислу оказались взорванными противником. Все попытки с ходу переправиться на западный берег успехом не увенчались. Не удалось это сделать и разведгруппам.

Ночами самолёты По-2 начали сбрасывать в расположение повстанцев контейнеры с медикаментами, оружием, боеприпасами и продовольствием. До 2 октября, когда восстание капитулировало перед немецким гарнизоном, наша авиация произвела 4 821 самолёто-вылет. Половина из них — боевые.

Странно вели себя руководители восстания. Казалось бы, овладей мостами, и Красная армия ворвалась бы по ним в Варшаву. Тысячи жизней были бы спасены, а город не подвергся бы таким разрушениям.

В последнее время наблюдался буквально взрыв публикаций по поводу Варшавского восстания. Среди них множество версий, в том числе и такая: антифашистское восстание варшавян было спровоцировано и по существу управлялось гестапо. Немцам было выгодно превратить Польшу, её города и просторы в некую буферную зону, непроходимую для советских войск, застопорить их наступление, а самую значительную военную силу — Армию Крайову — сделать врагом Красной армии. Отчасти это получилось. Две силы столкнулись. Однако надо иметь в виду, что “гестаповская” версия — всего лишь версия.

Не зря фельдмаршала Моделя называли “гением обороны”. Варшавские ворота на Берлин для войск 1-го Белорусского фронта были заперты основательно и, как оказалось, надолго.

В ночь на 16 сентября батальоны генерала Берлинга 1-й Польской армии провели десантную операцию с целью форсирования Вислы и соединения с силами повстанцев в районе Чернякув в южных кварталах Варшавы. И тут происходит нечто, что затянуло узел ещё одной загадки восстания: за сутки до переправы, согласованной со штабом повстанцев, Бур-Коморовский сдаёт немцам единственный проход, соединявший район боёв с центром города и штабом Армии Крайовой. Об изменении ситуации ни в штаб 1-й Польской армии, ни в штаб 1-го Белорусского фронта никто не сообщил. В результате десантные группы пытаются высадиться на участки, занятые немецкими войсками. На командный пункт 1-й Польской армии в район Зелена в Праге утром 16 сентября прибыли маршалы Рокоссовский и Жуков для координации действий наступающих частей и поддерживающих их авиации и артиллерии. С 16 до 19 сентября, пока шли атаки, на плацдарм было переправлено до шести батальонов 1-й Польской армии и красноармейцев. Выжившие потом вспоминали, что такой яростной схватки не знали ни до этой высадки, ни после неё. 22 сентября пал последний плацдарм. Поляки потеряли во время боёв за плацдармы 6 500 человек. Красная армия — около 10 000 человек.

Вскоре Бур-Коморовский начал переговоры с командующим боевой группы “Фон дем Бах” обергруппенфюрером СС Эрихом фон дем Бахом-Зелевски. Фон дем Бах-Зелевски, этнический кашуб*, убеждённый нацист, член НСДАП с 1930 года, участник “Ночи длинных ножей”, в начале войны против СССР занимавший пост высшего руководителя СС и полиции в окку-

* Кашубы — западнославянская народность, происходящая из древнеславянского племени поморян. Проживала на севере современной Польши.

пированных районах Центральной России и Белоруссии, отличался буквально садистской жестокостью в акциях, проводимых германскими оккупационными властями против местного населения занятых территорий и партизан. После массовых расстрелов и расправ в Риге, Минске, Могилёве и Брянских лесах он некоторое время провёл в психиатрической лечебнице в качестве пациента по причине сильного нервного расстройства и тяжёлой депрессии. Варшавское восстание он, к тому времени основательно подлечившись, подавлял с присущей ему энергией, изобретательностью и жестокостью. Карательные батальоны и немецкие войска, введённые в Старый город, разрезали кварталы на “повстанческие острова”, изолировали их и затем зачистили. Боевая группа “Фон дем Бах” насчитывала до 25 000 человек. В неё входили части дивизии “Герман Геринг”, охранный полк вермахта, зондерполк СС “Дирлевангер”, а также подразделения коллаборационистов — предателей из числа бывших советских военнослужащих и граждан, 5-й Кубанский казачий полк полковника Бондаренко, два батальона Восточно-мусульманского полка СС, сводный полк 29-й гренадерской (1-й Русской, сформированной на основе Бригады Каминского) дивизии СС под командованием майора Фролова. А также несколько батальонов Казачьего Стана, 631-й Украинский полицейский батальон “шутцманшафт”, впоследствии вошедший в дивизию СС “Галичина”, полицейские отряды и части, сформированные из уроженцев Галиции, считавших себя этническими украинцами, украинский Легион Самообороны (31-й батальон СД), 13-й Белорусский полицейский батальон. Многие солдаты, унтер-офицеры и офицеры этих и других формирований, участвовавших в подавлении восстания, были награждены Железными крестами.

Старый город пал 2 октября. Бур-Коморовский и фон дем Бах-Зелевски пожали друг другу руки (существует даже фотография, запечатлевшая это историческое мгновение), и около 17 000 повстанцев сложили оружие. Группы непокорных во главе с полковником К. Зиемски вышла с оружием через подземные каналы на окраины Варшавы и растворилась в окрестных лесах и пущах.

В 2009 году Бюро национальной безопасности Польши выпустило обширный доклад, опубликовав его сразу на многих языках мира, в том числе на русском и английском, в котором говорилось: “Цель повстанцев состояла не только в освобождении столицы Польши от армии Третьего рейха, но также в нарушении согласованного СССР, США и Великобританией в Тегеране в 1943 году разделения Европы”.

Ах, политика... Ах, политики... Ах, защитники целостности послевоенной Европы...

Вряд ли кто из варшавян в августе 1944 года вышел бы на баррикады, если бы им сказали, что они будут драться не за свою столицу и свою свободу, а будут умирать за “нарушение согласованного СССР, США и Великобританией в Тегеране...” ну, и так далее...

Долгое “стояние” перед Варшавой Рокоссовскому ещё аукнется. После войны. В Польше.

Хроника боёв свидетельствует об обратном: Рокоссовский не стоял перед своим родным городом, он пытался его освободить, атаковал, выскивая в обороне противника слабые места. Но слабых мест не оказалось. Модель прочно захлопнул перед Рокоссовским ворота на Берлин, свободно и удачно маневрировал моторизованными и танковыми резервами. Рокоссовский же таковых не имел после того, как в конце июля в боях на подступах к Варшаве фактически потерял два танковых корпуса. 3-й и 8-й гвардейские танковые корпуса были разбиты во встречном танковом сражении. В 3-м гвардейском корпусе погибли два командира танковых бригад, сгорели десятки экипажей. Корпус потерял 284 боевых машины. По немецким данным — на 53 бронеединицы больше. Большинство подбитых танков было отбуксировано в тыл, где ими тут же занялись передвижные ремонтно-механические мастерские. Однако в строй танки и САУ возвращались медленно. Рокоссовский был лишён подвижного резерва. Надо признать, что в какой-то период, пусть на непродолжительное время, Модель своего соперника переиграл.

23 сентября 1944 года

В телефонном разговоре с Верховным Главнокомандующим Рокоссовский решительно высказался за прекращение активных боевых действий в направлении Варшавы. Жуков его поддержал. Сталин с предложением маршалов согласился. 1-я Польская армия перешла к обороне на восточном берегу Вислы. С западного берега, с некоторых плацдармов были эвакуированы последние подразделения.

4 октября 1944 года

После часовой артподготовки противник нанёс мощный удар по порядкам 65-й армии. После ликвидации плацдармов в районе Праги немцы решили сбросить войска 1-го Белорусского фронта и с других плацдармов. На отдельных участках части 65-й армии были прижаты к берегу, и только своевременный и интенсивный огонь артиллерии, поставленной на прямую наводку на восточном берегу, спас пехоту от неминуемой гибели. Чтобы облегчить положение Батова и сохранить плацдармы, Рокоссовский ввёл в бой фронтовые средства усиления — истребительно-противотанковые дивизионы и банковые бригады. Отбив контратаку, Батов перегруппировал свои силы и после небольшой передышки при поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации провёл удачную атаку. Плацдарм был значительно расширен.

Бои в Польше с первого же дня приняли ожесточённый характер. Немцы сопротивлялись всё яростнее по мере приближения фронта к границам Рейха.

Бойцы на передовой, радуясь короткой передышке, играли на трофейных аккордеонах и пели частушки:

*Скоро Гитлеру могила,
Скоро лютому капут!
Рокоссовского машины
По Берлину побегут.*

Глава одиннадцатая

ВТОРОЙ БЕЛОРУССКИЙ

Войска приводили себя в порядок. Ремонтировали технику. Получали пополнение. Отдыхали. А штабы армий уже разрабатывали планы новых атак, которые складывались в предстоящую фронтовую операцию. Удар предполагалось нанести одновременно с двух плацдармов — с Пултуского на Нареве в обход Варшавы с севера и с Вислинских плацдармов в направлении на Познань с охватом Варшавы с юга.

Рокоссовский уже начал объезжать армии, чтобы проверить их готовность выполнить предстоящую задачу. Вечером 12 ноября он вернулся в штаб фронта из поездки на Пулавский плацдарм. Вскоре его позвали к телефону. Звонил Сталин. Разговор, который состоялся через минуту, изменил многое. Маршал вспоминал: “Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входят в общее западное направление, на котором будут действовать войска трёх фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в тёплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный Главнокомандующий.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

— Вот за это благодарю!

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения. Маршал Жуков тогда ещё не прибыл. Спустя некоторое время я решил встретиться с ним и попрощаться с товарищами.

Был как раз праздник артиллерии, и мы провели вечер в тесной командирской семье. Высказано было много пожеланий. Тепло распрощавшись с Георгием Константиновичем и со своими сослуживцами, в бодром настроении я вернулся во 2-й Белорусский фронт, будучи доволен, что не поддался соблазну и никого из своих сотрудников не потянул за собой. Я встретил достойных офицеров как в штабе 2-го Белорусского фронта, так и в управлении. Мы быстро сработались”.

Мемуары есть мемуары. Какое уж там “бодрое настроение”... Достаточно было одного взгляда на карту, чтобы понять, что его попросту убирают с берлинского, то есть главного направления. Рокоссовский был человеком сугубо военным, но и в сложностях кремлёвской политики к тому времени уже понимал многое. Да и собой владеть умел. Умел держать удар.

Свой командный пункт на новом месте Рокоссовский приказал перенести поближе к передовой, в лесной массив близ населённого пункта Длугоседло. Сапёры расчистили от мин и неразорвавшихся снарядов местность и дороги, отрыли землянки. Связисты тут же наладили связь. Конечно, обида досаждала, словно старая незажившая рана. Верховный был не просто талантливым, но и осторожным режиссёром, который просчитывал все возможные ходы наперёд. Берлин должен брать маршал с незапятнанной, так сказать, биографией. К тому же история с Варшавским восстанием, запутанная не столько сложностями военного характера, сколько политического, наверняка напомнила Сталину польское происхождение Рокоссовского...

Больше всего жаль было расставаться со своим штабом. Он создавал его всю войну, с лета 1941 года, с Ярцева. Вначале это был штаб армейской группы, потом армии, а затем фронта. Подмосковье, Сталинград, Курск, Днепр, Белоруссия, Висла...

Вскоре следом за своим командующим на новое место службы прибыл его заместитель генерал-полковник К. П. Трубников. “Это произошло без моего ведома, — вспоминал маршал, — Кузьма Петрович Трубников хороший, опытный командир и замечательный человек”.

Только-только успел принять дела и хозяйство нового фронта, вызвали в Ставку. Сталин лично ставил задачу 1-му и 2-му Белорусским фронтам. 28 ноября Рокоссовскому вручили директиву: “Перейти в наступление и разгромить Млавскую группировку противника, не позднее 10—11 дня наступления овладеть рубежом Мышинец — Вилленберг — Найденбург — Дзялдово — Бежунь — Бельск — Плоцк и в дальнейшем наступать в общем направлении на Нове-Място — Мариенбург. Главный удар нанести с рожанского плацдарма силами четырёх общевойсковых армий, одной танковой армии, одного танкового и одного механизированного корпусов в общем направлении на

Пшасныш — Млава — Лидзбарк. Обеспечение главных сил с севера осуществит наступлением одной общевойсковой армии на Мышинец. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении на Насельск — Бельск. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту частью сил нанести удар в обход Модлина с запада”.

Теперь ему не брать и Варшавы, а лишь содействовать “в разгроме варшавской группировки противника 1-му Белорусскому фронту”...

Все эти месяцы боёв на подступах к городу детства и юности в Варшаве его ждала сестра Хелена. Впоследствии она вспоминала: “Уже перед самым Варшавским восстанием кто-то показал мне листовку, в которой говорилось, что Рокоссовский ведёт свои войска на Запад. Я не отдавала себе отчёт в том, насколько наша фамилия ненавистна немцам. Убедилась же в этом во время восстания. Во двор дома по ул. Сенаторской, 31, где мы работали, ворвались немцы. В этот момент одна из моих соседок позвала меня по фамилии. Это услышал немецкий офицер. Он подбежал ко мне и, выкрикивая — вместе с проклятиями — “Рокоссовска”, “Рокоссовска”, рукоятью пистолета ударил меня по голове. Я упала. От неминуемой смерти спасла меня оказавшаяся рядом санитарка, которая выгнала из моей сумочки “аусвайс” на вымышленную фамилию и, пользуясь знанием немецкого языка, показала его фашисту и объяснила, что ему просто послышалось. Реакция этого гитлеровца на фамилию “Рокоссовский” сильно удивила меня. В голове не уместилось, что наш Костик, которого я помнила молодым худеньким солдатиком, любимый брат, любимец семьи, доброжелательный и такой родной, мог стать таким известным и грозным человеком”.

Удивительно и другое: немцы хорошо знали, кто такой Рокоссовский, ещё по Сталинграду, а поляки, тщательно фильтровавшие информацию для своего народа, старались держать факт приближения армий своего соотечественника в тайне.

Хелена дожждётся своего брата. Но встреча их произойдёт чуть позже.

Уезжая из расположения 1-го Белорусского фронта, Рокоссовский простился не только со своим штабом и боевыми товарищами. Пришлось расстаться и с любимой. Галина Таланова была уже на восьмом месяце беременности. Родит она в январе. Госпиталь в то время уже перекочевал под Варшаву в городок Мензигец. Родится девочка, здоровенькая и красивая, и унаследует черты матери и отца.

Рокоссовский будет искренне счастлив. При первом же случае навестит Галину и дочь. Дочь назовут Надеждой.

Галина Васильевна любила искренне и нежно, и как всякая любящая женщина, знающая такую же ответную нежность, конечно же, лелеяла надежду. Надежда не оправдалась. После войны Рокоссовский вернётся в семью. Впоследствии Галина Васильевна рассказывала, что он сразу сказал ей, что он не сможет оставить ту, которая не отреклась от него в самые трудные дни его жизни, когда он находился в “Крестах”, под следствием.

Так и дошла Галина Васильевна со своей крошкой-дочуркой до Победы в составе 1-го Белорусского фронта. После войны вышла замуж за лётчика-испытателя Юлия Кудрявцева. У них родилась дочь Марина. Юлий Евгеньевич Кудрявцев удочерил и Надежду. В 1959 году он обратился к Рокоссовскому с просьбой дать своё согласие на удочерение. Надежда Константиновна носила фамилию отца — Рокоссовская. Маршал признал её, помогал и ей, и матери. Семья Кудрявцевых жила в Латвии. Но вскоре случилась трагедия — Юлий Кудрявцев погиб. Галина Васильевна с дочерьми вернулась в Москву. Устроилась на работу в Главный военный клинический госпиталь им. Н. Н. Бурденко.

Дочь Надежда Константиновна рассказывала: “Отец писал моей матери письма стихами. Я его практически не видела. Хорошо запомнился послевоенный эпизод, как мы с отцом выбирали вид спорта, которым я буду заниматься. Он сказал: “Что ты не умеешь вообще делать? В волейбол немного играешь. В баскетбол — тоже. А плавать не плаваешь”. Остановились на плавании. Позднее я даже выступала за сборную Латвии”.

В письмах Рокоссовский называл свою любимую “незабвенной соловушкой”. Надежда Константиновна их сохранила. Письма и много фотографий, очень личных и трогательных.

Потомки Рокоссовского сейчас общаются, сохраняя добрые, родственные отношения.

Но тогда, глубокой осенью 1944 года, до мира было ещё далеко.

Из воспоминаний маршала: “Нам предстояло наступать на северо-запад, Сталин предупредил, чтобы мы не обращали внимания на восточно-прусскую группировку противника: её разгром возлагается всецело на 3-й Белорусский фронт. Даже не упоминалось о взаимодействии между нами и нашим правым соседом (впоследствии, как известно, жизнь внесла поправку, и нам пришлось большую часть войск повернуть на север).

Особо предупреждалось о самом тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом. Мне запомнилась даже такая деталь: когда Сталин рассматривал нашу карту, он собственноручно красным карандашом вывел стрелу, направленную во фланг противнику. И тут же пояснил:

— Так вы поможете Жукову, если замедлится наступление войск 1-го Белорусского фронта.

В последующей беседе со мной Сталин ещё раз подчеркнул, что назначая я не на второстепенное, а на важнейшее направление, и высказал предположение, что именно трём фронтам — 1-му и 2-му Белорусским и 1-му Украинскому — предстоит закончить войну на Западе.

Там же, в Ставке, мне сообщили, что граница нашего фронта передвигается к югу до впадения Нарева в Вислу с переходом к нам войск, занимающих этот участок. Значит, 65-я армия генерала Батова будет с нами. Это меня очень обрадовало. С 65-й армией я не разлучался со Сталинграда и имел возможность много раз убедиться в превосходных боевых качествах её солдат, командиров и, конечно, прежде всего, самого Павла Ивановича Батова, смелого и талантливого военачальника. Отошла к нам и 70-я армия генерала В. С. Попова, с которой мы прошагали от Курской дуги до Нарева. Она сейчас оказалась крайней на левом крыле фронта на западном берегу Нарева, упиравшись своим левым флангом в Вислу. Командарм её — старый боевой генерал, в прошлом кавалерист, — армией командовал уверенно. Правда, порой он казался слишком флегматичным для кавалериста, которые всегда отличались напористостью, удалью, готовностью на самые рискованные действия. Василий Степанович был тяжеловат на подъём. Но зато, вдумчивый и упорный, начатое дело он всегда доводил до конца, хотя и приходилось его иногда поторапливать.

Из резерва Ставки в состав фронта вошли армии: 2-я Ударная генерала И. И. Федюнинского, 49-я генерала И. Т. Гришина (с ним я встретился впервые), 5-я гвардейская танковая генерала В. Т. Вольского, с которым мы были давно знакомы, ещё с 1930 года, когда он командовал кавалерийским полком в 7-й Самарской кавдивизии. Позже мы вместе служили в Забайкальской группе войск, где он возглавлял танковую бригаду. Это был прекрасный командарм, всесторонне развитый, высококультурный, тактичный и храбрый, что давало мне право за армию не беспокоиться: она была в надёжных руках.

Вместе с 3-й, 48-й и 50-й армиями, которые и раньше входили во 2-й Белорусский фронт, к началу операции в нашем распоряжении было семь общевойсковых армий, одна танковая, одна воздушная (ею командовал генерал К. А. Вершинин, уже тогда проявивший себя как крупный авиационный начальник, отличавшийся не только высокими организаторскими способностями, но и богатой творческой инициативой) и, кроме того, кавалерийский, танковый, механизированный корпуса и артиллерия прорыва. Силы были внушительные и соответствовали поставленной перед нами задаче.

Ширина полосы фронта, в пределах которой нам предстояло действовать, достигала 250 километров. Наши войска на всём этом пространстве делали вид, что заняты укреплением своих позиций в расчёте на длительную оборону, а фактически полным ходом готовились к наступлению.

Местность, на которой нам предстояло действовать, была весьма своеобразна. Правая её половина — от Августова до Ломжи — лесисто-озёрный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была левая половина участка фронта. Но и здесь на лёгкое продвижение рассчитывать не приходилось. Нам предстояло преодолеть многополосную оборону противника, укреплявшуюся на протяжении многих лет.

Восточная Пруссия всегда была для Германии трамплином, с которого она нападала на своих восточных соседей. А всякий разбойник, прежде чем отправиться в набег, старается обнести своё убежище прочным забором, чтобы в случае неудачи спрятаться здесь и спасти свою шкуру. На востоке Пруссии издревле совершенствовалась система крепостей — и как исходный рубеж для нападения, и как спасительная стена, если придётся обороняться. Теперь нам предстояло пробивать эту стену, возводившуюся веками. При подготовке к наступлению приходилось учитывать и крайне невыгодную для нас конфигурацию линии фронта: противник нависал над нашим правым флангом. Поскольку главный удар мы наносили на своём левом крыле, войска правого фланга должны были прикрывать главные силы от вероятного удара противника с севера и по мере их продвижения тоже перемещаться на запад. У нас уже сейчас правый фланг был сильно растянут, а что произойдёт, если наступление соседа замедлится? Тогда и вовсе наши войска здесь растянутся в нитку. Разграничительная линия с 3-м Белорусским фронтом у нас проходила с востока на запад: Августов — Хайльсберг. Ставка, по-видимому, рассчитывала на то, что войска соседа будут продвигаться равномерно с нашими. Но нас даже не оповестили, где командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский будет наносить свой главный удар. Повторяю, о нашем взаимодействии с правым соседом Ставка не обмолвилась ни словом, по-видимому, считая, что севернее нас никаких осложнений быть не может”.

Сталин торопил своих маршалов к Берлину. Американцы наступали в районе Меца. Английские войска подходили к Равенне. Американско-французские дивизии наступали по обе стороны Вогёз. С каждым боем, с каждым переходом и передислокацией союзных войск расстояние до Берлина сокращалось.

К наступлению готовились с особенной тщательностью. Штабы по настоянию Рокоссовского снова и снова отработывали все детали предстоящих действий. Командармов он настраивал на решительный, стремительный бросок.

— Важно, — настаивал комфронта, — чтобы наше наступление не вылилось в затяжные бои. Не дать возможности противнику планомерно отходить на заранее подготовленные рубежи.

Наставления фон Клаузевица были усвоены хорошо: “Преследование противника — второй акт победы, в большинстве случаев, более важный, чем первый”.

В дивизиях были созданы сильные отряды преследования и группы для действия ночью. Они имели задачу не позволить отходящему противнику оторваться от наших наступающих войск, даже если он попытается воспользоваться тёмным временем суток.

И вот наступило утро атаки. Рокоссовский с офицерами связи, как всегда, заблаговременно прибыл на передовой КП. Предполье затянуло густым низким туманом, лепил мокрый снег. Погода напоминала утро, когда начинали наступление под Сталинградом. Самолёты, даже для одиночных полётов, поднимать с аэродромов было невозможно, и атаку с воздуха Рокоссовский приказал отменить. Успех или неуспех предстоящего прорыва должны были решить артиллерия и, как всегда, пехота. Танковые корпуса и кавалерию Рокоссовский берёт для второго этапа наступления, чтобы ввести эти подвижные ударные части в прорыв.

Севернее 3-й Белорусский фронт генерала И. Д. Черняховского уже сутки атаковал немецкие позиции, обходя мазурские озёра в направлении на Кёнигсберг и к Балтийскому морю.

Южнее войска 1-го Белорусского фронта начали наступление с Магнушевского и Пулавского плацдармов, охватывая варшавскую группировку немцев.

Восемьдесят пять минут ствольная и реактивная артиллерия обрабатывали рубеж обороны противника. Плохая видимость мешала работе артиллеристов. Однако основные цели были определены и нанесены на карты заранее. Рокоссовский несколько раз подходил к стереотрубе — нет, ничего не видно. Вслед за огненным валом, который начал сдвигаться в глубину обороны противника, пошла пехота. Терпеливо ждали донесений о первых результатах атаки.

Рокоссовский никогда не торопил командармов с донесениями, не донимал их штабы телефонными звонками. Говорил: командармы опытные, знают, что делать, и когда будут первые результаты, позвонят сами.

Первые дни продвигались тяжело. Противник сидел в основательно устроенном укрепрайоне. Использовал старые инженерные сооружения бетонного типа. Успел модернизировать их под современное вооружение. Приходилось буквально вырубать, выкалывать вместе с бетонными глыбами его огневые точки при помощи орудий большого калибра. Артиллеристы подкапывали гаубицы на прямую наводку и в упор расстреливали железобетонные сооружения бункерного типа. Специальные штурмовые и инженерно-сапёрные отряды взрывали металлические колпаки, делали проходы в минных полях и заграждениях. Хорошо показала себя во время этих боёв штурмовая самоходная артиллерия. Тем не менее, продвижение оказалось незначительным — в первые сутки всего на 7–8 километров. На второй день немцы собрали всё, что имели, и контратаковали на направлении главного удара. “Гитлеровцы предпринимали контратаку за контратакой, — вспоминал маршал, — одна яростнее другой, но вынуждены были оставлять свои опорные пункты и оборонительные районы”.

Сила силу ломит. Фон Клаузевиц по этому поводу думал более конкретно: “Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть возможно более сильным; это значит, прежде всего, быть вообще сильным, а затем — и на решающем пункте”.

Решающий пункт вскоре определился. Удары с Сероцкого и Ружанского плацдармов слились в общий прорыв шириной в 60 километров.

На второй день позвонил сосед слева. Генерал Малинин, начальник штаба 1-го Белорусского фронта, в порядке обмена информацией доложил обстановку и положение своих войск на стыке. У Жукова уже определялся явный успех. Малинин закончил разговор такими словами:

— Что вы там топчетесь, наши танки уже подходят к Берлину!

Шутка оказалась удачной, действенной. В тот же день Рокоссовский ввёл в дело танковые корпуса на участках 48-й армии генерала Гусева, 2-й Ударной генерала Федюнинского и 65-й генерала Батова. К тому времени противник уже истощил свои силы и танкового удара не выдержал. Фронт был прорван на всю глубину, и войска устремились к Бромбергу, Груденцу и Мариенбургу. А сутки спустя, наращивая удар, комфронта ввёл в бой 5-ю гвардейскую танковую армию генерала Вольского. К исходу дня 18 января танкисты охватили Млавский укрепрайон и блокировали его группировку. Рокоссовский приказал Вольскому не останавливаться, гнать танки к морю. Тем временем армии Батова и Попова, продвигаясь вдоль северного берега Вислы, овладели городом-крепостью Модлин.

На шестой день, в связи с тем, что войска 2-го Белорусского фронта наступали с опережением графика, Ставка уточнила задачу. Ударные силы правого крыла предстояло повернуть на север, а левого — на запад, с целью овладения рубежом Эльбинг — Мариенбург — Торунь. В результате этого рывка войска Рокоссовского вышли к морю. Группировка немцев, сражавшихся в Восточной Пруссии, оказалась отрезанной от Германии. Но Рокоссовский окончательно понял, что в операции по штурму Берлина его войскам уже не участвовать. Направление ударов 2-го Белорусского фронта всё сильнее поворачивалось к северу.

Семнадцатого января снова позвонил Малинин. На этот раз он был краток: взята Варшава, город в руинах, жителей на улицах почти не видеть. У Рокоссовского сжалось сердце: Елена...

В эти же дни он получил известие о том, что его “соловушка” Галина Таланова родила дочь.

В Ялте шли приготовления к встрече лидеров стран антигитлеровской коалиции. Конференция состоялась в начале февраля 1945 года. Сталин, Рузвельт и Черчилль делили шкуру медведя, которого в самое ближайшее время должны были прикончить в Берлине русскими штыками. Устройство послевоенного мира, когда всю ещё гремела война, оказалось темой сложной. Но, пожалуй, самым трудным во время ялтинских переговоров оказался польский вопрос.

Возможно, именно поэтому Сталин и согласился на просьбу Эйзенхауэра в связи с трудностями союзников в районе Арденн наступательные действия фронтов начать на несколько дней раньше. Сталин торопил войска, направляя резервы 2-му и 3-му Белорусским фронтам, чтобы те управились и с группой армий “Висла”, оборонявшейся в Восточной Померании, и с Кёнигсбергом, и со всей Восточной Пруссией к началу переговоров. Правда, ни к началу ялтинской конференции, ни к концу её фронты не достигли полного разгрома северо-восточных группировок немцев. Тем не менее успехи оказались ошеломляющими и убедили ялтинских переговорщиков в главном. Прорыв Померанского вала, фактическое уничтожение группы армий “Висла” открывал для Красной армии прямой путь на Берлин; победы в Померании и в Восточной Пруссии устраняли угрозу флангового удара с севера по группировке войск, нацеленных на Берлин. Русские разложили свой пасьянс, и карты читались легко, они обещали скорую победу и окончание войны.

Устраивая послевоенный мир, Сталин уступил Польше Белостокское воеводство, но по праву победителя при разделе Восточной Пруссии буквально выхватил из рук союзников часть прусских земель, которые вскоре будут оформлены в Калининградскую область РСФСР.

В самый разгар боёв Ставка приказала Рокоссовскому передать Черняховскому для ликвидации восточно-прусской группировки противника правифланговые армии и некоторые подвижные соединения. Маневр Ставки объяснялся желанием наступать одновременно на двух направлениях — берлинском и кёнигсбергском. В Москве снова недооценивали силу противника. У Рокоссовского же этот маневр окончательно отнимал возможность ударить на Берлин с севера с одновременным охватом его с северо-запада.

После войны маршал размышлял по этому поводу так: “Восточно-Померанская операция для войск 2-го Белорусского фронта являлась продолжением начавшегося 14 января наступления трёх фронтов на западном направлении, а не вытекающей из Восточно-Прусской операции, как утверждают некоторые историки и мемуаристы... На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окружённой там группировки немецко-фашистских войск, а путём усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточнопрусской группировки (с передачей в состав 3-го Белорусского фронта четырёх армий 2-го Белорусского фронта в его составе оказалось 10 армий), а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удалённого от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным. Более того, это делалось за счёт ослабления войск 2-го Белорусского фронта, которому предстояло разгромить восточнопомеранскую группировку противника, что сделать оставшимися у него силами он не мог.

К этому времени противник сумел сосредоточить в Восточной Померании довольно крупные силы и, умело используя благоприятную для организации обороны местность, затормозил продвижение войск нашего фронта”.

Жуков уже вёл свои армии на Берлин. Ещё 10 февраля он доложил в Ставку о готовности войск к атаке. Наступление планировалось на 20 фев-

раля с Кюстринского плацдарма, захваченного на западном берегу Одера. Но в эти дни немцы начали масштабное контрнаступление в Померании — операцию *Sonnenwende* — “Солнцестояние”, — и Ставка вынуждена была часть сил передать от Жукова Рокоссовскому для отражения удара в Восточной Померании.

Сталин опасался коварства союзников, которые вполне могли в те дни высадить десант в Восточной Пруссии и принудить немецкую группировку к капитуляции. Картина войны и послевоенного мира могла бы в один миг значительно измениться.

Так что маршалы, глядя на оперативные карты, мыслили категориями людей сугубо военных. Вожди обязаны были учитывать и фактор ближайшей и долговременной политики. Их взгляды и планы часто не совпадали. По этому поводу фон Клаузевиц писал: “Военные должны подчиняться политикам”. Они и подчинялись, зачастую изменяя направление ударов и их силу.

В феврале к Рокоссовскому на фронт приехала жена Юлия Петровна. Семья воссоединилась. Двусмысленному существованию был положен конец. Штаб 2-го Белорусского фронта в те дни располагался в местечке Бродницы северо-западнее Варшавы. И Рокоссовский отправил своих порученцев в Варшаву разыскать сестру Хелену. С порученцами поехала Юлия Петровна. Она везла письмо брата сестре. Хелену они разыскали живой и здоровой. В письме Константин Константинович сообщал Хелене о смерти их старшей сестры Марии в 1915 или в 1916 годах, о других семейных новостях и просил приехать к нему безотлагательно.

Встреча брата и сестры, которые не виделись тридцать лет, произошла в конце февраля 1945 года. Все были счастливы. Впоследствии Рокоссовский, как мог, опекал младшую сестру, помогал ей. Приглашал на семейные торжества. И не только. Хелена была в числе гостей на торжественной встрече маршала Рокоссовского и фельдмаршала Монтомери. Приезжала в Москву на Парад Победы, среди почётных гостей присутствовала на торжественном обеде в Кремле. Во время торжества Рокоссовский представил её Сталину. Сталин был доволен: во-первых, тем, что его маршал, на которого он по-прежнему возлагал большие и теперь уже не только военные, но и политические надежды, ничего не таил от него, а, во-вторых, для осуществления той операции, которую он задумывал, польская родня, а тем более, варшавская, да с хорошей репутацией, могла только способствовать успеху задуманного.

В начале апреля, накануне последнего штурма Рокоссовского вызвали в Ставку. Несколько днями раньше Верховный принял маршалов Жукова и Конева. Обсуждали задачи последнего, решающего броска. После Восточно-Померанской операции войска фронта, наконец, поворачивали на запад, Ставка бросала армии Рокоссовского на берлинское направление. Но для этого войскам нужно было форсированным маршем пройти 300–350 километров пути и занять исходные районы. Такой марш — целая операция.

Из мемуаров Рокоссовского: “Разрабатывая Берлинскую операцию, советское командование учитывало сложившуюся к тому времени политическую и стратегическую обстановку. Несмотря на явный проигрыш войны, немецко-фашистское руководство ещё на что-то надеялось. Почти полностью прекратив действия против союзников, гитлеровцы создавали крупную группировку против советских войск. Гитлер и его окружение всё ещё рассчитывали на какие-то комбинации, которые могли бы их спасти. Надо было положить конец этим попыткам. Отсюда задача наших войск: как можно быстрее разгромить немецко-фашистскую группировку на берлинском направлении, овладеть германской столицей и выйти на реку Эльба.

Выполнение этой задачи возлагалось на три фронта: 1-й Белорусский, 1-й Украинский и 2-й Белорусский. В общих чертах операция должна была развиваться следующим образом. Удар в общем направлении на Берлин наносит 1-й Белорусский фронт, одновременно частью сил обходя город с севера; 1-й Украинский фронт наносит рассекающий удар южнее Берлина, обходя город с юга. Наш, 2-й Белорусский, наносит рассекающий удар севернее Берлина,

обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможных контрударов противника с севера, и ликвидирует все вражеские войска севернее Берлина, прижимая их к морю.

Начало операции устанавливалось Ставкой для войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 16 апреля, для нас — 20 апреля. (Для нас срок определён с учётом перегруппировки войск с востока на запад)”.

На исходе дня 19 апреля Рокоссовский позвонил по ВЧ Верховному. Докладил о готовности. В ответ услышал:

— Вы уверены в успехе, Константин Константинович?

По имени и отчеству Сталин начал называть его летом 1944 года, после операции “Багратион”. До него такой чести удостоивался только один человек из военных — Борис Михайлович Шапошников.

— Я уверен в своих войсках, товарищ Сталин. А они принесут успех.

Сталин поблагодарил и положил трубку.

Всю ночь перед общей атакой женский полк ночных бомбардировщиков 4-й воздушной армии обрабатывал позиции противника и его тылы. Позвонил Батов и неожиданно попросил, чтобы его дивизиям разрешили начать наступление на час раньше.

— К утру ветром нагоняет в пойму воду, — пояснил командарм, — уровень её поднимется. Это усложнит форсирование реки. А мои ребята уже там, за Вест-Одером, захватили несколько плацдармов. Противник начал их поджимать. Боюсь, до утра без поддержки не продержатся.

— Павел Иванович, уже не успеете, — взглянув на часы, сказал Рокоссовский. — Пока отгадите распоряжение, пока батальоны выйдут к берегу...

— Распоряжение уже отдано. Батальоны возле берега держат на плечах лодки... Жду, товарищ маршал, вашего разрешения.

Ай да Батов, подумал Рокоссовский, восхищаясь своим командармом, и сказал в трубку:

— Начинайте.

В ударную группировку фронта, кроме 65-й, входили 70-я армия генерала Попова и 49-я генерала Гришина.

Атаку Рокоссовский наблюдал с передового КП генерала Батова. После войны вспоминал: “Отсюда хорошо просматривалась на некоторых участках береговая полоса Вест-Одера, правда, не на большую глубину, потому что берег противника господствовал над нашим, но многое всё же можно было увидеть. В частности, мы наблюдали вражескую контратаку силой до батальона с семью танками. Она происходила на участке 37-й гвардейской стрелковой дивизии К. Е. Гребенника. Вскоре мы увидели, как все семь танков загорелись, подбитые орудиями прямой наводки, вражеская пехота побежала”.

Когда принесли текущую сводку, Рокоссовский, видя, что успех намечался в полосе наступления армии Батова, отдал приказ переправлять части 2-й Ударной в полосе наступления 65-й армии. Перевоска войск на западный берег сразу значительно ускорилась.

Затем поехал в расположение 70-й армии. Генерал Попов начал наступление чуть позже своего соседа. Но успех у него тоже намечался, и Василий Степанович полным ходом гнал свои войска на западный берег Вест-Одера.

Из воспоминаний маршала: “У Попова тоже был хорошо оборудованный наблюдательный пункт, с которого можно было следить за боевыми действиями, происходившими на довольно большом расстоянии”.

Войска армии приступили к форсированию реки под прикрытием артиллерийского огня. Артподготовка здесь началась несколько позже, чем у Батова, и продолжалась 60 минут. Переправа осуществлялась на широком фронте с помощью множества лодок, заранее подтянутых к восточному берегу Вест-Одера. Главный удар армия наносила на 4-километровом участке, создав плотность артиллерии до 200—220 орудий и миномётов на километр фронта. Под прикрытием артиллерийского огня вся масса наплавных средств одновременно устремилась к противоположному берегу. Все, кроме гребцов, вели огонь из пулемётов и ручного оружия.

Противник оказывал упорное сопротивление. По докладу командарма, за утро войска на плацдарме отбили свыше 16 вражеских контратак.

К нашему прибытию на западный берег Вест-Одера переправились 12 стрелковых батальонов с пулемётами, миномётами и несколькими 45-миллиметровыми орудиями. Противник, пользуясь недостатком на плацдарме артиллерии, донимал нашу пехоту танковыми атаками. Большую помощь пехотинцам в это время оказала авиация.

Бои были тяжёлые, люди дрались героически. Упорство, взаимная выручка и страстное стремление победить помогли им отразить все вражеские удары.

Нам довелось наблюдать работу сапёров. Работая по горло в ледяной воде среди разрывов снарядов и мин, они наводили переправу. Каждую секунду им грозила смерть, но люди понимали свой солдатский долг и думали об одном: помочь товарищам на западном берегу и этим приблизить победу.

Долг для них был превыше всего!

В огне и дыму я видел командиров и политработников. В этом аду они умели всё подчинить точному расчёту, поддержать организованность и строгий порядок.

Все командиры и политработники отвечали своему назначению. Своим мужеством они подавали пример и пользовались глубоким уважением среди подчинённых. Это чувствовалось везде.

Впервые мне пришлось видеть Попова в необычном для него состоянии. Он заметен нервничал и горячился. Причиной тому было то, что артиллерия не смогла подавить сильный опорный пункт в районе Грайфенхагена, напротив разрушенного моста через Вест-Одер. Огонь нескольких пулемётов и реактивных противотанковых гранатомётов (панцер-фауст) гитлеровцев долгое время не давал нашим частям продвинуться по дамбе и использовать её для переброски артиллерии и другой тяжёлой техники.

Командарм разыскал лиц, виновных в этом упущении. Наверное, крепко досталось бы товарищам. Пришлось мне вмешаться и немного успокоить расхолодившегося Василия Степановича. Кстати, дружной атакой пехоты, поддержанной лётчиками-штурмовиками, злополучный опорный пункт был обезврежен. Тут же на наших глазах сапёры подвели к дамбе понтоны. К концу дня на Ост-Одере действовали девять десантных и четыре паромные переправы и 50-тонный мост. По Вест-Одеру курсировали шесть паромов, буксируемые автомашинами-амфибиями. На западный берег стала прибывать артиллерия, столь необходимая войскам, сражавшимся на плацдарме”.

Генерала Гришина на его передовом КП Рокоссовский застал в крайне расстроенном состоянии. Именно на 49-ю армию Рокоссовский возлагал основные надежды по прорыву вражеской обороны. Она наступала на левом фланге фронта и взаимодействовала с правобланговыми частями 1-го Белорусского фронта. Предполагалось, что, используя выгодное положение, она нанесёт рассекающий удар по обороне 3-й танковой армии противника, отеснит его порядки на север и северо-запад под удары наступающей 70-й армии генерала Попова. Для обеспечения удара на рассечение генералу Гришину передали дополнительные части усиления.

Из-за плохо проведённой разведки артиллеристы ошибочно нанесли на карты вместо русла Вест-Одера один из каналов. В результате основная оборона перед 49-й армией практически не пострадала — артогонь пришёлся на незначительные силы немцев, оборонявшие канал. Когда же ударная группировка вышла к реке, с противоположного берега её встретил ураганный огонь. Батальоны залегли и начали окапываться. Генерал Гришин вёл перегруппировку сил для новой атаки, когда на КП прибыл комфронта с офицерами штаба. Рокоссовский выслушал доклад командарма. Стало очевидным: успеха здесь можно добиться лишь в том случае, если немцы начнут отход, опасаясь быть отрезанными наступающими частями соседнего 1-го Белорусского фронта и 70-й армии. Но если нажим ослабить, противник тут же перебросит свои резервы на атакованные участки, и тогда общий успех придётся оплачивать наибольшей кровью своих солдат и офицеров. И это — в конце войны.

Резервные части были переброшены на усиление и развитие удара 65-й армии. А 49-й только на следующий день с большими потерями удалось переправиться через реку и зацепиться за крошечные плацдармы. Немцы яростно контратаковали. Тем временем на участках 65-й и 70-й армий через

наведённые понтонные мосты шла переправа войск и тяжёлого вооружения. Теперь пехота наступала при поддержке противотанковых орудий, САУ и танков. Батальоны почувствовали себя увереннее и начали нажимать энергичней.

Из книги “Солдатский долг”: “К 25 апреля части 65-й и 70-й армий, подкреплённые фронтowymi средствами усиления, продвинулись до 8 километров, хотя Батову пришлось часть своих войск развернуть фронтом на север, против штеттинской группировки врага. Чтобы помочь ему, мы торопили Федюдинского с переброской на плацдарм двух его корпусов. Для этого ему были предоставлены переправы 65-й армии на её правом фланге.

70-я армия достигла рубежа Радехов — Петерсхаген — Гартц. Попов переправил на западный берег и свой армейский резерв — стрелковый корпус. Вечером по переправам 70-й армии направился на плацдарм 3-й гвардейский танковый корпус. Подтягивала к этим переправам главные силы в 49-я армия.

У командармов настроение было превосходное: они уже владели плацдармом 35 на 15 километров. Ещё немного — и войска прорвут вражескую оборону. Самое тяжёлое осталось позади. Перенесённые трудности забыты. Солдаты рвутся вперёд. И мы уже начинаем думать, как бы с ходу прорвать вражеский оборонительный рубеж на реке Рандов, не прибегая к сложным перегруппировкам. Решаем использовать для этого всю мощь авиации Вершинина. Все танковые корпуса подчиняем командармам. Предоставляем командармам полную инициативу в решении задачи. Основное — не дать противнику задержаться на этом, втором оборонительном рубеже.

Но чуть забрезжил рассвет, гитлеровцы снова начали контратаки на всём фронте нашей ударной группировки. Противник бросил значительную часть своих резервов: части 103-й бригады СС, 171-й противотанковой бригады, 549-ю пехотную дивизию из района Штеттина, 1-ю дивизию морской пехоты, прибывшую из района Штольпа, с участка 1-го Белорусского фронта, а также танкоистребительную бригаду “Фридрих”, почти целиком вооружённую панцер-фаустами и усиленную дивизионом штурмовых орудий.

Враг опоздал. К этому времени на западном берегу Вест-Одера мы имели силы, которые ничто не могло остановить. Там уже развернулись три корпуса 65-й армии — Алексеева, Эрастова и Чувакова — боевых, замечательных командиров. Рядом с ними сражались два корпуса армии Попова, а третий корпус тоже был готов вступить в бой. Заканчивали переправу 3-й гвардейский и 1-й гвардейский Донской танковые корпуса, возглавляемые талантливыми генералами А. П. Панфиловым и М. Ф. Пановым.

Все контратаки противника были отбиты, и войска 65-й и 70-й армий продолжали развивать прорыв. Контратаками противник лишь ослабил свои силы, понеся огромные потери и давая нам возможность на плечах его обращённых в бегство солдат продвигаться вперёд. К вечеру 25 апреля был завершён прорыв вражеской обороны на 20-километровом фронте. Наши войска подошли к реке Рандов. В результате боёв на западном берегу Одера были полностью разгромлены не только части, оборонявшие этот рубеж, но и все резервы, которые подбрасывал сюда противник.

Тем временем войска соседа слева — 1-го Белорусского фронта — уже завязали бои в Берлине, а правифланговыми соединениями охватывали германскую столицу с севера. Наше наступление не давало противнику возможности перебрасывать резервы к Берлину и тем способствовало успехам соседа.

С завершением форсирования Одера войска нашего фронта приступили к осуществлению маневра с целью охвата главных сил 3-й немецкой танковой армии с юга и юго-запада и лишения их возможности не только оказать содействие берлинской группировке, но и отойти на запад. 65-я армия с 1-м гвардейским танковым корпусом получает задачу ударами в северо-западном направлении прижать к морю все вражеские войска, действующие к северу-востоку от линии Штеттин — Нойбранденбург — Росток”.

Когда войска Рокоссовского кромсали остатки немецких дивизий и отдельных частей на побережье Балтийского моря, армии Жукова с большими потерями преодолевали внешний оборонительный обвод и, наконец, ворвались в Берлин. Завязались уличные бои. Дни и часы последней обороны

немцев, казалось, были сочтены, но советские танки продолжали гореть, а солдаты гибнуть.

На завершающем этапе боёв великолепно показала себя 49-я армия генерала Гришина. Главные её силы воспользовались переправами 70-й армии, энергично развернулись на западном берегу в боевой порядок и ударом во фланг смяли оборону противника и начали преследование отходящих и уклонившихся от боя частей.

Противник там и там вводил в дело резервы. Вначале это были батальоны, потом роты и отдельные отряды. Наступающие армии Рокоссовского просто-напросто сметали их со своего пути. Те, кто пытался противостоять с оружием в руках, уничтожались. Другие бросали оружие и поднимали руки...

Последний удар 2-го Белорусского фронта напомнил стремительный бросок кавалерийской лавы в момент, когда противник дрогнул, потерял строй и уверенность и показал наступающим спину. Сам маршал о тех завершающих атаках писал: «Войска всех армий фронта успешно развивали наступление. Начиная с 27 апреля враг уже не мог сколько-нибудь прочно закрепиться ни на одном рубеже. Началось стремительное преследование его отходящих частей, хотя они не упускали случая оказывать нам сопротивление.

Отступая, вражеские войска взрывали за собой мосты, минировали и разрушали дороги, пытались дать бой в каждом удобном для обороны населённом пункте. Но несмотря на это, скорость продвижения наших войск в сутки достигала 25–30 километров. Сметая все преграды на своём пути и уничтожая сопротивлявшегося врага, наши войска неудержимо продвигались вперёд. Вскоре 2-я Ударная армия Федюнинского и 65-я Батова, наступавшие в северо-западном направлении, уничтожив и [359] пленив отходившие перед ними вражеские части, достигли побережья Балтийского моря.

70-я армия Попова и 49-я Гришина столкнулись с резервами противника, выдвинутыми им в лесисто-озёрный район Нойштерлиц — Варен — Фюрстенберг. Здесь пытались закрепиться части 7-й немецкой танковой дивизии, переброшенные морем из района Данцигской бухты, 102-я дивизия особого назначения и пехотная дивизия «Шлягитер» из резерва главного командования, 5-я парашютная дивизия с западного фронта, а также остатки 25-й моторизованной, 5-й легкопехотной, 3-й морской, 156-й пехотной, 606-й особого назначения дивизий и фольксгренадёрского артиллерийского соединения, отошедшие в полосу наших войск под ударами правого крыла 1-го Белорусского фронта. Все эти вражеские части ударами войск Попова и Гришина при содействии танкового корпуса Панфилова и 8-го механизированного корпуса, а также авиации Вершинина были разгромлены, уничтожены, а остатки их пленены. Наступление 49-й и 70-й армий продолжалось безостановочно.

3 мая 3-й гвардейский танковый корпус Панфилова юго-западнее Висмара установил связь с передовыми частями 2-й британской армии.

4 мая вышли на разграничительную линию с союзниками и войска 70-й, 49-й армий, 8-го механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов (конники дошли до Эльбы). Части 19-й армии Романовского и 2-й Ударной Федюнинского ещё сутки вели бои — очищали от гитлеровцев острова Воллин, Узедом и Рюген. С овладением этими островами закончилась наступательная операция 2-го Белорусского фронта. Правда, приходилось ещё прочесывать отдельные районы, обезвреживать небольшие группы гитлеровцев, остававшиеся в тылу наших войск.

Много хлопот доставил нам датский остров Борнхольм, превращённый немецко-фашистским командованием в военно-морскую базу и перевалочный пункт для переброски за границу своих войск, застрявших на косе Хель, в районе Данцигской бухты, и на изолированных плацдармах в Курляндии. Наше предложение командующему немецкими войсками на острове генералу Вутману и его заместителю по морским делам капитану 1 ранга фон Кеметцу о капитуляции было отклонено. Пришлось приступить к высадке десанта. Две стрелковые дивизии 19-й армии были погружены на корабли. Организацию десантной операции я поручил начальнику оперативного управления штаба фронта генералу П. И. Котову-Легонькову, который действовал совме-

стно с командиром Кольбергской военно-морской базы. Нам всем тоже, конечно, пришлось приложить свои усилия. Впоследствии навалились заботы с обеспечением продовольствием и всем необходимым высаженных на Борнхольме наших войск. Балтийское море было засорено минами, которые ставили и немцы, и союзники. Документация отсутствовала, работы по тралению фарватеров только начинались. Каждый рейс к острову был сопряжён с большим риском. На Борнхольме было обезоружено и взято в плен свыше 12 тысяч немецких солдат и офицеров и захвачены большие военные трофеи. Между датским населением острова и нашими войсками с первого же дня установились дружеские отношения. Жители Борнхольма восторженно встретили своих освободителей”.

Седьмого мая состоялась встреча Рокоссовского с Главкомандующим британскими оккупационными войсками в германии фельдмаршалом Монтгомери. Вернувшись в штаб после встречи, Рокоссовский тут же доложил Сталину, что и эта операция проведена успешно. Доклад продублировал телефонограммой: “1. Сегодня, 7.5.45 г., в 12:00 в г. Висмаре состоялась моя встреча с фельдмаршалом Монтгомери.

С нашей стороны на этой встрече присутствовали: Субботин, Цанава, Боголюбов, Соколовский, Вершинин (4 ВА), Виноградов (разведчик фронта).

Со стороны англичан — девять генералов во главе с фельдмаршалом Монтгомери.

Для встречи был выстроен почётный караул и дан салют из 19 орудий.

Встреча прошла в дружеской обстановке и продолжалась два часа”.

Затем был ответный визит Монтгомери и британских генералов и офицеров. Об этой встрече союзников оставил воспоминания генерал Батов: “Вскоре после Дня Победы позвонил Рокоссовский:

— К нам приезжает Монтгомери. Имеешь желание видеть заморского гостя?

Вместе с Николаем Антоновичем Радецким выехали в 70-ю армию, где намечалась эта встреча.

Мы стояли в строю, а командующий вёл английского фельдмаршала, знакомя с людьми. Остановившись против меня, Рокоссовский сказал: “Вот генерал, армия которого открыла нам ворота через Одер”. Эта фраза через полчаса доставила нам с Радецким много хлопот. Англичане после Ла-Манша считали себя непревзойдёнными мастерами форсирования водных преград. Но они понимали, что такое Одер под Щецином, и засыпали нас вопросами: как было организовано форсирование? Может быть, имелись подводные танки или использовались большие воздушные десанты? Один из англичан, взглянув на мои орденские планки, увидел знак ордена Британской империи второй степени и спросил переводчика, за что генерал получил эту награду.

— Ему вручили её после Сталинградской битвы.

— О! — горячо воскликнул английский генерал. — Там было начало победы!

Английские коллеги восторженно говорили о русском солдате, о героизме нашего народа. Говорили, что гордятся своим великим союзником.

Потом остались только свои товарищи. Впервые после боёв за Одер мы собрались вместе. Кто-то сказал, что в Москве намечается парад Победы. По Красной площади пройдут сводные полки фронтов.

Вспоминали пройденный путь. Много хороших искренних слов было сказано в адрес командующего фронтом. Рокоссовский с весёлыми глазами стоял в кругу офицеров и генералов, слушал, потом махнул рукой и сказал: “Бросьте, товарищи, всё это. Что бы я мог сделать без всех вас...”

Когда машины англичан подъехали к ставке Рокоссовского, их встретил эскорт гвардейцев-кавалеристов. Генерал Осликовский по просьбе командующего отобрал для сопровождения лучших наездников. Сверкая на солнце обнажёнными клинками, всадники показали отличную выправку и гвардейскую удал. Англичане не скрывали своего восхищения. Когда въехали в ворота, оркестр грянул национальный гимн Великобритании.

Во время торжественного обеда Рокоссовский по праву хозяина произнёс первый тост:

— Я предлагаю поднять бокалы за организаторов наших побед, за руководителей, обеспечивших полный разгром гитлеровской Германии, — за Сталина, Черчилля и Рузвельта!

В США к тому времени был уже другой президент. Рокоссовский же, как честный солдат, подводил итоги долгой войны, и, не желая играть в дипломатию, назвал имя того, кто действительно внёс большой вклад в общую победу.

Монтгомери встал с ответным тостом:

— Мы начали наш путь с разных сторон Европы. Мы огнём пробивали себе дорогу и вот теперь встретились в центре Германии. Все эти годы испытаний англичане с восхищением следили за борьбой мужественного русского народа. Как солдат, мне не приходилось до сих пор видеть советского бойца. Сегодня я с ним встретился впервые и восхищён до глубины души.

С началом этой большой войны англичане, проживающие на своих островах, всё время видели, как росли замечательные военные руководители России. И одним из первых имён, которое я узнал, было имя маршала Рокоссовского. Если бы о нём не объявляло радио, я бы всё равно видел его славный путь по салютам в Москве.

Я сам пробил себе дорогу через Африку и был во многих боях. Но я думаю: то, что сделал я, не похоже на то, что сделал маршал Рокоссовский. Я предлагаю тост за маршала Рокоссовского!”

На той встрече рядом с Рокоссовским была его семья — жена Юлия Петровна и сестра Хелена. Обе сияли счастьем, видя своего родного Костика, окружённого почестями и славой.

Позже Хелена, вспоминая те встречи мая 1945 года с братом, признается, что он принимал награды и прочие почести как нечто обязательное, дополняющее его должность и мундир, но без пафоса и излишнего восторга, что излишнее и продолжительное внимание к его персоне брата тяготило.

Спустя два дня в Берлине у Бранденбургских ворот фельдмаршал Монтгомери вручил маршалам Жукову и Рокоссовскому британские рыцарские ордена. Жукову — Орден Бани степени Почётного Рыцаря Большого Креста. Рокоссовскому — Орден Бани Рыцаря-Командора. Маршалы Сталина на церемонии выглядели бравыми молодцами, в новеньких мундирах и высоких кавалерийских сапогах со шпорами. Сохранилась целая серия фотографий, на них Жуков буквально сияет — триумфатор; Рокоссовский, как всегда, сдержан и непроницаем. Выправка — безупречная.

ОЛЕГ МОШНИКОВ

НЕБЕСНОЕ КОЛЕСО

ЗАОНЕЖЬЕ

Деревенька, согретая летечком юным,
Городскую родню зазывает к себе...
Поднялись медосборные травы в июне.
Закачались кижанки в озёрной губе.

Вдоль дороги —
 копёшек поджарых стожары...
Но тяжёл для венцов глухозимия снег:
Средь домов нежилых —
 то разор, то пожары;
Опустела Сенная — до ста человек.

Да и то большинство
 приезжают на лето,
Погружаясь в седую духмяную тишь.
Разве ж звякнет Бурёнкино ботало где-то,
Да проснётся в простенке
 дремавшаямышь.

Семенит тишина — аки посуху, прямо, —
А за ней, догоняя карбас рыбака,
Всколыхнув отраженье сгоревшего храма,
Парусами в Онего плывут облака.

МОШНИКОВ Олег Эдуардович родился в 1964 году в г. Петрозаводске. По национальности вепс. В 1996 году окончил Ивановское пожарно-техническое училище. Подполковник внутренней службы в отставке. Член Союза писателей России. Автор трёх сборников стихов и двух книг прозы. Живёт в г. Петрозаводске.

НЕБЕСНОЕ КОЛЕСО

Сквозь листву тенистую блестело
Колесо, упавшее в зенит...
Уронив треух в копёшку сена,
На телеге Ляшенька сидит.

Кажется, сама везёт лошадка
Шаткий воз... Соседский мужичок
Хохотнул: “По шапке ли охапка?”
“Му ням-ням!” — талдычит дурачок,

Мол, корове сено, а не шапке!..
Понимает Ляшенька с трудом
Недалёким, безобидным, мягким,
Будто сноп рассыпанный, умом,

Что не шутят люди, люди судят
Колесо тяжёлое судьбы,
Зацепиться языками любят:
Кто, когда, зачем на свете был.

Но откуда Ляшенька — не помнят —
Появился в северном селе:
Кто пиджак подарит, где накормят,
А прогонят — будто сам себе

Улыбнётся Ляшенька... Обидеть
Безответно могут и больней...
Слышал, возрождается обитель,
Недалече — Ляшенька при ней,

Что-то возит, строит и копает.
Поседел. И будто бы устал
Улыбаться встречным людям парень,
И меня сегодня не узнал...

Как давно я в Шелтозеро не был —
Колесо небесное летит!..
Сонное, осеннее Оного
Мне в глаза, как Ляшенька, глядит.

ЗА ПРЯЖЕЙ

Волшебный клубок за пеньками исчез...
А было доселе известное место!
За Пряжинским озером вырублен лес.
“Сработали ночью. А кто — неизвестно”...
Старатели чёрные всё перетрут,
Подмазав начальству, уладив вопросы.
Янтарные слёзы в расчёт не идут...
Взошли на угор величавые сосны —

До них по болотам, поди, доберись,
Тут надо вложиться, построить дорогу —
Налоги, аренда, таёжная жизнь...
А здесь на неделю работы, ей-богу! —
Под боком посёлка в лесу заночуй:
Чего лесовозы гонять без резона?

Тайга-то без края, бери — не хочу!
И, смотришь, всё с краю — пустынная зона.

Не заняты вырубки возле дорог
Посадками сосенок стройных, как раньше.
Цепляясь за редкий болотный лесок,
Осеннее солнце покатится дальше...
Во стылое поле теперь выходить,
Где снежно бывает и ягодно даже...
Где “чёрной” делянкой оборвана нить
Знакомой тропинки... из солнечной Пряжи.

* * *

Планида провинций сонных:
Застройки прямой разбег,
Пожарка, солдат бетонный —
Казалось, оно навек...

Отпели своё панели.
Закатан цветник в асфальт.
С фасадов вожди слетели
Под дружный вороний гвалт.

И тень тополей вдоль улиц
Погнали худой метлой!
Пеньками мечты проснулись,
Развеянною золой.

А после очнулись люди,
Ходившие, как во сне.
Стояли над ними судьбы,
Погибшие на войне.

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

ТАЮТ ТЁМНЫЕ ЛИКИ...

ГЕОЛОГ

Мне до тебя далеко.
Я тебя окликаю, как эхо.
Докричаться в уральском лесу нелегко
Посреди бурелома и снега.

Это может позволить себе ручей
Иль медведица с медвежонком.
А ты сейчас одинок и ничей,
И горечь в горле комом.

И твари летучие пьют кровь,
(Хотя бы их накормишь!)
И вспоминаешь любовь, как вор,
Рюкзак опустив на корни.

СПАСИ, ГОСПОДИ!

Ветер легко колышет шторы.
Уйти, зашториться, раствориться?
Но так глубоки небесные створки —
Не могу я ими напиться!

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Иванович родился в 1950 году в г. Молотов (ныне Пермь). Окончил Московский геологоразведочный институт, работал в Республике Коми, печатается в центральных изданиях с начала 70-х годов. Автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей России.

Потому, что люблю вас, облака,
И вас люблю, звёзды.
И не поднимается моя рука,
Чтобы вытереть нежданные слёзы.

А Господь, светлый, светлее света,
Будет всегда триединым.
А я на тебя налетел, как ветер,
И уснул, прислонясь к вершинам.

* * *

Сколько на земле пустых людей,
Которых сдувает ветер!
А я подхожу на выстрел, как зверь,
Потому что любимую встретил.

Я для тебя — один из всех.
Смотришь — земля пустая!
И прости единственный мой грех,
Что я — в тебе прорастаю!

* * *

Шапку снял и поклонился:
— Здравствуй, матушка земля!
У меня в руках синица —
Нету в небе журавля!

Ходят, мёрзнут злые люди,
А рукам моим тепло,
И когда меня не будет,
Скажут люди: “Повезло!”

Будет петь моя синица,
Будет греть меня земля.
И плохого не случится —
Просто в жизни нет меня.

* * *

Словом злым меня обзови,
Растопчи, как цветок на дороге.
А я подниму лепесток головы
Поглядеть на твои ноги.

Суламифь,
Ромашка моя,
Как я завидую ветру!
Ему не стыдно тебя целовать,
Назло всему белому свету!

Когда развенчаны мои годы,
А вместо вёсел — цветы,
Мы плывём в одной лодке,
И где горизонт? — Нет черты!

СИРЕНЬ

Запах сирени в протоках ночи,
На лицах играет ночной свет.
И светимся мы до червоточин,
И цветки падают, как синий снег.

У тебя от любви набухают губы,
И ты целуешь, как влажный цветок.
И нас Господь не осудит, любящих,
А Своей рукой занавесит восток.

* * *

Не ромашки склонялись, когда уставал,
Не колокольчики шептали: “Успокойся, усни”.
А ты поднимала на меня глаза,
И твёрдо говорила мне: “Отдохни!”

Ты мудрая! Но так отдыхает рожь
Под ветром, который случаен и мил.
Ей, наверное, тоже, как мне, невтерпёж
Глядеть на тебя сквозь светлый мир.

* * *

Когда для тебя срывал цветы,
Не думал, что им больно.
И так пьянел от их красоты,
Что вырывал их с корнем.

А ты прижала букет к груди,
Ласкала, как ребёнка.
Знала — всё у нас впереди.
На стебельке тонком...

ТИШИНА

Глушь лохматого мрака,
Псы замолкли давно.
Кто-то тихо заплакал
И захлопнул окно.

НА МЕГРЕ

Ст. Куняеву

Не лепет на бумаге —
Лебединые крики.
Улетают овраги,
Тают тёмные лики.

Всё светло и спокойно,
Так люблю тебя, Родина!
Я тебя не достоин,
Потому что — свободен!

ОСЕНЬ

Деревянное чучело плачет на огороде,
Ничего не боятся залётные люди и птицы.
В дом заходят, иные порядки заводят,
Дружно песни поют, от которых ночами не спится.

Слава сумрачным дням и последнему, тёплому лету!
И случайным друзьям, у которых стальные объятия!
Слава женщине, ангелу, девочке, что стоит неприметно,
В развевающемся перед всеми платье.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

“ДИВИДЕНДЫ” СИРИИ: ДЕСЯТЬ СОМНЕНИЙ

С того момента, как Россия ввязалась в очередной ближневосточный конфликт и начала бомбить высокоточными дальнобойными ракетами Сирию, чтобы разгромить Исламское государство (ИГ), объявленное у нас террористической организацией, прошло много времени – более полугода. И политические дивиденды, видимые в краткосрочной перспективе, уже всем очевидны.

Во-первых, рейтинг президента Путина взлетел в России до небывалой отметки. Даже наиболее непримиримые его критики из либерального лагеря притихли, потому что понимают: пойти сегодня против Путина – значит пойти против народа, а это страшно.

Во-вторых, Россия утёрла нос Америке, показав, как надо воевать и побеждать.

В-третьих, мы показали всему миру величие наших вооружений, заставив многих задуматься о том, что с нами лучше дружить, чем ссориться. Особенно впечатлил запуск ракет с Каспия, поразивших цели на расстоянии 1500 км с точностью попадания до двух метров. Рост продаж русского оружия – лучшее тому подтверждение.

В-четвёртых, мы “лёгким движением руки” почти убрали с мировой повестки дня вопрос о принадлежности Крыма, а во многом и украинский вопрос, эту неприятную для нас занозу. Европа быстро сообразила, кто есть кто в мире реальной политики: известная французская энциклопедия “Ларусс” уже разместила Крым в составе России, а итальянский политический лидер Берлускони посетил полуостров, наплевав на протесты Украины. Политическая изоляция России сорвалась, некоторые европейцы заговорили об отмене санкций, удачно прошла встреча с Путиным в формате G-20, в том числе с Обамой, ничтожество Порошенко со всеми его претензиями воссияло во всей красе. . . Декларации Запада и лично Обамы о непризнании на века вечные нашего суверенитета над Крымом никак не влияют на фактическое положение дел.

В-пятых, внутри России усилился контроль над мигрантами из числа “этнических мусульман” (как выражается Гейдар Джемаль). Казачьи патрули на улицах Москвы и изменение тона СМИ – только видимая часть айсберга; на деле, конечно, у Патрушева и Бортникова забот очень сильно прибавилось, а у простых граждан появилась надежда на более осмысленную миграционную политику властей. Избави Бог нам повторить самоубийственный опыт Европы, который недаром стал одной из популярных тем на телевидении – в качестве страшилки, разумеется.

В-шестых... Впрочем, не стану подробно перечислять всё, что нам и так твердят со всех экранов и страниц СМИ. Я искренне рад за Путина и за Россию и горжусь всем, чем только можно гордиться в сложившихся обстоятельствах.

Однако взяться за перо меня заставила не радость с гордостью. Поговору-ка я лучше о тех тревогах и сомнениях, которые вызывает у меня не блестящая краткосрочная, а туманная отдалённая перспектива. Ведь не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет.

Тем более что я хочу высказаться с позиций науки этнополитики, которую у нас никогда и нигде не проходили, а потому даже присяжные обществоведы её не знают и не понимают. Не учитывают законов этнополитики, не выполняют её рекомендаций. В результате плодят ошибку за ошибкой во всех сферах, где присутствует этнический фактор.

Итак: что вызывает мои тревоги и сомнения? Что ждёт нас не в кратко-, а в долгосрочной перспективе?

* * *

Первое. Высшая сфера этнополитики – это глобальная борьба за мировое господство и связанная с нею битва цивилизаций. Что мы имеем с этой стороны?

Прежде всего, я уверен, что у нас в целом неправильно трактуют то, что происходит сегодня на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Официоз пишет об Исламском государстве как какой-то “террористической организации”. Это просто смешно!

Если упереться носом в карту, оно, может, и так, но стоит только посмотреть на дело с высоты птичьего полёта в больших масштабах времени и места, то сразу станет ясно, что перед нами очередная фаза полуторатысячелетнего конфликта трёх мегацивилизаций: западноевропейской, китайской и исламской*. Исламское государство – оно же новый халифат – это, в отличие от, скажем, Аль-Каиды, не какая-то “организация”, а попросту мечта о глобальном реванше всего исламского мира, задвинутого с XVIII века на историческую обочину. Возвращаясь мыслью к временам, когда халифы стремительно покоряли мир, создавая исламскую империю, а исламская наука и искусство (в том числе искусство жить) поражали свет своими достижениями, до которых диковатой Европе было очень далеко, мусульмане всего мира завидуют собственным восхитительным предкам и мечтают вернуть эти времена. А наблюдая бросающееся всем в глаза моральное падение европейской цивилизации и вырождение демократии в диктатуру меньшинств, отвергающую все естественные иерархии, они надеются дать миру нравственную альтернативу, которую несут с собой учение Пророка и законы шариата. Тем самым, они выступают в роли спасителей и благодетелей, очищающих мир от скверны. И в этом их трудно опровергнуть, ибо всё это слишком самоочевидно.

Мы, русские, и сами видим всё нынешнее нравственное недостоинство и самопредательство Запада. Все истинно европейские ценности, в которые влюблялись, с которыми отождествляли себя русские люди XVIII–XIX веков, сегодня преданы и извращены до собственной противоположности: послевоенная Европа, забывшая Бога, за последние семьдесят лет вывернулась наизнанку, как перчатка...

ИГ, таким образом, есть ещё и глобальный моральный проект, притягательный и порождающий надежду не только для мусульман, но и для многих разочарованных Западом европейцев (и не только европейцев).

Именно в этом секрет того молниеносного и цепкого успеха, с которым ИГ за считанные месяцы отхватило себе огромные территории и ресурсы, мобилизовало под свои знамёна миллионы мужчин и женщин из разных стран, толпами вербует смертников и подвесило на тонком волоске судьбу режимов в Сирии и Ираке. Это триумфальное шествие вполне объяснимо той бескорыстной и безоглядной поддержкой, которую исламский мир готов оказывать ИГ, исходя не из материальных, а из идеальных, мировоззренческих побуждений.

* Подробности в книге: Александр Севастьянов. Битва цивилизаций: секрет победы. М., “Книжный мир”, 2013.

Война между цивилизацией Ислама и цивилизацией Запада – это ни в каком смысле не наша, не русская война. Вступление в неё не имеет для нас морального оправдания. Ни у той, ни у другой стороны я не вижу ценностей, за которые мы должны сражаться и умирать, жертвовать своими детьми.

Но дело не только в этом. Войну стоит начинать, только если есть полная уверенность в победе. А есть ли она, а может ли она быть в данном случае?

Можно победить террористическую организацию, перебив её личный состав и лишив материальной базы. Но помогут ли бомбы и ракеты справиться с мечтой и надеждой, которые питают в мире примерно 1,75 млрд человек (если считать только мусульман)? Это первое из моих сомнений.

Второе. Кстати, о личном составе ИГ.

В системе этнополитических знаний на первом месте стоит всё определяющая этнодемографическая статистика. Что она гласит в данном случае?

Примерно каждый четвёртый житель Земли – мусульманин. Больше всего их проживает в Азии (1 млрд 179 млн), далее идут Африка (более 518 млн) и Европа (около 50 млн). Важно отметить, что удельный вес мусульман в мире неуклонно растёт год от года.

Особенно ярким примером демографического роста является Ближний Восток и Северная Африка, как раз те территории, где вспыхнула “арабская весна”, главным переходящая в истребительные войны. Конечно, нам не скинуть со счёта провоцирующую роль США, развязавших войну в Ираке и вдохновивших переворот в Ливии и бойню в Сирии. Но они сыграли лишь роль детонатора, поднесли, так сказать, спичку к костру, который сложился без их участия, сам собой. Судите сами.

Взять хоть те четыре страны, которые забурлили кровавым ключом весной 2013 года. В Египте среднегодовой прирост населения – 1,3 млн человек, в настоящее время плотность в долине Нила (остальное – пустыня) достигла 1700 чел/км². За годы правления Мубарака численность египтян возросла почти вдвое. В Тунисе с 1997 по 2010 год численность населения выросла с 9,218 до 10,6 млн человек (цифра кажется небольшой из-за огромной трудовой эмиграции, но молодёжи в избытке). В Ливии население выросло с 1961 года в четыре раза: с 1,4 до 5,7 млн человек. В Йемене ежегодный прирост – 3,8%, один из самых высоких в мире! Только за десять лет – с 1986 по 1996 год – население там выросло с 9,27 до 16 млн человек.

Сегодня на одну женщину в Марокко приходится 2,55 ребёнка, в Тунисе – 2,45, примерно столько же в Ливии и Мавритании, в Иране – 3,5, в Кувейте и ОАЭ рождаемость ещё выше, поскольку это поощряется правительством. Население исламских стран продолжает расти.

Весь секрет ближневосточного взрыва, новой арабской пассионарности – в этих цифрах, что уж тут говорить! Перед нами – типичный диалектический скачок, переход количества в качество.

Что происходит в любой биологической популяции от саранчи и леммингов до человека, когда её плотность перешагивает через некую критическую величину? Когда особи начинают ощущать всей своей шкурой: что-то стало слишком много на этой территории?

Тогда природа включает механизмы демографической регуляции, среди которых два основных: война и миграция. Это простой, но безусловный закон биологии. В очередной раз его действие мы видим на примере стран Ближнего Востока и Северной Африки. Но это вовсе не внутреннее дело названных стран: мы свидетельствуем только самое начало процесса. Если открыть перед этими людьми границы, они заселят весь белый мир, вытеснив и маргинализовав хозяев, как некогда турки греков в Константинополе-Стамбуле. А вот если наглухо закрыть границы, запереть мусульман в их естественном ареале разноможения, они начнут жестоко воевать друг с другом, начнётся война всех против всех.

Но второй вариант уже неосуществим. У европейцев не хватило ни ума, ни воли, ни силы, чтобы жёстко пресечь миграцию на территорию белой Европы. Поэтому, хоть Ближний Восток и лихорадит от междоусобиц, но главная война – война Запада с Исламом – впереди. Она выпала на наш век не случайно. Иного просто не дано. Я предсказал её ещё лет двадцать тому назад. Да она, собственно уже и идёт.

В этой войне будет трудно победить. Потому что на место очередной сотни тысяч убитых сторонников ИГ тут же встанет новая сотня тысяч бойцов,

воодушевлённых надеждой и мечтой. А то и две сотни тысяч. Перед нашими глазами пример Афганистана (я ещё не раз о нём вспомню): он непрерывно воюет уже около полувека, а население всё растёт! И пока оно растёт, пока афганцам есть, кем воевать, кого заправить в топку войны, они будут это делать, и война не прекратится. Победить Афганистан в такой ситуации нельзя. Это испытала Англия, испытал СССР, теперь испытывает Америка. . .

Но Афганистан – лишь показательная модель того мира (мира) и той войны, в которую втянулся Запад, а теперь впёрлись и мы. Как сменить данную модель? Я не вижу такой возможности.

Третье. За каждым глобальным проектом, за каждой цивилизационной системой всегда стоит некий этнос (вариант: этническая химера), имеющий определённого лидера. Если бы мир Ислама был единым, сплочённым, имел бы такого общепризнанного лидера (в лице вождя или организации, безразлично), у Запада не было бы вовсе шансов в этой войне. Или, в лучшем случае, с учётом его технических достижений, включая атомную бомбу, мог бы быть шанс на пиррову победу. В результате абсолютным лидером мира стал бы Китай, у России был бы шанс более или менее сохранить себя под китайским крылом в силу своей необходимости Китаю, а мир пошёл бы далее своей дорогой, но уже практически без участия европеоидов, которые почти исчезли бы как раса, если не спаслись бы в России.

Но мир Ислама показательно разрознён, политически и религиозно. И все попытки тех или иных субъектов истории взять на себя роль общеисламского лидера до сих пор проваливались одна за другой. С этой ролью не справился ни аятолла Хомейни, ни Саддам Хусейн, ни Муаммар Каддафи, ни Хосни Мубарак, ни саудиты. . . Но теперь появилось Исламское государство – неубиенный призрак, привлекательный не как личность (всегда исполненная недостатков), а как идеальный “светлый образ”, безотносительный к личности лидеров (недаром их много, а не кто-то один). И этот призрак стал влёгкую брать препону за препоной, во всех смыслах подминая под себя всё окрест.

Одна из причин этого в том, что проект ИГ ориентирован в основном на суннитов (напомню, что проект начался со сговора 13 именно суннитских организаций), а сунниты – это 83 процента всех мусульман, абсолютное большинство в мире. И это большинство, что вполне естественно, хочет воскрешения и триумфа халифата.

Это значит, что не только убийство рядовых солдатских масс противника ничего не даст в смысле победы, но даже и уничтожение лидеров, на место которых тут же встанут другие, как это было с полевыми командирами в Чечне. Это значит также, что тайные и явные сторонники ИГ будут расти, как грибы после дождя, везде, где проживают сунниты: в Европе, в Америке, в чёрной Африке. И, разумеется, в России, где сунниты в абсолютном большинстве среди местных мусульман.

Кто скажет сегодня, где и как эти сторонники проявятся, если конфликт примет затяжной характер (а на иное надеяться нельзя)? Если у меня есть сомнения в том, что США или Россия осмелятся применить атомное оружие на Ближнем Востоке или в Северной Африке, то сомнений в том, что сторонники ИГ рванут в Америке, Европе или России “грязную бомбу”, как только она у них появится, у меня нет. Или нанесут удар по атомным электростанциям и подобным объектам. Двумя миллиардами “неверных” станет меньше – подумаешь, проблема! А сгоревшие в атомном костре “верные” попадут к Аллаху в рай – тоже не беда!

Появление у мусульман “грязной бомбы” – это только вопрос времени. Если, конечно, в конфликт не втянется Пакистан, уже имеющий обычную, “чистую” атомную бомбу и тоже претендующий на роль всеисламского лидера.

Мне бы не хотелось, честно говоря, чтобы моя семья, дети, внуки попали под атомный удар. Никакие дивиденды из вышеперечисленных того не стоят.

Четвёртое. Продолжим тему битвы цивилизаций.

Мы по своей воле вошли в глобальную схватку между Исламом и Западом. Но выйти по своей воле из этой схватки мы не сможем. Как в том анекдоте: “– Ванька, я медведя поймал! – Ну, так тащи его сюда! – Дак он не пуцает!”

* Как мы знаем, недавно удалось пресечь попытку транзита обогащённого урана на Ближний Восток через Молдавию – хвала молдавской сигуранце! Но ведь это явно не последняя попытка. . .

“Маленькая победоносная война” не получится. Мы не сможем лихо отбомбиться, а потом встать в сторонке, ручки в брючки, и смотреть, чем там всё закончится. Даже если мы объявим мир и уйдём из Сирии, нам уже ни мира, ни прощения от исламского сообщества, чьё большинство мы восстановили и ожесточили против себя, я полагаю, в обозримом будущем не видать. Это прискорбно; для меня – вдвойне, поскольку я ещё с середины 1990-х опасался подобного развития событий и предостерегал против него. В тексте под названием “Живой щит, или Уловки Четвёртого Рима” (1996) я писал:

“Периодически над человечеством возвышается некое супергосударство, претендент на мировое господство. И столь же периодически находятся гигантские контингенты относительно обездоленных, низко стоящих по развитию людских масс, жаждущих “всё отнять и поделить”. Ирония истории состоит в неизбежности конечной победы тех, кому нечего терять и кто может приобрести весь мир, что они и делают. “Гунны” – условное понятие; это, по мне, может быть национальное явление, а может – и социальное. Именно “социальные гунны” разрушили некогда “*Rex Moscoviana*”, в то время как “*Rex Romana*” разрушили гунны национальные.

Сегодня на очереди “*Rex Americana*” – Западный мир, “золотой миллиард”, потребляющий 30% мировых ресурсов и выделяющий 40% мировых доходов. Эти ничтожные 5% населения Земли сегодня очень боятся новых гуннов. Полвека (и даже ещё лет десять) тому назад таких гуннов видели в нас. Сегодня ясно, что это уже не так: мусульманский мир и Китай – вот от кого трепещут нынешние лощманы и штурманы Западного мира. Особенно много страха и неприятностей уже давно мусульмане доставляют евреям, причём не только в Израиле, но и в их американской цитадели... Отсюда главная стратегическая задача Западного мира вообще, а еврейского Генштаба в особенности: не жалея средств, сделать всё возможное, чтобы отвести исламскую угрозу, перебросить её на другой объект. Поддерживая одной рукой христиан, а другой – мусульман в отдельных регионах мира (желательно подалее от Израиля и Америки), всеми силами добиваться того, чтобы конфликт между ними принял затяжной, а лучше – нескончаемый характер. Ливан, Афганистан, Югославия, Ирак, Карабах, Абхазия, Чечня, Таджикистан – вот те подмошки, на которых с успехом разыгрывается адский сценарий. В большую часть этих конфликтов Россия уже имела дурость втянуться. Её роль как антиисламского (а в будущем – антикитайского) щита Запада вырисовалась яснее некуда...”

Предостерегаю против союза России с США и Израилем против мусульман, я вполне чётко представлял себе: “Контурсы такого стратегического союза предельно ясны: “мы” будем умирать в боях с мусульманами, а “они” будут давать за то нашим правителям деньги и следить, чтобы мы не уклонились от боя. <...>

Однажды мы, “как послушные холопы”, уже держали щит “меж двух враждебных рас: монголов и Европы”. Не так давно мы ещё раз спасли Европу – от Гитлера. Не хватит ли? У нас больше нет людских ресурсов для выполнения подобных задач. Да и не наша это задача! “Четвёртый Рим” сам вытолкнул нас в разряд “третьего мира”. Сегодня наше место никак не в телохранителях Запада... Все наши распри с мусульманами должны быть покончены, всё, что усугубляет наши разногласия, – приглушено, оставлено”.

В те годы я пребывал в отчаянии: я видел, что Запад и Сион всеми силами и способами втягивают нас в войну с миром Ислама, а мы послушно идём у них на поводу напрямиком на бойню, начиная с безумной авантюры в Афганистане. Но при Советской власти мы, по крайней мере, занимали правильную позицию в ключевой точке мира: на Ближнем Востоке, где мы стояли спиной к Израилю (с которым у нас не было даже дипломатических отношений) и лицом к арабскому миру*. За это нам прощали, по большому счёту, даже Афган. Но в ельцинской России приоритеты поменялись на прямо противоположные, мы развернулись от арабов лицом к евреям и тут же получили в Чечне букет моджахедов из различных исламских стран. Всё развивалось по самому скверному сценарию, наполняя меня мрачными предчувствиями.

Но тут произошло чудо: вмешался Джордж Буш-младший, да живёт он вечно. Он вверг Америку в войну с Ираком, а потом ещё и с Афганистаном, переведя все стрелки мусульманской ненависти, агрессии и мести на Запад,

* Подробнее см. в моей статье “Ближневосточный конфликт – ключ к внешней политике России”. В кн.: Севастьянов А. Н. Время быть русским. М., 2004.

на США. Я был просто счастлив, я вздохнул спокойно! Россия была буквально спасена американским президентом, немным и прекрасным.

Нам был подарен шанс на выживание. Мы, слава Богу, получили возможность, пользуясь древнекитайской стратагемой, занять позицию мудрой обезьяны, которая с высокой горы наблюдает схватку двух тигров в долине.

Боюсь, этот шанс мы сегодня безвозвратно потеряли под фанфары. И теперь уже поздно рассуждать о том, как хорошо было бы нам оставаться над схваткой, — нам не вернуться в счастливое вчера. Инцидент с нашим Су-24, отнюдь не нечаянно сбитым турецким истребителем, красноречиво об этом говорит. Ведь Турция — тоже суннитская страна, претендующая на роль лидера в исламском мире. Её готовность поставить отношения с Россией на грань войны — роковой предупреждающий сигнал, но мы, боюсь, так и не поняли его значение. Между тем, налаженные было хорошие контакты с Турцией — едва ли не главное достижение российской дипломатии за минувшие четверть века. Но теперь о них придётся забыть. Надо понять: суннитская Турция не станет выбирать между солидарностью с миром Ислама и дружбой с Россией: такого выбора перед нею просто не стоит. Турция-друг осталась в прошлом. Неужели нас ждёт Турция-враг? Перспектива хуже не придумаешь...

Запад и Сион запрягли-таки нас в свою боевую колесницу, сбывлась их голубая мечта. Потирают довольно ручки и доморощенные либералы, которые, как, например, Григорий Явлинский, настоятельно требовали от России (и лично от Путина) взять на себя основные усилия по борьбе с ИГ. Эти наши внешние и внутренние “заклятые друзья” сегодня торжествуют: достаточно видеть на телеэкранах светящиеся довольством лики Евгения Сатановского или Авигдора Эскина.

Ввязавшись в войну с ИГ, мы оказали Западу такую же огромную услугу, переведя стрелки на себя, какую нам в своё время оказал Буш, переведя их на Америку.

Но значит ли это, что мы с Западом и Сионом теперь в одной лодке? Я так не думаю. С какой стати?

Не надеюсь я и на благодарность Запада за его спасение. У нас достаточно исторического опыта, чтобы не ожидать её, мы ведь не раз уже выступали в роли спасателей. Но что получили мы за то, что заслонили Европу от татар? Киевскую Русь, пользуясь её ослаблением, немедленно стали дериванить наши западные соседи. Что получили мы за разгром Наполеона? Крымскую войну, унизившую нас, поставившую на колени. За разгром Гитлера? Холодную войну, кончившуюся развалом СССР.

Нам люди Запада никогда не смогут простить нашей силы, а более всего — нашего великодушия и жертвенности. Не хватит ли спасти неблагодарных?

Увы... Мудрая обезьяна из нас не получилась, а что бывает с глупыми — об этом даже думать не хочется.

Пятое. Америка уже попробовала сама создать коалицию из стран Запада для разгрома Исламского государства. Успеха она не имела, преграду на пути ИГ создать не смогла.

Можно думать, что без вмешательства России война Запада с Исламом приняла бы затяжной характер, вплоть до полной безысходности или взаимоничтожения. Одна из главных причин тому — этнодемографический дисбаланс между противоборствующими сторонами. Об избыточном демографическом давлении в странах Ближнего Востока и Африки уже говорилось выше. Но надо помнить и о недостаточном демографическом давлении у европейских белых народов, в том числе у русских.

Дисбаланс — перепад демографического давления — ярко проявляется, в частности, в том, что мигранты-мусульмане заливают сегодня Европу потоком, всё сметающим на своём пути. При этом европейцы не могут и, к стыду своему, даже и не очень-то хотят выставить жёсткие заслоны этому потоку, развернуть его вспять. Они уже не сопротивляются своей гибели. У европейских народов произошло явное истощение витальных сил, атрофировался под воздействием разлагающей псевдодемократической и псевдогуманистической пропаганды здоровый инстинкт самосохранения и продолжения рода, они живо сгнивают, как поражённые проказой. В результате арабское население Франции приближается к 20% всех граждан, турецкое Германии — к 10%, в Голландии действует параллельная мусульманская полиция, в Англии — свыше четырёхсот (!) мусульманских организаций, и международный исламский центр находится в Лондоне. И это всё, не говоря уж о нелегальных мигрантах...

Перед нами – невоенное решение вполне военных задач. То, что мы видим, – это никакая не “миграция”. Это вторжение, нашествие, оккупация. Европа давно сдалась и стала данником третьего мира, с которым весь XX век так неосмотрительно заигрывала. И, что хуже всего, вся эта ситуация ежедневно давит на сознание европейцев, приближая их экзистенциальный крах.

Какие уж теперь из них вояки... Между тем, пассивность европейцев, их неспособность к сопротивлению объясняется без труда. Ведь пассионарность, подмеченная в народах Львом Гумилёвым, по поводу которой столько копий было сломано, – ларчик, который открывается просто. Это историческое свойство гиперактивности народа, возникающее и исчезающее “таинственным” образом (Гумилёв с отчаяния выдвигал гипотезу взеземого его происхождения), имеет полную разгадку в демографическом факторе. Пассионарность возникает у этноса исключительно в периоды демографического подъема и затухает в ходе демографического упадка. И никогда наоборот. Понятно в свете данного факта, почему мусульмане побеждают даже без войны, а европейцы проигрывают, уступают и отступают.

В итоге мусульмане давно стали фактором, серьёзно влияющим не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику европейских стран. Ещё не начав войны, Европа уже капитулировала, так что надеяться на скорую и убедительную победу ей не приходится.

Дело к тому же движется и в России. Чтобы спасти своё будущее, ей бы следовало, отбросив ложные европейские стандарты, запретить границу на крепкий замок, чтобы и мышь не прошмыгнула, и, во-первых, всемерно наращивать абсолютную и, главное, относительную численность русского народа – единственной скрепы и единственной надёжной защиты России, а во-вторых, планомерно снижать численность и удельный вес мусульманских диаспор. И уж ни в коем случае не давить и не душить своих сторожевых псов – русских националистов, как это до сих пор делал Кремль*.

А что мы видим вместо этого? По данным Международной организации мигрантов (МОМ), Россия вышла на второе место в мире после США по приёму гастарбайтеров, среди которых абсолютное большинство – этнические мусульмане...

Чем это всё может закончиться? Я напомию читателю, что Россия занимает одну восьмую часть суши и располагает несметными богатствами, как ископаемыми, так и вполне обычными, но всем жизненно необходимыми: воздухом, водой, землёй, лесом. А защищает всё это великолепие, все эти ценности первой необходимости всего лишь два процента населения земного шара. Вдумайтесь: два процента – против девяносто восьми, которые жаждали бы всё наше достояние “взять и поделить”! Из них более 25% – мусульмане, которым мы сегодня бросили непростительно дерзкий вызов...

Вновь напомию: мусульмане – не инопланетяне, они не только вокруг, но и внутри России. И вся беда в том, что мы попросту не сможем применить наши прекрасные и убедительные дальнебойные высокоточные ракеты по Нижнему Новгороду, Казани, Уфе, Грозному или Махачкале, или, не дай Бог, Москве. Как не могут применить их англичане по Лондону, немцы по Берлину или французы по Парижу. В результате чего эти мировые столицы уже оккупированы этническими мусульманами так, что внутренняя политика Англии, Франции, Германии и т. д. во многом зависит от приезжих. А скоро будет зависеть во всё...

Я не хотел бы, чтобы Россия повторила их путь.

Всем известные трагические события в Париже подтверждают сказанное и усугубляют мои сомнения. Ибо Москва столь же беззащитна, увы.

Шестое. У братьев Гримм есть всем известная сказка про волшебный горшочек, который, если его попросить, начинал варить кашу. И вот уже полон кашей горшочек, за ним вся кухня, дом, улица... А чтобы прекратить это безобразия, надо было, оказывается, чтобы кто-то крикнул: “Горшочек, больше не вари!”

* Разгромлены, лишены регистрации, распылены или запрещены как экстремистские все основные русские организации (Новая сила, НДП, ДПНИ, ЭПО “Русские” и др.), осуждены по уголовной статье, сидят в тюрьме или ожидают ареста основные русские лидеры (Белов, Боровиков, Крылов, Дёмушкин и др.). Не потеряла актуальности и опубликованная “Нашим современником” моя статья “Новая инквизиция” (№ 3, 2008), где приведены многие вопиющие примеры преследования Русского движения.

Горшочек сегодня варит на Ближнем Востоке и в Африке, где рождаемость такова, что человеческая каша уже переполнила родной дом и вывалилась на мировую улицу, заполняя области низкого демографического давления, как оно всегда в природе и бывает.

Однако демография, как сказано выше, есть фактор не только миграции, но и войны. И до тех пор, пока в странах Ислама будет такая рождаемость, как сегодня, надеяться и рассчитывать на прекращение войны нельзя. Этот костёр будет гореть, покуда вокруг достанет топлива.

Если правители народов Европы рассчитывают, что они снизят это давление, распахнув перед мигрантами ворота своих стран, они заблуждаются. Более того, своим милым, “человечным” (по отношению к приезжим, но бесчеловечным по отношению к своим народам) поведением они лишь провоцируют мусульман рожать ещё больше – ведь у детей будет шанс прилично устроиться в благополучных странах!

Европейцы не имеют возможности приказать горшочку больше не варить, это могут сделать только сами арабы (и др.). Но они этого, конечно же, делать не будут, поскольку давно осознали универсальность и действенность самого современного оружия массового поражения – половых органов человека, его репродуктивной системы. Нет, милости и пощады европейцам ждать не следует. Встан на путь капитуляции, они выпьют до дна чашу побеждённого.

А нам, коль скоро мы вступили в войну, надо понимать, что это не просто надолго, а едва ли не навсегда. На протяжении жизни пары поколений, как минимум, нам её завершения не видать. И что теперь надо сделать, чтобы выйти всерьёз из войны и отвратить её бесконечное продолжение для нас, я лично ума не приложу.

Единственный надёжный выход, который подсказывает логика, представляется неприемлемым с точки зрения современных правил политики и морали. У нас связаны руки, ограничены возможности. Прежде всего, потому, что по данному вопросу необходим консенсус между европеоидными народами, автохтонами Европы, а его-то нет и не предвидится.

Интересно, знает ли кто-нибудь, как разгадать этот секрет?

Седьмое. Исламское государство, как уже сказано, – глобальный мусульманский, суннитский по преимуществу проект. Поэтому довольно трудно надеяться на то, что мы-де сейчас разбомбим “террористическую организацию”, а всё остальное доделает армия Башара Асада, который восстановит в Сирии мир и порядок. Ибо основная опора Асада – алавиты – суть ничтожное меньшинство Сирии, которая, в своём большинстве, суннитская страна и к алавитам относится как к изгоям и неверным.

Впрочем, алавиты не близки также и шиитам, они никому на Востоке не близки, их все отторгают и презирают. Поскольку, во-первых, они не вполне мусульмане (во всяком случае, те их за своих не считают), а во-вторых, на них в XX веке опиралось колониальное французское правительство именно как на этнокласс изгоев, отторгаемых большинством, а потому служивших французам не за страх, а за совесть. Шииты, которым покровительствует Иран, лелеющий далеко идущие планы, мечтают, что алавиты будут свергнуты или сами уйдут, а они при поддержке Ирана и даже, возможно, Ирака (там США поставили-таки шиитов у власти) займут их место. Алавитам они не друзья, а лишь временные тактические союзники на почве вражды к суннитам.

Так что даже если за каждого убитого алавита противник расплатится тремя своими убитыми суннитами, этот баланс приведёт к исчезновению алавитов не только как правящего этнокласса, но и вообще как этногруппы, как субэтноса арабского мира. Ибо их человеческий ресурс ограничен и не может полноценно возобновляться. В то время как сирийские сунниты (и ИГ вообще) всё время получают человеческую подпитку из других стран и не рискуют даже превратиться в меньшинство.

Удачей для нас стало массивированное вхождение в войну курдов, заметно изменивших баланс сил в наиболее горячей точке в пользу Асада. Но тут же возник и вызванный этим противовес в лице турок, поскольку для них курды с их стремлением к независимому Курдистану – исконные неприятели. Благая разнице, однако, в том, что курды воюют на своей земле, а турок вынужденно сдерживает членство в НАТО и диктат Вашингтона, руки у них несвободны.

Постоянно меняющийся баланс сил в Сирии и вокруг неё – источник тревоги. Проблема в том, что, если мы Асада сольём или он просто не удержится

у власти, следующая власть, кто бы это ни был, нас непременно кинет в пользу США.

Восьмое. Кстати о турках. Турция, как уже сказано, претендует на роль лидера как в мире суннитского ислама, так и в тюркском мире. Но при этом её положение двойственно: она стоит одной ногой в Европе, а другой – в Азии, и это не только в географическом смысле. Являясь главным членом Тюркского союза (Турция, Казахстан, Киргизия, Азербайджан), она в то же время – член НАТО, формально даже участник анти-ИГИЛовской коалиции. При этом Турция все последние четверть века демонстрировала максимальное дружелюбие по отношению к России. Не говорю уж о турецких строителях, ширпотребе и продуктах, о наших “челноках” и туристах, но вспомним стратегически важные решения: газопровод “Турецкий поток”, признание Крыма российским, готовность прорвать экономическую, продовольственную блокаду Крыма... Эти важнейшие шаги были предприняты Анкарой (и лично Эрдоганом) вразрез с политикой Вашингтона. На какое-то время мне показалось, что в лице Турции мы обрели “своего человека” в НАТО. Я радовался такому успеху.

Всё рухнуло в один момент. Не надо большого ума, чтобы понимать, насколько встревожены были многие политические игроки мирового уровня нашим сближением с турками. Это и Вашингтон, и Запад в целом, и Армения, и Греция, и Израиль... Понятно, что они готовы были пойти на любую провокацию, чтобы сорвать этот процесс, желательно навсегда. И сорвали. К сожалению, к провокации оказались не готовы обе стороны.

А вот и свежая информация к размышлению: не успела Турция арестовать убийцу нашего лётчика (который до того ходил у турок в героях, нисколько не скрываясь), не успел Эрдоган выступить в Вашингтоне с заявлением о необходимости восстановить отношения с Россией, как в ответ на эти “опасные” (с точки зрения наших общих друзей) симптомы полыхнул новый конфликт в Нагорном Карабахе. Все ведь понимают, что испытанию подверглись там, в первую очередь, Россия и Турция, лояльности от которых требуют Армения (член ОДКБ) и Азербайджан (член Тюркского союза), как вассалы от сюзеренов. Хорошо ещё, что в поддержку Азербайджана высказались члены ОДКБ Казахстан с Белоруссией, чем, на мой взгляд, во многом обусловили сдержанную и объективную реакцию России. Зато в Армении эта реакция вызвала шквал возмущения, демонстрации, сжигание российского флага, нелепые призывы высказывания в адрес первых лиц России...

Разрыв России с Турцией – одно из наиболее драматичных и негативных последствий войны в Сирии. Надо сделать всё, чтобы преодолеть его и восстановить отношения, иначе потянется такой шлейф зла, описать который мне не хватит и отдельной статьи.

Девятое. События показали, что из Запада для нас союзник, как из собачьего хвоста сито. Ясно, что им без нас было не победить ИГ; но это не значит, что мы победим с ними. Мало того: между нами и Западом в сирийском вопросе есть неустрашимое противоречие. Запад играет на стороне оппозиции, чтобы скинуть Асада, а значит – выкинуть Россию с Ближнего Востока окончательно и вернуть себе контроль над сирийской нефтью, в приятное дополнение к иракской и ливийской. Ведь с тех пор, как алавиты нашли себе хозяина и покровителя посильней и понадёжней в лице России, они перестали устраивать Запад и США. Оппозиция Асаду – главный козырь Запада.

Поэтому, не успели мы вывести из Сирии основной контингент, не успела вступить в силу концепция перемирия, как Запад начал суетиться и интриговать с оружием и без него, чтобы усилить оппозицию и, как это уже не раз бывало в истории, обратить успехи русского оружия на пользу себе. Так было после разгрома Наполеона, так было в результате Балканских войн. Так будет и теперь?

Десятое. Сегодня Россия, к нашему счастью, сочла за благо напоказ всему миру увести основной контингент из Сирии, надеясь на благоприятный исход войны. Что ж, посмотрим, на какой компромисс согласится, в конце концов, измученное население этой страны, какую цену сочтёт допустимой за мир. Как знать, не окажется ли этой ценой продление господства алавитов. Надежда на это, хоть и слабая, но есть.

В любом случае, можно лишь восхититься этим неожиданным и верным решением Кремля, поразившим сразу несколько стратегически важных дипломатических целей. Однако не всё так просто.

Если, паче чаяния, второе пришествие Асада всё же состоится, у ИГ на Ближнем Востоке резко сократятся перспективы, и оно, будучи неистребимо по своей идейной природе, будет вынуждено искать себе новые точки приложения сил. Теоретически одной из таких точек может оказаться Россия, в первую очередь, некоторые её суннитские регионы. Уничтожением пары тысяч исламских боевиков российского происхождения мы отнюдь не решили задачу “уничтожения врага на дальних подступах”, поскольку враг далеко не исчерпал свои мобилизационные возможности в самой России, которые растут вместе с демографическим ростом исламского населения, как автохтонного, так и приезжего, иммигрантов. Об этой опасности надо думать самым серьёзным образом. Хотя бы потому, что о ней давно и плодотворно размышляют наши противники во всём мире.

* * *

Наш демонстративный уход из Сирии – безусловно правильное решение. Но и оставление там воинского контингента, а также установка на замирение страны и восстановление законного и притом пророссийского правительства – это тоже правильное решение. Остаётся лишь надеяться, что оно в принципе выполнимо, что правительственные войска всё-таки справятся с недодавленным ИГ. Что-то мне подсказывает, что этот путь не будет лёгким и быстрым (вот уже три самолёта сирийских ВВС сбито с тех пор, как мы ушли), но его обязательно надо пройти до конца. И при этом следует иметь в виду, что наша главная проблема – это собственная безопасность нашей любимой страны России.

Чтобы её обеспечить, как мне лично кажется, необходимо следующее:

1. Немедленное введение визового режима со странами Средней Азии и вообще суннитскими мусульманскими странами.

2. Срочное создание рабочих мест и нормализация обстановки в суннитских регионах самой России, где высок процент молодёжи, особенно неработающей (это, в первую очередь, Кавказ). И одновременно сокращение суннитских диаспор в исконно русских регионах.

3. Укрепление Русского движения, русских культурно-просветительских и общественно-политических организаций в России вообще, а в особенности в регионах, где русские не являются этническим большинством, а также в русском анклав – Калининграде (с областью).

4. Максимальное сближение с шиитским в своём абсолютном большинстве и традиционно дружественным нам Азербайджаном, который может быть идеальным медиатором в наших отношениях с миром Ислама.

5. Восстановление дружеских отношений с Турцией.

* * *

В моей жизни не раз случались вещие сны, начиная с четырнадцатилетнего возраста и до сего дня. Их особенность ещё и в том, что они помнятся всю жизнь в деталях, в подробностях.

Так вот, однажды, лет тридцать или более тому назад, я увидел очень странный сон. Будто бы я стою на балконе восьмого этажа сталинского дома на площади Белорусского вокзала, на углу улицы Горького (теперь Тверской) и Лесной. Я в этой квартире родился, рос, вновь жил в 1972–1988 годы и имел обыкновение с этого самого балкона наблюдать шествие колонн военных парадов по советским праздникам, а колонны шли с Ленинградского проспекта через мост – к нам, на улицу Горького, и проходили всегда под нашими окнами.

И вот стою я на балконе и вижу вдалеке приближающуюся по Ленинградке в облачке пыли колонну. Только странное дело: площадь и улицы все пусты, нет праздничных флагов, шариков и прочего антуража, не звучит оглушающая радостная музыка... Между тем колонна всё ближе, идут танки, и постепенно я начинаю различать, что на головном танке водружено зелёное знамя Ислама, а на броне сидят бородатые люди в камуфляже и с автоматами Калашникова в руках.

Много лет я не могу забыть этот сон. Мне очень хочется, чтобы он не оказался вещим, чтобы он не сбился. Ради этого я и взялся писать настоящую статью.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

академик РАН

ТЕРРОРИЗМ

Исследователь, изучающий исторические корни терроризма, сразу же сталкивается с вопросом: можем ли мы понятия, терминологию, общественные ценности, правовые и моральные нормы сегодняшнего дня переложить на другие эпохи, другие общества, другие цивилизации? Да что давняя история! Нелегитимные, “террористические”, с точки зрения современных государств и существующих правовых норм, акты насилия считаются лицами и организациями, их совершающими, не только морально оправданными, но и императивными, нередко определяемыми высшей волей. Участники насильственных национально-освободительных войн, сепаратистских движений, переворотов, абсолютно нелегитимных и преступных с точки зрения прежнего общественно-политического устройства, в случае победы становятся героями или святыми, создают новый общественно-политический порядок, новые правовые и моральные нормы.

Само понятие “терроризм” в наши дни настолько расплывчато, что существует около двухсот его определений. Участники V Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975) пришли к выводу, что трудно дать более или менее точное определение понятию “терроризм”. В массовом сознании под термином “терроризм” подразумевается убийство мирных жителей, особенно детей, женщин, стариков, независимо от объявленных мотивов или политических целей, будь то права или интересы той или иной социальной, этнической или конфессиональной группы, требование автономии или независимости, ответ на политические или религиозные репрессии, привлечение общественного внимания (точнее – внимания СМИ) к тем или иным требованиям, распространение хаоса или нанесение экономического ущерба. Поиски согласованного определения, по мнению участников Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам ООН, обычно наталкиваются на две проблемы. Первая связана с доводом о том, что определение терроризма должно допускать применение государствами вооруженных сил против мирного населения. Вторая обусловлена тем, что народы, находящиеся под иностранной оккупацией, имеют право на сопротивление и что определение терроризма не должно умалять это право. Такой подход делает невозможной квалификацию насильственных действий против представителей власти, вооруженных силовых структур. Получается, что, с точки зрения международного права, насильственные действия против оккупационных войск на оккупированных территориях – легитимны, а против мирных поселенцев на захваченной земле – нелегитимны и представляют со-

* Статья подготовлена с учётом материала, собранного совместно с кандидатом политических наук В. Гаревым.

бой акты терроризма. А если кто-либо утром вооружён, а вечером отдыхает в кругу семьи, повесив автомат на гвоздь? А если солдат оккупационных войск в трусах и без оружия играет в футбол в отпуске у себя дома? А если “сопутствующими жертвами” операций оккупационных войск против тех, кого они называют “террористами”, становятся десятки, тысячи, десятки тысяч именно мирных жителей, в том числе детей, женщин, стариков?

Мы не собираемся отвечать на все заданные вопросы, мы их поставили для того, чтобы в намеченном нами кратком историческом обзоре насильственных действий, в том числе убийств, с политической, социальной и/или идеологической окраской избежать, по мере возможности, применения современного термина “терроризм”. Пусть читатель сам даёт оценку этим актам насилия и употребляет ту терминологию, которая соответствует его убеждениям.

Одна из самых ранних в истории группировок, прибегнувших к насилию с целью вызвать общественный резонанс, – сикарии, тайная секта, действовавшая на территориях, ныне занимаемых государством Израиль, в 60–70-х годах н.э. По сообщению Иосифа Флавия, сикарии применяли следующую тактику: они нападали на представителей власть имущих в дневное время, особенно по праздникам, когда Иерусалим бывал запружен толпами людей. Любимым оружием сикариев был кинжал или короткий меч (сика), который они прятали под одеждой. Сикарии уничтожили дом первосвященника Анании, а также дворцы представителей династии Иродов, они сожгли публичный архив, чтобы уничтожить расписки должников, что предполагает форму социального протеста. У Тацита упоминается, что сикарии сжигали зернохранилища и выводили из строя системы водоснабжения в Иерусалиме. Это были экстремисты, настроенные и против власти Рима, а также против евреев, стоявших за мир с Римом. Сотрудник Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне Уолтер Лакёр в книге “Терроризм” пишет о том, что до сего момента так и не ясно, руководствовались ли сикарии в своих действиях исключительно религиозными убеждениями, или их борьба носила социальный подтекст. Из некоторых источников следует, что у сикариев была разработанная доктрина, так называемая “четвёртая философия”, нечто вроде иудейского протестантизма. Они считали, что повинуются одному лишь Богу, не признавая над собой никакой земной власти. Другие авторы упирают на то, что сикарии возглавляли движение социального протеста, настраивая низы против богатых верхов. Однако, по убеждению Иосифа Флавия, сикарии были самыми обыкновенными разбойниками, которых использовали враги Рима, а их призывы к справедливости и исполнению Божественной воли служили лишь прикрытием их неблагоприятных, корыстных целей.

Спустя много столетий мы находим сочетание религиозного мессианства и убийств с политическим подтекстом у получившей большую известность на Западе секты ассасинов, отпочковавшихся от исмаилитов. Они появились в XI веке и прославились в борьбе против турок-сельджуков и крестоносцев, но были разгромлены монголами в XIII веке. Интерес учёных к ним в последние годы возрос, поскольку многое в их тактике, в их убеждениях и методах напоминает современных террористов.

В начале 90-х годов XI столетия выходец из иранского Хорасана Хасан ас-Саббах (“Горный Старец”) обратился с пламенной проповедью исмаилизма, противопоставив себя и другим мусульманам, и “неверным” крестоносцам. Он захватил высокогорную и практически неприступную крепость Аламут и бросил вызов правившей тогда в Иране династии Сельджуков. Хасан ас-Саббах мало отличался от местных феодалов. Его подданные рыли в окрестностях Аламута каналы с водой, укрепляли цитадель, платили дань продовольствием, поставляли воинов для защиты от нападений сельджукского войска. Из Аламута ассасины совершали набеги на другие области ослабевшей империи Сельджуков, вплоть до Сирии, убивая местных правителей.

Их естественными врагами стали крестоносцы. Рассказы о жесткости ассасинов вошли в европейский фольклор благодаря уцелевшим и возвратившимся домой крестоносцам. О террористической деятельности секты “глотателей гашиша” в своих сочинениях упоминал и известный путешественник Марко Поло. Ассасинам удалось убить Конрада Монферратского, правившего Иерусалимским королевством. Но их врагами были и суннитские правители. Они дважды пытались убить Саладдина, но неудачно. Ассасины нередко выдавали себя за представителей других религий, в том числе и за христиан.

Они не пользовались ни ядами, ни метательными снарядами. Их оружием был кинжал, и не только в силу его высокой надёжности, но и потому, что в убийстве с помощью кинжала они видели нечто ритуальное. Секта отличалась высочайшей дисциплиной и, употребляя современное слово, конспирацией. Ассасины приветствовали мученичество и смерть во имя своей веры, были убеждены, что их жизнь и смерть послужат торжеству “истинного ислама”, а после смерти их, естественно, ожидает рай.

Само слово “ассасин” – “убийца”, – вошедшее в некоторые европейские языки, восходит к арабскому корню – “хашиш” (гашиш в русском варианте) – известному наркотику. Употреблявших “хашиш” называли “хашшашины”, что при исчезновении “ха” и превращении “ша” в “эс” привело к появлению слова “ассасины”. Будущих ассасинов якобы погружали в наркотический сон с помощью гашиша, спящими их переносили в сад, где они могли насладиться гуриями, то есть представить себя в раю, куда они попадут, совершив богоугодное убийство и погибнув. Некоторые исследователи полагают, что убийцу просто накачивали наркотиками перед совершением “операции”.

В Южной Азии и на Дальнем Востоке действовали тайные общества иного толка. Англо-индийская администрация в течение долгого времени не могла справиться с так называемыми пхасингарами (“душителями”). Тайная бенгальско-кашмирская секта, поклонявшаяся Кали, практиковала своеобразный вид человеческих жертвоприношений: жертву (чаще всего паломника или купца) под каким-либо предлогом заманивали в лес и удушали специальным шелковым шнурком. Члены секты считали, что этот способ убийства восходит к ритуальным жертвоприношениям богине Кали. Секта пхасингаров существовала с начала XI века, наводя ужас на паломников и путешественников. Случалось, что “душители” истребляли целые караваны паломников. Однако в секте существовал строгий запрет на убийство женщин, животных женского пола и ремесленников, находящихся под защитой Кали (ювелиров, кузнецов, медников, плотников, камнерезов и сапожников). Как заявил захватившим его в плен англичанам член этой секты Феррингея: “Если кто-нибудь хоть раз испытывает сладость жертвоприношения, он уже наш, даже если он овладел разнообразными ремёслами и у него есть всё золото мира. Я сам занимал достаточно высокую должность... Но становился самим собой, только когда возвращался в нашу секту”. Политические убеждения “душителей” оставались крайне туманными, сектанты не ставили специальных задач по устрашению властей или населения. Британские колониальные власти объявили пхасингарам беспощадную войну. Под руководством капитана, а впоследствии генерал-майора Уильяма Слимана, при активной поддержке местного населения к середине XIX века “душители” были полностью истреблены.

В Китае тайные общества – триады – были основаны в конце XVII века, когда маньчжуры захватили большую часть территории Китая. Первоначально они ставили задачу свержения господства маньчжуров и восстановления династии Минь. В ряде случаев триады взяли в свои руки местное самоуправление, осуществляя административные и судебные функции. Многие триады расширили философию сопротивления маньчжурским завоевателям и включили в число противников также “белых дьяволов”, в особенности британцев, силой навязавших Китаю торговлю опиумом. Триады неоднократно возглавляли народные восстания, жестоко подавлявшиеся маньчжурами. После Восстания Красных Тюрбанов в начале XIX века победившие маньчжуры подвергли восставших жесточайшим репрессиям: сотни тысяч китайцев были обезглавлены, закопаны живьём, медленно удушены. Многие члены триад были вынуждены искать убежища в Гонконге и США. По оценкам британских властей, более двух третей населения Гонконга того времени состояло в различных триадах. К началу XX века Триады потеряли массовую поддержку. Они постепенно перешли на использование криминальных методов обеспечения своей деятельности: рэкету, контрабанде, пиратству, вымогательству, фактически стали мафиозной организацией с соблюдением ряда особых ритуалов.

К организациям, прибегающим к насилию с социально-политическими целями, можно отнести американский ку-клукс-клан. В США существовало не одно такое общество, а целых три. Первое возникло на Юге США после гражданской войны.

Негритянская эмансипация была главным врагом этого тайного и охотно прибегавшего к насилию клана, особенно по отношению к афро-американ-

цам. Первый ку-клукс-клан был распространён преимущественно в сельских районах Соединённых Штатов, члены его действовали – несмотря на претенциозную дисциплину – спонтанно и самостоятельно. Второй клан (существовавший примерно с 1915 по 1944 год) также исходил из идеи превосходства белых, но одновременно считал себя носителем идеологии американского патриотизма. Именно в эти годы ку-клукс-клан становится общенациональным явлением. В него теперь вошли не только южане, но и жители практически всех штатов. В 1924 году численность организации составляла около 4 миллионов человек. Его члены преследовали бутлегеров (самогонщиков), игроков в азартные игры и даже мужей, которые избивали своих жён. Ку-клукс-клан “второго призыва” активно интегрировался в политический истеблишмент американского Юга. Как на уровне штатов, так и на местном, ку-клукс-клан весьма активно занимался бизнесом. Однако к 1930 году его численность сократилась до 3000 человек, причиной тому стали финансовые и политические передряги. Клан был официально распущен в апреле 1944 года. Финальной точкой его существования стал федеральный иск на 685 тысяч долларов в связи с неуплатой налогов. В результате клан лишился своих льгот и привилегий и быстро сошёл на нет. Возрождение клана после Второй мировой войны Самуэлем Гринном было связано с обуявшим Соединённые Штаты страхом перед коммунизмом. В 1960-е годы члены клана ожесточились против афроамериканцев, боровшихся за свои гражданские права. Третий клан сохранил свои идеологические позиции “превосходства белых” до наших дней, однако какими-либо эффективными действиями себя не проявил. Убийство Мартина Лютера Кинга было скорее действием одиночки, а не организации.

В эпоху абсолютизма политические убийства случались нередко, но были отражением внутриэлитной борьбы или стремлением аристократической “контрэлиты” взять власть и получить права, богатства, почести. Борьба за власть, а иногда за смену координат внутренней и внешней политики принимала характер и гражданских, и межгосударственных войн с их многочисленными жертвами. Французская революция, ставшая тоталитаризмом в гражданских, “демократических” одеждах, породила (хотя отнюдь не впервые в истории) политику “террора” – массовых убийств реальных или потенциальных оппонентов власти. Рассуждая в Конвенте о принципах политической морали, Максимилиан Робеспьер говорил: “Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде”. Пройдёт немного более столетия, и русская революция породит и большевистский, и белый “террор” в таких масштабах, что французский “террор” покажется лишь детской репетицией будущей чудовищной трагедии.

В XIX веке тектонические социально-экономические сдвиги, вызванные развитием “дикого” капитализма, урбанизацией, индустриальной революцией, потерей социальной ориентации значительных слоев населения, привели к появлению новых “универсалистских” доктрин – социализма, коммунизма, анархизма, а в начале XX века – фашизма. В этой атмосфере зарождалась новая эпоха насильственных действий, носивших антигосударственный, антиправительственный характер. Они всё чаще стали называться “терроризмом”, и этот термин стал приобретать знакомое современному миру значение. К числу известных пропагандистов социального насилия и политических убийств той эпохи можно отнести немецкого радикала К. Гейнцгена, говорившего о возможности противопоставить регулярным войскам небольшое количество вдохновлённых новыми идеями людей, наделённых умением с помощью ограниченных средств создавать максимальный хаос. Примечательно, что Гейнцген пытался легитимизировать убийство не только политической или социальной необходимостью, но также природной: “Возможно, что убийство имеет не только историческую, но также и природную необходимость. Возможно, что атмосфере или земной коре определённое количество человеческой крови необходимо для удовлетворения химических или каких-либо иных потребностей”.

Утопический социалист, начальник штаба армии Римской республики (1849) Карло Пизакане в своей теории “пропаганды действием” развивает идею о том, что “пропаганда идеи – недостижимая цель. Идеи рождаются из деяний, а не наоборот. Знание не даёт людям свободы, но свобода способ-

на дать познание”. Насилие необходимо не только для привлечения внимания к собственной деятельности, но и для просвещения, обучения и сплочения народа во имя революции.

Эти идеи были подхвачены российскими теоретиками-анархистами П. Кропоткиным и М. Бакуниним. Практики-народовольцы претворили их в жизнь, превратив свои покушения на царя и его приближённых в эффективные акции, призванные привлечь к ним общественные симпатии. Эти действия уже настолько близки к современным понятиям “терактов” и настолько утвердились в литературе под термином “терроризм”, что и мы будем его использовать, не претендуя на безусловную точность терминологии. Систематические террористические акции в Европе, Америке, на Ближнем Востоке начинаются во второй половине XIX столетия. С самого начала это течение разделилось на несколько вполне отчётливых рукавов. Так, в России леворадикальные группировки вели борьбу с самодержавием террористическими методами в 1878–1881 годах, а затем – в самом начале XX столетия. Радикальные националистические группировки – армяне, ирландцы, македонцы, сербы – пользовались террористическими методами в борьбе за национальную автономию и независимость. В 90-е годы XIX столетия анархисты повели “пропаганду действием” – то есть убийствами – во Франции, Италии, Испании и Соединённых Штатах. Отдельные политические убийства в Италии и Франции вызывали большой общественный резонанс, хотя и не являлись частью какой-то общей стратегии.

Отметим, что теоретики и практики терроризма XIX века значительное внимание уделяли не только идеологическому содержанию террористического акта, но и его внешней атрибутике. Дерзость и зрелищность терактов, по их мнению, должны были иметь серьёзное психологическое воздействие не только на национальные правительства, но и на массы. Пётр Кропоткин писал: “Выступления, привлекающие всеобщее внимание, открывают идею доступ в умы и вербуют ей новых приверженцев. Один такой акт делает иногда в один день больше пропаганды, чем тысячи брошюр”.

Среди российских леворадикальных движений особую роль играла “Народная воля”, хотя действовала она лишь в конце 70-х – начале 80-х годов. Эта организация стала предпринимать вооружённые акции, когда один из её членов, некто Ковальский, взялся за оружие, сопротивляясь аресту. Затем Вера Засулич застрелила генерал-губернатора Петербурга. Главной целью “Народной воли” было убийство императора Александра II. В сентябре 1879 года революционным трибуналом “Народной воли” был приговорён к смерти “царь-освободитель”. Ещё раньше, в апреле, некто Соловьёв покушался на жизнь царя, но делал это по собственному почину. Последующие покушения на государя (попытка пустить под откос царский поезд и взрыв бомбы в Зимнем дворце) также не увенчались успехом. Царь был убит 1 марта 1881 года. Парадокс ситуации состоял в том, что большинство народовольцев к этому моменту были уже арестованы. Это событие стало одновременно и апогеем, и финалом кампании террора. К середине 80-х годов правительство приняло серьёзные меры для обуздания волны антигосударственного терроризма, и примерно на два десятилетия в России наступило затишье.

В начале XX века в Россию пришла вторая волна терроризма. А. И. Суворов в своей статье “Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности” пишет: “Террор второй волны отличался не только большей массовостью, но и неразборчивостью в выборе жертв: мишенью мог стать любой служащий, каким-либо образом связанный с правительственными структурами, любой человек в униформе”. Вторую волну террора традиционно связывают с деятельностью эсеров, однако в ней немалое участие приняли анархисты, максималисты, националистические политические объединения Польши, Прибалтики, Кавказа. Приложили к этому руку и социал-демократы, в том числе большевики.

Приводимые в разных источниках данные о количестве жертв террора тех лет поражают своими масштабами. Выступая на заседании Государственной Думы, Пётр Столыпин привёл следующие цифры: с октября 1905 года по апрель 1906 года по политическим мотивам в стране убито 288 государственных служащих, 383 ранено. Правовед профессор Н. С. Таганцев в своей работе “Смертная казнь” подсчитал, что в 1905–1908 год было убито 2563 должностных лица и 3616 частных лиц.

Жертвами террористов второй волны стали великий князь Сергей Александрович, министры Н. П. Боголепов, Д. С. Сипягин, В. К. Плеве, главный военный прокурор В. П. Павлов, начальник Главного тюремного управления А. М. Максимовский, десятки губернаторов, руководители многих жандармских и полицейских служб. Последним убийством, потрясшим Россию, стало покушение в Киевском оперном театре на председателя Совета министров Петра Столыпина. 1 сентября 1911 года Столыпин был смертельно ранен одиночкой и, возможно, двойным агентом Д. Богровым.

Третья волна терроризма поднялась уже после захвата власти большевиками в 1917 году. Новый всплеск террористической активности следует воспринимать, во-первых, как реакцию на действия большевиков со стороны воинствующей оппозиции (были убиты Урицкий и Володарский, ранен Ленин), во-вторых, как попытку срыва переговоров о мире между Россией и Германией (жертвами террористов стали германские дипломаты и военные). Однако большевикам без особого труда удалось погасить этот пожар, применив тактику “большого террора” против мелких террористов.

На этом фоне деятельность ирландских террористов выглядит гораздо скромнее, хотя огонь насилия, то угасая, то вспыхивая, напоминал о себе многие десятилетия. Первая такая вспышка случилась в 1791 году как результат активности Объединённых ирландцев и массового недовольства среди крестьян. Тактика открытого вооружённого противостояния британским властям 60-х годов XIX века потерпела поражение. Активность так называемых “динамитчиков” в 70-х и 80-х годах XIX века запомнилась такой громкой акцией, как массовые убийства в Феникс-парке. Затем наступило затишье на несколько десятилетий, с новыми вспышками в 1919–1921 годах, перед Второй мировой войной, а затем – уже в 70–80-х годах XX века.

В 90-х годах XIX столетия заявили о себе армянские террористы, выступавшие против турецких угнетателей. Новые вылазки террористов-армян имели место в 1918 году и привели к убийству ряда турецких государственных чиновников, замешанных в массовом уничтожении армян в годы Первой мировой войны. Сравнительно недавней вспышкой такого терроризма был отмечен 1975 год, когда армянами были убиты турецкие послы в Париже и Вене, а также первый секретарь турецкого посольства в Бейруте. Первый взрыв бомбы в метро произошёл в 1977 году в Москве, когда армянские националисты из партии “Дашнакцютюн” привели в действие на станции “Бауманская” бомбу, заложенную в чугунную кастрюлю. Погибло 6 человек.

В те годы, когда армянские экстремисты только начинали свою борьбу против турок, возникла ещё одна антитурецкая сепаратистская организация – македонская. Называлась она ВМОРО – Внутренняя македоно-одринская революционная организация. Основанная в 1893 году в Салониках Гоце Делчевым и Дамяном Груевым, ВМОРО поначалу занималось исключительно пропагандой. Однако со временем это подпольное общество превратилось в военизированное движение, сочетавшее индивидуальный террор с подготовкой к массовому восстанию. Илинденское восстание, провозгласившее Крушевскую республику, и Преображенское восстание, провозгласившее республику в городе Малко-Тырново, были подавлены турецкими войсками в сентябре 1903 года. Несмотря на то, что тысячи повстанцев погибли в боях или были расстреляны, десятки тысяч остались без крова, тем не менее, македонцам удалось избежать геноцида. Македония в те годы так и не обрела независимости: в 1912–1913 годах она оказалась поделённой между Грецией, Болгарией и Сербией. ВМОРО продолжала действовать уже с болгарской территории. “Впоследствии, – утверждает американский исследователь Б. Хофман, – эта организация превратилась в преступную группировку, состоящую из наёмных бандитов и политических убийц”. В период с 1924 по 1934 год в междоусобицах и распрях внутри ВМОРО погибло куда больше людей, чем от их рук в стане их противников.

Среди прочих экстремистских группировок, действовавших до Первой мировой войны, следует отметить польских социалистов и группы западных украинцев. Образовавшееся на рубеже веков в Польше тайное общество “Просвещение люда” покрыло вся страну сеть организационных центров в целях привлечения польской молодёжи к антигосударственной деятельности, пропаганды полонизма и ненависти к “москалям”. Примечательно, что тайное общество активно привлекало к своей деятельности девушек. По вос-

поминаниям Б. Савинкова: “Поставив прочно организацию патриотических кружков в мужских средних учебных заведениях... главный комитет “Просвещения” обратил все свои силы на то, чтобы стать в такое же положение и по отношению к учащимся польским девушкам”. Прошедшие идеологическую обработку девушки могли участвовать в наружном наблюдении за объектом покушения, собирать взрывные устройства и совершать террористические акты. В Польше западные украинцы и после Первой мировой войны не прекращали борьбы – на сей раз против Варшавы – с требованиями автономии, категорически отвергавшимися польским правительством.

Террористическая активность в Соединённых Штатах Америки в конце XIX – начале XX веков имеет ярко выраженные социальные черты. Причиной так называемого “рабочего терроризма” являлись не политические пристрастия участников, а, скорее, чувство потерянности, отчуждённости от общества, характерное для рабочих-эмигрантов, оказавшихся в новой стране и ощущавших себя объектами постоянной дискриминации и эксплуатации. Самыми кровавыми террористическими актами тех лет стали взрыв бомбы во время митинга рабочих в Чикаго, в результате погибло 12 человек (1 мая 1886 года); взрыв в здании редакции газеты *The Los Angeles Times*, погиб 21 человек (1910 год); взрыв бомбы на Уолл-стрит (Нью-Йорк) в 1920 году, погибли 40 человек, 300 получили ранения. Следует отметить, что американский терроризм той поры преследовал узкие социальные задачи и не был нацелен на изменение политической системы США.

Ещё одной страной, где терроризм выступал существенным фактором политической жизни, была Испания. Завоевание её Наполеоном спровоцировало появление народного карательного движения, сформулировавшего принципиально новую концепцию ведения боевых действий – так называемую “герилью”. Герилья – производное от испанского слова *guerra*, дословно означает “маленькая война”. Во многом тактика и стратегия испанской герильи повлияли на организацию революций века двадцатого. Недаром взявший на вооружение базовые принципы герильи Эрнесто Че Гевара называл войну герилья “народной войной”.

Для Испании XIX век ознаменовался бурными вспышками насилия, особенно в период так называемых “карлистских войн”. Рост рабочего движения, испытывавшего сильное влияние идей Бакунина, сопровождался применением насилия и использованием методов терроризма. Испания пережила свою “эпоху покушений” в 1890–е годы, рецидивы терроризма в этой стране были отмечены в 1904–1909 годах, а затем в период Первой мировой войны и сразу по её окончании. Среди существовавших на тот момент многочисленных анархистских объединений особым влиянием пользовалось объединение ИФА (Иберийская федерация анархистов). Одному из его руководителей, Буэнавентуре Дуррути, принадлежит крылатая фраза: “Мы не боимся руин”. Особого успеха действия анархистов не имели, и среди представителей левых постоянно шли распри, что привело к резкому ослаблению движения в период гражданской войны 1936–1939 годов. Постепенно из Испании терроризм и анархизм в начале XX века перекочевали в Латинскую Америку, в первую очередь в Аргентину.

Западную Европу в конце XIX века захлестнула волна выступлений анархистов, одержимых идеей “пропаганды действием”. “Подвиги” анархистов между 1892 и 1894 годами вызвали во Франции немалый общественный резонанс. Выходки бомбистов-одиночек совпали с призывами анархистов к насилию, что создало миф о существовании международного заговора, какового на деле никогда не было. В массовом сознании, не на шутку встревоженном тайным и загадочным характером анархистских группировок, представители всех радикальных политических течений, будь то анархисты, социалисты или нигилисты, слились в единый образ врага.

Терроризм в те годы носил преимущественно индивидуальный характер. Жертвами, как правило, становились ведущие политические деятели того времени. Среди них американские президенты МакКинли и Гарфилд, президент Франции Карно, премьер-министр Испании Антонио Кановаса, австро-венгерская императрица Елизабет, король Италии Умбертс. Террористы предприняли несколько неудачных покушений на Отто фон Бисмарка и германского кайзера Вильгельма. Несмотря на то, что от рук террористов пали первые лица государств, эпоха индивидуального террора в Европе не имела

серьёзных политических последствий. К 1905 году волна политических покушений везде – за исключением России – пошла на убыль. Во многом это объясняется тем, что терроризм не имел широкой поддержки со стороны социальных низов и оставался способом политической артикуляции узкого круга политических сил, оппозиционных господствовавшим режимам.

Не следует, однако, забывать, что теракт сербских националистов, жертвой которого стал австрийский престолонаследник, эрцгерцог Франц Фердинанд, послужил поводом к началу Первой мировой войны.

До Первой мировой войны террористические методы рассматривались общественностью исключительно как признак левизны. Впрочем, ни ирландские, ни македонские борцы за независимость, ни армянские и бенгальские террористы не имели отношения к анархизму или социализму. Да и российских черносотенцев, одной из первых задач ставивших борьбу с революцией, трудно упрекнуть в левых взглядах. Тем не менее, в массовом сознании образ террориста твёрдо укоренился в связке с такими понятиями, как “анархизм” и “социализм”. Сразу после Первой мировой войны террористические методы берут на вооружение правые и сепаратистски настроенные группы, как, например, хорватские усташа, получавшие помощь от фашистской Италии и Венгрии. Хорваты требовали независимости и были готовы принимать помощь от кого угодно. Усташа сотрудничали с нацистами, активно участвовали в геноциде сербов, их борьба против центрального правительства продолжалась и после Второй мировой войны.

В 1920-е годы систематический терроризм культивировался на периферии многочисленных ультраправых и фашистских движений, а также среди их предшественников, например, “фрайкоровцев” в Германии, и среди членов румынской “Железной гвардии”. Наступило время массовых политических партий, как правого, так и левого толка, и правые и левые экстремисты переросли стадию индивидуального террора. На этом историческом рубеже в очередной раз меняется значение термина “терроризм”. С этого момента данное понятие начинает всё чаще использоваться для обозначения массовых репрессий, направленных тоталитарными государствами и правительствами-диктаторами против народа. Громкие политические убийства тех лет впервые заставили международное сообщество координировать борьбу с терроризмом. Жертвами терактов стали Роза Люксембург и Карл Либкнехт (1919), Ратенау (1922), а также югославский царь Александр. Убийство в 1934 году французского премьера Барту заставило Лигу Наций вынести ряд резолюций и основать несколько комиссий с целью борьбы с проявлениями международного терроризма. Однако эти старания оказались тщетными, поскольку одни страны действительно были намерены положить конец подобным проявлениям жестокости, другие же активно использовали террористические методы для осуществления своих политических целей. Разумеется, в такой ситуации достижение консенсуса было практически невозможно.

На Востоке вспышки террористической активности поначалу не были интенсивными. Политические убийства, как правило, совершали одиночки. К такого рода терактам можно отнести убийство египетского премьер-министра Бутроса Гали в 1910 году и убийство в 1924 году главнокомандующего египетскими вооруженными силами Ли Стэка. В 30-е и 40-е годы терроризм берет на вооружение экстремистские организации правого толка “Мусульманское братство” и “Молодой Египет”. От их рук погибли два премьер-министра и ряд видных политических фигур. В ответ был убит лидер “Братьев-мусульман” Хасан аль-Банна.

В Палестине действовали такие сионистские организации, как “Иргун Цвай Леуми” и ЛЕХИ, также прибегавшие к тактике индивидуального террора. В 1939 году “Иргун” прекратил свои антибританские вылазки и, по словам швейцарского учёного Симона Жаржи, занимался дезорганизацией, саботажем и разрушением. Более экстремистски настроенные члены ЛЕХИ продолжали борьбу. Немалый резонанс получило совершённое ими убийство лорда Мойна.

В Индии с её традиционной нелюбовью к насилию в 20-е годы неожиданную популярность получила террористическая группировка “Бхагат Сингх”. Джавахарлал Неру был склонен преуменьшать опасность индийского терроризма. “Терроризм, – говорил он, – ослепляет своим показным героизмом авантюрно настроенных молодых людей и сильно отдаёт детективом”. Вскоре

после завоевания Индией независимости жертвой террористического акта стал проповедник ненасилия Махатма Ганди, а противоречия между Индией и Пакистаном превратились в кровопролитную войну во многом благодаря усилиям террористов.

Оценивая движение сопротивления державами оси в годы Второй мировой войны, не дозволено говорить об отдельных партизанских операциях как о терактах. . . В результате спецопераций были убиты имперский протектор Богемии и Моравии Гейдрих, гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе, ряд французских, русских, украинских, латышских коллаборационистов второго-третьего ряда. Это была или партизанская война в разных формах, или военные операции, непосредственно планировавшиеся в штабах антигитлеровской коалиции. Особняком стоит “Волынская резня” поляков (от 20 до 100 тысяч, по разным оценкам), устроенная вооружёнными украинскими националистами.

Крушение колониальных империй после Второй мировой войны происходило как сравнительно мирно, так и в результате долгих и кровопролитных национально-освободительных войн. Назовём хотя бы Вьетнам и Алжир, Малайзию и Кению, Анголу и Мозамбик. Война – дело жестокое с двух сторон, хотя львиная доля жертв и страданий выпала на долю колониальных стран и народов. Назвать “террористами” бойцов национально-освободительных армий или партизан тех времён, используя пропагандистскую терминологию метрополий, в наши дни выглядело бы просто нелепо.

Сложнее обстоит дело с определением “кто есть кто” в Израиле – Палестине. Взрыв отеля “Царь Давид” в Иерусалиме в июле 1946 года, в результате которого погиб 91 человек и 45 получили ранения различной степени тяжести, или убийство графа Бернадота считаются террористическими актами сионистов, хотя официально историография Израиля избегает таких эпитетов. Дальнейшая история палестино-израильских отношений настолько сложна, настолько полна взаимными обвинениями, когда акты насилия и убийств с политическими целями каждая из сторон характеризует как “терроризм”, что эта тема требует отдельного исследования, выходящего за рамки нашей статьи.

Со второй половины XX века учёные, политики и публицисты попытались разделить два тождественных понятия: “террор” и “терроризм”. Понятие “террор”, как правило, стало применяться к открытому насилию со стороны государства, а понятие “терроризм” связывается с деятельностью экстремистских оппозиционных групп. “Принципиальное их сходство заключается в том, что и то, и другое явления выступают как формы открытого насилия, направленного против тех, кто является (или объявляются ими) политическим противником, – пишут В. В. Витюк и И. В. Данилевич. – Принципиальное же их различие основывается на том, что государственный террор является открытым насилием государства над обществом и человеком, а терроризм – насилием, практикуемым заговорщическими группировками по отношению к государству и лицам, его представляющим”. Несовершенство и этой формулировки очевидно. Куда относится его авторы теракты “заговорщических групп” против мирного населения? А акты государственного терроризма против противников того или иного государства, находящихся за его пределами?

До взрыва терроризма с религиозной окраской, который стал главной формой экстремизма за последние три-четыре десятилетия, мир пережил вспышки и “левого терроризма” (Германия, Франция, Турция, Япония), и “правого” – взрыв вокзала в Болонье. Причины временной активизации левых экстремистов понятны: быстрая трансформация общества от индустриального к постиндустриальному оставляет за бортом какую-то часть населения, кризис коммунистической идеологии и крах её главного носителя – Советского Союза – создали идеологический и политический вакуум слева. Его и пытались заполнить группочки “левых” террористов, не имевших социальной поддержки. Для “правых” экстремистов ситуация похожая. В условиях тяготения западного общества к центристским решениям и конструкциям и ослабления левых исчезает “образ врага”. Задачи, которые ставят крайне правые, и так выполняются – с большой гибкостью – правящими социальными силами или внедряются в сознание людей с помощью СМИ, особенно телевидения. Пока что тоталитарные схемы управления обществом просто не нужны и не находят поддержки. Для правых остаётся на данном этапе последний резерв – ксенофобия. Она-то и может давать и изредка даёт рецепты правого терроризма.

Но для неискушенной публики остаются неизвестными кукловоды, которые используют и правых, и левых экстремистов в корыстных целях, не имеющих ничего общего с их объявленной идеологией.

Мы ещё раз отмечаем, что нами сделано сугубо схематическое и отнюдь не полное изучение истории экстремистских движений, прибегающих к насильственным методам борьбы. Их социальные, идеологические, этнические, конфессиональные, психологические корни настолько различны, что было бы пустой тратой времени искать для них общий знаменатель. Но некоторые формальные, так сказать, “технические” общие признаки явно прослеживаются: это и готовность к насилию, в том числе к убийствам, даже массовым, во имя достижения поставленных целей, и готовность к риску вплоть до самопожертвования, и принадлежность к организациям с жёсткой дисциплиной, и стремление превратить теракт в шоу с максимальным воздействием на публику...

В мире убыстряющихся перемен всегда будут недовольные, отверженные, неудачники, психопаты, люди без морали и совести, всегда будут деятели, верящие в терроризм как в метод достижения каких-то личных или общественных идеалов, всегда найдутся кукловоды, которые будут использовать террористов для своих целей. Поэтому было бы не пессимизмом, а реализмом предсказать, что терроризм останется угрозой для цивилизации на годы вперёд.

Не нужно только преувеличивать эту угрозу и использовать её как предлог для достижения неоимперских замыслов.

Примерно такого рода замыслы были продемонстрированы американскими “неоконсерваторами”, проповедующими “высшие ценности” американского общества и “необходимость” распространить их по всему миру, если нужно — силой. “Демократия”, “права человека”, “свобода сексуальных меньшинств” и другие “демократические ценности” проповедовались и с амвонов, и с экранов телевидения, и в социальных сетях. После терактов 11 сентября 2001 года “неоконы” заняли ведущие позиции в администрации президента Буша-младшего и определяли его внешнеполитический курс. Когда были оккупированы Афганистан и Ирак, “вдруг” оказалось, что сопротивление и военному присутствию Запада, и его идеологии стало массовым и привело фактически к поражению самой мощной военной державы. США пытались перестроиться, отказались от прежних предложений вторжения в Ирак (якобы создание им оружия массового уничтожения и связи с Аль-Каидой) и заявили, что они пришли защищать “молодую демократию” и распространять её в регионе.

Сопротивление принимало всё более ярко выраженный характер исламистского экстремизма и терроризма, по сравнению с которым “Братия-мусульмане” вполне могли считаться умеренными.

Обширный регион арабского мира нуждался в обновлении. Но каком? Какими методами? В какие сроки? Нужно было изменить положение, когда десятилетиями правили диктаторские, репрессивные режимы, процветала коррупция, массы жили в нищете и не имели будущего. С помощью телевидения, социальных сетей в интернете люди, отвергавшие старое, вышли на массовые демонстрации в Тунисе и Египте и смели прежние правительства. А что дальше? Как только стали осуществляться принципы западной демократии, к власти в этих странах пришли исламисты. Но как распорядиться властью в условиях финансово-экономического кризиса? Ведь всегда в истории все революции приводят сначала к экономическому упадку, который сталкивается с завышенными ожиданиями маньи небесной, а потом и с фрустрацией масс. Результат — новые “революции” в Египте и приход к власти военных, и уход с первых ролей исламистов в Тунисе.

В Ливии, Йемене, Сирии, Ираке события развивались ещё более трагически. НАТО вмешалось в гражданские беспорядки в Ливии и обеспечило победу оппозиционных сил, которых западники называли “демократами”. На деле страна оказалась во власти воюющих между собой группировок исламистской окраски — будь то на племенной, конфессиональной, этнической или “просто” бандитской основе. Территориальный раскол Ливии, образование соперничающих “парламентов” и “правительств” стало фактом.

Оппозиция в Сирии, поддерживаемая финансами, оружием, боевиками и, конечно, СМИ Запада и стран Персидского залива, всё более отчётливо принимала исламистский характер. За пять лет гражданской войны наибольший успех выпал на “Исламское государство в Ираке и Леванте” (русская аббревиатура — ИГИЛ, арабская — ДАИШ, запрещено в РФ), и филиал местной

Аль-Каиды – Джабхат ан-Нусра. Режим находился на грани гибели, но фактически был спасён и усилен неожиданным вмешательством российских воздушно-космических сил.

ДАИШ, родившийся в суннитских провинциях Ирака, смёл все границы и объявил о создании Всемирного халифата. Террористы? Безусловно, причём прибегающие к самым варварским видам террора. Экстремисты? Конечно. Их идеология, методы, религиозные понятия отвергаются ведущими мусульманскими богословами. Репрессии и методы? Невиданные за последние десятилетия: театрализованные массовые убийства христиан, язидов, шиитов за то, что они христиане, язиды, шииты, превращение в рабынь захваченных женщин и торговля ими на настоящих (невыдуманных!) рынках рабов. И как выражение своей “веры” – уничтожение древних памятников великих цивилизаций.

Всё так. Но почему же в ДАИШ приезжали, пробирались десятки тысяч добровольцев – джихадистов из других мусульманских стран, из Европы, Китая, России, Средней Азии? Почему их не останавливали отвратительные жестокие преступления, видео которых ДАИШ сладострастно распространяет через интернет?

Свою роль играли и денежные средства, захваченные в Мосуле, и “заработанные” на контрабанде украденной нефти, и средства, полученные у частных доноров из стран Персидского залива. Под ударами ВКС России, под бомбежками американской и английской авиации территория, контролируемая ДАИШ, сокращается. Но как метастазы рака, новые территории, организации, ячейки ДАИШ появляются в Ливии и Нигерии, в Сомали и на Синайском полуострове, в Египте, в Афганистане и России, в Средней Азии, Западной Европе и даже в США. Об этом говорят теракты в Калифорнии, в Париже, в Брюсселе.

Российские сторонники “теории заговора” считают распространение исламского экстремизма осуществлением планов Вашингтона, направленных на создание территорий “управляемого хаоса”, перекройки границ региона. Зачем? Якобы с целью легче управлять, разрушая уже сложившиеся, верные Западу или нейтральные режимы.

Но можно посмотреть на события совсем под другим углом. Не ответ ли это масс и активных экстремистов на вызовы глобализации, где им предусмотрена роль париев, ведомых, зависимых? Не являются ли ДАИШ, Аль-Каида и им подобные незаконными детьми глобализации, пусть отвратительными, безмерно жестокими, фанатичными, но именно отпрысками этой самой глобализации, которая происходит по западным лекалам? Да, Вашингтон совершил многочисленные, порой преступные ошибки, оправдываясь лживыми аргументами, но именно потому, что он нёс свою систему ценностей в другой мир с его собственной религией, культурой, его чувством достоинства, его менталитетом, он и потерпел неудачу. Мало того, его попытки навязать “свою” демократию силой и вызвали ответную реакцию в форме исламистского экстремизма, терроризма, чудовищных актов насилия, в том числе в странах Западной Европы и США. Да, процесс цивилизационной трансформации превратился во взрыв. Последствия и ход событий предсказать трудно. В наш век, когда умами и настроениями управляют информационные технологии, можно с уверенностью говорить только о том, что нас ждут новые неожиданные повороты, новые формы борьбы и новые “гибридные” войны.

Где, когда, на какой платформе, на каких условиях смогут встретиться Запад и Восток? Нет ответа на этот вопрос.

Но диалог, взаимопонимание, терпимость, выработка общих принципов жизни в нашем глобализованном мире – дело необходимое, чтобы избежать худшего. А худшее – превращение терроризма, убийств в обыденность, в повседневность.

СЕРГЕЙ КЛЮЧНИКОВ
кандидат философских наук

МЕЧ РУССКОЙ ПОБЕДЫ

Психология и социология патриотизма

Привязанность русских к своей земле, стихийный жертвенный патриотизм нашего народа отмечались всеми её противниками. Знаменитую защитную функцию патриотизма сформулировал ещё в XIII веке благоверный Александр Невский, которому приписываются следующие слова: “Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет русская земля”. За последние несколько сот лет Россия, благодаря мощному патриотическому настрою народа, не проиграла ни одной серьёзной битвы, которая поставила бы под вопрос её суверенность. Лишь в конце XX столетия мы, столкнувшись с войнами нового типа, потерпели поражение в холодной войне. Одной из самых важных причин этого поражения, по мнению многих экспертов, является утрата патриотизма. Его возвращение, связанное с Русской Весной и присоединением Крыма, вселило в сердца миллионов людей надежду на то, что наука побеждать ещё не окончательно забыта нашим народом. С этой точки зрения патриотизм – это меч русской победы, который последние четверть века ржавел на складе нашей Истории.

С лёгкой руки президента России В. В. Путина понятие патриотизма, казалось бы, отвергнутое в ходе наших прозападных реформ, получило с 2012 года новый импульс к развитию. Ржавчину с этого меча стряхнула Крымская весна. Правда, есть мнение, что спасение страны нужно начинать не с патриотических деклараций, а с экономического обустройства жизни. Однако недавно ушедший от нас замечательный писатель-патриот Валентин Распутин сказал:

“Патриотизм – вот слово, которое представляется мне всеобъемлющим и если не спасительным, то в огромном клубке наших нравственных и духовных проблем тем узлом, который легче всего поддается распутыванию. С него и надо начинать. За ним стоит всё: и совесть, и долг, и истина, и добро, и вера, и личность, и гражданин, и многое другое”.

Распутин прав в том, что по-настоящему обустроить Россию могут только люди патриотического мировоззрения. Тот, кто не любит родину, не способен к национальному созиданию и выведению страны из кризиса, даже если занимает самый высокий пост и имеет финансовые ресурсы. Скорее всего, выведет деньги куда-нибудь в офшоры и уедет. А если останется, то в лучшем случае будет заниматься решением личных вопросов.

Что такое патриотизм?

Патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, следовательно, во всяком отечестве.

В. Белинский

Если попытаться выделить разновидности патриотизма, то можно говорить:

1) об официальном государственном патриотизме как мировоззрении и внутреннем эмоциональном чувстве родины, то есть о большой и малой родине;

2) о территориальном патриотизме (“почва”) и чисто национальном самоощущении (“кровь”);

3) о патриотизме этническом и патриотизме гражданском;

4) о просвещённом патриотизме, основанном на знании истории и национальной культуре и предполагающем терпимое отношение к другим народам и странам и узком, неграмотном, шовинистическом убеждении в превосходстве своей страны;

5) о безоговорочном патриотизме, построенном на убеждении, что в моей стране всё хорошо и она всегда права, и о критическом патриотизме, который видит недостатки своей страны и стремится их исправить, а в каких-то случаях способен заявить: моя страна неправа.

Как справедливо заметил исследователь темы патриотизма доктор философских наук В. И. Лутовинов: “Истинный патриотизм понимается как та вершина, лишь поднявшись на которую мы сможем увидеть духовные вершины других народов”.

В принципе, этих оттенков и разновидностей патриотизма столько, сколько людей, и если вспомнить о богатстве человеческого материала и психотипов в России, то можно сказать: да, мы богаты патриотическим разнообразием, и пусть расцветают сотни цветов патриотизма.

Когда цена на нефть была выше 100 долларов за баррель и не было ни санкций, ни угрозы войны, серьёзный разговор о патриотизме был невозможен и неинтересен нашей политической элите. Она не восприняла бы этих тем, даже если бы они зазвучали с самой высокой трибуны. Однако в ситуации предвоенного характера запрос на патриотизм существенно вырос, да и народ его всё больше требует. Ведь на кону реально судьба России. Вполне возможно, что думские и последующие президентские выборы будут происходить под знаком патриотизма, и кандидаты будут состязаться, кто из них больше любит Родину. По этому поводу можно улыбаться или зубоскалить, а можно принять это как факт.

Ожидает ли нас горячая или затяжная холодная война, её не выиграть без патриотизма. Это в своё время очень хорошо осознал Сталин, постепенно заменивший ценности пролетарского интернационализма и мировой революции на любовь к социалистическому Отечеству. Он понимал, что патриотизм опирается на архетипические ценности, и потому реставрировал многое из обихода дореволюционной России, включая обычаи, традиции, литературу, и даже ослабил давление на религию и церковь. В результате мы подошли к войне, несколько не успев осуществить перевооружение армии, но зато сумев мобилизовать население, которое было стопроцентно готово к войне психологически и даже вооружено знанием языка противника. Факт, но по свидетельствам многих пожилых людей, в тогдашние предвоенные годы население в целом знало немецкий язык лучше, чем сегодня английский.

Патриотизм словари определяют чаще всего как “любовь к Родине, привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям”. Это определение фиксирует эмоциональную составляющую патриотизма, но не менее важна её ментальная (сознательная мировоззренческая убежденность в своей пози-

ции) и волевая (готовность совершить поступок во имя своей страны без расчёта на выгоду) стороны. Важно, чтобы элементы этой триады находились в тесной связке друг с другом и чтобы не было рассогласованности. Иначе патриотизм будет ущербным: или слепым и фанатическим, или мечтательным и пассивным, или чисто рациональным, холодным.

Чтобы патриотическое чувство проснулось, человек должен что-то знать об истории и героях своей большой и малой родины. Знание о победах и достижениях своих предков пробуждает в человеке естественное чувство гордости за них и за страну, без которого патриотизм невозможен. Сегодня знание о заслугах, открытиях и русских победах умело замалчивается, и сами эти победы обесцениваются, потому патриотизм нации постепенно охлаждается. Но знать мало, надо регулярно об этом напоминать, делая это ненавязчиво и мастерски. Это задача государственной пропаганды. Но и этого мало в эпоху виртуальной реальности, распыляющей внимание человека и замусоривающей его сознание чем угодно, кроме патриотизма. Может быть, молодому патриоту необходимо регулярно, как это делают американцы, повторять формулу своего отношения к стране (есть же такая формула у космополитов: “Где хорошо, там и родина”), иметь яркий и отчётливый образ родины.

Но нужно понимать и другое: любовь рождается и живёт свободной, она веет, где хочет. Искусственным, волевым способом это чувство не пробуждается. Чтобы пробудить любовь, как живой цветок, необходимо создать условия. Для закрепления этого чувства любви к своей стране и его перевода в систему убеждений, позволяющую отстаивать страну в случаях столкновения с носителями противоположных взглядов или информационной войны, необходима воля. Её должны проявлять и соответствующие институты государства, и сама личность.

Несмотря на двадцатилетнее игнорирование темы патриотизма в России и его поношение либеральными СМИ и прессой, история с присоединением Крыма и народное ликование по этому поводу показали, что патриотические чувства в российской нации отнюдь не испарились, они живы и очень востребованы. Но мало праздничного ликования – когда-то наступают суровые будни, время каждодневной работы, которая в идеале должна проходить у каждого человека под знаком патриотизма, как когда-то в предвоенное десятилетие.

Очевидно, что настоящий патриотизм не может быть “квасным” и должен стать просвещённым, терпимо относящимся к особенностям и даже проблемам, которые может принести общение с другими нациями и культурами. Подлинный патриотизм предполагает внутреннюю работу человека по освоению духовной культуры страны и нравственные усилия по отстаиванию патриотических идеалов в условиях враждебного окружения. И, наконец, патриотизм должен быть последовательным. Недопустимо позволять называться патриотом бывшему либералу, как флюгер переместившемуся в другой лагерь только потому, что это стало выгодно. Также нельзя считать патриотом человека, интеллектуально и духовно слепого, неспособного видеть недостатки страны и поведения народа и откровенно говорить о них.

Статистика по патриотизму в России

Не принимай на веру того, что говорит статистика, пока тщательно не изучишь, о чём она умалчивает.

Уильям Уотт

Чтобы не заниматься спекуляциями и ответить на вопрос, как обстоит дело в нашей стране с патриотизмом, обратимся к статистике и начнём с исследований “Левада-центра”. Понимая, что цифры, как и факты, вещь упрямая, скажем так же, что они – вещь изменчивая и не нужно ими обольщаться. Как мы помним, в 1989 году 87% жителей России проголосовало за сохранение СССР и выступало против его развала. Кроме того, всегда может вступить в действие некий “фактор икс”, выражающий таинственную и непостижимую Божественную Логичку истории. Но с другой стороны, на Бога истории надейся, а сам не плошай, в том числе и на выборах, чтобы не получилось,

как в Германии в 1933 году, да и у нас в 1991-м. Всё-таки цифры (“Потому что все оттенки смысла // умное число передаёт” – Н. Гумилёв) позволяют говорить о тенденциях и опираться на реальность.

В первую очередь, нужно отметить, что патриотизм сегодня вошёл в число основных жизненных ценностей жителей России. С показателем 83% он занимает среди них четвёртое место. Первые три места делят другие факторы: семья, дети, дом (их важность для себя отметили 95% опрошенных россиян), душевный комфорт (92%), материальное благополучие (88%). Далее идут друзья – 81% и – с большим отрывом – религия (55%) и политика с общественной жизнью (42%). О чём говорят эти цифры? О том, что первые три позиции, связанные с приватными нуждами человека, которые так защищает современный либерализм, перевешивают патриотические настроения, более альтруистичные по своей природе.

Изменилась форма патриотизма. Несмотря на то, что мы любим патриотические праздники, современный человек убеждён, что настоящий патриотизм проявляется не на трибуне или на политическом ток-шоу, а в повседневной жизни, работе и даже взаимоотношениях. Наши люди считают, что патриотизм – в хорошем воспитании детей (50%), почитании традиций (47%) и профессиональной самоотдаче (30%).

На вопрос, что, по вашему мнению, значит быть патриотом, в 2013 году были получены следующие ответы (в скобках – данные 2000 года): “любить свою страну” – 59% (58%); “защищать свою страну от любых нападков и обвинений” – 21% (22%); “стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее” – 21% (23%); “считать, что твоя страна – лучше, чем другие страны” – 21% (17%); “работать/действовать во благо/для процветания страны” – 21% (35%); “говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была” – 11% (12%); “считать, что у твоей страны нет недостатков” – 6% (4%).

Российский патриотизм стал намного менее жёстким. 63% респондентов полагают, что можно быть патриотом, но работать в иностранной фирме, 62% думают, что переезд в другую страну сочетается с патриотизмом, а 52% уверены, что брак с иностранцем не повод записаться человека в ряды антипатриотов. При этом 48% полагают, что патриотизм требует знания государственной символики. Интересно, насколько выше процент американцев, убеждённых в необходимости знания символики США, притом, что у них почти пред каждым домом без всякого принуждения властей вывешивается национальный флаг?

Патриотические настроения в России менялись за последние 25 лет. В лихие 90-е годы, особенно после 1993 года, уровень патриотизма граждан начал падать. И хотя власть заигрывала с патриотизмом (вспомним Ельцина, после событий в Белом Доме публично распекавшего министра обороны Павла Грачёва за то, что его программа военной реформы “недостаточно патриотична”), в целом ни народ, ни власть, ни тогдашняя интеллектуальная элита не проявляли к патриотизму большого интереса.

По субъективному ощущению многих людей, в 2000 году было меньше патриотически настроенных граждан, нежели сейчас. Статистика (хотя степень её объективности зависит от политических вкусов и пристрастий руководства такого центра) рисует немного другую картину. Так, исследования “Левада-центра” говорят, что если в октябре 2000 года 77% респондентов называли себя патриотами России, то к октябрю 2013 года их число снизилось на 8% до 69%. И наоборот, число тех, кто к патриотам себя не относит, выросло (правда незначительно) с 16% до 19%. Изменился и градус активности патриотизма, ведь одно дело быть готовым что-то сделать для своей страны (в 2000 году людей этого типа было примерно 35%, а сейчас 21%), а другое – просто говорить об этом.

Как проявляется патриотизм у разных возрастных и социальных групп? Можно даже не приводить никаких цифр и уверенно утверждать, что, как и на голосовании на думских и президентских выборах, самой активной электоральной группой окажутся пожилые люди, а самой пассивной, плохо или безразлично относящейся к стране и самой идее патриотизма, будет молодёжь. И неважно, что они скажут перед телекамерами на слёте в Селигере. Важно, что более 50% молодых людей при возможности навсегда бы уехали из России. Такое “голосование” гораздо лучше раскрывает существо дела. И, ко-

нечно, власть не должна говорить, что это нормально и что во всех западных странах значительная часть населения хочет уехать в другие страны. Такие высказывания воспринимаются, во-первых, как поощрение к эмиграции, во-вторых, как неверие власти в потенциал своей страны, в-третьих, как некое чиновничье равнодушие к Родине, выглядящее очень странно на фоне глубочайших демографических проблем России, восточные территории которой скоро некому будет защищать.

Причины падения патриотизма в молодёжной среде различные эксперты объясняют по-разному, но большинство из них сходятся в том, что на этот процесс оказывает влияние общая ситуация в стране, а именно отсутствие патриотической идеи в обществе (52,42%), негативное влияние друзей и сверстников, среди которых множество поклонников западных ценностей (41,42%), и, наконец, негативная атмосфера в российских семьях (35,48%).

Что касается степени патриотизма людей среднего возраста, то эти настроения менее устойчивы и меняются в зависимости от ситуации.

А вот результаты социологического исследования, проведённого в Тольятти. Оно показывает, что элементы патриотизма выстраиваются в сознании людей следующим образом: “любовь к Родине (35,9%), уважение своего народа, ощущение принадлежности к нему (22,3%), знание истории и культуры своей страны (16,1%)”. Наименее значимым для людей оказывается такой фактор патриотизма, как уважение к государству и готовность совершать конкретные поступки в его интересах (10,0%). В качестве негативного фактора исследователи отмечают, что, называя себя патриотами (85% юношей и девушек), молодёжь все меньше интересуется историей и культурой своего народа.

Можно попытаться заглянуть в чёрный ящик сознания и понять, что думают о судьбах своей страны наши соотечественники. Согласно опросам уже другого социологического центра – ВЦИОМа – четверть граждан (24%) вообще никогда не думала о будущем России через 5-10 лет. Глубоких патриотов, думающих о Родине всегда – 11%, тех, кто задумывается на эту тему хотя бы иногда, – 36%. Причём мысли наших соотечественников на эту тему довольно оптимистичны: 43% россиян (и это число не меняется, что говорит не столько о точности анализа настоящего, сколько о неизменности психотипа) убеждены, что уже к 2020 году Россия станет “великой и процветающей”.

Несколько изменилось и понимание жителями России природы патриотизма. Почти неизменным осталось уважение к традициям (48% – в 2013 году и 46% в 2010-м). Уменьшилась готовность бескорыстно и потребностью с самоотдачей работать ради страны (с 37% до 26%). Зато выросла готовность участвовать в праздниках, посвящённых историческим событиям (с 13% до 19%), и готовность вести беседы на патриотические темы (с 6% до 13%). Для многих патриотизм является просто чувством, и лишь 19% связывают это чувство с готовностью что-то делать для блага страны.

Изменения патриотических настроений россиян говорят о том, что они в своих отношениях с Родиной стали более прагматичными и готовыми к взаимности только в том случае, если государство начнёт выполнять свои социальные обязательства. Если вспомнить слова Достоевского “Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит”, то нужно признать: всё меньшее количество людей готово безоглядно любить неприбранную страну. Законно? Конечно, законно и справедливо, если ты сам готов хоть как-то участвовать в уборке. Почти как в известном афоризме Джона Кеннеди: “Не спрашивай, что твоя страна сделала для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны”. Государство же должно создать для этого условия и не плодить ряды нереализованных талантливых патриотов.

Недавно в Тольятти было проведено комплексное исследование проблем патриотизма. Было выявлено, что, вне зависимости от возраста, респонденты считают, что на формирование индивидуального патриотического сознания больше всего влияет семья (41,3%), образование (20,6%), патриотические фильмы и книги (12%), воздействие СМИ (11,5%). Если увязывать степень патриотизма с миграционными настроениями населения, то 58,5% старшего населения и 39% молодёжи не собираются покидать Россию, но 18,3% старших и 24,0% молодых людей при возможности уехали бы. Много это или мало? Конечно, много, и потому необходимо признать, что, несмотря на локальный патриотизм и привязанность людей к своему родному гнезду, уровень патриотизма в российской глубинке недостаточно высок.

Весьма удручающими выглядят и следующие показатели, которые выявил ВЦИОМ, исследовавший отношение жителей России к своим эмигрировавшим из страны согражданам. На вопрос, должны ли эти эмигранты во всём поддерживать Россию, положительный ответ дали только 50% респондентов, а 36% сказали, что “нет, не должны”. На второй вопрос, должны ли уехавшие из России поддерживать политику той страны, где они поселились, если она враждебна России, твёрдое “нет” сказали 45%, а поддержали тех эмигрантов из России, кто приветствовал антироссийскую политику своих новых хозяев, целых 39%.

Так мы страна патриотов?

Левада-центр показывает следующую схему динамики представлений жителей России о патриотизме.

Таблица 1. Что, по Вашему мнению, значит быть патриотом?

	<i>Варианты ответа</i>	2000	2007	2014
1.	Любить свою страну	58	66	68
2.	Работать /действовать во благо/ для процветания страны	35	27	27
3.	Стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее	23	21	22
4.	Защищать свою страну от любых нападок и обвинений	24	21	18
5.	Считать, что твоя страна лучше, чем другие страны	17	18	16
6.	Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	12	10	11
7.	Считать, что у твоей страны нет недостатков	4	4	
8.	Нет ответа / затрудняюсь ответить	10	6	

О чём говорят все эти показатели? О том, что в стране имеет место количественный рост патриотизма (если так можно выразиться), но его качество, связанное с готовностью что-то делать для своей страны, ухудшается. К сожалению, наше вербально продвинутое время вполне может быть охарактеризовано строчками Николая Гумилёва: “И, как пчёлы в улье опустелом, // дурно пахнут мёртвые слова”. Заболтано практически всё, и люди всё больше тяготеют не к действиям во имя страны, а к околопатриотическим (хотя и полезным) зрелищам вроде исторических реконструкций. Огромное число молодёжи старается любыми путями “откосить” от армии, но зато не прочь эмигрировать на Запад и попасть туда, “где чисто, светло” (Хемингуэй). Как это контрастирует с военным и послевоенным временем, когда молодёжь рвалась на фронт, а позднее – на целину и комсомольские стройки!

С психологической точки зрения можно говорить о разрыве между эмоциональной и волевой составляющей у значительной части населения, тяготеющего к ненапряжённому существованию и некоей праздничной форме патриотизма.

Многие сегодня причисляют себя к патриотам под влиянием исторического прошлого России, которое стало более доступно, нежели до перестройки, благодаря историческим изданиям, фильмам и телепередачам. Само по себе это отрадный факт, но патриотизм, основанный на ностальгии и не распространяющийся на настоящее страны, едва ли перейдёт в действие, когда стране понадобится прямая помощь. Ностальгировать по прошлому величию царской России, ругая коммунистов и нынешнюю власть, можно и не находясь в стране и не разделяя с её согражданами боль и проблемы Родины. Очевидно, что восприятие патриотизма как исключительно эмоционального ретрособытия по меньшей мере недостаточно. Падение мотивации делать что-либо бескорыстно для России легко объяснимо. Многие россияне разочаровались в российской государственной системе, которая кажется им совершенно равнодушной к их бедам и проблемам. Трудно говорить о патриотическом отношении к государству, в котором власть отдана миллионам холодных эгоисти-

ческих чиновников, сплочённых в монолитную систему и весь свой креатив направляющих на дальнейшую эксплуатацию народа. К государству, которое, уже не скрывая, называет систему образования и здравоохранения системой услуг, проявляя весьма жёсткое отношение к малоимущим и планируя сокращение помощи им.

Дело не только в маленьких зарплатах и недостаточном финансировании государством своих социальных обязанностей. Россия знавала времена куда меньших зарплат, но при этом патриотическое чувство было на высоте. Дело в вопиющей несправедливости распределения благ, которая в России всегда переносилась крайне болезненно. Чиновники вместе с политической элитой и представителями крупного бизнеса живут по отношению к народу в параллельном государстве и не собираются ни в чём с ним смешиваться. Если сравнить с ситуацией военного времени 1941 года, то бросается в глаза абсолютно разное поведение власти в различных условиях: если сейчас в ситуации отсутствия прямой войны снова начались задержки зарплат, как было в лихие 90-е годы, то в войну солдатам и офицерам с абсолютной регулярностью и строжайшей финансовой дисциплиной всегда чётко выплачивали скромную, но спасительную зарплату. Да и лётчики за каждый сбитый немецкий самолёт получали прибавку к жалованию. (Обо всём этом подробно и убедительно рассказано в цикле статей известного экономиста Михаила Делягина «Экономика войны»).

Понимание качества народного патриотизма необходимо для того, чтобы оценить возможность сопротивления, которое должна оказать наша страна и народ при столкновении двух цивилизаций – западной и российской. «Если завтра война», как пелось в одной известной в те далёкие годы песне, то пока нет оснований полагать, что российское население будет в массовом порядке дезертировать. Наоборот, любая подобная агрессия сплотит народ – национальные воинские архетипы ещё не выветрились из народного сознания. Но если несколько лет продлится гибридная война, которая захватит несколько направлений, то сохранение сегодняшней модели развития страны приведёт к быстрому истощению остаточного патриотического ресурса. Большинство людей продолжает жить ценностями эгоизма и потребления, причём нет никаких признаков, что тяга к этим ценностям слабеет.

Насколько прочен ресурс патриотизма?

Одна из глубочайших особенностей русского духа заключается в том, что нас очень трудно сдвинуть, но раз мы сдвинулись, мы доходим во всём, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии, до крайности.

Д. Мережковский

Сегодня большинство экспертов утверждают, что ресурс мощного патриотического подъёма, охватившего страну в марте 2014 года, в значительной степени растрочен. Настроение людей при дальнейшем ухудшении уровня жизни и полном идеологическом вакууме рискует от восторгов качнуться в иную, негативную сторону. Причём мы сейчас находимся в такой фазе истории, которую можно назвать манипулятивной, когда настроение масс может смениться на прямо противоположное достаточно быстро. К сожалению, патриотические симпатии не всегда устойчивы. Сто лет назад, в августе 1914-го рейтинг Николая II зашкаливал. Но уже через три года совокупность ошибок, сделанных последним русским императором, настолько достала все слои населения, что страна равнодушно приняла падение монархии. Вспомним и ситуацию в Сербии, где после прекращения натовских бомбардировок в 1999 году Милошевича буквально носили на руках. Но уже через год с небольшим он был свергнут толпой.

Что произойдёт, если в результате гибридной войны страна будет сражаться с умным и сильным противником, а её элита и народ втайне будут любить Запад и хотеть жить так же, как Европа и Америка? Скорее всего, может произойти то, что произошло в Ираке, когда военачальники страны были

куплены США за хорошую цену. В Иране это просто немыслимо, потому что градус патриотизма оказался там гораздо сильнее, чем в Ираке. Одно государство светское, другое – построенное на религиозном фундаментализме, и потому такие разные результаты в смысле патриотизма.

Кого будут пытаться купить у нас, кроме оппозиции? Мусульманские регионы страны (по ним будут бить с целью сравнить последователей ислама и православных), молодёжь, креативный класс, либеральную интеллигенцию, политическую элиту? Вероятно, что это будет некая системная спецоперация, которая, собственно, ведётся сейчас и кульминация которой должна произойти перед президентскими выборами. Легко представить, как будет вести себя российская оппозиция в случае обострения ситуации в стране.

Даже если посмотреть на европейскую историю, то можно увидеть, что многие революции проходили под патриотическими знаменами. В 91-м году ельцинисты взяли власть, обойдясь без патриотизма. Тогда уставшее от пустых прилавков и железного занавеса население имело слишком большие иллюзии в отношении Запада и хотело братания с ним любой ценой. Вполне возможно, что сегодняшняя оппозиция, в конце концов, убедится, что её либеральные мантры не работают, и попробует выступить под патриотическими знаменами, разоблачая ложный патриотизм сегодняшней власти. Объяснение будет следующее: именно мы – настоящие патриоты, которые любят страну, и желают, чтобы мы все жили так замечательно, как Европа и Америка, в отличие от коррумпированных чиновников, почему-то присвоивших себе звание патриотов, но живущих исключительно ради себя. И это способно повлиять на настроение народа, если экономическое состояние страны будет ухудшаться.

Проблемы нашей жизни столь остры и недостатков во всех сферах экономики и управления страной так много, что не замечать их или сглаживать углы по формуле “кое-кто у нас порой честно жить не хочет” может только недалёкий человек или карьерист во власти. И что, он теперь патриот, а те, кто видят проблемы и говорят о них, – враги России? Но именно эти сервильные патриоты будут обвинять сегодня истинных, не желающих молчать патриотов в недостатке патриотизма, пессимизме, желании свести счёты с идеологическими противниками.

Такое уже не раз было в российской истории. Вспомним Чаадаева, говорившего о том, что он “не научился любить родину с закрытыми глазами”. В другой раз он сказал ещё более жёстко: “Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать её, предпочитаю унижать её, только бы её не обманывать”. Мне не один раз приходилось сталкиваться с мнением, что Чаадаев не патриот. И в те времена его тоже в этом обвиняли.

Институты воспитания патриотизма

Воспитатель сам должен быть воспитан.

К. Маркс

Все сегодня признают, что для воспитания просвещённого патриотизма нужна определённая культурно-психологическая подготовка человека. В советское время её осуществляла система партийного политобразования. Сейчас ни чиновники низшего и среднего звена, ни элита, ни народ не получают такой подготовки, потому что философия патриотизма в современной России не разработана. Школы менеджмента и даже академии госслужбы не имеют серьёзных программ и курсов этой направленности. Хотя отрадно, что на высшем уровне принято решение учить основам отечественной истории (а значит, и патриотизму) губернаторов, руководителей заксобраний и крупных госчиновников.

Некоторые попытки говорить о патриотизме молодёжи делались даже в рамках движения “Наши”, где утверждалось, что молодой человек должен соблюдать правильный баланс между служением обществу и стране и собственными карьерными интересами. Но кто измерит правильность этого баланса? Есть все основания полагать, что призыв был услышан, понят в духе времени и помог активистам этого движения сделать хорошую личную карьеру.

Какие институты должны заниматься воспитанием патриотизма в стране? Часто говорят, что патриотизм – это глубоко интимное чувство, в которое нельзя грубо вмешиваться, и что вполне достаточно, если естественным воспитанием этого чувства будет заниматься семья. Но в этом случае нет никакой гарантии, что космополитически, и тем более антироссийски настроенная семья (а таких немало) сумеет воспитать патриота. Система образования, семимильными шагами идущая к превращению в систему платных услуг, не сможет заниматься этим хотя бы потому, что у замученных избыточной отчётностью учителей и преподавателей на это элементарно не хватит ни сил, ни времени.

И, конечно, специальные уроки патриотизма уступают по своей убедительности тем урокам, где эта тема вплетена в ткань изложения и в процесс обучения. Воспитание этого чувства должно быть растворено в качественном преподавании других предметов – истории, русского языка, литературы, граждановедения, краеведения, философии. Но сегодняшнее обилие учебников далеко не всегда свидетельствует о том, что данная тема присутствует на их страницах столь же обильно. Наоборот, всё большая коммерциализация системы образования, а особенно переход на систему Global Education Future со временем сделает тему патриотизма в школах и вузах просто излишней.

Экспертное сообщество, разделившееся на либералов и патриотов, тоже пока не принимает в выработке системы патриотического воспитания активного участия. Либералы любят абстрактные западные свободы гораздо больше конкретной России. Патриоты небезосновательно опасаются, что их идеи могут быть использованы в конъюнктурных предвыборных целях.

Разработкой темы патриотического воспитания занимаются чиновники Минобразования и ряд учёных. Есть целый ряд ведомств и творческих коллективов, которым поручено заниматься исследованием патриотизма в Институте социологии РАН, Институте социально-политических исследований РАН, Институте психологии РАН, Главном управлении воспитательной работы ВС РФ, Центре военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, Военном университете Министерства обороны РФ, Екатеринбургском государственном педагогическом университете. Есть целый ряд государственных программ патриотического воспитания населения, прежде всего, молодёжи. Одна из последних – Государственная программа “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы”. Однако нет достаточной координации между этими организациями и программами. По стране периодически проходят конференции с участием ветеранов, куда иногда удаётся пригласить молодёжь. Но по большому счёту, это капля в море. К сожалению, стратегия малых дел в век глобализации работает всё меньше.

Нельзя не упомянуть и такой важнейший общественно-духовный институт, как Русская Православная Церковь. В воспитании патриотического сознания русского народа главную роль сыграли русские святые. Филарет Московский говорил: “Худой гражданин Отечества земного и небесного недостоин”. Сегодня молитвы о России и её деятелях возносятся на литургиях, о любви к России говорят многие священнослужители в своих проповедях, включая и Патриарха Кирилла, выходит много церковно-патриотических книг, и старых, и современных авторов. Церковь сотрудничает с вооружёнными силами России в деле патриотического воспитания молодёжи, призывников, солдат и офицеров, всё более активно участвует и в различных светских мероприятиях, взаимодействует на этом поприще с творческими союзами, в особенности с Союзом писателей России, который в 90-е годы либералы называли “гнездом реакционного патриотизма”.

Следует признать, что не всегда Церковь находила общий язык с деятелями патриотического направления. Последние упрекали её в том, что, отрицая советский период, РПЦ, сознаёт она или нет, объективно способствует расколу единого национального самосознания. Однако уже несколько лет наблюдается заметное сближение между патриотами советского замеса и Церковью: они сошлись на признании сакральной роли подвига России (которая тогда называлась Советским Союзом) в Великой Отечественной войне. Сближение проявляется и в оценке русской культуры: когда епископ и замечательный православный писатель Тихон Шевкунов говорит о высоком нравственном значении творчества Льва Толстого, это дорогого стоит. И хотя до полного сближения позиций ещё далеко, сам поворот внушает надежду.

Важной организацией, фактически занимающейся воспитанием патриотизма российского населения, оказывается наше внешнеполитическое ведомство. Казалось бы, главное направление его деятельности – внешняя политика – не влияет на рост патриотизма, но на самом деле влияет, да ещё как! И началось это влияние с появления в российском МИДе такой фигуры, как Евгений Максимович Примаков. Сегодняшний МИД успешно продолжает линию “гражданина России”. Глядя, как сотрудники МИДа на брифингах и в телеинтервью рассказывают о своей сложнейшей работе по продвижению интересов России в мире, люди, во-первых, начинают лучше понимать, в чём эти интересы состоят, а во-вторых, наполняются гордостью за свою страну, видя самоотверженную и тяжёлую работу дипломатов.

Но, похоже, что у семи нянек дитя без глаза. Обилие организаций, курирующих патриотическую тему, не справляется с задачей и расплывает энергию. Главной силой, вырабатывающей сегодня патриотическую идеологию, является пресса и телевидение. И надо признать, что подобная работа в целом даёт свои плоды: многие люди в России, ориентированные в либеральном ключе после украинских событий и поведения Запада, постепенно прониклись патриотическими настроениями. Идут сдвиги и в восприятии России в мире, хотя и не столь быстро, как хотелось бы, – изменить мировоззренческие стереотипы западного высокомерного отношения к России очень трудно, почти невозможно.

Но говоря по правде, отечественные СМИ в идеологической войне с Западом действуют очень часто по наитию и не имеют возможности использовать различные аналитические разработки в той мере, как это делают страны-агрессоры. Публицист Сергей Черняховский справедливо заметил, что патриотизм укрепляется, когда он становится гонимым со стороны официальной пропаганды, и, наоборот, уменьшается, если превращается в объект восхваления.

На мой взгляд, ни экспертам, ни чиновникам не нужно впадать в связи со словами президента о патриотизме в административный раж и выдвигать инициативы, которые могут скорее навредить патриотическому воспитанию населения, чем помочь ему. Недавно прозвучавшее из уст одного из сенаторов предложение о создании специального рейтинга патриотизма регионов при своей реализации может иметь двоякие последствия. В благоприятном случае можно будет иметь мониторинговые данные о том, как разные факторы современной жизни и действия со стороны местной власти влияют на сознание жителей региона. Неблагоприятный вариант развития событий – формализация хорошего дела и начинания, рост коррупции, связанной с попыткой регионов и чиновников доказать, что они большие патриоты, чем их соседи, зубоскальство в либеральной прессе по поводу самого этого начинания и, наконец, разъединение регионов и элит.

Иногда наши тележурналисты перебарщивают с интенсивностью информационного нападения на оппонента (а в таком тонком деле, как любовь к родине, плохо недосолить, но пересолить, наверное, хуже), в других случаях впадают в ступор, как в своей реакции на чудовищный случай в Москве с отрезанной детской головой. Видно, что ни СМИ, ни их властные кураторы не определились, как реагировать на подобные дикие случаи. В итоге была выбрана испытанная тактика отложенного конфликта, которая при повторении инцидентов уже не работает.

Как реагировать на обвинения в адрес России?

Обвинять легче, чем защищать; легче наносить раны, чем исцелять их.

Марк Фабий Квинтилиан

Андрей Фурсов говорит о психоисторической войне, ведущейся против России уже много веков, и выделяет три её фазы: 1) фальсификация фактов, 2) искажение интерпретаций и внедрение ложных концепций, 3) искажение сакральных глубинных смыслов. На каждой из этих фаз тонкая ткань народной души получает всё новые раны. Одна из наиболее болезненных

тем, связанных с патриотизмом, — это необходимость давать осмысленный, жёсткий, пропорциональный ответ на возрастающий поток обвинений в адрес России, идущих со стороны Запада. Причём точность и пропорциональность ответов тоже важна, чтобы не стрелять из пушек по воробьям. Ответ должен быть системным, а не точечным, рождённым как реакция на возникшую ситуацию, понятным не только западным дипломатам, но и собственным гражданам, психика которых воспринимает обвинения крайне болезненно.

Люди испытывают стресс от того, как на них нападают за границей, независимо от того делает ли это обслуга какого-нибудь отеля в Англии или Голландии, или устроители научно-практической конференции, демонстративно лишаящие граждан России сертификата участника мероприятия. И ответы, которые можно услышать от чиновников или депутатов, вроде: “Ну, и не посещайте Запад!” — не удовлетворяют людей, которых вначале лишили социальных льгот, добытых прежней властью в обмен на свободы, а теперь забирают и эти свободы — непонятно во имя чего.

Но и те, кто не ездит за рубеж, испытывают стресс от постоянно тиражируемых нашей прессой и СМИ обвинений Запада, демонизирующих нашу страну и народ. Несмотря на информационные фильтры нашего телевидения, интернет-пространство оставляет множество возможностей для просачивания разрушительных обвинительных программ и мемов. У многих людей возникает стресс смыслового порядка. Рядовой, патриотически настроенный избиратель пытается понять, почему, несмотря на огромные уступки нашей страны за последние десятилетия, Запад продолжает мощнейшую информационную войну и призывает относиться к нам как некоей империи зла и антицивилизации, а наша официальная позиция остаётся оборонительной, и мы продолжаем говорить, что мы — часть западной цивилизации?

Если ничего не предпринимать, то обвинения могут породить во многих людях комплекс вины, сродни тому, что возник у немцев по поводу Второй мировой войны и Гитлера и теперь заставляет их капитулировать перед мигрантами. Обвинения могут сделать невроз и обиду массовыми настроениями. Продолжающиеся обвинения могут вызвать у людей ярость и спровоцировать их на массовые выступления по каким-то другим поводам, в результате чего в стране в целом или на какой-то её части власть переходит к сторонникам куда более жёстких мер. Наконец, обвинения, оставшиеся без серьёзной реакции нашего государства, могут породить ощущение полной безнаказанности у тех, кто управляет процессом травли России и её граждан, и побудить их не только на новые обвинения, но и на провокационные действия. Ведь за годы обвинений мировое сообщество будет приучено к тому, что одну седьмую часть суши занимает страшная страна, Мордор, угрожающий безопасности всей планеты, и чем быстрее с ним покончить, тем будет лучше для всех. В такой атмосфере гораздо легче нажать спусковой крючок войны.

Национальная философия информационной войны

Война есть не только потрясение, но духовное испытание и духовный суд...

Иван Ильин

Что же можно и нужно сказать народу о текущем моменте по поводу информационных войн и взаимоотношений с Западом?

1. Мы живём в переломную эпоху. Нужно постоянно напоминать, что мы живём в эпоху обострённой борьбы цивилизаций и находимся на переломной стадии исторического процесса. Идёт конкуренция не только в сфере экономики, финансов и технологических укладов, но и в области идей, смыслов и ценностей. Западная цивилизация, ориентированная на христианские ценности и имевшая в прошлом немалое количество творческих достижений, сегодня переродилась и выбрала в качестве главных ценностей индивидуализм, гедонизм и комфорт. Но для поддержания высококомфортного существования необходим избыток природных ресурсов, которых на планете недостаточно.

2. Запад — наш исторический конкурент — сегодня ведёт борьбу с Россией недостойными методами. Запад во главе с Америкой избрал путь активной борьбы со всеми конкурентами, которые могут противостоять

его стремлению к финансово-экономическому, цивилизационному и культурному господству. Россия (наряду с Китаем), несмотря на своё технологическое отставание, в силу своей величины, военной мощи, научного и культурного потенциала является естественным конкурентом США во всех сферах развития и главным препятствием для реализации их гегемонистских планов. В том числе и потому, что мы отличается от прагматичного Запада своими ценностными нравственно-духовными качествами и установками. Пусть эти качества и установки в сегодняшней практике реализованы у нас слабо, а по социальным программам мы выглядим менее гуманными, нежели страны Западной Европы, все наши прошлые победы были сопряжены именно с этими ценностями.

3. У нас есть шансы на победу даже над более сильным противником, как это было всегда в русской истории. Конкуренция требует мобилизации, умения быстро учиться, качественно работать, осваивать лучшие существующие технологии и творчески рождать новые. У России есть шанс победить, если она будет грамотно задействовать свои географические, ресурсные, культурно-исторические и военные преимущества и будет вести более грамотную стратегию в ситуации мирового кризиса. От нас потребуются новые идеи, которые мы можем предложить миру и которые мы должны реализовать у себя.

4. Информационная ложь не может литься вечно, рано или поздно она захлебнётся. Пусть мы далеко не во всём соответствуем этим высоким идеалам сегодня, но и наши духовные корни, и вектор устремления человеческой воли у нас иные, чем на Западе. Как только Россия начала утверждать свои национальные интересы и подниматься с колен, Запад немедленно запустил второе издание холодной войны, цель которой – максимальное сдерживание России и даже её расчленение. Но потоки лжи, извергаемые Западом на Россию, не могут литься бесконечно. Какие бы чудовищные измышления и обвинения в адрес нашей страны ни предъявлялись, но без подкрепления реальными фактами на фоне взвешенной политики мира, проводимой Россией, людям рано или поздно это надоест. И тогда противник должен как-то сменить стратегию или перевести свою ненависть в горячую форму (при наличии ядерного оружия у России это будет безумием), или перевести агрессивный диалог в более спокойную и конструктивную форму (как, может быть, собирается сделать Дональд Трамп).

5. Сохранение России выгодно для всего мира, и рано или поздно наши противники это поймут. Если эгоистическая Америка, истребляющая природу планеты, готовая разорить и уничтожить всех своих конкурентов, включая Европу, создающая всё более изощрённые технологии расчеловечивания человека, добьётся полного мирового господства, то планета погибнет. Не выживет Земля и в том случае, если бы все страны в результате прогресса перешли бы на американский уровень потребления, ориентироваться на который лукаво призывают остальные народы американские СМИ. Условия выживания планеты – новый, более справедливый и более духовный экономический и ресурсно-экологический мировой порядок.

Потому сохранение России в этих условиях крайне необходимо для спасения всего мира. До сих пор остаются справедливыми слова русского философа Ивана Ильина о невозможности расчленения России и одновременном развитии мировой цивилизации. Она может сохраниться только в том случае, если её сердце – Россия – тоже сохранится. Без России невозможно сегодня решение ни одной серьёзной настоящей и будущей мировой проблемы.

6. Сохранение патриотизма народа на высоком тоне – условие победы. Одно из главных преимуществ России, которое всегда помогало ей побеждать в военных схватках с Западом, – это высокий уровень патриотизма, проявляющийся и на фронте, и в тылу, который мгновенно возникает во время войны, но редко проявляется в мирное время. Будет ли население устойчиво патриотично во времена гибридных войн, зависит от того, как построена информационно-идеологическая работа в стране. И хотя люди устают в условиях долго длящегося мобилизационного уклада жизни, нужно признать, что в сегодняшнем состоянии полурасслабленной суеты мы не победим противника. А мобилизация и патриотизм – это близнецы-братья. Потому искусству воспитания правильному, устойчивому, просвещённому патриотизму народа и молодёжи нужно учиться. Директор Института социологии РАН

М. Горшков в одной из телевизионных передач заявил, что данные его института свидетельствуют: крымский патриотический настрой в стране — это долгоиграющий тренд, что неожиданно и для самой власти.

Патриотизм, свобода и свобода перемещения

Ногами человек должен встать в землю своей родины, но глаза его пусть обозревают весь мир.

Давид Сикейрос

Опросы показывают, что индивидуальная свобода как ценность, никогда не увлекавшая народные массы России, не особенно увлекает их и сейчас. Подавляющее большинство выбирает стабильность и материальное благополучие. Но одна ценность, по поводу которой власть, на мой взгляд, говорит в не совсем правильной тональности, может в настоящем и будущем создать проблемы для продвижения патриотической идеи — это свобода перемещения и выезда за границу. В своё время на этой проблеме споткнулась советская власть, опасавшаяся шока, с которой столкнётся выезжающий из страны гражданин СССР, когда увидит, что капитализм-то отнюдь не загнивает и по многим показателям выглядит привлекательнее социализма. Выбранный путь запретов и всевозможных ограничений вызвал, в конечном счёте, обратную реакцию и был одной из причин победы либералов-западников с их гимнами свободе потребления над сторонниками социализма.

Вспомним также Берлинскую стену и сумасшествие, охватившее немцев, жаждущих свободы и разбивавшихся насмерть, но всё равно перелезавших через бетонную преграду. Сегодня ограничения, коснувшиеся ряда стран (прежде всего, Египта и Турции), в которые турагентствам не рекомендовано делать выездные туры, не достигают степени советского тотального контроля и не выглядят как злая запретительная воля властей. Логика государства проста: хочешь выбираться в опасные страны, действуй на свой страх и риск.

Но дьявол в деталях. Во-первых, людей пугает эмоциональная тональность, с которой представители власти, те же депутаты начинают говорить, мол, ну, и правильно, что запретили делать туры за рубеж, пусть люди ездят по стране, на Байкале и Камчатке лучше, чем на Лазурном берегу, и предлагают узаконить этот запрет под предлогом заботы о безопасности граждан.

Ну, ладно депутаты, им нужно любым, самым экстравагантным образом поддерживать рейтинги. Но когда руководитель всей туристической отрасли России с металлом в голосе говорит по центральному ТВ, что мы не будем поддерживать внешний туризм, это дело граждан, мы заинтересованы исключительно во внутреннем туризме, то это не может не настораживать. В том конкретном телеинтервью чиновник только с четвёртого или пятого захода нехотя ответил на вопрос телеведущей, какие страны могут заменить Турцию и Египет. Разумеется, граждане воспринимают это как начало курса на полный запрет всех зарубежных турпоездов.

Во-вторых, совет вместо Европы поехать на Байкал и Камчатку для тех же жителей европейской части России выглядит то ли издевательством, то ли полной оторванностью от понимания экономической ситуации и толщины среднероссийского кошелька. Ведь поездка-то будет в два раза дороже, чем аналогичный тур в Болгарию, Черногорию и даже Испанию. Не будем говорить о сервисе и о состоянии российской туристической инфраструктуры. Да и в Подмосковье цены в санаториях и домах отдыха кусаются, как зубы пираний.

В-третьих, помимо тех туристов, которым в принципе всё равно, где валяться на пляже, главное, чтобы в Сочи и Крыму не было дороже за границы, есть ещё немалая часть людей, кто выезжает на Запад с культурно-познавательной целью. Это интеллигенция, учителя, врачи, преподаватели, управленцы, пенсионеры. Они уже объездили Россию и теперь хотят реализовать своё законное право посмотреть мир, зайти в Лувр, Уффици или Прадо, побродить по развалинам Колизея. Как они будут относиться к власти, от которой услышат: “А вы лучше путешествуйте по своей стране!”?

Перестройка и особенно реформы стали трагедией для одних людей и драмой для других, потерявших в ходе этой социального эксперимента очень многое. Целый ряд свобод, которые мы получили, оказались эфемерными или отягощёнными дополнительными трудностями, которые их обесценили. Но одна из реальных свобод, которая как-то компенсировала потери, была свобода путешествий по миру. Сейчас она стремительно сокращается. И даже если чиновники скажут нам, что они никак не ограничивают этой свободы мол, есть деньги – бери и путешествуй, куда хочешь, у миллионов людей возникнут вполне резонные мысли: “А кто, разве не вы, чиновники либеральной ориентации, довели страну и людей до состояния, когда денег на поездки нет?” И оно, “народное мнение”, которое в пушкинском “Годунове” было показано как сила помощнее государственной пропаганды, перевесит все объяснения чиновников и может сыграть с властью на выборах нехорошую электроральную шутку.

Если сегодняшняя политическая элита не хочет убить патриотические настроения народа, она должна сделать всё, чтобы не впасть в изоляционизм и сохранить возможность для миллионов людей ездить за границу. Не надо бояться, что люди посмотрят мир и миллионами побегут в Европу. Наоборот, побывав там, они увидят, что ситуация с беженцами и терроризмом такая, что именно Россия является островом стабильности.

Но чтобы такая возможность ездить по миру сохранилась, нужно ограничить политику Центробанка, искусственно вздернувшего курс доллара до невообразимой высоты. Абсолютно прав сенатор С. В. Калашников: доллар реально стоит 40 рублей, и его нужно вернуть к этой величине.

Что мешает воспитанию патриотизма?

Величайшим грехом по отношению к нашим согражданам является не ненависть, а равнодушие к ним.

Б. Шоу

Убеждён, что при анализе этой проблемы не обойтись не только без социальной, но и без этнической, национальной, исторической, цивилизационной психологии. Многие препятствия уходят корнями в глубинные национальные психологические установки, которые постепенно навязала народу российская власть и интеллигенция.

В первую очередь, это массовое глубинное убеждение, что всё лучшее во всех сферах создано за границей, и России с её отсталостью остаётся только присоединиться к передовому и прогрессивному человечеству. Именно это качество побуждало министерство образования во чтобы то ни стало присоединить образовательную систему страны к Болонской системе, а российское правительство любой ценой войти в ВТО. Именно это убеждение заставляет российское телевидение делать ремейки западных передач, копируя в них всё, от обсуждаемых тем до шуток телеведущих. Как справедливо заметил историк Андрей Фурсов, “одна из линий метафизической войны против России всегда заключалась в том, чтобы убедить нас, что мы неполноценная, недоделанная, недостроенная Европа”. И мы легко, с удовольствием и даже с самоубийственным ражем принялись воплощать эту внушённую нам установку во внешней и внутренней политике 90-х годов и до сих пор выполняем её во многих областях жизни.

Пётр Чаадаев называл эту черту “склонностью к подражательству”. На бытовом уровне это подражательство проявляется как желание соответствовать модным тенденциям. Сегодня эта наша национальная черта стала мишенью западных технологий, сформировавших не только вне нашей страны, но и внутри неё особый мем: критиковать агрессивную и отсталую Россию – это признак принадлежности к продвинутому классу и хорошему обществу. В Америке критика России – условие успешного карьерного продвижения, без неё не стать ни успешным политиком, ни известным журналистом-международником. Запад сумел внушить своё убеждение и какой-то части нашего населения. Поскольку ругать Россию модно, то очень многие, включая молодёжь, соревнуются в этом навыке в соцсетях.

Во-вторых, *неверие в Россию и недооценка собственных национальных достижений*. Всё, что сделано в России за тысячелетия её существования, обесценивается, а исключения (русская литература, ядерное оружие и современные виды вооружений) лишь подтверждают правило.

Главным объектом недооценки и критического отношения является русский народ, лучшие государственно-инстинкты которого объявляются проявлением рабской психологии. Неверие в Россию проявляется и в виде запрета на поиски самостоятельного пути, который постоянно звучит в высказываниях либералов, ухитряющихся сегодня заявлять, что они тоже патриоты. Не о них ли говорил в своё время Достоевский: “Тот патриотизм, который в самостоятельность русского развития не верит, может быть искренний, но, во всяком случае, смешной патриотизм”?

В-третьих, *разрыв исторической преемственности, стремление вычеркнуть и объявить нелегитимными целые периоды истории, прежде всего, советские 70 лет*, когда были одержаны самые грандиозные победы в истории, и страна превратилась во вторую в мире по мощи мировую сверхдержаву. С прерыванием традиции естественным образом прерывается и патриотизм, который становится усечённым, разорванным чувством.

В-четвёртых, *склонность к отождествлению бюрократического класса в данную эпоху со всей страной в её вечном измерении*, когда недостатки этого класса, по сути, объявляются недостатками каждого жителя России. Так тезис “Россия – страна, где воруют” (причём воруют, прежде всего, чиновники всех мастей) превращается в тезис, что каждый россиянин – реальный или потенциальный вор, а главное, что так будет всегда.

В-пятых, *экономизм и прагматизм российской правящей элиты, привыкшей измерять ценность жизни размерами денежных сумм*. Если патриотизм не приносит дивидендов, не помогает делать карьеру, не вызывает одобрения начальства, то очень многие практичные люди теряют к нему интерес. Но если он становится выгодным предприятием, как сейчас, то чиновники входят в раж и превращают тонкую творческую задачу воспитания патриотизма в уродливый и безвкусный китч. Если в советское время воспитание патриотизма было заменено скучными мероприятиями и казёнными речами, в пафос которых никто не верил, то сегодня это, чаще всего, фальшивый оживляж и позитивчик вроде концертов “звёзд” во время дней любого российского города.

Расцвету патриотизма мешает и гигантский объём отчётности, придуманный чиновниками для оправдания собственного существования и мешающий учителям, вузовским преподавателям и работникам культуры заниматься своим главным делом – патриотическим образованием и просвещением людей. Сократить отчёты, которые не читают проверяющие, и высвободить время для создания главного – вот задача из задач для России, которую, наверное, не решить без воли первого лица. Так и хочется воззвать к лидеру нации, чтобы он помог решить эту проблему и вошёл бы в историю как царь-освободитель от ненужной отчётности!

В-шестых, *недооценка идеального и гуманитарного фактора жизни*. Те, кто сегодня задают повестку дня – чиновники, руководители СМИ, тележурналисты, “звёзды”, политики, – крайне мало читают русскую классику, плохо знают русское искусство и не придают гуманитарной сфере должного значения.

В-седьмых, *отношение к творцам патриотизма – русским поэтам, писателям, музыкантам, режиссёрам, художникам национального направления, – а также к интеллигенции в целом – преподавателям, научным сотрудникам, работникам культуры*. Что касается людей творческих профессий, то власть, в лучшем случае, не замечает их (разумеется, за исключением “звёзд” и “випов”), а в худшем случае – сдерживает их творческую активность. До сих пор не готов закон о творческих союзах, а профессия писателя вообще исчезла из реестра профессий.

Если же говорить о школьных и особенно вузовских преподавателях, научных сотрудниках, работниках культуры, которые как раз являются профессиональными носителями и воспитателями патриотизма, то отношение к ним со стороны государства далеко не всегда поддерживает в душах и сердцах этих людей патриотические настроения. Ликвидация надбавок к зарплатам у преподавателей в вузах, сокращения, проходящие в культурных организациях, постоянно снижающиеся зарплаты – всё это в науке ведёт к тому, что

научная молодёжь уезжает на Запад (согласно статистике, более половины молодых учёных Сибири готовы уехать в Америку и Европу при первой возможности), а уволенные высококвалифицированные работники культуры устраиваются на работу курьерами и вахтёрами. Будут ли любить страну эти люди после такого отношения к ним со стороны государства и станут ли они транслировать патриотизм в мир, вопрос излишний. Если их патриотизм сохранится, то таким людям нужно при жизни ставить памятник, они – соль земли.

К сожалению, таких высоких мастеров своего дела и талантливых творческих людей, выброшенных из профессиональной среды, в России очень много. Долго ли ещё Россия будет оставаться страной невостребованных людей? Вообще родимым пятном нашего государства и его чиновников является равнодушное, недостаточно благодарное и нередко жестокое отношение к простым работникам. Если мы срочно не начнём исправлять эту ситуацию, у нас ещё долго будут проблемы с истинным патриотизмом.

Но всё-таки *главным фактором, мешающим воспитанию патриотизма, является равнодушие элиты, глубинный непатриотизм и всепоглощающая любовь к Западу со стороны нашей элиты, словно вирус проникающий в иммунную систему всех слоёв населения и растлевающий его дух.* Ещё недавно пратильственные чиновники имели двойное гражданство, недвижимость за границей, детей и жён, живущих в Европе и США, и с удовольствием проводили летний отдых на Лазурном берегу, а зимний – в Куршавеле. Сегодня обстоятельства заставляют их отказываться от второго гражданства, продавать имущество, приобретённое на Западе, публично произносить патриотические речовки, но насколько искренен их сегодняшний патриотизм? Где сокровище ваше, там и сердце ваше.

Если в дореволюционное время царское правительство было “главным европейцем в стране”, то сегодня оно в своём большинстве – “главный американец”. К чему это приводит? К политике равнодушного и негативного отношения к человеку со стороны государства, выражающемся в стремительном росте бедности и нищеты и увеличении разрыва между стремительно беднеющими и стремительно богатееющими слоями населения. Сохранится ли у нас тренд патриотизма как долгоиграющий?

Конкретные шаги

*Однажды святого Августина спросили:
— Что делать, чтобы жить правильно?
Августин сказал:
— Люби. И тогда, что бы ты ни делал,
всё будет правильно.*

Аврелий Августин

Чтобы воспитать в народе такой патриотизм, который смог бы помочь выдержать давление на Россию, на наш взгляд, нужны следующие шаги и меры.

1. Создать Единый координационный центр по патриотическому воспитанию с филиалами по всей стране в виде клубов, который установил бы связи между разными институтами страны, ведущими эту тематику. Он должен дополнить работу Управления по общественным проектам при администрации президента, созданного ещё в 2012 году, цель которого – оказывать поддержку общественным инициативам патриотического характера. Финансируется только десятая часть из поданных проектов. Многие очень полезные инициативы не получили поддержку из-за недостатка финансирования, и их тоже нужно поддерживать, если не финансово, то организационно.

При этом Управлении необходимо образовать общественно-экспертный совет – творческую группу, в которую вошли бы философы, психологи, педагоги, священнослужители, журналисты, блогеры, специалисты по теории образов, имиджмейкеры, литераторы и представители других творческих профессий. Такая группа могла бы обобщать самые разные методы и методики по воспитанию патриотического сознания. Важно, чтобы этот центр работал в тесной связке с журналистским сообществом в стране, включая главные телеканалы и интернет-сообщество.

2. Поручить академическим гуманитарным институтам изучить опыт формирования патриотического чувства и мировоззрения у населения и молодёжи в других странах (Англия, Франция, США, Испания, Швейцария, Китай, Индия, Бразилия и др.).

3. Дать заказ социологическим центрам провести системные социологические и психологические исследования, измеряющие состояние патриотизма. Критерии оценки патриотизма могут быть выбраны разные, но важно, чтобы они позволяли каким-то образом измерить реальную готовность людей сделать что-то для своей страны.

4. Исключительную роль играет распространение знаний по истории России. Общество русской словесности могло бы составить список из ста книг патриотической направленности, рекомендованных для чтения, а книжные издательства должны получить от государства заказ на выпуск самых разных книг данной тематики, которая должна варьироваться в зависимости от региональных исторических и краеведческих особенностей. Нужны также патриотически ориентированные клубы и кружки, работающие по самым разным направлениям. Очень важно, чтобы сохранилась связь между поколениями. И, конечно, необходимы и патриотические уроки в школах, в которых могли бы принимать участие не только ветераны и фронтовики, но и писатели, учёные, артисты, спортсмены, то есть все, кто добился профессиональных успехов, имеющих значение для страны. Такие уроки и встречи могли бы транслироваться для провинциальных школ в онлайн-режиме.

5. Заказать практикам психологам создание специальных семинаров и тренингов, помогающих увязать мировоззрение патриотизма с пониманием личностной реализованности человека, чтобы они объясняли, что сейчас наступает время, когда реализоваться в нашем обществе может, прежде всего, человек с патриотическим мировоззрением. Подобные тренинги, включающие в себя различные коммуникативные игры и методики, должны погружать человека в ситуации, в которых патриотическое чувство и мировоззрение увязывается с другими позитивными личностными чертами и качествами человека.

6. Помогать клубам исторической реконструкции создавать и проводить такие мероприятия, которые делают упор на событиях истории России. Они должны быть не просто досуговым хобби для десятков тысяч слоняющихся людей, но высокоинтеллектуальным мероприятием, после которого зрители и участники должны выходить обновлёнными и обогащёнными новым пониманием России.

7. Мощным ресурсом воспитания патриотизма у молодёжи является разработка различного рода компьютерных игр, помогающих молодым людям на их языке и в их системе образов осознать важность любви к родине. Известно, что аналогичная система молодёжного воспитания работает в Китае, где полным ходом идёт разработка онлайн-игр под названием National Spirit Online, цель которых – пробудить чувство единства нации и повысить патриотический дух, чтобы китайцы, играющие в эту игру, победили бы японский милитаризм. В США таких игр, где американцы побеждают русских и уничают Россию, – тысячи. Но у нас и в этом бизнесе полная политкорректность и почти полное отсутствие подобных игр.

8. Самые разные профессиональные структуры и сообщества должны поработать над тем, чтобы воспитание патриотического чувства не превратилось в прямую и грубую пропаганду, выхолащивающую прекрасную идею любви к родине, чтобы заработали более тонкие, *косвенные механизмы* пробуждения и включения в человеке высоких чувств и чтобы патриотизм стал не просто модным, но устойчиво привлекательным навсегда. Именно этим силён американский патриотизм, позволяющий критиковать любые просчёты государственной машины, но не позволяющий замахнуться на саму Америку и американскую мечту. В общественных дискуссиях, проходящих в Америке по поводу тех или иных национальных проблем, одним из самых обидных обвинений, которое можно услышать, будут слова “Вы – не американец!” (речь идет не о гражданстве, а о мировоззрении, духе аргументации). Американцы могут критиковать сами себя весьма жёстко, но люди, прожившие там много лет, утверждают, что в США не принято рассказывать анекдоты, где американцы предстают в невыгодном свете в сравнении с другими народами и государствами. Мы же всегда с удовольствием рассказывали сочинённые в западных советологических центрах анекдоты, выставляющие русских

недоделанными людьми на фоне людей Запада. Эту тенденцию нужно постепенно переломить, однако кроме Михаила Задорнова, в своих пародиях высмеивающего элементы ярко выраженного идиотизма в американской жизни, никто этой темой не занимается.

Опасность лобового преподавания патриотизма видит доцент Московской духовной академии, протоиерей Павел Великанов:

“Патриотизм невозможно преподавать “в лоб”. Детьми все “патриотическое” должно восприниматься “косвенным зрением”: что-то на одном уроке истории, что-то на другом – литературы или географии. Но для этого нужно иметь соответствующее содержание образования”.

9. Главным оружием патриотизма являются русские пассионарии, общественные лидеры, люди огненного темперамента, владеющие словом и через него имеющие ключ к тайнам народной души. Их устные выступления, публицистические статьи, разнообразные творческие деяния влияют на сознание современников, не позволяя им скатиться в уныние и давая новые ориентиры, смыслы и векторы движения. Они должны получить свободный доступ к трибуне и массам, включая СМИ, прессу, интернет, чтобы передать народу и, прежде всего, молодым людям энергию своего патриотического отношения к миру.

10. Основным показателем патриотизма являются конкретные дела государства и общее состояние страны, включающие её экономическое развитие, социальную политику, уровень развития науки и состояние культуры, степень позитивности цивилизационной среды и психологической атмосферы, царящей в обществе.

Вместо заключения

Мы все хорошо помним слова апостола Павла из Первого послания к Коринфянам: “Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий”. Применим это к патриотизму, ведь без любви всех активных жителей России к своей стране любые попытки её преобразовать превратят того, кто пытается это делать, в разрушителя. Будем учиться этой любви, накапливать её энергию и превращать её в поступки русской победы. Патриотизм – это меч русской победы. Мощь патриотического чувства должна быть сильнее, чем тысячелетняя ненависть многочисленных врагов и противников России, битва с которыми уже началась.

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

МИР И ВОЙНА

Великий русский писатель в названии своего гениального произведения, равного которому пока ещё никто не написал, на первое место поставил слово “война” и только потом слово “мир”. Причём слово “мир” у Толстого означает человеческое сообщество, народ. У гениальных людей во всём имеется смысл, который нам, простым людям, не всегда доступен. Почему “Война и мир”, не “Мир и война”? Как обычный читатель, даже не филолог, рискну предположить, что Толстой хотел показать в своём романе, как война влияет на мир. Но ведь имеется и обратное влияние. Как мир влияет на войну, почему мир, то есть народ, начинает воевать? Ответ на этот вопрос ждёт своего Толстого. Нам по силам лишь этот вопрос ещё раз задать.

Не далее, как прошлой осенью, мы, Сергей Зайцев в качестве режиссёра и автор этих строк как генеральный продюсер и автор идеи, представляли в Вене наш документальный фильм “Союзники. Верой и правдой”. Фильм был принят зрителями очень хорошо, что нас не удивило. Уже пять лет мы показываем этот фильм в самых разных аудиториях в России и за границей, и всюду фильм принимают хорошо, где-то более эмоционально, где-то менее, но всегда фильм имеет успех. Отличная работа Сергея Зайцева, да и идея фильма не плоха. Тема военного братства, тема светлой памяти участников и жертв страшной войны будет всегда волновать сердца людей. Для нас, авторов фильма, каждая такая встреча со зрителями приносит что-то новое. Презентация фильма в Австрии не была исключением.

Молодой мужчина, гражданин Австрии, еврей по национальности, который занимается йогой, — он посчитал нужным это подчеркнуть, — по ходу обсуждения фильма задал мне вопрос: “Почему в людях такая агрессия, почему они начинают войны?” Вопрос с явным философским уклоном, по-видимому, занятия йогой для этого человека даром не прошли. Ранее таких вопросов мне не задавали, сам я об этом не задумывался, я йогой не занимаюсь. Ответа у меня тогда не было, как, впрочем, нет его и сейчас. Из истории известно, что война и мир чередуются, как день и ночь. День — это мир, война — это ночь. Правда, современная война может закончиться для человечества тем, что день никогда не наступит. Сначала хотел отшутиться. Где-то читал, что войны начинают мужчины маленького роста, чтобы самоутвердиться, и, если бы Наполеон был выше ростом (его рост был 151 см), он никогда бы не стал воевать с Россией. Но вопрос был задан на полном серьёзе, какие уж тут шутки.

Поэтому честно признался, что ответа на его вопрос у меня нет. Но чтобы оставить последнее слово за собой, некоторые соображения, близкие к теме, высказал. В мире существуют добро и зло, и добро, рано или поздно, всегда побеждает зло. Добро — это мир, зло — это война. Альтруистов

в мире больше, чем носителей зла. В противном случае мир давно прекратил бы своё существование. На этом дискуссия с йогом была закончена, но его наполненный глубоким историко-философским смыслом вопрос в моей памяти остался.

Результатом моих размышлений являются следующие соображения. Человек является существом биосоциальным. Биологическое начало заставляет его жить по законам животного мира, в котором выживает сильнейший. Отсюда необходимость бороться за место под солнцем. Социальное начало диктует ему определённые правила поведения в обществе, нарушать которые — себе дороже.

Нация — это совокупность отдельных человеческих особей, и правила поведения этих особей можно условно экстраполировать на нацию. Если такое допущение принять, то становится понятным, что агрессия биологически присуща человеческому обществу и необходимость воевать заложена в нас самих. Означает ли это, что человечество обязано воевать?

Думаю, что нет. Заложённая в нас природная агрессия является условием необходимым, но недостаточным. Достаточным условием является наличие вожака, который ведёт свою стаю против другой стаи. Это в животном мире. В мире людей таким вожаком является вождь, за которым нация готова следовать. Сформулировав необходимые и достаточные условия, означает ли это, что мы приходим к ответу на поставленный вопрос? Конечно, нет.

Возникает следующий вопрос, ответа на который мы не получим никогда. Почему вожди вдруг начинают войну? При том, что они не могут не знать того, что, в конце концов, ожидает любого агрессора. За примерами далеко ходить не надо, достаточно взять школьный учебник истории. Да и Нюрнбергский трибунал ещё многие помнят.

Рассматривая тему Второй мировой войны с этой точки зрения, нельзя не отметить два следующих обстоятельства. Действительно, как политической элите разных стран, лидерам этих стран удалось развязать войну планетарного масштаба, жертвами которой стали почти 100 миллионов человек? Как им удалось заставить почти половину населения земного шара убивать друг друга? Чем, если исключить, что весь мир вдруг сошёл с ума, это можно объяснить? Что такое должно было произойти на земле или в космосе, чтобы это случилось? Ответ мы не узнаем никогда, к сожалению. Это что касается войны как зла. Тогда победило агрессивное биологическое начало, заложённое в человеке.

Второе обстоятельство касается добра и вытекает из первого. Народам мира хватило здравого смысла заставить своих лидеров создать антигитлеровскую коалицию и объединёнными усилиями победить немецкий фашизм и японский милитаризм. Последнее кому-то может показаться неочевидным, но, что бесспорно, участниками всякого исторического процесса являются народы и вожди или вожди и народы.

Вождями становятся не вдруг, их делает народ. Не бывает так, чтобы сегодняшний функционер завтра стал вождём. Кандидат в вожди должен чувствовать чаяния своего народа, исполнять эти чаяния, и тогда народ признает в нём вождя. И только вождь может говорить и действовать от имени народа, рассчитывать на его поддержку. В своё время у русского народа был запрос на вождя вроде Сталина, и Сталин им стал. Не секрет, что простые люди портрет Сталина хранили рядом с иконами. У американского народа был запрос на вождя вроде Рузвельта, и Рузвельт стал вождём американской нации.

После смерти Сталина у русской нации долгое время вождя не было. Сейчас у нас такой вождь есть. Это президент России В. В. Путин. Присоединение Крыма к России сделало президента Путина вождём нации. И даже враги нашего президента вынуждены это признать. Активная политика нашего президента в Сирии в глазах народа его позиции как вождя укрепила. Какой следующий шаг нашего президента, достойный вождя, мы увидим? Это знает только он сам. Вожди, как и короли, могут всё. Даже время от времени менять свиту.

Коллеги российского президента, главы великих держав, вождями своих наций не являются. Они являются ставленниками кругов, которые оплатили их выборную кампанию. Поэтому нашему президенту так трудно, если не сказать — невозможно о чём-то с ними договориться. Исключением является Китай. Там глава государства как бы по должности является вождём нации. Этим во многом объясняются успехи Китая и в экономике, и в политике.

Но вернёмся к теме Второй мировой войны. Во время Второй мировой войны отношение американского народа к русскому отличалось теплотой и сердечностью. Об этом пишут многие авторы. Понятно, американцы не пережили и малой доли тех тягот и страданий, которые пережил русский народ. Но было бы неправильно говорить, что война никак не коснулась простых американцев. Миллионы американских женщин пришли на производство и заменили мужчин, ушедших на фронт. Это они строили корабли и самолёты, делали боеприпасы и различную военную продукцию. Это американские матери оплакивали своих сыновей, убитых в Европе, в джунглях Юго-Восточной Азии, на островах Тихого океана так же, как это делали русские матери. Правда, русским матерям это приходилось делать примерно в 20 раз чаще, чем американским.

Президент Рузвельт был вождём своего народа, он чувствовал и понимал, чего от него ждёт американский народ. А народ хотел мира и понимал, что этот мир им могут принести русские. Отсюда хорошие отношения между нашими народами и хорошие, насколько это возможно для политиков такого уровня, личные отношения между Рузвельтом и Сталиным. И если бы Рузвельт не умер, не дожив нескольких месяцев до Победы, мир после войны мог бы быть совсем другим.

О роли союзников во Второй мировой войне говорят по-разному. Мы скажем словами Сталина. В своём первом майском приказе 1944 года, отмечая успехи Красной армии, Сталин писал: “Этим успехам в значительной мере способствовали наши великие союзники, Соединённые Штаты Америки и Великобритания, которые держат фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, снабжают нас весьма ценным стратегическим сырьём и вооружением, подвергают систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывают, таким образом, военную мощь последней”.

Сталин добавил, что освобождение Европы и разгром Германии на её собственной территории — задача, которую можно решить “лишь на основе совместных усилий Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Америки, путём совместных ударов с Востока и с Запада. Не может быть сомнения, что только такой комбинированный удар может полностью сокрушить гитлеровскую Германию”.

В подтверждение серьёзности сделанного Сталиным заявления приведу несколько цифр. В 1944 году на Восточном фронте Красной армии противостояли 257 дивизий, 207 из них были немецкими, 50 — дивизии союзников Германии. На Западном фронте Германия имела 119 дивизий. К началу 1945 года действующая германская армия насчитывала 5,3 млн человек. Против нас воевало 3,1 млн, против союзников 2,2 млн. Наши невозвратные потери за последний год войны составили 1,1 млн человек, потери союзников — 750 тыс. Последний год войны не был прогулкой ни для нас, ни для наших союзников.

Во времена “холодной войны” идеологический аппарат в интересах своих политических заказчиков как на Западе, так и в Советском Союзе, как мог, искажал роль союзников и их вклад в Победу над фашизмом. Объективности ради следует признать, что были обоснованные претензии у Сталина к Черчиллю и Рузвельту, было и наоборот. Они были вождями своих народов и, как могли, защищали интересы своих стран. Судить их может только история. Сошлюсь на А. А. Зиновьева: “Критерии морали и права вообще лишены смысла в применении к историческим процессам”. Политик и человек, тем более большой политик и большой человек, как говорят в Одессе, две большие разницы. Как политик Черчилль всегда был врагом Советского Союза и не скрывал этого. Но как человек он совершенно искренне давал Сталину исключительно высокую оценку. Больше того, в своей знаменитой речи в Фултоуне он употребил слова “мой друг маршал Сталин”. Они были союзниками только до тех пор, пока интересы их стран совпадали.

Но Сталин, Рузвельт, Черчилль — это только верхний уровень союзников. Союзниками были также миллионы простых солдат и матросов из разных стран антигитлеровской коалиции, которые своими жизнями оплатили нашу Победу. Они были союзниками всегда, и во время “горячей” войны, и во времена войны “холодной”. Остаются они союзниками и сейчас. Их вклад в Победу был разным, но они честно воевали, отдавали свои жизни и, как могли,

исполняли свой союзнический долг. Именно к ним, пока они ещё живы, мы должны обратиться, к их исторической памяти, их мудрости.

Бог их сохранил в военное время и дал прожить им долгую жизнь в надежде, что они сумеют вразумить нас, их потомков. Но слова одного из героев нашего фильма, ветерана Второй мировой войны из Германии, который в нашем фильме со слезами на глазах говорит: “Люди, перестаньте воевать, научитесь договариваться”, — остаются *гласом вопиющего в пустыне*.

Историки по-разному оценивают вклад своих стран в Победу. Это и понятно. Но, что бесспорно и легко доказывается на цифрах, главными победителями во Второй мировой войне были Советский Союз и Соединённые Штаты Америки. Советский Союз был главным победителем в войне на фронтах Восточной и Западной Европы, где шла главная война, где реально решались судьбы мира. Но помимо этой войны была ещё война с Японией, были серьёзные военные операции в Северной Африке.

Амбиции Японии, как минимум, не уступали претензиям на мировое господство Германии. Западная граница по меридиану Омска, территории Китая, Кореи, острова в Тихом океане до Австралии — такой должна была быть великая Япония, у Японии была 7-миллионная армия, мощный морской и воздушный флот. Уничтожить за час американский тихоокеанский флот — это о чём-то говорит. У нас о войне с Японией большинству известно только то, что Советская армия разгромила Квантунскую армию. Об остальном наша историография умалчивает. Но это, пусть блестящая и важная, но только одна войсковая операция. Главная роль в победе над Японией принадлежит США. Это честно надо признать.

Одним из результатов Второй мировой войны, не очень понятным на первый взгляд, является то, что главные победители в войне — СССР и США — стали супердержавами и в течение многих лет доминировали на мировой арене. Почему именно эти две страны? Что касается США, ответ простой. Войны на территории США не было, военные заказы дали толчок развитию экономики, демографические потери страны не были большими. Всё это так, но надо упомянуть и о другой причине, на первый взгляд, неочевидной.

Речь идёт о факторе не материальном, а моральном. Недооценивать моральный фактор было бы неправильно. Наполеон говорил, что материальный и моральный факторы по своей эффективности соотносятся как один к трём. Государствообразующей нацией в США являются англичане, выходцы с Британских островов. У англичан имперские амбиции заложены в генах, и именно поэтому Британия несколько веков правила миром. Потом эти гены с островов переместились на материк под названием Северная Америка, и носители этих генов с претензиями на управление всем миром постепенно создали империю под названием США, что мы сейчас и наблюдаем.

Советский Союз, в отличие от США, понёс в войне колоссальные потери. На территории СССР было разрушено 1700 городов, более 70 тысяч сёл и деревень, 35 миллионов человек лишились крова, было выведено из строя около 32 тысяч промышленных предприятий. Потери населения составили 27 миллионов человек. Но Советский Союз был наследником Российской империи, где государствообразующей нацией были русские со своими имперскими генами. Если бы это было не так, русским никогда бы не удалось создать государство, занимающее одну шестую часть нашей планеты.

Отметим, что Британская империя и Российская империя, равно как и Советский Союз, строились на совершенно разных принципах. Во многих республиках бывшего Советского Союза, как бы колониях, уровень жизни населения был выше, чем в Российской Федерации (метрополии). Из всех союзных республик бывшего Советского Союза экономически самодостаточными были только две — Россия и Белоруссия. Все остальные дотировались из союзного бюджета. И если Россия в каком-то смысле и была империей, то русские никогда колонизаторами не были, тогда как англичане ими были.

Загадкой остаётся, как удалось Англии сохранить нормальные отношения с бывшими колониями, которые англичане грабили в течение нескольких веков? В этой связи об отношениях России с бывшими союзными республиками даже не хочется говорить. Всё происходит по поговорке: сделай человеку добро и наживёшь врага. Сделай добро нации и наживёшь врага в лице нации.

Результатом поражения в “холодной войне” был распад Советского Союза. Наследницей Советского Союза стала Российская Федерация. Государст-

вообразующей нацией в России является русская нация, и имперская генетика нации не изменилась. Сейчас Россия утратила роль супердержавы, но это не значит, что Россия не станет ею в будущем. И отказать в этом русским с учётом той роли, которую на протяжении многих веков они играли в мировой истории, нельзя. Как скоро это будет, вопрос второй. Важно, что уже сейчас Россия показывает готовность решать и уже решает проблемы, имеющие мировое значение. В отличие, к слову сказать, от Китая. При том, что Китай, будучи первой экономикой мира, имея второй после США по мощи флот, обладая ядерным оружием, геополитических амбиций не проявляет. Пока, во всяком случае. До проблем Сирии и Асада китайцам дела нет, а нам и американцам есть.

Сейчас мир реально стоит на пороге двух новых мировых войн. Набирает обороты и грозит перейти в мировую война на религиозной почве. История примеры таких войн знает. Вспомним хотя бы походы “спасителей” гроба Господня. Апологеты современной религиозной войны умело используют тот факт, что на протяжении нескольких веков колониальные державы грабили свои колонии. Прошло время, население колоний этого не забыло и решило, что пришло время получить долги. Подаётся это всё как борьба за чистоту веры, но расплатиться должны будут, и уже расплачиваются, прежде всего, страны “золотого миллиарда”.

Вторая война, которая угрожает современному миру, является войной экономической. Капиталистическая модель мироустройства себя изжила и требует замены. Какой будет новая модель, пока непонятно. Но понятно то, что сторонники старой модели, а это как раз те самые колониальные державы, без боя не сдадутся. Россия имеет шанс оказаться между молотом и наковальней. С одной стороны, мы совместно с участниками западной коалиции ведём войну с религиозными фанатиками, а с другой стороны, западная коалиция ведёт с нами экономическую войну. Спасибо нам не скажут ни те, ни другие.

2015 год был не только годом 70-летия Победы над фашизмом. Это 70-летний юбилей Ялтинской конференции, начала Нюрнбергского трибунала, встречи советских и американских войск на Эльбе в Торгау. Ялтинская конференция, последняя встреча “Большой тройки”, заложила основу послевоенного мироустройства. Юбилейная конференция давала представителям стран, бывших союзниками во Второй мировой войне, хорошую возможность обсудить проблемы, с которыми мир столкнулся сегодня, и сделать предложения главам своих государств. Обсуждения не получилось, американские представители на конференции отсутствовали.

Конференция, посвященная 70-летию начала Нюрнбергского трибунала, проходила в Нюрнберге, во Дворце юстиции, в зале, где в своё время заседали судьи международного суда. Организаторами и спонсорами конференции были наши бывшие союзники-американцы. Казалось бы, конференция – хороший повод напомнить тем, кто начинает войны, чем эти войны для них заканчиваются. Но на конференции выступающие говорили о правах человека, о нарушении этих прав в Руанде, в Уганде, в Перу, не забыли упомянуть и Украину. Доклады представителей России, наследницы страны, которая инициировала международный суд над военными преступниками, даже не были включены в программу конференции.

Празднование 70-летнего юбилея встречи советских и американских войск на Эльбе в Торгау даёт некоторые основания для оптимизма. Официальные лица и с российской стороны, и с американской говорили правильные слова о военном братстве, о союзническом долге, искренне благодарили ветеранов за их вклад в победу над фашизмом. Надо сказать, что всё, что касается ветеранов, свято и для нас, и для американцев, и для всех участников войны. В Торгау я лично видел, как в день встречи союзников на Эльбе немецкие граждане в 7 утра несли цветы на могилы русских солдат, похороненных на немецком кладбище.

Павшие в войне живы в памяти и в сердцах народов, переживших ужасы войны. Ветераны войны, труженики тыла помнили о пережитом всегда, это и не удивительно. Но их дети, внуки, правнуки – что они знают о войне, которая окончилась 70 лет тому назад? Но, как оказалось, память предков жива в сердцах их потомков. И нужен был лишь сигнал, чтобы эта память ожила. Пример тому – народный марш “Бессмертный полк”. Это движение началось

в одном городе, в 2015 году в этом движении приняла участие уже вся Россия. Миллионы людей по своей доброй воле с портретами участников войны торжественно, не побоясь этого слова, сам тому свидетель, прошли по главным улицам своих городов.

Честно сказать, я решил принять участие в этом марше ради своего 13-летнего внука по его, кстати, инициативе. Но то, что я увидел и прочувствовал, сродни тому, что, как мне кажется, испытывали наши люди, когда узнали, что война закончилась и пришла Победа. Участники марша были единым народом, это не могло произойти по указанию сверху. По своей сути, эмоциональному накалу движение “Бессмертный полк” имеет все шансы стать международным, потому что люди всех национальностей устроены одинаково. У всех есть сердце, память, чувство благодарности тем, кто принёс им мир и подарил жизнь. И первыми, кто присоединится к этому движению, будут граждане стран, наиболее пострадавших в войне. Их призывает к этому память жертв войны.

Семьдесят лет тому назад, в основном усилиями русского и американского народов, при участии народов других стран, было бы неправильно это отрицать, мир был спасён от фашизма. Семьдесят лет мир не знал мировых войн, локальные не в счёт. Хватит ли у народов мира разума и сил повлиять на своих лидеров и сохранить мир? Герой нашего фильма – британский матрос Джок Демпстер, который в 16 лет стал участником северных конвоев, прошёл всю войну, – говорил, что если бы после войны нам кто-то сказал, что мы снова будем воевать, мы бы сочли его сумасшедшим. Ему не пришлось увидеть, как современный мир сходит с ума, – год назад он ушёл из жизни.

Великий американский президент Франклин Рузвельт говорил о том, что “мир, который мы строим, не может быть американским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместном усилении всех стран”.

75-летняя годовщина создания антигитлеровской коалиции, – а именно в 1941 году к коалиции присоединились СССР, США и Китай, – не менее значимое событие, чем высадка в Нормандии. Однако это историческое событие осталось почти незамеченным мировой общественностью. Антигитлеровская коалиция – не имеющий прецедента пример того, когда лидеры государств общечеловеческие интересы поставили выше интересов геополитических.

“Время разбрасывать камни и время собирать камни”. Так написано в Великой Книге всех времён и народов. Теперь наступило время “собирать камни”. Понимаем ли это мы, понимают ли это главы наших государств, готовы ли они защищать интересы, а правильнее сказать – жизни своих граждан? Будут ли они достойны своих великих предшественников, которым 75 лет тому назад, несмотря на идеологические и геополитические противоречия, хватило мудрости объединить усилия и спасти от гибели миллионы людей, как победителей, так и побеждённых?

Міру в очередной раз предстоит пройти проверку на наличие у его обитателей здравого смысла и договороспособности. И, дай Бог, чтобы эта проверка не оказалась для него, для міра, последней.

ВЛАДИМИР РУГА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

ДЕЛОВАЯ МОСКВА: НАСЛЕДНИКИ

*Отец или дед его, конечно, начал малым,
На счастье, к плутовству отменно
был пригож,
И вот разбогател, — бегут, как вал за
валом,
К наследнику рубли, считай, так
не сочтёшь.*

Фёдор Сологуб

Автор статьи о московских купеческих фирмах, опубликованной в журнале “Современная летопись” в 1864 году, в качестве крупного недостатка отмечал их недолговечность, отсутствие преемственности поколений:

“Известно, что купеческие капиталы составляются у нас очень быстро. Обыкновенно простой русский человек, учившийся на медные деньги, а иногда и безграмотный, начиная торговлю с десятью рублями, наживает в короткое время состояние и часто делается родоначальником большого торгового или фабричного дела. Но этот же человек, способный и привязанный к своему делу, редко в состоянии бывает внушить своим детям эту самую привязанность”.

Главным образом, это было связано с принижённым положением купцов в сословном обществе. Другой причиной, по мнению журналиста, являлся самый сложный для коммерсантов того времени вопрос об образовании их детей:

“Дети подрастают, детей пора учить. В первый раз в жизни приходится отцу, мало заинтересованному, разрешать вопрос о воспитании. В душе его начинается происходить борьба: учить детей или не учить? С одной стороны, как человек хотя и не образованный, но способный, он не может не сознавать в душе пользы образования, с другой стороны, инстинктивное сознание и мучительная боязнь, что, выучившись, дети не станут заниматься отцовским делом, борются в душе отца и мучат его. Представьте себе родительскую любовь, родительскую мечту видеть в детях помощников своих, потом ложный взгляд людей этого круга на образование, что дети, выучившись, не уважают родителей, постоянные примеры перед глазами, что они стыдятся своего звания и бросают торговлю; представьте себе все это, и тогда вы поймёте, как борьба бушует в душе купца при вопросе о воспитании детей”.

Опасения эти не были надуманными, поскольку в купеческих семьях постоянно возникали ситуации, когда получившие образование дети прямо от-

казывались жить по заветам отцов. Одним из примеров служит рассказ С. А. Четверикова о том, как он, выросший в купеческой семье, где строго придерживались старых заветов, однажды устроил настоящий бунт против самых основ:

“Когда я был в последнем классе гимназии, начитавшись Фейербаха, Моляшота и др., я отказался идти к причастью. Это как-то дошло до сведения деда и вызвало страшный переполох. Дед <...> кричал, топал ногами, грозился меня проклясть, но я в уверенности, что отстаиваю свои убеждения, не сдавался. Тогда был экстренно вызван какой-то старец из Оптиной пустыни меня увещевать. Помню, что из этих увещеваний, кроме безысходной скуки, я ничего не вынес.

Старец, уезжая, как резюме своих трудов сказал: “Отрок сей безнадежен. Молитесь о его душе”. Обстоятельство это надолго совершенно нарушило мои отношения к деду, и только когда после трагической смерти отца я, 20-летний юноша, остался лицом к лицу с разорённым фабричным делом, единственной поддержкой семьи, отношения деда ко мне резко изменились”.

И ладно бы дело ограничивалось только отношением к религии. Юный сын купца отказывался продолжать семейное дело:

“Для завершения моего образования и для приучения меня к коммерческой деятельности отец меня отправил для занятий в контору нашего представителя в Петербурге, немца М. Жил я в его семье <...> И я вообразил, что путь мой не фабриканта, по стопам отца, а музыканта. К тому же неважно шли мои конторские занятия, и главный бухгалтер-немец меня охарактеризовал: “Никогда хорошо купец не будет”. Я выпросил у отца согласие на изучение теории музыки в связи с композицией, на что он согласился”.

Только печальное стечение обстоятельств заставило С. А. Четверикова отказаться от карьеры музыканта и вернуться к занятию коммерцией, в котором он в последствие так преуспел:

“После двух лет пребывания в Петербурге я получил от отца письмо, в котором он писал мне, что дела на фабрике идут всё хуже и хуже и что он желал бы видеть во мне своего помощника. Я страстно любил отца, и его слово было для меня законом. Рассуждать не приходилось, тем более, что бредни об артистической карьере были окончательно изжиты. Я поселился совсем на фабрике и предался совершенно новому делу. Музыка отошла на второй план.

Через год в нашей семье случилось большое горе. Отец скоропостижно скончался, и фабричное дело оказалось совершенно разрушенным. Мне было 20 лет, и на мои столь ещё юные плечи легла задача восстановления дела и содержания семьи, в которой я был единственным добытчиком”.

Ситуация в купеческой семье, когда по воле отца сыну пришлось отказаться от мечты получить образование и заниматься наукой, описана А. А. Комаровой в романе “Одна из многих”:

“Будучи лет на семь старше своего брата, он рос в страхе Божиим и отцовском. Старик П-н был купец-самодур старого закала; жена и дети трепетали перед ним. Василий Андреевич был человек чрезвычайно даровитый и прочно умный. Он блистательно окончил курс в коммерческом училище и мечтал об университете и об учёной карьере; но отец потребовал от него помощи в торговле. Не смея послушаться родителя и сознавая, что ему обязан образованием, Василий Андреевич, скрепя сердце, принял за торговые занятия. Прошло семь лет. Александр Андреевич вышел из коммерческого; тогда старший брат его порадовался, полагая, что теперь-то он свободен идти в университет; но не тут-то было: отец не хотел об этом и слышать. “Саша молод, неразумен, ещё напутает что-нибудь, пусть он лучше едет в университет, а ты оставайся при мне”. Не будучи знаком ни с Добролюбовым, ни с Чернышевским и братиею, Василий Андреевич не протестовал и повиновался воле родителя”.

Зато младший брат успешно вошёл в храм науки, но его судьба послужила ярким примером того, как полученное образование коренным образом изменило сознание купеческого сына:

“П-н был младший сын богатого купца. Окончив курс в коммерческом училище, он уехал в Московский университет и поступил на естественный факультет. Два курса он отбыл благополучно; перейдя на третий, случайно со-

шёлся с уже не первой молодости студентом Х. Новый знакомый принялся развивать П-на, возбуждать в душе его стремление к живой правде и к незыблемой свободе. Он как дважды два — четыре доказал П-ну, что человек по прямой линии происходит от обезьяны и что все искусственные тонкости, выдуманные и введённые цивилизацией и прогрессом, — совершенная и вредная чушь; что всякий человек, прежде всего, обязан стремиться к естественности и заботиться о здоровом удовлетворении всех потребностей своего организма. П-н по свойству своего характера всё это несколько идеализировал и, начитавшись “Что делать?”, стал мечтать о том, чтобы вывести из подвала какую-нибудь девушку”.

И что характерно, встретил студент девушку своей мечты, скоропалительно на ней женился, и молодая чета тут же принялась воплощать в жизнь утопические идеи Н. Г. Чернышевского. На папашины деньги юноша устроил мастерскую-коммуну.

Со временем в московском купечестве появилось поколение, которое научились устанавливать баланс между долгом в виде обязанности трудиться в семейной фирме и занятием тем, к чему лежит душа. Об этом упоминал в своих записках В. П. Рябушинский: “Это всё типично для московского купечества: каждый молодёц на свой образец, и выражается это обыкновенно в том, что у каждого молодца, кроме его дела, есть ещё что-то, чем он занимается со страстью. Назовём это что-то “любительством”. Иногда оно превращается в центр жизни и делает человека таким известным, что забывают о его деловитости. Наверное, редко кто теперь знает, что основатель Третьяковской картинной галереи в Москве, Павел Михайлович Третьяков, был известным фабрикантом и что Третьяковы — одна из знаменитейших льняных династий в России”.

Не обошёл своим вниманием это явление и П. Д. Боборыкин. Среди избражённой им в романе “Китай-город” череды типов московских коммерсантов встречается и купец, которому любовь к музыке приходится подчинять необходимости вести семейное дело:

“Если за столом сидит кто, играющий на каком-нибудь инструменте, он заговорит о своём корнет-пистоне. Играет он целые дни по возвращении домой, собрал на своей половине целую коллекцию медных инструментов, а когда устанет, призовет двух артельщиков и приказывает им действовать на механическом фортепьяно. С десяти до четырёх он сортирует товар: марену, кубовую краску, буру, бакан, кошениль, скипидар, керосин. В этом он считается большим докой. Перед обедом бывает на бирже”.

Вполне очевидный пример успешного компромисса между долгом и душевным влечением, но типичный для более позднего времени. Напомним, что мы рассматриваем ситуацию, сложившуюся в купеческой среде в 1860-е годы, когда, как казалось современникам, купцы оказались в положении вятзя на распутье:

“Вопрос этот разрешается различным образом: одни совершенно отказываются от ученья, кроме грамоты, другие решаются своих детей учить, третьи избирают благую середину, то есть посылают сыновей года на три в школу, да и в лавку. Однако ж, все эти отцы различных категорий редко видят исполнение своих надежд по предначертанному ими плану”.

Самый простой выбор — ни на шаг не отступать от заветов старины, исходя из постулата, что все беды от образования:

“Первые, т. е. решившиеся окончательно не учить детей дальше грамоты по букварю, обыкновенно староверы, ещё счастливее других. Они до конца жизни сохраняют деспотическую власть над детьми; сыновья их, и выросши, и поженившись, остаются в родительском доме, живут с ними в одинаковых понятиях, привычках, наконец, зарождаются закоснелостью стариков и сами являются живым их подобием. Дело без изменения переходит из рода в род, пока не народится кто-нибудь послабее и, не выдержав древнего стоицизма, не перейдёт в новоблагословенную церковь и не отдаст сынишку в гимназию или в коммерческое училище; тогда картина изменяется и подходит к остальным двум категориям”.

Жизнь показала, что стремление удерживать детей в рамках старых норм поведения посредством ежовых рукавиц зачастую приводило к обратным результатам. Историю одной такой семьи, где сына воспитывали в чрезмерной строгости, а он пустил по ветру отцовское дело, рассказал А. П. Милюков:

“Отец этого блудного сына был настоящим патриархом всех московских гарпагонов. В городе говорили, что в начале своей коммерческой деятельности он торговал рукавицами на Балчуге, потом завел фабрики, открыл большие обороты и в несколько лет терпением и скупостью нажил более десяти миллионов. Скандальность его была баснословная. Рассказывали, между прочим, что он пробил окно в нижнем этаже своего дома, прямо против уличного фонаря, чтобы не жечь свечи и пользоваться в конторе даровым освещением. Каждую ночь ходил он по двору лаять около кладовых и сараев, единственно потому, чтобы не держать и не кормить собак. В этом искусстве достиг он, говорили, такого совершенства, что даже соседи полагали, что у него берегут дом цепные собаки. И во все долгие года своих торговых занятий К... ни разу не выплатил денег без того, чтобы не удержать и не оттянуть у получателя, под разными благовидными и неблагоприятными предложениями, хоть гривну, хоть копейку”.

Купец помимо патологической скупости отличался яркой приверженностью к минимализму в образовании:

“По смерти чудака огромное состояние его перешло к единственному сыну, который только что достиг совершеннолетия. Всё воспитание этого молодого человека ограничилось тем, что его научили кое-как читать, писать и выкладывать на счётах. Не позволялось ему ни выходить из дому, ни заводить знакомств; о развлечениях и удовольствиях не было и речи. Говорили, что однажды отец беспощадно его высек и несколько дней продержал на хлебе и воде в пустом амбаре за то, что он как-то осмелился сходить с приказчиком в театр”.

В результате молодой человек, получив свободу от отцовского деспотизма, вместо продолжения бизнеса, принялся навёрстывать пропущенное в юности.

“И вот в один прекрасный день этот загнанный и забитый юноша, незнакомый с жизнью и людьми, сделался полновластным хозяином двенадцати или тринадцати миллионов. Разумеется, вышло то, чего и следовало ожидать: он закружился в толпе импровизированных приятелей, цыганок и танцовщиц; появилось шампанское, загремели песельники, явились тройки и рысаки – и через три года москвичи прочли в ведомостях, что купец К... за неплатеж гильдейского капитала выписывается в мещане. Это был, сколько я помню, самый капитальный скандал в кругу обильного скандалами московского купечества”.

Герой романа “Замоскворецкие тузы”, живший в то же самое время, к воспитанию своего наследника подошёл иначе. Его жизненный опыт просто не позволял ему быть убеждённым сторонником образования. Однако купеческая сметка подсказывала, что учёба может принести сыну пользу:

“– Молодец! Хорошо. Положим, дробь эта и всякие там знаменатели у нас к торговому делу касательства не имеют, а всё же, может, и дробь иной раз потребуется... Это даже весьма возможно, потому – жизнь пошла другая, размах шире. Чугунок* одних теперь понастроили, не приведи Бог. Таперича вон и на Питер, и на Варшаву чугунка, и на Нижний к ярмонке на чугунке катают... Бедовое дело!”

Правда, как утверждал “Московский купец”, в реалиях 1860-х годов молодой человек из купцов, получив образование, почти гарантированно отрекался от мира коммерции:

“Вторые, решившиеся детей учить, твёрдо уповая на благо просвещения, отдают детей в гимназию, откуда они или переходят в университет, или, заразившись манией к военной службе, поступают в юнкера, или просто по смерти родителей ликвидируют дело, покупают недвижимости и живут доходами, ничего не делая; не многие остаются верными своему сословию и продолжают отцовское дело”.

Причину этого журналист “Современной летописи” видел в том, что купеческим сыновьям в процессе учёбы постоянно давали понять, что они – выходцы из “тёмного царства”. Воспринимать им это было вдвойне обидно, потому что в подавляющем большинстве купеческих семей действительно царили соответствующие нравы:

“Ещё гимназистом мальчик в столкновениях с товарищами, детьми дворян или чиновников, чувствует и переносит на себе тяжёлый гнёт унижитель-

* Так называли железную дорогу.

ного общественного положения своего сословия*¹; он слышит постоянно, что купцы мошенники, плуты, невежды, его самолюбие затронуто, он защищается против нападений, но некому поддержать его, некому объяснить ему, что эти укоры несправедливы, что причина их — сословные предрассудки, дело преходящее, что его обязанность как будущего образованного купца собственной деятельностью помочь своему сословию выйти из этого жалкого положения. Некому объяснить ему этого: отец не в силах этого сделать — он теряет влияние своё над сыном, который поддается более влиянию учителей и товарищей; самые понятия отца и сына о жизни совершенно расходятся; дома сын нередко видит привычки и понятия грубые, невежественные, слышит постоянные рассказы о злоумышленных банкротствах — обыкновеннейший предмет разговоров в купеческих семействах, — всё это мало-помалу внушает ему сперва охлаждение к своему сословию, потом отвращение к торговым делам и, наконец, является непобедимое желание выйти из униженного общественного положения своего сословия; молодой человек поступает в университет с твёрдым намерением переменить карьеру промышленника на служебную или учёную. Другие из этой категории, как я сказал, поступают в военную службу или, занимаясь коммерческими делами при отце, по смерти его немедленно оставляют его дела и делаются рантьерами; только немногие остаются при своих делах и передают их в потомство”.

В статье это утверждение (как и все другие) не подкреплено статистикой, но, судя по свидетельствам современников, общая картина была изображена верно. Естественно, на таком фоне отчётливо выделялись исключения. Так, П. И. Щукин и его братья именно в эти годы получили хорошее по тем временам образование:

“В конце лета 1863 года меня отдали в Бемскую школу (Behmscl Schule), находившуюся в гор. Выборге. <...> Весной 1867 года меня и брата взяли из Бемской школы, осенью того же года я был отдан в пансион Гирста в Петербурге”.

Интересно, что в дошкольном возрасте братьев Щукиных обучали тому же, что и дворянских детей:

“На уроки гимнастики ездили мы к французу Билье, содержавшему гимнастическую залу на Большой Дмитровке. Танцам учил нас танцмейстер Вишневецкий, приезжавший к нам в дом вместе со своим скрипачом. Выделять под звуки скрипки разные па было для меня сущим наказанием; танцевать я так и не научился, несмотря на все старания Вишневецкого”.

Впрочем, уроки светского поведения П. И. Щукину наверняка пригодились, когда его вслед за отцом и братом приняли в члены аристократического Английского клуба. Правда, в отношении безупречности манер первенство всё равно оставалось за другим молодым купцом. Представитель одной из ветвей клана Морозовых, Михаил Абрамович, даже имел прозвище “Джентльмен”.

“Этим именем, — пояснял П. А. Бурыйшкін, — он был обязан тому, что с него, как говорится, списал героя своей известной пьесы того же наименования А. И. Сумбатов-Южин. Эта пьеса очень хорошо шла в Московском Малом театре и в начале девятисотых годов, и в новой постановке, незадолго перед войной 1914 года.

Вся Москва её пересмотрела, и о герое много говорили, хотя, в сущности говоря, сам по себе он этого, может быть, и не заслуживал. Был он человек образованный, но без дарований, даже писал (под псевдонимом М. Юрьев), но больше всего знали его в Москве, помимо сумбатовской пьесы, ещё по сказочному даже для Москвы карточному проигрышу: в одну ночь в Английском клубе он проиграл известному табачному фабриканту и балетоману М. Н. Бостанжогло более миллиона рублей”.

* П. А. Бурыйшкін ощутил это на себе даже в 1905 году, когда учился в Катковском лицее. Он был самым лучшим учеником, но руководство посчитало, что на похоронах великого князя Сергея Александровича привилегированное учебное заведение должен представлять юноша из аристократического семейства: “Начальство объяснило, что могут спросить фамилию, и для лица лучше, если это будет титулованный, а не ученик из купеческого звания <...> Для меня вся эта история была весьма неприятна, я хотел сказатьсь больным, но класс настоял, и я на похоронах присутствовал. Должен сказать, что об этом не жалел: на такой церемонии мне вообще пришлось быть раз в жизни, а кроме того, я видел вблизи очень многих известных людей того времени и весь парадный придворный обиход. Но вместе с тем я впервые ясно понял, что тогда значило быть “чумазым”.

В купеческих семьях, где пытались строго дозировать образование детей, преобладание привычной “дикости” приводило к появлению купеческой молодёжи особого типа. Она славилась тем, что демонстрировала зачатки внешнего лоска, но внутренне практически не отличалась от “Кит Китычей” старшего поколения:

“Наконец третья категория, т.е. избравшая благую середину, посылает своих детей в школу года на три: “А то, мол, заучатся, к родителям уважение потеряют”, — говорят они. Эта третья категория — самая большая: принадлежащая к ней молодёжь представляет идеалы недоучившихся недорослей. Они всё-таки считают себя людьми совершенно образованными, понимают толк в модном платье, в лаковых сапогах, любят театр, рысистых лошадей, не задумываясь, отличают Клико от Редерера, сильно добиваются при помощи денег и самоунижения знакомства с дворянами, одним словом, нахватавшись верхушек образования, представляют весьма обыкновенный и распространённый в русском купечестве тип наших безобразников.

“Наши безобразники”, несмотря на своё нравственное уродство, забивают себе в голову, что торговля дело грязное, и хотя не высказывают этого при жизни своих родителей, которые за такое неуважение к отцовскому делу без церемонии разделяются плетью-трёхвосткой, зато после смерти родителя его дело очень скоро и оканчивается. “Наши безобразники” начинают протирать глаза отцовским денежкам, и исчезают с лица земли почтенные фирмы! Это у нас явление самое обыкновенное. Мало ли у нас в городе ходит скомоухов, откидывающих коленца? Это типы Любима Торцова*, промотавшиеся наследники больших торговых домов”.

Помимо пьес А. Н. Островского, образы полуобразованных купеческих сынков прочно обосновались на страницах многих литературных произведений. Если автор стремился в мельчайших подробностях передать черты современной ему эпохи, без таких персонажей ему было не обойтись. А главное — ничего выдумывать не надо. Присматривайся к окружающим из своего сословия и переноси на бумагу, как это сделал, например, К. И. Бабиков. В его романе “Глухая улица” молодые купчики прекрасно сами демонстрируют уровень своей образованности, изображая разговор по-французски:

— Экуте ке-се-ке-се! — говорил один запашистый франт Глухой улицы другому франту, желая обратить на себя внимание юных красавиц замоскворецкого производства.

— Комса, — согласился с ним другой франт, тоже не без желания покрасоваться.

- Алон буар.
- Се тре бьен.
- Силь-ву-пле?
- Аллон!

Красавицы замоскворецкого производства на самом деле были поражены чистейшим парижским наречием франтов, ибо в то время французский диалект считался чуть ли не бесовским наваждением в этой среде, которую я описываю, и образование обыкновенно заканчивалось тем же, чем оно начиналось, — то есть невозможным полным развитием человеческих мясов.

— Какие насмешники! — говорили промеж себя замоскворецкие самородки и долго размышляли о том, какой таинственный смысл заключается в таинственном слове “силь-ву-пле!” А слово это, как известно каждому порядочному образованному человеку, обозначает водку”.

Не менее выразительный диалог привёл автор зарисовок с натуры, сделанных в знаменитой квасной лавке Сундучного ряда:

“За одним столом беседуют двое молодых людей, купеческих сынков.

- Фу-у-у! Насилу отошёл.
- Много вчера вылопали?
- Страсть! Всё портер сажали, а напоследок — шанпанское.
- Кто ж угощал?
- Тут один, рядский...
- Шуму не было?***
- Нет. Только как из сада выходили, так с извозчиком связались.
- Ну, это что за шум. А насчёт женского полу ничего не было?

* Действующее лицо пьесы А. Н. Островского “Бедность не порок”.

** Имеется в виду дебош или драка.

– С двумя армяшками познакомились.
– И что же?
– Мать строга. Меня, грыт, с собой берите, так поедем ужинать, а одних не пуцу. Проели они у нас синенькую* и пошли на все четыре стороны”.

Как в патриархальных купеческих семьях, где отцы держали всех домашних в страхе и беспрекословном повиновении, появлялись такие гуляки? Оказывается, у купеческой молодёжи были свои “университеты” – трактирные. И, если “студент” подсознательно был расположен, он очень быстро превращался из робкого, забитого юноши в безудержного кутилу. Типичным примером служит история героя рассказа “Огонь, вода и медные трубы”, начавшаяся с дружеского застолья в кабинете Патрикеевского трактира:

“– Значит, выпьем? – приступил прямо к делу Хоров, – перед ужином-то хорошо.

Несмелою рукой взял Вася первую рюмку, чокнулся с компанией и выпил. Хотя слёзы и навернулись на его глазах от “Адмиральского часа”**, но он скрыл их и вскоре “повторил”. За водкой явилось вино; стали ужинать. Вскоре комната пошла кружиться у Васи; он стал разговорчив. Хлопнула пробка шампанского, за ней другая и третья. Что было потом, Копытин не помнил.

Проснулся он на другое утро в сашухиной комнате: голова трещит, уши словно паклей заложены, во рту горько, глаза опухли и веки отяжелели. Он даже застонал.

– Что, брат, плохо? – подошёл к нему Вольнов. – На-ка, выпей.
Вася выпил бутылку сельцерской воды.
– Голову больно, – прошептал он.
– С непривычки, да и пересолил ты – сразу много выпил.
– А ты не давал бы...
– Да, не дашь тебе! Ты драться стал.
– Ну?
– Ей-Богу. Не помнишь?
– Ничего не помню, хоть убей.
– Нет, Василий Иванович, пить вам много не годится, потому вы во хмелю нехороши.

Копытин умылся, напился чаю и оправился с Александром в лавку.

– Что-то бледен ты сегодня? – осведомился отец.

– И сам не знаю, тятенька, с чего голова у меня разболелась...

Так дело на первый раз и сошло”.

Другой важный момент, отмеченный автором рассказа: для широких застолий требовались немалые деньги. Купеческому сыну, научившемуся много пить, пришлось осваивать искусство добычи средств на кутежи:

“Прошло несколько месяцев. Вася развернулся. Он приучился считать выпитое шампанское полудюжинами бутылок, основательно изучил трактиры белокаменной и перезнакомился со всеми цыганками Петровского парка, – словом, закутил, что называется, закусив удила... Но для кутежа нужны были деньги; откуда же он их доставал?

Дело началось с Александры Карловны. Однажды она явилась в лавку Копытина покупать какую-то материю. Когда Вася отмерил потребное количество аршин, Александра Карловна подала ему сторублёвую бумажку.

– С вас следует пятнадцать рублей, – сказал Вася. Он порылся в ящике и подал ей пачку ассигнаций: в ней было три радужных и красненькая. Александр Карловна быстро спрятала деньги в карман, села в пролётку и уехала. Почти сейчас же Вася хлопнул себя по лбу, слазил в денежный ящик и с печальной миной объявил отцу, что “виноват-с: я-де, тятенька, опростоволовился, – вместо четвертных-то, да сторублёвок надавал барыне...”

– Ах, болван! – окрысился Иван Васильевич. – Ты её знаешь?

– Впервой видел-с.

– Может, приедет... да чего уж! Коли с воза упало – считай, пропало...

Поворчал старик и замолчал; а в тот вечер в “Стрельне” была знатная попойка”.

* 5 рублей.

** Выражение, пришедшее с флота: время выдачи матросам винной порции. В Москве под этим фразеологизмом подразумевали подходящее время для выпивки, а в данном случае – водку.

И следующий шаг купеческого сына не был оригинальным – о таких историях периодически сообщали московские газеты. Вася, не достигнув совершеннолетия, начал брать деньги под векселя, на что не имел права. Дисконтёры шли на это, надеясь, что отец не захочет скандала и заплатит долги юноши. Правда, в истории московского купечества не раз бывало, когда отцы отказывались платить за своих беспутных отпрысков. В таких случаях молодых людей судили за подлог, и после вынесения приговора они отправлялись на жительство в Сибирь. Понятно, что после этого и речи не могло быть о продолжении семейного бизнеса.

Что касается Васи, то ему необычайно повезло. Он оказался свидетелем того, как папаша завершал удачную сделку дружеским ужином в кабинете “Стрельны”:

“Было уже поздно, и в саду господствовала полнейшая тишь и темь; свет виднелся только из отдельных комнат. В одной из них заседал Иван Васильевич Копытин в сообществе двух неизвестных Васе купцов и трех нафардированных* французенок. Одна из них нацепила на седую голову почтенного коммерсанта свой белокурый парик, а другая убирала его бороду цветами от шляпки, которая здесь же валялась в каком-то соуснике. Компания была пьянее вина. Хохот и бессвязная болтовня, звон посуды и бутылок, хрип подкутивших купцов – всё это вместе взятое составляло ужаснейший хаос”.

Вскоре в разговоре с отцом Вася объявил, “что он теперь всякое понятие имеет и от товарищей отставать не хочет”. Попутно он пояснил, что “я этак, примерно, никогда не нахлёстывался, чтобы какой ни на есть мамзели дозволять мне шиньон на голову нацепить”. В ответ почтенный глава семейства не только объяснил, что оплатил все подложные векселя, но и порадовал отпрыска своим твёрдым родительским словом:

– Значит, по седьмым числам ты будешь от меня по пятьсот рублёв получать. Понял? Больше не проси и векселей не давай... А то отступлюсь! Смотри!”

По всей видимости, на решение отца повлияло то обстоятельство, что сын, умело сочетая труд и отдых, оставался помощником в деле. Такую же позицию занимает купец из рассказа А. М. Пазухина “Отцы и дети”. Отправляясь на Нижегородскую ярмарку, он даёт сыну последние указания:

– Себя блюди, из повиновения матери не выходи, – говорит Фёдор Пармёнович Нескладов своему Мише. – Как запрётесь**, так и домой, а ежели в праздник какое развлечение пожелаешь, так заberi мать и сестёр, да и ступай в Сокольники либо в парк. Можно, конечно, и в “Эрмитаж” когда, но чтобы не часто и безо всяких последствий. Понял?..

– Понял, папаша, – со вздохом ответил Миша. – До последствий ли тут, папаша, ежели всё дело на мне будет?

– А прошлым-то годом не на тебе было? Так же тебе препоручил, а ты... Помнишь, каких вертунов наделал?

– Прошлого года я, папашенька, призывным был, полагал, что в солдата пойду, ну, и тово-с... веселился последнее лето...

– Не мог ты полагать насчёт солдат, так как ты один сын у отца.

– Все же были мечты-с...

– Ну, так вот чтобы ноне этих мечт не было!

– Помилуйте-с!..”

Купеческий сын не зря говорит об ответственности. Судя по воспоминаниям П. И. Щукина, во время Нижегородской ярмарки всем участником семейного бизнеса приходилось трудиться, не покладая рук:

“В то время, когда мой брат Сергей и я были на ярмарке, отец, а потом и брат Дмитрий заботились о своевременной высылке нам товара и ездили на фабрики Губнера, Цинделя и Прохорова, где торопили исполнять наши заказы”.

Вернёмся, однако, к героям рассказа “Отцы и дети”. Один из них раскрыл секрет, как можно было добывать у родителей деньги на походы по трактирам, оставаясь в их глазах пай-мальчиком:

“Сынки остались вдвоём и заняли тот самый стол, где заседали с папашами.

– Кипяточку прикажете? – спросил лакей, взяв чайник.

Миша посмотрел на грудной значок лакея.

– Номер у тебя значительный: сорок восьмой, а дурак ты!.. Где же это

* От французского глагола *farder* – краситься, румянить лицо.

** Т. е. закрывает лавку или амбар.

ты видал, чтобы дети, проводив родителей в дальнее плавание, не горевали?.. Горюют ведь дети?

— Это точно что-с...

— А с горя что пьют?

Лакей быстро достал из кармана фрака прејскурант и положил на стол.

— Вот так-то лучше! — похвалил Миша и велел подать коньяку.

— Вор ты у меня, Васька! — говорил Миша, наливая коньяк.

— А что?

— Да как же, братец ты мой, пьёшь ты всякую сырость в свое удовольствие, а папаша твой до сих пор думает, что ты и губ ещё в вине не мочил!..

— В аккурате дела делаю. Зачем их, родителей-то, тревожить? Они старики.

— Я не могу!.. Как ни стараюсь, а всё попадусь... У тебя, должно быть, попроще старики-то?

— Захотелось простоты!.. Папаша пришёл в Москву пешком с полтинником, а сейчас у него “пол-лимончика” будет, дисконтом занимается. Хороша простота!

— Так как же ты увёртываешься?

— Измышляю... Вот сегодня мы с тобою “ахнем” ведь?

— Натурально уж ахнем!

— Хорошо. Домой я попаду утром, а перед этим отгуляюсь, проветрюсь, чайку где-нибудь попью и явлюсь домой, как стёклышко. Явлюсь и сейчас мамаше газету с каким-нибудь происшествием, кражу там какую-нибудь найду, либо убийство, либо пожар... Вот, скажу, мамаша, какое событие было при мне, а я в свидетели попал, в участке до утра продержали, да придётся ещё в суде целый день потерять!.. Ну, мамаша ахать сейчас, охать, а я ей такую фразу: “Это, скажу, ничего, а надо вот сто рублей заплатить, чтобы меня от свидетельства освободили”... Мамаша сейчас мне радужную... Понял?

Миша громко хохотал над изобретательностью друга и с более покойным сердцем начал пить коньяк.

— У меня таких выдумок сколько хошь, — говорил Вася. — Я и тебя научу, пей без стеснения!..

Сынки просидели на вокзале около часу, потом взяли лихача и скрылись во мраке июльской ночи...”

Не исключено, что они напрямиком отправились в “шато-кабак” (так в то время называли места развлечений со свободными нравами) *Salon des variétés*, по-московски переименованный просто в “Салошку”*. Им встреча с отцами не грозила, хотя, судя по рассказу И. И. Мясницкого, и против строго родительского пригляда находилось верное средство:

“— Петька, леший ты эдакий! Насилу я тебя узнал! — восклицает серый пиджак, хватая за плечо чёрный сюртук. — Какой это тебя дьявол угораздил бородку-то с усами на свою образину наклеить?

— Тише ори-то!.. Рази не видал мово тятеньку-то здесь?

— Нет, не видал.

— С таким, брат, здесь товаром воловодится — страх!

— Не узнал тебя-то?

— Целая, брат, история!.. Увидал это меня и глаза вылупил! И я, и нет! Вижу, ходит все возле да прицеливается, а я и ухом не веду... безо всякого, то-исть, внимания к его родительскому сердцу... посмотрит, посмотрит на меня — плюнет и отойдёт!.. Сел я пиво пить... смотрю: идёт ко мне, старый чёрт... не выдержал! “Что вам угодно”, — говорю. Уставился на меня, ровно, вот, съесть хочет. Шалишь, думаю, в чужой шкуре нас пронзительностью-то не проберёшь. “А не знали ли, — говорит, — вы Петьку Свистунова? — И во сне, — говорю, — даже под пьяную не снился, а что? Рази похож я на Петьку-то вашего? — Да вот, говорят, как похож: ежели бы не эта борода с усами — сейчас бы тебе, подлецу, выволочку задал! — Челозк, — кричу, — отведите этого мужчину к сторонке, он дерзкие куплименты начинает говорить!

— Ха-ха-ха... отошёл?

— Так и прыснул! Извините, — говорит, — прошибся: Петька ни в жисть бы таких слов родителю не сказал бы!..

* Свои впечатления от посещения этого заведения А. П. Чехов описал в очерке “Салон де варьете”.

– Ха-ха-ха...

Приятели, покатываясь со смеху, направились к буфету...”

Поскольку в Москве подобные добры молодцы не были исключением, а даже наоборот – очень типичны, в народе они получили обобщающее прозвище: “саврасы без узды” или просто “саврасы”. Составитель словаря “Язык старой Москвы” В. С. Елистратов предположил, что это выражение произошло “от “саврасый, савраска” – одна из наиболее “незатейливых” мастей лошади (светло-гнедой, желтоватой), <...> как намек на необразованность, “недалёкость” и т. п.”

Наскольку нам удалось узнать из свидетельств современников, “саврасами” кутил из купеческой молодёжи стали называть из-за их приверженности к ресторану Саврасенкова, находившемуся на Тверском бульваре. Для них это заведение имело целый ряд неоспоримых достоинств. В нём можно было недорого пообедать, в его задних комнатах играли на бильярде, на втором этаже имелись “нумера”, предназначенные для уединений с временными подругами. Попастъ в “гостиницу” можно было и из обеденного зала, и прямо с улицы, как это сделали герои романа Н. А. Чмырёва “Психопатка”:

– Чудной! Куда? Да вон Саврасенков!

– В самом деле, пойдём!

– Так бы давно! Давай руку.

– Руку? Зачем?

– И впрямь дурак! Как же я войду не под руку? – говорила девочка, подхватывая под руку Горденко.

Тот повел её к ресторану.

– Ты это куда же? Я туда не пойду! – проговорила, словно испугавшись, девочка.

– Так куда же? – спросил, удивившись, Горденко.

– Вон в тот подъезд нужно! – проговорила она, и потащила своего кавалера к подъезду номеров.

Горденко со своей спутницей взошёл по лестнице, перед ним открылся длинный коридор.

– Номер прикажете? – спрашивал услужливый официант. – В какую цену?

– В рубль! – отрезала девочка.

– Пожалуйте-с! – предложил тот, высказывая вперёд и распахивая услужливо дверь номера.

Горденко со своей спутницей вошёл в номер. Лакей поспешно зажёл свечи.

– Чего мы съедим? – спросил Горденко, обращаясь к своей спутнице.

– А ты бери карточку и читай, а чего взять, я скажу, ведь я неграмотная, – наивно заметила девочка.

Ужин боль заказан”.

Главной же причиной, почему ресторан Саврасенкова так был популярен среди молодых купчиков, был невысокий статус этого заведения. Солидные люди в него не ходили, поэтому “саврасы” нискольку не опасались столкнуться нос к носу с папенькой.

Понятно, это правило не распространялось на тех, кто, подобно уже известному нам Васе, получил от папаши благословение на посещение всех значных мест. Такие юноши могли себе позволить проявлять широту натуры и в дорогих ресторанах Петровского парка, как это описано в стихотворении “К цыганам”:

*Он завит барашком,
Его речи бойки;
К Стёшкам да Парашкам
Каждый день на тройке
Скачет в “Эльдорадо”,
В “Стрельну” или к “Яру”...
Там ума не надо,
Было б лишь угару
В голове поболе...
Как подсядет к Оле,
Подлезает Маша,
Защепечет мило...*

– “Гурьевскую кашу
Я себе спросила...”
Припорхнула Груша,
В пурпур разодета:
– “Ах! Какие груши, –
Шепчет, – у буфета”.
– Что ж, возьми, – лукаво
Говорит барашек,
Тут его орава
Машек, Пашек, Сашек
Обступила живо,
Тараторят разом
Чуть что не с экстазом:
– Милый наш! Красивый!..

Писатель И. Я. Гурлянд, юность которого прошла в Москве, на примере героя романа “Особый мир” отметил такую характерную черту своего современника, выходяца из очень богатой семьи:

“Шустрикову было тогда двадцать два года, и он только что кончил университет. Как сын миллионера, он был искренне убежден, что весь мир создан исключительно для него: солнце – для того, чтобы ему было тепло и светло, земля – чтоб он мог в известное время дня фланировать по улицам, люди – чтоб ему не было скучно в одиночестве, ночь – чтобы шумно коротать её в компании прихлебателей”.

Порой такие баловни судьбы не стеснялись наглядно демонстрировать своё пренебрежение окружающим. На страницах газет периодически появлялись сообщения об их “подвигах” в общественных местах, среди которых были и такие выдающиеся деяния, как стрельба из револьвера во время катания в автомобиле по аллеям Петровского парка или бросок бутылки в голову певички, посмевшей отказать назойливому ухажёру.

Обозреватель московской жизни А. Н. Дмитриев поделился с читателями журнала “Мирской толк” впечатлением от невольного знакомства с целой группой “шустриковых”, откровенничавших, не стесняясь присутствием посторонних:

“Золотая молодёжь! Многозначительно, как характерно звучат эти слова! В ней, в этой именно молодёжи лежит залог преуспевания, на ней почивают надежды, она именно призвана и к созиданию, и к водворению, и к широкой деятельности! Юркая, хорошо сплочённая, отлично знающая, где раки зимуют, неустанно подталкиваемая тётушками, кузенами, папеньками, она презрительно и гордо, и это право её, смотрит на всех и вся. И действительно, это право её!

Недавно, например, я имел удовольствие видеть эту молодёжь *en petit comité** в красной “кофейной” Большого театра. Какая роскошь! Чего только я тут не наслушался, чему не обучился! Речь шла... ну, конечно, о *Salon des Variétés*, где молодёжь сия устроила себе “гнёздышко”.

– Мы там, – громогласно и при посторонних людях заявлял один из числа оной, – совсем *comme chez nous***!

Натуральное дело: где ещё в другом месте быть вам “совсем, как у себя”? В прошлом фельетоне я говорил о полезности и даже необходимости подобных танцевальных университетов, а вот вам и наглядное доказательство моих слов.

Посмотрите, например, как мил, как изящен в манерах этот хотя бы безбородый юноша, питомец вышеназванного салона!

– Я, – кричит он, – вчера ужинал с Б.!

– Ну, и что же? – любопытствуют компаньоны.

– Да так, зря накормил. Ну, а я... я уехал с И. Она плакала, говорила, что у неё есть кассир здешний, который её любит, и она его. А мне, чёрт его дери! Уедем, твержу, иначе денег не дам, и уехали.

– Ну?!

– *Parole d’honneur****!

* В тесном кругу (фр.).

** Как у нас (фр.).

*** Честное слово (фр.).

- Умеет, разбойник, обделывать дела!
- А ты не умеешь? Зачем ты приехал в театр, а?
- Зачем! Ты знаешь, я думаю, мои девчонки сегодня танцуют.
- Кто такие?
- Одна –ая, другая –ова.
- И моя, – вмешивается истасканный, с козлиною бородкой франтик, – тоже пляшет сегодня.
- Верочка, что ли?
- Она!
- Звонок, однако, господа: пойдёмте!
- А отсюда мы куда?
- Да сначала поужинаем где-нибудь, а там... в *Salon*, конечно.
- Идёт!..

И милые люди шумно удаляются. Назидательная беседа, а главное – откровенная! Положим, фаворитка кассира – птица не важная, но, как знать, может быть, и ей не хотелось бы, чтобы, рассказывая о похождениях с ней, называли её по имени; вероятно, и названные полными именами, во все горло, танцовщицы – птицы тоже неважные, но, надо думать, и они не желали бы быть так именно афишированными. Прежде о похождениях с женщинами, кто бы они ни были, имели обыкновение скрывать, и тем паче никогда не называли их полным именем; прежде, если сами иной раз кутили, немножко безобразничали, имели обыкновение говорить об этом только среди своих; прежде имели настолько порядочности, что, находясь в публичном месте, немножко стеснялись заставлять других слушать глупости и гадости, а подчас и самое наглое вранье, – теперь же... Теперь это всё считается за особенный шик, за признак бонтонности. А всё вновь открытые университеты. Исполать им!..”

В романе “Тайна” А. А. Соколов, описывая похождения “золотой молодёжи”, отмечал забавную бытовую деталь. При каждой компании имелся прихлебатель, который должен был неустанно развлекать молодых людей. Писатель, окрестив таких “массовиков-затейников” общим именем Поликарп, дал им классификацию:

“Поликарпы именуется всюду, где есть прожигатели жизни, хотя Поликарпы отнюдь не похожи один на другого.

Один Поликарп – человек с гонором, конечно, относительно, но все-таки с гонором; другие, потерявшие всякое человеческое достоинство...

Но занятие “Поликарпов” одинаковое: “шутки шутить” и “увеселять” кутящие “компании”, состоящие из молодых коммерсантов и из богатых интеллигентов, т. е. из так называемой золотой молодёжи.

Каждый Поликарп почти непременно принадлежит к театральному миру. Это или актёр, или певец, или куплетист и рассказчик сцен. В кулисном мире он, конечно, свой человек. Таков характер у всех Поликарпов.

Поликарпы по силе дарований также бывают разные. Есть между ними чрезвычайно талантливые, божки дамского пола, с которыми купеческие саврасы обходятся почтительнее и бывают очень счастливы, если с ними Поликарпы сходятся на “ты” и позволяют фамильярности; Поликарпы со средними дарованиями ценятся уже “по низшему курсу”, а Поликарпы с едва заметными дарованиями третируются *en canaille** и грош цена таким Поликарпам”.

По мнению А. А. Соколова, как молодые бездельники, которым доставляет удовольствие унижать других, так “Поликарпы”, пусть даже высшей категории, стоят друг друга:

“Среди шалопаев и саврасов Поликарп – будем звать, читатель, Краснова-Балабанского для краткости Поликарпом, – держал себя не без достоинства.

Он поставил себя на эту ногу тоже весьма экстраординарным случаем.

Ему нужны были деньги, деньги пустые – всего сто рублей. Но как достать их? Кутили поить будет хоть до сумасшествия, но насчёт “одолжения” туги.

Поликарп напустил на себя меланхолию. Его просила “компания” рассказать или спеть что-нибудь, просила позволения послать за гитарой, но Поликарп отказывался.

– Да что с тобой, Поликарпушка? – спросил один из саврасиков.

– Скучно!.. Завтра платёж по векселю, а денег, – он вытащил радужную, – всего сто.

* Обращаются бесцеремонно, с пренебрежением – дореволюционный фразеологизм.

- Хочешь, я дам сотенную?
- Сделай милость.
- Но с условием. За сотенную я тебе личико твоё горчицей вымажу.
- Да разве, по-твоему, цена вымазанного горчицей лица стоит сто рублей?
- Из копейки в копейку.
- Ни больше, ни меньше?
- Ни больше, ни меньше.

И не успел саврасик оглянуться, как Поликарп бросил бумажку перед ним на тарелку, опрокинул на ладонь горчицу, вымазал саврасу физиономию и, сказав: “Получи по собственной таксе”, – вышел из кабинета.

Случай, дотоле небывалый в летописях московского шалопайничанья; случай, до того поразивший всю честную компанию, что она не опомнилась в течение некоторого времени, но потом признала Поликарпа правым и заставила саврасика испросить у Поликарпа прощения, обязав его честным словом не оглашать происшедшего.

Саврас просил прощения, но Поликарп сделал гадость: он простил, но за пятьсот рублей.

Однако этот факт заставил шалопаев относиться к Поликарпу со сдержанностью и открыл ему небольшой кредит”.

По свидетельству поэтессы Н. Я. Серпинской, в юности вращавшейся в среде “золотой молодёжи”, и в канун Первой мировой войны по-прежнему встречались в Москве дети богачей, спускавшие на свои прихоти родительские состояния. Один из них свои чудачества творил на глазах мемуаристики:

“Федька – плюгавенький блондин в пенсне, не идущем к типу савраса, разыгрываемого им. Когда-то давно, до революции 1905 года, “занимался революцией”, сидел в тюрьме, считал себя чуть ли не социал-демократом. В это время его мать, с которой он ссорился, не получая от неё ни копейки, умерла без завещания. Свалившийся на Федьку миллион сбил с него всякую “революционность”. Быстро освобожден он из тюрьмы, преподнес в презент сотенные бриллианты содержанке градоначальника – цыганской певице Зориной, и совершенно преобразился. Завёл цилиндр, наёмного лихача, штат прихлебателей, мебелированную квартиру в Москве на Страстном бульваре, превратившуюся в настоящий “штаб золотой молодёжи”.

Стены шикарных кабаков запечатлели незаписанные легенды их десятилетней кутильной эпопеи.

В трескучий январский мороз в три часа ночи Федька среди цыганского хора умолял на коленях о любви непреклонную певицу Настьку: “Ну, на всё готов, ну – жизнь отдаю! – Ах, Феденька, вот что: хочу я спеть “Под душистой веткой сирени”, а сирени-то и нет – одни пальмы. Пусть бы сирень зацвела – я бы полюбила тебя! – Сирень – это самые пустяки – через час зацветёт!” Он послал на квартиру к Ноеву – владельцу лучшего цветочного магазина на Петровке – автомобиль с двумя яровскими лакеями, снабжёнными Федькиной визитной карточкой и набитыми бумажниками. Они, ворвавшись почти насильно в дом Ноева, разбудили хозяина, получили ключи от магазина и, выбрав две кадки цветущей белой сирени, благополучно доставили её, закутанную в войлок и рогожи. В четыре часа утра Настька, благосклонно улыбаясь лежащему у её ног Ненюкову, пела под гитару со всем хором “Под душистой веткой сирени...”

Так же они, только самолично выбирая, как-то ночью покупали полную обстановку в мебельном магазине Балакирева для мебелировки квартиры какого-то нового Федькина “увлечения”. Все были так пьяны, что, когда проснулись днём на вновь купленных дубовых кроватях, никак не могли понять, каким образом мебель очутилась в квартире”.

Примерно в те же годы происходило становление П. А. Бурьшкина, но в его семье отношения между отцом и сыном были построены так, что юноше не надо было ловчить и обманывать, чтобы отправиться в места развлечения, причём предварительно как следует потрудившись:

“У моего отца была весьма своеобразная манера меня воспитывать: я пользовался абсолютной свободой с очень молодого возраста и всегда имел много “карманных” денег. Всё это делалось под молчаливым условием, что я буду хорошо учиться, не попаду в какую-нибудь “неподходящую историю” с полицейским участком, что моё времяпрепровождение не скажется на моём здоровье и что я всегда буду вовремя там, где быть должен. В студенческие

времена я иногда очень поздно возвращался домой, но если вовремя шёл в университет, откуда во второй половине дня отправлялся в амбар, то был волен поступать, как мне нравилось. Больше всего этой свободой я пользовался, чтобы бывать в театре или в концертах, куда меня сначала “возили”, а потом позволили ездить самому.

Помню, как, будучи студентом, я раз чуть не попал “за городом” в неприятную историю, о которой в Москве стало известно. Дело обошлось благополучно, но я всё-таки ждал, что мне “намылят голову”. Отец лишь посмотрел на меня, покачал головой и сказал: “Неужели тебе это интересно?” – Это было хуже “разноса”.

Но были среди молодых богачей и те, кто, как шесть братьев Щукиных, с душой работали в семейной фирме. Правда, со временем большинство из них оставили занятия коммерцией, чтобы с не меньшим успехом трудиться в других областях.

Схожий подход к трудовому воспитанию детей, как вспоминал В. П. Рябушинский, был и в его семье:

“Когда подрастали, то, чтобы приучить к делу, при всякой возможности, если только это не мешало ученью, заставляли ездить в “амбар”.

Что же касается образования, то и здесь всё обстояло благополучно: пятеро братьев Рябушинских окончили Московскую практическую академию коммерческих наук, а ещё трое – реальное училище Воскресенского. Самого автора мемуаров для продолжения учёбы отправили за границу, но он не оправдал надежд семьи:

“Окончив вышеупомянутую Академию Коммерческих Наук, поехал я в Гейдельберг, где пробыл шесть семестров, слушая химию, математику и философию, и оставалось мне ещё 2 или 3 семестра, чтобы сделать докторат, но всё время меня грызла страшная тоска по родине (хотя на каникулы я и приезжал домой), так что я не выдержал и, махнув рукой на докторат, попросил у отца разрешения вернуться домой. Оно мне было дано, но мой авторитет в семье был подорван. “Москва слезам не верит” – это известно, но Москва и дряблости не выносит и презирает, когда дело не доводится до конца. Всё это происходит и в тесном семейном, и в более широком кругу”.

Однако отсутствие диплома престижнейшего германского университета не помешало В. П. Рябушинскому успешно трудиться в семейном бизнесе. А вот два его брата предпочли вместо коммерции заняться тем, к чему лежала душа. Так, Д. П. Рябушинский, увлечшись научными исследованиями, в своём подмосковном имении Кучино основал первый в мире Аэродинамический институт. Другой брат, Н. П. Рябушинский свою долю отцовского наследства растратил на меценатство и кутежи. О нём П. А. Бурыйшкин написал мемуарах:

“Николай Павлович был художник, эстет, издатель “Золотого руна”, владелец нашуемшей в Москве дачи, находившейся в Петровском парке и называвшейся “Чёрный Лебедь”. Эта вилла славилась оригинальностью мебелировки, а устраивавшиеся в ней приёмы – своеобразной экзотикой”. “Николашу”, как его называли в Москве, всерьёз не принимали, но он оказался хитрее своих братьев, так как всё состояние прожил ещё на Родине и от революции не пострадал. У него был вкус и знания, и он занимался одно время антикварным делом”.

Стоит пояснить, что “Академия Коммерческих Наук”, в которой учились братья Рябушинские, несмотря на громкое наименование, по своему статусу являлась средним учебным заведением. Правда, его выпускники получали звания “личного почётного гражданина” и “кандидата коммерции”, а также право поступать в университеты, но главное – их прекрасно готовили к практической деятельности в области промышленности и торговли.

В начале XX века Обществом распространения коммерческого образования, которым руководил его основатель А. С. Вишняков, были созданы курсы бухгалтеров. Затем были открыты и мужское и женское училища. В 1903 году

* По Москве ходили слухи, что Н. П. Рябушинский устраивал на вилле настоящие “афинские ночи”. Якобы по саду бегали дамы в неглиже, а за ними с хохотом и криками гонялись пьяные мужчины. Сам владелец “Чёрного лебедя” утверждал, что приглашал в свой дом женщин только для того, чтобы показать им коллекцию произведений искусства.

Общество основало Коммерческие курсы, которые спустя четыре года были преобразованы в Московский коммерческий институт. Одним из его выпускников был П. А. Бурышкин:

“Этот институт я окончил, и вспоминаю о нём с большим удовольствием.

При институте был ряд лабораторий и других вспомогательных учреждений. Все это было сооружено на собранные средства, в чём Алексей Семёнович [Вишняков] был весьма искусен; институтом он очень интересовался, был председателем попечительского Совета, бывал там каждый вечер и любил принимать студентов, но делал это с большим тактом, так как они хорошо уживались с директором института, профессором П. И. Новгородцевым. Все аудитории, классы и иные помещения были выстроены “имени такого-то”, т. е. или самого жертвователя, или в его честь. Очень много было помещений “имени А. С. Вишнякова”. Кстати скажу, что четыре класса и аудитории были имени моего отца и нашего Товарищества”.

Таким образом, мы видим, что московскому купечеству потребовалось менее полувека, чтобы в сфере образования и воспитания новых поколений успешно эволюционировать от “тёмного царства” ко вполне современной на тот момент системе учебных заведений. На наш взгляд, это отчётливо свидетельствовало о том, что мир московских предпринимателей был живым, развивающимся организмом.

Коренное изменение общественного строя, произошедшее в 1917 году, уничтожило этот мир, навсегда прервав преемственность поколений. Спустя столетие это отчётливо видно.

Впрочем, В. П. Рябушинский в своё время давал более оптимистический прогноз:

“Революция смела всё: и плохое, и хорошее. Уничтожено было под метлу московское купечество. Нам, его обломкам, конечно, особенно горько, и больно, и жалко, но унывать не будем.

Пропали как деловые вожди Морозовы, Третьяковы, Бахрушины, Алексеевы, Сапожниковы, Шукины и другие (я назвал наугад несколько имён) потомки русских мужиков. Ничего. Ведь и в нормальное время через 50–70 лет большинство из этих родов сошло бы со сцены, и возвысились бы другие. Говорю это не по статистике, а по опыту: до столетий доживают немногие, потому что видел и слышал за свою долгую жизнь. <...>

Нанесли они [большевики] этим непоправимый вред русской хозяйственной стихии?

Нет, ибо они истребили лишь временный продукт, а не саму стихию, которая его разрабатывает. Действительно, ценные дети рождаются часто (в дедов) и у дрянных отцов; не нужно также забывать, что для выдвижения нужны не только личная годность, но и счастье, выражаясь по-мирскому. В низах, не тронутых большевиками, осталось много ценных людей, которым “не везло”. Вся эта стихия вырабатывает новый отбор”.

Что же, попробуем поверить в лучшее. А вдруг...

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Смерть Сталина поставила Д. Д. Шостаковича в трудное положение. Хотя он внутренне ненавидел отца народов, не мог ему простить тех выволочек, тех унижительных оскорблений, которые композитору пришлось испытать по вине тирана или его сатрапов, вместе с тем Дмитрий Дмитриевич прекрасно понимал, что он обязан ему своим высоким положением. Сталин был для Шостаковича, примерно как Николай Первый для Пушкина – высочайшим цензором. А главное, он ценил его талант, Шостакович был нужен ему.

Мне пересказывал Свиридов со слов Шостаковича, а тот слышал от М. Чиатурели рассказ, как Сталин во время беседы со своим любимым кинорежиссёром по поводу фильма “Падение Берлина” спросил Михаила Эдишевича, какого композитора он хочет пригласить. И когда Чиатурели признался, что хочет, чтобы музыку писал С. С. Прокофьев, то Сталин, немного подумав, сказал: “А я бы посоветовал Вам пригласить Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Мне кажется, что он более талантлив”. И действительно, в истории русской (да и не только русской) музыки место Шостаковича было не сравнимо ни с кем. О таком высоком, привилегированном положении, какое было у него при Сталине, не могли даже мечтать ни Глинка, ни Чайковский... Шостакович был первым и главным композитором сталинской эпохи, и рядом с ним не было никого, кто бы мог с ним стоять наравне.

Шостакович одним из первых откликнулся словом на смерть Сталина. После кончины вождя свои слова писали и публиковали многие. Писатели, художники, композиторы, архитекторы, артисты, учёные, рабочие, военные.

Кто только в те дни не писал эпитафии! Константин Федин (“Сталинические наследники”), Николай Грибачёв (“Плечо к плечу. Сердце к сердцу”), А. Яшин (“Слова потеряли силу...”), Василий Ажаев (“Он всегда с нами”), Галина Николаева (“Не ослабев, не дрогнув...”), В. Овечкин (Сталин – жизнь!), Н. Погодин (“Единство”), Назым Хикмет (“Вспомоная...”), А. Софронов (“В Колонном зале...”). 12 марта в Литературной газете была опубликована подборка стихов под общим названием “Сталин – это жизнь”.

Большая часть таких слов носила чисто дежурный, порой совсем уж казённый характер. Были редкие исключения вроде выступлений М. Шолохова “Прощай, отец!”¹, Ильи Эренбурга “Великий защитник мира” (“Простые люди живы, и в них жив Сталин”)² или А. Фадеева “Гуманизм Сталина” (“Многие, многие века будет сиять священное имя Сталина, озаряя путь всему человечеству!”)³. Писали и зарубежные творцы слова, поэты, драматурги. В газете

* Продолжение. Начало в № 1, 5 за 2016 г.

“Правда” от 18 марта 1953 года (№ 77 (12645), с. 3) помещён отклик Иоганнеса Бехера в переводе А. Кочеткова “Бессмертному” (“Бессмертного мы чтим бессмертной славой!”).

Композиторские эпитафии были уж совсем как-то неприметны, безлики. Хотя писали Хачатурян, Шапорин, Хренников, люди, многим обязанные Сталину. Но слова мало чем отличались друг от друга, в них не было ничего особенного, какой-то изюминки, не было своей интонации, не было ни одной живой мысли, отсутствовало хоть какое-то напоминание об искреннем чувстве, переживании, элементарном соболезновании. Увы, какие-то стёртые, дежурные фразы. Слово Шостаковича тоже большей частью состояло из трафаретных, безликих слов и выражений. Не знаю, писал ли он сам или под диктовку, текст наверняка правили редакторы. И всё же в нём было одно предложение, если и не продиктованное чувством, но имеющее глубокий вещный смысл.

Слово было опубликовано в газете “Советское искусство” от 7 марта, вслед за бюллетенем “От Центрального Комитета. . .” о смерти Сталина и текстом Постановления совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совмина Союза ССР, Президиума Верховного совета СССР.

Привожу текст Шостаковича целиком, выделив курсивом фразу, показавшуюся мне заслуживающей внимания.

“Тяжёлое, огромное горе постигло нас. Из наших рядов ушёл Иосиф Виссарионович Сталин, наш первый и самый близкий друг. Умер дорогой учитель, чьи вдохновляющие указания двигали и всегда будут двигать вперёд наше искусство. *Никогда у искусства ещё не было таких высоких задач, никогда ещё не было так огромно его значение, как в эпоху И. В. Сталина.*

Жизнь и работа товарища И. В. Сталина должны быть для всех нас вдохновляющим примером. Мы должны так работать, чтобы с честью оправдать высокое звание сталинских учеников, современников великого Человека.

Сплотимся же теснее вокруг Коммунистической партии Советского Союза, вокруг Советского правительства и перед священным гробом нашего вождя поклянёмся приложить все силы, чтобы создать произведения, прославляющие наш победный путь к коммунизму.

Пусть вечно озаряет нас великое учение Сталина.

Сталин с нами на вечные времена”⁴.

Действительно, как это ни покажется парадоксальным, при всех ужасах и гримасах сталинской тирании, жёстком командном стиле управления культурой, то предназначение серьёзной музыки, та роль, которая ей отводилась в культурной политике государства, то внимание, с каким к ней относились высшие партийные и государственные органы, ни Шостакович, ни другие советские композиторы не испытывали уже никогда. Ещё, по инерции, внимание музыке уделялось при Хрущёве, но именно по инерции, уже не на таком уровне и не с такой значительностью. А уже позднее серьёзная музыка постепенно отходила на второй план. Не говорю уже о наших днях, когда государство просто не имеет практической никакой музыкальной политики и никакого интереса к новой высокой музыке, создаваемой современными российскими композиторами. Поэтому слова Шостаковича о том, что до Сталина “никогда ещё не было так огромно значение музыкального искусства”, были, скорее всего, продиктованы личным опытом Шостаковича. При всех притеснениях, при порой жестоких порицаниях и зубодробительной критике, какой подвергался Дмитрий Дмитриевич, никогда ещё в России так не ставилось и не почиталось высоко творчество композитора. И Шостакович – вдумайтесь, лауреат 5 (пяти) Сталинских премий! – был вознесён на вершину славы и был одним из самых привилегированных и титулованных творцов советского искусства.

Шостаковичу нелегко далось пережить смену эпох. Он внимательно следил за политической обстановкой, знал, конечно, в каких-то пределах обо всех перипетиях, переменмах во власти наверху. Он знал о новых назначениях и перестановках в верхних эшелонах власти. Конечно, он обратил внимание на перемещения в ЦК партии и в Совете министров СССР.

Как известно, 7 марта, когда было опубликовано его “Слово о Сталине”, на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совмина СССР и Президиума Верховного Совета СССР решено было создать единый Президиум Совмина СССР, в состав которого вошёл в качестве Председателя Совмина Г. К. Маленков и его заместители, в том числе и Л. П. Берия, ставший первым заместителем Предсовмина СССР. Берия берёт в свои руки управление

безопасностью, став министром МВД СССР, в котором вновь оказались объединёнными МГБ и МВД. Н. Булганин становится военным министром, у него в заместителях оказываются маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Хрущёв полностью уходит на партийную работу в ЦК КПСС, оставляя пост первого секретаря Московского горкома партии. Членами Президиума ЦК становятся Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Н. С. Хрущёв, М. З. Сабуров (министр машиностроения) и М. Г. Первухин (министр электростанций и электропромышленности).

9 марта на похоронах Сталина с трибуны Мавзолея выступают с речами Маленков, Берия и Молотов. Начинается период так называемого “коллективного руководства”. Фотографии этой троицы постоянно печатаются в газетах, они на видном месте, и конечно, могло возникнуть впечатление, что именно этот triumvirат и есть настоящая власть и осуществляет реальное руководство страной. Конечно, Шостакович не мог знать и не догадывался, что означает рокировка в высших эшелонах партии и государства и что за игру затеял Хрущёв в эти первые месяцы после смерти Сталина. Если бы он знал об этом, то вряд ли бы вступал в какие-либо отношения с Л. П. Берия, покровителем и поклонником его таланта. Ещё в начале июня Дмитрий Дмитриевич пишет ему письмо по незначительному случаю с просьбой о помощи пианисткам, сёстрам Туркиным⁵.

Биограф Шостаковича С. Хентова пишет, что 22 июня Шостакович перебирается на дачу в Комарово⁶. Значит, его не было на премьере оперы “Декабристы” в Большом театре СССР ни 23, ни 27 июня. На втором спектакле 27 июня присутствовал весь ареопаг, все руководители партии и правительства: товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, В. А. Малышев. Не было только Л. П. Берия. И, конечно, вся композиторская элита Москвы побывала на этих спектаклях. Кроме Шостаковича. Знал ли Дмитрий Дмитриевич или предчувствовал, но за день до второго спектакля, 26 июня всемогущий министр внутренних дел, заместитель Председателя Совета министров СССР, член президиума ЦК КПСС товарищ Л. П. Берия был арестован.

Начались неприятности у многих деятелей культуры, кто был связан с Берия или имел к нему хотя бы косвенное отношение. Первыми пострадали грузинские композиторы, выдвинутые на Сталинскую премию за 1952 году при Берии. Опале подвергся и кинорежиссёр М. Чиаурели, которому Берия благоволил. А с Чиаурели Шостакович, как известно, сотрудничал и написал музыку к ряду фильмов о Сталине (“Падение Берлина”, “Незабываемый 1919”). Когда начались неприятности у кинорежиссёра, то Шостаковича вызывали свидетелем по его делу. Забегая вперёд, напомним, что в своём знаменитом докладе о культе личности 25 февраля 1956 года Н. С. Хрущёв вспомнил недобрым словом кинофильм “Падение Берлина”.

Но Шостакович был не из тех людей, кто отступает перед неприятностями. Слишком уж многому он был научен в этой жизни, пережил немало превратностей судьбы. К тому же он прекрасно знал себе цену и понимал, что его трудно сбросить с коня.

В мае или июне Шостакович наносит визит недавно назначенному министру культуры СССР П. К. Пономаренко. В конце мая он принимал участие в работе Секретариата Правления ССК СССР. Вообще он продолжает оставаться активным участником музыкальной жизни страны.

На даче в Комарово он узнаёт об июльском пленуме ЦК КПСС, о разоблачении Л. П. Берия. Здесь он слушает по радио или читает в газетах сообщение о Заседании Верховного Совета Союза и Совета национальностей 6, 7 и 8 августа 1953 года, о речи Председателя Совета Министров СССР товарища Г. М. Маленкова на V сессии Верховного Совета СССР и утверждении Указа президиума Верховного Совета СССР о преступных антигосударственных действиях Л. П. Берия.

Композитор проводит в Комарово всё лето, не выезжая в Москву. В Комарово он начинает работу над своим большим сочинением – новой, Десятой по счёту симфонией. И если его Восьмая была потрясающим своей подлинностью и “жестоким” реализмом музыкальным портретом всей эпохи, то в Десятой он

коснулся своей личной драмы, изобразив себя в образе трагического шута с помощью известной звуковой анаграммы DSCH (Дмитрий Шостакович).

История создания Десятой, её первое исполнение, дискуссия по её поводу в Москве достаточно хорошо известны и неоднократно описывались в литературе. Окончание первой части (*Moderato*) датировано 5 августа, второй (*Allegro*) – 27 августа, третьей (*Allegretto*) – 8 октября, четвёртой (*Andante. Allegro*) – 25 октября. Шостакович возвращается в Москву 5 сентября, продолжает работу над симфонией дома. 25 сентября состоялся разговор о симфонии с Евгением Александровичем Мравинским⁷. На следующий день Мравинский “Красной Стрелой” едет в Москву. 1 октября состоялось прослушивание новой симфонии дома у Шостаковича. Как отмечает в дневнике Мравинский, к этому времени готовы в партитуре были первые три части и начало финала⁸.

Композитор заканчивает работу над партитурой симфонии в начале ноября. Партитуру доставляют в Ленинград частями, и с 6 по 9 ноября каждый день Мравинский знакомится с частями симфонии. 10 ноября на один день Шостакович приезжает в Ленинград и работает с Мравинским. В своём дневнике Мравинский отмечает: “Темпы!” 18 ноября Дмитрий Дмитриевич показывает симфонию на секции симфонической и камерной музыки. Сохранилась стенограмма заседания секции, на котором проходило прослушивание и обсуждение⁹. Своими впечатлениями поделились композиторы С. Разорёнов, Ю. Левитин, Н. Николаева, М. Раухвергер, Н. Пейко, Ю. Шапорин, А. Хачатурян. Как видно из списка выступавших, можно понять, что симфонию приветствовали или бывшие “формалисты”, или сочувствовавшие им. Симфония была воспринята на “ура” и рекомендована к исполнению.

20 ноября Шостакович выступает с докладом в Москве на торжественном заседании, посвящённом 125-летию со дня смерти Ф. Шуберта. Это была важная культурная акция с политическим подтекстом. Она была организована Министерством культуры СССР, ВОКСом и ССК СССР. Среди гостей были видные деятели культуры, главы дипломатических представительств¹⁰. А уже 21 ноября Шостакович вечером выезжает в Ленинград.

22 ноября он присутствует на концерте смотря ленинградских композиторов в Большом зале, где Е. А. Мравинский исполняет симфонию В. Салманова. 23 и 24 ноября дома у Мравинского Шостакович вместе с М. Вайнбергом в четыре руки играют новую симфонию, уточняя с дирижёром темпы. Вечером 24 ноября Мравинский был на обеде у матери Шостаковича Софьи Васильевны в Дмитровском переулке, и там вновь игралась Десятая. 25-го Дмитрий Дмитриевич посещает концерт в Малом зале им. М. И. Глинки, где исполнялась поэма Свиридова “Моя Родина”. 26-го, после обсуждения в ЛОССК, вечером Шостакович уезжает из Ленинграда.

Судя по дневнику, Мравинский 30 ноября утром и днём работал над 4-й частью симфонии, а вечером был на концерте смотра, где исполнялись произведения молодых композиторов¹¹. Дмитрий Дмитриевич остаётся до 26 ноября, потом уезжает в Москву. А Мравинский продолжает работать над симфонией. В пятницу 4 декабря Шостакович вновь возвращается в Ленинград на прогон симфонии с оркестром. На следующий день Шостакович уезжает в Москву, а Мравинский опять продолжает работать. 10 декабря Шостакович вновь возвращается в Ленинград, и практически все дни, целую неделю до премьеры в филармонии идут репетиции. Увы, пишу об этом с нескрываемым восхищением: теперь уже практически никто из наших (да и во всём мире!) дирижёров так не работает...

17 декабря 1953 года Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением Е. А. Мравинского в прославленном Большом зале Ленинградской филармонии впервые исполняет Десятую симфонию ми минор, сочинение 93 Д. Д. Шостаковича¹². На премьеры были приехавшие из Москвы А. И. Хачатурян, М. Вайнберг, Ю. Левитин, Л. Атовмян. Свиридов также был на этом концерте. В дневнике Мравинского за этот день упомянута программа концерта, а в конце сделана скупая приписка: “[Шостакович] очень успешно. После концерта у него в гостинице”¹³.

На следующий день концерт повторяется. В дневнике Мравинского появляется запись: “Не только успешно, но и действительно хорошо. После концерта опять у Шостаковича”.

19 декабря в Москве прошло открытие VII пленума Правления Союза советских композиторов СССР, посвящённого массовой песне. С главным

докладом “О состоянии и задачах дальнейшего развития советского песенного творчества” выступает антагонист Шостаковича песенник В. Захаров. В пленуме принимает участие вся команда выдвиженцев 1948 года: М. Коваль, А. Новиков, Т. Хренников, Б. Терентьев, В. Мурадели¹⁴. Пленум сам по себе не стал большим событием, это, скорее всего, был смотр сил и намёк новому руководству на значение массового жанра. На пленум были приглашены поэты, выступил с докладом Л. Ошанин.

21 декабря “Красной стрелой” Мравинский едет в Москву. Там сплошь каждый день идут репетиции, Шостакович приезжает из Ленинграда 24-го. 27 и 28 декабря проходит генеральная репетиция, утром 29-го состоялся прогон, а вечером в Большом зале консерватории был концерт. На следующий день симфония вновь звучала в повторном концерте оркестра Ленинградской филармонии. Мравинский отмечает в дневнике: “Концерт (12-й): повторение вчерашнего. Очень хорошо; присутствовал Пономаренко” (министр культуры. — **А. Б.**).

В начале 1954 года симфония ещё несколько раз была исполнена в Ленинграде и Москве. 22 марта Мравинский едет с оркестром в Москву на очередной концерт. 24, 26 и 27 шли репетиции, на которых был Шостакович, а вечером 27 марта симфония была исполнена. В этот день Шостаковича все поздравляли с присуждением звания “Народный артист СССР”.

Но противник не дремал... Уже 29 марта открывается дискуссия о Десятой симфонии организованная ССК СССР. Она длилась с перерывами три дня, 29, 30 марта и 5 апреля. Хотя и сама дискуссия, её содержание, тексты выступлений хорошо известны музыковедам и этот сюжет неоднократно освещался в литературе о Шостаковиче, но никто толком до сих пор не разобрался, почему, в связи с чем возникла эта дискуссия.

Подоплёка этой истории была связана с одним малоизвестным нашим музыковедам сюжетом — с историей выдвижения на Сталинскую премию в 1953 и 1954 годах. Судьба Сталинской премии 1953 года вообще мало кого ныне интересует из историков по той простой причине, что сама эта премия, как известно, приказала долго жить.

Ещё в 1954 году на самом высоком уровне партийного руководства созрело решение упразднить Сталинскую премию и вместо неё возродить учреждённую ещё в 1925 году, а по сути, создать новую Ленинскую премию. Комитет по Сталинским премиям по инерции ещё продолжал работать и в 1954 году даже были присуждены премии. И хотя в Комитете поздравляли победителей, но лауреатами они остались только на бумаге. Ни диплома, ни почетного знака, ни самой премии никто не получил. Упразднение института Сталинской премии произошло позднее, а в 1953 году даже после смерти Сталина она всё ещё оставалась в сознании общества самой высокой, самой престижной высшей государственной наградой, к тому же имеющей ещё и денежное выражение: 100 тысяч рублей за премию первой степени.

И вот теперь мы приближаемся к драматической развязке истории с поэмой Г. В. Свиридова “Моя Родина” и с Десятой симфонией Д. Д. Шостаковича.

Последнее пленарное заседание Комитета по Сталинским премиям в 1953 году происходило 2 марта. Конечно, после того, как Сталина не стало, пришлось срочно пересматривать и отбраковывать кандидатов из списка, так как за 1952 год выдвигались такие сочинения, которые уже через год явно не соответствовали времени. Список дорабатывался, уточнялся, согласовывался с новым министром культуры, в ЦК партии. И вот Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства с большим опозданием (обычно это делалось в конце февраля — начале марта) летом 1953 года обратился, как это было принято, в ЦК КПСС со своим списком кандидатов на премию за 1952 год¹⁵. Этот документ был подвергнут критике в Отделе науки и культуры ЦК КПСС. На имя Н. С. Хрущёва поступила Записка сотрудников Отдела А. М. Румянцева и В. С. Кружкова от 13 июля 1953 года. В ней содержалось предложение сократить количество премий (вместо 103 — 54). Значительное количество произведений литературы было забраковано, точно так же, как и ряд кинофильмов, в том числе и “Незабываемый 1919 год” (с музыкой Шостаковича), “Пржевальский” (с музыкой Свиридова) и ряд других. Такой же резекции были подвергнуты списки кандидатов на премию в области музыки, живописи, скульптуры, театрального искусства. Однако отдел науки и культуры не только отверг довольно большое число кандидатур, но и предложил со

своей стороны своих кандидатов, достойных, по мнению отдела, премии. Далее цитирую Записку: “Отдел считает целесообразным присудить Сталинские премии М. С. Бубеннову за роман “Белая берёза” (книга вторая), Н. Ф. Погдину за пьесу “Когда ломаются копья”, Ю. А. Шапорину за музыку оперы “Декабристы”, Т. Н. Хренникову за музыку оперы “В бурю”, группе артистов Большого театра за постановку оперы Ю. А. Шапорина “Декабристы”¹⁶.

23 декабря 1953 года выходит подписанное Председателем Совета Министров СССР Г. Маленковым и управляющим Делами Совмина СССР А. Коробовым Постановление Совета Министров СССР № 3002 “О Сталинских премиях за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, искусства и литературы за 1952, 1953 годы”. Согласно этому постановлению, Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства был обязан закончить отбор кандидатов за 1952 год и произвести отбор кандидатов на премию за 1953 год. Эту работу Комитет должен был завершить и представить в Совет Министров СССР на утверждение предложения о присуждении Сталинских премий за 1952 и 1953 годы к 15 апреля 1954 года.

25 декабря 1953 года в газете “Правда” было опубликовано сообщение, что Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР “принимает работы на соискание Сталинских премий за 1953 год”¹⁷.

А далее происходит самое интересное.

В ЦГАЛИ Санкт-Петербурга мне удалось познакомиться с Протоколами заседания Секретариата Союза советских композиторов¹⁸. Листая эти протоколы, я обнаружил протокол № 5 заседания Секретариата от 26 января. На этом заседании первым был вопрос о приёме в члены ССК СССР неизвестного музыковеда Л. Атовмяна, бывшего при А. Хачатуряне главой Музфонда, погоревшего в 1948 году. А вот вторым вопросом стало выдвижение кандидатов на соискание Сталинской премии за 1953 года.

Привожу часть протокола № 1 по второму вопросу.

“Протокол № 5 ЗАСЕДАНИЯ... от 26 января 1954 г. Москва.

Присутствуют: Г. Хубов, Ю. Шапорин, В. Захаров, М. Коваль, В. Власов, О. Иванов, С. Аксюк, Г. Восканян, И. Иорданский, И. Ильин, Я. Солодухо, В. Кухарский, Н. Шумская, К. Петрова, Г. Шантырь, С. Урбах, Ю. Крейн, Л. Померанцева

Повестка дня.

1. Приём в члены Союза композиторов

2. Выдвижение на соискание Сталинских премий произведений советских композиторов за 1953 год.

<...>

2. Слушали: О выдвижении на соискание Сталинских премий произведений советских композиторов за 1953 г., рекомендованных комиссиями ССК.

Постановили:

1) Выдвинуть на соискание Сталинских премий на 1953 г. композиторов и музыковедов:

Ю. ШАПОРИНА – за оперу “Декабристы”

К. ДАНЬКЕВИЧА – за оперу “Богдан Хмельницкий”

Ю. ЮЗЕЛЮНАСА – за балет “На берегу моря”

Н. КОЛЕССА – за песни – “Гей, зелена Буковина”, “Засветило солнце волди”, “Песня про гуцулку Олену”, за обработку народной песни “Гей, видно село”

Б. ЯРУСТОВСКОГО – за книгу “Оперная драматургия”

А. АЛЬШВАНГА – за книгу “Бетховен”

2) Считать целесообразным перенести на 1955 год вопрос о выдвижении на соискание Сталинских премий произведений (после их широкого обсуждения):

Д. ШОСТАКОВИЧА – за 10-ю симфонию и 4-й струнный квартет

А. КАСЬЯНОВА – за оперу “Степан Разин”

Е. БРУСИЛОВСКОГО – за оперу “Дударай”

Ю. СВИРИДОВА – за цикл романсов на сл. А. Исаакяна

С. РАЗОРЁНОВА – за симфонию-легенду, посвящённую памяти Зои Космодемьянской.

И. о. Генерального Секретаря

Союза композиторов СССР (Г. Хубов)

Секретарь Правления
Союза композиторов СССР (В. Власов)¹⁹.

Отсутствие Т. Хренникова объясняется тем, что в это время после неудачного обращения в ЦК КПСС 8 января 1954 года с предложением провести Второй съезд советских композиторов он уходит в творческий отпуск²⁰. Есть и другая причина ухода в отпуск Хренникова. Хотя его опера «В бурю» была возобновлена в 1952 году в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (была поставлена ещё в Свердловске), но он был не удовлетворён оркестровым решением ряда мест и работал над новой редакцией партитуры.

Напоминаю, что на обсуждении смотра творчества ленинградских композиторов на последнем заседании 2 декабря 1953 года заместитель Соловьёва-Седого М. Глух предложил послушать и обсудить поэму «Моя Родина» в ЛОССК. Обсуждения не было и уж тем более не было разговора о выдвижении Свиридова на Сталинскую премию за эту поэму. 7 января 1954 года на заседании Президиума ЛОССК обсуждался вопрос о выдвижении кандидатур на соискание Сталинской премии. Было принято решение «поддержать перед Комитетом по Сталинским премиям выдвижение на соискание Сталинской премии композитора Л. А. Ходжа-Эйнатова за «Танцы для симфонического оркестра» (3 тетради) и выдвинуть на соискание премии композитора Г. Носова за песни, написанные им в течение ряда последних лет, в том числе и в 1953 году. («Далёко, далёко», «За горами, за Карпатскими», «Я иду при зореньке», «Родина», «Праздник в Холмогорах», «За Дунаем синим», «За рекою в поле»)²¹.

Таким образом, поэму Свиридова всё же выдвинула Москва. Правда, с осторожным предложением перенести её на будущий, 1955 год.

Далее события разворачивались следующим образом.

2 февраля 1954 года состоялось очередное заседание Секретариата Союза композиторов СССР.

«ПОВЕСТКА ДНЯ:

3. К дискуссии о Десятой симфонии Д. ШОСТАКОВИЧА

Слушали:

3. О подготовке дискуссии о Десятой симфонии Д. ШОСТАКОВИЧА в ССК.

Постановили:

Провести в марте с. г. широкую творческую дискуссию о Десятой симфонии Д. ШОСТАКОВИЧА. Подготовку дискуссии поручить Бюро комиссии по музыкальной критике совместно с Бюро камерно-симфонической комиссии. Для участников дискуссии организовать предварительное прослушивание симфонии (в записи на пленку). Обеспечить необходимое количество экземпляров партитуры²².

Т. Хренников отсутствовал на заседании.

6 февраля 1954 года в Комитете по Сталинским премиям состоялось заседание секции музыки. Присутствовали члены Комитета Гольденвейзер А. Д., Захаров В. Г., Шапорин Ю. А., Шостакович Д. Д., Штогаренко А. Я., большой «любитель» музыки Шостаковича П. И. Апостолов (от ЦК КПСС). Референтом была Зинаида Александровна Гаямова (она была некоторое время личным секретарём Д. Д. Шостаковича).

Председательствовал Т. Н. Хренников. Любопытно, что Тихон Николаевич в Комитет по Сталинским премиям пришёл и ходил дальше, а в Союз композиторов не пожаловал и не был там ни в феврале, ни в марте. Правда, на обсуждении Десятой симфонии он присутствовал, но не произнёс там ни слова, что было замечено и осуждено в ЦК КПСС.

Сначала обсудили и утвердили протокол заседания 21 января 1954 года, посвящённый рассмотрению списка проголосованных кандидатур за 1952 год. Убрали из этого списка наиболее одиозные сочинения, вроде кантаты Балиса Дварионаса «Здравица товарищу Сталину» (Т. Н. Хренников отрезал: «Это просто неудобно. Снять»).

Оставили в списке согласованные с ЦК партии кандидатуры С. С. Прокофьева за Седьмую симфонию и балет «Сказ о каменном цветке», А. Баланчивадзе (Концерт для фортепиано с оркестром) Ю. А. Шапорина (опера «Декабристы») и ряд других. Осталась также кантата Д. Шостаковича «Над Родиной нашей счастье сияет», написанная к открытию XIX съезда партии. А вот пред-

ложенную Отделом культуры и искусства ЦК КПСС кандидатуру Т. Н. Хренникова не рассматривали – оперы “В бурю” в списке не было. Хренников молча проглотил эту горькую пилюлю. Он умел держать удар.

Затем перешли к главному вопросу повестки дня – обсуждению кандидатур на 1953 год. И среди прочих кандидатур разговор зашёл о поэме Свиридова. Передаю слово документу:

“Шостакович Д. Д.: В. С. Кеменов²³ говорил, что за членами Комитета сохраняется право выдвижения до самого конца сессии. Это может быть нереально, но я выдвинул Свиридова за цикл “Моя Родина”.

<...>

Захаров В. Г.: Мы обсуждали вопрос о Свиридове и решили перенести на будущий год, потому что широкая общественность не знает сочинения. В Ленинграде, как известно, разошлись с нашей точкой зрения, неправильно расценивают это сочинение, и расценивают отрицательно, а у нас это сочинение получило высокую оценку. Мы решили, чтобы это сочинение исполнялось в этом году, а в будущем году ставить вопрос о Свиридове.

И ещё там есть один отрицательный момент, не знаю, как к этому отнесётся общественность: всё-таки это очень мрачная “Моя Родина”. Он говорит об этом с очень мрачных позиций. Это не теперешняя “Моя Родина”, а родина изгнанника (слова Исаакяна), но общий колорит всего этого в целом довольно мрачен. Мы обсуждали и решили перенести на будущий год. И решили, что надо, чтобы и печать была. <...>

Шапорин Ю. А.: Я был на концерте в Ленинграде и видел реакцию зала. Очень хорошо принимается сочинение! Из всего концерта это было самое шумное восприятие аудитории этой вещи. Я знаю это сочинение по клавиру, и как автор исполнял его в Ленинграде.

Те соображения, которые высказал В. Г. Захаров, для незнающего человека имеют значение, но те люди, которые знают слова Исаакяна, знают, что это относится ко времени, когда человек страдает о своей родине, будучи в изгнании. Этот мрачный колорит уступает место другому: лирическим излияниям человека, находящегося вдали от родной страны.

Хренников Т. Н.: Сочинение Свиридова выдвигается Шостаковичем. Мы должны это обсудить. В Ленинграде это поёт Нечаев и <...> (пропуск в стенограмме. – А. Б.). Нечаев поёт отлично. <...> Дмитрий Дмитриевич Шостакович выдвигает: Свиридова – цикл “Моя Родина”, Вайнберга – “Димка-Невидимка” и Балкашина “Павлик Морозов”. Это попросить здесь исполнить.

Шостакович Д. Д.: В Ленинграде вещь Балкашина несколько раз исполнялась.

Хренников Т. Н.: Мы обратимся к Филармонии, чтобы включили в открытый концерт. Для исполнения свиридовских вещей вызвать двух исполнительниц из Ленинграда, устроить исполнение в камерном концерте²⁴.

Потом произошло непредвиденное: секция музыки больше не возвращалась к обсуждению поэмы, и вопрос о ней был вынесен на заседание Пленума Комитета.

ЦК партии торопит Комитет по Сталинским премиям, и уже 11 марта состоялся Пленум Комитета. Был заслушан доклад музыкальной секции. Докладывал Хренников. Дойдя до кандидатуры Свиридова, он дипломатично заметил: “Будем слушать 22-го числа, после чего будет выяснено окончательное отношение к этим вещам”²⁵.

Прослушивание состоялось не 22-го, а 23 марта в новом репетиционном зале МХАТа.

Присутствовали: Президиум Комитета – Тихонов Н. С., Кеменов В. С., члены Комитета – Александровская Л. П., Баяликов К., Благой Д. Д., Большаков И. Г., Бровка П. У., Власов А. В., Герасимов С. А., Гольденвейзер А. Б., Грабарь И. Э., Григорьев С. А., Завадский Ю. А., Захаров В. Г., Захаров Г. А., Караев К. А., Кедров М. Н., Кербабаяев Б. М., Кибальников А. П., Крушельницкий М. М., Крылов П. Н., Леонов Л. М., Михалков С. В., Мордвинов А. Г., Луканов С., Новиков А. Г., Нэлепп Г. М., Поляков Л. М., Симонов Р. Н., Уланова Г. С., Царёв М. И., Чернышёв С. Е., Шмаинов Д. А., Шапорин Ю. А., Шостакович Д. Д., Штогаренко А. Я. От ЦК КПСС присутствовал Шведов А. М. Председательствовал Н. С. Тихонов.

Вновь обращаюсь к протоколу.

“Повестка дня:

1. Прослушивание в живом исполнении произведения композитора Свиридова Ю. В. “Песни Родины моей” (сюита);

2. Доклад секции театра и кино о кандидатурах на соискание Сталинских премий 1952–1953 г. за выдающиеся работы в области драмы и балета. Докладчик Ю. А. Завадский.

<...>

1. О произведение композитора Свиридова “Песни Родины моей” (сюита)...

Перед заседанием пленум заслушал исполнение произведения композитора Свиридова Ю. В. “Песни Родины моей”. Исполнители – артисты Нечаев И. А. и Андрианов В. И. Аккомпаниатор А. Люблинский.

Тихонов Н. С.: Обменяемся мнениями по заслушанному произведению.

Штогаренко А. Я.: Поскольку это произведение не было предметом обсуждения музыкальной секции, а нужно к нему отнестись внимательно, обсуждение его сейчас может принять абстрактный характер.

Леонов Л. М.: Какое мнение музыкантов?

Гольденвейзер А. Б.: Интересно было бы послушать мнение не-музыкантов, какое непосредственное впечатление производит это произведение.

Я вспоминаю замечательные слова Рахманинова: когда однажды он прослушал большое сложное музыкальное произведение, его попросили высказать свое мнение, он сказал: “Я не берусь после первого прослушания (sic!) высказаться определенно, это могут делать только критики”.

Тихонов Н. С.: Может быть, действительно критики выступят по первому впечатлению, а Рахманиновы будут потом обсуждать? (смех)

Мордвинов А. Г.: Сначала секции нужно было послушать, а потом пленуму предлагать.

Тихонов Н. С.: Тогда передадим секции, если нет желания сейчас это произведение обсуждать.

Шостакович Д. Д.: Секция всё-таки в достаточном большом проценте знает это произведение и, может быть, члены секции могли бы сейчас высказаться по этому поводу. Есть товарищи, которые слышат это произведение не в первый раз. Может быть, для экономии времени и по свежему впечатлению это было бы хорошо.

Тихонов Н. С.: Но у нас принято, что секция выносит на пленум своё общее мнение, это избавляет нас от излишних споров. Видно, секция не готова для данного решения. Передадим в секцию.

(Голоса: Правильно)²⁶.

И Пленум перешёл к обсуждению кандидатур по театру. А секция музыки собралась уже 30 марта 1954 года. В это время в Союзе композиторов уже два дня (28 и 29 марта) шла ожесточённая дискуссия по Десятой симфонии. Она точь-в-точь походила на споры по поводу поэмы Свиридова на обсуждении смотра творчества ленинградских композиторов. Та же расстановка сил, практически те же лица (от Ленинграда – Дзержинский и Кремлёв), те же доводы и оценки: мрачно, непреодолённая трагичность, нет светлого финала. И опять те же обвинения в формализме, отходе от принципов марксистско-ленинской эстетики, от “Постановления ЦК ВКП(б)” 1948 года.

Присутствовавших на обсуждении сотрудников аппарата ЦК КПСС больше всего напугало то, что на обсуждении высказывались сомнения в ценности “Постановления”, призывы отказаться от него. Как было отмечено в Записке о дискуссии П. Тарасова и Б. Ярустовского, “особого внимания заслуживают высказывания некоторых ораторов, пытавшихся связать “защиту” Шостаковича с более общими вопросами развития советского музыкального искусства. <...> Настоячиво говорили о необходимости “открыть двери” для произведений, осуждённых ранее общественностью – 8-й и 9-й симфоний и других сочинений, подвергнутых широкой критике за их формалистический язык, чуждый народу круг образов. В таких выступлениях ораторы явно пытались намекнуть, что “времена теперь другие”, что постановление ЦК КПСС об опере “Великая дружба” В. Мурадели “не действует” и т. д. <...> Как уже говорилось, не были отмечены недостатки последнего сочинения Шостаковича, его односторонний трагизм, мотивы одиночества и т. д.”.

Далее бдительные сотрудники отдела культуры и искусства ЦК КПСС, что называется, поставили на вид: “Тт. Хренников, Захаров, Кухарский и др.,

высказывавшие резко отрицательное мнение о новом произведении Шостаковича в “кулуарах”, так и не выявили своего мнения публично, на дискуссии”. И по-иезуитски “похвалили” самого виновника дискуссии: “Нельзя не отметить правильного по содержанию и скромного по форме выступления в заключение дискуссии самого Шостаковича, который отметил, что он постарается учесть ошибки и сделать всё, чего требует народ от советского композитора”²⁷.

Дискуссия в ССК СССР, конечно, не случайно совпала со временем работы Комитета по Сталинским премиям. Как раз после дискуссии и проходит заседание секции музыки Комитета по Сталинским премиям 30 марта, где обсуждались одновременно и поэма Свиридова, и “Десятая симфония Шостаковича”.

Итак, перехожу к заседанию секции музыки Сталинского комитета. Вновь обращаю внимание на состав присутствовавших на этом заседании членов Комитета.

Присутствовали члены Комитета А. Б. Гольденвейзер, В. Г. Захаров, К. Караев, А. Г. Новиков, А. В. Свешников, Т. Н. Хренников, Ю. А. Шапорин, Д. Д. Шостакович, А. Я. Штогаренко. Референт – З. А. Гаямова. Председательствовал Т. Н. Хренников. При таком раскладе Шостакович мог положиться только на своего ученика Кара Караева, отчасти на Ю. А. Шапорина. Этого было недостаточно. Так и вышло при голосовании.

“Повестка дня: Обсуждение кандидатур, выдвинутых на соискание Сталинских премий.

Т. Н. Хренников: <...> Теперь в отношении Свиридова давайте поговорим.

Д. Д. Шостакович: Я это произведение знаю очень хорошо и очень его поддерживаю. Считаю его выдающимся. Автор обладает, несомненно, большим композиторским талантом, умением, и это производит сильнейшее впечатление. Я всячески поддерживаю его на Сталинскую премию.

К. А. Караев: У меня отношение такое же, как у Дмитрия Дмитриевича. Конечно, это не простое произведение, как цикл песен сразу, как, скажем, Колесса, это в другом плане написано – камерный цикл, и очень своеобразно, интересно, трудно для исполнения, сложно довольно, но целый ряд удивительных музыкальных образов.

Ю. А. Шапорин: Я хорошо это сочинение знаю. Мелодически оно безупречно. Можно сказать относительно того, что гармония иногда не вяжется с той мелодической культурой, которая в этом сочинении есть. Тем не менее, я расцениваю его очень высоко. Но сочинение исполняли здесь ужасно. Так что надо принять во внимание эти недостатки исполнения, которые могли создать неправильное впечатление.

В. Г. Захаров: Я считаю, товарищи, что сочинение очень интересное, в нём много интересного, много даже хороших в полном смысле слова страниц и т. д. Но это интересно для нас, для музыкантов. А нашей публике мы не объясним хороших качеств этого сочинения, не говоря уже о том, что, в конце концов, в целом сочинение мрачное и непонятно, почему о Родине надо говорить такими мрачными тонами. Это далеко не вытекает из стихов, на которые написано сочинение. Если вы прочитаете стихи отдельно, то надо сказать, что он излишне мрачно сочинил. Почему он должен так мрачно думать о Родине, он должен думать о родине как о чём-то светлом, дорогим и любимом. Мне это непонятно.

И кроме того, я должен сказать, что там далеко не всё равно. Есть целый ряд номеров, которые с вокальной точки зрения сделаны просто неудовлетворительно. Я бы нашёл вам один из номеров, в отношении которого я убеждён, что это музыка, на которой хорошо упражнять способность потерять интонацию.

И потом, сочинение написано довольно давно, года три тому назад, и никто не поёт его. Мы слушали в прошлом году на Секретариате, написано это сочинение три года тому назад и не получило общественного звучания. Если и получило, то только отрицательно.

Я считаю, что несмотря на то, что в сочинении действительно много интересного и очень удачного, там есть чисто принципиальные вещи, музыка очень хорошая, но всё-таки говорить о Сталинской премии для этого сочинения, мне кажется, нельзя. И здесь дело не в том, как кто играл и как исполнял, я всё-таки убеждён, что мы не можем премировать это сочинение, несмотря на многие его достоинства.

А. Я. Штогаренко: Я в Ленинграде слышал это и кое-какие свои соображения скажу. Я не буду повторять, что это способный человек и что он идёт своим своеобразным путем. Всё это очень хорошо, но мне кажется, что это произведение, когда тов. Захаров говорит о том, что это произведение обращено всё-таки и рассчитано на какой-то очень узкий круг людей, это верно, и мне кажется, что это произведение не может найти отклика у наших слушателей. При всём своём уважении к этому произведению, я не вижу особенностей, когда произведение должно увлекать слушателей. Там есть отдельные страницы, одно или два названия, в основном же общий тонус произведения иногда доходит даже, может быть, до истеризма.

Мне кажется, что тов. Свиридов растущий композитор, и я больше чем уверен, что он может написать, но это произведение мне не кажется таким, которое надо премировать.

А. Г. Новиков: Мне кажется, что от советских композиторов в области вокала не таких сочинений ждёт народ, а мелодичных, красивых, доступных, удобных для исполнения и т. д. А здесь этого не получается. Если есть вокальная линия, то она очень нелогична, и логики мелодической я не вижу, и однообразная фактура. Есть там какие-то такие вещи, допустим, национальный колорит есть в сочинении, я его не почувствовал несмотря на то, что стихи обязывали делать это, нет образности, и получилось бездушное сочинение, оно никого не затрагивает и не волнует.

Я не могу такой цикл считать интересным, не говоря уже о Сталинской премии. Просто в Музгиз я бы не стал его рекомендовать. Это какой-то музыкальный эксперимент. Широкого отклика и широкой аудитории он не может получить, потому что здесь очень многое идёт от искусственной, по-видимому, и фальшивой позиции самого автора.

А. Б. Гольденвейзер: У нас в последнее время немного злоупотребляют словом “народ”. Народ тоже очень растяжимое понятие, и в то же время большая масса слушателей больше всего любит Шульженко или Русланову, так что только ориентироваться на то, что имеет ли это широкий успех, не всегда правильно. Что касается Свиридова, я его творчество давно знаю, и должен сказать, что он мне во многом чужд, например, струнный квартет его звучит просто непостижимо²⁸. А в этом сочинении есть много хорошего. Наши композиторы, пишущие на голоса, иногда пишут хорошую мелодическую музыку, и гораздо реже их музыка бывает совершенна с зигмунационной (sic! – **А. Б.**) стороны. Цикл Свиридова написан не как музыка мелодическая, а как речитативная музыка, и такая музыка имеет право на существование. Мы знаем много страниц Мусоргского или Даргомыжского “Каменный гость”, например, и в этом смысле в этом произведении есть большие достоинства. Там зигмунационная сторона на очень большом уровне. Нельзя отрицать, что для такого рода вещей крайне важно, как это исполнено.

Исполнение здесь было очень скверное, тенор пел фальшиво и кричал, немного лучше пел бас, но такого рода исполнение оказалось медвежьей услугой, но были люди, которым понравилось это. У нас есть на пленуме такие, которые никогда не ходят слушать музыку.

Т. Н. Хренников: Пленум выскажется сам, а мы должны решить сами для себя. Ваше предложение какое, Александр Борисович?

А. Б. Гольденвейзер: Я считаю это очень интересным произведением.

Т. Н. Хренников: У товарищей совершенно чёткая точка зрения: отложить. Ваша позиция какая?

А. Б. Гольденвейзер: У меня посредине. Дмитрий Дмитриевич считает, что нужно принять, товарищи считают, что надо отклонить, а у меня средняя позиция.

В. Г. Захаров: Рекомендовали ли Вы пропеть своим певцам такое произведение?

Т. Н. Хренников: Конечно, в этом сочинении чувствуется и талант Свиридова, и есть целый ряд очень привлекательных вещей и т. д. Но в то же время выдвигать на Сталинскую премию и нам поддерживать на премирование произведение, которое совершенно не поётся певцами, было бы неверно. Когда просишь певцов выучить это произведение, то они отказываются. Иван Петров говорит: “Если мне заплатите три ставки, я его выучу, потому что в свой репертуар включать его всё равно не стану”. И вот, мне кажется, выдвигать на Сталинскую премию вокальное сочинение, которое певцы отказы-

ваются петь, это опять умножение числа тех произведений, которые имеют Сталинские премии и не имеют применения в жизни, хотя там есть и очень ценные вещи. Для меня лично это ясно, я тоже присоединяюсь к тем товарищам, которые, признавая положительные качества, хотя и индивидуальность композиторская чувствуется в этом и отдельные просто интересные вещи, — я присоединяюсь к тем товарищам, которые предлагают отклонить это сочинение, потому что это будет просто несправедливо. Получит Сталинскую премию сочинение, и мы введём в заблуждение общественность, которая его не знает. Певцы петь не хотят. А в этом году у нас было объявлено, что выдвигается произведение, получившее общественное признание. Как же мы можем выдвигать такое произведение, которое не только не получило общественного звучания, но и которое отказываются петь. Это будет просто настолько искусственное поддержание этого дела. Мы все знаем, что Свиридов талантливый человек, который может писать прекрасную музыку, например, пушкинские романсы он может писать так, что певцы поют с удовольствием, например, “Зимняя дорога” или “Роняет лес”, мы не опорочиваем этих произведений.

А. Б. Гольденвейзер: Так как секция в большинстве его не выдвигает, а раз пленум слушал, пусть они скажут своё мнение.

А. В. Свешников: Если такую манеру письма поощрить, то композитор начнет ещё более вычурно писать.

В. Г. Захаров: Там есть один номер, написанный как будто специально для того, чтобы певец утратил чувство интонации.

Т. Н. Хренников: Тогда проголосуем. Кто за отклонение сочинения, прошу поднять руки. (4 голоса). Кто за то, чтобы оставить в списке это сочинение? (Нет). Кто воздерживается? (4 голоса). Отклоняем.

Далее три сочинения Д. Д. Шостаковича: 10-я симфония, прелюдии и фуги и кантата “Над Родиной нашей солнце сияет”.

В. Г. Захаров о 10-й симфонии: <...> Но в целом это сочинение сугубо обращено внутрь самого себя, автора. Сочинение в целом пессимистическое, в котором эти трагедийные стороны, они настолько сильно подчёркнуты, настолько ярко выражены, что содержание этого сочинения вызывает очень большие опасения...”

И дальше Захаров напоминает о дискуссии по 10-й симфонии в Союзе композиторов, о том, что там высказывалось мнение: “Оно выражает сугубо пессимистические безнадёжные чувства”, и это противоречит духу времени: “У меня остаётся чувство угнетённости, чувство страдания. Причём страдания не просто, а страдания непосильных, страданий кричащих”.

И, конечно, не забыть напомнить о славном 1948 году. “Как можно увязать это сочинение с постановлением ЦК, как можно увязать это сочинение с выступлением товарища Жданова... <...> “Я вспоминаю, как народ реагировал на это постановление, против чего народ протестовал, самые широкие народные массы? Мы говорим о том, что мы очень часто злоупотребляем словом “народ”, но мы все можем утверждать, что приветствовал в этом постановлении народ. Он приветствовал нацеливание нашего музыкального творчества на дорогу простоты и доходчивости в своём творчестве наших композиторов”²⁹.

Если поэму Свиридова забраковали, то с “Десятой” было не так просто. Всё же авторитет Шостаковича был слишком высок, да и он сам присутствовал на этом заседании. Поэтому было принято соломоново решение: оставить в списке кандидатур кантату “Над Родиной нашей солнце сияет”, а вопрос о Десятой перенести на пленарное заседание.

На следующий день секция музыки выходит на пленарное заседание Комитета. Опять обращаюсь к стенограмме.

“Присутствовали:

Президиум Комитета: Н. С. Тихонов, А. Д. Попов, В. С. Кеменов.

Члены Комитета: Л. П. Александровская, К. Баялинов, А. Т. Венцлова, П. У. Бровка, А. В. Власов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, С. А. Григорьев, Е. П. Ефанов, Ю. А. Завадский, В. Г. Захаров, Г. А. Захаров, К. А. Караев, Б. М. Кербабаяев, А. П. Кибальников, П. Н. Крылов, М. М. Крушельницкий, Л. М. Лавровский, С. В. Михалков, С. М. Луканов, А. Г. Новиков, Г. М. Нэллел, А. В. Свешников, Р. Н. Симонов, Турсун-заде, Т. Н. Хренников, С. Е. Чернышёв, Ю. А. Шапорин, Д. А. Шмаиринов, А. Я. Штогаренко. Председательствовал А. Д. Попов. На этом заседании

присутствовали представители СМИ: товарищ Скалов (“Последние известия по радио”) и товарищ Каханов (Главное управление радиовещания). Шостаковича на этом заседании не было, он уехал в Ленинград.

Повестка дня: Доклад музыкальной секции о кандидатурах на соискание Сталинских премий 1952–1953 гг. за выдающиеся работы в области музыки, по разделам:

1. Крупные музыкально-сценические и вокальные произведения;
2. Крупные инструментальные произведения;
3. Произведения малых форм.

Докладчик Т. Н. Хренников.

Обсуждались:

1. К. Данькевич – опера “Богдан Хмельницкий”;
2. А. Кара Караев – балет “Семь красавиц”;
3. А. Касьянов – опера “Степан Разин”;
4. В. Чистяков – кантата “Песнь борьбы и труда”;
5. Ю. Шапорин – опера “Декабристы”;
6. Ю. Юзелянас – балет “На берегу моря” и др.;
7. А. Бабаджанян – фортепианное трио;
8. А. Баланчивадзе – концерт для фортепиано с оркестром;
9. С. Прокофьев – 7 симфония;
10. О. Тактакишвили – 2 симфония;
11. Х. Эллер – струнный квартет № 4;
12. Д. Кабалевский – концерт для фортепиано с оркестром;
13. Б. Лятошинский – концерт для фортепиано с оркестром;
14. Д. Шостакович – 10 симфония;
15. Ан. Александров – квартет;

Малые формы:

16. М. Бурханов – хоры;
17. Н. Колесса – песни;
18. Л. Ходжа-Эйнатов – 5 танцев;
19. Г. Эрнесакс “Как живётся рыбакам”, сюита для мужского хора;
20. В. Шебалин – хоры на сл. А. Пушкина;
21. Г. Свиридов – поэма “Моя Родина”.

Хренников начал с малых форм, зачитал решение секции о М. Бурханове, Н. Колессе, Г. Эрнесаксе, В. Шебалине. И затем упомянул Свиридова.

“Хренников Т. Н.: Дальше написано, что секция не приняла ещё решения в отношении Свиридова – цикл песен о Родине. Сегодня мы обсуждали и приняли решение: отклонить. Нужно ли сегодня подробно об этом говорить или всем ясно?”

Голоса: Ясно.

Хренников Т. Н.: Согласны с решением?

Голоса: Согласны.

<...>

Хренников Т. Н.: Секция отклонила следующие сочинения <...>. Вот список отклонённых произведений. Какие будут вопросы или замечания?

Попов А. Д.: Вопросов нет? Замечаний нет? (Нет).

Хренников Т. Н.: Если нет замечаний и предложений, будем считать, что этот раздел нами утверждён”.

И затем уклончиво предложил отдельно обсуждать вопрос о 10-й симфонии Д. Шостаковича на следующий день.

С. В. Михалков выдвинул на этом заседании песню В. Мурадели “Партия – наш рулевой” как соответствующую моменту (песня о партии вместо Сталина)³⁰.

Наступают два последних дня работы Пленума Комитета по Сталинским премиям.

31 марта заседание Пленума Комитета 31 марта 1954 года вновь проходит в новом репетиционном зале МХАТа. В полном составе присутствовал президиум Комитета: Н. С. Тихонов, А. Д. Попов, В. С. Кеменов. Председательствовал А. Д. Попов. Члены Комитета практически те же, что и на предыдущем заседании 30 марта. И опять отсутствовал Шостакович. Повестка дня: окончание доклада музыкальной секции. Докладчик – Т. Н. Хренников.

Но прежде, чем Хренников начал своё выступление, слово взял председательствующий на заседании Алексей Дмитриевич Попов, знаменитый актёр и режиссёр Центрального театра Красной армии.

“Попов А. Д.: Вчера секция отвела выдвигание Свиридова. На имя Тихонова Н. С. получена телеграмма Шостаковича Д. Д. с просьбой огласить её на Пленуме. Содержание телеграммы следующее: “Москва. Проезд Художественного театра 3. Комитет по Сталинским премиям Николаю Семёновичу Тихонову. Ленинград 31.III.54.

С большим огорчением узнал о том, что пленум комитета по докладу музыкальной секции отклонил вокальный цикл свиридова тчк считаю что это произошло благодаря не вполне удовлетворительному исполнению что если нельзя срочно организовать исполнение в нормальных концертных условиях прошу это сочинение перенести на следующий год тчк глубоко убеждён в том что моя родина свиридова является самым выдающимся произведением из всех выдвинутых на сталинскую премию в этом году и за несколько прошлых лет и заслуживает первой премии уже сейчас тчк прошу эту телеграмму огласить пленуме и в случае несогласия со мной считать её за моё особое мнение которое буду просить довести до сведения правительства тчк привет тчк шостакович. Штемпель: Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы при Совете министров СССР. Вход. № 174. “1” IV 1954 г. ”.

Трудно сказать, что в этот момент переживал Т. Н. Хренников, чья опера осталась за бортом и здесь не рассматривалась.

Далее А. Д. Попов, вероятно, выдержав небольшую паузу, задал вопрос присутствующим: “Кто хочет взять слово по этому поводу?”

Слово взял Гольденвейзер А. Б.: “Нет никакого сомнения в том, что исполнение, которое мы здесь слышали, было в полной мере неудовлетворительное, поэтому, конечно, дать полную оценку этому произведению было нельзя.

Я не так хорошо знаю это произведение, но такая исключительно высокая оценка, что это произведение лучше всех других и что поэтому оно стоит 1 премии, мне кажется преувеличенной.

Это произведение было представлено в очень неудовлетворительном виде, из-за чего большинство музыкантов, не знающих это произведение, не могли получить настоящего представления о нём”.

За то время, что выступал Гольденвейзер, Хренников быстро просчитал про себя стратегию поведения и невозмутимо, спокойным голосом спросил: “Я не знаю, стоит ли переголосовывать то, что Пленум голосовал вчера?” И продолжил:

“К сожалению, лучшего исполнения мы организовать не сможем, потому что певцы отказываются петь это сочинение. Единственных двух певцов, которые согласились петь, попросили выучить для исполнения на пленуме в Ленинграде. Певцы выучили это произведение, но каждый раз очень неохотно исполняют его.

(Голоса: Почему?)

Потому что оно очень неудобно написано для вокального исполнения.

Секция, отмечая целый ряд положительных вещей в этом произведении, считает, что ввиду того, что это произведение никак не принимается нашими исполнителями и, по сути дела, не имеет никакой оценки, потому что промежуточное исполнительское звено не хочет петь эту вещь, возможным и отвести его. Правда, музыканты признают в нём целый ряд достоинств, но в то же время сильно критикуют.

Захаров В. Г.: Мы очень внимательно обсуждали это произведение. На меня очень странное впечатление произвела эта телеграмма Шостаковича. В сочинении есть целый ряд достоинств, есть целый ряд моментов, которые в особенности интересны композиторам, музыкантам теоретикам и т. д. В сочинении есть, может быть, один или два действительно удачных номера, и вообще, нельзя сказать так, что это сочинение порочно, целиком плохое, неудачное. Речь идёт о том, что Сталинскую премию нужно давать за выдающееся сочинение, которое будет широко исполняться, и народ будет получать удовольствие, слушая его.

Данное сочинение написано 3 года тому назад, и до сих пор оно не получило, по существу, никакого распространения.

Здесь говорили, что оно неудобно написано для вокалистов. Там даже есть такие номера, которые, я даже не знаю, можно их хорошо спеть или нельзя; даже при огромнейшей затрате сил нельзя отлично спеть эти номера.

Наконец, мне совершенно непонятна вся концепция в целом. Это есть воспоминание о Родине, но воспоминание настолько мрачное, что у меня это вызывает чувство протеста. Я понимаю, что можно грустить о Родине, переживать глубокие страдания, но в целом такое мрачное сочинение, которое так мрачно обрисовывает моё отношение к Родине, вызывает неправильные чувства.

Если бы случилось так, что это сочинение получило бы Сталинскую премию и при посредстве каких-то административных нажимов исполнялось бы, потому что иначе вокалисты не хотят исполнять его, широкой публике было бы непонятно, за что же присудили ему Сталинскую премию?

Тихонов Н. С.: Я не совсем понимаю, почему болгарская тема вошла в это произведение? Почему болгарская тема Ботева³¹ вкралась туда? Не нарушает ли она цельности содержания?

Захаров В. Г.: Я этого Вам объяснить не могу, но вообще там очень много непонятного.

Хренников Т. Н.: Это произведение исполнялось на Ленинградском пленуме и было предметом дискуссии. Большинство выступавших в дискуссии очень резко отзывались об этом произведении, кроме 2-3 человек, в частности, и Д. Д. Шостаковича. Большая часть музыкантов Ленинграда отнеслась критически к этому произведению.

Попов А. Д.: У меня есть такое предложение. То, что мы вернулись к этому вопросу, я считаю вполне нормальным. Вчера мы приняли решение, но сегодня мы получили телеграмму Д. Д. Шостаковича, очень распространённую³² (?), чрезвычайно резко расходящуюся с оценкой секции в целом, и, естественно, что мы вернулись к этому вопросу снова.

Поскольку возник вопрос о вокальных качествах этого произведения, нам нужно быть осторожными в ссылке на вокалистов, которые не хотят исполнять его.

В составе нашего Комитета, пополнившегося в этом году, есть специалисты. Я предлагаю Ларисе Помпеевне Александровской и Г. М. Нэллепу ознакомиться с вокальной стороной произведения и высказать своё мнение Пленуму.

Александровская Л. П.: Подробно разобрать трудно, но то впечатление, которое получилось от прослушивания, резко отрицательное. Как это Нечаев вступал в аккорд, когда он исполнял здесь эту вещь, — это фокус. Вот здесь именно отсутствие той мелодичности, о которой говорил Александр Борисович и Владимир Семёнович. Все отказываются это петь, потому что это чрезвычайно неудобоваримое произведение с точки зрения вокала.

Нэллеп Г. М.: Когда певец исполняет то или другое произведение, он сам тоже получает удовольствие. Испытываешь какое-то удовлетворение от трудных вещей, что ты их преодолел, и это тебе приятно. Но когда я слушал Нечаева, я думал, что я не взялся бы петь эту вещь: она для меня не интересна и не понятно, где какой аккорд и где какая нота. Там есть один интересный номер у Нечаева, но очень трудный. Это произведение не будет доставлять удовлетворения ни слушателям, ни самому певцу, и решение Пленума совершенно правильное.

Попов А. Д.: Подтверждаем решение вчерашнего Пленума и тем самым доведём до сведения Правительства точку зрения Д. Д. Шостаковича³³.

Итак, несмотря на заступничество Шостаковича, поэму окончательно зарезали. На следующий день расправа ждала Десятую самого Шостаковича.

1 апреля наступает заключительное пленарное заседание Комитета по Сталинским премиям. Среди многих других вопросов (по разным секциям) было заслушано окончание доклада музыкальной секции. И вновь докладывал Т. Н. Хренников. Покончив быстро с вопросом о сочинениях Г. Эрнесакса, А. Касьянова и Н. Колессы, он доходит до обсуждения кандидатуры Шостаковича. Собственно, главным теперь оставался только вопрос о Десятой. И вот тут Хренников показал свою волю и умение рассчитать стратегию битвы. Он знал, как проходит дискуссия в Союзе композиторов, и, конечно, получил соответствующую установку из ЦК КПСС. Как тореадор в последней терции корриды, он наносит симфонии смертельный удар: «Мне представляется, что герой этого произведения — какой-то перепуганный интеллигент, который боится жизни. Жизнь ему представляется каким-то страшным кошмаром, от этого он кричит, вопит, потому что симфония наполнена невропатическими спазмами, и ему всё окружающее представляется в каком-то таком свете,

из которого даже выхода не существует, а отдельные просветления, которые есть в музыке, и то какого-то инфантильного порядка... <...> Эта симфония никогда не может являться отражением нашей действительности, а это кривое зеркало нашей действительности...”

Но Шостаковича невозможно было оставить совсем без премии, Хренников прекрасно понимал, что его не поддержат на пленуме. Да и решение с премиями уже было обсуждено и сверено наверху. Поэтому было найдено компромиссное решение. Шостаковича решено наградить званием лауреата Сталинской премии за кантату “Над Родиной нашей солнце сияет” и за ряд прелюдий и фуг из его цикла 24 “Прелюдии и фуги для фортепиано”, который ещё сравнительно недавно осуждался как формалистическое произведение³⁴.

5 апреля 1954 года завершилась дискуссия по Десятой симфонии в Союзе композиторов. Сохранился протокол № 16 открытого заседания Секретариата Союза композиторов СССР с активом от 29–30 марта и 5 апреля 1954 года, посвящённого дискуссии по поводу 10 симфонии.

Собственно, это последнее заседание ничего уже не решало. Дело было сделано: симфония не будет выдвинута на Сталинскую премию. Хренников, оставшийся не только без заветной премии, но даже не получивший шанса на неё в виде очередного выдвижения, тем не менее мог праздновать пиррову победу. Непрохождение симфонии на Сталинскую премию означало, что высшее партийное руководство не поддержало курс на смену господствующей официальной эстетики образца 1948 года, а значит, Хренников мог надеяться, что он останется во главе Союза композиторов СССР.

Что касается поэмы Свиридова, то окончательная точка в истории её “хождения по мукам” была поставлена в апреле 1954 года.

Георгий Васильевич получает от Дмитрия Дмитриевича следующее письмо от 22 апреля 1954 года:

“Дорогой Юрий Васильевич!

Посылаю Вам на память моё заявление в Совет Министров, которое я прошу считать моим особым мнением. Не знаю, будет или не будет это принято во внимание. Во всяком случае, это заявление приложено к делу и будет доложено, когда будут обсуждаться результаты работы Комитета по Сталинским премиям.

Крепко жму руку.

Привет Эльзе Густавовне.

Ваш Д. Шостакович”.

К письму было приложено заявление³⁵.

“В Совет Министров Союза ССР

Цикл вокальных поэм Г. В. Свиридова на слова А. Исаакяна “Моя Родина” представляется мне одним из самых выдающихся произведений, созданных советскими композиторами за последние годы. Мне приходилось слушать исполнение этих поэм в концертном зале, и я имел возможность убедиться, какое большое впечатление оно производит на слушателей, какое волнение они вызывают у аудитории. Думается, что это можно, прежде всего, объяснить высокой поэтичностью музыки и стихов, воплощающих благородные идеи и чувства: любовь к Родине, верность, мужество.

Каждая часть цикла – небольшая, законченная по форме вокальная поэма, насыщена мыслями, живым чувством, настроением. Привлекает в этом цикле органическое сочетание слова и музыки, напевность, выразительность и, вместе с тем, – очень индивидуальная, характерная для творческого почерка Свиридова. Композитор отлично знает все выразительные возможности голоса, он вдумчиво, подлинно творчески подходит к поэтическому слову и, следуя за всеми движениями мысли в прекрасных стихах Исаакяна, талантливо раскрывает внутренний подтекст этой поэзии, находит для каждого стихотворения свой, неповторимый и убеждающий музыкальный образ.

Музыкальные средства, используемые Свиридовым в этом сочинении, очень экономны, очень органичны. В них нет никакой вычурности, никакого внешнего наигрыша. Очень содержательная партия фортепиано привлекает выразительностью гармонического языка, интересными полифоническими приёмами, изящными фактурными находками. Значение цикла Свиридова, как мне думается, очень велико не только потому, что этот цикл существенно

обогащает нашу вокальную литературу, но и двигает вперёд творческую мысль, намечает новые пути романсового стиля.

Судьба этого произведения оказалась довольно сложной. Свиридов создал свой цикл “Моя Родина” в 1949 году. Тогда некоторые влиятельные ленинградские музыканты осудили это произведение, и, благодаря этому, оно не было допущено к публичному исполнению. И лишь в 1953 году, из-за настояний музыкантов, высоко оценивающих это произведение, оно было предано гласности. Я не хочу опорочивать отрицательную оценку произведения Свиридова лишь потому, что я с ней не согласен, но я категорически против администрирования и безапелляционных суждений в вопросах искусства. По моему глубокому убеждению, судьба того или иного музыкального произведения должна определяться его оценкой со стороны самых широких кругов наших слушателей. Для этого оно должно исполняться публично, печататься и т. п. Единичная оценка отдельных музыкантов, даже занимающих высокое положение, не должна определять судьбу произведения. (Я говорю о произведениях, стоящих на соответствующей ступени мастерства и таланта, а не о безграмотных и бездарных произведениях).

“Моя Родина” Свиридова обсуждалась в Секретариате Союза Советских композиторов и в Главном управлении музыкальных учреждений Главного управления по делам искусств при Министерстве культуры СССР и получила высокую оценку. Наконец, “Моя Родина” была исполнена публично в Ленинграде с большим успехом.

Я воспользовался своим правом члена Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства и выдвинул “Мою Родину” на соискание Сталинской премии. Музыкальная секция Комитета в своё время вынесла совершенно правильное решение, чтобы произведения, выдвинутые на Сталинскую премию, исполнялись бы на концертах. К сожалению, это не удалось осуществить в отношении Свиридова, так как его исполнители не смогли приехать в Москву на запланированный концерт. Они приехали позже и продемонстрировали Пленуму Комитета “Мою Родину” Свиридова в совершенно неподходящих условиях, в небольшой комнате, в деловой обстановке заседания, с неважным роялем. Самое исполнение было также не очень удачным, что объясняется утомлением артистов после дороги и несоответствующими условиями, о которых я уже говорил.

Музыкальная секция Комитета не поддержала моего выдвижения. В начале обсуждения секцией произведения Свиридова я был. Позже мне пришлось уйти. Критические замечания, сделанные членами секции, не убедили меня. Члены секции т. т. Захаров и Новиков, в частности, утверждали, что такое произведение “не нужно народу”, что “народ ждёт не таких произведений”, что автор “не умеет писать для голоса”. К последнему замечанию присоединились и некоторые члены Комитета, куда перешло дальнейшее обсуждение. С этими замечаниями я не могу согласиться, т. к. считаю, что ни т. Захаров, ни т. Новиков, ни какой-либо другой музыкант, даже занимающий высокое положение, не имеет права безапелляционно выступать от имени Народа. Что же касается до упреков Свиридову в том, что он не умеет писать для голоса, что это слишком трудно для голоса, то и это звучит неубедительно. Петь “Мою Родину” действительно трудно. Не менее трудно, чем петь Вагнера, Мусоргского. К сожалению, упреки по адресу этих великих мастеров в том, что они не умеют писать для голоса, порою приходится слышать даже в наши дни. Пленум согласился с критическими замечаниями музыкальной секции, вернее, отдельных её членов, и отверг “Мою Родину” Свиридова. На этом Пленуме Комитета я не присутствовал, т. к. вынужден был уехать в Ленинград. Узнав о решении Пленума Комитета, я послал из Ленинграда телеграмму, в которой настаивал на своём выдвижении, указывая на неудачное исполнение в несоответствующих условиях, и просил Комитет, в случае несогласия со мной, вторично прослушать “Мою Родину” Свиридова, а в случае невозможности организовать в эти дни концертное исполнение перенести обсуждение “Моей Родины” Свиридова на будущий год. Пленум Комитета не пошёл навстречу моей просьбе. Поэтому я считаю своим долгом обратиться в Совет Министров СССР с этим заявлением, которое одновременно прошу считать за моё особое мнение.

Член Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР, композитор Д. Шостакович.

5 апреля 1954 года”.

Заявление было рассмотрено на заседании Комитета по Сталинским премиям и приложено к отчёту комитета. Рассматривалось ли оно в Совете Министров СССР, не могу сказать. Никаких документов по этому поводу мне не удалось найти в РГАСПИ. Скорее всего, это заявление потонуло в массе других бумаг, поступавших в канцелярию Совета Министров из Комитета по Сталинским премиям. Прошло два года, и 15 августа 1956 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР за №1127 “О Ленинских премиях за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства”. Со Сталинской премией было покончено. Впоследствии в начале 1960-х годов, как известно, она была преобразована в Государственную.

* * *

Целиком поэма была опубликована впервые только в 1957 году под названием “Страна отцов”³⁶. Впоследствии Георгий Васильевич хотел переделать поэму в кантату, используя хор и оркестр. Но этот замысел так и не был осуществлён.

Драматическая история вхождения в жизнь Десятой симфонии Д. Шостаковича и Свиридова “Моя родина” весьма показательна для эпохи “оттепели”. Впереди обоих композиторов ожидали ещё бои на “музыкальном фронте”. Но в это время они шли, что называется, рука об руку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Правда”. 1953. 8 марта, № 67 (12635). С. 4.

² “Правда”. 1953. 11 марта, № 70 (12638). С. 4.

³ “Правда”. 1953. 12 марта, № 71 (12639). С. 4.

⁴ Шостакович Д. Самый близкий друг // “Советское искусство”. 1953. 7 марта, № 20 (1512). С. 4.

⁵ См.: Д. Д. Шостакович–Л. П. Берия с просьбой о помощи пианисткам, сёстрам Туркиным. Не позднее 5 июня 1953 года. Опубликовано в кн.: Музыка вместо сумбура. Композиторы и музыканты в Стране Советов 1917–1991 / сост. Л. Максименков. М., Международный фонд “Демократия”, 2013. С. 435–436.

⁶ Хентова С. М. Шостакович в Петрограде–Ленинграде. Л., “Советский композитор”, 1981. С. 212.

⁷ См. запись в дневнике Е. А. Мравинского от 28 сентября 1953 года: “В пять часов вечера разговор с Шостаковичем о его Десятой симфонии (!)” (Мравинский Евгений. Записки на память: Дневники. 1918–1987 / Текстологическая подготовка, составление и вступительная статья А. М. Вавилиной–Мравинской; составитель “Летописи жизни и творчества Е. А. Мравинского” Ю. Н. Кружнов. СПб., “Искусство–СПб”, 2004. С. 151).

⁸ Там же. С. 151–152.

⁹ РГАЛИ ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 878. ССК СССР Секция симфонической и камерной музыки. Стенограммы заседаний секции от 18.11, 7.12, 9.12 1953 года. Начато 18 ноября 1953 года. Окончено 9 декабря 1953 года. На 91 л. Стенограмма заседания комиссии симфонической и камерной музыки от 18 ноября 1953 года. Прослушивание и обсуждение 10-й симфонии Шостаковича Д. Д.

¹⁰ См. информацию об этом заседании: “Правда”. 1953. 20 ноября, №324 (12892). С. 4. В это время решался вопрос о выводе советских войск из Австрии и её нейтралитете. Позднее (в 1958 году) Шостакович возглавит с советской стороны Советско–австрийское общество дружбы.

¹¹ В дневниковой записи от 30 ноября Мравинский отмечает какую-то “безобразную проповедь Соловьёва–Седого” (см. Мравинский Евгений. Записки на память... С. 157). На следующий день, 1 декабря, он был в горькоме партии и собищил Сериковой о “невыносимой рапмовщине” и “вчерашней выходке Сол.–Седого” (там же. С. 157).

¹² Краткая информация о премьере была опубликована в газете “Советская культура”. 1953. 19 декабря, С. 3

¹³ Мравинский Евгений. Записки на память... С. 159.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 847. Стенограмма VII пленума Союза советских композиторов СССР “О состоянии и задачах дальнейшего развития советского песенного творчества”. На 92 л.

- ¹⁵ При Сталине был порядок подачи такого рода документа Президиуму или Бюро Президиума ЦК, где список окончательно шлифовался под пером самого “именанта” и потом оформлялся Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР.
- ¹⁶ Музыка вместо сумбура... С. 442.
- ¹⁷ “Правда”. 1953. 25 декабря, № 359 (12927). С. 2.
- ¹⁸ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 320. Протоколы заседания Секретариата Союза советских композиторов. 5 января 1954 года. 7 декабря 1954 года. На 66 л.
- ¹⁹ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 320. Протоколы заседания Секретариата Союза советских композиторов. 5 января 1954 года – 7 декабря 1954 года. На 66 л. Л. 9–10.
- ²⁰ Подробности конфликта Хренникова с аппаратом отдела культуры ЦК см. в комментарии Л. Максименкова к обращению Т. Н. Хренникова в ЦК КПСС о созыве Второго Всесоюзного съезда композиторов СССР (Музыка вместо сумбура... С. 450–451).
- ²¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 322. Протоколы заседаний Президиума ЛОССК и материалы к ним. 7 января 1954 года–22 ноября 1954 года. На 35 л. Протокол № 1 заседания Президиума ЛОССК от 7 января 1954 года (л. 2). Присутствовали В. П. Соловьёв-Седой, М. А. Глух, Л. А. Ходжа-Эйнатов, П. Радчик, Е. Д. Выходцева.
- ²² ЦГАЛИ СПб ф. 348, оп. 1, ед. хр. 320. Протоколы заседания Секретариата Союза советских композиторов. 5 января 1954 года – 7 декабря 1954 года. На 66 л. Протокол № 7 заседания 2 февраля 1954 года. Л. 10 об., 14.
- ²³ Владимир Семёнович Кеменов (1908–1988) – философ, искусствовед. В 1939–1953 год – учёный секретарь Комитета по Сталинским премиям, с 1954 по 1956 год – заместитель министра культуры СССР.
- ²⁴ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 30. Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Стенограммы заседаний секции музыки. Стенограмма заседания музыкальной секции 6 февраля 1954 года. Л. 49–52.
- ²⁵ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 21, л. 133.
- ²⁶ РГАЛИ Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 23. Работы 1953 года. Стенограммы заседаний пленума Комитета. 23 марта 1954 года. Л. 125–129.
- ²⁷ См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / Ред. коллегия: К. Аймармахер (гл. ред.), В. Ю. Афиани, Д. Байрау, Б. Бонвеч, Н. Г. Томила. М., РОССПЭН, 2001. 808 с. (Серия: Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы). С. 212–213.
- ²⁸ Напомню читателям, что А. Б. Гольденвейзер критиковал струнный квартет Свиридова на Совещании музыкальных деятелей в ЦК ВКП(б) в феврале 1948 году.
- ²⁹ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 23. Стенограмма заседания секции музыки Сталинского комитета. 30 марта 1954 года. Л. 148–155, 157–158.
- ³⁰ РГАЛИ. Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Стенограммы заседаний Пленума Комитета. Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 24. 267 л. Стенограмма заседания Пленума Комитета 30 марта 1954 года. Л. 171–174.
- ³¹ По всей видимости, у Н. С. Тихонова возникла ассоциация стихов, выбранных Свиридовым из Исаакяна, с господствующими настроениями в поэзии болгарского поэта и революционера Христо Ботева.
- ³² Скорее всего, это оговорка Попова или опечатка машинистки. Имеется в виду “пространную”.
- ³³ РГАЛИ. Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы. Стенограммы заседаний Пленума Комитета. Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 25. Стенограмма заседания Пленума Комитета 31 марта 1954 г. Л. 196–202
- ³⁴ РГАЛИ Ф. 2073, оп. 2, ед. хр. 25. То же. 1 апреля 1954 год.
- ³⁵ Оно сохранилось в нескольких экземплярах. Часть этих экземпляров можно найти в фонде Комитета по Сталинским премиям в РГАЛИ и, полагаю, в фонде Совета Министров СССР.
- ³⁶ Наиболее полный список изданий поэмы см. в XI томе Полного собрания сочинений Г. В. Свиридова. См. Г. В. Свиридов. Полное собрание сочинений. Т. 11. Сочинения для голоса с фортепиано. / Вступительная статья И. Вульфвич. М. – СПб, Национальный Свиридовский фонд, 2008. XXVIII, 128 с. с иллюстрациями.

(Продолжение следует)

ЮРИЙ ПАВЛОВ

АЛЕКСАНДР БАЙГУШЕВ: ПОЖАЛЕЙТЕ ГОЛОГО КОРОЛЯ

Не одно десятилетие Александр Байгушев самозабвенно и без усталости твердит о своем элитном образовании и специфическом самообразовании. Однако почти в каждом абзаце байгушевских опусов можно найти примеры, свидетельствующие о вопиющей дремучести, элементарной необразованности, запредельной безграмотности их автора. Суждения Александра Иннокентьевича о литературе, критике, журналистике, истории, политике выявляют интеллектуально-профессиональный уровень человека, называющего себя то критиком, писателем, помощником Суслова, “партийным разведчиком”, то ответственным секретарём, то координатором “русских клубов” и так далее.

Цитаты из Байгушева буду приводить полностью, чтобы заранее снять упреки в искажении мыслей автора (естественно, я понимаю: для Александра Иннокентьевича и его безбашенных союзников любые факты, контраргументы – “божья роса”). К тому же, эти цитаты дадут возможность читателям “насладиться” языком, логикой якобы блестяще образованного человека. Если у кого-то в итоге случится нервный срыв, возникнут “экстремистские” желания (вынести такое издевательство над русским языком и здравым смыслом может не каждый!), то благодарственные письма отправляйте В.В. Огрызко, самому горячему поклоннику и самому настойчивому пропагандисту байгушевского таланта.

Незнайка на Луне

В статьях разных лет Байгушев периодически вспоминает Белинского, демонстрируя при этом такие знания и такой уровень мышления, что впору задать вопросом: где те “системные филологические познания”, то “системное образование”, о которых говорит Александр Иннокентьевич? В статье “Блистательный эстетизм Бондаренко” Байгушев с присущим ему топорным чувством языка пишет: “Да, и сам Виссарион Белинский вроде как печатался именно у себя, а не у чужих, и своих, именно своих авторов, у себя же в журнале “Современник” напечатанных, не только дотошно разбирал, но и пропагандировал, а где бы ему ещё место для пропаганды дали? Другие-то журналы были чужими” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Сначала замечу: “вроде как” у Байгушева – ничего не значащий оборот-паразит, как у Вячеслава Огрызко регулярно присутствовал оборот “честно говоря”, – до появления моей статьи “Честно говоря”, или Вячеслав Огрызко как литературный критик” (www.rospisatel.ru/pavlov_ogryzko.htm).

Теперь о Белинском. В “Современнике” критик печатался только в 1847 – 1848 годах. До этого “своими” журналами для Белинского были (называю в хронологическом порядке) “Телескоп”, “Молва”, “Московский наблюдатель”, “Отечественные записки”, “Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. Дольше всех “своим” журналом для Белинского являлись “Отечественные записки” (1840–1846).

Несостоятельно и следующее байгушевское сравнение: Бондаренко, подобно Белинскому, печатался в русском “ПоРоге”, а не в “еврейском “Вагриусе”. Однако в эпоху Белинского еврейских издательств и изданий не существовало. Чужими же критик считал, в первую очередь, славянофилов, их “Москвитянин”, “Московский литературный и учебный сборник”.

В той же статье о Бондаренко Байгушев называет его “продолжателем лучших традиций Виссариона Белинского, Аполлона Григорьева, Николая Стрехова, Александра Макарова, Вадима Кожинова”.

Если бы “напёрсточник с цитатами”, как, похваляясь, именует себя (вслед за якобы профессорами МГУ) Александр Иннокентьевич, читал не только Карла Маркса, Владимира Ленина, Вячеслава Огрызко, Александра Разумихина, но и Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Аполлона Григорьева, Фёдора Достоевского, Николая Стрехова, Василия Розанова и других русских мыслителей XIX века, то наверняка бы не поставил в один ряд Белинского с Аполлоном Григорьевым, Николаем Стреховым и другими славянофилами и почвенниками. К тому же Белинский и, скажем, Николай Стрехов представляют принципиально разные мыслительно-весовые категории. Об этом писал ещё Василий Розанов: “В сравнении с этой всеобщей мыслью (Стрехова. – Ю. П.) всё, написанное Белинским, мне показалось незначительным, бледным” (Розанов В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995).

Закольцовывая сюжет о Белинском, приведу два высказывания Розанова о критике, которые в полной мере применимы и к характеристике Байгушева: “Совершенное отсутствие в нём чувства России, отсутствие чувства русской истории”; “Прополз, как клоп, по литературе, кого-то покусал обличительно” (Розанов В. Сочинения. М., 1990).

И с критиками XX века А. Макаровым и В. Кожиновым, среди которых Байгушев прописывает Бондаренко, так же случился конфуз. На него первым обратил внимание Николай Кузин: “Особенно инородной здесь выглядит фигура А. Макарова, критика плодovitого, реактивного, но чересчур “пришпиленного” к злобе дня (50-м – 60-м годам прошлого века), а потому и не выдержавшего, на мой взгляд, испытание временем”; “Сравнение А. Байгушева нынешнего В. Бондаренко с “молодым” Вадимом Кожиновым (когда тот писал сугубо теоретические вещи!) выглядит не только странным, но и нелепым” (Кузин Н. Сервильный пафос Александра Байгушева. Литературная Россия. 2006. № 37).

Одной из лучших своих работ Байгушев называет “О саддукействе и фарисействе” (Москва. 1988. № 12). В ней автор демонстрирует свои знания уже по русской литературе XX века: “Борис Пастернак не мог не понимать и того, что его культ, насаждавший Н. Бухариным в обмен на славословие Сталину, ударил одним концом по Маяковскому, а другим – и куда сильнее! – по Есенину”.

Стихотворение “Художник” – “славословие Сталину” – опубликовано в 1936 году. Однако своё восхищение Пастернаком Бухарин выражал многократно ещё до появления данного произведения. Уже поэтому часть байгушевской версии – “в обмен на славословие” – выглядит надуманной.

Не менее уязвимы остальные “составляющие” суждения автора. Названное стихотворение не могло “ударить одним концом по Маяковскому” хотя бы потому, что в 1935 году Иосиф Сталин написал: “Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям – преступление”. Есенин же ко времени появления “Художника” поэтически, политически, человечески был давно “развенчан” кольцовыми, сосновскими, бухаринскими, луначарскими и прочими русофобами.

Таким же знатоком вопроса Байгушев предстаёт и в историко-политической “части” данного высказывания. Культ Пастернака, насаждаемый Бухариным, в ответ на “славословие Сталину” – одна из многочисленных примитив-

нейших “уток” Александра Иннокентьевича. В последний год жизни Бухарину, которого Байгушев ещё именует в своей статье “видным деятелем нашей партии”, явно не до насаждения культа Пастернака. В феврале 1936 года он перестает быть главным редактором “Известий”, затем его отправляют в “ссылку” – заграникомандировку. Летом состоялся Первый московский процесс, на котором обвиняемые назвали Бухарина сообщником, и далее события разворачивались по нарастающей...

О своих современниках Байгушев наговорил не меньше нелепостей, чем о критиках и писателях XIX – первой половины XX веков. О том же Юрии Кузнецове мы узнаем, что “к концу своего жизненного пути он ездил с нами, отчаянными русскими патриотами, на массовые патриотические выступления-митинги. Литераторы передрались, даже Виктор Астафьев дрогнул – подписал гнусное письмо в поддержку расстрела Верховного Совета, за Ельцина и либералов против патриотов. А Юрий Кузнецов, напротив, из стана либералов и авангардистов пришёл к почвенникам и патриотам. Да, он сделал трудный выбор, это было его вызовом ельцинскому предательству” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Понять невозможно, на основании каких фактов творческой биографии Юрия Кузнецова Байгушев сделал такие выводы. Мировоззренчески и творчески Кузнецов никогда не был либералом. Проиллюстрирую сказанное только одним примером. В отличие от Вознесенского и других “апрелевцев”, славивших Горбачёва и перестройку, Кузнецов в “Откровении обывателя” 1987 года называет Горбачёва Иудой, перестройку – адским планом. Известие о гласности вызывает предсказуемую реакцию: “Я чихал на подобную гласность!” Юрий Кузнецов прекрасно понимает сущность происходящего: “Но о главном и в мыслях молчат, // Только зубы от страха стучат”. Не знаю, стучали ли зубы от страха у Байгушева, но он, как и водится у политических проституток, писал так, как надо, политически грамотно (примеры – в следующей главе).

Что же касается упомянутого Байгушевым Астафьева, то он “расстрельного письма” не подписывал. Как сообщает писатель В. Линнику 14 января 1994 года, его подпись под письмом была “присобачена” без согласия с ним. Однако через короткое время Астафьев “уяснил для себя – подпись моя, стоявшая среди достойных людей нашего времени, уместна, и я поставил её, считайте, задним числом” (Астафьев В. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. М., 2012). В этом признании закономерно проявился “поздний” Астафьев. О его “порче” (В. Бондаренко) свидетельствуют письма, интервью, произведения последних лет. Высказывания Астафьева о русском народе, истории, Великой Отечественной войне, о многих современниках звучат в согласии с оценками русофобов разных мастей.

И, наконец, о ельцинском предательстве 93-го года можно было бы говорить, если бы до этих трагических событий он вёл себя достойно. У Ельцина же был, как отмечал ещё Игорь Дедков, “энтузиазм предателя”, который он воплотил в многочисленные преступления против своего народа.

Все вышеназванные “достоинства” Байгушева нашли воплощение в последнем опусе автора “Гришка Отрепьев нашего времени” (Литературная Россия. 2016. № 12, 13). Особенно неумно выглядит его стремление сделать из Александра Разумихина “близкого друга Юрия Селезнёва”, достойную альтернативу Станиславу Куняеву и Александру Казинцеву. Байгушев видит мою “дремучую невежественность” в том, что я “поручил основной доклад” на “вечере памяти Селезнёва” не Ю. Ложицу, А. Разумихину, В. Ганичеву, а А. Казинцеву.

Прежде чем рассуждать о чьём-то невежестве, Александр Иннокентьевич, научитесь отличать “вечер памяти”, которого не было, от научной конференции, проходившей второй раз. И на этих Селезнёвских конференциях, как и на десяти предыдущих Кожинских, я не назначал основного докладчика. На пленарном заседании, как правило, выступали 6–8 человек. У Вас, Александр Иннокентьевич, примитивно административно-партийные представления о научных конференциях и людях вообще.

Вы, Александр Иннокентьевич, в своём последнем опусе только и делаете, что навешиваете ярлыки и говорите абсолютную чушь о Станиславе Куняеве, Александре Казинцеве, Александре Проханове, Владимире Бондаренко, обо мне, грешном, и других.

Для полноты картины приведу несколько высказываний Байгушева, связанных между собой лишь “знаниями”, “эрудицией”, “уникальной логикой”, “оригинальным мышлением” бывшего “партийного разведчика”, а ныне главного автора “Литературной России”.

1. “Наш советский авангард 20-х годов, расчищая себе полигон, сразу начал сбрасывать Пушкина с корабля современности, и делал это не какой-то Бурлюк, а сам Владимир Владимирович Маяковский”.

Человеку с двумя высшими гуманитарными образованиями, с “системными филологическими познаниями” неловко сообщать то, что известно любому адекватному школьнику. Авангардисты во главе с Маяковским “начали расчищать себе полигон” ещё при Николае II. Литературный манифест футуристов “Пощёчина общественному вкусу” был опубликован в декабре 1912 года, и его подписали “какой-то Бурлюк”, В. Маяковский, А. Кручёных, В. Хлебников. И, конечно, сбрасывать с “парохода современности” предлагали не только Пушкина, но и “Достоевского, Толстого и проч. и проч.”, то есть всю русскую классику. Однако именно в советское время, в 1923 году Маяковский выдвинул тезис учёбы у “национализированных классиков” (Маяковский В. В кого вгрызается ЛЕФ? // Маяковский В. Полн. собр. соч. В. 13 т. Т. 12. М., 1959).

2. “Каким-то седьмым чувством <...> Брежнев почувствовал, что лауреат Нобелевской премии Солженицын, затем лауреат Нобелевской премии Бродский, теперь вот явно направленно раскручиваемая дикая популистская история вокруг Высоцкого – это, конечно, карты в политической игре ЦРУ”.

Сюжет типично байгушевский: он приписывает Брежневу свои мысли и чувства, вопиюще противоречащие общеизвестным фактам. “Седьмое чувство” Брежнева уже потому “утка”, что Нобелевским лауреатом Бродский стал через 5 лет после смерти Леонида Ильича.

3. “Но “вторую эмиграцию” всегда и в КГБ, и в ЦРУ равно относили к **андергаунду**” (так у автора. – Ю. П.).

Это о ком такая несусветная чушь говорится? О Григории Климове, Иване Елагине, Иване Солоневиче? Однако к концу текста выясняется, что Байгушев не знает элементарного. Для него “вторая волна” эмиграции – лагуна, поэтому “третью волну” он называет “второй”. Судите сами: “Наум Коржавин тоже наш русский эмигрант “второй волны”.

4. “Рецензенты, – ещё раз подчеркну, что априори, то есть дружно сговорившись не читать саму книгу, – уже метят маститого литературного критика, как еврея из гетто жёлтым пятном на спине, жирной рубрикой: “Книга – провал” (авторская пунктуация сохранена. – Ю. П.).

О книге Бондаренко “Живи опасно” опубликованы рецензии, как положительные, так и отрицательные, причём первых было больше вторых. Байгушев же сообщает только о последних. Более того, рецензенты якобы не только сговорились не читать критика (такое может придумать только сверхдремучий большой человек), но и своеобразно “пометили” его.

Байгушевская фантазийная реальность держится только на названии рубрики “Книга – провал”, в которой была напечатана рецензия Ильи Колодяжного. Тогда, если следовать логике Байгушева, все писатели, о которых появились и появятся рецензии в этой рубрике, попадают в разряд “евреев из гетто”? Автор же “жирной рубрики”, возмущившей Байгушева (как и всех других в “Литературной России”), – Вячеслав Огрызко.

5. “А в “деревенской прозе” и вовсе был тогда только её прародитель – “Матрёнин двор” Александра Солженицына”.

Байгушев, называющий себя русским патриотом, повторяет этот распространённый примитивный либеральный миф. Он легко опровергается хронологически (большинство авторов “деревенской прозы” опубликовали свои произведения ещё до “Матрёниного двора”) и сущностно. “Деревенская проза” (не беру, конечно, “позднего” Астафьева) и проза Солженицына – это, чаще всего, диаметрально противоположные ценностно-художественные миры (об этом я говорю в статье “Александр Солженицын о творчестве Василия Белова”. “Наш современник”. 2015. № 4).

В завершение этой части разговора приведу цитаты с минимальными комментариями или без них. Эти цитаты, думаю, являются штрихами к автопортрету “Незнайки на Луне”.

“Анна Дмитриевна Ахматова (Браво, Байгушев! Так Анну Андреевну ещё никто не называл. – Ю. П.) сделала абсолютно верный вывод <...>”; “Вообще

вся советская литературная критика (60–80-х гг. — Ю. П.) было (так у автора. — Ю. П.) сплошным эвфемизмом” (В том, что это совсем не так, легко убедиться, открыв статьи Михаила Лобанова, Вадима Кожина, Юрия Селезнёва, Анатолия Ланщикова, Игоря Золотусского, Станислава Куняева, Игоря Дедкова, Льва Аннинского, Александра Казинцева, Владимира Бондаренко и десятков других критиков разных направлений. — Ю. П.); Валентин Распутин “очень талантлив как публицист, но, по-моему, слаб как прозаик и уже совершенно беспомощен как политик (это ведь с его дурацкого выступления на съезде народных депутатов начался развал Советского Союза)” (Умрите, Александр Иннокентьевич, глупее не скажешь! — Ю. П.); “Михаилу Казакову (Козакову. — Ю. П.) вставить песни Высоцкого”; Сергей Кургинян — “духовный отец Проханова”; “тут он (Бродский. — Ю. П.) был таким законченным имперским поэтом, что самому Проханову сто очков даст вперёд”; Бродский “даже был слегка антисемит”; “А вот у “третьего рейха” что-то надо взять. То, как можно быстро поднять из руин сверхдержаву <...> А Ницше? Он нам очень пригодится”.

Воинствующий мифотворец

В книгах, статьях, интервью последних примерно 20-ти лет одни и те же истории рассказываются Байгушевым по-разному. Часто диаметрально противоположно оцениваются многие политики, писатели, критики. Из огромного количества примеров приведу один: в 1988 году Байгушев, в очередной раз перестроившись, в статье “О саддукействе и фарисействе” писал: “Я из поколения “шестидесятников”, крещённого очищающим антисталинистским XX съездом КПСС <...>”; “Мы приняли XX съезд не бездумно, а всем сердцем, как сейчас молодые ребята — XXVII съезд КПСС, возвративший обществу обнадёживающие идеи 1956 года и развивший их революционную суть”.

Однако в XXI веке Байгушев в очередной раз “прозрел”, сменил вехи, и Хрущёв для него теперь — “абсолютно неграмотный прохиндей и самодур, законченный троцкист и сатанист”, который “оклеветал Сталина”. Брежнев же “застой” приписали” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко. // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Закономерно, что одни авторы называют Байгушева Хлестаковым, Ноздрёвым, другие — флюгером, третьи советуют ему обратиться к психиатру. Но есть и те, кто верят Байгушеву (понятно, о чём это свидетельствует), либо делают вид, что верят, используя его очевидную, запредельную ложь в своих целях. Обращусь к нескольким сюжетам, дающим дополнительные представления о выдающемся мифотворце нашего времени.

Байгушев любит рассказывать о своей подвижнической русской деятельности в издательстве “Современник”. Его истории предсказуемо не соответствуют жизненным реалиям. Например, рукопись книги Михаила Лобанова “Надежда исканий” зарезали в издательстве из-за отрицательной внутренней рецензии Байгушева. По свидетельству Лобанова, несгибаемого русского критика с безупречной репутацией, в рецензии Байгушева утверждалось, что “автор отходит от принципа классовости и партийности, с реакционных славянофильских позиций трактует народность” (Лобанов М. Вынужденный комментарий. Как оказался в патриотах-“шестидесятниках” Елизавет Воробей. “Новая книга России”. 2006. № 11). Байгушев дал и “правильные” рекомендации по улучшению книги: “Рукопись должна открываться статьей в духе марксистско-ленинской методологии, и в этом направлении её необходимо коренным образом переработать”.

Уже в годы перестройки Байгушев писал иначе о времени, когда он был на коне и выносил приговоры, писал, ориентируясь на “новое мышление”, в свойственной ему лакейской манере: “Сейчас же не брежневские времена, чтобы заставлять критиков славословить художественную посредственность” (Байгушев А. О саддукействе и фарисействе. М., 1988. № 12).

Говоря о славословии, Александр Иннокентьевич, конечно, имеет в виду себя. Настоящие же критики ни при каких обстоятельствах не славословили посредственность, да и вообще не писали против совести.

Внутренняя рецензия Байгушева на книгу одного из лучших критиков второй половины XX века — типичный образец вульгарно-социологического дубинового мышления, которое, как показало время, стало визитной карточкой “интеллектуала” из “партийной разведки”. Юрий Козлов прав, предлагая

рассматривать последний байгушевский опус (“Литературная Россия”. 2016. № 12, 13) “как литературный памятник советской эпохе, наглядно иллюстрирующий особенности тогдашнего критико-полемического мышления” (Козлов Ю. Наказание невиновных. “Литературная Россия”. 2016. № 14). Справедливости ради замечу: в низости и подлости Байгушев превзошёл подавляющее большинство своих современников.

Но вернёмся к издательству “Современник” и к начальникам Александра Иннокентьевича. Само издательство он называет “неистово русским”, “русским раем”, а его директора, Юрия Прокушева, характеризует так: “знаменитый литературовед”, “мэтр, литературный критик, великий знаток поэзии”. Но особенно впечатляет сравнение, где появляется главный редактор издательства, “самоотверженный помощник” директора: “И Сорокин был в “Современнике” у Прокушева, как полководец Жуков у Сталина в Отечественную войну” (Байгушев А. Могучее восхождение Валентина Сорокина. “День литературы”. 2006. № 1).

Именно в книге “Культовый поэт русских клубов Валентин Сорокин. 15 тайн русского сопротивления” (М., 2008) Байгушев превзошёл в славословии всех мне известных акынов. Однако через 4 года Александр Иннокентьевич в беседе с Вячеславом Огрызко заявил: “Я, кстати, в “нулевые” годы написал о нём (Сорокине. — Ю. П.) книгу. Но критики мою работу неверно истолковали. Я вовсе не утверждал, что Сорокин — гений. Сорокин — это политический поэт, и только. Он, конечно, не классик, крупного поэта из него хотел сделать, кажется, бывший комсомольский вожак Тяжелников, благо они оба были из Челябинска. Но ему не хватило, что называется, дышалки” (вот, оказывается, в чём секрет рождения крупного поэта — “дышалка” покровителя. — Ю. П.) (Байгушев А. Глаза и уши партийной разведки. “Литературная Россия”. 2012. № 16).

Видимо, сюжет с Сорокиным, как никакой другой, даёт наилучшее представление о человеческих и творческих талантах Байгушева. Он, бессчётное количество раз называвший Сорокина гением, зная негативное отношение Огрызко к поэту, в беседе с Вячеславом Вячеславовичем включает “заднюю скорость”, ссылаясь на абстрактных критиков. Для освежения памяти Байгушева, для иллюстрации его исследовательского уровня и человеческой сущности приведу ударные места из его статьи.

Определяя масштаб личности и творчества поэта, Байгушев сравнивает его с Некрасовым, Блоком, Есениным, Маяковским, Горьким, Тютчевым, Василием Суриковым, Георгием Жуковым. “Скромняга” из “партийной разведки” называет Сорокина “наследником древнерусского пламенного “Слова”, “великим русским поэтом”, который “осуществил своё могучее восхождение на вершину русского Парнаса, где имя его сейчас стоит рядом с самыми выдающимися поэтами в русской истории” (Байгушев А. Могучее восхождение Валентина Сорокина. “День литературы”. 2006. № 1).

Покорив Эльбрус славословия, упорный акын на этом не останавливается и начинает восхождение на Эверест. Перед тем, как прочесть следующие откровения Байгушева, выпейте “Афобазол” или что-нибудь покрепче: “чудо Господне”, “знак Господний”, “только у Сорокина душа всегда нараспашку, сердце звенит, как колокол, а русские слова — струны, на которых играет Господь”.

Невольно вспоминаются строки Маяковского: “Вы думаете, это бредит малярня?” Нет, это Александр Байгушев так выражает своё прохладное отношение к “политическому поэту”, “не классику”.

Самая скандально известная книга Байгушева — “Русская партия внутри КПСС” (М., 2005). Михаил Лобанов одним из первых откликнулся на её выход. Он назвал книгу “опусом”, а самого Байгушева — “журналистом”, “борзописцем”, “соглашатаем”, “человеком из породы мелкотравчатых”, “потешным героем, который пытается войти в историю задним числом”. Михаил Лобанов убедительно развенчивает различные мифы “партийного разведчика”, начиная с главного, вынесенного в название книги. Его пропущу, ибо об этом уже писал, последний раз именно на примере Байгушева и Огрызко, главных трансляторов мифа о “русской партии” (www.rospisatel.ru/pavlov_ogryzko.htm).

Обратимся к байгушевской версии создания “Письма одиннадцати” (“Огонек”. 1969. № 36), о которой он говорит и в книге, и в статьях, и в интервью. Говорит, в частности, так: “Нами было организовано оперативное письмо одиннадцати крупнейших русских писателей в защиту “Молодой гвардии”, и, преодолев цензуру (письмо это прошло-таки через её стену — я для этого

использовал все свои “права”), оно попало на страницы воскресного “Огонька” – прямо под очи Брежнева... Мы поработали над письмом основательно”. Более того, “мы не жаловались, не вздыхали, не скулили, мы чётко формулировали нашу программу и не боялись, что хуже “них”, хуже какого-нибудь липового доктора наук из Отдела пропаганды Яковлева знаем свою историю”.

Однако реальные авторы письма (М. Лобанов, О. Михайлов, В. Чалмаев, Н. Сергованцев, В. Петелин) и те, кто изучал данный вопрос (В. Твардовская), фамилию Байгушева не называют вообще. Хорошо замаскировался “партийный разведчик”!

И о дальнейшей судьбе письма Виктор Петелин рассказывает принципиально иначе: “Показали Никонову и Анатолию Иванову, которые тут же поехали в “Огонек” к Анатолию Софронову. И началась доработка нашего текста “Письма в редакцию” (Петелин В. Мой XX век: счастье быть самим собой. М., 2009).

Доработанный в “Огоньке” вариант письма Петелин оценивает вновь не так, как Байгушев, вообще будто письма не читавший: “Письмо” было тоньше, глубже, не было грубого социологизма, которым напичкали “письмо” во время редактирования в “Огоньке”...”.

И ещё: мысль о Яковлеве не могла возникнуть у авторов “Письма одиннадцати”. У Байгушева произошёл сущностный и хронологический сдвиг. “Американист” Яковлев научные труды об отечественной истории не писал (его скандально известная статья “Против антиисторизма” появилась через 3 года). Он защитил свою диссертацию по “интересной” теме: “Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945–1966 гг.)”.

Особенно любит Байгушев рассказывать истории о людях, которых уже нет в живых. Здравствующие современники могут опровергнуть его ложь, что уже сделали в разное время Михаил Лобанов, Станислав Куняев, Владимир Бушин, Владимир Бондаренко, Николай Кузин, Александр Казинцев, Александр Васин, Иван Шевцов, Сергей Куняев, Юрий Козлов и другие.

Из книги Байгушева о Сорокине приведу эпизод, достойный Бояна наших дней: “Мы поехали с главным редактором “Современника” Сорокиным и большой компанией во главе с тамадой Иваном Шевцовым (как же без него! раз его антисемитом объявили, мы ему громадный роман “пробили”) в ресторан “Балчуг”, где ещё мои предки гуляли <...>. Там крепко напились и пели “Отмстим неразумным хазарам!” А когда вышли из ресторана на улицу, то нам всем было видение: златоглавый Кремль вдруг оторвался от земли и повис на белом облаке, как град Китеж. Несколько минут длилось это видение. Мы все попадали на колени – крестились”.

Умный, ироничный Владимир Бушин так отреагировал на этот эпизод: “Какое величественное сочетание грандиозного патриотизма с потрясающим полоумием!.. Я позвонил Ивану Михайловичу Шевцову, прочитал ему этот текст и спросил, что он думает. Иван ответил: “Во-первых, град Китеж не вознесся на небеса, а наоборот – погрузился в озеро. Во-вторых, Володя, за всю свою долгую жизнь я никогда не был в ресторане “Балчуг” и даже не знаю, где он находится. В-третьих, какой там мой роман они “пробили”?” (Бушин В. Живые и мёртвые классики. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=108823&p=19>).

Не менее оригинальные истории Байгушев сочиняет об усопших. Вот что он, например, рассказал он о Дмитрии Лихачёве в беседе с Вячеславом Огрызко. Время действия – 70-е годы. “Суслов в то время думал о том, что бы противопоставить Западу в идейной борьбе. Кто-то посоветовал ему поднять древнерусскую литературу. Лучше Лихачёва, на взгляд Суслова, с этой задачей вряд ли кто мог бы справиться. Хотя у него были свои недостатки и, в частности, связи с масонскими ложами. Одновременно Лихачёв должен был помочь нам справиться с одной задачей.

В общем, после очередного собрания в обществе охраны памятников мы вышли с Лихачёвым на Покровский бульвар и стали пить водку. Лихачёв сразу понял, что я хочу, и тут же отрезал: мол, на партийную разведку работать не буду. Ну, я объяснил ему, что никому не интересны академические дрязги, кто с кем спит. От него требовался добросовестный анализ ленинградской ситуации (за это я был уполномочен обещать ему получить, в частности, звание академика и Ленинскую премию)” (Байгушев А. Глаза и уши партийной разведки. “Литературная Россия”. 2012. № 16).

Как известно, “поднимать древнерусскую литературу” Лихачёв начал ещё до великой войны, кандидатскую защитил в 41-м по “Новгородским летописным сводам XII века”, а через 6 лет стал доктором наук. В 53-м году Лихачёв был уже членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1970-м – академиком. Известные работы Лихачёва перечислять не буду, но вот премии назову: в 1952 году Лихачёву была присуждена Сталинская премия, в 1969 – Государственная премия СССР. Так что жизнь Лихачёва шла независимо от Суслова и, тем более, от Байгушева. Интереснее другое: почему собеседник Байгушева, Огрызко, на эту ахинею никак не отреагировал?

Удивляет постоянная мировоззренческая смена вех Байгушева, порождающая различные версии, и все не в пользу Александра Иннокентьевича. Так, в своей программной статье “О саддукействе и фарисействе” Байгушев утверждает, что слово “авангард” “сейчас самое модное слово”. Но уже в XXI веке Байгушев вдруг – не знаю, под воздействием чего – заявляет: “Внутри творческих союзов писателей <...> по-прежнему авангардизм табуирован, как зона для прокажённых” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко. // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007). Александр Иннокентьевич, видимо, запямятовал, что писал ранее. К тому же он в очередной раз продемонстрировал свою профессиональную компетентность: байгушевская “табу-зона” наводит на мысль, что в XXI веке Александр Иннокентьевич не открывал журналы и газеты, книги, учебники, монографии, диссертации, в которых тема авангарда – одна из самых популярных.

В той же статье “О саддукействе и фарисействе” Байгушев характеризует авангард как явление чужеродное, разрушительное по отношению к русской литературе, культуре, народу, стране. Вот только некоторые высказывания автора: “В основе своей авангардизм индивидуалистичен”; “Если он и поднимается до общенародных проблем, то сам народ у него тотчас превращается в “толпу”, безликую массу, которой должны повелевать “вожди”; “Насилие в крови авангардизма”; “Вспомнить об идейной связи троцкизма и авангардизма сейчас для нас очень важно, чтобы не повторить ошибок прошлого, не поддаваться манипулированию левой фразой и снова не оказаться в жёстких объятиях тоталитаризма”; “бухаринский авангардизм породил такое явление, как “ждановщина”.

Однако через годы Байгушев, не обладающий способностью самостоятельно мыслить, своеобразно препарировав мысли Проханова и Бондаренко, неожиданно открывает “вдохновенный благородный авангард” 20-х годов XX века и “авангард светоносных Юрия Кузнецова, Бродского, Проханова” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко. // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Помимо смены вех восхищают и резус-конфликтный ряд писателей, и новаторская терминология. О последней скажу очевидное: Бог – источник света, авангард же отрицает Христа.

Пиши по-русски

На десерт я предлагаю языковые деликатесы от Байгушева. Его тексты производят впечатление, что их написал иностранец или русский с сильными отклонениями – умственными и психическими. Поражает незнание как самых элементарных правил русского языка, так и значения многих слов. Из россыпи байгушевских шедевров я приведу несколько, но таких, которые в комментариях не нуждаются.

“Входя в конструкция “Живи опасно”, я с удовольствием перечитал и портрет Юрия Кузнецова <...>”; “Вслед за Львом Аннинским, не выстраивается в хвост ни Ганичеву с Распутиным, ни Гранину с Татьяной Толстой”; “Пить с Высоцким для Евтушенко было с удовольствием”; “Видимо, не мог забыв, как его сдали свои в Ленинграде”; “Оценки в литературной критике были вынужденно перекошены”; “Я помню Юрия Кузнецова не только в издательстве “Современник”, где он от Вознесенского пришёл <...>”; “Но по своим эстетическим идеалам оставшийся крайним индивидуалистом”; “Критик наклеивает ярлык и наблюдательно собирает под него свидетельства”; “Умел говорить эфемизмами и иносказаниями”; “Муссируется мнение, что литературный манифест “Живи опасно” – книга черносотенная в самом русском, самом благородном звучании этого слова”; “Превратили голубой экран в полную

помойную яму, на которую сегодня только кретин не плюётся”; “Умеют цитатами, как булавками, жонглировать”; “Дмитрий Быков с сионистской физиономией на обложке своей книги”; “Ах, Володя, Володя, ну как ты посмел подойти к нашему книжному, рыночному подиуму, сунув, как ребёнок, наивно палец в рот, при всех ляпнуть, что ты тоже не хухры-мухры, нюхал собственным носом модернизм?”

* * *

Итак, если суммировать сказанное, то в остатке получим: Байгушев – это голый король. Голый “партийный разведчик”. Голый писатель. Голый критик. Человек без элементарных гуманитарных знаний, напрочь лишённый чувства русского языка. Байгушев не умеет логически мыслить, но умеет придумывать самые невероятные истории о себе и других. В результате рождаются мифы, которые могут дезинформировать неподготовленного читателя.

Байгушев – человек без чести и совести. Он не просто политическая проститутка, не только хамелеон, но и воинствующий лакей, специализирующийся на политических доносах, грязных сплетнях, ярлыках.

Волну возмущений вызвал последний опус Байгушева “Гришка Отрепьев нашего времени”. Владимир Бондаренко, первым откликнувшийся на сей текст, назвал его “мерзейшим политическим доносом” и дал объективную оценку очередному “шедевру” “политического разведчика” (Бондаренко В. Доносы закулисного человека. “День литературы”. 2016. № 4). Бондаренко считает, что провокаторы Байгушев и Огрызко привносят хаос в русский стан. Вердикт критика таков: “Пора выкорчёвывать”.

Я, не менее Бондаренко возмущённый текстом Байгушева, всё же думаю, Александра Иннокентьевича нужно, прежде всего, пожалеть, как несчастного человека, как голого короля, банкрота. А с “творениями” Байгушева нужно периодически знакомить молодых журналистов, филологов, писателей, критиков как с образчиками того, как нельзя писать, ибо такое “творчество” – грех.

ИННА РОСТОВЦЕВА

ОБЛАСТЬ НАИВЫСШЕЙ КРАСОТЫ

О поэзии Сергея Гонцова

Книга Сергея Гонцова ставит немало загадок перед читателем. Далеко не всяким. Перед умным, просвещённым и, не побоимся этого слова, профессиональным читателем. То есть умеющим читать отечественную словесность в её лучшем изводе – древнерусского искусства, русской классики Золотого и Серебряного века, а также значительных открытий ещё недооценённого до конца века двадцатого...

Тем больший объём трудностей выпадает на долю критики, столкнувшейся с явлением поэзии, столь необычно яркой, цветущей сложности, что ей приходится серьёзно озаботиться тем, чтобы не внести “грубое, изнурительное понимание” в “свободную игру красок и линий” (Блок), всегда наличествующую в случае с подлинным художественным миром.

Здесь явно не сгодятся многие из “глубокомысленных игрушек критических дядей” (Блок), принятых сегодня в разговоре о поэзии в ситуации постмодерна, явно перегруженном новейшими терминами эпохи интернета и сквознячком пустых дефиниций.

Но вот тонкое замечание современного писателя о том, что значит писать, вполне может пригодиться: “Литература часто помнит то, о чём сами мы забываем: писать – значит читать в себе” (Ф. Бегбедер).

Зададимся вопросом: что же важного, существенного, значимого для нас “прочёл в себе” Сергей Гонцов, чтобы оно стало Книгой? Что хотел напомнить нам, чтобы, читая строки его лирических стихотворений, мы ощутили вкус открытия хорошо забытого – и какого? – среди “одушевления жизни, идущей своим обычным ходом”, как выразился Ф. Тютчев в одном из писем к дочери? Книга поэзии Гонцова, – а речь идёт именно о книге как о “собрании существенного” (Хайдеггер), а не о ворохе отдельных лирических стихотворений, торпливо засунутых под книжную обложку, чтобы скорее показаться читателю (что происходит сегодня сплошь и рядом), – появляется в 2014 году, в начале века XXI, в не самой благоприятной для себя культурологической ситуации.

Неомодернизм – поэзия и поэты, отнесённые критикой к этому направлению, и не вообще, а с поправкой на русский неомодернизм, на поэзию и новейших поэтов, работающих под этим знаком (а в этом ряду и И. Бродский, и Е. Швара, и И. Жданова, и Д. Пригов, и А. Драгомощенко, и В. Кривулина, и Л. Рубинштейн) – празднует сегодня ощутимую победу в теоретико-эстетической мысли.

Речь идёт о книге Александра Житенёва “Поэзия неомодернизма” (СПб, “ИНАПРЕСС”, 2012) и её обсуждении на страницах “Нового мира” (2013, № 12

“Монологи о “Неомодернизме”), где дан точный выбор ракурса прочтения и рассмотрения этой поэзии, с отысканием “следов субъекта”, то бишь новейшего поэта, строго фиксирующего распад “внятных” отношений с собой и миром, мираж настоящего, прошлого и будущего” (Вера Котелевская. “Нескончаемый модерн”).

Что, если книга тоже современного автора С. Гонцова, тоже “новейшего” – 1954 года рождения, работавшего в те же годы (80–90-е), что и “неомодернисты”, – задумана, исполнена и начинает своё движение совершенно в ином направлении – утверждения внятных, без кавычек, отношений с собой и миром, противостоящих “травме”, “распаду”, “рефлексии”, которым подвержено – и никуда не деться, “отслежено”! – “несчастное сознание” современного “я”?

Здесь, похоже, есть два варианта, по которым гонцовская книга может рассчитываться быть замеченной в художественной практике сегодняшнего дня – или её сразу же включают в “мейнстрим”, или оставят непрочитанной.

Не исключаю, что судьба прочтения, осмысления книги пойдёт по второму варианту: она будет уравнена/усреднена с другими в аннотациях, “пятникнижиях”, на “книжных полках”. Без уяснения и понимания значимости появления её сегодня как “новости русского поэтического пространства”, вобравшего в себя иные, чем в неомодернизме, основополагающие принципы и ценности духовного русского бытия.

Что же это за принципы и ценности?

Это, прежде всего, ценность Замысла как такового (следовать за мыслью!), который Сергей Гонцов, автор книги лирики и её строитель, вносит в своё художественное сознание. Замысел здесь действительно уместно писать с заглавной буквы. Это ключевое слово в той духовной постройке, которую он возводит. Замысел Творца, Создателя Божьего мира – в нём жил и продолжает жить современный человек, – и одновременно замысел поэтического мира на уровне стихотворения и отдельной строки... Как совместить их средствами и способом лирики, не утратив при этом всех примет и свойств “мятущегося” человеческого “я” (как у Иннокентия Анненского: “А где-то там мятутся среди огня // Такие ж я, без счёта и названья // И чьё-то молодое за меня // Кончается в тоске существованье”).

И здесь на помощь приходит Жанр. В его бахтинском понимании: “Каждый жанр – особый тип строить и завершать целое”, – притом, повторим, “существенно, тематически завершать, а не условно-композиционно кончить”. Или ещё короче: “Жанр есть типическое целое художественного мышления”.

Имя Бахтина и отсылка к нему возникают здесь далеко не случайно, по прихоти автора статьи: у Гонцова есть стихотворение – посвящение “К портрету Михаила Бахтина”, прямо указующее на то, что уроки жанра и философской концепции (“Необходимо новое философское удивление перед всем” – М. Бахтин) брались поэтом у великого мыслителя, который, “в разноголосице предполагаемая говор божественной стихии”, “нечаянно увидевший другого // Или нашедший древние ключи // Темницу отомкнуть, раздвинуть слово, // Как можжевельный роскошный куст // Всемирной ночи, чья проста основа, // Но говорящий мрак тысячеуст...”, – всё это доказал личным примером своей поэзии и судьбы. Именно об этом говорит Гонцов:

*Мне кажется, я знаю, что надежда
Едва сквозит во взгляде молодом,
Проста полувоенная одежда,
Как времена, что взяты не трудом;
Но радость только в мире или в Боге, —
И, принимая дар полужемной,
Он смотрит в незаносчивой тревоге
В пространство слова, занятое мной...*

Замечателен здесь эпитет “незаносчивый” в применении к бахтинской тревоге, но не менее существенен он и как автохарактеристика поэта: в “пространстве слова, занятого мной”.

Автор ощущает: да, оно занято им, но – какое оно? Попробуем разобраться. Пространство, занятое гонцовским словом, имеет завидную художе-

ственную протяжённость в исторической перспективе – от библейских времён и Средневековья, величественного XVIII, “золотого” XIX и поначалу “серебряного”, а потом трагичного в своей основе века XX и смутного XXI. И всё это движется, проявляется, помеченное своего рода маркерами – жанрами, среди них ода, размышление, похвала, портрет, элегия, а за ними встают фигуры Ломоносова, Боратынского, Лермонтова, Тютчева... Можно сказать, Гонцов написал своеобразный автокомментарий к лирическим жанрам, вобравшим в себя эпическое начало (повесть, рассказ, роман). За этим просматриваются новые философские основания Замысла и концепции в целом: “Мне известно, что эпос земной // Нам до опыта чудно рассказан, // Но какой-то стихией родной // На душе безначально завязан” (“Столбцы о Замысле”).

Обращает на себя внимание, что весь корпус книги насквозь пронизывают “Столбцы” – стихотворения с таким названием – большей длины, чем обычные лирические стихи, и более философичные. Откуда здесь взялись “Столбцы”? И что они значат? Как известно, это название первой книги поэм Николая Заболоцкого 1929 года, вошедшей в историю русской литературы XX века как образец авангардного искусства и оставившей заметный след в умах и творчестве многих современных поэтов. Некоторые заболоцковеды, правда, в качестве гипотезы, выдвигают предположение, что “Столбцы” – это даже не название книги, это – новый жанр, который был открыт и художественно обоснован поэтом. Это его изобретение, своего рода ноу-хау. Сергей Гонцов блистательно подтверждает эту догадку. Он наследует “Столбцы” не в плане подражания поэтике приёма Заболоцкого, что сплошь и рядом встречается у современных авторов неомодерна, а именно как жанр. Особую словесную структуру, способную выдержать, не прогибаясь, загрузку метафизическими проблемами. Как собрания существенного, “пучка смыслов” (О. Мандельштам), что несёт в себе Личность.

Можно предположить, что “Столбцы” как жанровое образование в художественной системе Гонцова – это маленькие лирические поэмы: здесь зримее проступает лирический сюжет, отчётливее проявляется лирический герой, какие-то моменты его автобиографии (“Я родился на Востоке...”), мучительные поиски ответа на последние, “проклятые” вопросы человека – о своём происхождении и месте на земле, о Божьем замысле, и “варварских временах”, о небесном и земном, о свободе и красоте. Это сквозные лирические коридоры, по которым движется, пульсирует, бьётся, сомневаясь и утверждаясь, мысль автора.

Но это менее всего отвлечённое философствование. Именно картина – в её образительности и протяжённости вглубь и вдаль. (“Эпос земной нам для опыта чудно рассказан...”) – роднит Гонцова с Заболоцким. Вернее, с тем взглядом на него, который запечатлел Пастернак, сказав о стихах автора “Столбцов”: “Приходил Заболоцкий и развесил множество картин. И вот он ушёл, а картины остались висеть”. Примерно та же жанровая установка у Гонцова: чтобы наши личностные и философские проблемы не стали риторическим фигурами, не выродились в публицистическое говорение, они должны быть в картинах, должны вернуть себе первозданную эпическую мощь.

Интересно, что среди многих портретов в книге нет стихотворения, специально посвящённого Заболоцкому: “тайная сторона” родства с ним сохраняется на той линии и в том звене русской философской поэзии, которые Гонцов выбирает. По словам же самого Заболоцкого, “Боратынский и Тютчев восполнили в русской поэзии XIX века то, чего так недоставало (подчёркнуто мной. – **И. Р.**) Пушкину и что с такой чудесной силой проявилось в Гёте (в письме к Е. В. Заболоцкой от 6 апреля 1941 г.).

Именно эту, гётевскую “ветвь” отечественной традиции, исторически связанную с именами Ломоносова, Боратынского, Тютчева (“С цветущей ветвью говорил поэт, // Наверно так же...”) наследует Сергей Гонцов, отдав ей преимущество перед другими.

За что? За то, что это живая, полнокровная, цветущая ветвь (“И ветвь цветущая металась // В пространстве, занятом тобой, // И только чудное цветенье, во что поверить ты не мог, // И стало почвой, тяготеньем, // Перемоловшим древний рок” (“Цветущая ветвь”). За то, что “узость цветущей ветви” не вырвана классиками случайно из хаоса современной жизни, она – фрагмент мира в его целостности и красоте.

Тютчевская “цветущая ветвь” приводит Гонцова к дорогам древнего Рима

(“...предстала зрима // Ночная пыль извилистого Рима”). К временам античности и истории; “Пироскаф” же Боратынского мистически уводит за горизонт, к чудесному пределу мысли с одной целью: “Всё преложить, и свет, и тьму, // Поставить мерные творенья // На службу сердцу и уму // и дальше – только повторенья. // И кажется, что не ушёл // Поэт за край невероятный // А вновь, не лёгок, не тяжёл, // Перенимает путь возвратный”.

Фантастическое стихотворение “На приезд” о возможном прибытии уже не “Пироскафа” – позднего шедевра Боратынского, – а самого его создателя Евгения Абрамовича “в чёрном дилижансе” собственной персоной “в жизнь будущего века” можно прочесть как веру Гонцова в необходимость присутствия традиции философской мысли в художественном сознании нового столетия, диктующей “в паузах и сопряженьях” возможность мыслить современному поэту без нынешних – точно перечислены опасные места! – оголтелого лицедейства, утробного остервенения, демонического чернокнижья...

Не заглохнуть бы этой ветви, говорит нам Гонцов, с постоянной настойчивостью исследователя (показателен повтор одних и тех же определений – цветущая, царственная, чудная, многочисленные аллюзии, типично тютчевские зачины стихотворений: “Есть в радости несравненная мощь...”, “Есть образы всемирного коварства...”, “Есть беспределность мысли в тишине...”) – и лирической дерзостью поэта, создающего заново целый мир, “не взятый умом, // Но схваченный духом, как свет”. Обручем оксюморона стянуты противоположности: “Всё крепче золотая нить – // Всё тоньше зрение ночное. // Дуб, камень, вихрь соединить // В своё, небесное, земное”. Глагол “соединить” здесь равнозначен смыслу “сохранить”, сберечь человеку, какие бы разрушительные бездны перед ним не открывались, красоту Божьего мира и красоту мысли.

Красота – в Замысле Творца, его величии: “как первый свет, что Провиденьем дан”. Даже в древние времена, о чём поэту рассказывает искусство древнерусских миниатюр, “вечная битва с драконами на мосту”, когда “дракон и герой по колено в крови”, шла за “неслыханную красоту”. Они бьются за неё, ещё неведомую, будущую; глагол взят в настоящем времени, ибо бьются люди и по сию пору, не только в легендах. “Но всего любопытнее проявление в поэзии идеи красоты (разрядка автора. – И. А.), как прозорливо заметил в начале века XX Иннокентий Анненский в статье “Символы красоты у русских писателей” (“Вторая книга отражений”), посвящённой разбору и объяснению этих “символов”.

Идея красоты буквально пронизывает всю книгу Гонцова; она вынесена в название, запрятана в жанр “Столбцов”, ей дано специальное приношение “Похвала красоте” с оговоркой: “в которой она не нуждается”, что одновременно не исключает горестных lamentаций по поводу “исчезновения красоты”... “Красота потерялась, и нечего мыслить о ней”; с другой стороны, она есть, и никуда ей не деться, потому что “безысходность в красоте – и что-то дикое, как воля, // Мы перед ней всегда не те, // Ветвась, смущаясь иль неволя”. Эта мысль отчётливо выразила в “Столбцах о красоте” уже не прямым высказыванием, а через картину, увиденную в наши дни, с документальной точностью указано место – на станции под Псковом:

*Есть безысходность в красоте,
Но сколько прелести высокой
В дубовом правильном листе,
В чертах крестьянки одинокой.*

*С ней сероглазое дитя,
Что мыслит только чудесами,
А видит мир — под небесами,
Столпами дальнего дождя.*

*Они, как дальний гром, прошли,
И зноем царственным дохнула
В нечеловеческой пыли
Земля Богов и развернула*

*Неверный свиток вековой,
Поля, дубравы и озёра,
И тёмный стриж над головой
Мелькнул, как знаменье простора.*

*Они ушли за поворот.
Я не один на них дивился —
В священном ужасе народ
Вокруг таинственно толпился.*

Концовка стихотворения, в которую внесена трагическая нота ужаса (в духе Юрия Кузнецова), может показаться читателю неожиданной: что хотел сказать поэт? Что красота страшна в своей редкости, что лирический герой не один, а вместе со всеми испытал священный ужас перед ней и грозой, что современный человек почувствовал облегчение перед тем, что они исчезли — крестьянка и её дитя, и гроза — “столпы дождя” (какой объёмный образ — символ!), и опять развернулся “свиток вековой” покоя и царственной природы?

В стихотворении завязано много таинственных пучков смысла, но, пожалуй, нет этого: красота, ты опоздала. Она была и есть всегда в той философской концепции мира, которую создал Божий Замысел и которую “считывает” Гонцов. Для сравнения можно привести стихотворение известного польского поэта Станислава Гроховяка, где в совершенно иной культурной традиции, стилистической манере свободного самовыражения ставится и решается та же вечная проблема:

*Красота моя, ты опоздала.
Не было тебя раньше,
Не было в середине,
Теперь приходишь от порта.*

*Оттуда, из этого края,
Во сне просветлённого,
Дух Отца нисходит
С перекрытой аортой.*

*Истина, ты опоздала,
Не было тебя к сроку,
Не было после,
А я всё на том же месте.*

*Спрашиваю: “Кто виновен?”
Дух безмолвствует строго,
Только разводит руками
В прачеловеческом жесте.*

Перевод А. Байздренко

В сравнении с Гроховяком, чья мысль о современном человеке, разминувшемся с “истиной” (и в этом тоже его вина?), а потому и с красотой, экзистенциально безысходна и горька, у Гонцова отчётливее видно отличительное свойство и своеобразие русского поэта: красота не спешит никуда и никогда не опаздывает, потому что она дана нам Творцом и разлита в Божьем мире повсюду, ещё до нашего опыта и наших рефлексий.

Готово ли искусство сегодня на отстаивание и обогащение таких, исторически сложившихся в духе православия эстетических принципов “идеи красоты”, запечатлённых в легендах и житиях, в “Сказании о Деве Февронии”, в трудах отечественной философской мысли — от отца Павла Флоренского до Михаила Бахтина?

Иннокентий Анненский в уже упомянутой статье вспоминает слова Стендаля: красота — это обещание счастья. Готова ли поэзия сегодня так служить Красоте?

Гонцов, как никто из современных русских поэтов, поставив эту проблему, блестяще справляется с ней. За вычетом нашего разговора о концепции,

жанрах, традиции, внушённых книгой, читатель получит в остатке красоту самой поэзии. А это значит, что в вечной битве умозаключений критиков вокруг словесного поля победа достаётся поэту. На эстетических основаниях искусства. Там, где “зрими” “узость цветущей ветви” и “ночная пыль извилистого Рима”, дверь приоткрытая “течением света”, и ласточка, которая, “как бело-грудая волна”, сжимается “в замысел мгновенный”... “И в этот полдень золотой, // С подбоем мрака, с высотой, // В которой низ благословенный, // Как это странное гнездо, // А в нём и музыка, и слово, // И свет, и мрак, и дней основа, // И звук вселенной молодой”.

“Дар тайнозренья” автором назван ужасным. Он может быть дан и Поэту (вспомним пушкинского “Пророка”). Но различие между “мерзостью запустенья”, безобразным и прекрасным содержится в самом Божественном Замысле Творца, который их не уравнил (“Есть цвет, что Бог не уравнил. // А наугад с небес ронял...”), утверждая в божественном взгляде цветение мира – Красоту.

Автобиографическое точно так же, как и чрезмерно индивидуальное сознание человека, нередко подверженное разрушительной эрозии эгоизма, уходит у Гонцова на второй план или выносится за скобки, чтобы не мешать рассказу (любимое слово поэта) о собирании мира. Это можно рассматривать как реакцию на ситуацию в текущей современной лирике, где расплодилось и продолжает плодиться множество безликих самовыражений лириков “в дурацком колпаке” (выражение И. Северянина). Отчасти – как перестройку художественного зрения поэтов, выразившуюся в возвращении к традиции русской поэзии мысли с её рассказом о мире больше, чем о себе...

Ещё в конце 1980–1990-х годов, когда стали появляться первые публикации стихов молодого Сергея Гонцова, критики обратили внимание на эту особенность, указав на родство его с Юрием Кузнецовым. Он, Гонцов, – “младший брат Юрия Кузнецова (может быть, двоюродный), родившийся в иное время и получивший новый опыт, новые впечатления”, – писал Владимир Славецкий в статье “По ту сторону” (“Русская поэзия 80–90-х годов XX века. Тенденции развития, поэтика. М., Литературный институт им. А. М. Горького, 1998. С. 40). Родство устанавливалось критиком исключительно на основании общности масштаба лирического пространства, правда, с оговоркой, что Гонцов не столь “безнадёжно неприютен” и “надрывен”.

Опыт Юрия Кузнецова был, безусловно, внимательно изучен и осмыслен “младшим братом” как значительный современный опыт (кузнецовский “след” сохраняется в ряде стихотворений: “Пошёл я по белому свету...”, “Неизвестная битва на Красной Поляне”, “Зелёное вече” и др). Но, думается, сегодня – и данная книга даёт все основания для этого – нужно говорить о том, что Гонцов пошёл по другому пути, отличному от пути автора “Атомной сказки”.

Не чёрные дыры, зияния, провалы в мироздании, фантомность и абсурдность человеческого бытия, смещение традиции поперёк её “золотого”, классического сечения, легко угадываемая злободневность публицистических сентенций, что характерно для Юрия Кузнецова, а сложение мира, соединение фрагментов, восстановление большой классической традиции и её отдельной “ветви” – звена русской философской лирики Ломоносова-Боратынского-Тютчева. Взаимосвязь небесного и земного, природного и духовного – это вектор совершенно иного художественного мышления, которому следует Гонцов. Всё подвержено памяти – благодарной, восхищённой, светлой. Всё подвержено Божьей красоте:

*Дубовый листочек, объятый тьмой,
Напоминает о Боге алмазной каймой.*

Он напоминает нам также о лермонтовском “бедном дубовом листочке”, том самом, что когда-то оторвался от “ветки родимой”, а здесь как бы вновь вернулся в райскую обитель: “почти невидимый, он всемогущ, // Только проявившись, уже велик, // Птица Алконост и птица Сириус // В раю склонили чудесный лик”. Перед этим божественным наклоном красоты поэт прозревает, как в отдельном дубовом листочке живёт, цветёт и поёт целое Древо Мироздания.

“Генетическая память литературы” (определение и одноимённое название книги Сергея Бочарова 2012 года) действует у Сергея Гонцова не только на

“странных сближениях”, но и, пользуясь бочаровским выражением, на “свободных параллелях”, которые не объяснить многочисленными аллюзиями, обострённой реакцией на “чужое слово” (хотя здесь прямо-таки хлеб насыщенный для филолога-исследователя отечественной поэзии второй половины XX и начала XXI века).

Это явление можно и нужно рассматривать как свидетельство присутствия особой культурной сверхпамяти — “памяти жанра” (по М. Бахтину), “резонантного пространства” (по В. Топорову), “национальной топики” (по А. Панченко), “чертежу вселенной” (по Владимиру Державину).

В случае Гонцова, пожалуй, скорее всего, необходимо говорить и о новых формах наследования большого смыслового контекста, сопряжённого с входением в единое смысловое пространство литературы, в котором, по точному замечанию рецензента бочаровской книги, “никакие вопросы и художественные задачи, даже уйдя на время в тень, не исчезают бесследно” (М. О. Переяслова). Вот стихотворение “Сад памяти матери”. Оно не построено, но как бы случилось таким чудесным таинственным образом, что трудно понять, то ли в основе памяти (авторской) лежит рассказ матери о её саде, когда-то поведанный сыну, то ли это авторское посвящение памяти матери в форме символа — образа сада: оба эти смысла мерцают, колеблются, сливаясь воедино в особой, завораживающей интонации обращения — “ты”:

*Пробегала впотьмах, босая,
Вдоль шиповника и жасмина...
Не дежурила смерть косая,
И стопы не брала чужбина...*

Жизнь матери вбирает в себя красоту не просто сада — целого мира. Автор говорит, что в земном своём бытии она “...не думала о высоком”, но мы видим; земное и небесное здесь были рядом: “Небеса развиднелись — рядом, // И Венера, и Марс, и Лира, // Белоснежным чудесным садом // и внезапным сложеньем мира”. Пробегка по саду — это странствие Души по миру, божественная мистерия с Раем и адом, где “ад” отодвинут. А главное — неуловимая, органичная абсолютно художественная подвижность перехода конкретного, частного, земного к целому (“Этот мир — на твоих ресницах”, “Это все твои звери и птицы”, и колосья, и пчёлы, и воды...”), к божественному Замыслу Творца — Создателя, могущему подарить каждому человеку — близкому или далёкому — Сад памяти.

Образы “Дуб, Камень, Единорог” — это образы-символы, проходящие через всю книгу насквозь. Повтор их постоянен и устойчив, он органичен, перезванивает, мерцает во всех звеньях художественного мышления. Гонцов чувствует себя естественно и в регулярном, и в свободном стихе, не думая о том, причислят ли его к архаистам или новаторам.

Даже говоря о своих старших учителях в поэзии века, в котором он родился, выстраивая их парами: “Бунин строгий и Гумилёв точный”, “Заболоцкий с Платоновым вместе”, — он делает характерное признание: “Я знал, что вашими временами // Жизнь оденется, словно дуб широкий”. Подсказка приходит, как всегда, из классики: “Надо мной чтоб, вечно зеленея, тёмный дуб склонялся и шумел” (Лермонтов). У Гонцова этот тёмный дуб — “трёхвековой”, “широкий”, “уссурийский” и “золотится в пыли”.

Не исключено, что повтор одних и тех же образов и мотивов может вызвать у дотошного критика и нетерпеливого читателя чувство раздражения: зачем так много и настойчиво?

Но Гонцов отвечает им и вдумчивому серьёзному читателю: “Этот мир — фигура повтора, // Но от этого он прекрасней // Даже мыслимой жизни райской, // Тут повторенной”. Мировое Древо — это целый зелёный материк, обнимающий Древность, Запад и Восток, Океан и Пустыню, Лес и Степь, Горы и Равнины; это огромное пространство... И “не относится ли оно к тем первофеноменам, при встрече с которыми, по словам Гёте, человека охватывает род испуга, чуть ли не ужаса?” — вопрошал Хайдеггер (в статье “Искусство и пространство”).

Книга Гонцова ответила и на этот вопрос. Она не просто новость в художественной практике современности, что приходит и уходит, а обещание долгосрочного присутствия замысла в отечественной культуре.

Книга Гонцова – это факт высокой культуры в том её понимании, которое дал Кшиштоф Занусси в интервью “Литературной газете” (2013, № 44): “Если объём широкий, значит, высокая культура, а если узкий, элементарный метод – значит, он для толпы”.

Поэт прочитал себя, а оказывается, прочитал нас, русских, в истории мировой культуры (библейской, европейской, восточной – Евразийской).

Это книга – событие, но не в поэзии неомодернизма. Она идёт с другим эстетическим знаком.

От литературоведения и критики она потребует обширного разветвлённого и нового знания, ибо сама вобрала в себя его лучшую часть. От критики – чёткого разделительного критерия, пролегающего сегодня между “высокой” и “низкой” культурой (“Толпа имеет настолько серьёзную покупательную силу, что у неё складывается впечатление, будто её голос культуре равен”, но это не так, “она сильно требует, как всегда, своей дешёвой культуры. Мы из вежливости называем её популярной, но на самом деле это слово в данном контексте означает “низкая”: К. Занусси).

Есть ещё один смысл, который несёт в себе эстетика Гонцова по собиранию мира, – это освобождение человека от раздробленного, сектантского, узко-фасеточного зрения. “Область наивысшей красоты”, в которую мы попадаем в этой книге, могла бы стать зоной примирения двух враждующих “станнов” – почвенно-русофильского и либерально-западного. В признании того, что ценности художественного сознания существуют неопровержимо в своей тайной свободе и независимо от ложных, предвзятых или однобоких мнений. . .

Об одном из них прекрасно сказал Борхес: “Я думаю, что люди всегда ошибаются, когда считают, что лишь повседневное представляет реальность, а всё остальное ирреально. В широком смысле страсти, идеи, предположения столь же реальны, как факты повседневности. Я уверен, что все философы мира влияют на повседневную жизнь. . .”

Достоин удивления, продолжает далее он, что “с годами человек заселяет пространство образами провинций, царств, гор, заливов, кораблей, островов, рыб, жилищ, орудий труда, звёзд, лошадей и людей. . . ему открывается, что терпеливый лабиринт линий тщательно слагает черты его собственного лица”.

Так сложил своё “собственное лицо” и поэт Сергей Гонцов.

БОРИС КУРКИН

“МЕСЯЦ СВЕТИТ, МЕРТВЕЦ ЕДЕТ”

Мистика “Бориса Годунова”

Я очарован слогом письма Пушкина...

Николай I — Бенкендорфу,
сентябрь 1826

*Я познакомился с поэтом Пушкиным.
Рожь ничего не обещающая. Он читал
у Вяземского свою трагедию “Борис
Годунов”.*

А. Я. Булгаков, московский
почт-директор — К. Я. Булга-
кову. 5 октября 1826

Все смуты похожи одна на другую.

Пушкин — Бенкендорфу,
16 апреля 1830

Если бы современные исследователи писали аннотацию к этому произведению, то она вполне могла выглядеть так: “В основу данной трагедии положены реальные исторические события, относящиеся к эпохе ранних “цветных революций”.

Могучее и успешное государство размером в четверть Европы подвергается агрессии со стороны некой малочисленной частной военной компании (ЧВК), состоящей из всякого международного сброда. Правительственные войска не оказывают ей сопротивления, и она триумфально входит в столицу.

Народ приветствует вторжение и, подстрекаемый атаманами ЧВК, порывается физически устранить законного верховного правителя страны. Однако его в том опережают представители верхушки властвующей элиты, ликвидирующие главу государства.

Автор скрупулёзно исследовал работы современников — свидетелей этих событий — и попытался адекватно передать их дух и содержание. Для верного понимания и истолкования происходившего он разработал оригинальный метод, с помощью которого попытался перевести смысл и содержание идей и понятий описываемых им событий на язык современного ему читателя. Это было достигнуто с помощью первозданных смыслов лексем, трансформированных в процессе общественно-исторического развития.

Свидетели и очевидцы государственной катастрофы, незнакомые с основами социально-экономического и классового анализа социально-политических конфликтов, а также теорией молекулярной культурной революции А. Грамши,

толковали случившееся преимущественно идеалистически – в религиозно-мистическом духе. С учётом этого обстоятельства для адекватного прочтения и уяснения смысла использованных источников, автор, разделяющий по большей части воззрения своих предшественников, использует в своём исследовании определённый набор лексикологических средств, обращение к исконному смыслу которых позволяет осуществить адекватный перевод содержания понятий прошлого на язык современности.

Для специалистов в области истории, социологии и политологии. Наглядно демонстрирует возможности эффективного использования культурных кодов электората при осуществлении государственных переворотов”.

Прочитав такую аннотацию, можно подумать, что речь идёт о каком-то фантастическом триллере или увлекательном детективе с элементами прогностики, выпущенного с ведома или по наущению спецслужб из серии “Библиотека военных приключений” (была у нас такая в 50-е годы).

Однако речь идёт, как нетрудно догадаться, о “Борисе Годунове” А. С. Пушкина – о нашей с вами истории, что пуще любой фантастики.

Как исключительно точно подметил Ив. Киреевский, в “Борисе Годунове” Пушкин развил тему **фактических** последствий цареубийства. И то, что вследствие этого рухнуло государство, должно наводить – особенно современного читателя! – на размышления о том, что есть Царь православный и каково его место в существующем миропорядке.

По прошествии времени даже самые невероятные исторические события начинают казаться обыденными и легко объяснимыми: они превращаются в привычные, лишённые покрова загадочности и непостижимости, столь поражавшие современников. Вот и события русской Смуты воспринимались в пушкинские времена в качестве *преданий старины глубокой* – чем-то вроде сказки со счастливым концом для взрослых и детей. А ведь было чему поражаться! Гибель Московского государства от “бродяги” и “ничтожной толпы его сообщников” являлась событием куда более катастрофичным, нежели Русская трагедия 1991 года, а по своему “невероятию” и глубине едва ли не превосходила катастрофу 1917 года.

Уже в пушкинские времена сему приискивались объяснения: дескать, народ устал от тиранства Годунова со всеми из того вытекающими последствиями. Однако при этом как-то забывалось, что в истории случались тиранства и похлеще годуновских, которые, тем не менее, безропотно сносились. Разумеется, раз на раз не приходилось, но всё же...

Современники же Русской смуты не видели никакого иного объяснения случившемуся, кроме вмешательства сил неземных, потусторонних, ибо всё произошедшее на их глазах превосходило всякое воображение и описание. Жившие в ту пору русские люди ещё не были обработаны кислотами идей гуманизма, Просвещения и потому не были убеждены в том, что “всем распоряжком на земле управляет сам человек”.

“Борис Годунов” – вещь предельно мистическая, несмотря на столь же предельную ясность формы. Особенность мистики пушкинского “Бориса Годунова” заключена в том, что в нём нет никаких “мистических спецэффектов”, вроде “тени отца Гамлета” или ведьм, как у Шекспира. Всё очень рационально, и мотивы действующих лиц прозрачны и понятны. Просто всех засасывает воронка Смуты, как бы сама собой образующаяся. Иными словами, как только оказывается нарушен установленный Богом Порядок, весь социальный организм охватывает судорога. И тотчас же, словно бес из табакерки, объявляется Самозванец – орудие Смуты. У него, возомнившего себя своевольным субъектом, а не объектом Промысла Божия, свои, чисто личные мотивы “возглавить процесс”, однако он всего лишь невольник разворачивающихся событий.

Не случайно последний раз в трагедии Самозванец появляется в сцене “Лес”, из которой мы узнаём, что всё войско его “побито в прах”. Казалось бы, полная катастрофа. Но нет! Запущенный некогда процесс вносит окаянного Гришку Отрепьева в Кремль, словно Цезаря в Колизей. Уже одним этим Пушкин показывает, насколько волен Самозванец в своей судьбе, каковы “пределы и параметры” его “свободы”. Делать Гришке Отрепьеву в пьесе и впрямь больше нечего, и он оказывается... за ужином. Но не там, где он ест, а там, где едят его самого: “у него как раз собрался некий сейм “политических червей”¹, как говорит принц датский.

И тут в пору обратиться к этимологии слова “**мистика**” – “**мистикос**”, по-гречески.

Слово “мистикос” происходит от глагола посвящать, приносить в жертву. Корень этого слова – костный мозг, глубинная структура. То есть, “мистикос” означает нечто, относящееся к глубинным структурам человека и общества.

Вторую часть слова можно рассматривать как суффикс, а можно и как второй корень (в греческом языке это довольно частое явление). “Стикос” означает “татуированный”, “заклеймённый”. Иными словами, “мистикос” может означать и “заклеймённые глубины”. Помните слова весьма популярного некогда гимна? “Вставай, проклятьем заклеймённый”? Эти слова не случайны. По учению святых отцов (например, Макария Великого), сатана – древний змий – живёт именно в глубинах сердца грешника. “Мистикос”, в таком случае, будет дословно означать призывание прячущегося в бездне человеческого сердца змия. Тут можно вспомнить йогические и тантрические практики “пробуждения змея кундалины” в Индии, но тут мы уже углубимся в такие дебри, из которых можем и не найти выхода. Или вернёмся совсем не такими, какими бы нам хотелось. А то и вовсе не вернёмся.

Вот и Достоевский приходит на ум: “Тут дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей”...

Как говорил царь Давид, глубоко сердце человека, и только Бог может познать его. Оно подобно морю, в котором живут разные гады, животные малые и великие: страсти, злые привычки, гордыня, ненависть, злоба, зависть, блуд, нечистота, волшебство и чародейство. Эти страсти в разной степени живут в сердце человека. А над ними скрывается дьявол, действующий через страсть гордыни. Отсюда и это: “Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит” (**Пс. 50:18**).

Борьбу страстей в сердце человеческом Пушкин также отразил в своей трагедии.

Пушкин писал своего “Годунова” в своём родовом гнезде на Псковщине. “Там русский дух... там Русью пахнет!” Здесь молодой, удалённый из столиц, подозреваемый в атеизме вольнодумец (не только политический, но и религиозный – автор почти что богохульных стихов) замысливает написание народной трагедии. Точнее, она сама приходит ему на ум. Он изучает русские летописи, Жития святых. И поразительное дело! После возвращения из ссылки он больше не напишет ни одного сомнительного в религиозном отношении стиха, ни единой строчки!

В “Борисе Годунове” Пушкин заявил себя в качестве православного художника, то есть человека, в основе внутреннего мира которого, включая художественный, мировоззренческий, идейный и проч., лежит матрица православных (евангельских) ценностей.

Истоки и источники

Для расшифровки скрытых тем и пластов пушкинской трагедии нам необходимо будет погрузиться в старинные источники, проникнуться их духом. Справедливость пушкинских слов о том, что в летописях он “старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени”, подтверждали исследования пушкинистов дореволюционной поры. Летописями дело не ограничивалось. Так, в академическом издании сочинений А. С. Пушкина 1916 года ряд исторических источников указываются прямо: это, прежде всего, так называемый “Новый Летописец”, Житие царя Феодора Ивановича, составленное патриархом Иовом (точнее: **“Повести о житии царя Феодора Иоанновича”**. – Б. К.), Сказание Авраамия Палицына, Грамота об избрании Бориса Годунова, “Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства” и пр. (М. 1781, 1788). “Много известий о времени Бориса и Самозванца было собрано кн. Щербатовым в VII томе его “Истории Российской”. Пушкин имел в своей библиотеке и “Древнюю Российскую Вивлиофику” Новикова, и сочинение капитана Маржерета “Estât de l’Empire de Russie”, P. 1669 в новейшей перепечатке 1821 года. Таким образом, наряду с подробностями, взятыми у Карамзина, в “Борисе Годунове” встречается много такого, что было почерпнуто непосредственно из источников. В этом отношении следует, прежде всего, отметить, что и первоначальное заглавие пьесы: “О настоящей беде Московскому государству и о Гришке Отрепьеве” взято из “Летописи о многих мятежах и о разорении Московского Государства”, на которую указывал сам Пушкин и которую он читал, конечно, в издании Н. И. Новикова” (**Сочинения**

Пушкина. Издание Императорской Академии наук. Том четвёртый. Пет-роградъ, 1916. С. 170).

Дух использованных Пушкиным источников очень интересен, и он отражён в пушкинской трагедии в качестве вполне определённого – религиозно-мисти-ческого – видения, понимания и объяснения событий, и для его расшифровки в “Борисе Годунове” от читателя требуется понимать и толковать слова в их ис-конном, изначальном смысле и значении. Именно лексическими средствами Пушкин добивается передачи духа и смысла творчески переработанных и ус-военных источников.

Таким образом, первейшим условием выполнения поставленной нами за-дачи будет адекватное понимание, прочтение и истолкование слов и понятий, содержащихся в пушкинском тексте, вложенных автором в уста своих героев. Такие слова, как “чары”, “ворожба”, “колдун” несут отнюдь не “художественно-аллегорический”, а прямой и совершенно однозначный смысл, ускользающий от современного читателя, да и от читателя пушкинской поры: уже тогда в умах образованной публики “стихийный материализм” цвёл махровым цветом.

Понимание и трактовка трагедии напрямую зависят от того, кто её читает и интерпретирует: верующий человек или неверующий. Религиозное и матери-алистическое прочтение трагедии дадут два совершенно разных результата, свидетельское чему – советская атеистическая филология. А ведь трагедия пи-салась тогда, когда существование двух миров – мира горнего, идеального, вышнего и мира земного, причём миров сосуществующих и взаимопроникаю-щих при безусловном верховенстве мира горнего – было официальной государ-ственной доктриной.

Дерзнём утверждать, что “Борис Годунов” – это продолжение традиций русской литературы XVII века, в которой Самозванец объявлялся “сыном тьмы”, а не просто политическим авантюристом, каковым его, в сущности, изобразил масон Н. Карамзин.

В “Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства” прямо говорится: “Явился предтеча богоборного антихриста, сын тьмы, родич погибели, из чина иноческого и дьяконского и вначале светлый ангельский чин отринул и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского. И бежал в Польшу и там скрижали сердца своего бес-численными богомерзкими ересями наполнил и, тьмообразную свою душу ещё больше предавая в руки сатаны, вместо святой христианской веры гре-ческого закона лютеранскую трюкайную веру возлюбил. И бесстыдно назвал себя царём Димитрием, вечнопамятного царя Ивана сыном, утверждая, что избежал рук убийц”.

Да, в “просвещенные” пушкинские времена такую интерпретацию лично-сти Самозванца, обращённую к тому же “образованной и просвещённой пуб-лике”, сочли бы “экстремистской” и воспринимали бы её, как минимум, в ка-честве проявления “обскурантизма”, “мракобесия”.

Но было и есть над чем задуматься при погружении в столь невероятную даже по нынешним меркам историю. Однако то, что воспринималось на Руси в XVII веке в качестве “шествия Бога в мире”, то есть исключительно с религи-озной точки зрения, в “просвещённый” пушкинский век стало восприниматься сугубо обмирщённо, “посуюсторонне”, атеистично. Для “просвещенцев” такое понятие, как святость, или рассказы о младенце-чудотворце – “поповские сказки”. Уже в XVIII веке священная и мистическая по своей природе фигура Православного Царя перестала восприниматься “образованными людьми” в качестве таковой, а в веке XIX считалась и вовсе первым чиновником госу-дарства. Сам же век Просвещения стал веком узаконенных цареубийств. Религиозный запрет на убийство монарха был давно снят с повестки дня, и ос-тавался лишь вопрос о его чисто политических издержках.

Отважимся утверждать, что, написав свою трагедию, Пушкин рассказал современным ему языком мистическую историю двухсотлетней давности о Самозванце, расставив для понимающих слова-“маячки”.

Истинное и невероятное

Гай Светоний Транквилл предпосылал каждой из биографий двенадцати цезарей рассказ о знамениях, предварявших судьбоносные моменты в жизни своих героев. Свидетели и очевидцы зафиксировали такие знаки и в судьбах Самозванца и Бориса Годунова.

Историк С. М. Соловьёв перечисляет знамения, предшествовавшие пришествию Самозванца: "...в народе шли разговоры о странных явлениях, предвещавших что-то удивительное: на небе по ночам сражались друг с другом огненные полчища, являлось по два месяца, по три солнца; неслыханные бури сносили верхи башен и кресты с церквей, у людей и животных рождались уроды; птица и рыба, приготовленные для стола, теряли свой настоящий вкус; собака пожрала другую собаку, волк — волка; волки ходили огромными стаями и были страшным образом; лисицы среди белого дня бегали по Москве; летом 1604 года показалась яркая комета; Борис призвал старика астролога, которого выписал из Лифляндии, и велел дьяку Афанасию Власьеву спросить у него, что это значит? Астролог отвечал, что Господь Бог этими новыми звёздами и кометами остерегает государей: пусть и царь теперь остережётся и внимательно смотрит за теми, кому доверяет, пусть велит крепко беречь границы от чужеземных гостей.

Опасные гости в самом деле шли к границам Московского государства: 15 августа 1604 года Лжедмитрий выступил в поход" (**Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. // Сочинения в 18 кн. М., "Голос"; "Колокол-Пресс", 1993–1998. Т. 8).**

В свою очередь Н. М. Карамзин писал, что в день своего триумфа — въезда в Москву, "когда Лжедмитрий чрез Живой мост и ворота Москворецкие выехал на площадь, сделался страшный вихрь: всадники едва могли усидеть на конях; пыль взвилась столбом и заслепила им глаза, так что Царское шествие остановилось. Сей случай естественный поразил воинов и граждан; они крестились в ужасе, говоря друг другу: "Спаси нас, Господи, от беды! Это худое предзнаменование для России и Димитрия!"

Смерть великого авантюриста тоже сопровождалась знамениями. Как писал в своих воспоминаниях голландский торговец и дипломат Исаак Масса, "когда тело [Димитрия] убрали, в ту самую ночь в окрестностях Москвы соделалось великое чудо, ибо все плоды, как злаки, так и деревья посохли, словно были опалены огнём, да, и так [было] на двадцать миль вокруг Москвы, да и вершины и ветви сосен, которые всё время, и зимой и летом, бывают зелёными, повысохли так, что жалостно было глядеть. Того ради московиты говорили, что он [Димитрий] и мёртв, но душа его с помощью дьявола творит чары, поэтому почли за лучшее сжечь его тело и, отыскав, взяли его, а также крепость, которую он повелел зимой выставить для потехи на лёд и которую прозвали **чудищем ада**, и отвезли за Москву на речку Котёл и там сожгли и прах развеяли по ветру, и полагали, что, совершив всё это, будут жить без страха и заботы..."

Затем во всей стране наступил жестокий мороз, который также погубил большую часть плодов, так что они и не знали, что сказать, ибо он [Димитрий] уже был сожжён; и они глядели друг на друга, не ведая, по какой причине это случилось" (**Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С. 147–149).**

Карамзин добавляет о жестоких морозах, что "**суеверие** приписывало такую чрезвычайность волшебству расстрели и **видело какие-то ужасные явления над его могилою**; чтобы пресечь сию молву, тело мнимого царедвья вынули из земли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда Самозванец пришёл в Москву с великолепием! Ветер развеял бранные остатки злодея; но пример остался".

При всём том, что история с Самозванцем называется Карамзиным "неимоверной", никакой "мистической составляющей" в его повествовании не ощущается. Скорее, наоборот: он ищет и находит сугубо мирские, посясторонние причины, объясняющие события Смутного времени, часто используя масонскую фразеологию. В историческом повествовании писателя мы не найдём слов "Бог", "Господь", зато мы встречаем у него типичные масонские выражения: "Святое Провидение", "Вера и надежда Небесная", "Действие сверхъестественное".

Пушкин, посвятивший Карамзину свою трагедию "Борис Годунов", тоже, на первый взгляд, даёт сугубо земную картину Смуты. Но лишь на первый взгляд — беглый и невнимательный. Мистика происходящего, как мы уже говорили выше, зашифрована в пушкинской лексике.

"Инфернальную" версию образа Самозванца Пушкин даёт очень дозированно, осторожно и скупно. Сейчас трудно разобрать, где Пушкин следовал

духу Смутного времени, а где выразил свою личную точку зрения на личность Самозванца. Тем не менее, текст есть текст. Начнём с того, что сон инока Чудова монастыря Григория есть искушение, бесовское наваждение. Он и сам прекрасно понимает природу своего троекратно виденного сна:

*А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
(Здесь и далее выделено автором. — Б. К.)*

Что же это за враг, “мутивший” инока? Нетрудно догадаться. Это “враг рода человеческого”, диавол².

Троекратное повторение навязчивого сна — знак того, что “послание” иноку Григорию из миров запредельных далеко не случайно, а имеет характер “настоятельной рекомендации”, а то и “прямого указания”. Как бы то ни было, а сделку с дьяволом Григорий совершил. В своей прелестной грамоте “к Синклиту, к большим Дворянам, сановникам, людям приказным, воинским, торговым, средним и чёрным” Самозванец называл Бориса Годунова “лукавым”. Об этом писал Карамзин. То было ничем иным, как “демонизацией” царя со стороны Лжедмитрия. Не сказать, что она была несправедливой. Но в том и её лукавство.

Самозванец изображён и у Пушкина лицедеем — льстецом, лжецом. Поведенчески, психологически Самозванец близок всему “театральному”, “актерскому”. Показательно, что когда тело убитого — исторического Самозванца — было выставлено на позор на Лобном месте, то в рот ему засунули дудку, на брюхо положили маску или, как говорили в старину, “харю”, под мышку — “пузырь”, то есть скоморошью волюнку.

Через сто с лишним лет другой самозванец — Емельян Пугачёв — скажет на следствии: “Бог решил наказать Россию через моё окаянство”.

“Через моё окаянство”.

Этимология же слова “окаанный” такова: ‘прóклятый, безбожный, греховный, нечестивый, проклятый, нечистая сила, бес, чёрт’.

Соответственно “жить в окаянстве” означает пребывать в состоянии греховном, нечестном, нечестивом и — самое важное и главное! — состоянии **одержимости бесами, прóклятом**.

Григорий и сам в том признаётся в своей гордыне: “Виновен я; гордыней обуянный, // Обманывал я Бога и царей, // Я миру лгал; но не тебе, Марина ...”

“Обманывал Бога” звучит до крайности комично. Это и впрямь редкая гордыня. А может, сидевший в нём бес и впрямь был уверен в том, что удачно обманывал Бога? О том же свидетельствуют и исторические источники. Читаем у Исаака Массы: “Мы хотели обмануть Бога”, — писал современник, один из знатных яхвов, уверяя бессовестно, что король и республика не участвуют в Димитриевои предприятии” (*Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С. 85. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/mas_txt.htm*).

Самозванец по природе своей — лжец. Бесовский сын. Сын отца лжи.

Расстрига Григорий толкуется Авраамием Палицыным в главе четвёртой “О розстриге Григории и о смерти царя Бориса” его “Сказания...” как антихрист, посланный сатаной. Дальнейшее изложение приобретает ещё более драматический характер: антихрист Григорий в союзе с иноверцами пытается не просто захватить Русь, но искоренить последнее в мире государство, сохраняющее православную веру. При таком осознании событий взаимосвязь частного (грех царя) и общего (бедствие государства) становится закономерной”. Любопытно, что чернокнижником называли Григория и ляхи. А что такое чернокнижник? Это человек, заключивший договор с дьяволом. Вот и академик А. М. Панченко в своём фильме “Русские цари. Самозванец на троне. Фильм второй” называл исторического Григория Отрепьева “чернокнижником” и “русским Фаустом”. Замечательный русский учёный говорил в своём фильме о Лжедмитрии как о человеке, заключившем — в самом натуральном смысле — союз с нечистой силой.

И вот “явился предтеча богоборного антихриста, сын тьмы, родич погибели, из чина иноческого и дьяконского и вначале светлый ангельский чин

отринул и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского” (*Плач о пленении и о конечном разорении Превысокого и Пресветлого Московского государства. В пользу и в поучение слушающим*).

Когда знаменитый писатель XVII века Иван Тимофеев говорил о том, что Лжедмитрий “получил власть от бесов, благодати не суши”, “еретическими наступив ногами царствопомазание”, “не было на лжецаре благодати, и не от Бога был он венчан на царство”, то он выражал не только своё личное, но и господствующее в своё время мнение.

В Примечании 50 Б. А. Успенский отмечает, что самозванцы ВОСПРИНИМАЛИСЬ как колдуны постольку, поскольку они воспринимались как самозванные, ряженные цари (*Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 109*).

Теперь посмотрим, как характеризуется Самозванец персонажами пушкинской трагедии. Патриарх говорит о Григории как о “сосуде дьявольском”, “врагоугоднике”, “бесовском сыне”, “расстриге **окаянном**”, “воре”, “бесстыднике” (“Он именем царевича, как ризой // **Украденной, бесстыдно** облачился”).

Пушкину недостаточно внешней характеристики героя, взгляда на него со стороны другого персонажа, кого-то извне. Он непременно дополняет образ взглядом героя на самого себя. “Дублирует” тезис, не давая тем самым повода сомневаться в правильности выдаваемой герою “характеристики”. Два главных героя – Борис и Самозванец – описываются не только другими персонажами, но и исповедуются сами. И наложение одного видения героя на другое придаёт его образу устойчивость, доказывая читателю его объективность и истинность.

Одна существенная деталь: Патриарх, характеризуя действия Григория, на первое место по тяжести преступления ставит преступление беглеца против Веры (объявление себя “царём”) и лишь на второе – чисто “государственное” преступление (угождение сеянием смуты врагам-иноземцам, супостатам). Так мог поступить и впрямь лишь “бесовский сын”.

Самозванец же вослед за Патриархом и сам признаёт себя “врагоугодником”. Признаёт себя Отрепьев и обманщиком, лицедеем: “. . . и поляков безмозглых обманул”. Таковым его считает и Пушкин (разумеется, не только автор трагедии, но и её персонаж), называя Григория “**смелым плутом**” и “**бесстыдным самозванцем**”. “Безумный розстрига”, “окаянный”, “обуреваемый велехвальной гордыней” – так характеризует Самозванца в своём “Сказании” Авраамий Палицын.

Еретик

Когда русские источники XVII века говорят о Самозванце, неизменным эпитетом его становится “**еретик**”. Иной современный читатель “Бориса Годунова”, тем более знакомый с высказываниями современных либеральных богословов, усмехнётся: “Ну, какая же ересь содержится в “послании” Гришки Отрепьева: “Буду царём на Москве!” Мало ли кто вообразит себя испанским королем, что ж с того?”

Надо сказать, что Пушкин и сам дал повод для такого отношения к делу. Вспомним сетование Патриарха: “Уж эти мне грамотеи! Что ещё выдумал! Буду царём на Москве!.. Эдака ересь!.. Ведь это ересь, отец игумен”.

“Ересь, святой владыко, сущая ересь”, – с готовностью поддакивает своему начальству Игумен. Здесь, однако, как подчёркивает известный отечественный исследователь Б. А. Успенский, следует помнить, что слово “ересь” на Руси было довольно многозначно. В просторечии и быту слово “еретик” звучало крайне оскорбительно, а словосочетание “еретическая книга” означало, помимо прочего, “волшебная”, “колдовская”. Фольклорные источники говорят, например, о некой “еретической книге”, которую постоянно читает Лжедмитрий (*Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 91*).

“Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный дьяволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями”³.

“Греху раб и еретик”, – обличал в глаза Самозванца, ставшего уже царём, благочестивый и мужественный дьяк Тимофей Осипов, о чём повествует Авраамий Палицын.

“Беглым монахом, который **дьявольским научением и еретическим умыслением** назвался именем царевича”, предстаёт Самозванец в “Сказании о Гришке Отрепьеве” – памятнике политической литературы XVII века.

Если истинные цари получают власть от Бога, то ложные цари получают её от дьявола. Так на Руси традиционно раскрывается духовная суть самозванцев, ибо это не просто авантюристы или узурпаторы власти, а нечто более серьёзное и страшное: дьявольское. Ведь именно здесь кроется тот возмущающий нынешних либералов, в том числе и церковных, факт, что Церковь предавала самозванцев анафеме.

“Тень Грозного меня усыновила”

Инфернальность фигуры самозванца подчёркивается Пушкиным не только указанием на то, что он еретик. Автор использует и иные лексические средства. Многие раскрываются в сцене у фонтана, когда Самозванец **гордо**, как свидетельствует авторская ремарка, говорит Марине: “Тень Грозного меня усыновила”.

Уместно будет напомнить, что синонимами слова “тьень” являются “призрак”, “привидение”. Тотчас же приходят на ум “Тень отца Гамлета” и “бродящий по европам призрак”. Помнится, призрак отца Гамлета “неуязвим, как воздух”, был приговорён по ночам скитаться, а днём томиться в мучительном серном пламени, “пока грехи земной природы не выжгутся дотла”.

Итак, “усыновило” Самозванца **привидение** царя Иоанна, **призрак** Грозного царя, а не душа его, не дух его. Но что такое привидение? Это странствующая без пристанища, не упокоенная, не отпетая душа. Но Иван Грозный был отпет, как ему по чину и полагалось, – по царскому чину. Так что привидений никаких не должно было и не могло быть. Разумеется, это метафора, которую использует Самозванец. Ну да, ему “знаком латинской музы голос”, не правда ли? А если тень Грозного – это бесовское искушение – и впрямь являлась ему? Как бы то ни было, а указание на **нечистый** характер “усыновления” инока Григория в пушкинском тексте присутствует, причём явственно.

В статьях “В зрелой словесности приходит время...” (1828) и “Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина” (1833) Пушкин упоминает балладу Катенина “Ольга” – вольный и оригинальный перевод баллады Г. А. Бюргера “Ленора”. Пушкин отмечает простоту и “даже грубость выражений”, когда слово “сволочь” заменяет “воздушную цепь **теней**”. Напомним, что под “**сволочью**” у Катенина имеются в виду “**адски духи**”. Таким образом, “тьень” и “адски духи” становятся синонимами.

Интересно и то, в какой момент беседы с **гордою** полячкой Мариной произносит самозванец свои **гордые** (подчеркнём это! Опять гордыня! – **Б. К.**) слова. Уже после того, как он признался Марине, что является вором. Однако гордыня – не единственное, что роднит и объединяет Самозванца и Марину. Марина тоже живой мертвец.

“Мёртвая царевна”.

Помнится, кавалер на балу у воеводы Мнишка говорит о ней следующее:

... мраморная нимфа:

Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Но этого мало. Пушкин добавляет ещё одну реплику, усиливающую впечатление тлена:

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом

Любовницей, ему принадлежащей.

“Любовница мертвеца”. Разумеется, логически рассуждая, речь идёт совсем о другом: о том, что Марина любит царевича в Димитрии, а не Димитрия в царевиче. Однако, согласитесь, слово произнесено: “любовница мертвеца”. А какая любовница может быть у мертвеца? Неужто исполненная жизни?

Это какое-то сборище ходячих мертвецов.

Однако лукавый не дремлет. Завладев мёртвой царевной, он мигом отрывает Самозванца, готового отказаться от претензий на Царство из любви к гордой полячке, и через унижение принуждает к исполнению заключённого договора. Показательно, что бесовский трюк будит в Григории гордыню, таящуюся под личиной чувства собственного достоинства. Дьявол не выпустит душу Самозванца из рук. Сама же Марина видится Самозванцу змеей: “путает, и вьётся, и ползёт...”

“Змея”, “смерть”, с которой приходится лукавить и изворачиваться, как заправскому лицедею. И это никакая не “змеедева”. По Пушкину, это обыкновенная змея, укус которой смертелен. **“Она меня чуть-чуть не погубила”**.

Итак, похоже чувство Самозванца к Марине на любовь? Едва ли. Это страсть – чувство, как учат нас Святые отцы, опасное и греховное. И производит монолог о своей пылкой “любви” Самозванец, находясь в состоянии, которое можно было бы назвать **исступлением**. Тоже известное и характерное для одержимого состояние. И ничего иного в разговоре с “мёртвой царевной” быть не может.

В этой связи логично предположить, что Пушкин исключил сцену в уборной, в которой упоминается “алмазный мой венец”, как противоречащую образу холодной мёртвой властолюбивой. В ней Марина ещё не верит в то, что может стать русской царицей, а желание надеть алмазный венец для свидания с царевичем придаёт образу живость, дышит жизнью.

В сцене звучит и реплика камеристки Рузи о застрелившемся из-за несчастной любви к Марине молодом Хоткевиче.

Наложить на себя руки – исключительно дурной знак, погубление души. Так что и здесь звучит тема смерти, а Марина выступает в качества ядоносного “анчара”: смерть зовёт смерть.

Любопытно в этой связи одно обстоятельство, о котором вполне мог знать Пушкин: два брата Мнишков, Юрий (отец Марины) и Николай успели “прославиться” в тёмной истории. Они были обвинены в сводничестве, поставке любовниц, знахарок и чародеев самому королю Сигизмунду-Августу. Правда, до официального предъявления обвинений и начала судебного расследования дело всё же не дошло. Так что и над реальной Мариной Мнишек витал дух “знахарства” и “чародейства”.

“Хранит его, конечно, провиденье” Странности поведения

Нет! Это всё что угодно, только не холодный расчёт и даже не “безумство храбрых”:

*Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошёл.*

Так характеризует ситуацию сподвижник Самозванца. Это просто безумие. Объяснить такую “удаль и отвагу” рационально невозможно. Это и ставит в тупик подельников Самозванца. И вот он наголову разбит. И что же? Рвёт на себе волосы? Нет! Говорит о том, что сделает из немцев, только что изрядно потрепавших его войско, своих преторианцев. И его поведение можно объяснить непоколебимой внутренней убеждённости в победный исход дела. Одним словом, строит радужные планы на светлое будущее.

Можно, конечно, сказать, что Самозванец сошёл с ума и пребывает в некой “виртуальной реальности”. Именно такими видятся со стороны его поведение и реакции. Но если сделать предположение, что Самозванец получил твёрдые гарантии от своего “куратора” из преисподней, то тогда всё становится на свои места.

Карамзин: “Лжедмитрий был всегда впереди, презирал опасность и взором спокойным искал, казалось, не врагов, а друзей в России”. И действительно, неслыханная удача способствует ему вопреки всякой логике и нехватке “материальных ресурсов”. Проще говоря, Самозванца “ведут”.

*Разбитый в прах, спасаяся побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, провиденье...*

Можно сказать, что “провиденье”, а можно — и “дьявол”. Из истории хорошо известны случаи, когда дерзкий субъект делает всё себе на погибель, но неизменно выигрывает. Причём вопреки всякой логике, всякому здравому смыслу, вопреки теории вероятностей. И удача его фантастична, так что в пору задуматься о тех силах — “волшебных и потайных”, что его “ведут”. До поры до времени.

Вспомним хотя бы фантастические успехи и “заговорённость” Наполеона, его Сто дней, когда ему без единого выстрела сдались Гренобль, Лион и, наконец, Париж, и Гитлера, которого, помнится, называли нередко “бесноватым”. Правда, в аллегорическом смысле и больше ради красного словца. Наперекор всему, вопреки воле своих генералов и фельдмаршалов, он совершал дерзкие шаги, казавшиеся сумасшедшей авантюрой и грозившие неминуемой катастрофой, и неизменно, к изумлению тех же генералов и фельдмаршалов, выигрывал.

“Везение” Самозванца было настолько впечатляющим, что нам сейчас весьма затруднительно адекватно оценить его масштабы. Слово Карамзину: “Ляхи надеялись вести своего Царя в Москву без кровопролития; увидели, что надобно ратоборствовать; не любили ни зимних походов, ни зимних осад — и как легкомысленно начали, так легкомысленно и кончили: объявили, что идут назад, будто бы исполняя указ Сигизмундов не воевать с Россией в случае, если она будет стоять за Царя Годунова. Тщетно убеждал их Лжедмитрий не терять надежды: осталось не более четырёхсот удальцов Польских; все другие бежали восвояси, а с ними и горестный Мнишек”.

Дело казалось окончательно проигранным, и Самозванца спасла лишь решимость тех, кому совсем нечего было терять, приобретали же они удавку. “Уже лишённый всей надежды, разбитый наголову, почти истреблённый, с горстью беглецов унылых, — пишет Карамзин, — он хотел тайно уйти из Путивля в Литву; изменники отчаянные удержали его, сказав: “Мы всем тебе жертвовали, а ты думаешь только о жизни постыдной и предаёшь нас мести Годунова; но ещё можем спастись, выдав тебя живого Борису!””

О том же писал И. Масса: “. . . он [Димитрий] вознамерился сам предпринять поход к Новгороду-Северскому, оставив в Путивле тех, коим более всего доверял, и укрепил также все города, коими он владел, хорошо защитив их от всякого нападения; но подступил с отрядом к Новгороду-Северскому, где стояло его войско. По прибытии туда [Димитрий нашёл], что некоторые польские капитаны, дворяне и всадники, придя в уныние, говорили, что невозможно завоевать такую страну, равную целому миру, ибо у них для того так мало силы и войска, говоря: “Ежели мы не можем взять такого маленького городка и каждодневно ожидаем нападения большого московского войска, то что будем делать, когда подступим к большим городам? Всё, что мы приобрели до сих пор, отпало к нам по большей части само; сверх того, мы ссудили его всем без малого вероятия что-либо вернуть” и приводили ещё другие подобные жалобы, и впадали в совершенное уныние; того ради Димитрий был весьма опечален, смиренно просил их не приходиться в уныние и не впадать в трусость”.

Сейчас трудно себе вообразить, но Самозванец не взял ни одного города “копьем и мечом”: все города и веси были взяты подметными (“прелестными”) грамотами — “листочками” того времени. И тут в пору вспомнить Наполеона, прошедшего через двести лет прогулочным шагом по маршруту о. Эльба—Париж без единого выстрела.

Если вдуматься, успех самозванца был ошеломляющим и, с земной точки зрения, происходил как бы “из ничего”. Его современники не были историческими материалистами и потому смотрели на вещи трезвее, рассматривая его феномен с религиозной точки зрения. Авраамий Палицын писал: “Четвёртую бо часть всея вселенная, всю Европию, в два лета посланы своими прелести... И аще не бы Господь сверт того велехвальную гордыню, то и мог бы сиа соделати”.

“Сын тьмы, родич погибели”, — говорится о Самозванце в “Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства”. О том же свидетельствовало и народное сознание.

Правда, неизменное выпадение “зеро” в этом казино сменяется в один прекрасный миг тотальным проигрышем. В воздухе начинает пахнуть серой, и слышится чей-то безудержный хохот.

Уже войдя в Москву, оградив себя иноземными телохранителями и видя тишину в столице, уклончивость, низость при дворе, Лжедмитрий совершенно успокоился: он верил какому-то предсказанию, что властвовать ему предстоит целых 34 года. “Повествуя же о себе на тридесять и четыре лета жития си, – пишет Авраамий Палицын, – **но друзи его беси не придаша много лет жития**. И Златоустаго писание на сем збысться реченое такову убо честь беси приносят любящим их”.

Весьма образно пишет о бесславном конце Самозванца и св. Димитрий Ростовский: “Наделав много зла, погиб с шумом”. Показательно, что и пушкинский Борис рассматривает Самозванца в качестве порождения некоего инферно. Вспомним, как воспринимает царь своего врага – как **тьнь, как призрак**.

Опять **“тьнь-призрак-привидение”!** Тёмная сила. Нечистая сила. Опасения Бориса сбываются: бои с тенью-призраком-привидением становятся изнурительны и бессмысленны. Тень ускользает и вновь обретает материальную силу. Это становится для Бориса сущим **наваждением**.

Царь Борис

“Был он злоковарен и **лукав**”, – пишет в своём “Временнике” о Борисе Годунове Иван Тимофеев. “Лукавым” называл Годунова в своих “прелестных грамотах” и Самозванец.

Борис – преступник. Но преступник особого рода. Он цареубийца, “святоубийца”, как называет его Карамзин. То, что учинил Борис, может совершить лишь тот, кто не просто переступил “порог” (“Тварь я дрожащая или право имею?..”), а вступил в сделку с нечистью (“Нечисто, князь”, – говорит Воротынский Шуйскому, когда тот рассказывает ему об убийении царевича Димитрия по приказу Годунова). Напомним, что “нечистый” – это синоним дьявола.

То, что совершил пушкинский Борис, было не просто тягчайшее государственное преступление, как сказали бы сегодняшние юристы. Для православного человека это, в первую голову, преступление против Бога и Веры. Так оно неизменно воспринималось и “квалифицировалось” в православном государстве. А посему строительство “государства” на крови православного царя немыслимо, ибо богопротивно. И, следственно, строится “на песце зыбучем”.

Как может устоять царство, если зиждется оно на цареубийстве?

У нас у всех в памяти школьный урок, на котором “разбирались” размышления Бориса о своём несчастном царствовании – “политический вывод”:

*Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мёртвых.*

Необъяснимое поведение народа

Ещё одной загадкой для Бориса является поведение народа в ответ на его царские милости:

*Они ж меня, **беснуясь**, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил –
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд! Ищи ж её любви...*

То же самое он повторяет Басманову:

*Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.*

Маленькая справка о том знаменитом пожаре: в 1591 году накануне праздника Троицы, когда царь Фёдор Иванович с боярами был в Троице-Сергиевом монастыре, в Москве начался большой пожар. За несколько часов сгорели улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Белый город и за ним Посольский двор, Стрелецкая слобода и все дома, находившиеся за рекой Неглинной.

И во “Временнике Ивана Тимофеева”, и в “Сказании” Авраамия Палицына этот редкий по силе и загадочный по своему характеру пожар рассматривался как прямое следствие действий Бориса Годунова. Это бедствие Тимофеев ставит в вину Годунову, который будто бы хотел отвлечь им царя от решения ехать в Углич на похороны царевича Димитрия, а москвичей – заставить забыть о смерти царевича. Пушкину было хорошо знакомо и “Сказание” Авраамия Палицына, и “Временник” Ивана Тимофеева, и труды св. Димитрия Ростовского и их мистическая версия происхождения того ужасного пожара, равно как и многих других, случившихся одновременно с Московским, не менее чудовищных. Так что недоумение пушкинского Бориса по поводу “несправедливых поправок” можно рассматривать как “гиперссылку” Пушкина на сочинения русских авторов XVII века, в которых те раскрывали его смысл в качестве наказания.

Действительно, поведение народа в пушкинской трагедии в ответ на милости царя выглядит, с точки зрения здравого рассудка, совершенно необъяснимым. Точно так же думает и Борис. И так будет рассуждать всякий, кто вслед за ним мыслит в рамках известной социологической и политологической схемы: “если... , то...”

Получить ответ на вопрос о причинах “иррационального” поведения подданных Борис не в силах. Не даёт на него ответа и “лукавый царедворец” Шуйский, который лишь фиксирует свои наблюдения и констатирует, что:

*... бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
И баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага...*

Не идёт дальше фиксации этого наблюдения за поведением народа и Басманов:

*... Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен.*

У Пушкина подобная “необъяснимость” соотносится с фантастическими и тоже рационально необъяснимыми и умом непостижимыми успехами Самозванца. И получается, что не Самозванец с Борисом плывут вольной волею по волнам событий, а их “влечёт неведомая сила”, причём безо всяких стараний со стороны “пловцов”⁴.

Ситуация складывается как-то сама собою, и тогда, когда успех Бориса кажется близким, а положение Самозванца безнадежным, случается независящее от их воли НЕЧТО, радикально меняющее ситуацию исключительно в пользу Самозванца. Впору подумать о “философии истории” Пушкина.

Загадочно и поведение народа, свято и крепко веровавшего в чудесное спасение Димитрия, в силу чего любые доводы власти воспринимаются как ложь. Когда предают анафеме Гришку Отрепьева, реакцией народа становится: “Пускай себе проклинаят; царевичу дела нет до Отрепьева”. Когда же поют вечную память убиенному Царевичу, народ негодует: “Вечную память живому! Вот уж им будет, безбожникам”.

Вера в чудесное избавление царевича принимает характер эпидемии. И никакие рациональные доводы и “вещественные доказательства” не действуют. Так что без вмешательства незримых сил бесплотных объяснить тут что-либо едва ли возможно. То состояние, в котором пребывает народ, можно обозначить как **наваждение, прелесть**.

Два чародея

Царь и Самозванец образуют бинарную пару. Они два полюса, два центра, вокруг которых вращается всё. Неправда одного (Бориса) усиливает неправду его врага (Самозванца). И наоборот: едва с целью посрамления Лжедимитрия была высказана идея выставить на всеобщее обозрение и поклонение святыне мощи убиенного царевича, как следует военная катастрофа

Самозванца. Однако инициатива Патриарха благополучно кладётся под сукно (выставить мощи, у которых совершаются исцеления, означает признать насильственную смерть царевича, а Бориса – цареубийцей), и тотчас же войско Годунова терпит жестокое поражение. В своём исследовании о “Борисе Годунове” эту тему искусно препарировал В. С. Непомнящий (**В. Непомнящий. ПУШКИН. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М., “Жизнь и мысль”, 2001. С. 204–206**).

Есть ли нечто, объединяющее Бориса и Лжедмитрия? Да. Оба они преступники, оба одержимы похотью власти, и оба к власти не призваны, а двигаются своею преступной волею. Но этого мало: на уровне мистическом оба они воплощают зло и пользуются злыми чарами, что, как известно, не каждому дано. Сравним: Борис, как говорит Шуйскому Воротынский, “умел и страхом, и любовью, и славою народ **очаровать**”. Самозванец же, как говорит Пушкин Шуйскому, “**обворожил** московских беглецов”.

Борис “**очаровал**”, Самозванец “**обворожил**”.

Смотрим в словарь Даля:

“Обвораживать или обворожать, обворожить кого, околдовать, очаровывать, обаять, оволховать, окудесить, обойти, озевать, ошептать, заговорить; обморочить, наслать мороку, мару, ману, пленять, восхищать, заставить одобрять что безусловно”.

Синоним – “очаровывать”.

Если понимать пушкинские слова трагедии в их исконном значении, то получается, что оба – и Борис, и Самозванец – действуют, как **чародеи, то есть прислужники врага рода человеческого**. И движет ими похоть власти.

Между прочим, “волхование”, колдовство считалось в царствование Ивана Грозного и затем при правлении и царствовании Годунова самым страшным государственным преступлением. И Пушкин не мог этого не знать.

Любопытно, что точно такой же похотью власти **одержима** и Марина Мнишек.

Тут стоит вспомнить, что говорил в своём Письме о “Борисе Годунове” о реальной Марине Мнишек сам Пушкин: “У неё была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьянённая несбыточной мечтой, отдаётся одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведёт переговоры с польским королём, как коронованная особа с равным себе, и жалко кончает своё столь бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я ещё вернусь к ней, если Бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она ужас до чего польска”.

Да что Марина! Уже и Басманов, видя перед собой пример Бориса, подумывает о царстве: “У царского престола стану первый... // И может быть...”

За Борисом числится, по Ивану Тимофееву, “рабская смертоубийственная дерзость и недостойное воцарение”, за Гришкой Отрепьевым – “присвоение расстригой святого имени царевича” (**“Временник” Ивана Тимофеева**).

Развивая тему *inferno*, Пушкин показывает связь Бориса с силами “волшебными и потайными”, то есть тёмными. Эта тема звучит в диалоге двух стольников. И когда один говорит о том, что царь “заперся с каким-то **колдуном**”, другой отвечает ему:

Так, вот его любимая беседа:

Кудесники, гадатели, колдуньи.

Всё ворожит, что красная невеста.

Желал бы знать, о чём гадает он?

Кто таковы “кудесники, гадатели, колдуньи”? Какая ещё может быть “ворожба” у православного царя? Это же прямое общение с бесами! Что хочет выяснить православный царь и даже просто православный человек у колдуна?

На этот вопрос отвечает сам Борис: “Напрасно мне кудесники сулят // Дни долгие, дни власти безмятежной”. То есть он спрашивает у “экстрасенсов”, сколько проживёт и прочна ли будет его власть. А “экстрасенсы”, разумеется, ему врут. Да Борис и сам им не верит.

И что же это за “православный” такой, если он якшается с нечистой силой, испрашивая советов у служителей тьмы? Обращаться к волшебникам, с православной точки зрения, — великий грех. Сам Бог через пророка Иеремию говорит следующее о тех людях, которые обращаются за помощью к волшебникам: “Не слушайте... волхвующих вам... ни чарований ваших, ни обаятелей... яко лжу прорицают... вам” (Иер. 27:9-10); а святые отцы и правила Святых Соборов отлучают от общения церковного как самих волшебников, так и тех, которые ищут у них помощи.

Святой Иоанн Златоуст учит: “Аще и Святыя Троицы имя глаголется на таких, аще и святых будут призывания, аще и знамение крестное наводится, бежати подобает сицевых и отвращатися”.

Грех волшебства относится к разряду грехов против первой заповеди, когда люди, оставив веру в Силу Божию, верят тайным и, большею частью, злым силам тварей, в особенности злых духов, и стараются действовать ими. И в грехе волшебства виновен и тот, кто верит в тайные силы тварей, и тот, кто сам действует этими силами.

И ещё. Как наставляют Святые отцы, будущее знать человеку, мягко говоря, не полезно. И желающий узнать его тотчас же попадает в сети лукавого, нечистого. А если Бог и открывает кому тайны, то только святым угодникам, и то нечасто. И уже тем более не будет Он открывать Свои тайны преступникам против веры.

Как мы помним, Пушкин наглядно изобразил, чем оборачивается простое человеческое любопытство относительно своего будущего: вещей Олег становится жертвой “вдохновенного кудесника”, откровенно спровоцировавшего его гибель своим прорицанием.

Обращение реального Годунова к ворожеям и колдунам — факт исторический, который Пушкин, безусловно, знал, хотя бы благодаря Карамзину.

О том же свидетельствовал и Исаак Масса: “Борис был в таком отчаянии, что, зная, что истинный Димитрий мёртв, не доверял сам себе и часто терял рассудок; он спрашивал у многих, однако, не называя себя: может ли человек, совершивший то, что он совершил, спасти себя, а когда отвечали: да, ежели [такой человек] придёт к покаянию и будет молиться об отпущении грехов, исповедуясь в них, то он, Борис, возражал, что это невозможно, и, сомневаясь в Божьем милосердии, он иногда думал, что в будущей жизни нет блаженства, одним словом, был исполнен безумия.

Также ходил он часто к ворожее, которую в Москве считают святою и зовут Елена Юродивая.

Она живёт в подземелье подле одной часовни, с тремя, четырьмя или пятью монахинями, кои находятся у неё в послушании, и живёт она весьма бедно. Эта женщина обыкновенно предсказывала будущее и никого не страшилась — ни царя, ни короля, но всегда говорила всё то, что должно было, по её мнению, случиться и что подчас сбывалось. Когда Борис пришёл к ней в первый раз, она не приняла царя, и он принуждён был возвратиться; когда он в другой раз посетил её, она велела принести в пещеру короткое четырёхугольное бревно; когда это было сделано, она призвала трёх или четырёх священников с кадилами и велела совершить над этим бревном отпевание и окадить его ладаном, дав тем уразуметь, что скоро и над царём Борисом совершат то же самое. Царь более ничего не мог узнать от неё и ушёл опечаленный...” (**Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С. 84 www.hist.msu.ru/ER/EText/mas_txt.htm**).

Случилось это в самый разгар вооружённой борьбы с Самозванцем. Однако для нас важно, что Пушкин выбрал именно эту черту в его характере, очевидно, для того, чтобы показать связь Бориса с тёмными, потусторонними (“инферральными”) силами.

Надо сказать, что и реальный Самозванец тоже недалеко ушёл в этом отношении от своего побеждённого соперника. По словам И. Массы, та же самая Елена юродивая предсказала Димитрию смерть. “...но когда Димитрию донесли об этом [предсказании], он посмеялся над ним, не обращая внимания на болтовню безумных и одержимых старух...; речи, которые она говорила против царя, были невелики, и их можно передать словами поэта: *Dumque paras thalamum, sors tibi fata parat* — И пока ты готовишь брачный по-

кой, рок вершит твою участь) (Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей С. 127–128. http://www.hist.msu.ru/ER/EText/mas_txt.htm).

И это предсказание сбылось.

“Лукавый Шуйский”

Лукавы в трагедии многие её герои. Лукавым называет Шуйского Воротынский. Лукавым же называет на смертном одре Шуйского и Борис, рекомендуя своему сыну Феодору этого боярина в... советники! При этом лукавство боярина упоминается в паре с таким его положительным свойством, как смелость, то есть эпитет “лукавый” звучит чуть ли не в положительном плане!

“Уклончивый, но смелый и лукавый”, – говорит себе Борис. А перед этим Борис произносит следующее: “А Шуйскому не должно доверять”. Да, много загадок задал нам Александр Сергеевич! Напомним, что Карамзин характеризует Шуйского так: “Князь, равно честолюбивый, лукавый и смелый”. Говорит он и о “бессовестности Шуйского”.

“Уклончивый, но смелый и лукавый” у Пушкина и “честолюбивый, лукавый и смелый” у Карамзина. Слова вроде бы те же, но смысл различается. Теперь давайте рассмотрим этимологию слова “лукавый”. Мы давно уже сделали его синонимом слова “хитрый”, шутовское обозначение “коварный”. Однако первооснова его совсем иная!

“Лукавый” значит “злой”, “дурной”, “неправедный”.

“Лукавый” – это дьявол. Соответственно, выражение “от лукавого” означает “от дьявола”. Бинарная пара – “ложь” и “лукавство”⁵.

“И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго!”

“От всякого лукаваго пути я удерживал ноги мои, чтобы хранить слова Твои” (Пс. Кафисма 17 Аллилуиа, 118).

“Удалитесь от меня, лукавые, и я буду поучаться в заповедях Бога моего” (там же).

“Женская лукавая любовь”, о которой говорит Григорию Пимен.

“Ходящие в путех неправых,

От уст лиющи льстивый мёд,

Сплетатели сетей лукавых,

Блюдущи потаённый след...” – писал пиит Ермил Костров.

Откроем словарь В. И. Даля. Читаем: “Лукавый, хитрый и умышляющий, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, противоречивый, двуличный и злонамеренный. В виде сущ. бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух. Вся неправда от лукавого”.

“Не казнь страшна; страшна твоя немилость; // Перед тобой дерзну ли я лукавить?” – говорит Борису Шуйский. И тут же лукавит!

Вспомним сцену “совещания у царя” (“Царская дума”), когда Патриарх предлагает “эффективное” и необоримое средство: перенести в Кремль святыни, поставить их в Архангельском соборе:

Тогда обман безбожного злодея

И мощь бесов исчезнет, яко прах.

У этих мощей уже исцелялся народ. Но... Молчание. Ибо чудотворные мощи опровергают официальную версию о гибели царевича Димитрия в результате несчастного случая, подтверждая слухи о его мученической кончине⁶. И тогда вступает в дело Шуйский, предлагающий вроде бы благочестивые, а по сути лукавые доводы:

Не скажут ли, что мы святыню дерзко

В делах мирских орудием творим?

*Народ и так колеблется **безумно**,*

И так уж есть довольно шумных толков:

Умы людей не время волновать

Нежданною, столь важной новизною.

Заметим, лукавый Шуйский говорит не о святых мощах царевича Димитрия, а об “останках”. Пушкин и здесь в одном слове рисует образ изворотливого и двуличного царедворца. А ведь ранее он говорил о том, что “детский лик царевича был ясен” (лик может быть только у святого!), в то время как на остальных убитых “уж тление приметно проступало”, “Димитрий во гробе спит”⁷.

Показательна в этой связи ремарка Пушкина: “Молчание”.

Да. Все собравшиеся понимают простую вещь: если это мощи, то, следовательно, царевич убит по приказу Годунова, согласиться выставить их в Архангельском соборе – значит косвенно признать Бориса царевичем. Простое положение.

“Кругом измена, трусость и обман”.

В данном случае, обман должен стоять на первом месте: “Кругом обман, измена и трусость”.

В начале царствования бояре говорят: “Не изменим присяге, нами данной”. Свою верность присяге они подтверждают и сыну Бориса Феодору. Верность их длится недолго, а измена становится повальной: все торопятся оказать в стане победителя.

У Карамзина в 11-м томе “Истории государства Российского” несколько раз звучит тема “безмолвия”, “молчания”. Когда речь зашла о заговоре Шуйского, то автор говорит: “Не было ни разногласия, ни безмолвия сомнительного”. Пушкинская ремарка “Молчание” как раз и говорит о такого рода “сомнительном безмолвии”, когда зреет измена и никто не хочет идти царю на выручку.

Бояре, православные вроде бы люди, не изъявляют желаний посрамить Самозванца, ибо его посрамление означает одновременно и посрамление убийц царевича, и, в конечном итоге, Годунова. Вывод один: лукавы все. За исключением Пимена и Юродивого. А тот, кто не лукав, тот обманут, как народ.

Пушкин прослеживает, как царь Борис всё более погружается в тёмные бездны. Что говорит Борис перед смертью своему сыну Феодору?

*Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчён...*

Сравним с репликой Карамзина: “Сей человек назывался именем ужасным для Бориса и любезным для России!”

Однако у пушкинского Бориса вор, еретик, сосуд дьявольский и проч., и проч. – Самозванец – награждается вполне нейтральным эпитетом “чудный”, а имя убиенного царевича, в святости которого ему не приходится уже сомневаться, объявляется “ужасным”. Так святой царевич становится кошмаром царя Бориса. Но кому может внушать ужас имя святого? Сыну тьмы. Так Борис и Самозванец окончательно становятся “близнецами-братьями”, признающими *de facto* и *de jure* “суверенитет” и “верховенство над собой нечистой силы. И подтверждает это Юродивый.

Юродивый

Тема Юродивого в отечественном литературоведении вроде бы исчерпана. Однажды, правда, кто-то обратил внимание на то, что у Пушкина народ при виде Юродивого шумит и расступается, как если бы то был Царь.

Юродивого зовут Николка. Цензура во избежание ненужных аллюзий этого имени не пропустила: Царь на момент написания и опубликования трагедии тоже был Николай.

Что ж, поговорим об Юродивом. Кстати, в первом и ряде последующих изданий пушкинской трагедии, вплоть до издания О. П. Морозова 1887 года, когда Юродивый в соответствии с пушкинским замыслом становится Николкой, он называется “Железный колпак” и Юродивый, а не “Николка”, как в оригинале авторской рукописи. Тут вмешалось в дело цензура: Царя ведь звали Николай.

Автору неизвестны исследования, в которых бы раскрывался смысл песенки юродивого Николки. Все помнят её с детства:

— Месяц светит,
Котёнок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Казалось бы, чисто иллюстративная сцена. Однако есть одна тонкость. Существуют сказки о мертвеце, в которых говорится или поётся нечто иное, а именно:

*Месяц светит.
Мертвец едет...*

В суворинском издании сочинений А. С. Пушкина 1905 года говорится: “Мы внесли *позднейшую поправку* рукописи в его песню: “Месяц светит”, вместо неуклюжего: “Месяц едет”, тем более что Пушкин, конечно, знал народное присловье: “Месяц светит, мертвец едет” (**Сочинения А. С. Пушкина / Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Томъ VIII: Примечания, добавления и поправки. СПб, 1905. С. 411**).

Да. Первоначально у Пушкина было “месяц светит”, но в самый последний момент оно было заменено на “неуклюжее”, по мнению комментатора, “месяц едет”, точно так же как возглас народа “Да здравствует царь Димитрий Иванович!” был заменён на “Народ безмолвствует”.

Сюжет “Месяц светит, мертвец едет” присутствует в русских сказках Забайкалья, вологодских сказках, быличках, бывальщинах и т. д. Этот сюжет был хорошо известен Пушкину. Его упоминал или пересказывал в своих произведениях П. Катенин (баллада “Ольга” (Из Бюргера) (1816, 1831):

*Месяц светит, ехать споро;
Я, как мёртвый, еду скоро.*

Поминает известное присловие и Н. Лесков в своём романе “Обойдённые”. “Месяц светит, мертвец едет, не боишься ли ты меня, добрый молодец?” — спрашивает героиня романа Лескова Дора.

Предположим, что в песенке Юродивого месяц тоже появляется не случайно. Пушкин придавал ему особое значение, что видно из его статьи о Катенине “Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина” (**Пушкин А. С. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. М., “Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 90**).

Напомним, что в ней он давал высокую оценку катенинскому переводу из Г. А. Бюргера “Ленора”, превратившемуся в самостоятельное произведение “Ольга”, и балладе “Убийца”, в основу которой легла вольная переработка баллады Р. Саути “Суд Божий над епископом”. В ней месяц выступает в качестве свидетеля и фактически судьи злодея.

В “Ольге”:

*Месяц светит, ехать споро;
Я, как мёртвый, еду скоро.*

В “Убийце” жертва напоминает своему губителю:

*Есть там свидетель, он увидит,
Когда здесь нет людей.*

И свидетель этот — месяц. Финал же баллады таков, что убийцу настигает расплата.

Заметку “В зрелой словесности приходит время...” Пушкин написал в 1828 году — ещё до выхода “Бориса Годунова”, а статью “Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина” — в 1833 году. А в промежутке — в 1830 году — он напишет своих “Бесов”, где будут фигурировать и “сволочь” (“тени”, бесы), и месяц.

*Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной **месяца** игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...*

И кружились они, надрывая сердце Пушкину и ставя в тупик советское литературоведение, полагавшее, что образ бесов стихотворения — зримый символ “николаевской реакции”.

Таким образом, песенка юродивого Николки должна была бы звучать так:

*Месяц светит.
Мертвец едет.
Котёнок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!*

По чью душу едет мертвец в сказках сказаниях и балладах? Он едет погубить душу того, кто его призывает, поддавшись искушению и соблазну, впадшего в “прелесть”. Таковы Ленора в балладе Г. А. Бюргера “Ленора”, Ольга в балладе П. Катенина, невеста в сказках и сказаниях, к которой является и которую уносит с собой жених, оказывающийся вдруг мертвецом, губящим её душу и тело.

А вот в опере М. Мусоргского Юродивый поёт “Месяц едет”. Для чего потребовалось Пушкину усечение известного присловья? Можно предположить, что создатель “Бориса Годунова” сознательно рассчитывал на то, что глаз читателя или ухо слушателя будут “спотыкаться”, не обнаружив привычного словосочетания, что заставит их задуматься над смыслом “опущения” мертвеца.

Вспомним, когда появляется у Пушкина Юродивый? Появляется он тогда, когда власть начинает воспринимать угрозу себе со стороны Самозванца самым серьёзным образом и тщится предпринять экстренные и эффективные меры “контрпропагандистского” характера. Меры же “силового” характера не дают чаемого результата при всей видимости успеха. Вернее, дают, но кратковременный. Побиваемый раз за разом Самозванец вновь и вновь оказывается неким чудесным образом на коне и угрожает власти Бориса уже всерьёз.

Предположим, что “едушим мертвецом”, которого подразумевает в своей песенке Юродивый, является Самозванец — “бесовский сын”, “еретик”, по выражению Патриарха, “приёмный сын привидения” — персонифицированная Смерть.

И тогда получается вот что:

*Месяц светит.
Мертвец-Самозванец едет.
Котёнок плачет (животное, как известно, остро чувствует приближение человеческой смерти и всякую нечисть),*

*Юродивый, вставай,
Богу помолися!*

Приходит на ум и русская поговорка, записанная В. И. Далем: “На месяце видно, как Каин Авеля убил”. Мертвец несёт с собой погибель — он сам есть сын погибели. “Живой труп”. Как отвратить её, когда весь народ охвачен наваждением и прелестью? “Юродивый, вставай, Богу помолися!” НЕКОМУ больше! Все охвачены безумием... “Господи помилуй!”

В кажущейся “детской”, а то и “бессмысленной” песенке Юродивого — ключ к пониманию трагедии. В ней, как в зародыше, заключено всё: в лице самозванца грядёт смерть. И некому понять это и помолиться в надежде отвести беду, кроме прозорливого Юродивого. Он единственный среди одержимых, кто не подвержен бесовским чарам, кто видит, “прозревает” всё происходящее окрест. Он живой и одинокий символ Святой Руси, а никакой не “глас народный”, ибо народ впал в прелесть.

Итак, на Русь скачет смерть.

Но на этом пророчество или предсказание Юродивого не заканчивается. На просьбу Бориса помолиться за него Николка отвечает: **“Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит”**.

При всей своей кажущейся простоте, ответ Николки несёт в себе очень важные смыслы. Начнём с того, что упоминание имени Ирода непременно ассоциируется с избиением 14 тысяч младенцев – первых мучеников за Христа. Церковь отмечает их день 29 декабря по старому стилю. Все они прославлены, то есть причислены к лику святых. Однако в контексте трагедии упоминание имени царя Ирода – это не только напоминание о первых христианских мучениках, но и тонкий намёк-напоминание о святости убиенного Борисом царевича.

Упоминание Иродова имени – это ещё и напоминание о его ужасном земном конце: сей царь иудейский умер в страшных мучениях, будучи заживо изъеден червями. Это, в свою очередь, предсказание ужасной смерти Бориса.

И ещё: за царя Ирода даже помолиться нельзя: **“Богородица не велит”**. Первоначально в пушкинской рукописи значилось: “Христос не велит”. Однако в печатном варианте стоит **“Богородица не велит”**. Думается, смысл такой замены был в том, чтобы показать совершенно безнадёжное положение Бориса. Богородица – “Заступница усердная” за нас, грешных, перед Господом. И если уж Богоматерь не велит за кого-то молиться – значит, это совсем ужасный и не заслуживающий снисхождения грешник.

Интересно, что в то же самое время, когда решался вопрос о возможности публикации “Бориса Годунова”, Пушкиным было написано знаменитое стихотворение “Жил на свете рыцарь бедный...” И финал его таков: бес уж собирался тащить рыцаря в свой предел,

*Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в Царство Вечно
Паладина своего.*

Как о “тёплой Заступнице мира холодного” писал о Божией Матери в своей “Молитве” и Лермонтов.

Тему царя Ирода по-своему интерпретировал и эксперт III Отделения Е. И. В. собственной канцелярии. “В сцене юродивого, – по его мнению, – слова: не надобно бы молиться за царя Ирода, хотя не подлежат никаким толкам и применениям, но так говорят раскольники и называют Иродом каждого, кого им заблагорассудится, кто бреет бороду и т. п.” (*Сочинения А. С. Пушкина / Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Томъ VIII: Примечания, добавления и поправки. СПб, 1905. С. 411*).

А вот слова Юродивого после его обращения к Борису у Мусоргского (в либретто оперы):

Юродивый (вскакивая)

*Нет, Борис! Нельзя, нельзя, Борис!
Нельзя молиться за царя Ирода!
Богородица не велит.*

(Смотрит в недоумении по сторонам; садится на камень и штопает лапоть):

*Лейтесь, лейтесь, слёзы горькие,
плачь, плачь, душа православная.
Скоро враг придёт,
и настанет тьма,
темень тёмная, непроглядная.
Горе, горе Руси,
плачь, плачь, русский люд, голодный люд!*

Вот такую “расшифровку” пушкинской песенки Юродивого дал Модест Мусоргский.

Смеем утверждать, что без Юродивого не состоялась бы и сама пушкинская трагедия. Он в ней – духовный стержень Руси, благодаря которому она жива и благодаря которому восстанавливается из пепла Русское государство. Именно он и никто иной.

Народ

Сколько чернил изведено на комментировании реплики “сильны мы мнением народным” и доказывании тезиса о том, что “народ — главное действующее лицо в трагедии Пушкина”! Этим в советской филологии традиционно утверждается также тезис о “народе как движущей силе”, наделяемой к тому же качеством носителя некоей вневременной “правды”, которая в народе “живёт” и неизменно “побеждает”.

Однако если вспомнить “теоретические обобщения” пушкинских героев, достойные, а то и превосходящие по точности и глубине теоретические выкладки Г. Лебона, то есть над чем призадуматься. Сами “богоносцы достоевские”, о которых говорит булгаковский герой, становятся легко подвергаемы мороку, объяснить который одной лишь “активной пропагандой” “идеологического штаба” Самозванца не представляется возможным.

Религиозно-мистическая основа “разорения” Руси была ясна русским писателям XVII века: — Россия наказана Господом “за грехи наши”. А самому понятию греха тот же Иван Тимофеев придаёт всеобъемлющее значение, ибо виновно всё русское общество: “Все, от младенца до старцев, согрешили”; “Ибо согрешили все от головы до ног, от великих до малых, т. е. от святителя и царя, от иноков и святых”.

Только подобная **всеобщая виновность всего русского народа перед Господом** и могла стать, по убеждению Тимофеева, *причиной постигшего её бедствия*. И недаром он пишет: “Не чужие нашей земли разорители, а мы сами её погубители”.

Главный же грех заключается, конечно же, в том, что русские люди в “безумной гордости” своей утратили страх Божий и уклонились от заданного Господом пути: “Ради этого на нас, как знающих Его волю и не исполняющих её, прежде всех народов пало гневное определение Божие, и Он наказаниями, как рулём, обращает нас к Себе от уклонения с пути Его”.

О том же говорится и в “Плаче”: “Грехов же ради наших, всего православного христианства, опять под тем же именем царя Димитрия иной враг явился и прельстил малоумных и безумных, одержимых пьянством людей...”

В предпоследней сцене трагедии (“Лобное место”) народ уже — хозяин столицы и подлинный представитель народа — мужик; он даёт сигнал мятежу (“Народ! Народ! В Кремль, в Царские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!”), после чего перед зрителями развёртывается сцена народного бунта.

Народ же у Пушкина изображен таким, каким он есть и бывает в разные моменты своей жизни и — больше того — в своём бытии: ведомым, подверженным всем тем же страстям, что и каждый отдельный человек. Один и тот же народ кричал в Иерусалиме “Осанна!” и “Распни его!”, причём по прошествии всего каких-то пяти дней.

Грехи наши тяжкие

Народ может мгновенно превратиться в одержимую и иступлённую толпу, “голосующую сердцем” (“Что толковать? Боярин правду молвил. // Да здравствует Димитрий, наш отец!”, “Ельцин — наш президент!”). Помнится, Борис говорит о **бесновании** народа (“Они ж меня, **беснуясь**, проклинали”). Разумеется, чёрную неблагодарность “подлых людишек” в ответ на царские благодеяния можно рассматривать в качестве “беснования”, но у Пушкина случайных слов не бывает. И все характеристики “черни”, в которую превращается и “элита”, даваемые что Борисом, что Шуйским, что Басмановым, оказываются вполне адекватными.

Следует всё же признать: хотя народ и обозначен в пушкинской трагедии в качестве действующего лица, однако полноценным персонажем назвать его едва ли возможно. Народ в “Борисе Годунове” — это краска, “шум за сценой”, “шелест листвы и небесный гром”, эмоциональный и психологический фон, на котором разыгрывается трагедия, отношение к происходящему. Настроение, наконец.

Пушкин поставил вопрос о коллективной вине народа. Трудная и тяжёлая тема.

Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Как видим, Пимен совершенно не принимал во внимание тогдашние “избирательные технологии”, применением которых можно было бы оправдаться — от знатного боярина до простолюдина: **ВСЕ МЫ** виноваты, **ВСЕ МЫ СОГРЕШИЛИ**. Это есть православный взгляд на вещи, отражённый в пушкинской трагедии. Собственно, сказать иначе, что-то вроде “народ виноват” (“не за того проголосовал”), православный монах Пимен не мог по определению.

По сути, Пимен — это воплощённое сознание русских писателей XVII века, полагавших, что беды и несчастья, обрушившиеся на Русь, суть следствия её великих прегрешений. Так что выяснять, в чём конкретно состоит вина народа в избрании Годунова, дело любопытное для юриста, но бессмысленное для художника. Однако именно с этого и начинается трагедия народа — “народная трагедия”, о которой говорил Пушкин во всех её смыслах: и как новый русский литературный жанр, и как трагедия народа. Всё последующее в пьесе — следствие.

Но не только в этом заключается грех народный.

Вспомним сцену в корчме. “Плохо, сыне, плохо! — говорит Варлаам, — **ныне христиане стали скупы; деньги любят, деньги прячут. Мало Богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустились в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ох плохо, знать пришли наши последние времена...**”

“Народ безмолвствует”

Слов “народ безмолвствует” нет ни в одной авторской рукописи “Бориса Годунова”. Споры, начатые в позапрошлом веке, сводятся к тому, кто внёс в предназначенный для печати текст эту ставшую знаменитой ремарку: Пушкин или цензор? И кто её автор? Пушкин или цензор? Советское литературоведение, в отличие от сомневавшегося царского, считает, что Пушкин.

А что же было в рукописи? А было вот что: “Вместо слов: “Народ безмолвствует” в рукописях II и III пьеса оканчивается возгласом народа: “**Да здравствует Царь Димитрий Иванович!**”.

Итак, “**Да здравствует Царь Димитрий Иванович!**”

А теперь задумаемся: **народ стал... цареубийцей**. Начинается трагедия с того, что народ прогневал Бога, нарекли владыкою себе цареубийцу, а заканчивается тем, что народ сам становится цареубийцей.

Конечно, могут возразить, что убил царя Феодора не народ, а вполне конкретные и известные ему лица, и что народ отнюдь не был един в желании “вязать, топить “Борисова щенка” (“**Да гибнет род Бориса Годунова!**”) и лишь “поддался на провокационные призывы” и теперь, согласно пушкинской ремарке, “**несётся толпою**”. Находились в его числе те, кто жалел “несчастеньких”. Но ведь поддался же! И ринулся кровавадною толпою в царские палаты убивать законного царя, только всё совершилось без его участия.

И если первый грех, по земным меркам, более или менее извинителен, учитывая “чистоту выборов” и “избирательные технологии”, то здесь оправдания уж нет. А тут ещё тотчас же после цареубийства и радостный крик: “**Да здравствует Царь Димитрий Иванович!**”

И даже если убрать эту реплику и заменить её на “народ безмолвствует”, свидетельствующую об осознании глубины содеянного, то факт цареубийства этим всё равно не отменяется. Как бы то ни было, но Пушкин спрессовал историческое время, оставшись верным исторической и художественной правде.

Было бы ошибочным, на наш взгляд, представлять автора трагедии в качестве морализатора. Дело куда глубже и сложнее. С православной точки зрения, судьбы царя и народа неразрывно связаны: за беззакония правителей отвечает народ, и наоборот, властители несут ответ за беззакония народа. И если их подвиги и добро становятся залогом благополучия державы, то их грехи могут привести к бедствиям для страны. И, следовательно, молясь за “великих царей”, потомки молятся о самих себе, в том числе и за свои грехи и “тёмные деянья”. Это всеобщая связь царя и народа, прошлого, настоящего и будущего. Так что “Борис Годунов” актуален всегда. Эта вещь о нас с вами.

Средь неведомых равнин
(“Равнина близ Новгорода-Северского”)

Эта сцена упоминается филологами, как правило, вскользь, в качестве “иллюстративной”. Слово дважды лауреату литературных премий Д. Благому: “В то время, как на стороне самозванца, точнее – боярства, стоит народ, в качестве защитников царя, кроме Басманова, Пушкин выдвигает иноземных наёмников. По историческим данным именно иностранцы были самой сильной частью войск Годунова, которой, в частности, он был обязан разгромом названного Димитрия при битве в Добрыничах. **У Пушкина, наоборот, иностранные начальники показаны в сцене XVI в самом нелепо-шутковском виде.** Неприязнь к иностранцам, занимавшим в Александровской и Николаевской монархии важные государственные посты, “немцеество”, как известно, занимали видное место в идеологии декабристов и вообще либерального дворянства времени Пушкина (Каховский, Ермолов, Грибоедов и др.). **(Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Этюды. Второе дополненное издание. М., Кооперативное издательство “Мир”, 1931. С. 70).**

О “балаганном” характере сцены сражения писал и ещё один широко известный в узких кругах литературовед – Е. Г. Эткинд: “Капитан Маржерет говорит по-французски, Вальтер Розен – по-немецки; этот эпизод носит неожиданного балаганного характер” **(Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., “Языки русской культуры”, 1999, С. 393).**

Вообще-то совершенно непонятно, что в сцене “Равнина близ Новгорода-Северского” “балаганного”? То, что один капитан – Маржерет – говорит по-французски, а другой – Розен – по-немецки, то есть каждый на своём родном языке?⁸ Или то, что они прекрасно понимают друг друга, несмотря на разноречие? Но в том нет ничего удивительного: оба они “европейне”.

То, что два капитана говорят в пьесе не по-русски, есть не что иное, как художественный приём, помогающий, читателю/зрителю нагляднее увидеть ситуацию. Ведь заговорили они по-русски, их было бы не отличить – что на сцене, что в тексте – от русских воевод, русских людей. А тут – у каждого свой язык, своя манера речи и выражения чувств. Да и мелодика французского и немецкого языков – разная, а посему каждый персонаж наполняется в прямом и переносном смысле своим, только ему присущим, “звучанием”. К тому же публика в пушкинские времена в подстрочном переводе не нуждалась.

Эта сцена кульминационная, ибо в ней раскрывается весь трагизм положения и сознания русского воина, русского православного человека.

Начинается она так: “В о и ны (бегут в беспорядке) Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!”

Беда. Царевич. Ляхи.

Один событийный и смысловой ряд. Ключевое, главное слово: “Беда!”

Воины бегут в беспорядке.

Скоро эта беда – лже-царевич и ляхи – войдут в Первопрестольную, и явит себя во всей его полноте наказание Господне. Ну, и где тут “шутовство” и “балаган”?

Попытаемся войти в положение бегущих и понять их душевное состояние. Всё просто и неразрешимо одновременно: с одной стороны, присяга Годунову – законному царю, но цареубийце, с другой – “законнейший” Русский царевич, но идущий на Русь с иноземцами – извечными супостатами злокозненными ляхами. Уже одно это вносит в сознание “когнитивный диссонанс”. **Русь и законный царь-святоубийца – по одну сторону, “законнейший царь” в союзе с врагами Руси – по другую. И выбор между ними православный воин должен делать здесь и сейчас: не на завалинке, а сражаясь.**

Страшно идти против Русского царевича – “грех великий”, но он ведёт с собой на Русь полки еретиков.

Страшно и защищать царя-“святоубийца” – “великий грех”, но долг требует защищать Русь от иноземцев. И не просто от иноземцев, а от еретиков! Защищать веру православную.

Вот такая напасть!

*Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

Что делать православным?

Нет “лучшего” решения. Оба катастрофичны.

Сам же русский воин отнюдь не труслив. Он Бога боится. Боится согрешить против русского царевича — “бича Божия”.

Понятия Отечества и Царя, доселе нераздельные, теперь расходятся. Триада “Вера—Царь—Отечество” дала трещину и распадается. Так начинается **народная трагедия**, точнее, одна из её ипостасей. И в том один из глубочайших смыслов пушкинского “Бориса Годунова”.

Но и здесь Пушкин показывает иные ниши и плоскости народного сознания. Читаем сцену “Севск”.

Идёт допрос военнопленного — дворянина Рожнова. Перед лицом смерти (а кто может гарантировать ему жизнь?) он держится уверенно, с достоинством защищая честь русского воина: осаживает кичливого ляха, грозя тому кулаком, а на вопрос Самозванца, что думают о нём в войске, прямо в лицо говорит ему вора. Добавляя, правда: “Будь не во гнев”. Хоть **“вор**, а молодец”. Рюриковичу, Божиим Промыслом спасённому, такое не скажешь, а самозванцу, “неведомому бродяге” — вполне.

В общем войско, по свидетельству Рожнова, “довольно всем”, “говорит о милости Самозванца”, считая его одновременно **“вором**. И молодцом”. Прав душевед и циник Шуйский: людям “нравится бесстыдная отвага”.

Но вернёмся на поле битвы под Новгород-Северский, в которой участвуют иностранные наёмники под командой двух капитанов — Ж. Маржерета и В. Розена. Нравственно-религиозная проблема, возникшая у русских воинов, совершенно не стоит перед двумя иноземцами, честно и добросовестно выполняющими свои профессиональные обязанности. Воевать — работа этих поневоле странствующих рыцарей, их профессия и призвание. Их честь — верность. Верность тому, с кем заключён у них “трудовой договор”, “контракт”, — нанимателю⁹.

А посему вид бегущих ратников, не желающих выполнять свои прямые обязанности, им отвратителен. Маржерет даже переспрашивает, “что значит *“pravoslavni”?*”. Трудно вообразить, что он, живя уже не первый год в православном государстве, никогда не слышал такого слова или не удосужился узнать его значение, а потому понять реплику француза иначе, чем возмущение нельзя: “Что это за причина и отговорка такая, оправдывающая своё бегство с поля боя, *“pravoslavni”?*!”¹⁰

Спросим себя, как должен был поступить в сложившейся ситуации православный русский воин, боящийся совершить великий грех?

“Сбились мы. Что делать нам!”

Трагизм ситуации в том, что, как бы ни поступили русские ратники, они в любом случае так или иначе ухудшают и своё положение, и положение России. И теперь от их трусости или героизма мало что зависит: механизм смуты и разрушения запущен и уже неостановим.

“Канальи! Сброд! Сволочь!” — Маржерет не слишком щепетилен в выборе речевых оборотов¹¹. В критической ситуации трудно требовать от боевых командиров, чтобы они выражались, словно в светском салоне, да ещё в обществе дам.

Великолепен Розен. Он внутренне сосредоточен, немногословен и решителен. Одно слово — немец. Похоже, что скупому на слово остзейцу тирады Маржерета действуют на нервы: немецкий капитан и сам всё видит, а руганью дела не поправить, оттого-то так односложны его ответы темпераментному и экспансивному французу. Они, в сущности, дань вежливости разгорячённому собеседнику: молчать в ответ — бестактно.

Можно, конечно, вообразить себе карикатурного, “туповатого немчуру”, но даже если и так, то благодаря упорству и мужеству он и его подчинённые, как выясняется впоследствии, “порядком отразили” атакующих. Нет, никакой “карикатурой” здесь и не пахнет.

Иностранцы в сцене — это художественный приём, с помощью которого возникает дополнительная возможность взглянуть на ситуацию и русского

человека со стороны, извне. Оптика Пушкина такова, что предмет рассматривается одновременно с нескольких позиций, в ходе чего происходит наложение одного видения ситуации на другое. Этим достигается объективность взгляда на происходящее. Пушкин никогда не “болеет” за какую-то одну из противоборствующих сторон; он всегда *над схваткой* и стремится показать правду и неправду обеих сторон.

Два мира, два понимания долга. Но для русского воина религиозно-нравственный выбор трагичен и мучителен, для иностранца его не существует вовсе.

В этой сцене, помимо прочего, звучит мотив противопоставления западноевропейского наёмного воинства с его кодексом служения с “верностью тому, кто платит – от сих до сих, в соответствии с условиями контракта”, где духу отводится место на периферии сознания, служивому русскому воинству, которое без Царя и твёрдой веры воевать нормально попросту не умеет и не может.

Пушкин рисует поразительную картину: Россия и Запад смотрят друг друга в глаза и без обиняков говорят о друг о друге то, что думают. Для русских Маржерет – “лягушка заморская”, “квакающая” на Русского царевича, “басурман”, не вмещающая в себя смысла и трагизма сложившейся для православного русского человека ситуации. Каждая из сторон достойна сочувствия, каждая достойна порицания. Тут нет правых. Налицо два разных мира, и вместе им не сойтись: если русский всегда поймёт Маржерета и Розена, то иностранцы русских – едва ли. Иноземцы попросту не дают себе труда задуматься о поведении “этих странных русских”.

Консультант настоящей работы И. Мухин высказался по сему поводу так: “Думается, Маржерет прекрасно понимает, почему именно бегут русские, полностью осознаёт причину их внутреннего духовного конфликта и одним словом именует эту причину. И в его *pravoslavni* выражается в то же время гордость наёмника-иноземца своим наёмничеством, дающим ему независимость от Веры и личной преданности. . .

... А за плечами двух бьющихся ратей вьются ангелы и демоны”.

Русские для Маржерета и соглашающегося во всём с ним тевтона Розена – “рвань окаянная”, “сволочь проклятая”, “презренные каналы”, ноги которым служат лишь для того, чтобы удирать с поля боя. Матёрым “профи” можно даже посочувствовать: им опять достался “некачественный народ”. Как бы то ни было, а два странствующих по миру в поисках заработка капитана ведут себя как настоящие мужчины и воины, по-рыцарски: вид бегущего в панике войска не способствует укреплению нервов и поднятию настроения. Возникает соблазн бежать, пришпорив коня, и самим. Но что мы слышим?

“Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг! – восклицает Маржерет, обращаясь к Розену. – Вино откупорено, его нужно пить!” Советские комментаторы перевели эту известную французскую поговорку так: “Раз дело начато, надо его кончить”.

“Что скажете на это?” – спрашивает Маржерет Розена.

“Вы правы”, – отвечает французу скупой на слова немец. Он весь комок нервов, и вид бегущего русского войска тоже не добавляет ему ни оптимизма, ни бодрости, ни уважения к “товарищам по оружию”.

Помимо прочего, затронута профессиональная честь и репутация обоих капитанов. Каково будет им смотреть в глаза друг другу, обратившись в бегство, хотя ретирады на войне – вещь обычная, а порой и неизбежная. И кто таков в их глазах, для них, “матёрых профи”, воин-“любитель” Самозванец? “Браток”, “бродяга”, “хулиган из подворотни”, “шпана”, вынужденная волею случая “водить полки”! И уступить такому – не уважать себя, тем более что он сущий голорез, которого непременно следует укоротить. А потому – вперёд, марш!

“Сейчас мы его сделаем!”

Немногословный и упорный Розен¹² берёт инициативу в свои руки (“немцы строятся”, как гласит пушкинская ремарка): “Hilf Gott!”

Вот они, как на ладони – “парение и вес”, “английский счёт”, “французский блеск” и “немецкое упорство”, о которых писал Поэт (с большой буквы) Ю. П. Кузнецов.

И где тут “шутовство” и “балаган”, о котором говорят иные спецы, зарабатывающие себе на хлеб Пушкиным?¹³ Где тут издёвка над иностранцами, “немцеество декабристское”?¹⁴ Из текста и смысла пьесы это никак не вытекает.

Рассуждения о “балагане” и “шутовстве”, “пушкинской издѣвке над иностранцами” больше напоминают кухонные разговоры, нежели серьёзный анализ¹⁵.

Куда больше смысла будет в утверждении, что “в сцене “Равнина близ Новгорода-Северского” содержится 239 слов, 1275 знаков (без пробелов), 1475 знаков (с пробелами), 48 абзацев и 55 строк”. Во всяком случае, оспорить это будет проблематично.

Post Scriptum

“Я была у обедни в крепости и стояла около гробницы Государя и Государыни. Толпа была так велика, что, раз ставши, нельзя было сделать ни малейшего движения. В течение тех двух часов, что длилась служба, ни на минуту не останавливался поток людей, проходивших мимо гробницы государя, чтобы поклониться ей. Тысячи людей приходили почтить эту могилу, буквально утопавшую под серебряными венками, нагромождёнными на ней. Какая загадка — страстный культ, воздаваемый памяти покойного государя, и возможность чудовищного покушения, таким ужасным образом прервавшего его жизнь среди белого дня, в центре его столицы, среди того самого народа, который его боготворил! Мысль цепенеет перед этой странной загадкой”¹⁶.

Так записала 25 марта 1881 года в своём дневнике А. Ф. Тютчева — православный русский человек, наделённый Богом добрым сердцем, ясным умом и твёрдой волей.

Люди прощались с Александром Вторым Освободителем.

Он погиб спустя двести семьдесят пять лет со дня убийства юного Царя Феодора Годунова и восемьдесят лет — после умерщвления Императора Павла Первого.

“Я сочувствую идеям, которые высказывает Ваш муж, — говорил А. Ф. Тютчевой Александр Третий. — По правде сказать, его газета — единственная, которую можно читать. Что за отвращение вся эта петербургская пресса — именно гнилая интеллигенция. Они вообразили, что теперь хороший случай ставить мне условия”¹⁷.

“Судебное следствие, полное потрясающих фактов и страшных подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человеческой гибели, такую **ужасающую картину извращения всех человеческих чувств и инстинктов**, что нам понадобится всё мужество и всё хладнокровие гражданина, пред которым внезапно открылась зияющая глубокая язва родины, и от которого эта родина ждёт первого ближайшего спешного средства для своего исцеления, — говорил на Процессе по “Делу 1-го марта” прокурор Н. В. Муравьев. — Смех Желябова. Тот весёлый или иронический смех, который не оставляет его во время судебного следствия и который, вероятно, заставит его и потрясающую картину события 1-го марта встретить глумлением... **когда люди плачут — Желябовы смеются**”¹⁸.

“Что же это такое, — негодовал В. В. Розанов, — что же это за помесь **Безумия и Подлости**, что когда убили Александра II, который положил же свой **Труд и Пот** за Балканы, тот же Струве не выдавит из себя ни одной слезинки за Государя, ни одного доброго слова на его могилу, а льстиво и лакейски присюсюкивает у Желябова, снимает с него носки и чешет ему пятки, как крепостная девчонка растопыренному барину...” (*Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй. // Розанов В. В. Том 2. Уединённое. М.: Издательство “Правда”, 1990. С. 625*).

И спустя два десятилетия Василий Васильевич не переставал возмущаться: “Поистине цари наши XIX века повторяли работу московских первых царей — в невозможных условиях хоть построить что-нибудь, хоть сохранить и сберечь что-нибудь. В “невозможных условиях”: так как когда общество ничего не делает и находится в том свою гордость.

Безумие, безумие и безумие; безумное общество” (*Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй. // Розанов В. В. Том 2. Уединённое. М.: Издательство “Правда”, 1990. С. 627*).

Розанов тонко чувствовал приближение Большой Беды. Вскоре царь был низложен и убит, а Русь, по словам философа, “слиняла в три дня”, погрузившись в такую Смуту, что ни словом сказать, ни пушкиным пером описать. И вновь разгуляются на Руси бесы — “бесконечны, безобразны”, и помчатся по ней “рой за роем”. И не будет числа хлынувшим на неё самозванцам.

Пушкин, как явствует из его писем, намеревался развивать тему Смуты и порывался было написать, как минимум, ещё одно произведение, действующими лицами которого должны были стать Василий Шуйский и Марина Мнишек. Однако в дальнейшем от идеи своей он отказался. Возможно, потому, что тема Смуты была уже исчерпана в “Борисе Годунове”, и продолжение её носило бы исключительно историко-иллюстративный характер, не прибавляя к уже сказанному ничего принципиально нового.

Завершив “Бориса Годунова”, Пушкин напишет своего “Пророка”. Кто не помнит этих строк?

И Бога глас ко мне воззвал:

“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей...”

Принято полагать, что эти строки – поэтическая метафора. А что если предположить, что это реальный факт биографии Пушкина?

Создав, исполнившись Вышней волею, “Бориса Годунова”, Пушкин и впрямь обрел дар пророчества.

Отголосок этого события можно услышать в письме поэта к Жуковскому от 6 октября 1825: “... я не умру; это невозможно; Бог не захочет, чтоб “Годунов” со мною уничтожился” (*Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 212*).

Пушкин просто обязан был донести своего “Бориса” до России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уильям Шекспир. “Гамлет”. Перевод М. Лозинского.

² Преподобный Серафим Саровский (по Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря), запрещая верить снам, приводил цитату из святых Варсонофия и Иоанна, в которой говорилось, что никаким снам верить нельзя. Что же до народного поверья, что один и тот же троекратно увиденный сон – сон вещий, то врагу рода человеческого так же легко показать три раза один сон, как и один раз.

³ “Еретическим умыслением назвался царём” по смыслу славянского языка означает также “по умыслению еретиков был назван царём”, то есть то, что Григория использовали еретики в качестве своего орудия. Какие именно еретики? Это совершенно очевидно – католики-поляки, которые его прислали с войском, как настоящего царя Димитрия. Впоследствии они повторяют свою еретическую попытку, попытавшись посадить на московский стол королевицу Владислава.

⁴ В. С. Непомнящий, возвышающийся в отечественной пушкинистике Александрийским столпом, отмечает, что “главные итоги этого процесса выглядят, с точки зрения интересов “лиц”, неожиданными, парадоксальными и нелепыми: ни один из “субъектов” действия не достиг того результата, к которому были направлены все его усилия, больше того, результаты прямо противоположны усилиям. Борис умирает фактически уже побеждённым, Самозванец на пороге разоблачения, народ жестоко обманут, и это сделано с его же собственной помощью. Действия “лиц”, действия поступательные, направленные ими прямо, вперёд, без их ведома и воли отклоняются от целей и ведут в противную сторону. “Субъекты” действия оказываются лжесубъектами; налицо не их “достижения”, а их судьбы, и притом для них нежелательные” (В. Непомнящий. ПУШКИН. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М., “Жизнь и мысль”, 2001. С. 193).

⁵ Впрочем, дословная исконная этимология слова “лукавый” – это “гнутый”, “изогнутый”. Однокоренные слова “лук”, “лука” седла, “излучина” реки, “прилучилось”, “случилось” (буквально – внезапно обнаружилось после поворота). Антоним к “прямой”. Лукавый – это “весь изогнутый”. Яркая характеристика змия, который может передвигаться, только изгибаясь весь, и не может двигаться прямо.

⁶ Как отмечает В. С. Непомнящий, “во время этого рассказа воцаряется “общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз утирает лицо платком”. После монолога Патриарха следует ремарка “Молчание” – огромная пауза всей Думы. Читателю и зрителю пушкинского времени должно было быть понятно, в чём дело: “святые мощи”, чудотворные останки могли принадлежать только невинно убиенному младенцу (а не погибшему случайно, как утверждала официальная легенда). Простодушный Патриарх совершил чудовищную “бестактность” –

публично подтвердил, что царевич был убит”. Этим-то Пушкин, по Непомнящему, и выставил Патриарха “дураком”. Пушкин же, как уже говорилось, оправдывался тем, что “по рассеянности” (**В. Непомнящий. ПУШКИН. Избранные работы 1960-х–1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М., “Жизнь и мысль”, 2001. С. 205.**). При этом В. С. Непомнящий подчёркивает, что “Патриарх (его предложение было мудрым и единственно здравым в тех обстоятельствах) – “дурак” в том же смысле, как и Юродивый (“Поди прочь, дурак!..”), – он говорит ту правду, о которой все молчат” (**там же**).

⁷ Могут возразить, что в “Полтаве” “лик” и у царя Петра (“Лик его ужасен”). Однако не стоит забывать, что в том контексте Пётр весь предстал, “как Божия гроза”.

⁸ Любопытная деталь: литератор-диссидент Е. Эткинд эвакуировался в Париж в 1974 году, а посему наверняка успел посмотреть знаменитый телефильм “Семнадцать мгновений весны”. В нём, как известно, Штирлиц предупреждает радиосту Кэт о том, что во время родов женщины кричат на своём родном, а не иностранном языке. Роды – дело ответственное и критическое, связанное в ряде случаев с известным риском для жизни. Ситуация, когда войско бежит в беспорядке, тоже критическая. Потому нет ничего удивительного в том, что Маржерет говорит со своим коллегой и ругается “по-матерну” на родном ему французском, а сжавшийся до предела стальной пружиной Розен отвечает ему тоже на своём родном языке – немецком. Напряжение проигрываемой битвы: все нервы командиров теряющей поражение стороны собраны в комок. Какое уж тут шутовство! Может возникнуть вопрос: “Знал ли Пушкин о том, что узнал и о чём поведал радистке Кэт Штирлиц?” Как это часто порой случается, гений говорит больше того, что хочет сказать.

⁹ Нет ничего удивительного в том, что реально-исторические Маржерет и Розен верно служили впоследствии Лжедмитрию, ставшему царём, а капитан Жак Маржерет столь же верно служил и Лжедмитрию II!

В своих мемуарах Маржерет писал, – не то оправдываясь, не то вполне искренне, – что он был уверен в “идентичности Самозванца” (будущего царя) “спасшемся чудом” царевичу Димитрию. Некие “трудности”, вероятно, возникли у Маржерета при признании “тем самым царевичем” Лжедмитрия II. Но и с этим он благополучно справился. Лукавства было ему не занимать, капитан, как известно, плотно сотрудничал с английским резидентом в Москве Джоном Мериком, задания которого исправно выполнял.

Что же до В. Розена, то тут предоставим слово Ф. В. Булгарину (надеемся, Александр Сергеевич нас простит!), проводившему собственные исторические разыскания и сообщавшему в своём романе “Дмитрий Самозванец” о том, что тотчас же вслед за П. Басмановым Розен присягнул Лжедмитрию, а добрые немцы, невзирая на измену начальника своего, до конца держали сторону законного царя Феодора Борисовича – сына Бориса Годунова. Однако “сопротивление малого числа не помогло” (Булгарин Фадей. Дмитрий Самозванец: Ист. роман /Под общ. ред. и с примеч. С. Ю. Баранова. Вологда: ПФ “Полиграфист”, 1994).

¹⁰ Могут возразить: “Маржерет и впрямь не ведаёт, что значит “православный”, иначе не стал бы спрашивать: “*Qu'est-ce á dire pravoslavni?..*” – “Что означает слово **pravoslavni**?” Однако, в любом случае, для него нет и быть не может оправданий бегству русских с поля боя. Ну, а лёгкая пушкинская ирония в Маржеретовом “пошоль назад” присутствует (как и во всяком пушкинском изображении иноземного героя). Это уже взгляд русака-автора на своего героя-иноземца.

¹¹ Маржерет, пользуясь выражением Пушкина, “ругается по-матерну”. В 1600 году Жак Маржерет завербовался на службу в Россию. В Москве капитан командовал пехотной ротой. Участвовал в борьбе против Лжедмитрия, а с приходом последнего в Москву стал начальником одного из отрядов гвардии. Маржерет прожил в России до сентября 1606 года, после чего уехал через Архангельск во Францию. Он был принят королём Генрихом IV, рассказывал о своих путешествиях и опубликовал о них книгу. Вскоре капитан вернулся в Россию, где поступил на службу уже ко Лжедмитрию II, а затем к польскому гетману Ходкевскому. Маржерет участвовал в Клуминской битве (1610), а в марте 1611 года – в подавлении восстания москвичей против интервентов, в поджоге и уничтожении Москвы. Осенью 1611 года капитан уехал в Польшу, а затем через Гамбург и Англию – во Францию. Вояж на Британские острова был продиктован тесными контактами с английским резидентом в Москве Джоном Мериком, поручения которого капитан неоднократно исполнял. О своём пребывании в России он, как уже говорилось, написал книгу, которую подарил королю Генриху. В России его записки использовали В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключев-

ский, З. Ф. Платонов, во Франции де Ту и Проспер Мери́ме. Все работы советских историков о России начала XVII века и все обобщающие труды, посвящённые этой эпохе, используют книгу Маржерета в качестве источника.

(Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Н. Назарова П. Ю. Уварова. М., “Языки славянской культуры”, 2007).

¹² “Борис Годунов” стал вторым по счёту опубликованным произведением, в котором упоминается фамилия “Розен”. Первым стала “Полтава”, хотя написана поэма была позже “Бориса Годунова” — в 1828 году, а увидела свет в 1829-м (“Борис Годунов”, завершённый в декабре 1825 года, вышел в свет в 1831 году). Впрочем, в “Полтаве” Розен воевал на стороне шведов:

*Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдаётся пылкий Шлиппенбах.*

Розены верой и правдой служили России. Портрет одного из них — Г. В. Розена 2-го (1782–1841) — висит в Военной галерее Зимнего дворца в Эрмитаже. За участие в Битве под Аустерлицем барон Г. В. Розен был награждён золотой шпагой “За храбрость”.

Нам неизвестны отзывы Григория Владимировича о “Борисе Годунове”, и автору неизвестно, прочёл ли тот вообще пушкинскую трагедию, хотя это более чем вероятно. В год же выхода в свет “Бориса” барон Г. В. Розен-2-й был одним из главных русских военачальников, приведших в чувство польских бунтовщиков, продолжив тем дело своего пращура.

После окончания польской кампании он становится Главноуправляющим Грузии. Уже на следующий год барон обнаруживает антиправительственный заговор в кругу грузинского дворянства. По его приказу арестовано немало влиятельных лиц, а 120 человек привлечено к следствию. Однако по этапу в Сибирь двинулись лишь четверо. Прочие же, по милосердию Государя Николая Павловича, остались на свободе.

Административной работой Григорий Владимирович занимался рьяно, “работая с документами” даже по ночам, а всех подчинённых ему чиновников знал лично. Его сын Димитрий был в 1838–1840 годах однополчанином М. Ю. Лермонтова.

“На дружеской ноге” с Пушкиным был и другой Розен — Егор Фёдорович, — в прошлом гусар, а к моменту выхода в свет “Бориса Годунова” довольно известный литератор. Е. Ф. Розен был пылкий почитатель Пушкина и один из тех крайне немногочисленных критиков, кто дал восторженный отзыв на “Бориса Годунова”. Критика, как известно, приняла “Бориса”, мягко говоря, холодно, если не сказать, в штыки. Розен был одним из немногих, кто по достоинству оценил новаторство Пушкина.

Большинство авторов говорили, что “это — ни драма, ни поэма, ни повесть, а какой-то выродок, которому нет имени в теории литературы и который невозможно ни к чему приспособить”. “Никто из критиков-самозванцев не умел оценить этого прекрасного творения, — писал барон Е. Ф. Розен С. П. Шевырёву. — Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали “Годунова”, творец коего во времена Петрарки и Тасса был бы удостоен торжественного в Капитолии коронавания. За отсутствием лучших критиков, я написал рецензию в “Лит. Газете”. Кроме того, я ещё перевёл его на немецкий язык с рукописи автора — и заслужил его восторженную благодарность” (**Сочинения и письма А. С. Пушкина. Критически проверенное и дополненное по рукописям издание, с биографическим очерком, вступительными статьями, объяснительными примечаниями и художественными приложениями, под редакцией П. О. Морозова. Том третий. Поэмы, повести и драматическія произведения въ стихахъ (1820–1833). С-Петербургъ. 1903. С. 258**). А в 1835 году барон опубликовал свою трагедию “Пётр Басманов”, в которой Лжедмитрий как персонаж... отсутствовал. По рассказам Розена, Пушкин тому весьма удивился, но, ознакомившись с трагедией, согласился с автором: никакой надобности в Лжедмитрии в трагедии не было. Барон Егор Фёдорович стал автором либретто знаменитой оперы М. И. Глинки “Жизнь за Царя” (в советские времена — “Иван Сусанин”).

В автобиографии, приложенной к немецкому переводу трагедии “Дочь Иоанна III” (СПб. 1841), столь понравившейся Государю Николаю Павловичу, Е. Ф. Розен писал: “Известнейшие наши литераторы часто выражали мне своё удивление, каким образом я, с трудом научившись русскому языку в манеже и на службе, так глубоко мог проникнуть в дух русской народности, как о том сви-

детельствовали первые мои драмы. Ответ был нетруден. Совершенно отлучённый от немецкого духа и от немецкой жизни — и в таком возрасте, когда сердце стремится в даль, в образованный мир, — я должен был удовлетвориться русской национальностью. Первые мои любовные излияния должны были выражаться на русском языке. Часто приходилось мне с гусарами стоять в степной деревне, в ста верстах от полкового штаба, идиллически принимать участие в играх деревенской молодёжи, слушать старинные сказки от краснобаев, весёлые и унылые песни парней и девушек, одним словом, участвовать во всех отношениях народной жизни, и я неприметным образом всю душой обжился с духом национальным. Могу сказать положительно — и моё суждение будет беспристрастно — что **в действительной жизни моей я ничего не встретил привлекательнее русской народной жизни**, как мы находим её вдали от столбовой дороги, в природном состоянии”. Так мог написать человек, для которого Россия — мать, а не мачеха.

В гипнотической сети интернет на сайте “Венёвский уезд” говорится об известном в конце XIX — начале XX веков в Тульском крае фенологе и ботанике Вальтере Вольдемаровиче Розене. Любопытно, что в черновиках Пушкина первоначально значилось не “Вальтер”, а “Вольмар” Розен. В 80-х годах позапрошлого века Вальтер Вольдемарович (Вольмарович / Больмарович) проживал в селе Свиридове Венёвского уезда. Так сходятся века.

¹³ Давным-давно автор вычитал в каком-то журнале, что Шекспиром в нашем мире кормится около 700 000 (семисот тысяч) человек.

¹⁴ Ну да. Имело место и “немцеество”. Был и А. П. Ермолов со своим бессмертным “Сделайте меня немцем, Государь!”, был и князь П. И. Багратион, рассорившийся с “немцем” Барклаем де Толли и отписавший военному министру кн. А. И. Горчакову: “Вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно!” Но Пушкин-то со своим “Борисом Годуновым” здесь при чём? В Пушкине самом текла немецкая и шведская кровь (помимо эфиопской), что “не мешало” ему быть *из всех русских русским*.

¹⁵ Могут возразить, что Е. Г. Эткинд служил во время войны в армии. Да. Служил. Военным переводчиком. И работал с немцами, взятыми в плен. А это не одно и то же, что сталкиваться с ними на поле боя.

¹⁶ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853–1882 (пер. с нем. и фр.). Тула, “Приокское книжное издательство”, 1990. С. 339. Запись от 25 марта 1881 года. Анна Фёдоровна Тютчева (1829–1889) — дочь Ф. И. Тютчева. В 1853–1866 годах — фрейлина при цесаревне, затем императрице Марии Александровне. С 1866 года замужем за одним из лидеров славянофилов И. С. Аксаковым, издававшим еженедельную газету “Русь”.

¹⁷ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853–1882 (Пер. с нем. и фр.) — Тула: Приокское книжное издательство, 1990. С. 339. Запись от 25 марта 1881 г.

¹⁸ Из речи прокурора Н. В. Муравьёва на Процессе по “Делу 1-го марта” www.hrono.info/dokum/1800dok/188103procuror.php.

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

“ПРОЩЁН И МИЛОСТЬЮ ОКОВАН...”

Это было неслыханное событие! Правда, о том, что происходило в те полтора часа встречи Пушкина с Николаем I – один из важнейших эпизодов пушкинской биографии! – говорено много, но известно мало.

С чисто формальной точки зрения царский приём опального поэта проходил “в рабочем порядке”: после короткого ожидания у дежурного генерала Пушкин был представлен, вернее будет сказать – допущен в кабинет императора. И уже одно это нарушало придворный порядок. Личные аудиенции, не носившие строго церемониального характера, были явлением чрезвычайным.

Поскольку беседа происходила с глазу на глаз, и никто “свечку не держал”, то последующие рассказы-пересказы можно свести к двум версиям: царской и пушкинской. А так как ни Николай I, ни поэт никаких обстоятельных письменных свидетельств не оставили, то все варианты события известны из вторых, третьих, а то и четвёртых уст.

Можно излагать, как об этом представлении впоследствии рассказывали, ссылаясь на Пушкина, можно – кивая на царя. Но в обоих случаях необходимо сознавать необходимость коррекции, ибо любой пересказ – это не стенограмма. Тем более что состоявшаяся 8 сентября 1826 года аудиенция, – по меркам придворного этикета, представление царю, – в моём понимании была событием, по внутренней драматургии заслуживающим названия самого настоящего представления. По форме – театр двух актёров. Поэтому различие в восприятии трактовок совершенно закономерно.

Общеизвестно пристрастие Николая I к аккуратности, но возможности привести себя в порядок Пушкину не дали. Мелочь, но психологически очень даже существенная в ситуации первой встречи с новым царём, который умело срежиссировал её. Спектакль, который разыгрывал Николай I, обладавший незаурядным актёрским дарованием, носил название “Милость”. Это вполне объяснимо. Только что расправившийся с декабристами, он создавал, как непопулярен в обществе. Была ли это его собственная “наработка”, рождённая советом Карамзина “приручить” поэта, или идея подсказана Бенкендорфом, начальником только что созданного III Отделения императорской канцелярии (тайный надзор и руководство политической полицией) и шефом корпуса жандармов, сие никому не ведомо. Но царская сторона прекрасно понимала выгоду для власти “милостиво простить” поэта. К тому же не Николаем I тот был “наказан”.

А потому случилось то, что никогда ещё не видано было. Как писал один из современников, “царь разговаривал с человеком, которого во Франции называли бы пролетарием и который в России имел гораздо меньшее значение,

чем пролетарий у нас, ибо Пушкин, хотя и был дворянского происхождения, не имел никакого чина в административной иерархии, а человек без ранга не имеет в России никакого общественного значения, его называют *“homme honoraire”* – “существом сверхштатным”.

Легко представить картину. Молодой красавец (царю 30 лет) с величественными манерами. Высокий, поглядеть – новый Пётр I. Отнюдь не глупый, послушать – царь-реформатор, готовый мирными средствами осуществить многое из того, к чему стремились заговорщики-декабристы.

Николай I стоит у окна спиной к свету и сверху вниз глядит на невысокого собеседника. Свет из окна падает на Пушкина, который стоит весь в пыли, небритый, в пуху, измятый. А лицо царя остаётся в тени, и его мимику сложно разглядеть. Такой “разворот у окна” спиной к свету относился к маленьким “профессиональным” хитростям его повседневной работы с людьми. Понятно режиссёрское решение мизансцены: поэт должен ощущать себя доставленным из заключения, ещё не получившим высочайшего прощения, чтобы не возникало никакого ощущения свободы. Он ещё в опале и лишён права въезда в столицы. Не декабрист, но лишь потому, что “приговорён” авансом ещё в 1824-м. Этакая форма лёгкого психологического давления.

Вот как выглядела версия Пушкина, с его слов записанная двоюродной сестрой поэта И. И. Козлова Анной Григорьевной Хомутовой (она встретила с Пушкиным всего через полтора месяца после аудиенции в Чудовом дворце):

– А, здравствуй, Пушкин, доволен ли ты, что возвращён?

Я отвечал, как следовало в подобном случае. Император долго беседовал со мною и спросил меня:

– Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?

– Неизбежно, государь: все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо.

– Ты довольно шалил, – возразил император, – надеюсь, что теперь ты образумишься и что размовки у нас вперёд не будет. Присылай всё, что напишешь, ко мне; отныне я буду твоим цензором”.

В относительно скрытой, косвенной форме детали этой версии встречаются в стихотворениях “Стансы”, “Друзьям”, в записке “О народном воспитании” и письмах поэта. Позже мотивы разговора в ходе встречи будут всплывать в опосредованных воспоминаниях, впечатлениях современников, воспроизводивших то, что они слышали от самого участника встречи в Чудовом дворце или со слов “многих знакомых” Пушкина.

Версия Николая I представлена в документах, так или иначе исходящих от царя. И, в первую очередь, приходится назвать получившую известность предельно пристрастную дневниковую запись сокурсника Пушкина по Лицею Корфа. Хотя в записи этой все видят не иначе как пример субъективности и рассказчика – царя, и самого придворного интерпретатора Корфа (разговор Николая I с Корфом происходил в 1848 году, через много лет после беседы с Пушкиным).

Эхо встречи можно увидеть в пометах царя на полях записки “О народном воспитании” и в письмах Бенкендорфа к Пушкину. Например, разрешая Пушкину въезд в Петербург спустя восемь месяцев после московской встречи с царём, шеф жандармов напоминал об одном из аспектов состоявшегося тогда разговора:

“Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С<анкт>-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будет в полном смысле сдержано”.

Из почти трёх десятков мемуарных свидетельств о почти потаённом разговоре поэта с царём наиболее подробные записи принадлежат А. Г. Хомутовой (самая достоверная запись рассказа Пушкина), М. А. Корфу (версия Николая I), многолетнему личному секретарю Бенкендорфа Павлу Ивановичу Миллеру (с явным сочувствием к Пушкину), польскому литератору Юлиушу Струтыньскому (где и царь, и Пушкин изображены с явным авторским сочувствием). Читая их, понимаешь: разница взглядов “собеседников” на аудиенцию 1826 года закономерна. То, что для поэта – стратегическая перемена судьбы, для царя – лишь проходной тактический эпизод.

Николай I, что естественно, желал представить обществу свою милость и “раскаявшегося грешника”. Он играл роль первого дворянина, царя-рыцаря, которому вовсе не чужды правила чести. Для Пушкина было важно суметь найти линию поведения, в той или иной мере приемлемую для самодержца, при этом “сохранить достойное лицо” и оставить впечатление несломленности.

И оба они явно стремились оставить сокрытыми от современников самые щекотливые элементы беседы, касающиеся как прошлого России, “оценки” причин, приведших к 14 декабря, так и настоящего и будущего страны (что можно счесть “программами” обоих собеседников). Именно поэтому впоследствии Пушкин не очень распространял свой ответ насчёт 14 декабря во избежание дурных толкований как со стороны власти, так и со стороны декабристов. По той же причине пушкинский пересказ полуторачасового разговора уложился в несколько строк, остальное спрятано за словами “император долго беседовал с мною”.

Немного истории: для царя подходить к освещению событий подобным образом было не в новинку. Ещё в ходе работы Следственного комитета – судей декабристов – Николай I распорядился, “исключив из доклада, представить государю императору в особенном приложении: 1) об убавке срока службы солдатам; 2) о разделении земель; 3) освобождение крестьян; 4) о намерении возмутить военных поселян; 5) о государственных лицах”. Дело заключалось в том, что “Донесение Следственной комиссии” от 30 мая 1826 года публиковалось в печати, и царю было невыгодно обнародовать истинные цели декабристов.

Оно и понятно. Одному, пребывая уже сколько лет в опале без прямого политического преступления, класть голову на плаху? Лезть на рожон в ситуации, когда есть показания арестованных заговорщиков, что его стихи имели непосредственное отношение к формированию революционных идей, а строки “Кинжала” читались как прямой призыв к цареубийству? Бравировать, когда ближайшие его друзья отправлены на каторгу, а знакомые погибли на эшафоте? Ещё пару часов назад пребывать в смятении, видеть подле себя фельдъегеря и отказаться (любое слово поперёк будет равносильно отказу) от желанной свободы?

Другому же что стоит поиграть в милосердие, взвешивая на весах правосудия доводы “за” и “против”? Посулить перемены, обещать покровительство, разрешить Пушкину поселиться в Москве – нет ничего проще. Его поведение – своеобразная показательная игра на публику, которую никто из публики не видел, но про которую все прослышат. Николай I в сложившейся ситуации меньше всего думал о восстановлении справедливости. Вопрос стоял иначе: насколько выгодно “помиловать”?

Собеседники – почти ровесники: царь всего тремя годами старше. Вполне мог, как помните, оказаться в числе лицейских однокурсников поэта, случись реализоваться первоначальному плану обучать младших братьев Романовых в новом учебном заведении. Оба как бы начинают “с чистого листа”: один – жизнь великого государя, другой – жизнь великого писателя. И для одного, и для другого встреча во многом неожиданна, характер разговора – непривычен.

Велико искушение сказать здесь о предчувствии уже не столь отдалённых трагических событий. Почему не столь отдалённых? Потому что, по любым меркам, ждать их осталось недолго: от сентября 1826 года до января 1837-го всего-то чуть более десяти лет. Однако никаких предчувствий чудовищной драмы в тот момент у участников встречи без единого свидетеля в Чудовом дворце нет.

Сцена первая спектакля в жанре диалога-поединка начинается вступительной “репликой” государя, который сразу берёт быка за рога. Декабрист Николай Иванович Лорер так излагает этот момент:

“К удивлению Александра Сергеевича, царь встретил поэта словами: “Брат мой, покойный император, сослал вас на жительство в деревню, я же освобождаю вас от этого наказания с условием ничего не писать против правительства”.

Тут же звучит, кто-то скажет – “наивный”, вопрос: доволен ли Пушкин своим возвращением? И далее следует другой, уже ничуть не наивный, знакомый всем вопрос: “Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?” Судя по всему, он из числа заранее заготовленных. Из чего следует моё предположение? Дело в том, что несколькими месяцами ранее

он уже звучал в ходе процесса над декабристами. Описывая допросы в Следственной комиссии, автор “Записок декабриста” А. Е. Розен вспоминал:

“Не все члены комиссии поступали совестливым образом, – иначе как мог бы Чернышёв спросить М. А. Назимова: “Что вы сделали бы, если бы были в Петербурге 14 декабря?” (Назимов был в это время в отпуску, в Пскове). Этот вопрос был так неловок, что Бенкендорф, не дав времени ответить Назимову, привстал и через стол, взяв Чернышёва за руку, сказал ему: “Послушайте, вы не имеете права задавать подобный вопрос, это дело совести”.

Как известно, Николай I лично участвовал в допросах, в тех же случаях, когда он не присутствовал на них, то внимательно читал материалы проводимых допросов. Поэтому провокационный вопрос “что вы сделали бы, если бы...”, прозвучавший во время следствия, был для него не нов. Но то, что даже Бенкендорфу показалось юридически некорректным, императора не смутило. Он счёл возможным для себя, повторив “бессовестный” вопрос генерала А. А. Чернышёва, задать его Пушкину (кстати, царь по достоинству оценил верноподданническую жестокость генерала и впоследствии назначил его на должность военного министра России).

Позже, через записки Корфа, царь сам воспроизведёт заданный им вопрос: “Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?” – спросил я его между прочим. “Стал бы в ряды мятежников”, – отвечал он”.

Примечательно, тоже между прочим, что царь забыл или счёл лишним, ненужным припомнить объяснение поэта, причину, по которой тот был бы на площади, – ибо там находились его друзья.

Ответ поэта, что он примкнул бы к мятежникам, так как ими были его друзья, конечно, большая смелость, особенно в тогдашней атмосфере страха и подавленности, охватившей довольно широкие круги образованного общества. И уж кому-кому, а Николаю I известно, что Пушкин был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Но другого ответа в ходе аудиенции царь от Пушкина вряд ли ждал: счёл бы ложью, начини тот заверять, что ни при каких обстоятельствах не вышел бы на Сенатскую площадь. Так что вопрос Николая I был неким тестом на правду.

Но и “наивный” вопрос царя был не так прост, как кажется с первого взгляда. Им, по сути, Пушкин экзаменуется на лояльность. Задавая его, Николай I заведомо ожидает (царское ожидание – это форма требования) благодарности, признания прошлых прегрешений, заверений в безусловном подчинении и безраздельной зависимости. За этим, помимо всего, скрыто подспудное желание получить от Пушкина, говоря современным языком, признание легитимности своего правления. Желание, чтобы все увидели: тот, кто конфликтовал с его старшим братом-отцеубийцей, признаёт его, убийцу декабристов, законным правителем.

О присутствии этой темы в разговоре свидетельствуют строки, дошедшие до нас от А. Мицкевича:

“Царь почти извиняется перед Пушкиным в том, что завладел тронem: он полагает, что Россия ненавидит его за то, что он отнял корону у великого князя Константина; он оправдывался, поощрял поэта писать, сетовал на его молчание”.

Слова “сердечного благодарения” царь услышал. Тут поэт ответил “как следовало”, потому что понимал: прежний царь его сослал, а новый – воротил. Хотя, видимо, уже тогда и позже царь помышлял о более впечатляющих ответных словах и поступках Пушкина. Подозрение, что Пушкин не ощущает всей меры коснувшегося его царского благодеяния, долго ещё будет сопровождать поэта. В феврале 1827 года Бенкендорф не преминет по поводу стихотворения “19 октября” укорить Пушкина:

“... вовсе не нужно говорить о своей опале и несчастье, когда автор не был в оном, но был милостиво и отечески оштрафован за такие проступки, за которые в других государствах подвергнули бы суду и жестокому наказанию”.

Великий лицемер и лицедей Николай I, чья способность перевоплощаться поражала даже выдавшихся виды людей из его окружения, в ходе допросов декабристов добивался признательных показаний то наигранной искренностью, то хитростью, то обманом, то угрозой, то пуская в ход даже слёзы. Но в лице Пушкина он встретил достойного противника-виртуоза. Один из ближайших друзей поэта П. В. Нащокин в откровенном разговоре

с Бартеневым свидетельствовал, что Пушкин вышел из кабинета царя “со слезами на глазах и был до конца признателен к государю”.

И ведь подобные суждения можно прочесть даже в воспоминаниях пушкинских собеседников, которым был присущ самый что ни на есть критический взгляд на Николая I:

“Пушкин был тронут и ушёл, глубоко взволнованный. Он рассказывал своим друзьям-иностранцам, что, слушая императора, не мог не подчиниться ему. “Как я хотел бы его ненавидеть! — говорил он. — Но что мне делать? За что мне ненавидеть его?”

Разумеется, не только малейшей угрозы в адрес царя, но даже выражения злости по поводу несправедливого, на его взгляд, многолетнего наказания Пушкин позволить себе не мог. Он сумел взять себя в руки, хотя...

Без сослагательного наклонения в данной ситуации никак не обойтись. По той причине, что года за два до этого, в первые месяцы своей ссылке жизни в Михайловском, Пушкин полушутя-полувсерьёз набросал так называемый “Воображаемый разговор с Александром I”. Конечно, прежний царь не походил на нынешнего, хоть и братом ему доводился. Но почему бы и не помянуть было о возвращении из ссылки? “Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему...” Какой виделась поэту воображаемая встреча с царственным тёткой? Если бы она состоялась, полагал Пушкин, вряд ли чем хорошим обернулась бы. Во всяком случае, заканчивал поэт свой шуточный набросок словами: *“Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь...”*

Новая метла, хоть и говорят, что метёт по-новому, но, не услышь он сразу, что его прощают, кто знает, как всё повернулось бы. Мог ведь и вспыхнуть, и тогда проявился бы настрой, который описан Ю. Струтыньским:

“Помню, что, когда мне объявили приказание государя явиться к нему, душа моя вдруг омрачилась, — не тревогою, нет! — но чем-то похожим на ненависть, злобу, отвращение. Мозг ощетинился эпиграммой, на губах играла насмешка, сердце вздрогнуло от чего-то похожего на голос свыше, который, казалось, призывал меня к роли стоического республиканца, Катона, а то и Брута”.

Эти строки нередко соотносят с бытующими разговорами о стихах-продолжении “Пророка”: “Восстань, восстань, пророк России...” По сию пору идут споры, находился ли тогда этот текст в кармане поэта или “спокойно” пребывал в его памяти, или, наоборот, сходили ли вообще эти крамольные строки с пера Пушкина. Советское пушкиноведение предпочитало верить в существование “таинственных” стихов, принадлежащих Пушкину, и в его готовность, случись новое унижение-осуждение, ответить самоубийственной дерзостью — прочесть их императору. История, конечно, не без красоты, но она не подтверждается никакими реальными фактами. Хотя ссылку на такую легенду, подтверждающую “революционность” поэта, можно нередко встретить.

Говорить о чистосердечной откровенности со стороны Пушкина в том разговоре с царём, я думаю, не приходится. Поэт тоже исполнял свою роль то с наигранной искренностью, то с хитростью, граничащей с обманом. И прежде всего, это проявилось в наиболее остром месте судьбоносной для Пушкина беседы — на сложную, деликатную, крайне опасную для него тему 14 декабря. Здесь у царя была ещё одна “домашняя заготовка”. Читаем в записках Лорера (со слов брата Пушкина):

“— Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири, — продолжал государь.

— Правда, государь, я многих из них любил и уважал, и продолжаю питать к ним те же чувства.

— Можно ли любить такого негодяя, как Кюхельбекер? — продолжал государь”.

Представить, что упоминание именно Кюхельбекера здесь случайно, на мой взгляд, невозможно. Это ещё одна “домашняя заготовка” Николая I: царский “экзамен” Пушкина. Из опубликованного “Донесения Следственной комиссии” Пушкину известно, что Кюхля едва не стал шестым повешенным (14 декабря на площади он пытался застрелить генерала Воинова и великого князя Михаила Павловича). Николай I прекрасно осведомлён, что Кюхельбекер не просто лицейский однокашник поэта, но один из его близких друзей. И он ждёт, каков будет пушкинский ответ.

Выбор невелик: предать друга (тем самым показать, что ты “сломался”) или честным ответом навредить себе. Пушкин находит третий вариант решения проблемы. Он пытается помочь Кюхле, нарочно представляя его странно-сти как признак сумасшествия.

“— Мы, знавшие его, считали всегда за сумасшедшего, и теперь нас может удивлять только одно, что его с другими, сознательно действовавшими и умными людьми, сослали в Сибирь”.

Николай I (по записям Корфа) считал: “Он (Пушкин) наговорил мне пропасть комплиментов насчёт 14 декабря”. Царь запомнил “комплименты” себе.

Пушкин, ещё не выйдя из царского кабинета, предпринимает первые попытки опальных защитить. А уже два месяца спустя в записке “О народном воспитании”, представленной царю, поэт, признавая древние исторические корни самодержавия, не скрывает своего сочувствия декабристам. Оно у Пушкина никоим образом не сфокусировано в одну точку. Поэтому не мешает ему писать и про идеализм декабристов, и про “дум высокое стремление”, которые тем самым не отделены друг от друга...

Сложность того, что и как говорилось Пушкиным 8 сентября 1826 года о декабристах, особенно видна в книге Поля Лакруа “История жизни и царствования Николая I, Императора Всероссийского”. Французский писатель, специально призванный, как сказали бы сегодня, для формирования имиджа царя в общественном сознании европейцев (за свой труд он получил пенсию от русского двора), вынужден свидетельствовать: Пушкин пытался говорить “в пользу декабристов”, что путь заговорщиков (пусть и ошибочный) был продиктован серьёзными причинами, которые не устранены, что многие задуманные ими перемены необходимы. На страницах книги любопытно соединены пушкинские “комплименты царю” и защита им опальных декабристов:

“Пушкин честно и искренне воздал его величеству хвалу за мужество и величие души, проявленные так торжественно 14 декабря, и только выразил сожаление о судьбе многих руководителей пагубного дела, обманутых своим патриотизмом, тогда как при лучшем направлении они могли бы принести деятельную пользу обществу”.

Вполне допустимо предположение Ю. М. Лотмана, который считал, что какие-то туманные заверения о прощении “братьев, друзей, товарищей” Пушкин тогда получил. Во всяком случае, именно с момента первой встречи с царём Пушкин возлагает на себя ношу заступника за декабристов, которую он сочтёт важнейшим из дел жизни: “И милость к падшим призывал”.

Вникнем, на чём строится такое допущение? Начнём с того, что слова “я был бы в невозможности отстать от них” — это фраза по своему характеру не декабристская. Она объясняет возможность участия в событиях 14 декабря не политическими мотивами, а понятиями чести (вышел бы на площадь из дружеской солидарности, а не оттого, что разделял мысли о необходимости именно насильственной перемены власти).

Не отрекаясь от дружеских связей с декабристами, Пушкин, тем не менее, уже определился в своём отношении к смуте и анархии, бунту и революции — они ему “не нравятся”. А потому, сторонник преобразований в стране, но не восстания, он мог позволить себе отделить людей от идей и высказать принципиальное сомнение в декабристских средствах. И самое главное, у него уже сложился, независимо от царских репрессий и помилований, свой взгляд на ход и перспективы российской истории. Понимая, что царь имеет на него свои виды, поэт готов изложить его Николаю I.

Но не исключено, что царь успел раньше ступить на тропу прошлых и новых прегрешений поэта. И Пушкину пришлось “держат ответ” за ранние вольные стихи и за “Андрея Шенье”. “Ваше величество, — отвечал Пушкин, — я давно ничего не пишу противного правительству, а после “Кинжала” и вообще ничего не писал”. У Лакруа (со слов М. А. Корфа) читаем:

“Пушкин без труда оправдался в тех подозрениях, которые тяготели над ним и были последствием его неосторожных отзывов о разных злоупотреблениях; благородно и открыто изложил он пред монархом свои политические мысли...”

Далее опять начинаются гипотезы. Одни полагают, что на этой встрече в подтверждение своей нынешней “благонамеренности” был предъявлен “Борис Годунов” (драма вскоре будет “отцензурована” царём). Другие считают, что этого не произошло. Мол, “Борис Годунов” попал в руки царя несколько

позже, и передача состоялась через Бенкендорфа. Хочу заметить, что, даже если в кабинете Чудова дворца Пушкин вручил рукопись царю, тот братья за чтение её не торопился. Тем не менее, перевести разговор в иную плоскость Пушкину всё же удалось.

Позже раздадутся голоса, упрекающие Пушкина за измену идеалам во время встречи 8 сентября. Тема, кто – поэт или царь – вышел из дискуссии о декабристах победителем, станет чуть ли не главной в глазах всех, кто считал себя святее Римского Папы. Адам Мицкевич, например, полагал, что царь обольстил поэта и что русское общество имело право потребовать Пушкина к ответу:

“Ты нам предрёк в своих ранних стихах кровавое восстание, и оно произошло; ты предсказал нам разочарование, крушение слишком выспренных, слишком романтических идей – всё это сбылось. Что же ты предскажешь нам теперь? Что нам делать? Чего нам ждать?”

Обольстил царь поэта или нет, каждый волен решать сам. Тема эта, согласитесь, щекотливая, объективно результат не измерить. Всё зависит от колокольни, с которой будешь глядеть. Если исходить из того, что после третьего за вечер приглашения на танец обязан жениться, то, конечно, привлечь к ответу следовало. Если обещать не значит жениться, то оценка будет противоположной.

Льстил ли царь Пушкину? Безусловно. До неприличия. Струтыньский, излагая рассказ Пушкина, писал:

“Как, – сказал мне император, – и ты враг своего государства? Ты, которого Россия вырастила и покрыла славой? Пушкин, Пушкин! Это нехорошо! Так быть не должно!”

А в “Истории жизни и царствования Николая I, Императора Всероссийского” Поля Лакруа можно прочесть:

“Подавая руку Пушкину, его величество сказал: “Я был бы в отчаянии, встретив среди сообщников Пестеля и Рыльева того человека, которому я симпатизировал и кого теперь уважаю всей душой. Продолжай оказывать России честь твоими прекрасными сочинениями и рассматривай меня как друга”.

Через три недели после аудиенции в письме Бенкендорфа Пушкин прочитает слова, в которых увидит почти буквальное повторение сказанного ему императором 8 сентября:

“Его величество совершенно остаётся уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передавание потомству славы нашего Отечества, предав вместе бессмертию имя ваше”.

Не исключено, что первая строка пушкинских “Стансов” (“В надежде славы и добра...”) окажется поэтическим откликом на “политическую прозу”, прозвучавшую тремя месяцами раньше, во время кремлёвской беседы.

Видимо, Николай I не поскупился и на другие милостивые выражения. Но о чём, однако, беседовали они “долго”? Не о бессмертии же имени Пушкина вёл их разговор после того, как закончилась та часть встречи, которую можно назвать искусным допросом.

Что слышали тогда лишь стены царского кабинета Чудова дворца, но что не могло быть обнародовано и почти не осталось в письмах, дневниках и воспоминаниях современников? Логика подсказывает, это был обмен мнениями о будущем России, о насущных преобразованиях... Только это необходимо было держать за семью печатями. И именно здесь “стороны” о чём-то договорились, после чего и последовали лестные царские слова. В результате последовал царский “казак” на написание докладной записки “О народном воспитании”, и Николай I вознамерился стать цензором Пушкина.

На фоне этих метаморфоз произойдёт то, на что оба обратят внимание... но каждый заметит “соринку” лишь “в глазу” у другого.

Некоторым образом спадёт напряжение, и они слегка расслабятся. И если в первой половине разговора царь обращался к Пушкину на “вы”:

“Брат мой, покойный император, сослал вас на жительство в деревню, я же освобождаю вас...”

“Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири...”

“Я позволяю вам жить, где хотите”.

То теперь государь переходит на “ты”:

“Что же ты теперь пишешь? Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?”

“Ты довольно шалил, надеюсь, что теперь ты образумишься и что раз-молвки у нас вперёд не будет. Присылай всё, что напишешь, ко мне; отныне я буду твоим цензором”.

Эту деталь разговора хорошо уловил Пушкин и отразил в своих рассказах друзьям. А царь тем временем заметил другую подробность свидания с Пушкиным. Ободрённый снисходительностью государя, поэт произвольно “обратился спиной к камину, обогревая ноги”, незаметно для самого себя “припёрся” к столу, который был позади него, и почти сел на него. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: “С поэтом нельзя быть милостивым”.

Вчерашний изгнанник поразил царя тем, что заговорил с ним языком Державина – министра статс-секретаря Екатерины II, Карамзина – личного друга Александра I, Жуковского – учителя русского языка великой княгини (впоследствии императрицы) Александры Фёдоровны, воспитателя-наставника великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II). Но сомнительно, что, слушая поэта, Николай I таковым его слышал. Зато государь, лицедействуя, явится перед Пушкиным искусным ценителем литературы и чуть ли не поклонником его поэзии. Каждый в итоге сочтёт, что добился своей цели.

Правда, у Николая I была возможность использовать “административный ресурс”. И он, конечно же, не преминул им воспользоваться. Вера Фёдоровна Вяземская запомнила из всего разговора с царём именно то, как, выходя после разговора наедине с кабинетом вместе с Пушкиным, государь, ласково указывая на него своим приближённым, сказал заключительные слова: “Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин”.

Финальная “историческая фраза” явилась неким официальным итогом их встречи 8 сентября, который стал считаться общепризнанным. Нам ли не знать, что “важно, как войти в нужный разговор, но ещё важнее искусство выхода из разговора...” “Запоминается последняя фраза”, независимо от того, произнесена она весной или осенью.

Театральный занавес на этом закрылся. Но, как оказалось, совсем ненадолго. И надо ли удивляться, что уже вечером того же дня на балу у французского герцога Рагузского Николай I подозвал к себе Д. Н. Блудова. Именно он, составитель официального “Донесения Следственной комиссии” – доклада по делу декабристов, – обратим внимание, с 1826 года вместе со Сперанским и несколькими другими сановниками “приставлен к реформам”. С ним, старым пушкинским приятелем по “Арзамасу”, “человеком Карамзина”, царь делится: *“Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?”*

Будущий министр внутренних дел, председатель Государственного совета почтительно-недоумённо интересуется, кто же это. В ответ Николай Павлович называет Пушкина. Царь верно рассчитывает, что сказанное им будет благоприятно воспринято сравнительно умеренными, либеральными кругами двора и дворянства. Но это лишь одна сторона медали. На другой – столь эффектная (не без красоты, конечно) фраза, несомненно, содержит немалую долю самохвальства и самодовольства: новый царь в какие-то полтора часа сумел умнейшего в России человека очаровать и сделать своим. Это, можно сказать, уже следующий акт пьесы, которую, сменив декорации, после антракта в тот день продолжил играть Николай I.

Первые реплики этого действия в роли реформатора царь, с полной уверенностью можно утверждать, произнёс на встрече с Пушкиным. Не исключено, что особой фантазии императору даже не понадобилось. Ещё допрашивая декабристов, он не без успеха убеждал их в своих намерениях стать “царём-освободителем”: *“Зачем вам революция? Я сам вам революция: я сам сделаю всё, чего вы стремитесь достигнуть революцией”.*

Нечто подобное в тот день он, наверняка, говорил и Пушкину. В одной публикации 1860 года в “Колоколе” со ссылкой на Мицкевича приводились слова Николая I Пушкину:

“Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал, но, верь мне, я так же люблю Россию, я не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться”.

Как раз здесь, если присмотреться, обнаруживается точка сопряжения, возникшая в ходе разговора царя и Пушкина. Высказывания поэта при обсуждении некоторых важных вопросов, например, о правительстве, которое “всё

ещё единственный европеец в России”, об общем положении дел в стране (“... в России всё продажно”). Несколько ранее, в “Заметках по русской истории XVIII века”, он конкретизировал:

“От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно”.

Царские слова об “умнейшем человеке”, адресованные Блудову, косвенно свидетельствовали, что царь признал: Пушкин хорошо понимает то же, что и “мы с тобою”, то есть необходимость преобразований **в рамках данной системы**.

Известно, что самоуверенный и отличавшийся упрямством Николай I считал умными тех, кто был способен угадывать его мысли или умел говорить в его духе. Значит, 8 сентября 1826 года какие-то пушкинские мысли совпали с мнением царя или, точнее, у него создалось такое впечатление. (Хотя не исключено, что царь лишь следовал линии, избранной им в отношении поэта: дать понять всем, что тот – уже не прежний вольнодумец Пушкин, он принял правила игры, заявленные новым государем.)

Остаётся добавить: под этим впечатлением государь поручает Пушкину письменно изложить свои соображения на тему “О народном воспитании”. Почему царь избирает именно её? Эту часть беседы пересказывает, хочется сказать – беллетристически описывает Ю. Струтыньский, начиная с момента признания Пушкина, что “никогда не был врагом своего государя, но был врагом абсолютной монархии”, и ответа царя о “республиканских химерах”:

“– Сила страны – в сосредоточении власти; ибо где все правят – никто не правит; где всякий – законодатель, там нет ни твёрдого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия!

– Кроме республиканской формы правления, которой препятствует огромность России и разнородность населения, существует ещё одна политическая форма – конституционная монархия.

– Неужели ты думаешь, что, будучи конституционным монархом, я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на гибель ей? Неужели ты думаешь, что обаяние самодержавной власти, вручённой мне Богом, мало содействовало удержанию в повиновении остатков гвардии и обузданию уличной черни, всегда готовой к бесчинству, грабежу и насилию?”

Пушкин указывает на другую “гидру”, чудовище куда более страшное и губительное:

“Самоуправство административных властей, развращенность чиновничества и подкупность судов России. Россия стонет в тисках этой гидры поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всём пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище не достигло!”

Нет сословия, которого оно не коснулось бы! Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена! Справедливость – в руках самоуправцев! Над честью и спокойствием семейств издеваются негодяи! Никто не уверен ни в своём достатке, ни в свободе, ни в жизни! Судьба каждого висит на волоске, ибо судьбою управляет не закон, а фантазия любого чиновника, любого доносчика, любого шпиона!

Что ж удивительного, Ваше Величество, если нашлись люди, решившие свергнуть такое положение вещей. Что ж удивительного, если они, возмущённые зрелищем униженного и страдающего отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтобы уничтожить то, что есть, и построить то, что должно быть: вместо притеснения – свободу, вместо насилия – безопасность, вместо продажности – нравственность, вместо произвола – покровительство закона, стоящего надо всеми и равного для всех!

Вы, Ваше Величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств к её осуществлению, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного!”

Царь находит в этих словах поэта оправдание мятежа. Но Пушкин повторяет: “Я оправдываю только цель замысла, а не средства”.

Царь, признав благородные убеждения собеседника, толкует о возможных преобразованиях. Ах, как славно говорил царь! Заметьте, не сегодня, не вчера – почти двести лет назад:

“Для глубокой реформы, которой Россия требует, мало одной воли монарха, как бы он ни был твёрд и силен. Ему нужно содействие людей и времени <...> Пусть все благонамеренные и способные люди объединятся вокруг меня. Пусть в меня уверуют. Пусть самоотверженно и мирно идут туда, куда я поведу их, – и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет, ибо только в общих усилиях – победа, в согласии благородных сердец – спасение! Что же до тебя, Пушкин... ты свободен.

Я забываю прошлое – даже уже забыл. Не вижу пред собой государственного преступника – вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит высокое призвание – воспламенять души вечными добродетелями и ради великих подвигов. Теперь можешь идти! Где бы ты ни поселился (ибо выбор зависит от тебя), помни, что я сказал и как с тобой поступил. Служи родине мыслью, словом и пером <...> Пиши для современников и для потомства. Пиши со всей полнотой вдохновения и с совершенной свободой, ибо цензором твоим буду я!”

Очень скоро Пушкин, выйдя из царского кабинета, из Кремля направится на Басманную, в дом дяди Василия Львовича, “оставивши пока свой багаж в гостинице дома Часовникова... на Тверской, 12”, так как родителей его, Сергея Львовича и Надежды Осиповны, в то время не было в Москве. Первый после многих лет вечер, когда он пьёт воздух свободы. На душе – ощущение праздника. Полтора часа – не такой срок, за который можно многое понять, но можно кое-что почувствовать. Значит, царь хорошо сыграл на его чувствах. Знать, верно говорили: хороший он был актёр.

Отмечает знаменательный день и вся Москва, в которой поэт не был пятнадцать лет. Ещё недавно лежавшая в углях пожара 1812 года, сожжённая именно 8 сентября, она празднует Рождество Богородицы. И царь среди шумного бала у французского герцога празднует своё торжество над умнейшим человеком в России.

Задним числом мы можем рассудить: 8 сентября стало царским размером декабристов на Пушкина – уступкой общественному мнению. Поэт счёл, что это дало ему право заполучить “договор”, обеспечивающий с его стороны воздержанность, а со стороны “правительства” – терпимость. Впечатлительный и доверчивый, как случается у поэтов, он наивно полагал, что “условия” его приняты, оковы с него сняты и заключённый мир будет вечным, ну, или хотя бы продолжительным. Но очень скоро выяснится: Пушкин ошибался, полагая, что откровенность и благородство вкупе с талантом гарантируют ему исключительное положение.

Дальнейшее развитие сюжета незамысловато. Следуя услышанным заверениям царя, Пушкин пишет записку “О народном воспитании” по формуле, определяющей цель воспитания “молодых дворян”:

“... Служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве”.

Записка о новых принципах народного образования в России проникнута пафосом просветительства, призывом к организации такой системы воспитания и обучения, которая даст возможность молодому поколению “в просвещении стать с веком наравне”. Совпадение, но в это же примерно время для Бенкендорфа над произведением “подобного” жанра усердно трудится ещё один литератор. Его величают Фаддеем Венедиктовичем. Это тот, кого сначала с лёгкой руки Вяземского стали прозывать Фигляриным. А потом Пушкин дополнит это определение именем Видока, начальника парижской тайной полиции, и родилась прошедшая сквозь века кличка “Видок Фиглярин”.

Наверное, мало кто из сегодняшних читателей ведаёт его подлинное имя – Ян Тадеуш Кшиштоф Булгарин (польск. Jan Tadeusz Krzysztof Bułharyn), один из его предков был канцлером у Лжедмитрия Первого, полная фамилия – Шкандербек-Булгарин. А тогда, пожалуй, было ничуть не больше читателей, знающих, что в 1812 году Булгарин служил капитаном во французской армии, участвовал в походе на Россию, был одним из проводников Наполеона при его переправе через Березину, что позволило ему, несмотря на огромные потери, понесённые “Великой Армией”, казалось бы, в безвыходных обстоятельствах переправить и сохранить боеспособные силы.

Колоритная история, но дюжину лет спустя он уже русский писатель, журналист, критик, издатель. Букет будет не полон, если опустить ещё одну его профессию – циничный эксперт-доносчик. Причём, замечу, доносил он не корысти ради, исключительно из любви к искусству и по идейным соображениям. За статью на смерть Александра I Булгарин “удостоился получить благоволение” Николая I, переданное ему через графа Милорадовича. Ему предстоит стать основоположником жанров авантюрного плутовского романа, фантастического романа в русской литературе. На обложке первого русского “бестселлера” стоит его имя. А ещё в творческой палитре популярного писателя – целый ряд докладных записок на такие темы, как распространение социалистических идей в России, политика в сфере книгопечатания, цензура, взгляды членов “Арзамасского общества” и выпускников Царско-сельского лицея. Как видим, интересы были широкого диапазона.

Волею случая у Николая I оказался выбор. Две противоположные по характеру содержания записки легли к нему на стол. Автор одной – “Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo” – верноподданнейше доносил, что система воспитания молодых людей должна, прежде всего, избегать формирования лицейского духа:

“В свете называется лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходитесь фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем равенства. Молодой вертопрах должен при сём порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском – знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться неверующим христианским догматам и более всего представляться филантропом и русским патриотом. К тому принадлежит также обязанность насмехаться над выправкою и обучением войск, и в сей цели выдуманно ими слово “шагистика”. Пророчество перемен, хула всех мер или презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь, суть отличительные черты сих господ в обществах. “Верноподанный” значит укоризну на их языке, “европеец” и “либерал” – почётные названия. Какая-то насмешливая угрюмость вечно затемняет чело сих юношей, и оно проясняется только в часы буйной весёлости”.

Автор второй – Пушкин. Николай I лично с пристальным вниманием знакомится с его запиской. И пока читал, на полях делал пометы: сорок вопросительных и один восклицательный знак. Ответ – наставительная резолюция царя недавно прощённому вольнодумцу – был передан, как всегда, через Бенкендорфа:

“Государь император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании и поручил мне изъяснить Вам высочайшую свою признательность. Его величество при сём заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенства, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей”.

Пушкинское “правило” царь посчитал декабристским. Не мною замечено, но слова “гений” в записке Пушкина вы не найдёте. Выплыло оно, похоже, из... записки Булгарина, который писал, что все “лицейские воспитанники первого времени”, то есть пушкинского выпуска, “почитают себя... гениями”.

Так что Николай I свой выбор сделал. А в подтверждение можно привести ещё один показательный факт. Поданная Булгариным записка содержала предложение:

“В целой России я вижу одного только способного к тому (быть начальником лицея, способным к великому делу преобразования духа и образа мыслей учащихся. – А. Р.) человека, – это именно полковник Броневский, инспектор классов тульского училища, которое всем обязано ему одному... Я читал замечания Броневского обо всех корпусах и военных училищах в Петербурге; он показывал мне это по доверенности. Чудная вещь! Броневский – человек необыкновенно умный и совершенно знает своё дело. Это единственный педагог, которого можно употребить для преобразования. Он отменно

привязан к царской фамилии и со слезами непритворными рассказывал мне о наследнике престола. Он беден – и это одно заставит его переселиться сюда или куда угодно”.

Пусть и значительно позже (в 1840 году), генерал-майор Дмитрий Богданович Броневский был назначен директором лицея.

Пушкинскому “правилу” царь предпочёл своё:

“Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание. Впрочем, рассуждения Ваши заключают в себе много полезных истин”.

Никаких новых поручений Пушкину не последовало. Но это были только цветочки.

Немного истории: “заявка” молодого монарха заставляет вспомнить очень схожий исторический сюжет, в котором несколько раньше были задействованы Екатерина II и автор “Толкового словаря наук, искусств и ремёсел” Дидро. Историческая параллель тем более показательна, что известно признание самой императрицы: “Я долго с ним беседовала, но более из любопытства, чем с пользою”. В случае с Пушкиным, воспитанным, напомню, на идеях просветителей XVIII столетия, эту фразу век спустя вполне мог бы произнести Николай I.

Суждения французского писателя-философа государыне, с её по-царски утончённой и чувствительной натурой, конечно же, и не могли показаться приемлемыми. Ещё бы! Дидро заметил, что в характере русских замечается какой-то след панического ужаса, и это, очевидно, результат длинного ряда переворотов и продолжительного деспотизма. Они всегда как-то настороже, как будто ожидают землетрясения, будто в моральном отношении они чувствуют себя так, как в физическом отношении чувствуют себя жители Лиссабона. (В Лиссабоне незадолго до этого произошло сильное землетрясение.) Россияне грешат одной из двух крайностей: одни считают свою нацию слишком передовой, другие – слишком отсталой. Те, которые считают её слишком передовой, высказывают этим своё крайнее презрение к остальной Европе. Те, которые считают её слишком отсталой, являются фанатическими поклонниками Европы. Но те и другие видят только внешность.

И уж никак не мог понравиться российской самодержице прогноз, сделанный Дидро по поводу её собственного царствования. Всякое правление, основанное на произволе, дурно, услышала она. Причём Дидро не делал исключения и для правителя хорошего, твёрдого, справедливого и просвещённого. Ибо такой правитель, размышляя философ, внушит привычку уважать и преданно служить любому правителю, каков бы он ни был. Он отнимет у народа право обсуждать, выражать свои желания или отвергать; право возражать, возражать даже тому, что благо... Он – добрый пастырь, который низводит своих подданных на положение скота, заставляя их забыть о чувстве свободы, которое трудно вернуть, раз оно утеряно; он обеспечивает подданным счастье на десять лет, но за это счастье потомки будут расплачиваться двадцатью веками бедствий.

Доживи Дидро до наших дней, можно предположить, вполне мог бы повторить свои слова. В таких случаях говорят: давно сказано, но как, однако, свежо звучит.

Подобно другим французским философам-материалистам XVIII века, Дидро превозносил значение просвещения. “Образование, – писал он, – придаёт человеку достоинство, да и раб начинает сознавать, что он не рождён для рабства”. Свои мысли о народном образовании по просьбе Екатерины II Дидро изложил в “Плане университета или школы публичного преподавания наук для Российского правительства”, составленном в 1775 году, и в ряде заметок, написанных им во время пребывания в Петербурге (“О школе для молодых девиц”, “Об особом воспитании”, “О публичных школах” и др. Это было рассмотрение широкого круга педагогических проблем. Итогом стал проект государственной системы народного образования на принципах всеобщего обязательного бесплатного начального обучения, открытого всем социальным слоям. Там же предлагалась реформа обучения в учебном заведении общего образования – коллеже. Были изложены идеи гражданского, в духе конституционализма, воспитания учеников. Предлагалось расширить программу естественнонаучного образования и одновременно сократить

объём преподавания древних языков и литературы, Заметим, программа пушкинского Лицея во многом соответствовала этим проектам.

“Уроки французского” императрица слушала внимательно. А вот воплощать рекомендации в жизнь не спешила. Если бы она к Дидро прислушалась, то пришлось бы преобразовать всю империю, заменить (Екатерина употребила более характерное слово “уничтожить”) законодательство, правительство, политику, финансы.

Показательно, что и в одном, и в другом историческом эпизоде изначально возникает монаршая просьба подумать и изложить предложения в форме докладной записки “Об образовании и воспитании”. В обоих случаях результат одинаков. Во времена Екатерины далее разговор продолжился только о литературе, политика же была изгнана из обсуждения. Аналогично поступает и Николай. Понятное дело: не писательское это дело – о политике рассуждать.

Доживи Пушкин до наших дней, можно предположить, вполне мог бы услышать повтор царских слов. И вновь: давно было, но как, однако, свежо звучит.

Пройдёт менее трёх месяцев, и 29 ноября Пушкин получит второе письмо Бенкендорфа, не в пример первому сухое и даже жёсткое:

“Я уверен, впрочем, что вы слишком благомыслящи, чтобы не чувствовать в полной мере столь великодушного к вам монаршего снисхождения и не стремиться учинить себя достойным оно́го”.

Речь шла о том, что Пушкин читал “в некоторых обществах” “сочинённую... вновь трагедию” до её предварительного рассмотрения “его императорским величеством”. Последовавшее ответное извинительное письмо Пушкина: “Действительно, в Москве читал свою трагедию некоторым особам”, но сделал это, “конечно, не из послушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя”, позволяет, как ему кажется, надеяться, что после него всё благополучно разрешится: “всё перемелется и будет мука”. К письму он приложит рукопись своей трагедии, дабы был ясен “дух, в котором она сочинена”. Тогда-то царь и станет её читать.

Но история с чтениями “Бориса Годунова” – лишь первый звоночек пока ещё не заговорившего базами тревожного колокола, который скоро грянет над всемилостивейше выпущенным “на волю” поэтом. Потому что ещё в октябре, почти за месяц до письма Бенкендорфа, царь утвердил решение особой комиссии военного суда о привлечении Пушкина по делу о стихах “На 14 декабря”.

После чего в январе последует вызов к московскому обер-полицмейстеру генералу Шульгину для дачи “письменного показания” по четырём “пунктам”: 1) Им ли сочинены известные стихи, когда и с какой целью они сочинены? 2) Почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъяснённое? 3) Кому от него сии стихи переданы? 4) В случае же отрицательства, неизвестно ли ему, кем оные сочинены?”

“Известные стихи” оказались всё тем же отрывком из “Андрея Шенье”, по поводу которых он уже давал объяснения и самому Николаю (на встрече 8 сентября), и Бенкендорфу. Тогда, в “долгой беседе”, Пушкин как будто всё объяснил насчёт “Андрея Шенье”, и царь вроде бы остался удовлетворён. Но вышло, когда дело дошло до письменных объяснений, что “согласие разговора” было иллюзорным.

Пушкин, повторно признавая своё авторство стихов, вновь заявляет, что так как они были написаны прежде последних мятежей, то “все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря”. Уже поставив подпись и дату под письмом, он сделает приписку:

“Для большей ясности повторяю, что стихи, известные под заглавием: 14 декабря, суть отрывок из элегии, названной мною “Андрей Шенье””.

Пройдёт ещё полгода, и Пушкина вновь затребуют, на этот раз уже к петербургскому обер-полицмейстеру. Всё по тому же вопросу. И опять поэт вынужден повторять ранее сказанное. Потом, спустя ещё пять месяцев, в ноябре 1827 года Пушкин вызван давать суду новое, четвёртое “объяснение”. После чего “дело”, следуя по инстанциям, отправится сперва в Сенат, затем в Государственный совет.

Двухлетнее разбирательство по делу об “известных стихах” всё же завершилось сенатским признанием пушкинского сочинения “соблазнительным и служившим к распространению в неблагонамеренных людях того пагубного

духа, который правительство обнаружило во всём его пространстве”. “За выпуск в публику” стихов, не получивших дозволения цензуры, поэта надлежало предать суду.

Однако Сенат счёл возможным, “избавя его, Пушкина, от суда, обязать подпиской, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам наказания”. По окончательному решению Государственного совета сверх того “по неприличному выражению” Пушкина “в ответах своих на счёт происшествия 14 декабря 1825 года и по духу самого сочинения... иметь за ним в месте его жительства секретный надзор”.

Однако не успело завершиться “унижение”, которое Пушкин, по его словам, испытал, вынужденный дать требуемую подписку, как против него возникает новое, гораздо более угрожающее дело.

На имя петербургского митрополита Серафима поступила жалоба на “некое развратное сочинение под заглавием “Гавриилиада”. В тот самый день, когда царь утвердил решение Госсовета по делу об отрывке из “Андрея Шенье”, он же приказывает создать особую комиссию, которая выносит постановление допросить Пушкина, им ли “писано” “богохульное сочинение”.

“Ты зовёшь меня в Пензу, — писал Пушкин 1 сентября 1828 года Вяземскому, — а того и гляди, что я поеду далее “прямо, прямо на восток”. (Надо ли разъяснять, что он имел в виду — на каторгу, в Сибирь?) И вздыхал: “до Правительства дошла, наконец, “Гавриилиада”.

Новое следствие и новый вызов (в августе 1828 года) к петербургскому военному генерал-губернатору для дачи письменных показаний. Пушкин, который уверенно держался на допросах по делу о стихах “На 14 декабря”, решил изменить тактику — отрёкся от своего авторства поэмы. На первом допросе, потом на втором. И тогда, по требованию Николая I, который внимательно следил за ходом дела, Пушкин в третий раз был вызван к одному из членов особой комиссии, графу П. А. Толстому. Тот огласил царскую резолюцию:

“Сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог Правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем”.

Вмешательство царя ещё больше осложнило и без того трудное положение поэта. Слова “зная лично Пушкина”, как бы снова заочно возобновляли тот допрос-беседу. Что в его ситуации делать? Продолжать отрицать своё авторство? Перестать отрицать? Но это значило бы, что он говорил до сих пор неправду. В критическую минуту принял решение избрать путь “презрения к судьбе”. “По довольном молчании и размышлении”, Пушкин просит разрешения написать письмо в собственные руки царя. Получив согласие, тут же в присутствии графа его написал, запечатал и передал Толстому.

Прочитав переданное ему письмо, Николай I наложил резолюцию: “Мне это дело подробно известно и совершенно кончено”.

Царская резолюция сохранилась. Пушкинское письмо — нет. Но все новейшие исследователи высказывают обоснованное, но гипотетическое предположение, что в нём поэт признался в авторстве “Гавриилиады”. Почему? Кто-то считает, что Пушкин решился на прямой и честный ответ, потому что полный внутреннего достоинства тон, в котором он провёл во время аудиенции в Кремле свой разговор с царём, импонировал Николаю I.

Мне так не кажется. Я исхожу из того, что отправлять Пушкина в ссылку вслед за декабристами царю было не выгодно. А вот сделать выигрышный ход в своей игре “обольщения” поэта, которую он начал в дни коронации, вернуть его из ссылки, было очень даже выгодно. “Закрыв” дело о “Гавриилиаде”, тем самым освободив Пушкина от ожидавшейся им кары — ссылки в Сибирь, — царь ещё больше привязывал поэта к себе незримыми узами благодарности. Они сковывали Пушкина до конца его жизни. Всё, что могло поколебать его иллюзии, он относил на счёт не царя, а его окружения. Потому и говаривал: жалует царь, да не жалует псарь.

Хотя, безусловно, к тому времени надежды Пушкина, возникшие в ходе первой встречи с царём, не могли не пошатнуться. “Необъятная выгода” высочайшей цензуры, стало уже ясно, на деле обернулась куда большей против обычной цензуры преградой на пути к печати. С царём, как известно, не поспоришь, на него апеллировать некому. “Борис Годунов” это подтвердил. Рукопись исторической трагедии, проделав путь от Бенкендорфа к царю, у него

не задержалась. Она проследовала далее, на экспертизу... к Булгарину. Тот дал отзыв, на основе которого Николай I наложил цензорскую резолюцию – знаменитый совет переделать трагедию в “историческую повесть или роман, наподобие Валтера Скотта”.

Ни возражать, ни объясняться Пушкин не счёл нужным. Он вежливо отклонил высочайшее предложение, мотивируя тем, что “не в силах уже переделать... однажды написанное”. Рукопись легла в ящик письменного стола и пролежала там около четырёх лет. А вот Булгарин свой отзыв воплотил в жизнь. В 1830 году он выпустит исторический роман “Димитрий Самозванец”. При этом отечественный Валтер Скотт, пользуясь тем, что “Борис Годунов” всё ещё не опубликован, сделал из него ряд заимствований. Не пропадать же добру!

В конце 1835 года “умнейший человек в России” вынужден будет подытожить: “...Ни один из русских писателей не притеснён более моего”.

Но это ещё не финал пьесы, в которой “...государь посылал за ним фельдъегеря в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею...” У пьесы будет продолжение.

Не забудьте подписаться
на "Наш современник" —
на второе полугодие 2016 года!

Почта России		ф. СП-1									
АБОНЕМЕНТ на		газету	<input type="text"/>								
		журнал	(индекс издания)								
НАШ СОВРЕМЕННИК		Количество комплектов									
На 2016 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Куда		<input type="text"/>	<input type="text"/>								
		(почтовый индекс)	(адрес)								
Кому _____											
Линия отреза											
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	ДОСТАВочНАЯ								
ПВ	место	литер	КАРТОЧКА <input type="text"/>								
На газету		НАШ СОВРЕМЕННИК									
журнал		(наименование издания)									
Стои- мость	подписки	руб.	Количество								
	переадрес.	руб.	комплектов								
На 2016 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	город							
(почтовый индекс)				село							
				область _____							
				район _____							
				улица _____							
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	_____							
дом	корпус	квартира	(фамилия и. о.)								

Подписные индексы журнала
"Наш современник"

По каталогу "Роспечать" на 6 месяцев – 73274

По каталогу "Роспечать" на 12 месяцев – 72336

По каталогу "Почта России" МАП – 12625